

Разрѣши́тельнаѧ моли́тва.

Гдⷭ҇ь на́шъ і҆и҃съ хрⷭ҇то́съ, бж҃е́ственною свое́ю за́повѣдїю, да́нною ст҃ы̑мъ є҆гѡ̀ ᲂу҆чн҃кѡ́мъ и҆ а҆пⷭ҇ѡ́мъ вѧза́ти и҆ рѣши́ти грѣхи̑ человѣ́ческїѧ [рекі́й бо и҆̀мъ: прїими́те дх҃а ст҃а́го, и҆̀мже ѿпꙋ́стите грѣхи̑, ѿпꙋ́стѧтсѧ и҆̀мъ: и҆ и҆̀мже де́ржите, держа́тсѧ: и҆ є҆ли̑ка а҆́ще свѧ́жете и҆ разрѣши́те на землѝ, бꙋ́дꙋтъ свѧ̑зана и҆ разрѣшє́на и҆ на небесѝ], ѿ ѻ҆́нѣхъ же и҆ на ны̀ дрꙋ́гъ дрꙋгопрїима́тельнѡ прише́дшїѧ бл҃года́ти, да́ромъ же и҆ вла́стїю да сотвори́тъ чрезъ менѐ смире́ннаго проще́но и҆ сїѐ по дꙋ́хꙋ ча́до [и҆́мкъ] ѿ всѣ́хъ є҆ли̑ка, ꙗ҆́кѡ человѣ́къ, согрѣшѝ бг҃ꙋ сло́вомъ и҆лѝ дѣ́ломъ, и҆лѝ мы́слїю, и҆ всѣ́ми свои́ми чꙋ́вствы, во́лею и҆лѝ нево́лею, вѣ́дѣнїемъ и҆лѝ невѣ́дѣнїемъ: а҆́ще же по́дъ клѧ́твою и҆лѝ ѿлꙋче́нїемъ а҆рхїере́йскимъ и҆лѝ і҆ере́йскимъ бы́сть, и҆лѝ клѧ́твꙋ ѻ҆тца̀ своегѡ̀ и҆лѝ ма́тере своеѧ̀ наведѐ на сѧ̀, и҆лѝ свое́мꙋ прокла́тїю подпадѐ, и҆лѝ клѧ́твꙋ престꙋпѝ, и҆лѝ и҆ны́ми нѣ́кими грѣхи̑ ꙗ҆́кѡ человѣ́къ свѧза́сѧ: но ѡ҆ всѣ́хъ си́хъ се́рдцемъ сокрꙋше́ннымъ пока́ѧсѧ, и҆ ѿ тѣ́хъ всѣ́хъ вины̀ и҆ ᲂу҆́зъ грѣхо́вныхъ да разрѣши́тъ є҆го̀ [ю҆̀]: є҆ли̑ка же за немо́щь є҆сте́ства забве́нїю предадѐ, и҆ та̑ всѧ̑ да прости́тъ є҆мꙋ̀ [є҆́й] человѣколю́бїѧ ра́ди своегѡ̀, моли́твами пречⷭ҇тыѧ и҆ преблгⷭ҇ове́нныѧ вл҃чцы на́шеѧ бцⷣы и҆ приснодв҃ы мр҃і́и, ст҃ы́хъ сла́вныхъ и҆ всехва́льныхъ а҆пⷭ҇лъ, и҆ всѣ́хъ ст҃ы́хъ.

а҆ми́нь.

STUDIES IN RUSSIAN INTELLECTUAL HISTORY

[14]

Edited
by Modest A. Kolerov

Модест Колеров
Moscow 2018

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

ЕЖЕГОДНИК 2018

[14]

Под ред кцией
М. А. Колеров

Модест Колеров
Москва 2018

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)
С 23

Под редакцией М. А. Колерова

С 23 Исследов ния по истории русской мысли [14]. Ежегодник з 2018 год.
М. : Модест Колеров, 2018. 752 с.
ISBN 978-5-905040-28-3
УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-905040-28-3

СОДЕРЖАНИЕ

Никол ос Хриссидис

Между прощением и индульгенцией: погребальные разрешительные молитвы в России

Обычай перед погребением вкладывать в руки покойного текст разрешительной молитвы известен в России со времен средневековья. Текст молитвы мог меняться даже после появления печатных богослужебных книг. В данной статье анализируется текст разрешительной молитвы, каким он окончательно сложился к XIX в. (и используется по сей день), и производится его сопоставление с *synchōrochartia* (патриаршими разрешительными грамотами) Восточной Православной церкви. Из этого анализа следует, что уже с конца XIX в. (если не раньше) покойников в России хоронили с восточно-православной индульгенцией в руках.

Похороны царя Федора Алексеевича, умершего 27 апреля 1682 г., сопровождались погребальными обрядами, которые провел патриарх Иоаким (в сане патриарха с 1674 по 1690 г.) со всей торжественностью, приличествующей почившему в бозе самодержцу. К концу похоронного обряда, перед тем как тело царя было погребено в Архангельском соборе московского Кремля, патриарх Иоаким вложил в руки усопшему молитву прощения. Вскоре после этого тело было

[Содержание]

доставлено к месту его окончательного упокоения[1]. Последний поступок патриарха отражал древний русский обычай, дававший духовному отцу (или руководителю богослужения) последнюю возможность просить от имени покойного о божественном прощении посредством письменной молитвы. Эти тексты, известные как «разрешительные», «разрешальные» или «прощальные» молитвы[2], включались в рукописные и печатные требники вместе с текстами погребальных служб или сразу же после них[3]. Этот обычай со-

---

1 О преставлении и погребении Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича. С. 211–212.

2 См.: *Брокг уз—Ефрон*. Энциклопедический словарь. Т. 26. Статья «Разрешительная молитва». Обсуждение места разрешительной молитвы в погребальной службе с исторической и с богословской точек зрения см. в: *Прилуцкий*. Частное богослужение. Особ. с. 253–259; *Булг ков*. Настольная книга. Т. 2. С. 1357–1359; *Алм зов*. Тайная исповедь. Т. 2. С. 264–271, 314–318. См. также репродукцию молитвы в том виде, в каком она применяется сейчас в Русской Православной церкви, в приложении Вв конце настоящей статьи.

3 Эта практика отмечается рядом иностранцев. См., например: *Оле рий*. Описание путешествия. С. 294. Олеарий указывает, что разрешительные молитвы покупались: Там же. Далее следует текст молитвы в его изложении: «Мы, NN, епископ и священник здесь в N, исповедуем и свидетельствуем сим, что настоящий N жил у нас как истинный православный христианин. И хотя он иногда и грешил, он все-таки покаялся в своих грехах, получил разрешение и принял св. причастие во оставление грехов. Он правильно чтил Бога и святых его, постился и молился, как следует. Со мной, N, своим духовником, он во всем примирился, так что я вполне простил ему все грехи его. Поэтому мы и дали ему в дорогу этот паспорт, чтобы он мог показать его св. Петру и остальным святым, дабы беспрепятственно быть впущенным в двери радости». Текст Олеария явно не совпадает ни с одной из соответствующих молитв. Однако этот вариант фигурирует в описаниях, составленных некоторыми другими иностранцами. См., например: Посольство Кунраадафан Кленка. С. 142–143 (голландский оригинал); 437 (текст русского перевода). Йоханнес Фабер (Иоганн Фабри, 1478–1541) еще в 1526 г. утверждал, что у московитов есть индульгенции: *Faber*. Moscouitarum religio. без пагинации (выражаю благодарность Джонатану Сейлингу, указавшему мне на это место у Фабера). Алмазов делает предположе-

храняется по сей день, оставаясь характерной чертой погребальных практик в Русской Православной церкви[4].

Вплоть до середины XVII в. текст погребальных разрешительных молитв, вкладывавшихся в руки покойным, существовал в нескольких вариантах[5] и остается неясно, когда именно он сложился в том виде, в котором известен по богослужебным книгам XIX в. Некоторые исследователи утверждают, что это, скорее всего, произошло во второй половине XVII в.[6] Ниже мы получим возможность убе-

---

ние, что Фабер, вероятно, спутал западные индульгенции с русскими разрешительными молитвами. См.: *Алм зов*. Сообщения. С. 40. Фабер никогда не был в России и почерпнул приводимые им сведения от русских послов. Некоторые исследователи отмечают, что Фабер, будучи заклятым врагом протестантизма, сознательно замалчивал некоторые различия между западным католицизмом и восточным православием. На ошибки и преувеличения Фабера указывает Сейлинг, подчеркивая политические мотивы, которыми тот руководствовался, и делая вывод о том, что в описании Фабера московитская религия стала «мечтой контрреформатора, воплощенной в жизнь»: *Seiling*. The Political and Polemical. 666. Ср. также: *Kämpfer*. Herbersteins.

4 А также в некоторых местностях Украины. См.: *Worobec*. Death Ritual. 26.

5 См., например: ГИМ. Синодальное Собрание. № 378 (898): Требник ок. XVI в. Л. 392–393. В «Требник мирской» 1639 г. включена молитва, специально предназначенная для вложения в руки усопшим — как мирянам, так и священникам. В соответствующих указаниях отмечается, что духовный отец должен прочесть разрешительную молитву «втай», а затем вложить ее в руки покойному. См.: Требник мирской. Л. 295 (приведенная там молитва следует этим указаниям и идентична той, которая содержится в: Требник иноческий. Л. 208–209).

6 Ср. комментарии в: *Булг ков*. Начальная книга. Т. 2. С. 1357–1359, и в: *Алм зов*. Тайная исповедь. Т. 2. С. 274. Изучение выбранных наугад требников 1680, 1688, 1697, 1763 и 1785 г. изд. подтверждает, что в них не упоминается обычай вкладывать текст молитвы в руки усопшему. Не исключено, что распространенность этого обычая устраняла необходимость ссылаться на него. С другой стороны, можно предположить, что поскольку эта практика не фигурировала в греческих *euchologia* (требниках), то редакторы вычеркнули упоминания о ней во время литургических реформ середины XVII в. Дискуссию об изменениях, вне-

диться, что такая точка зрения представляется возможной, но ее подтверждение требует тщательного изучения требников, издававшихся с конца XVII по XIX вв. В настоящей статье, оставляя за скобками вопрос о том, когда именно появилась стандартная версия разрешительной молитвы, я внимательно изучу ее содержание и вопрос о происхождении ее текста. Я ставлю перед собой двоякую цель: 1) провести анализ этой молитвы в ее варианте XIX в. (остающемся в употреблении по сей день) и 2) рассмотреть вопрос о прототипе стандартного текста молитвы путем ее сравнения с патриаршими разрешительными грамотами, имевшими хождение в Восточной Православной церкви.

Разрешительная молитва в XIX в.

В требниках XIX в. фигурирует следующий текст разрешительной молитвы:

> Господь наш Иисус Христос, Божественною Своею благодатию, даром же и властию, данною святым Его учеником и апостолом, во еже вязати и решити грехи человеков, рек им: «приимите Духа Святаго, их же отпустите грехи, отпустятся им; их же удержите, удержатся» [Иоанн, 20: 22–23]; «и елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена и на небеси [Матфей, 18: 18]». От онех же и на ны друг друго приимательно пришедшею благодатию, да сотворит чрез мене смиреннаго прощенно и сие по духу чадо (имя) от всех, елика яко человек согреши Богу словом или делом, или мыслию, и всеми своими чувствы, волею или неволею, ведением или неведением. Аще же под клят-

сенных в разрешительные молитвы, и об устранении указаний на них (но речь идет не обязательно о тех молитвах, которые вкладывались в руки мертвым) во время исправления богослужебных книг в середине XVII в. см. в: *С зонов* . У истоков. С. 59–60, 212.

[Содержание]

вою или отлучением архиерейским или иерейским быть, или аще клятву отца своего или матере своея наведе на ся, или своему проклятию подпаде, или клятву преступи, или иными некиими грехи яко человек связася; но о всех сих [грехах] сердцем сокрушенным покаяся, и от тех всех вины и юзы да разрешит [Бог] его (ю); елика же за немощь естества забвению предаде, и та вся да простит ему (ей) [Бог], человеколюбия ради Своего, молитвами Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных и всехвальных апостол, святого (или святой) (имя которого/ой носить умерший) и всех святых. Аминь[7].

Анализ этой молитвы показывает следующее: текст начинается с подчеркивания «власти ключей», т. е. имеющейся у духовенства власти вязать и разрешать грехи верующих. Такова стандартная формулировка, фигурирующая в разрешительных текстах, применяемых в церкви. Впрочем, в середине текста содержится указание на посредническую роль священника. Именно через него грешник получает прощение от Бога, являющегося источником отпущения грехов в последней инстанции. Более того, суть молитвы вращается вокруг обращенной к Богу просьбы духовного отца проявить милосердие и даровать прощение. Это, разумеется, вполне согласуется с традиционным православным пониманием роли священника при отпущении грехов (см. ниже). Однако в этой молитве обращает на себя внимание упор на определенные кано-

7 Вставки в квадратных скобках добавлены автором. См.: *Maltzew.* Begräbniss-Ritus. 132–133; современную копию молитвы, предоставленную о. Александром Лебедевым, см. в приложении В; ее оригинал в печатном виде приобретен в Троице-Сергиевой Лавре в августе 2005 г. (находится во владении автора). Ср.: Rémmisions des péchés. 432–433; Service Book. Ed. Hapgood. 392. Выражаю благодарность о. Александру Лебедеву за предоставленную мне электронную копию разрешительной молитвы в ее современном варианте и за его полезные замечания.

нически аномальные условия, в которых может оказаться покойный — например, такие, как проклятье или анафема. Еще более важно то, что эта молитва просит о прощении всех грехов, в которых человек признается с сердцем, полным раскаяния. Но что интересно, в тексте молитвы ничего не говорится о епитимье или о ее выполнении. Более того, в молитве делается оговорка в отношении грехов, оказавшихся забытыми вследствие немощи человеческого естества. Поэтому данная молитва фактически представляет собой попытку духовного отца в последний момент добиться отпущения грехов покойному, для чего Богу направляется просьба простить усопшему все прегрешения — и те, в которых он сознался, и те, о которых он умолчал. Попросту говоря, священник просит об отпущении всех грехов оптом.

При интерпретации смысла разрешительной молитвы дореволюционные ученые (включая теологов) и священнослужители сталкивались с рядом проблем. Например, и С. В. Булгаков, и К. Никольский пытались доказать, что разрешительная молитва на самом деле не была просьбой о полном отпущении грехов вне зависимости от того, упоминались ли они на исповеди. В частности, Булгаков утверждает следующее: 1) Разрешительная молитва была призвана служить доказательством того, что покойный умер в мире с церковью; 2) Разрешительная молитва обеспечивала отпущение тех грехов, в которых покойный сознался и раскаялся, но за которые он не успел понести наказания; 3) Разрешительная молитва аннулирует все проклятья и анафемы, которые могли быть наложены на покойного[8]. Никольский в своем руководстве по изучению порядка богослужений в Русской церкви выдвигает аналогичные аргументы, но в то же время утверждает, что такая молитва была благом и для грешника, и для благочестивого чело-

[8] *Булг ков*. Настольная книга. Т. 2. С. 1358.

века, поскольку никому не зазорно просить Бога о прощении[9].

Еще до них разбирать теологический смысл той же самой молитвы в ряде случаев был вынужден не кто иной, как митрополит Филарет (1782–1867). Например, в 1859 г. Филарет получил сообщение о различиях между Русской и Греческой Православной церквями, составленное новообращенным из католицизма в православие, неким о. Константином. В этом сообщении обращалось внимание на ряд несоответствий в богослужебных и обрядовых практиках двух братских церквей. В частности, упоминалось о том, что греки отвергают католические индульгенции, но отмечалось, что русские, судя по всему, переняли у католиков эту практику, вкладывая подобные индульгенции в руки усопшим перед их погребением[10]. Это сообщение, должно быть, вызвало у Филарета достаточную обеспокоенность для того, чтобы встретиться с о. Константином и обсудить с ним в первую очередь различия между греками и русскими в том, что касалось перехода в их веру (т. е. требовал ли он повторного крещения или нет). Указав, что нехватка времени не позволяет рассмотреть вопрос об индульгенциях, Филарет вместо этого составил (очевидно, в целях наставления будущих церковных должностных лиц) записку о погребальной разрешительной молитве. В этой записке Филарет решительно отрицает идентичность такой молитвы и индульгенции, вместо этого указывая, что разрешительная молитва служит свидетельством о мире между усопшим и церковью. Кроме того, он утверждает, что такая молитва не может быть индульгенцией, поскольку она может исходить от любого священника, в отличие от индульгенций, выдававшихся одним лишь папой (и в послед-

[9] *Никольский*. Пособие к изучению. С. 715–745 (анализ погребальных обрядов), особ. с. 732–734 (о разрешительной молитве).

[10] Собрание мнений и отзывов Филарета. Дополнительный том (издан в 1887 г.). С. 511–512.

нем случае получатели индульгенций, согласно Филарету, могли грешить и дальше [!])[11]. В том же году, получив еще одно сообщение (его автором был некий архимандрит, в собрании мнений Филарета обозначенный лишь инициалом «А.»), митрополит сочинил объемистый письменный ответ на все положения этого документа. Касаясь вопроса об использовании венчика, который возлагают на лоб усопшему, и вложении ему (или, в данном случае, возможно, ей — Н. Х.) в руки разрешительной молитвы, Филарет утверждал, что та указывает на принадлежность покойного к православию и на то, что он умер «в общении с церковью». Закрывая эту тему, Филарет, явно раздосадованный постоянными сомнениями в оправданности разрешительной молитвы, восклицает: «За что́ же подвергается он сильным нареканиям?»[12].

Несмотря на раздражение Филарета, вопрос о месте разрешительной молитвы в обрядах и ее доктринального значения не был снят с повестки дня. Еще в 1894 г. А. Алмазов разбирал эту проблему в своем объемистом исследовании об исповеди в восточном православии. Занимая более беспристрастную позицию, Алмазов пытался сопоставить находившуюся тогда в употреблении погребальную молитву с разрешительной молитвой, произносимой в конце обряда исповеди. Он справедливо указывал, что если молитва, которой завершается исповедь, дарует прощение тех грехов, в которых человек сознался, то разрешительная молитва представляет собой обращенную к Богу просьбу даровать прощение. По крайней мере, как признает Алмазов, именно таким образом погребальная молитва понималась

[11] Там же. Любопытно, что некоторые исповедальные опросники раннемодерного периода включают в качестве потенциального греха состояние опьянения при чтении молитвы: *Корогодин* . Исповедь. С. 497.

[12] Собрание мнений и отзывов Филарета. Т. 4. С. 397–409, особ. с. 406 (обсуждение погребальных обычаев и цитата). Между прочим, Филарет признает, что устав Православной церкви не предписывает использования венчика: Там же. С. 406.

современными ему комментаторами. Однако, в то же время он идет дальше и указывает, что такое теологическое понимание погребальной молитвы, очевидно, было в ходу и в прежние века. В качестве доказательства этого утверждения Алмазов указывает на то, что и в исповедальных, и в погребальных разрешительных молитвах прежних эпох (судя по всему, речь идет о периоде до XVII в.) священники, отпуская грехи кающимся / усопшим, использовали просительную формулировку (в противоположность утвердительной)[13]. Соответственно, можно считать, что две эти молитвы даруют и гарантируют прощение в противоположность одной лишь просьбе о нем. Более того, в некоторых требниках задача прочтения погребальной молитвы возлагается конкретно на духовного отца усопшего, и это, согласно Алмазову, усиливает ее разрешительный характер. Наконец, Алмазов указывает и на то, что если анафема как в прошлом, так и в настоящем могла быть снята посмертно, то погребальную молитву можно понимать и как гарантию устранения подобных канонических запретов[14].

Таким образом, представляется, что некоторые исследователи и представители духовенства дореволюционного периода понимали разрешительную молитву двояко: 1) как дарующую отпущение грехов, в которых человек покаялся, но которые он не до конца искупил через епитимью; и 2) как снимающую любые проклятья и отлучения, а следовательно, обеспечивающую примирение с религиозной общиной. Однако, в противоположность вышесказанному, следует отметить, что текст молитвы не содержит никаких явных указаний на предоставление отпущения грехов. Вместо этого в нем фигурируют только обращенные к Богу просьбы даровать про-

13 О появлении в некоторых православных требниках XVII в. утвердительной формулировки «Отпускаю тебе грехи», несущей на себе отпечаток латинского влияния, см.: *Kraienhorst*. Buß- und Beichtordnungen. 302–382, особ. 342–347.

14 *Алм зов*. Тайная исповедь. Т. 2. С. 314–317.

щение. И потому странно утверждать, что разрешительная молитва обеспечивает прощение в случае проклятья или анафемы, но не обеспечивает его в том случае, если у покойного остались грехи, в которых он не исповедовался вследствие забывчивости или какого-либо иного изъяна человеческой натуры. Попросту говоря, судя по регулярным попыткам теологов XIX и начала XX в. объяснить эти очевидные противоречия, теологические обоснования погребальной разрешительной молитвы оставались весьма непрочными.

Для того, чтобы приблизиться к смыслу разрешительной молитвы, возможно, было бы полезно изучить ее текстуальные корни. Если текст разрешительной молитвы приобрел стандартный облик — судя по всему, это случилось где-то между концом XVII в. и началом XIX в. — то на какой образец ориентировались эти изменения? С тем чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к иному источнику, а именно к так называемым *synchōrochartia* (разрешительным грамотам) для живых, выдававшимся патриархами Восточной Православной церкви в период раннего модерна.

Разрешительные грамоты для живых

Существует много указаний на то, что грамоты об отпущении грехов, выдававшиеся православными иерархами, были весьма популярны в восточном православном мире начиная с XVI в.[15] Более того, представляется, что

[15] О *synchōrochartia* на православном Востоке см.: *Брокг уз—Ефрон*. Энциклопедический словарь. Т. 13. Статья «Индульгенция»; Enkyklopaidikon Lexikon Eletheroudakē. Т. 11, статья “synchōrētērios-ia-on”; *Iliou*. Synchōrochartia I. 35–84; *Iliou*. Synchōrochartia II. 3–44; *Danova*. Indulgentsite. 43–50; *Лих чев*. О разрешительных грамотах восточных патриархов. С. 77–99; *В. Б.* О разрешительных грамотах. С. 162–163; *Loda*. Le indulgenze. 73–99; *Vasil*. Le indulgenze. Folia Canonica. 53–71; *Vasil*. Leindulgenze. La Civiltà Cattolica. 451–462; *Senyk*. Ritesand Charters

эта практика, зародившаяся у греков в конце XV — начале XVI в., постепенно прижилась в Сербии, на Украине, в Белоруссии и, особенно после Смутного времени, в России[16]. Эти документы назывались по-разному, но чаще всего для них использовались наименования *synchōrochartia* или *synchōrētēria* («документы [букв. бумаги] о прощении»; ед. число *synchōrocharti*) по-гречески и «разрешительные грамоты» или «разрещальные грамоты» по-русски. Их получали как живые люди, так и от имени покойных. В последнем случае речь шла о получении членами семьи прощения для своих родственников, умерших под проклятьем, наложенным на них священником, или в состоянии отлучения от церкви.

До того, как такие рукописные грамоты сменились печатными, их текст существовал в различных вариантах. Однако он стандартизировался после того, как грамоты стали издаваться типографским способом[17].Ниже приводится образец стандартной печатной грамоты, изданной иерусалимским патриархом Досифеем (в сане патриарха в 1669–1707 гг.) в XVII в.:

> Наша смиренность, Благодатью, даром и властью Всесвятого и Животворящего Духа, переданной нашим Спасите-

of Remission. 426–440; *Nikas.* Iprimitentativi dilatinizzazione dei Greci di Napoli.

16 *Iliou*. SynchōrochartiaI. Имеются указания на то, что подобные грамоты были известны в России еще в конце XV в. См.: *Кобеко*. Разрешительные грамоты. С. 270–279.

17 Согласно *Iliou*. Synchōrochartia I. 42–43, вскоре после того, как в начале XVII в. появились первые печатные варианты этих документов, у иерусалимских патриархов стало обычной практикой издавать их для живых, а у константинопольских патриархов (к началу XIX в.) — для мертвых. Однако, как отмечает Илиу (Ibid. 49–50), два других патриарха — антиохийский и александрийский — тоже издавали свои собственные рукописные и печатные разрешительные грамоты для живых, о чем свидетельствует пример антиохийского патриарха Макария (см. ниже): *Iliou*. Synchōrochartia II. 3–4.

лем Иисусом Христом Его Божественным и Посвященным Святым Ученикам и Апостолам, с тем, чтобы они вязали и разрешали грехи человеческие, ибо сказано им: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» [Иоанн, 20: 22–23]. Также и «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» [Матфей, 18:18]. И в силу того, что эта божественная Благодать перешла от них к нам одному за другим, мы полагаем прощенным [*echomensynkechōrēmenon*] наше духовное чадо [имя] во всех его/ее грехах, совершенных им/ею, будучи человеком, и прегрешившим/ей перед лицом Господним словом, делом или мыслью, добровольно или недобровольно, всеми своими чувствами, и если на него/ее наложено проклятье или отлучение архиепископа или священника, или его/ее матери или отца, или если он/она подпал/а под собственную анафему, или если он/она нарушил/а клятву, или если в различное время он/она, будучи человеком, проколен/а был/а иными грехами и покаялся/лась в этих [грехах] своим духовным отцам, и принял/а своим сердцем [наложенную ими] епитимью и ревностно старался/лась выполнить ее. Посему мы освобождаем его/ее от вины и уз всех этих [грехов] и объявляем его/ее свободным/ой и прощенным/ой [*eleutheronechomen kai synkechōrēmenon*] всемогущей властью и милостью Божественного и чтимого Духа. И если он/она в чем-то не сознался/лась вследствие забывчивости, да простит его/ее милостивый Господь за все это в Своем человеколюбии [букв. *“philantropian”*]. По заступничеству Нашей Всеблагой Госпожи Богородицы и Приснодевы Марии и Святого Славного и Достохвального Апостола Иакова *Adelphpotheos* [Брата Божьего] и первого иерарха Иерусалимского, и всех Святых. Аминь[18].

---

[18] Мой перевод одной из разрешительных грамот патриарха Досифея, греческий текст которой содержится в: *Iliou*. Synchōrochartia. I. 64 (на p. 65 см. репродукцию самой индульгенции). Вставки в квадратных

Краткий анализ этой грамоты приводит нас к следующим выводам. Несмотря на то, что она начинается с традиционного уничижительного «Наша смиренность», тот, от чьего лица выдана грамота, сразу же заявляет о своем праве на власть ключей, ссылаясь на апостольскую преемственность и на соответствующие места из Библии. Во-вторых, в грамоте проводится различие между теми грехами, в которых согрешивший исповедовался, и теми, в которых он не исповедовался; первые ему прощаются, но окончательное отпущение вторых оставляется на усмотрение Бога. Это различие отражает принятое в восточном православии понимание отпущения грехов как Господнего дара, получаемого в присутствии духовного отца как свидетеля[19]. В-третьих, обращает на себя внимание то, что в грамоте особо упоминаются некоторые канонические запреты (анафема или отлучение, проклятье [наложенное родителями, священником или самим проклинаемым], клятва и ее нарушение). Во всех этих случаях отдельный верующий подвергается риску быть изолированным от семьи и общины и в конечном счете стать изгоем в глазах Бога и людей. В целом можно заключить, что *synchōrochartia* служили для отдельного верующего своего рода страховкой перед лицом различных жизненных превратностей, возможной внезапной смерти, а также непредсказуемости спасения в посмертной жизни[20].

скобках добавлены мной. Следует отметить, что вместо «он/она» в греческом тексте используется слово среднего рода *teknon* («чадо»), употребляемое в выражении «духовное чадо» (*kata pneuma teknon*). Образцы греческих текстов разрешительных грамот, практически идентичных переведенной здесь и содержащихся в рукописном или печатном виде в греческих *euchologia* или *nomokanones* XVII в. см., в: *Алмазов*. Тайная исповедь. Т. 3. Приложение к т. 2. Ч. 3. С. 76–77.

[19] См., например: *Hall*. A View from the Foothills. 120–132.

[20] Вышеизложенное представляет собой краткое резюме более обширной дискуссии о разрешительных грамотах патриархов Восточной Православной церкви, которой будет посвящено мое отдельное исследова-

Если таково было предназначение этих грамот, то встает вопрос о том, насколько они соответствовали общим традициям отпущения грехов в Восточной Православной церкви. Как неоднократно отмечали исследователи, Православная церковь в своей искупительной практике по сравнению с Католической церковью уделяла меньшее внимание формальному исполнению епитимий, делая больший упор на готовности кающегося понести наказание[21]. Православные грамоты об отпущении грехов, несомненно, отражают эту традицию. По этой причине они содержат многие лексические и понятийные элементы, встречающиеся в иных православных литургических текстах и молитвах, включая используемые при обрядах исповеди и погребения, когда священнослужители играют роль посредников при получении прощения[22].

Тем не менее, несмотря на широкое хождение в мире восточного православия, *synchōrochartia* так и не получили существенного теологического обоснования. Следует отметить, что Константинопольский собор в 1727 г. официально

ние, носящее рабочее название «Орудие грешников и православных иерархов: использование индульгенций в восточном православии».

[21] См., среди прочих работ: *Angelopoulos*. Hē Metanoia; *Androutsos*. Dogmatikē. 376–389; *Rhallēs*. Peritōnmystēriōn; *Amato*. Il sacramento della penitenza; *Chryssavgis*. Repentance and Confession; *Алм зов*. Тайная исповедь; *Hall*. A View from the Foothills; *Pomazansky*. Orthodox Dogmatic Theology, особ. 286–294; *Смирнов*. Древне-русский духовник; *Kraienhorst*. Buß- und Beichtordnungen; Об епитимиях и так называемых индульгенциях. С. 406–441; О каноническом праве см.: *Levin*. Sex and Society, особ. введение; *Kaiser*. Growth of the Law, особ. ch. 2; *П влов*. Номоканон при Большом Требнике.

[22] *Iliou*. Synchōrochartia. I. 39. Разрешительные молитвы, используемые в русском обряде исповеди, см.: Service Book. Ed. Hapgood, 228; ср.: Требник. Jordanville, 1961. Ч. 1. С. 39v — 40; King. Rites and Ceremonies, 226 (молитва, сопровождающая обряд исповеди). Молитвы на греческом см. в: Mikron Euchologion. 150–151 (молитва, сопровождающая обряд исповеди). Большое число молитв на греческом и церковнославянском, связанных с обрядом исповеди, см. в: *Алм зов*. Тайная исповедь. Т. 3. Приложение к Т. 2. Ч. 2.

признал *synchōrochartia* в качестве уместного и оправданного эквивалента папских индульгенций, но так и не разъяснил их теологической и религиозной пользы посредством ссылок на традицию их использования[23]. (Далее вместо *synchōrochartia* мы будем говорить о «православных индульгенциях».) Эту задачу в значительной степени выполнили два теолога XVII в., иерусалимский патриарх Досифей и монах Николаос Курсулас (ок. 1602–1652)[24]. Досифей в написанной им истории иерусалимского патриаршества посвятил целую главу дискуссии о папских индульгенциях. В ней он подверг критике и претензии пап на исключительное право выдачи индульгенций, и основные теологические позиции латинян, на которые опиралась эта практика. В частности, Досифей нападал на учения о сокровищнице благодати и о заместительном искупительном удовлетворении и пытался показать, что латинские теологи сами не могут прийти к согласию по ряду важных позиций.

23 Собор вынес следующее решение: «Мы исповедуем, что Святой Церковью от Христа получено право давать отпущение грехов, каковое, будучи выдано благочестивым в письменном виде, в Восточной Церкви Христа называется *synchōrochartia*, а у латинян зовется индульгенциями (*indoulnketzas*), и что применение оных есть одно из наиболее спасительных прибежищ. [Мы исповедуем,] что эти *synchōrochartia* выдаются во всей Кафолической Церкви четырьмя святейшими патриархами — Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским. [Мы признаем,] что они выдаются умеренно и с духовной укоризной, тому и тогда, когда это уместно, точно таким образом, которому следует в таких делах Восточная Церковь, а не на манер латинян, каковой привел к бесчисленным вольностям и злоупотреблениям, от коих воспоследовали памятные всем горести в Западной Церкви. И утверждения о том, что один лишь Папа обладал единоличной властью выдавать таковые [разрешительные грамоты], суть очевидная ложь и плод нелепых латинских новшеств». Цит. по: *Karmirēs.* Ta dogmatika kai symvolika mnēmeia. 2. 867–868.

24 Здесь приводится только краткое резюме их взглядов, с акцентом конкретно на функцию индульгенций. Более подробно см.: *Chrissidis.* Weapons of the Sinful and of Orthodox Hierarchs. О патриархе Досифее см: *Dura*. Ho Dositheos Hierosolymōn; *Podskalsky*. Griechische Theologie. passim. О Курсуласе см.: *Podskalsky.* Griechische Theologie. 242–244.

В заключительном разделе главы о папских индульгенциях Досифей резюмирует пять моментов, к которым, по его мнению, сводилась восточная теология индульгенций:

1. Не только папа, но и все патриархи, епископы и духовные отцы обладают властью ключей и, следовательно, могут давать отпущение грехов.
2. Источником спасения в конечном счете была понесенная Христом жертва, а не какая-либо мнимая сокровищница благодати.
3. Поскольку патриархи в «некоем необычайном смысле» являются наследниками апостолов, то они вправе выдавать *synchōrochartia* не только тем, кто исповедовался лично патриархам, но и любому верующему.
4. Патриаршая разрешительная грамота — не второе отпущение грехов (дополняющее полученное от духовника), а скорее более официальное свидетельство о покаянии, выдаваемое в качестве назидания другим посредством напоминания о грехах (иными словами, это свидетельство призвано напоминать о греховном поведении, за которое было получено прощение). Такая грамота аннулирует любые положенные епитимьи, особенно «в тех случаях, когда они не были выполнены», но предполагает истинное покаяние.
5. Восточная церковь признает «удовлетворение» от епитимьи, но не в том смысле, который кладется в основу учения о чистилище[25].

Досифей был явно хорошо знаком с западной теологией индульгенций, но не был согласен с некоторыми ее элементами. С его точки зрения суть вопроса сводилась к двум

[25] См.: *Dositheos*. Historia. Кн. 9. Гл. 12. С. 80–111, особ. с. 102–103 (об удовлетворении: Досифей подчеркивает его медицинско-терапевтическую ценность в противоположность его ценности как наказания) и с. 109–111 (заключительные замечания, в которых резюмируется православное учение о synchōrochartia). Образцы православной критики учения об удовлетворении см., например, в: Об епитимиях и так называемых индульгенциях; *Androutsos*. Dogmatikē. 387–389.

моментам: отрицанию исключительной папской прерогативы на выдачу индульгенций и отрицанию временного наказания в виде епитимьи в тех случаях, когда грешник выказывал истинное раскаяние. Таким образом, согласно Досифею, православные индульгенции представляли собой публичные свидетельства о покаянии, отпускавшие кающемуся его грехи и устранявшие необходимость в несении епитимьи[26].

Аналогичных взглядов придерживался и Курсулас. Будучи выпускником римской Греческой Коллегии (Collegio Greco), он находился под сильным влиянием латинской теологии. Давая подробное теологическое объяснение концепции удовлетворения, Курсулас упоминает, что за требованием о получении подобных православных индульгенций стояло желание обратиться обжалованием (*enstatikōs*) к высшей церковной инстанции, и делает уверенный вывод о том, что патриаршие индульгенции аннулируют какую-либо каноническую епитимью. Но в то же время он добавляет, что кающемуся лучше бы все равно постараться выполнить епитимью, так как это поможет ему уберечься от нового впадения в тот же грех[27].

В Восточной церкви s*ynchōrochartia* служили для живых официальным подтверждением покаяния и помогали им избежать епитимьи. Эти грамоты, возможно, использова-

[26] В этом контексте показательны представления Досифея о чистилище: в молодые годы Досифей как будто бы в некотором смысле признавал искупительное наказание пребыванием в чистилище после смерти. Впоследствии, особенно после 1690-х гг., он изменил свою позицию и отрицал существование такого наказания. Кроме того, он отрицал и существование какого-либо различия между виной и временным наказанием. Так, он полагал, что если первая прощена, то тем самым отменяется и последнее, что устраняет необходимость в удовлетворении в западном смысле. См.: *Ware*. Eustratius Argenti. 150–151; *Karmirēs*. Hēhomologiatēs orthodoxoupisteōs.

[27] *Koursoulas*. Synopsistēs Hieras Theologias. 2. 425–426. Теология Курсуласа оставалась неопубликованной в период раннего модерна, но была весьма популярна в рукописном виде в XVII–XIX вв. См.: *Iliou*. Synchōrochartia I. 40. n9.

[Содержание]

лись также в качестве гарантии на тот случай, если неожиданная смерть помешает исполнению епитимьи. Но что, если человек, не получивший такого формального свидетельства об отпущении грехов, умирал, не успев исповедоваться или, хуже того, в состоянии канонического отлучения? Этот вопрос мы и рассмотрим далее.

Индульгенции для мертвых: случай греческого православного Востока

Имеются лишь отдельные указания на то, что у греков существовала практика вкладывать в руки мертвым письменные молитвы, сопоставимая с соответствующим обычаем в России[28]. Однако греки просили о посмертном отпущении грехов своим усопшим родственникам. Они адресовали все подобные просьбы константинопольскому патриарху, который в ответ выдавал объемистые синодальные разрешительные грамоты. Как и в случае разрешительных грамот для живых, индульгенция для мертвых приобрела стандартный вид после того, как ее стали печатать большими тиражами (в данном случае

[28] Например, nomokanōn Мануила Малаксоса включает образец молитвы, которую писал духовник с тем, чтобы вложить ее в руку усопшему «ради страха перед небесными telōnia [т.е. «мытарствами», в которых демоны допрашивали душу]»; см.: Nomokanōn Manouēl Notariou, 462. Но судя по всему, у греков эта практика не прижилась. Собственно говоря, соответствующий текст редко встречается в euchologia периода раннего модерна. См.: *Алм зов*. Тайная исповедь. Т. 2. С. 253–254. С другой стороны, имеются указания на то, что аналогичную роль могли выполнять патриаршие индульгенции для живых. См. примечания в: *Iliou*. Synchōrochartia. I. 42, особ. 42, Сн.14. Во второй половине XX в. известен по крайней мере один случай, когда synchōrocharti была положена на рот умершей женщине перед ее погребением; она приобрела эту индульгенцию во время паломничества в Иерусалим в 1950-е гг. (сообщение проф. Антониса Лиакоса, Афинский университет, Греция, август 2006 г.).

это произошло в начале XIX в.). Далее приводится образец такой грамоты.

> Наша Смиренность, сомолитвенно со Святейшими и Благословеннейшими Патриархами, любезными в Святом Духе и возлюбленнейшими братьями и собогослужителями, а также со священнейшими собратьями Архииерархами и Достославными, божественной благодатью и властью Наисвятейшего, Животворящего и Тайнопредседательствующего (*teletarchikou*) Духа, [каковая власть была] передана нашим Господом, Богом и Спасителем Иисусом Христом его божественным и святым Ученикам и Апостолам, с тем, чтобы они вязали и разрешали грехи человеческие, ибо сказано им: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» [Иоанн, 20: 22–23]. Также и «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» [Матфей, 18:18]. И в силу того, что эта божественная и неиссякающая Благодать перешла от них к нам одному за другим, мы полагаем прощенными [имя/имена] и получившими отпущение всех духовных и телесных грехов в настоящем и в грядущем, во всем, в чем они, будучи людьми, согрешили и оступились перед лицом Господа словом, делом или мыслью, добровольно или недобровольно, умышленно или неумышленно, явно или тайно (*aphanōs*) и всеми своими чувствами. И если на них наложено проклятье их Матери или Отца, или если они подпали под собственную анафему, или дали клятву и нарушили ее, или дали ложную клятву, или когда-либо подпадали под Церковное проклятье и отлучение, наложенное Священником, Архииерархом или Патриархом по какой бы то ни было причине, и, вследствие медлительности, не получили прощения, или если они ожесточили кого-либо из духовенства словом или делом, и оным были наложены на них неразрешимые узы, или если их язык опережал их разум и они сказали и облекли в слова то, чего не должны были говорить,

или если они не шли по жизни в соответствии с Господней волей и своей христианской верой, но сбились с пути и совершали неправедные публичные поступки (*epoliteusanto*), или если они преступали и нарушали его Божественные заповеди и установления закона, или если они были обуяны гордыней и в своих решениях выходили за положенные им пределы, и воображали о себе слишком многое, сделав своей второй натурой тайные подсказки мстительного духа (*physiothentes hypovolaistou alastoros*), или если на них распространялось действие письменных Церковных свидетельств о епитимье, выданных в то или иное время и по различным разумным причинам, и, следовательно, на них были наложены узы епитимьи, или если они когда-либо лгали устами и губами по причине низменной любви к наживе или по какой-либо иной причине, или, неся в себе злобу, прониклись неистовым гневом к кому-либо и сумели причинить этому лицу вред и ущерб, или если вследствие своей алчности и ожесточенности души они не давали подаяния бедным, или, будучи расслабленными вследствие безразличия (*akēdeia*), пренебрегали молитвами и установленными обрядами Церкви, или не соблюдали поста, хотя и [не страдали] от телесных недугов, или не соблюдали выходных дней [и работали в эти дни], или запятнали красу своих душ и загрязнили божественно сотканное облачение божественного Крещения нелепыми воспоминаниями, мыслями и жестами, неуместными при их христианской вере, или были причастны к колдовству, плутовству и дьявольским песнопениям, или не подчинялись своим духовным отцам, не уважали того и преступали то, что обещали соблюдать, или же в то или иное время, в том или ином месте или тем или иным образом на протяжении своей жизни так или иначе проколены были иными прегрешениями, связанными со страстями, и совершали иные проступки, и оступались так, как это свойственно людям, и, покаявшись во всех этих вещах, сознались во всем своим духовным отцам и всем сердцем приняли наложенную на них епити-

мью и ревностно старались ее исполнить, но не сумели понести [епитимью полностью], ибо были похищены судьбой [т. е. смертью] и потому не получили прощения. Посему мы освобождаем их от вины и уз всех этих, известных и неизвестных им грехов и проступков, и считаем их свободными и возвращаем им прощение даром, всемогущей властью и милостью Святейшего и чтимого Духа. И если вследствие забывчивости или каких-либо иных человеческих слабостей они не сознались в каких-то вещах, да простит их милостивый и человеколюбивый Бог в своей любви к людям и непревзойденной благости. Да будет победоносным, Повелитель, всемилостивый Господь Иисус Христос, наш Бог, твое неизмеримое милосердие и твое несравненное человеколюбие и да не оставишь Ты сотворенных тобой самим, дабы их не поглотила погибель. Да услышь нас, твоих грешных ходатаев, просящих от имени тех, твоих слуг, погрузившихся в сон [имена], и разреши их от всех духовных и телесных уз, кои каким-либо образом гнетут их. И прости им сострадательно все, что они сделали дурного и неразумного, милосердно и человеколюбиво забыв все это в твоей несказанной милости и в изобилии твоей благости. Помести бездну твоих милостей против множества их грехов. И сотри все их беззаконные деяния. Ибо ты обладаешь обилием источников милости, морем сочувствия и бездной сострадания. И избавь их от вечного наказания, и сделай их достойными пребывать в царстве твоем и стоять одесную от тебя. И разойми их тела на то, из чего они были сделаны, и дозволь им обратиться в прах. Ибо тобою сказано, Господи, «Прах ты и в прах возвратишься». И впусти их души в землю живых и в дома праведных, и сочти их вместе с избранными тобой, там, где свет от лица Твоего хранит всех твоих святых всех времен и угоден им. Да будешь ты склонен состраданием и нашими жаркими мольбами и просьбами, кои мы поставлены возносить без колебания ради наших грехов и ради невежества мирян, избавленных от проклятья закона твоей досточтимой и неоскверненной

кровью. О, человеколюбивый и всемилостивый Господь, по заступничеству и ходатайству твоей Целомудренной матери, Нашей Госпожи Богородицы и Приснодевы Марии, досточтимого и славного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, Святых, Славных и Достохвальных Божественных Посланников и духоносных Апостолов и всех святых, угодных тебе с начала времен. Аминь.

[Дата. Подписи][29].

Вышеприведенный текст обладает рядом определенных сходств с православными индульгенциями для живых. Во-первых, он содержит решительное утверждение права на власть ключей и отпускает мертвым все грехи, в которых они сознались и за которые понесли епитимью. Аналогичным образом он предполагает искренность и истинное покаяние на исповеди, а также готовность верующего исполнить епитимью при своей жизни. Однако очевидно и то, что этот текст заметно отличается от разрешительных грамот для живых. В первую очередь, он более обширен и не сводится к простой констатации отпущения всех грехов, совершенных словом, делом или мыслью, а включает перечисление всевозможных нарушений церковных заповедей. Во-вторых, заметно, что, несмотря на утверждение права на власть ключей и обещание отпущения грехов патриархом, эта грамота составлена в более просительном тоне. По сути, последняя треть текста отличается прямыми просьбами о прощении, обращенными к Богу от имени мертвого. Тем не менее текст грамоты не содержит никаких ссылок на мстительность Бога, вместо этого подчеркивая его щедрость и милосердие. Можно отметить, что слово «милость» и его производные многократно встречаются по всему тексту. В этом смысле, как и в случае индульгенций для живых, патриаршие разрешительные грамоты для мертвых тоже отражают свойственный православию упор

[29] *Iliou*. Synchōrochartia I. 65–69.

на свойственные Богу благосклонность и великодушие. Вместе с тем, в силу того факта, что лишь константинопольский патриарх был вправе выдавать индульгенции для мертвых, эти грамоты подтверждают полномочия патриарха как верховного посредника, возносящего к Богу мольбы от имени усопших членов своей паствы[30].

Эти грамоты почти никогда не становились объектом теологических дискуссий в современном греческом богословии[31]. Ни Досифей, ни Курсулас не затрагивают конкретно данную тему, и потому их точка зрения по этому вопросу, если таковая у них имелась, нам неизвестна. Однако, с учетом того, что данные тексты содержат посмертное отпущение грехов, в которых согрешивший покаялся и за которые была назначена епитимья, представляется, что эти грамоты могут быть с полным на то основанием названы восточно-православными индульгенциями для мертвых[32]. Но поскольку кодификация этих текстов произошла значительно позже, в начале XIX в., было бы разумным предположить, что они не оказали влияния на текст русской разрешительной молитвы. В любом случае, реальный текст последней носит более очевидное сходство с патриаршими индульгенциями для живых — и своим объемом, и, что важнее, своим содержанием. К этому вопросу мы и обратимся в следующем разделе.

---

30 Здесь следует добавить, что значительная часть данного текста восходит к молитве о снятии всяких проклятий и отлучений, присутствующей в греческих euchologia. Это сходство, по-видимому, указывает на изначальную функцию таких грамот: поначалу они выдавались от имени умерших, находившихся под отлучением. Соответственно, на их родственников ложилась обязанность добиться для них посмертного прощения.

31 Следует подчеркнуть, что индульгенции для мертвых стремились охватить, помимо отлучения, множество других потенциальных канонических прегрешений. Дискуссию об отлучении в частности см. в: *Michaēlares*. Aphorismos.

32 На это указывается и в: *Iliou*. Synchōrochartia I.

[Содержание]

Сопоставление разрешительной молитвы с *synchōrocharti* для живых

Сравнение распространенной в России разрешительной молитвы для мертвых и восточно-православной *synchōrocharti* для живых приводит нас к следующим наблюдениям (см. приложение А, где подчеркиванием выделены текстуально сходные места в обоих текстах): обе молитвы в первую очередь представляют собой последнюю попытку со стороны духовного отца добиться от Бога прощения. Православная индульгенция для живых гарантирует немедленное отпущение всех грехов, в которых покаялся грешник, пусть даже он не до конца исполнил наложенную на него епитимью. Русская молитва выдержана в тоне просьбы; в ней содержится как решительная уверенность в отпущении некоторых грехов, так и надежда на то, что другие тоже будут отпущены.

Однако вместе с тем существует ряд поразительно сходных черт между русской молитвой о прощении для мертвых и патриаршей индульгенцией для живых:

1. Оба текста начинаются с решительного утверждения «власти ключей».
2. В обоих текстах подчеркиваются канонически аномальные ситуации, оказывающие сильное влияние на положение конкретного лица по отношению к христианской общине (понимаемой как охватывающей и живых, и мертвых) и перед Богом.
3. Оба текста подчеркивают значение истинного раскаяния на исповеди.
4. В обоих текстах к Богу обращается просьба даровать отпущение даже тех грехов, в которых согрешивший не раскаялся вследствие забывчивости, связанной с человеческой слабостью.

Протоиерей Кл. Фоменко уже в 1900 г. подверг анализу то, что он называл «разрешительными богослужениями»,

проводившимися по просьбе паломников в иерусалимской церкви Гроба Господня. Согласно Фоменко, эти богослужения, проводившиеся греческими епископами, включали чтение «разрешительной молитвы» над головой верующего. От одного из паломников Фоменко получил такую печатную молитву, изданную иерусалимским патриархом Никодимом в 1890 г. Эта печатная молитва напомнила Фоменко антиминс, причем сам текст занимал на ней то место, которое на антиминсе обычно занимает изображение положения Христа во гроб. С русским переводом текста были сопряжены свои проблемы, как отмечал Фоменко, цитируя его дословно. Наиболее важно, по его словам, было то, что этот текст соответствовал тексту разрешительной молитвы, вкладываемой в руки усопшим во время похорон в России. Таким образом, эта молитва имела нерусское происхождение, будучи переводом греческой молитвы. Наконец, Фоменко выражал озабоченность потенциально неверной интерпретацией разрешительных богослужений[33]. Сходство между обеими молитвами отмечал и о. Василий Прилуцкий. В своем углубленном исследовании некоторых обрядов Русской Православной церкви в XVI и начале XVII в. Прилуцкий вслед за Фоменко делал предположение о греческом происхождении (согласно его выражению: «восточного происхождения») погребальной разрешительной молитвы[34].

Вышеприведенное сопоставление подтверждает точку зрения Фоменко. Таким образом, несомненно то, что текст разрешительной молитвы, вкладываемый в России в руки мертвым по крайней мере с конца XIX в. (если не с более раннего времени), по сути представляет собой почти буквальный перевод текста восточно-православной *synchōrocharti* для живых. Форма погребальной разреши-

33 *Фоменко*. Заметка (написанная на основе опыта его паломничества в Святую землю).

34 *Прилуцкий*. Частное богослужение. С. 254. Прим. 3.

тельной молитвы, сложившаяся в XIX в., в текстуальном плане, несомненно, намного ближе к *synchōrocharti* для живых, чем, например, к аналогичным разрешительным молитвам из русских требников, составленных до середины XVII в.[35]

В связи с этим встает вопрос о том, по какой причине Русская Православная церковь позаимствовала конкретно именно этот греческий текст. Исходя из предположения, что это заимствование произошло где-то между второй половиной XVII в. (как указывают некоторые исследователи) и началом XIX в., я склонен считать, что это заимствование было обусловлено *не менее чем* двумя обстоятельствами: 1) широкой популярностью патриарших индульгенций среди православного славянства в период раннего модерна; и 2) постепенного укоренения при русском царском дворе обычая принимать индульгенции от странствующих греческих православных патриархов. Рассмотрим каждый из этих факторов по очереди[36].

Патриаршие индульгенции приобрели популярность в славянских общинах на Балканах начиная с XVI в., а на Украине и в Белоруссии, несомненно, к началу XVII в., если не раньше. Что касается России, то, как полагает один исследователь, подобные грамоты, судя по всему,

---

[35] В том, что касается погребальных разрешительных молитв, использовавшихся до середины XVII в., Прилуцкий разделяет их на два типа: подлежащие прочтению над гробом и подлежащие прочтению над телом покойного, а затем вкладываемые ему в руки перед погребением. Однако на практике, по-видимому, существовало намного больше вариантов, так как во многих случаях в руки мертвым предписывалось вкладывать молитвы первого типа. Далее Прилуцкий выделяет во втором типе два главных варианта молитв и говорит еще о трех второстепенных вариантах. См.: *Прилуцкий*. Частное богослужение. С. 248–263. Как указывалось выше, Прилуцкий отрицал русское происхождение погребальной разрешительной молитвы второго типа.

[36] Третьим и потенциально важным фактором могла быть предпринятая Никоном реформа богослужебных книг. Я собираюсь рассмотреть этот вопрос в отдельном исследовании.

не получили здесь широкого распространения, и свидетельства современников подтверждают эту точку зрения[37]. Например, Юрий Крижанич (хорватский путешественник и мыслитель) в середине XVII в. сетовал на то, бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателарий продавал индульгенции знатным людям (*nobilibus per Russiam*), печатая их в Киеве на *lingua Russiaca* без какого-либо упоминания об исповеди и покаянии. Далее он отмечал, что несчастные души, получавшие эти грамоты, относились к ним как к великим сокровищам и требовали, чтобы эти индульгенции клали им в могилу. Кроме того, он сообщал об одном митрополите, постоянно рекламировавшем разрешительные грамоты состоятельным людям. Убедив какого-либо зажиточного человека приобрести такую грамоту, продолжает Крижанич, митрополит шел к нему домой, окроплял его жилище святой водой и читал над ним разрешительную грамоту без какой-либо предварительной исповеди[38].

Внимательное прочтение известных путевых записок Павла Алеппского подтверждает наблюдения Крижанича и позволяет сделать ряд дополнений. Павлу и его отцу, антиохийскому патриарху Макарию (в сане патриарха с 1647 по 1672 гг.), в середине XVII в. посетившим Москву, к их приятному удивлению, по пути туда и обратно на Украине и в Белоруссии постоянно досаждали, требуя индульгенций, дворяне, казаки, монахи, монахини и горожане всех возрастов и обо-

---

[37] *Senyk*. Rites and Charters of Remission. 436–437.

[38] Что в данном случае Крижанич имеет в виду под «Russia», не вполне ясно. Однако в этом месте своего повествования он перечисляет ряд православных церковных практик, которые считает вредными. В предыдущем разделе (о рукоположении путешествующими греческими патриархами и митрополитами практически совершенно неизвестных им людей) он снова говорит о «Russia», но уточняет, что речь идет о Russiam Minorem и Albam (т.е. Украине и Белоруссии). Касаясь вопроса об индульгенциях, он не делает аналогичной оговорки: *Криж -нич*. Русское государство. Т. 2. С. 191–193.

их полов. Иными словами, спрос на индульгенции на украинском и белорусском «рынке» исходил изо всех социальных слоев[39].

Однако в Московской России ситуация, судя по всему, была иная. Если снова брать в качестве источника записки Павла Алеппского, то получается, что выдача таких грамот ограничивалась окружением царя. Непосредственно перед отъездом Макария царь встретился с ним и попросил у него разрешительные грамоты для себя и для членов своей семьи, а также для членов боярских семей. Макарий прилежно исполнил его пожелание, и Павел соответственно выдал такие грамоты. В своих записках Павел упоминает, что эти грамоты были напечатаны Макарием в Киеве[40]. Есть указания на то, что это был не единичный случай. Отъезд из Москвы еще одного патриарха — на этот раз речь идет об александрийском патриархе Паисии (в сане патриарха в 1657–1678 гг.) — дал в 1669 г. царю Алексею и его семейству еще одну возможность получить письменные отпущения грехов[41]. Более того, в их получении были заинтересова-

[39] См.: *П вел Алеппский*. Путешествие; *Senyk*. Rites and Charters of Remission. Павел Алеппский упоминал три вида индульгенций: формата фолио в русском переводе для вельмож, грамоты среднего размера для простого народа и малоформатные грамоты для женщин: *П вел Алеппский*. Путешествие. Т. 2. С. 59; *Senyk*. Rites and Charters of Remission. 435–436. Сеник очень старательно перечисляет почти все упоминания об индульгенциях в записках Павла. Кажется, она пропустила лишь одну ссылку (см.: *П вел Алеппский*. Путешествие. Т. 2. С. 116), в которой идет речь о выдаче письменного отпущения грехов путивльскому воеводе Никите Алексеевичу Зюзину. О Зюзине см. также: Там же. Т. 3. С. 160; *Б русуков*. Списки городовых воевод. С. 190. Как отмечает Павел и как хорошо известно из истории конфликта между патриархом Никоном и царем Алексеем, Никита Зюзин был одним из ближайших сторонников Никона.

[40] *П вел Алеппский*. Путешествие. Т. 4. С. 158.

[41] *Лих чев*. О разрешительных грамотах восточных патриархов. С. 78. Ссылаясь на свидетельство В. О. Эйнгорна, изучавшего «греческие дела» московского Иноземского приказа, Лихачев приводит его слова

ны не одни только миряне. Тот же патриарх Макарий выдал индульгенции и монахиням Новодевичьего монастыря. Однако, как отмечает Павел, этот монастырь был населен в основном украинскими и белорусскими монахинями, которых перевел туда царь[42]. С учетом существовавших препятствий, с которыми Макарий сталкивался во время пребывания в Москве (его перемещения были ограничены царским окружением), пожалуй, неудивительно, что у него не было возможности раздавать индульгенции отдельным москвичам из других социальных слоев, в предположении, что существовал соответствующий спрос[43]. При текущем состоянии наших знаний, пока не обнаружены новые источники информации, следует сделать вывод о том, что распространение разрешительных грамот в России происходило сверху вниз, посредством контактов высокопоставленного греческого и арабского духовенства с московской элитой, а также благодаря влиянию со стороны украинского и белорусского монашества.

Однако бесспорно то, что в середине XVII в. московский Печатный двор, работавший под надзором церкви, стал важным альтернативным вариантом для греческих (и сербских) прелатов, изыскивавших возможности для издания своих разрешительных грамот. Так, в 1653 г. бывший константинопольский патриарх Афанасий (тот же Афанасий, который фигурирует в записках Крижанича) обратился к царю за разрешением напечатать 500 индульгенций (что-

---

о том, что «упоминания в них разрешительных грамот не представляют редкости»: Там же. С. 78. Прим. 3.

42 *П вел Алеппский*. Путешествие. Т. 4. С. 152.

43 Имеются сведения о том, что иерусалимские прелаты посылали в Россию разрешительные грамоты еще до XVII в. Например, патриарх Иоаким сообщал великому князю Василию Васильевичу (до 1462 г.) о том, что его представитель в Москве готов выдавать такие грамоты всем желающим; а в 1586 г. патриарх Софроний послал письменное отпущение грехов царице Ирине, жене царя Федора Иоанновича. См.: *Кобеко*. Разрешительные грамоты.

[Содержание]

бы раздавать их на Украине казакам, как объяснил патриарх)[44]. В 1655 г. сербскому патриарху Гавриилу (в сане патриарха в 1648–1655 гг.) удалось напечатать 1000 индульгенций с согласия патриарха Никона. В 1668 г. антиохийский патриарх Макарий напечатал 2 тыс. индульгенций. В 1669 г. александрийский патриарх Паисий напечатал 1000 индульгенций для мужчин и 500 для женщин[45]. Насколько можно судить, ни один из этих заказов не вызвал в Москве какого-либо удивления, по крайней мере открытого, среди высшего духовенства[46]. Если бы эти грамоты считались подозрительными в богословском плане, то духовные власти Русской церкви, несомненно, воспрепятствовали бы выполнению заказов на их печать. Решающим фактором, судя по всему, стала высокая оценка, которую благочестивые россияне давали духовному руководству весьма чтимых ими странствующих православных прелатов с Балкан. По-видимому, россияне воспринимали восточные индуль-

---

[44] *Лих чев*. О разрешительных грамотах восточных патриархов. С. 78–80.

[45] О патриарших разрешительных грамотах см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1182 (Московский Печатный двор). Оп. 1. № 57. Л. 38–39 об. (Гавриил); № 58. Л. 177 (Макарий); № 66. Л. 24 (Паисий). См. также: *Лих чев*. О разрешительных грамотах восточных патриархов. С. 78–81. Следует отметить, что Лихачев упоминает также печатную индульгенцию, выпущенную от имени Паисия Лигарида, одного из главных действующих лиц в истории смещения патриарха Никона. Лихачев не указывает, для кого предназначалась эта грамота: Там же. С. 83. Первую попытку составить список всех печатных индульгенций начиная с XVII в. см. в: *Iliou*. Synchōrochartia. I и Synchōrochartia. II.

[46] Разумеется, противники реформы патриарха Никона не замедлили указать на доктринальные заблуждения и экономические мотивы, стоявшие за раздачей таких индульгенций греческим духовенством. Однако интересно, что это делалось только анонимно и в контексте общего недовольства вмешательством греков в российские дела. См.: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 558: «Список с анонимного письма царю Алексею Михайловичу о притеснениях духовенства от патриархов Иосифа и Никона... о разрешительных грамотах восточных патриархов...» (датируется 1668 г.), особ. л. 24.

генции как реальные свидетельства их репутации в глазах Господа[47].

Еще одним фактором, в потенциале способствовавшим переводу греческих православных церковных текстов на русский в период раннего модерна, могло быть использование патриарших *synchōrochartia* при погребении членов русской царской семьи. Известен по крайней мере один случай, когда патриарх прислал грамоту специально для того, чтобы она была положена в гроб русской царевне. Более того, в описании похорон сестры царя Алексея Михайловича, царевны Татьяны Михайловны (умерла в 1706 г.) особо отмечается, что ей в руки перед погребением были вложены и разрешительная молитва ее духовного отца, и греческая патриаршая индульгенция (про нее говорится, что она была прислана греческим патриархом, хотя не уточняется, каким именно)[48]. Таким образом, было бы разумно предположить, что обычай, начало которому было положено московским двором, внес свой вклад в заимствование Русской церковью видоизмененного варианта во-

[47] Согласно Лихачеву, тот факт, что до нас дошло очень мало индульгенций из России, может быть обусловлен практикой их вложения в руки усопшим во время похорон. См.: *Лих чев*. О разрешительных грамотах восточных патриархов. С. 81. К этому следует также добавить, что начиная с XVIII в. многие подданные Российской империи, совершившие паломничество в Святую землю, получили такие грамоты. См.: Там же. С. 86–87; *Кобеко*. Разрешительные грамоты. С. 278, 278, прим. 4 (индульгенция, выданная известному путешественнику Василию Григорьевичу Барскому). Не исключено, что эта практика также способствовала заимствованию Русской Православной церковью текста индульгенции для погребальной разрешительной молитвы.

[48] См.: *Т лин* . Царь Алексей Михайлович. С. 115–117. Согласно Талиной, «написанную на листе молитву архиерей подписывал и вкладывал в руку покойнику вместе с “листом от греческого патриарха”». См. описания похорон царевны Татьяны: О преставлении и погребении Царевны Татьяны Михайловны. С. 214–216 (с ошибочной датировкой «1658»); Чин погребения Царевны Татьяны Михайловны. С. 111–122 (с верной датой 1706 г.).

сточной индульгенции как текста разрешительной молитвы для всех русских.

Здесь напрашивается последнее, может быть нескромное, замечание: в дореволюционный период русские православные исследователи понимали, что текст разрешительной молитвы, вкладываемый в руки мертвым, может быть проблематичным с теологической точки зрения. И они всячески старались разъяснить его смысл. Понятно, что ощущавшаяся ими неловкость отчасти проистекала от определенного нежелания православного духовенства и ученых иметь дело с текстом, теологический анализ которого мог показать, что он отражает представления об отпущении грехов и разрешительные практики католической церкви. Остается надеяться, что православные церкви (и Греческая, и Русская) сойдут со своих оборонительных антикатолических позиций и примут участие в серьезной дискуссии о теологических следствиях, вытекающих из разрешительных молитв и из *synchōrochartia*[49].

[49] Перевод статьи: *Nikolaos Chrissidis*. Between Forgiveness and Indulgence: Funerary Prayers of Absolution in Russia // The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture / Ed. Nicholas Lupinin, Donald Ostrowski, Jennifer B. Spock / Ohio Slavic Papers. Vol. 10 / Eastern Christian Studies. Vol. 2 (Columbus, OH: Department of Slavic and East European Languages and Cultures with the assistance of the Resource Center for Medieval Slavic Studies, Ohio State University, 2016): 261–293.

Разрешительная молитва	Восточно-православная индульгенция
Господь наш Иисус Христос,	Наша смиренность,
Божественною Своею благодатию, даром же и властию,	Благодатью, даром и властью Всесвятого и Животворящего Духа,
данною святым Его учеником и апостолом,	переданной нашим Спасителем Иисусом Христом Его Божественным и Посвященным Святым Ученикам и Апостолам,
во еже вязати и решити грехи человеков,	с тем, чтобы они вязали и разрешали грехи человеческие,
рек им: приимите Духа Святаго, их же отпустите грехи, отпустятся им; их же удержите, удержатся [Иоанн, 20 : 22–23]; и елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена и на небеси [Матфей, 18: 18].	ибо сказано им: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» [Иоанн, 20: 22–23]. Также и «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» [Матфей, 18 : 18].
От онех же и на ны друг друго приимательно пришедшею благодатию,	И в силу того, что эта божественная Благодать перешла от них к нам одному за другим,
да сотворит чрез мене смиреннаго прощенно и сие по духу чадо (имя)	мы полагаем прощенным [echomensynkechōrēmenon] наше духовное чадо [имя]
от всех, елика яко человек согреши Богу словом или делом, или мыслию, и всеми своими чувствы, волею или неволею, ведением или неведением.	во всех его/ее грехах, совершенных им/ею, будучи человеком, и прегрешившим/ей перед лицом Господним словом, делом или мыслью, добровольно или недобровольно, всеми своими чувствами,

[Содержание]

Аще же под клятвою или отлучением архиерейским или иерейским бысть, или аще клятву отца своего или матере своея наведе на ся, или своему проклятию подпаде, или клятву преступи, или иными некиими грехи яко человек связася;	и если на него/ее наложено проклятье или отлучение архиепископа или священника, или его/ее матери или отца, или если он/она подпал/а под собственную анафему, или если он/она нарушил/а клятву, или если в то или иное время он/она, будучи человеком, проколен был инными грехами
но о всех сих [грехах] сердцем сокрушенным покаяся,	и покаялся/лась в этих [грехах] своим духовным отцам, и принял/а своим сердцем [наложенное ими] епитимью и ревностно старался/лась выполнить ее.
и от тех всех вины и юзы да разрешит [Бог] его (ю);	Посему мы освобождаем его/ее от вины и уз всех этих [грехов] и объявляем его/ее свободным/ой и прощенным/ой [eleutheronechomen kai synkechōrēmenon] всемогущей властью и благодатью Божественного и чтимого Духа.
елика же за немощь естества забвению предаде, и та вся да простит ему (ей) [Бог], человеколюбия ради Своего, молитвами Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных и всехвальных апостол, и всех святых.	И если он/она в чем-то не сознался/лась вследствие забывчивости, да простит его/ее милостивый Господь за все это в Своем человеколюбии [букв. “philantropian”]. По заступничеству Нашей Всеблагой Госпожи Богородицы и Приснодевы Марии и Святого Славного и Достохвального Апостола Иакова Adelphpotheos [Брата Божьего] и первого иерарха Иерусалимского, и всех Святых.
Аминь.	Аминь.

Приложение В

Репродукция современной разрешительной молитвы, вкладываемой в руки усопшим: см. иллюстрацию на авантитуле настоящего издания.

Сокр щения и цитируемые р боты

Алм зов. Сообщения = *Алм зов А.* Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в Русской церкви (Церковно-археологический очерк). Казань, 1900.

Алм зов. Тайная исповедь = *Алм зов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. 3 т. Одесса, 1894. Репринт: М., 1995.

Б рсуков. Списки городовых воевод = *Б рсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь = *Брокг уз—Ефрон*. Энциклопедический словарь.

Булг ков. Настольная книга = *Булг ков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей / 3-е изд. 2 т. Киев, 1913. Репринт: М., 1993.

В. Б. О разрешительных грамотах = *В. Б.* О разрешительных грамотах восточных патриархов Н. П. Лихачева. Москва, 1893 // Киевская старина. 1894. № 47. С. 162–163.

ГИМ = Государственный исторический музей, Москва.

Кобеко. Разрешительные грамоты = *Кобеко Д.* Разрешительные грамоты Иерусалимских Патриархов // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 6. С. 270–279.

Корогодин . Исповедь = *Корогодин М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006.

Криж нич. Русское государство = *Криж нич Ю.* Русское государство в половине XVII века / Под ред. П. Безсонова. 2 т. М., 1859–1860.

Лих чев. О разрешительных грамотах восточных патриархов = *Лих чев Н. П.* О разрешительных грамотах восточных патриар-

[Содержание]

хов // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 15. № 2. 1894. С. 77–99.

Никольский. Пособие к изучению = *Никольский К*. Пособие к изучению Устава Богослужения Православной церкви / 4-е изд. СПб., 1888.

О преставлении и погребении Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича = О преставлении и погребении Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича // Древняя Российская вивлиофика / Под ред. Н. Новикова. 2-е изд. Т. 11. М., 1789. С. 211–213.

О преставлении и погребении Царевны Татьяны Михайловны = О преставлении и погребении Царевны Татьяны Михайловны // Древняя Российская вивлиофика / Под ред. Н. Новикова. 2-е изд. Т. 11. М., 1789. С. 214–216.

Об епитимиях и так называемых индульгенциях = Об епитимиях и так называемых индульгенциях // Христианское чтение. 1852. № 2. С. 406–441.

Оле рий. Описание путешествия = *Оле рий А*. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.

П вел Алеппский. Путешествие = Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Под ред. Г. Муркоса. 5 т. М., 1896–1900.

П влов. Номоканон при Большом Требнике = *П влов А*. Номоканон при Большом Требнике. Одесса, 1897. 2-е изд.: М., 1897.

Посольство Кунраадафан Кленка = Посольство Кунраадафан Кленка к Царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.

Прилуцкий. Частное богослужение = *Прилуцкий В*. Частное богослужение в русской церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев, 1912. Репринт: М., 2000.

С зонов . У истоков = *С зонов Н. И*. У истоков раскола русской церкви в XVII веке: Исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654–1666 гг.) (На материалах Требника и Часослова). Томск, 2008: www.bogoslov.ru/data/657/403/1234/Монография.doc.

Смирнов. Древнерусский духовник = Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.

Собрание мнений и отзывов Филарета = Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. 5 т. в 6 с дополнительным томом / Под ред. архиепископа Саввы. СПб., М., 1885–1888.

Т лин . Царь Алексей Михайлович = *Т лин Г. В*. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996.

Требник. Jordanville, 1961. = Требник. 3 ч. В 2 т. Jordanville, 1961.

Требник иноческий = Требник иноческий. М., 1639.

Требник мирской = Требник мирской. М., 1639.

Фоменко. Заметка = *Фоменко Кл*. Заметка о «разрешительной литургии», совершаемой на Голгофе (из записок путешественника в Святую Землю) // Церковные ведомости. 1900. № 25. С. 998–1000.

Чин погребения Царевны Татьяны Михайловны = Чин погребения Царевны Татьяны Михайловны // Древняя Российская вивлиофика / Под ред. Н. Новикова. 2-е изд. Т. 14. М., 1789. С. 111–122.

Amato. Il sacramento della penitenza = *Amato, Angelo*. Il sacramento della penitenza nella teologia Greco-Orthodossa. Studi storico-dogmatici (sec. XVI–XX). Thessalonikē, 1982.

Androutsos. Dogmatikē = *Androutsos, Chrēstos*. Dogmatikētēs Orthodoxou Anatolikēs Ekklēsias. Ed. 2. Athens, 1956.

Angelopoulos. Hē Metanoia = *Angelopoulos, I. K*. Hē Metanoia kata tēn Orthodoxon Katholikēn Ekklēsian. Athens, 1998.

Chryssavgis. Repentance and Confession = *Chryssavgis, John*. Repentance and Confession in the Orthodox Church. Brookline, MA, 1990.

Danova. Indulgentsite = *Danova, Nadezhda*. Indulgentsite v iztochno-pravoslavnata tserkva // Vekove 8, no. 6 (1979): 43–50.

Dositheos. Historia = *Dositheos*. Historiaperitōn en Hierosolymoispatriarcheusantōn. 6 tt. Thessalonikē, 1982–1983.

Dura. Ho Dositheos Hierosolymōn = *Dura, Ioan V*. Ho Dositheos Hierosolymōn kai hēpro sphora autoueistas Roumanikas Chōraskaitēn Ekklēsianautōn. Athens, 1977.

Enkyklopaidikon Lexikon Eletheroudakē = Enkyklopaidikon Lexikon Eletheroudakē.

Faber. Moscouitarum religio = *Faber, Johannes (Johann Fabri)*. Ad serenissimum principem Ferdinandum archiducem Austriae, Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. Basileae, 1526.

Hall. A View from the Foothills = *Hall, Christine*. A View from the Foothills: Some Observations on Orthodox Practice of the Sacrament of Confession // Confession and Absolution / Ed. by Martin Dudley and Geoffrey Rowell. London, 1990. 120–132.

Iliou. Synchōrochartia I = *Iliou*. Philippos. Synchōrochartia // Ta Historikal. No. 1 (1983): 35–84.

Iliou. Synchōrochartia II = *Iliou*, Philippos. "Synchōrochartia". Ta Historika[2], no. 3 (1985): 3–44.

Kämpfer. Herbersteins = *Kämpfer, Frank*. Herbersteins nichteingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 44 (1996): 1–27.

Kaiser. Growth of the Law = *Kaiser, Daniel H*. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.

Karmirēs. Hēhomologiatēs orthodoxoupisteōs = *Karmirēs, Iōannēs N*. Hēhomologiatēs orthodoxoupisteōs tou patriarchou Hierosolymōn Dositheou. Athens, 1949.

Karmirēs. Ta dogmatika kai symvolika mnēmeia = *Karmirēs, Iōannēs N*. Ta dogmatika kai symvolika mnēmeiatēs Orthodoxou Katholikēs Ekklēsias. 2 vols. Athens, 1952–1953.

King. Rites and Ceremonies = *King, John Glen*. The Rites and Ceremonies of the Greek Church in Russia, Containing an Account of its Doctrine, Worship, and Discipline. London, 1772. Reprint: New York, 1970.

Koursoulas. Synopsis tēs Hieras Theologias = *Koursoulas, Nikolaos*. Synopsis tēs Hieras Theologias philoponētheis aei sōpheleiantōn orthodoxōn philomathōn / Ed. Sergios Ch. Raphtanēs. 2 tt. Zakynthos, 1862.

Kraienhorst. Buß- und Beichtordnungen = *Kraienhorst, Heinrich Bernhard*. Buß- und Beichtordnungen des griechischen Euchologions und

des slawischenTrebniks in ihrer Entwicklungzwischen Osten und Westen. Das östliche Christentum. New Series: Vol. 51. Würzburg, 2003.

Levin. Sex and Society = *Levin, Eve*. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700. Ithaca, NY, 1989.

Loda. Le indulgenze = *Loda, Natale*. Le indulgenze e le chiese dell'Oriente // Folia Canonica. 3 (2000): 73–99.

Maltzew. Begräbniss-Ritus = *Maltzew, Alexios von*. Begräbniss-Ritus und einige specielle und Alterthümliche Gottesdienste der Orthodox-Katholischen Kirche des Morgenlandes. Berlin, 1898.

Michaēlares. Aphorismos = *Michaēlares, P. D.* Aphorismos: Hēprosarmo gēmiaspoinēs stisanan kai otētestēs Tourkokratias. Athens, 1997.

Mikron Euchologion = Mikron Euchologion e Hagiasmatarion / Ed. Aganthangellos, Bishop of Fanari. 15 ed. Athens, [s. a.].

Nikas. I primitentativi di latinizzazione dei Greci di Napoli = *Nikas, Constantino*. I primitentativi di latinizzazione dei Greci di Napoli e le prime "carte assolutorie"orientali in occidente. Napoli, 1998.

Nomokanōn Manouēl Notariou = Nomokanōn Manouēl Notariou tou Malaxou / Ed. Dēmētrios Gkinēs, Nikolaos Pantazopoulos. Thessalonikēs, 1982.

Podskalsky. Griechische Theologie = *Podskalsky, Gerhard*. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft, 1453–1821. München, 1988.

Pomazansky. Orthodox Dogmatic Theology = *Pomazansky, Michael*. Orthodox Dogmatic Theology. A Concise Exposition / Transl. by Hieromonk Seraphim Rose. Platina, CA, 1984.

Rhallēs. Peritōnmystēriōn = Rhalles, Kōnstantinos M. Peritōn mystēriōn tēs metanoias kai tou euchelaiou katatodi kai ontēs Orthodoxou Anatolikēs Ekklēsias. Athens, 1905.

Rémmisions des péchés = Rémmisions des péchés après la mort dans l'Église russe // Revue Augustinenne. 61 (April 1907): 432–433.

Seiling. The Political and Polemical = *Seiling, Jonathan R.* The Political and Polemical Motives of Johann Fabri's Moscouitarum Religio (1525–26) // Catholic Historical Review 94. No. 4 (October 2008): 653–670.

[Содержание]

Senyk. Rites and Charters of Remission = *Senyk, Sophia*. Rites and Charters of Remission: Evidence of a Seventeenth-Century Source // Orientalia Christiana Periodica. 47 (1981): 426–440.

Service Book / Ed. Hapgood = Service Book of the Holy Orthodox Catholic Apostolic Church / Ed. and transl. by Isabel Florence Hapgood. Rev. ed. New York, 1922.

Vasil. Le indulgenze. Folia Canonica = *Vasil, Cyril*. Le indulgenze e le chiese orientali Ortodosse // Folia Canonica. 3 (2000): 53–71.

Vasil. Le indulgenze. La Civiltà Cattolica = *Vasil, Cyril*. Le indulgenze e le chiese orientali Ortodosse // La Civiltà Cattolica. 4 (2000): 451–462 (сокращенный вариант предыдущей статьи).

Ware. EustratiusArgenti = *Ware, Timothy (Bishop Kallistos of Diokleia)*. Eustratius Argenti: A Study of the Greek Church under Turkish Rule. Oxford, 1964.

Worobec. Death Ritual = *Worobec, Christine D*. Death Ritual among Russian and Ukrainian Peasants: Linkages between the Living and the Dead // Letters from Heaven: Popular Religion in Russia and Ukraine / Ed. by John-Paul Himka et al. Toronto, 2006. 26–45.

Т тьян Резвых

О ценности: подход Семена Франка (1898–1908)

На раннем этапе творчества и, прежде всего, в период между двумя сборниками «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909) С. Л. Франк был тесно идейно связан с П. Б. Струве, Н. А. Бердяевым и С. Н. Булгаковым. Хотя они не являлись группой полных единомышленников, а лишь попутчиками[1], мысль именно этих четверых деятелей Серебряного века развивалась в общем направлении, которое «пролегло между попытками религиозно-идеалистического обоснования социализма (“идеалистического направления”) и религиозным же его опровержением, приведшим к формулированию философии *либер льного консерв тизм — “веховств “*»[2]. В появлении и развития этого направления принципиальную роль сыграло осмысление понятия ценности, последовательно пережившего в дискурсе четырех мыслителей экономический, этический

[1] *С. Н. Булг ков.* О реалистическом мировоззрении. Несколько слов по поводу выхода в свет сборника «Очерки реалистического мировоззрения» // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 73. С. 380–403.

[2] *М. А. Колеров.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 6.

и онтологический смысл. Существует немало исследований, касающихся идейной эволюции С. Франка в конце XIX — начале XX в.[3], однако до сих пор мало сказано о роли понятия ценности в его эволюции философа к идеализму.

В новейшей версии философского словаря Риттера указано, у немецкого понятия Wert «...точно так же, как у его эквивалентов valor, valeur, value “на лбу написано” происхождение из экономической области. Древневерхненемецкое Werd используется в смысле цены (Preis) или суммы покупки (Kaufsumme), в отвлеченном смысле означает также значение/значимость (Geltung), оценку ((Wert-) Schät-

[3] *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник МГУ. Сергия 8. История. 1991. №5. С. 86–95; К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // Минувшее. 1991. Вып. 11. С. 249–291; *Фр нк С. Л.* Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) / Предисл. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова; публ. М. А. Колерова // Путь. 1992. №1. С. 263–311; *М. А. Колеров*. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; *Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа, 1877–1950. М., 2001; *М. А. Колеров*. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М., 2002; *Н<икол й> П<лотников>*. С. Л. Франк в Берлинском университете (1899–1901) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год [6] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2004. С. 557–561; *Н. А. Плотников*. Allgemeingültigkeit. К истории перевода // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год [6] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2004. С. 11–18; *А. А. Г поненков*. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов, 2004; *Фр нк С. Л.* Дневник // *Фр нк С. Л.* Саратовский текст / Сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 31–84; *М<одест> К<олеров>*. Новое о С. Л. Франке и С. Н. Булгакове в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2003–2007 [8] / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2009; Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М., 2010; *П. Элен*. Семен Франк: философ христианского гуманизма. М., 2012; *Д. Стейл* . Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М., 2013; *Т. Оболевич*. Семен Франк. Штрихи к портрету философа. М., 2017.

zung) и наконец благо (Güte) качества, т. е. бытие ценным (Wertsein) и обладание ценным (Werthaben) вещи, действия или лица. Научным термином Wert было первоначально в политической экономии. Только поздно, на рубеже XIX–XX вв. понятие приступает к своему до сих пор продолжающемуся триумфальному шествию в философии»[4] в качестве позднего потомка платоновского понятия блага. В «Философском лексиконе» (1726) Иоганна Георга Вальха понятие ценность (Wert) еще связывалось с трактовками цены с точки зрения естественного права[5]. Позже Кант ввел различие внутренней или абсолютной ценности человека как «цели самой по себе» и внешней или «обусловленной ценности» «предметов склонностей»[6]. По Канту, «человек, рассматриваемый как лицо, т. е. как субъект морально практического разума, выше всякой цены; ведь как такого (homonoumenon) его должно ценить не просто как средство для целей других, да и своих собственных целей, но как цель саму по себе, т. е. он обладает некоторым достоинством (некоей абсолютной внутренней ценностью), благодаря которому он заставляет все другие разумные существа на свете уважать его, может сравнивать себя с каждым другим представителем этого рода и давать оценку на основе равенства»[7].

Категориального же значения в *философии* понятие ценности, в сущности, не получило до появления Баденской школы неокантианства. В. Виндельбанд объяснял совре-

[4] Wert // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Band 12: W-Z. In Verbindung mit Tilman Borsche, Ulrich Dierse, Petra Gehring, Wilhelm Goerdt, Anton Hügli, Helmut Hühn, Theo Kobusch, Ralf Konersmann, Margarita Kranz, Stephan Meier-Oeser, Friedrich Niewöhner, Peter Probst, Helmut Pulte, Thomas Rentsch, Winfried Schröder, Martin Seils, Tobias Trappe herausgegeben von Joachim Ritter, Karlfried Gründer und Gottfried Gabriel. Basel, 2004. S. 556–583.

[5] *J. G. Walch*. Philosophisches Lexicon. Leipzig, 1726. Bd. 2. S. 1545–1551.

[6] *И. К нт*. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 269.

[7] Там же. С. 372.

менное философское движение стремлением после длительного господства позитивизма, историзма и психологизма снова размышлять «о вечных ценностях, возвышаясь над меняющимися временными интересами людей»[8].

Переход этого понятия в философию не в последней степени обусловлен развернувшейся во второй половине XIX в. дискуссии вокруг трудовой теории Wert (Arbeitswertlehre), автором которой был Д. Рикардо, а продолжателем — К. Маркс. В задачи нашего исследования не входит подробный анализ политэкономического аспекта, а лишь те стороны его, которые сыграли роль в обращении Струве, Франка, Булгакова и Бердяева «от марксизма к идеализму».

Концепция Маркса определяла Wert товаров, не составляющих предметов редкости, общественно-необходимым рабочим временем, но не учитывала других факторов (спрос и предложение, издержки производства). В ответ на эти трудности возникла австрийская школа политэкономии (К. Менгер, К. фон Визер, О. фон Бём-Баверк), определяющим для которой стал «последовательный монистический *субъективизм*: все категории экономической науки австрийцы стремятся вывести только из отношения к вещи экономического субъекта, его предпочтений, ожиданий, познаний»[9]. Понятие ценности имело для нее принципиальное значение. Ее основатель Карл Менгер еще в 1871 г. обратил внимание, что в новых немецких работах по экономике (Э. Фридлендера, К. Книса, А. Шеффле и др.) Wertвсе больше понимается не как голая полезность, а в более «высоком смысле», как «отношение, в соответствии с которым вещь может быть средством для выполнения желательной цели»[10]. Однако в этой школе цена выводилась из закона

8 *В. Виндельб нд*. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // В. Виндельбанд. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 355.

9 *В. С. Автономов*. Австрийская школа и ее представители // Австрийская школа в политической экономии. М., 1992. С. 9.

10 *C. Menger*. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien, 1871. S. 78–80.

предельной полезности, согласно которому значение блага для человека уменьшается с увеличением его массы. Наиболее известным критиком Маркса был представитель именно этой школы О. Бём-Баверк[11].

Долгожданный выход третьего тома «Капитала» в 1894 г.[12] дал новый виток критике Маркса. Здесь Маркс утверждал, что несмотря на то, что Wert товара должна определяться общественно-необходимым рабочим временем, при рыночной конкуренции она зависит также и от спроса и предложения. Для многих это выглядело так, что Маркс отошел от трудовой теории Wert, что побудило к ревизии в марксизме. Для Бём-Баверка третий том «Капитала» стал поводом к заявлению о конце марксистской политэкономии[13]. Э. Бернштейн выступил с критикой теории Arbeitswertlehre, прежде всего, на том основании, что ее закон на самом деле имеет силу лишь в период, предшествующий капиталистическому производству, в то время как в рыночной экономике цену товара определяют издержки производства. Arbeitswertlehre — это только абстракция, «мысленный образ», который «в мастерских руках Маркса дал возможность вскрыть и наглядно представить остов капиталистического хозяйства в картине, не имеющей себе равных по детальности, последовательности и меткости; но начиная с известного пункта, он перестал быть доступным и стал фатальным для всех почти учеников Маркса»[14]. Круг сторонников субъективной тео-

[11] *E. Böm-Bawerk*. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. Innsbruck, 1884.

[12] Рус. пер: *К. М ркс*. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Процесс капиталистического производства взятый в целом. СПб., 1896.

[13] *E. Böm-Bawerk*. Zum Abschluss des Marxschen Systems. Staatswissenschaftliche Arbeiten. Berlin, 1896.

[14] *Э. Бернштейн*. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1899. С. 57–58. Оригинал: *E. Bernstein*. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899. Arbeitswert oder Nutzwert // Neue zeit. 1900. № 44–45.

рии Wert стал расширяться, стали появляться и популярные ее изложения[15]. В защиту Маркса выступил В. Зомбарт (во многом близкий Марксу экономист), однако подверг его теорию радикальному переосмыслению[16]. Так внутри марксизма возник ревизионизм.

В 1898 г. Струве полагал, что хотя наследие Маркса и нуждается в критическом переосмыслении, но оно настолько богато элементами, что из его обломков можно вновь будет собрать нечто ценное; что же касается учения о предельной полезности, то, несмотря на свою неопровержимость, оно «является ничтожным по сравнению с Марксовой системой, — пробным камнем в сравнении с прекрасным высоким зданием»[17]. В это время Струве редактировал новый перевод первого тома «Капитала», выполненный Е. А. Гурвич и Л. М. Заком, вышедший в 1899 г. В более раннем переводе, начатом Г. Лопатиным и завершенном Н. Ф. Даниельсоном и Н. Н. Любавиным в 1872 г., термины «Gebrauchswert», «Wert», «Tauschwert» и «Mehrwert» переводились как «потребительная стоимость», «стоимость», «меновая стоимость» и «прибавочная стоимость»[18]. При осуществлении нового перевода Струве настоял на том, чтобы слово Wert переводилось не как «стоимость», а как «ценность».

---

[15] *H. Cohn*. Die subjective Natur des Wertes. Berlin, 1899.

[16] *W. Sombart*. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx // Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik. 1894. Bd. 7. S. 555–594; *В. Зомб рт*. К критике экономической системы Маркса // Научное обозрение. 1898. № 3. С. 475.

[17] *П. Струве*. Марксова теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. А. В. Чусова под ред. Н. А. Плотникова // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2000. С. 72.

[18] *К. М ркс*. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Книга 1. Процесс производства капитала. СПб., 1872. В постраничных примечаниях переводчики подробно разъясняли переводы тех или иных слов. История первого перевода: *Н. К. К р т ев*. О «спорных» вопросах истории первого русского перевода «Капитала» К. Маркса // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1947. № 4. С. 53–64.

Струве посвятил объяснению этого обширное предисловие. По Струве, «то обстоятельство, что Маркс субстанцией и мерилом ценности считает трудовую затрату, вовсе не означает, чтобы он сознательно отождествлял явление ценности с трудовой затратой, с издержками или стоимостью»[19]. Понятие стоимости, по Струве, было связано с затратами, понятие ценности — с ценой, оценкой. Однако главным образом Струве ссылался на историю понятия. Новый перевод, по мнению Струве, рельефно показывает результат эволюции первоисточного римского учения о справедливой цене (justum pretium), через учение Адама Смита о «естественной цене», к марксовой теории Arbeitwertlehre. «Не надо далее забывать, что, строя свое учение о ценности, Маркс стремился объяснить тот же самый факт, который занимал его предшественников, — хозяйственную оценку благ и что если мысль всех этих предшественников работала над одной и той же проблемой ценности, хотя они весьма различно решали ее, то то же, конечно, следует сказать и о Марксе»[20]. Перевод Струве, акцентировавший, с одной стороны, этический, а с другой — субъективный момент понятия Wert, закрепился в дореволюционной политэкономии.

В предисловии Струве сформулировал свою претензию к теории Wert Маркса. В качестве наследника Смита и Рикардо Маркс делал акцент не на отдельных хозяйствующих субъектах, а крупных группах или классах, т.е. стоял на точке зрения социологии. Arbeitwertlehre, по Струве, связано с социологической по своему смыслу идеей ценности труда, роли рабочего в производстве, но в капиталистической экономике оно не работает.

«В экономической системе Маркса переплетаются и сплетаются <...> два основных мотива: 1) механиче-

---

19 *П. Струве*. Предисловие редактора русского перевода // *К. М ркс*. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Книга 1. Процесс производства капитала. СПб., 1899. С. XXVIII.

20 Там же. С. XXX–XXXI.

[Содержание]

ски-натуралистический, под влиянием которого Маркс создал свое “объективное” учение о трудовой затрате, как субстанции и мериле ценности, и 2) социологический, за вещной оболочкой экономических явлений видящий — в качестве их основного содержания — исторически изменчивые отношения между людьми в процессе производства. Дело критики разъединить и критически взвесить каждый из этих мотивов в отдельности, и затем исследовать, в какой мере они совместимы друг с другом»[21].

Маркс соединил социологическую проблему эксплуатации рабочего и экономическую проблему ценности: «исследуя в сущности чисто социологическую проблему присвоения, полагал, что исследует чисто экономическую проблему ценности»[22]. Продукт создается трудом, потребность в котором носит общественный характер, и цена этого труда *должн* определяться общественно-необходимым рабочим временем, но действительная его оценка в конкурентной экономике — потребительская. Объективность ценности может выводиться только из субъективной оценки, а следовательно, теория Маркса несостоятельна[23]. Струве пришел к необходимости, сохранив социологическое учение Маркса, отказаться от экономической теории ценности.

Вскоре после выхода третьего тома «Капитала» в русских журналах разразилась полемика о теории ценности. В наши задачи не входит подробное изложение полемики. Отметим только, что в ней участвовали народническое «Русское богатство», марксистские журналы «Жизнь», «Новое слово»,

---

21 Там же. С. XXXII.

22 *П. Б. Струве*. Основная антиномия теории трудовой ценности // Жизнь. 1900. Т. 2. Февраль. С. 305.

23 *П. Струве*. [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm (1899) / Пер Н. А. Плотникова // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 47–70.

«Народное хозяйство» и особенно «Научное обозрение». Так, с критикой Arbeitwertlehre выступил М. И. Туган-Барановский[24], вслед за Струве утверждавший, что теория Arbeitwertlehre имеет чисто социологический характер. И если редактор-издатель «Научного обозрения» М. М. Филиппов был не согласен лишь с некоторыми положениями Туган-Барановского[25], то А. А. Богданов категорически выступил против них [26]. С точки зрения А. Д. Билимовича, и Туган-Барановский, и Филиппов предприняли напрасные попытки по спасению Маркса[27], и между Билимовичем и Филипповым тоже разгорелась полемика[28]. Сторонником взглядов Бём-Баверка выступил А. Рыкачев[29], а в защиту Маркса выступила целая группа марксистов: С. Н. Булгаков[30], А. Не-

[24] *М. И. Туг н-Б р новский*. Основная ошибка теории капитализма Маркса // Научное обозрение. 1899. № 5. С. 973–985; Трудовая ценность и теория прибыли (Моим критикам) // Научное обозрение. 1900. № 3. С. 607–633.

[25] *М. М. Филиппов*. Опыт критики «Капитала» // Научное обозрение. 1899. № 6. С. 1090–1109; По поводу статьи М. И. Туган-Барановского // Научное обозрение. 1899. № 5. С. 98; Еще одна попытка новой экономической теории // Научное обозрение. 1900. № 7. С. 1264–1273; Итоги полемики о ценности // Научное обозрение. 1900. № 9. С. 1553–1569; № 10. С. 1793–1809.

[26] *А. А. Богд нов*. Основная ошибка Туган-Барановского // Научное обозрение. 1899. № 9. С. 1758–1766; Новые точки зрения в экономической науке (Ответ Туган-Барановскому) // Научное обозрение. 1900. № 8. С. 1435–1448.

[27] *А. Д. Б<илимов>ич*. Новые попытки согласовать трудовую теорию ценности с законом равной нормы прибыли // Научное обозрение. 1899. 1899. № 11. С. 2129–2138.

[28] *А. Б<илимов>ич*. Ответ М. Филиппову // Научное обозрение. 1900. № 2. С. 413–417.

[29] *А. Рык чев.*Учение Бем-Баверка о прибыли и капитале // Научное обозрение. 1900. № 2. С. 217–237; № 4. С. 776–796.

[30] *С. Н. Булг ков*. О некоторых основных понятиях политической экономии // Научное обозрение. 1898. № 2. С. 330–353; *Он же*. О некоторых основных понятиях политической экономии. Капитал // Научное обозрение. 1898. № 9. С. 1475–1483; № 10. С. 1647–1667.

жданов [31], В. И. Засулич[32], В. Базаров[33] и др. Выходившие по этой проблеме работы в Германии незамедлительно появлялись в русских переводах[34], вышли из печати и русские обобщающие исследования[35]. Как писал один из авторов, учение о ценности «представляет целый калейдоскоп всевозможных теорий, “поправок”, дополнений и возражений, разобраться в которых подчас нелегко и хорошо образованному экономисту»[36]. Один из участников дискуссии, меньшевик Ф. А. Липкин шутливо вспоминал те годы: «Собралась компания знакомых, среди которых присутствовал и я. На столе лежит книжка “Научное обозрение”. Одна из присутствующих дам берется за эту книжку и натыкается на статью Карелина о ценности, направленную против гг. Струве и Тугана-Барановского. Лицо ее выражает неудо-

---

[31] *А. Нежд нов*. Теория ценности и прибыли Маркса перед судом фетишиста (*А. Слонимский*. Экономическое учение Маркса. СПб., 1898) // Научное обозрение. 1898. № 8. С. 1380–1896; Полемика по вопросу о ценности // Жизнь. 1899. Октябрь. С. 211–228.

[32] *Н. К релин [В. И. З сулич]*. Заметки читателя по поводу «упразднения» Туган-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли // Научное обозрение. 1900. С. 1721–1735; № 10. С. 1923–1936.

[33] *В. Б з ров*. К вопросу о производительном труде (Ответ г. С. Прокоповичу) // Научное обозрение. 1900. № 4. С. 797–807.

[34] *Э. Бем-Б верк*. Теория Карла Маркса и ее критика / Пер. под ред. П. И. Георгиевского. 1897; *В. Зомб рт*. К критике экономической системы Маркса // Научное обозрение. 1898. № 3. С. 474–484; № 4. С. 690–705; *В. Зомб рт*. К критике экономической системы Маркса // Научное обозрение. 1898. № 3. С. 474–484; № 4. С. 690–705; *Э. Бернштейн*. К теории трудовой ценности // Научное обозрение. 1900. № 4. С. 711–726.

[35] *А. М нуилов*. Понятие ценности по учению экономистов классической школы (Смит, Рикардо и их ближайшие последователи). Критическое исследование по истории основных положений теоретической экономии. М., 1901; *В. К. Дмитриев*. Экономические очерки. М., 1904.

[36] *В< силий> С<оломин>*. [Рец.:] Мануилов А. Понятие ценности по учению экономистов классической школы (Смит, Рикардо и их ближайшие последователи). М. 1901 г. // Народное хозяйство. 1901. Май. С. 152.

вольствие. “Опять о ценности!” — тоном раздражения восклицает она. — Это отвращение в тот момент ко всему тому, что трактовало о ценности, было далеко не единичным явлением. Мне передавали, что один известный писатель требовал от редакции одного журнала очищения его страниц от статей о ценности»[37].

Полемика о ценности оказалась продуктивной, хотя совсем не в том смысле, на который надеялись участники, ибо раскола в русском марксизме (как и в немецком) избежать не удалось. В экономическом понятии Wert выявилась антиномия объективного и субъективного. Поэтому итогом дискуссии, помимо стремительно начавшейся ревизии в марксизме, стало осознание субъективного и объективного в ценности, что привело к постановке философской проблемы ценности. «Теоретический марксизм» сыграл роль не только «печки, от которой танцуют наши писатели по эк<ономическим> и социологическим вопросам»[38], как выразился в 1901 г. Булгаков, но и печки, от которой стали танцевать по философским вопросам.

По воспоминаниям Франка известно, какую существенную роль в его развитии сыграли работы Струве, начиная с его книги «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894). Франк писал, что «Философские пассажи “Критических заметок” впервые <...> заставили меня призадуматься серьезно над философскими вопросами (я тогда был и считал себя не философом, а “экономистом”). Эти философские пассажи “Критических заметок” были вообще первым началом возникшего через несколько лет в нашей марксистской среде русского “идеализма”»[39]. К концу 1890-х гг. Франк, тогда еще студент юри-

[37] *П. Нежд нов*. О старом вопросе (По поводу новой книжки: Е. Смирнов. Цена и трудовая стоимость). СПб., 1903. С. 3–4.

[38] *С. Н. Булг ков*. Письмо П. Б. Струве. 5 сентября 1901 // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год [6]. М., 2004. С. 516.

[39] *С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве // С. Л. Франк. Непрочитанное...: Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 401.

дического факультета Московского университета, пришел к «сознанию шаткости и несостоятельности экономической теории Маркса»[40]. Первой публикацией Франка была «Психологическое направление в теории ценности» (1898)[41]. В этой статье Франк выступал как марксист, считающий нужным лишь дополнить трудовую теорию ценности элементами субъективной теории, в частности теорией предельной полезности. Средняя, «объективная» ценность товара, по Франку, объясняется общественно-необходимым трудом, затраченным на производство благ, теория же предельной полезности объясняет не саму ценность, а лишь ее колебания на рынке.

Высланный за участие в студенческих беспорядках в провинцию с запрещением два года проживать в университетских городах, Франк в 1899 г., чтобы не терять времени, уехал за границу и зимний семестр 1899/1900 гг. провел в Берлине, где, вероятно, слушал лекции Георга Зиммеля. Поэтому неудивительно, что написанная Франком в Берлине книга «Теория ценности Маркса и ее значение» (1900) несет на себе следы влияния теории социального взаимодействия Зиммеля[42]. В основе последней лежала идея тесной связи человека и общества при полном сохранении специфики обоих явлений. Чем более социально разнообразно общество, тем совершеннее человек, живущий в нем, и чем теснее связь человека с обществом, тем в большей степени могут проявиться его собственно человеческие, личностные качества. Зиммель, т.о., связал уровень расцвета личности с уровнем разнообразия общества, тем самым поставив под сомнение концепцию Маркса о будущем социально-однородном обществе как условии расцвета твор-

---

40 *С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 402.

41 *С. Фр нк*. Психологическое направление в теории ценности // Русское Богатство. 1898. № 8. С. 60–110.

42 Впервые предположение о влиянии Зиммеля на Франка сделал Петер Элен (*П. Элен*. Семен Франк: философ христианского гуманизма. М., 2012. С. 17).

[Содержание]

ческих способностей человека[43]. Вывод этот присутствовал и в «Критических заметках» Струве.

В книге «Теория ценности Маркса и ее значение» Франк пытается обрисовать путь возможного соединения субъективного и марксистского подходов к политэкономии. Франк дает определение ценности в духе субъективизма: «ценность есть не что иное, как психологическое состояние, испытываемое субъектом при взаимодействии с предметами внешнего мира, и так как субъектом в психологическом смысле может быть только индивидуум, а не общество, то тем самым только индивидуум может быть и субъектом ценности»[44]. Он полагает, что «в теории субъективной ценности мы имеем единственно верный ключ к разрешению проблемы меновой ценности»[45]. Но Франк приветствует и стремление Маркса объяснить ценность объективными факторами.

Автор приходит к выводу, что меновая ценность и субъективна, и объективна одновременно. Данные психологии и социологии, в свою очередь, свидетельствуют, что таковы все вообще явления общественной жизни: они существуют, с одной стороны, независимо от нас, объективно, принудительны для нас, а с другой суть продукт психического взаимодействия людей. «И как все эти явления обладают какой-то субстанциальной прочностью и консерватизмом, несмотря на постоянные и разнообразные изменения составляющих их индивидуальных элементов, точно так же и меновая ценность приобретает характер природного и относительно постоянного свойства товара, хотя она есть лишь продукт колеблющихся субъективных оценок»[46]. В сущно-

[43] *G. Simmel*. Über die soziale Differenzierung: sociologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig, 1890. Рус. пер.: *Г. Зиммель*. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Пер. С. Г. Киев; Харьков, 1898.

[44] *С. Л. Фр нк*. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб., 1900. С. 245.

[45] Там же. С. 354.

[46] Там же. С. 357.

сти, Франк здесь приходит к той же оценке теории ценности Маркса, что и Струве: это не экономическая, а социологическая теория. В рецензии на книгу Франка Струве повторяет свой вывод относительно Arbeitswertlehre: «Только с этической и социально-политической точки зрения труд — есть единственный фактор создания благ, но к этой этической точке зрения общественной справедливости чисто экономическая проблема ценности не имеет никакого отношения»[47]. Франк, по словам Струве, пытался оправдать, спасти марксову теорию трудовой ценности, истолковав ее как «*этический постул т*, согласно которому должно быть построено общественное хозяйство, удовлетворяющее принципам справедливости»[48]. Однако этим Франк ее, скорее, похоронил. Проанализировав экономическое понятие ценности, Франк навсегда покинул область политэкономии и пришел к необходимости социологической проблематизации понятия ценности[49].

На ее развитие оказало влияние неокантианство, стремившееся построить социальную науку на трансцендентальном методе Канта. Исследователь этого поворота К. Форлендер определял смысл поворота следующим образом: «...неокантианцы всеми силами стремятся целиком перенести критицизм также и в область социальных наук, чтобы, посредством трансцендентального метода и имея в виду этический идеал Канта, создать такую социальную философию, “которая могла бы выступить в качестве науки”»[50]. Теория прогресса, столь ярко выраженная у Маркса, в неокантианстве заменяется концепцией истории как телеологически устремленного

47 *П. Б. Струве.* [Рец.:] С. Л. Франк. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд // Мир Божий. 1900. № 8. С. 116.

48 *П. Б. Струве.* [Рец.:] С. Л. Франк. Теория ценности Маркса и ее значение. С. 115.

49 *С. Л. Фр нк.* Письмо Н. А. Струве. 14 июля 1901 // Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) // Путь. 1992. № 1. С. 269.

50 *К. Форлендер.* Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме / Пер. П. Земнова. М., 1906. С. 76.

движения к осуществлению этического идеала Канта — свободной личности. С идеей этического понимания социализма выступил Г. Коген, выводивший социализм из категорического императива. П. Наторп выдвинул идею истории как целенаправленного осуществления нравственного закона, приводящей в царство должного, в котором будет всесторонне развит человек [51].

Струве еще в «Критических заметках» в полемике с народническим пониманием общественного и экономического развития России использовал идеи критической философии, т. е. Канта и его последователей. По словам Франка, «...само миросозерцание марксизма он обосновал не — как это полагалось по партийной схеме — на философском (или “диалектическом”) материализме, а на некоем новокантианском “критицизме” или “идеализме”, одним из первых пропагандистов которого он явился»[52]. В частности, Струве импонировал подход к гносеологии А. Риля, с точки зрения которого теория познания занята тем, что проверяет источники наших знаний, а также трактовка Зиммелем социального бытия человека, с точки зрения которой развитость личности напрямую зависит от социального разнообразия общества. Уже в 1894 г. Струве приходится обратить внимание на личностный аспект бытия человека, в то время как социализм предполагал примат социального.

Но наибольший отклик в России получила вышедшая в 1896 г. книга Р. Штаммлера «Wirtschaft und Recht. Nach der Materialistischen Geschichts auffassung» (Leipzig, 1896)[53], где

---

[51] *P. Natorp*. Sozialpädagogik. Theorie der Willensbildung auf der Grundlage der Gemeinschaft. Stuttgart, 1899. Рус. пер.: *П. Н торп*. Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности / Пер. А. А. Громбаха. М., 1911.

[52] *С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве // С. Л. Франк. Непрочитанное... С. 401.

[53] Русский перевод: *Р. Шт ммлер*. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. М., 1898. Второе издание: СПб., 1899.

автор проанализировал материалистическое понимание истории и «высказал телеологическое положение, согласно которому социальная жизнь — это сознательная реализация целей путем выбора соответствующих средств. Согласно Штаммлеру, экономика представляет сферу причинной необходимости, право связано с телеологией»[54]. Это различение опиралось на Канта, для которого факты природы объясняются по закону причинности, а ценности представляют отношение цели. С книгой Штаммлера движение «критического марксизма» получило дополнительный импульс. Полемика между Булгаковым и Струве вокруг книги Штаммлера привела к отказу обоих от материалистического понимания истории и замене его идеей телеологического истолкования прогресса.

Спор начался с выступления Булгакова в защиту научного детерминизма, т. е. понимания социального развития как естественного процесса, подобного всем процессам природы[55]. Отвечая Булгакову, Струве первоначально попытался механически примирить причинность и телеологию, рассматривая причинность как выражение целесообразности. Однако ему пришлось признать суверенность цели, суверенность и беззаконность свободы[56]. Бердяев в своей книге «Субъективизм и индивидуализм в об-

---

54 *Д. Стейл* . История и идеалы: значение некоторых неокантианских тем в спорах русских марксистов на рубеже XIX и XX веков // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М., 2010. С. 331.

55 *С. Н. Булг ков*. О закономерности социальных явлений // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 35. С. 575–611; *С. Н. Булг ков*. Закон причинности и свобода человеческих действий // Новое слово. Кн. 8. Май. 1897. С. 183–199.

56 *П. Б. Струве*. Свобода и историческая необходимость (По поводу книги Штаммлера и статьи С. Н. Булгакова. «Вопросы философии и психологии», ноябрь—декабрь. 1896) // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 132; *П. Б. Струве*. Еще о свободе и необходимости (ответ на предыдущую статью С. Н. Булгакова) // Новое слово. Кн. 8. Май. С. 200–208. В статье 1898 г. «Марксова теория социального развития.

щественной философии. Критический этюд о. Н. К. Михайловском» (1901) упрекнул Штаммлера в полной замене закона природы моральным законом, однако сам предложил понимать причинный процесс как телеологический: «В историческом процессе есть имманентная целесообразность, ни в каком смысле не противоречащая закономерности и представляющая лишь другую ее сторону. Человечество в одно и то же время является и целью исторического процесса, и его фактором, поэтому оно всегда возьмет свое. Целесообразное неизбежно выживает в истории»[57].

В своем предисловии к книге Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (1901) Струве окончательно отказался от позиции научного объективизма, который постигает лишь бытие, объект, и не имеет права ставить «должное на место сущего, желаемое на место истины»[58]. Должное неподвластно науке, поскольку невыводимо из опыта, из бытия, обладает иным типом реальности. Долг невыводим из опыта или логической очевидности. «Долженствование утверждается — бессознательно или сознательно — на внеопытной или трансцендентной санкции»[59]. Высшей ценностью обладает личность в ее самоопределении к высшему духовному содержанию[60]. Человек

Критический опыт» Струве, впрочем, радикально критикует Штаммлера с позиции марксизма.

57 *Н. А. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. 129–130.

58 *П. Б. Струве*. Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. XXII.

59 *П. Б. Струве*. Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм. С. XXXVIII.

60 *П. Струве*. О нашем времени. I. Высшая ценность жизни // Северный Курьер. СПб., 1900. 16 января. № 74. С. 2 (Републиковано М. А. Колеровым: Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 42–46).

должен свободно, осознанно стремиться к тому, чтобы стать моральным существом. «Абсолютный характер добра заключается в том, что оно есть само ценность, т. е. что оно ни от чего иного не заимствует своей ценности, а, наоборот, всему прочему указует место в ряду ценностей»[61]. Струве даже заявил о субстанциальности свободы[62].

Проблема соотношения причинности и телеологии, необходимости и свободы — одна из центральных в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). Струве, Бердяев и Булгаков единодушно принялись писать о наличии противоречия в марксистском понимании истории: оно требует движения к заранее намеченному возвышенному идеалу, но опирается на детерминизм. Впрочем, здесь не было ничего нового. Задолго до них это противоречие в шуточной форме заострил В. С. Соловьев: «нет ничего кроме материи и силы; борьба за существование произвела сначала птеродактилей, а потом плешивую обезьяну, из которой выродились и люди: итак, всякий да полагает душу свою за други своя»[63].

По Струве, человек мыслит все бытие в двух видах — сущего и должного. Сущее понимается по закону причинности, необходимости, должное может объясняться только из свободы. «Между тем, основная мысль и в то же время основное заблуждение позитивизма состоит в подчинении должного (долженствования) сущему (бытию) и в выведении первого из второго»[64]. Свободу, однако, нельзя объяснять необходимостью. Ему вторит Бердяев: «Этика начинается противоположением сущего и должного, только вследствие этого противоположения она возможна. Отрицание должного как

[61] *П. Б. Струве*. Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм. С. LXI.

[62] Там же. С. XXXII.

[63] *В. С. Соловьев*. Письмо к редактору. О заслуге В. В. Лесевича для философского образования в России // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 5. С. 119.

[64] *П. Г. [П. Б. Струве]*. К характеристике нашего философского развития // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 79.

самостоятельной категории, независимой от эмпирического сущего и невыводимой из него, ведет к упразднению не только этики, но и самой нравственной проблемы»[65]. Булгаков под влиянием идей Достоевского подверг критике теорию прогресса, в котором будущее является наступающим с естественной необходимостью идеалом, ради которого можно поступиться счастьем людей. В итоге, по С. Н. Булгакову, если человек руководствуется законом причинности, то он вообще не может ставить себе нравственные цели, руководствоваться ценностями. Хотя поступки и мотивированы законом причинности, «долженствование обращается к воле, оно необходимо предполагает возможность нравственного хотения, возможность выбора, следовательно, немыслимо без свободы воли»[66]. Важнейшая идея сборника — целенаправленный исторический процесс как раскрытие должных объективных идеалов. Идя по своему пути, человечество должно руководствоваться нравственными целями, стремиться к осуществлению идеи человека в истории. История — это путь свершения человека как свободного существа, как высшей ценности. На этом пути никакая человеческая личность не может быть средством.

В творчестве Франка этический аспект ценности выходит на первый план также в статье для «Проблем идеализма».Работая над ней, Франк уже не считал себя марксистом. В своем дневнике 31 декабря 1901 г. Франк вспоминал критику своей книги в рецензии Плеханова[67] как нечто знаковое: «Итак, отлучение от православной церкви марксизма торжественно подтверждено: я уже давно мечтал об этом»[68].

---

[65] *Н. А. Бердяев*. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 92.

[66] *С. Н. Булг ков*. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 30.

[67] *Г. В. Плех нов*. О книге С. Франка «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» // Заря. 1901. № 2–3.

[68] *С. Л. Фр нк*. Дневник // С. Л. Франк. Саратовский текст / Сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 34.

Незадолго до этого Франк прочел книгу Ницше «Так говорил Заратустра». Ницше, казалось бы, выступил с идеей субъективности ценностей, основанных, по его мнению, лишь на «воле к власти», заявил радикальную программу критики ценностного мышления как такового и предложил переоценку всех ценностей («Umwertungaller Werte»). Но чтение Ницше подтвердило мысль Франка в том, что ценности субъективны и объективны одновременно[69]. В начале 1902 г. он записывает в дневнике: «Мне достаточен *мой*, *субъективный* смысл жизни. Я нахожу его смысл в двух началах: разум и этический идеал; правда-истина и правда-справедливость, как говорит Михайловский, или vitam impendere vero! — эпиграф Штаммлера. А там — что такое эти идеалы сами по себе и что есть жизнь и "я" сами по себе — мне в высокой степени наплевать»[70]. Тем не менее в начале 1902 г. у Франка «стало складываться некое "героическое" миросозерцание, определенное верой в абсолютные ценности духа и в необходимость борьбы за них»[71]. В оценке Ницше с ним был солидарен Бердяев: «Весь Ницше есть страстный, мучительный протест против действительности, против сущего и протест во имя идеала, во имя должного. Я еще буду говорить о Ницше, и мы увидим, что проповедь "сверхчеловека" есть проповедь абсолютного долга»[72]. В своей статье Франк понимает ценность как своеобразную антиномию созданного человеком, но принудительно стоящего над ним идеала, формулируя ее в терминах «любви к ближнему» и «любви к дальнему».

«Любовь к ближнему» требует поступаться своими интересами ради конкретных людей, подчинить себя целям других, смирить себя и, возможно, пожертвовать собой

[69] *С. Л. Фр нк*. Дневник. С. 37.

[70] Там же. С. 36.

[71] *С. Л. Фр нк*. Биография П. Б. Струве // С. Л. Франк. Непрочитанное... С. 411.

[72] *Н. А. Бердяев*. Этическая проблема в свете философского идеализма. С. 93.

[Содержание]

ради них. «Любовь к дальнему», напротив, призывает человека поставить задачи своего саморазвития, самовыражения, исполнения своей жизненной задачи выше интересов ближних. «Любовь к ближнему» предполагает в качестве высшей ценности конкретного человека, «любовь к дальнему» требует подчинения высшим ценностям — объективным — родине, государству, церкви, или даже абсолютным — Богу. В свое время Н. К. Михайловский осознал ее как антитезу совести и чести: «Совесть требует сокращения бюджета личной жизни и потому в крайнем своем развитии успокаивается лишениями, оскорблениями, мучениями: честь, напротив, требует расширения личной жизни и потому не мирится с оскорблениями и бичеваниями. Совесть, как определяющий момент драмы, убивает ее носителя, если он не в силах принизить, урезать себя до известного предела; честь, напротив, убивает героя драмы, если унижения и лишения переходят за известный предел. Человек уязвленной совести говорит: я виноват, я хуже всех, я недостоин; человек возмущенной чести говорит: передо мной виноваты, я не хуже других, я достоин. Работе совести соответствуют обязанности, работе чести — права»[73]. По Михайловскому, совесть требует заботиться, прежде всего, о другом человеке, а честь — развивать начала собственной личности. Михайловский считал, что совесть должна быть подчинена чести. Франк находит параллель этой антитезе Михайловского в ницшевской антитезе «любви к вещам» и «любви к призракам», т. е. антиномии ближнего к нам бытия и дальнего от нас идеала.

Антиномия «любви к ближнему» или совести и «любви к дальнему» или чести была центром размышлений Франка в дневнике первой половины 1902 г., времени написания Франком статьи о Ницше: «Два моральных чувства, заповеданных Христом, — любовь к Богу и любовь к ближнему,

[73] *Н. К. Мих йловский*. Г. И. Успенский как писатель и человек // Н. К. Михайловский. Собр. Соч. СПб., 1897. Т. 5. С. 115.

или, как их выражает Ницше, любовь к дальнему и любовь к ближнему, любовь к вещам и призракам и любовь к людям — таковы два основных моральных двигателя человечества, которые, хотя по идее и примиримы, но часто вступают в конфликт друг с другом <...> Последняя действует у меня только как *з держив ющий* принцип, первая же — есть активный нравственный импульс моей жизни»[74]. Франк рассматривает сквозь призму этой антиномии историю русской мысли всего XIX в.: «любовь к народу и любовь к высшим формам жизни»[75]; «*сл вянофильство* и *з п дничество* — это воплощение любви к непосредственно окружающим людям и любви к “призракам” — разуму, справедливости, благородству»[76]; «экономически радикальное *н родничество*, с его презрением к политике, и *политический р дик лизм* во всех его, весьма неясных у нас, формах, наконец, народничество и марксизм»[77]. Молодой философ, безусловно, выбирает «дальнее», но для него недостаточно сделать личный выбор, а важно понять, какова природа морального идеала вообще.

Для разрешения этого вопроса Франк вновь опирается на работы Зиммеля — «Введение в науку морали» (1893) и «Философия денег» (1900). Во «Введении в науку морали»[78] Зиммель различает сферы бытия и долженствования. Долг не обладает объективностью бытия, и это значит, что не может быть единого долженствования для человечества. С другой стороны, по Зиммелю, долг есть веление социальной группы, и в его исполнении индивид возвышается до всего общества[79]. Размышляя о природе долга, Зиммель

74 *С. Л. Фр нк*. Дневник. С. 46–47.

75 Там же. С. 47.

76 Там же.

77 Там же.

78 *G. Simmel*. Einleitung in die Moralwissenschaft. Eine Kritik der ethischen Grundbegriffe. Berlin. Bd. I, 1892; Bd. II, 1893.

79 *G. Simmel*. Einleitung in die Moralwissenschaft. 2 Aufl. Stuttgart und Berlin, 1904. Bd. 1. S. 21.

ставит вопрос об особом статусе ценности. В «Философии денег» Зиммель, опираясь на кантовскую критику понятия бытия, предлагает сделать главной категорией философии не бытие, а ценность. Двойственность ценности состоит, по Зиммелю, в том, что, с одной стороны, ценность субъективна, а с другой поскольку она имеет содержание, выражаемое в понятии или платоновской «идее», непроизвольна. Сознание не творит, а «преднаходит» ценность. Уникальность ценности в том, что признаваемое ценным каким-либо субъектом, обязательно считается им общезначимым. «С точки зрения естественной вещественности, такое притязание может казаться субъективным, с точки зрения субъекта, — объективным; в действительности же это третья категория, которую нельзя составить из первых двух, это как бы нечто между нами и вещами»[80]. Таким образом, Зиммель приходит к идее ценности как особой субъективно-объективной «реальности», которую нельзя относить ни к бытию («вещам»), ни к отдаленному идеалу («призракам»). Специфика ценности как раз и состоит в том, что она есть и «ближнее», и «дальнее», одновременно, т. е. то, что осознается субъектом как объективное, но свое.

Разрабатываемая Франком в статье «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”», с одной стороны, опирается на индивидуального субъекта, живущего в обществе, а с другой — на необходимость веры в объективные блага сами по себе. С одной стороны, Франк недвусмысленно утверждает, что победа того или иного принципа морали в душе обусловлена склонностью, т. е. психологией, связанной с социологическими факторами, а с другой — уверен, что истина не зависит от того, осуществляется ли она в жизни или нет или от того, как мы к ней относимся, т. е. субъективна и объ-

80 *Г. Зиммель.* Философия денег / Пер. А. Ф. Филиппова // Теория общества. Фундаментальные проблемы / Под ред. А. Ф. Филиппова. М., 1999. С. 330.

ективна одновременно. Та или иная ценность не может быть навязана человеку, а должна быть ему имманентной, но всякий человек должен стремиться всей своей жизнью бороться за воплощение в жизни объективных, не зависящих от него, повелевающих им вечных идеалов человечества — истины, добра и красоты. Эти идеалы находятся в душе человека, но становятся действительными в их осуществлении. Осуществление идеалов напрямую связано со становлением личности. Только исполняя их, человек становится тем, что он есть. Антиномия «любви к ближнему» и «любви к дальнему», т. о., разрешается Франком в требовании саморазвития личности[81]. Жизнь человека должна быть направлена на саморазвитие всех его сил, раскрытие его даров. Воспитывая себя, человек будет преображать и мир в направлении к высшим ценностям истины, добра и красоты.

В связи с понятием ценности актуальность в России получают идеи Вильгельма Германа Лотце. Первоначальная рецепция Лотце в России была связана с кругом лейбницеанцев Г. Тейхмюллера, Козлова и М. И. Каринского (последний слушал его лекции в Геттингене). К началу XX в. по-русски вышло несколько работ Лотце[82], появились исследования его философии в обзорных историко-философских работах[83]. Но на рубеже XIX–XX вв. Лотце привлек внимание своей концепцией истины как субъективно-объективного знания.

Канту была известна общеобязательность суждений, создающихся при применении категорий к опыту, а также об-

[81] Ср.: *Н. А. Бердяев*. Этическая проблема в свете философского идеализма. С. 106.

[82] *Г. Лотце*. Наслаждение в жизни и труде // Эпоха. 1864. № 10; *Г. Лотце*. Микрокосм. В 3 т. М., 1866; *Г. Лотце*. Основания практической философии. СПб., 1882; *Г. Лотце*. Основания психологии. СПб., 1884.

[83] *М. И. К ринский*. Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873; *А. И. Введенский*. Современное состояние философии в Германии и Франции. М., 1898.

щеобязательность морального закона. Открытием Лотце был тип общеобязательности, связанный с понятием ценности. В своем последнем незавершенном труде «Система философии» (1874) он писал, что содержание наших представлений не «существует, как существуют вещи, но лишь значит (gilt)»[84]. Кроме глагола gelten («стоить», «цениться», «иметь вес», «быть действительным», «значить», «считаться») Лотце также использовал термины Geltung и Gültigkeit («значение», «значимость», «ценность») и неологизм Gelten. Лотце задолго до Зиммеля открыл ценность как особый тип реальности между субъектом и объектом.

Лотце обращает внимание на одновременное наслаждение ценностью субъектом и ее принудительность, объективность. И если первоначально Лотце тесно связывал Geltung, Gültigkeit, Gelten с человеком, определяя «значимость» как то, что признается, чем наслаждаются, но постепенно перенес акцент на объективный момент «значимости» и пришел к признанию царства идей как систематических отношений между идеальными содержаниями, Ideenwelt. Я признаю нечто ценным именно потому, что за ним стоит объективная идея. Раз узнанная, она теперь всегда имеет для меня силу, я уже не могу ее отвергать; она — истина, благо и прекрасное. Ценность открыта мной и значима для меня, но значима потому, что существует сама по себе. Лотце, т. о., открыл реальность между субъектом и объектом, реальность идеи, имеющей нравственную силу для человека и воплощаемой человеком. Эта новая реальность призывала к дальнему и должному, имела онтологический статус, но не отрывалась от человека, т. е. связывала субъект и объект в единое целое.

Открытие Лотце было использовано для дальнейшего развития познавательного метода Канта в Баденской школе. В. Виндельбанд в сборнике статей «Präludien. Auf-

[84] *G. Lotze*. Logik. System der Philosophie. Erst Teil. Drei Bücher der Logik. Leipzig, 1912. S. 512.

sätzeund Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte» (1884)[85] объединил Geltung, Gültigkeit, Gelten Лотце и Allgemeingültigkeit (общезначимость) Канта[86]. С точки зрения Виндельбанда, Кант истолковал в качестве нормативных не только оценки, действующие в областях нравственного, эстетического, религиозного, но и суждения, образующиеся по законам применения категорий к опыту. Виндельбанд понимает как нормативное не только этическое и эстетическое сознание, но и логическое[87]. Или, иначе, принципы «абсолютного разума», по Виндельбанду, суть нормы. В 1892 г. ученик Виндельбанда Генрих Риккерт выпустил книгу «Der Gegenstand der Erkenntnis. Ein Beitrag der philosophischen Transcendenz»[88], где впервые различаются ценность и действительность, Geltung и существование. Он пишет, что понятие ценности нужно использовать «для образований (Gebilde), которые не существуют и, несмотря на это, кое-чем являются, и лучше всего мы это выразим, если скажем, что они значат (gelten)»[89]. Характеризуя все сознание, весь разум как нормативную систему, Виндельбанд предлагает философии заняться критической оценкой положений сознания и определяет такую критическую философию как науку «*об общезн чимых ценностях*»[90].

---

[85] Рус. пер.: *В. Виндельб нд.* Прелюдии. Философские статьи и речи / Пер. с 2-го нем. изд. [и предисл.] С. Франка. СПб., 1904.

[86] Мысль Лотце оказала влияние и на М. Шелера, который в своей диссертации «Beiträge zur Feststellung der Beziehungen zwischen den logischen und ethischen Prinzipien» (Иена, 1899) («Введение в установление отношений между логическими и этическими принципами») различал между объективным содержанием значимости и субъективным переживанием ценности, которое дано в чувстве.

[87] *В. Виндельб нд.* Что такое философия? / Прелюдии // В. Виндельбанд. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 22–57.

[88] Рус. пер.: *Г. Риккерт.* Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания / Пер. со 2 нем. изд. Густава Шпетта. Киев. 1904.

[89] *H. Rickert.* Der Gegenstand der Erkenntnis. Ein Beitrag der philosophischen Transcendenz. Freiburg, 1892. S. 229.

[90] *В. Виндельб нд.* Что такое философия? / Прелюдии. С. 40.

Струве был первым в России, кто откликнулся на это истолкование философии как критической науки о ценностях. Вслед за Виндельбандом Струве объявляет все, что имеет отношение к культурному творчеству, нормативным: «Для обозначения этой объективности не бытия, а идеальной (или формальной) обязательности немецкий язык обладает особым выражением Gelten (Geltung, giltig), не переводимым на русский язык (Владимир Соловьев, впрочем, пытался ввести неологизм: “значимость“). Аксиомам или нормам присуще, учит Виндельбанд, не бытие, а обязательность (Geltung). Проблема философии есть обязательность аксиом (Praeludien, 255). Обязательность есть общий предикат норм познания, этики и эстетики, и в этой обязательности и состоит их объективность. Понятие Gelten впервые с полным пониманием его специфического гносеологического смысла ввел Лотце, связавший это понятие с Платоновским учением об идеях (см. его Логику, гл. Ideenwelt)»[91]. По воспоминанию Франка, Струве обратил его внимание на «забытого (в России вообще мало известного) немецкого философа Лотце, которого он высоко ценил, и заставил меня прочитать его “Логику” и “Метафизику”»[92].

Благодаря знакомству с Лотце, Зиммелем и Виндельбандом обсуждение понятия ценности перемещается из области этики в область гносеологии и онтологии. Если ценность — это объективная идея, осознаваемая человеком в качестве идеала и осуществляемая им в жизни, то философия ценности есть идеализм.

В 1902–1904 гг. Струве, Бердяев, Булгаков и Франк считали себя приверженцами «критического идеализма». Этот термин использовался неокантианцами применительно

---

[91] *П. Б. Струве.* Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм. С. XIV.

[92] *С. Л. Фр нк.* Биография П. Б. Струве // С. Л. Франк. Непрочитанное... С. 415.

[Содержание]

к кантовской философии, т. е. обозначал трансцендентальный идеализм[93]. Но наиболее вероятно, что понятие восходит к наукоучению Фихте. Он описал две крайности понимания соотношения Я и Не-Я. Тот подход, при котором абсолютизировалось Не-Я, вещь, а Я оказывалось лишь его акциденцией, Фихте характеризовал как «догматический реализм». Противоположный подход, представлявший Я субстанцией, лишавший Не-Я реальности за пределами представления, Фихте называл «догматическим идеализмом». Фихте считает свою философию одинаково удаленной как от объясняющей науки, так и от метафизики. Он предлагает синтез: конечный дух полагает вне себя нечто абсолютное (вещь в себе), но это нечто является наличным только для него. Фихте устанавливает т. о. нечто вроде «принципиальной координации» субъекта и объекта, в которой ни одна сторона не должна подчинять себе другую. «Таким образом, господствующий в нашей теории критический идеализм оказывается определенно установленным. Он догматичен против догматического идеализма и реализма, доказывая, что ни деятельность Я сама по себе не является основанием реальности Не-Я, ни деятельность Не-Я сама по себе не является основанием страдания в Я»[94]. Основание закона деятельности Я лежит и в субъекте, и в объекте.

Вслед за Фихте, Струве утверждал, что «критический идеализм» одинаково противоположен как догматичному в своем детерминизме и преклонении перед объясняющей наукой «некритическому материализму» (который абсолютизирует чувственный опыт), так и метафизике (абсо-

[93] Ср.: *К. Форлендер*. Кантианизм и его отражение в новейшей социально-экономической литературе // Народное хозяйство. 1901. Апрель. С. 27. Последняя глава «Теории опыта Канта» (1885) Г. Когена называлась «Система критического идеализма».

[94] *И. Г. Фихте*. Основа общего наукоучения / Пер. Б. В. Яковенко // И. Г. Фихте. Сочинения. Работы 1792–1801. М., 1995. С. 350.

лютизирующей сверхчувственное)[95], он отрицал как абсолютизацию вещей, так и возведение в абсолют духа. Но наиболее ясно разъяснил смысл предполагаемого философского направления Булгаков, согласно которому истинному идеализму свойственно «тождество объективного разума вещей и субъективного познающего разума»[96]. Мир существует в данности субъекту, субъект и объект — нераздельные части одного целого; одно без другого не существует. Вещи не существуют вне нашего мышления, но если мы мыслим вещи, то мыслим в них и идеи. Эти идеи не являются, однако, лишь мыслимыми нами. Если мы их мыслим, они существуют. Однако и наш дух не существует сам по себе, вне предметного мышления. В этой идее единства субъекта и объекта примирялись теоретический и практический разум, т. е. познание, этика, эстетика и религия. Новое философское направление, т. о., мыслилось как идеал-реализм.

«Критический идеализм» должен был работать и против позитивизма, и против метафизики и оставлял свободу приходить к ней или не приходить: «Существуют два идеализма. Один — критический; он отправляется от теории познания и, пройдя через нее, либо останавливается в раздумье и сомнении пред метафизикой и не стучится в ее двери, либо, повинуясь непобедимой для многих и самых глубоких умов “метафизической потребности”, преступает грани опыта. Другой идеализм обходится без теории и критики познания и прямо вступает в мир сверхопытного. Идеализм первого типа связан с именами Беркли, Канта, Шопенгауэра, Лотце; идеализм второго типа — с именами Фихте, Шеллинга, Гегеля. Нет никакого сомнения, что Вл. Соловьев получил крещение

95 *П. Г. [П. Б. Струве].* К характеристике нашего философского развития // Проблемы идеализма. С. 82.

96 *С. Н. Булг ков.* О реалистическом мировоззрении. Несколько слов по поводу выхода в свет сборника «Очерки реалистического мировоззрения» // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 73. С. 389.

от Шеллинга и Гегеля. Их, а не Кантов дух почил на нем»[97]. Соглашаясь со Струве, Бердяев считал, что «гносеология критического идеализма широко открывает двери свободному нравственному творчеству человеческого духа»[98]. «Критический идеализм», т. о., сочетал свободу субъекта с признанием объективности мира.

В 1904 г. выходят сделанный Франком перевод «Прелюдий» Виндельбанда и статья «О критическом идеализме». Сначала Франк вводит разграничение теоретического и практического разума, подчеркивает границы каждой сферы. Отсюда выводится существование двух типов законодательства — того, которому подчинена природа, и того, которым руководствуется человек как нравственное существо. Первую «область» Франк связывает с понятием «бытия», вторую — с категорией «ценности» (прежде всего, но не только, этической). Каждая «сфера» живет по своим законам, каждая обладает определенным типом принудительности для человека. «Бытие», по Франку, — холодная действительность, существующая по законам логики. Франк принимает кантовское понимание объективности: суждения о действительности объективны, поскольку опыт правильно подводится под априорные категории. Однако «мы знаем, что этим бессмысленным и равнодушным міром еще не исчерпывается наша жизнь и что в систему разума входит и иной, еще более доступный нам, более интимно слитый с нашей личностью мір — мір ценностей; неустранимая принадлежность к нему есть для нас неиссякаемый источник нравственной энергии»[99]. Кроме законов науки, логики существуют и законы нравственности. «Наряду со всей грандиозной, с виду всеобъемлющей действи-

97 *П. Б. Струве*. Памяти Владимира Соловьева (1900) // П. Б. Струве. На разные темы. Сборник статей (1893–1901 гг.). СПб. 1902. С. 199.

98 *Н. А. Бердяев*. Этическая проблема в свете философского идеализма. С. 65.

99 *С. Л. Фр нк*. О критическом идеализме // Мир Божий. 1904. № 12. С. 256.

тельностью, наше сознание содержит иной, принципиально равноправный ей момент — идею должного, — и эта идея созидает новый, замкнутый в себе мiр, который мы воспринимаем не как *систему бытия*, а как *систему ценностей*. Нравственное есть не то, что *существует*, а то, что *должно существов ть»*[100]. Мы признаем эту систему как существующее над нами должное, истинное, красоту.

Задачу Франк видит в том, чтобы примирить эти два типа общезначимости в сознании. Виндельбанд понимал сферу их единства как «абсолютный разум» (единство «нормативного мышления», «нормативного воления» и «нормативного чувствования»), Франк понимает эту «область» соединения онтологически, используя концепцию сознания Вильгельма Шуппе, которую он уже в 1902 г. приветствовал как изгоняющую из гносеологии вещь в себе, а вместе с ней и метафизику. Шуппе выдвинул тезис, что никакие предметы вне сознания невозможны, субъект и объект, мышление и сущее — нераздельные составные части одного и того же процесса. Мышление не может быть оторванной от объекта, абстрактной действительностью. Мышление всегда мыслит некое содержание, оно не может быть безобъектным. Следовательно, и объект не существует, если не мыслится. «Мышление без содержания не только фактически невозможно, но и понятийно немыслимо»[101].

На эти близкие эмпириокритикам идеи Шуппе в России также первым обратил внимание Струве[102], а за ним и Бердяев отметил среди успехов немецкой философии последних лет «имманентную школу гносеологического монизма, представляемую Шуппе»[103]. В 1900 г. Бердяев излагал свою гносеологию прямо по Шуппе:

---

[100] Там же. С. 247.

[101] *W. Schuppe.* Erkenntnistheoretische Logik. Bonn, 1878. S. 26.

[102] *П. Б. Струве.* Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм. С. XVI–XXX.

[103] *Н. А. Бердяев.* Ф. А. Ланге и критическая философия // Мир Божий. 1900. Июль. С. 228.

«Познание есть продукт как субъекта, так и объекта. Понятие субъекта и объекта, познающего и познаваемого, так же соотносительны и неотделимы друг от друга, как напр., понятия отца и сына, дяди и племянника. Для теории познания субъект существует лишь в его отношении к объекту, т. е. поскольку он познает, объект же лишь в его отношении к субъекту, т. е. поскольку он познается»[104].

Вслед за Струве и Бердяевым и Франк привлекает идеи имманентной философии Шуппе и делает началом всего сознание: «...философия должна обобщать совокупность данного нам не в форме системы (эмпирической или метафизической) действительности, а в форме вне-эмпирической, вне и выше бытия стоящей *системы созн ния*»[105]. Глубочайшим уровнем реальности для Франка оказывается именно жизнь сознания, постигаемая в непосредственном переживании. Сознание, следовательно, является источником как «бытия» (т. е. внешней действительности), так и должного, идеального (т. е. системы ценностей). Этот сознание Франк не мыслит только лишь как разум (и даже говорит, что она недоступна рассудочному пониманию), а понимает как духовную глубину: «...критический идеалист видит в целостной духовной жизни — этом источнике как категорий действительности, так и нравственных, эстетических и религиозных понятий — нечто абсолютно первичное, наиболее достоверное и, тем самым, стоящее *вне вопрос* о субъективности или объективности, по ту сторону антиномии между действительностью и вымыслом»[106].В понятии сознания Франк, следовательно, находит начало, примиряющее сущее и должное, объективную действительность и идеал. Сознание является чем-то более первоисточным и изначальным, чем бытие, оно понимается Франком как абсолютная предпосылка всего — «жизнь».

[104] *Н. А. Бердяев*. Ф. А. Ланге и критическая философия. С. 238–239.
[105] *С. Л. Фр нк*. О критическом идеализме. С. 242.
[106] Там же. С. 242.

Так в 1904 г. у Франка появляется в очень смутной форме плотиновский мотив в понимании сознания, который был свойственен и Шуппе (что было замечено его русскими исследователями)[107].

Итак, в 1904 г. Франк пришел к философскому понятию сознания. Однако в его статьях 1905–1908 гг. центральной темой все еще является«неокантианская» проблема личности и культуры. В статье 1905 г. «Политика и идеи. О программе “Полярной Звезды”» Франк определяет личность как творца культуры: «В нашем философско-политическом міровоззрении мы исходим из идеи *личности*, как носителя и творца духовных ценностей, осуществление которых в общественно-исторической жизни образует содержание *культуры* и есть высшая и последняя задача политического строительства. Личность для нас священна сама по себе, в силу присущего нам морального сознания, которое гласит, что человек должен всегда рассматриваться, как цель, и никогда — как простое средство, и требует от нас уважения ко всякой человеческой личности, как таковой»[108]. Струве, ища союзников-«персоналистов», даже признал, что в большинстве социалистических доктрин «лежит вовсе не философский социализм, а, наоборот, идея индивидуалистическая, идея верховной ценности личности и служебного значения социального организма», в свете чего П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский не так уж неправы в индивидуализме, хотя и искажают его утилитаризмом и пр.[109]

Вскоре в той же «Полярной Звезде» выходит большая, двухчастная статья Струве и Франка «Очерки философии культуры», где культура определяется как«совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством

---

[107] *Г. Л нц*. Вильгельм Шуппэ и идея универсальной имманентности // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 100. С. 757–799.

[108] *С. Л. Фр нк*. Политика и идеи. О программе «Полярной Звезды» // Полярная Звезда. 1905. № 1 (15 дек.). С. 21.

[109] *П. Б. Струве*. Индивидуализм и социализм (Отрывок) // *П. Б. Струве*. Избранные сочинения. М., 1999. С. 157–158.

и составляющих его духовно-общественное бытие»[110]. Это определение выражает сформулированную Лотце и Зиммелем антиномию ценности: быть объективной, принудительной, властвующей и даже абсолютной и быть результатом человеческого творчества. Такое понимание, с одной стороны, восходит к кантовской дефиниции культуры как к процессу формирования человеческих способностей с целью их осуществления: «Приобретение (Hervorbringung) разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) — это культура»[111]. С другой стороны, само выдвижение понятия культуры на передний план отсылает к Виндельбанду, понимавшему трансцендентальную философию Канта, прежде всего, как философию культуры, поскольку культура вообще есть то, что человеческое сознание вырабатывает из какого-либо материала. В связи с этой актуализацией понятия культуры уже в 1905 г. у Струве и Франка появляется тема антикультурности интеллигенции.

Антиномия культуры как творчества человеком абсолютных ценностей обнаруживает ее врагов: утилитаризм, отрицающий божественный дух человека, и аскетизм, отрицающий земное в человеке, «обоим — по крайней мере в принципе — чужда идея богочеловечества, идея воплощения абсолютных ценностей духа в земной жизни и ее средствами — идея, лежащая в основе философского понятия культуры»[112]. Со Струве и Франком солидарен Булгаков, что «истинному реализму одинаково чуждо как то мировоззрение, в котором человек рассматривается в качестве бесплотного духа, так и то, где он фигурирует только в качестве животного»[113].

[110] *П. Б. Струве, С. Л. Фр нк.* Очерки философии культуры // Полярная Звезда. 1905. № 2 (22 дек.). С. 110.

[111] *И. К нт.* Основы метафизики нравственности // И. Кант. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 464.

[112] *П. Б. Струве, С. Л. Фр нк.* Очерки философии культуры // Полярная Звезда. 1905. № 2 (22 дек.). С. 113–114.

[113] *С. Н. Булг ков.* О реалистическом мировоззрении. С. 387.

Адекватное представление о человеке должно видеть в нем «богочеловеческое» начало. Человек больше, чем он есть; он должен стремиться к высшему и большему, чтобы осуществиться как человек. Это понимание богочеловечества полностью соответствует неокантианской традиции. Богочеловечество — это гуманизм: «идеализм, вера в абсолютные ценности, соединенная с верой в человечество и его творческие задачи на земле»[114]. «Богочеловечество» — термин для обозначения человека, нацеленного на осуществление ценностей, т. е. абсолютной идеи. Философ права В. А. Савальский предполагал, что «представители русской философской мысли в своем возвращении к Канту примкнули к Виндельбандо-Риккертовской школе, по-видимому, потому, что идеи этого направления родственны философии Соловьева и, во всяком случае, совпадают в существенных моментах в истолковании критической философии Канта»[115]. Струве уже давно считал Соловьева потенциальным союзником идеалистов. Еще в 1897 г. он писал о 1896 г.: «...в то время я стоял еще на почве критического позитивизма, теперь же исповедую метафизический идеализм и, в силу этого, стал гораздо ближе к Соловьеву, чем прежде»[116]. С другой стороны, это обращение за поддержкой к Соловьеву означает усиление религиозной направленности мысли как Струве, так и Франка.

В 1905–1908 гг. в тему культуры у Франка все больше вплетается мотив онтологии, все чаще появляется, хотя мимоходом, тема сознания как абсолютного первоединства: «Точнее говоря, как культура, так и личность заимствуют свою ценность из своей внутренней, имманентной связи

[114] Там же. С. 115.

[115] *В. А. С в льский*. Введение в философию права // Критическое Обозрение. 1907. Вып. 5. С. 11.

[116] *П. Б. Струве*. Философия идеального добра или апология реального зла? // П. Б. Струве. На разные темы. Сборник статей (1893–1901 гг.). СПб. 1902. С. 187.

с абсолютной святыней — духом и его идеалами»[117]. «К каждому человеческому существу мы должны относиться, как к внешней оболочке или физико-психическому проявлению высшего трансцендентного начала — того духа, который для нас есть святыня»[118]. Субъект приходит к абсолютным ценностям на пути самопознания: «Мы старались выше показать, что истинная религиозность в настоящее время тождественна с индивидуализмом; а между тем, индивидуализм в его подлинном смысле, как упорная работа самопознания и самоуглубления, есть нечто чуждое современной интеллигенции»[119].

Фактически, Франк уже в это время приблизился к идее самопогружения для обнаружения глубинной сущности человека. Чтобы стать человеком, нужно прийти к самому себе. Мысль о самом глубочайшем в человеке пока не получает у Франка никакого развития, однако Франк приходит к необходимости религиозного миросозерцания, источником которого является душа человека. На этом основании, протестуя против институциональной религии, Франк хочет обосновать веру в индивидуальном религиозном опыте: «Для правды же нужно одно и только одно: полная свобода, отсутствие всякой тенденции»[120].

Итак, в 1904–1908 гг. Франк предпринимает попытки создания онтологии. Подлинным бытием обладает субъект, поскольку он является носителем абсолютных духовных ценностей, постигаемых им в самопознании. Таким путем он становится личностью, которая способна преобразить мир. В связи с этим итогом становятся понятны слова Франка, относящиеся к 1908 г.: «...завершилась пора мо-

[117] *П. Б. Струве, С. Л. Фр нк*. Очерки философии культуры. 2. Культура и личность // Полярная Звезда. 1905. № 3 (30 дек.). С. 172.

[118] Там же. 173.

[119] *С. Л. Фр нк*. Лев Толстой и русская интеллигенция // С. Л. Франк. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 444.

[120] *С. Л. Фр нк*. О задачах Религиозно-философского общества // С. Л. Франк. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 537.

[Содержание]

его интеллектуального и духовного формирования; именно к этому времени я окончательно уяснил себе основы моего собственного философского мировоззрения»[121]. Франк укрепляется в мысли о наличии трансцендентной реальности за пределами противоположности субъекта и объекта. Это заставляет его все критичнее относиться к идее человека как творца культуры, а соответственно, и к неокантианской философии. В 1908 г. Франк уже упрекает Виндельбанда и Риккерта в сведении философии к науке о ценностях, т. е. к этике[122], хотя не в последнюю очередь размышления над понятием ценности привели Франка к постановке проблемы культуры и личности, а затем к осознанию трансцендентности ее корней и пониманию сознания как самооткровения абсолютного бытия, идее, которую он будет развивать уже в работах 1910-х гг., а затем в магистерской диссертации «Предмет знания» (1915).

[121] *С. Л. Фр нк*. Биография П. Б. Струве // С. Л. Франк. Непрочитанное... С. 479.

[122] *С. Л. Фр нк*. [Рец.:] Генрих Риккерт. Философия истории. Перев. с нем. С. Гессена // Русская Мысль. 1908. Кн. VI. С. 135–137.

[Содержание]

М. А. Колеров

Утаённый социализм Струве и Франка: газета «Рабочее Слово» (1906)

Приложения: 1. [П. Б. Струве] Рабочее Слово;
2. Петр Струве. Привет!

Продолжая начатую в редакции «Освобождения» (1902–1905) и в «Союзе Освобождения» (1904–1905) борьбу за внесение социал-демократических программных требований в области рабочего вопроса, социалистических установок в области вопроса аграрного — в программу русских либералов, после образования кадетской партии, членом ЦК которой он стал в 1906 году, П. Б. Струве не оставил этих усилий, с согласия партии став её главным экспертом и стратегом в рабочем и аграрном вопросах[1]. Здесь Струве предлагал начать партийную пропаганду либеральной программы в среде крестьян и рабочих, сотрудничая с социалистами, лоббировал проведение по спискам партии в Государственную думу рабочих и крестьян[2].

[1] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.. В 6 т. / Т. 1. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. / Сост. Д. Павлов. М., 1994. С. 47–48, 114, 140, 147–148, 169, 176, 178.

[2] *В. В. Шелох ев.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 52, 157–159.

В контексте усилий Струве в рабочем вопросе остаётся без исследования замалчиваемая всеми без исключения участниками, свидетелями и мемуаристами (и особенно самим Струве и его ближайшим другом, сотрудником и внимательным биографом С. Л. Франком) деятельность Струве во главе ежедневной петербургской газеты «Рабочее Слово» и опубликованные им в ней тексты, являющие собой редкие образцы адресованной массам агитационной литературы, вышедшей из-под пера Струве. Неизбежно утрируя свою мысль и форсируя пафос, он, однако, не может его полностью выдумать, не разделяя его. И потому этот простой жанр неожиданно открывает нам традиционно скрывавшуюся Струве под рационально продуманной риторикой свободы — подлинную страсть справедливости. Можно вполне содержательно реконструировать модерный, культурный, энциклопедически фундированный, национально окрашенный и западнически цивилизованный пафос жизненной борьбы Струве, как это сделал С. Л. Франк в своих классических воспоминаниях. Но, думается, и ему не удалось описать не менее важное в Струве и в себе самом, то, что сделало их революционерами и социалистами, а затем — подвижниками культурного и религиозного дела, — жажду справедливости. Агитационно искусственные тексты Струве об этом в названной газете обречены были трактовать именно справедливость — как бы то ни было — проговаривать подлинное чувство Струве.

«Ежедневная общедоступная общественно-политическая и литературная газета» «Рабочее Слово» выходила в свет с 31 марта по 16 мая 1906, одновременно с газетой «Дума»[3], которую вёл Струве, и еженедельником «Свобода и Культура»[4] во главе с Франком, основанным в про-

[3] Начала выходить в свет одновременно с началом заседаний I Государственной Думы 27 апреля и прекратилась 13 июня 1906 года.

[4] 1 апреля — 31 мая 1906.

должение закрытого властями еженедельника «Полярная Звезда»[5], главный редактор которого, Струве, попал под уголовное преследование за призывы к неповиновению власти и более не мог возглавлять издание. Логично предположить, что редакционно эта газета управлялась теми же Струве и Франком. Программа новой газеты, несомненно, написанная лично Струве в его узнаваемой стилистике, гласила:

> «“Рабочее Слово”, не примыкая ни к одной из существующих политических партий, ставит своей задачей содействие борьбе рабочего класса за его политическое и экономическое освобождение. Борьба эта должна быть озарена светочем великого и всеобъемлющего идеала социализма — или основанной на социальной справедливости трудового общества. (...) Становой хребет всякого крепкого рабочего движения должны составлять профессиональные рабочие организации»[6].

Заявление внепартийного характера газеты, конечно, было лукавством. И не только потому, что она была основана членом ЦК кадетской партии Струве и следовала его названным усилиям по привлечению рабочих к этой партии, а и потому, что газета сама не скрывала свои связи с кадетами. Она неизменно публиковала текущую информацию о работе кадетской партии в массах, в первую очередь — среди рабочих. Неоднократно газета печатала и рекламные объявления о подписке на партийное кадетское издание —

[5] 15 декабря 1905–19 марта 1906.

[6] *[П. Б. Струве]*. Рабочее Слово // Рабочее Слово. № 1. 31 марта 1906. СПб. С.1. Полностью публикуется в приложении к настоящему тексту. В этом же номере была опубликована справочно-пропагандистская статья Франка, не представляющая особенного интереса: *С. Фр нк*. Социализм и профессиональное движение // Рабочее Слово. № 1. 31 марта 1906. СПб. С. 2–3.

«Вестник партии Народной Свободы»[7]. Не для рабочего, а для интеллигентного взгляда ясна была и прямая преемственность проповеди Струве против взаимно разрушительных действий правительства и революционеров, которые в ходе всеобщей *политической* забастовки работников в ходе революции 1905 года и её подавления действительно парализовали многие сферы жизни страны. Но Струве, пожалуй, был единственным оппозиционным политиком с социалистической репутацией, который прямо обвинял революционеров в нанесении экономического ущерба государству. Умалчивая о них, в «Рабочем Слове» Струве живописал тяжёлые последствия этого ущерба для самих рабочих, вступая на скользкий путь отрицания забастовочной борьбы — и тем самым на путь прямого содействия капиталистам в их экономических интересах и властям — в их интересах экономических и политических[8]. С другой стороны, Струве в программе газеты едва ли не впервые в России выступает с проповедью классовой самостоятельности пролетариата, независимого от партийных манипуляций революционной интеллигенции (имеется в виду — подстрекательства к политическим забастовкам) и в этом качестве предвосхищает антиинтеллигентскую социалистическую публицистику Евг. Лозинского[9], и отчасти повторял антиинтеллигентскую «махаевщину», если она была ему известна. Ясно, что здесь лишь излагает социальную историю инфраструктурной самоорганизации германской социал-демократии того времени, когда ей была воспрещена политическая деятельность в эпоху Бисмарка. Эта самоорганизация действительно стала главной основой парла-

7 См., например: Рабочее Слово. № 6. 8 апреля 1906. СПб.; Рабочее Слово. № 11. 14 апреля 1906. СПб.

8 См. его центральный текст на эту тему, опубликованный за несколько месяцев до выхода газеты: *Петр Струве*. Два забастовочных комитета // Полярная Звезда. № 3. 30 декабря 1905. СПб.

9 *Евг. Лозинский*. Что такое, наконец, интеллигенция? Критико-социологический опыт. СПб., 1907.

ментского успеха СДПГ, надежд Энгельса на мирный переворот и ревизионизма Бернштейна, а затем и прихода СДПГ к государственной власти в Германии в результате революции 1918 года. Несомненно и то, что чрезвычайно влиятельные в России 1917 года профсоюзы тоже создавались на глазах Струве и создавались как неполитические организации. Ясно и то, что и в этой газете привлекаемая им в предшественники фигура Герцена, равно дорогая социалистам и либералам, в другой, интеллектуальной и политической публицистике используется для формулирования доктрины «компромисса», а не просто исторической глубины революционной борьбы. Но то, что именно Струве посреди своей либеральной политики — в специальной газете для пролетариата уделяет всему этому такое внимание, — заставляет думать о не только не отброшенном в ходе эволюции социалистическом слое его мировоззрения, но о вполне живой социал-реформистской природе его убеждений и после революции 1905 года.

Адресом редакции газеты «Рабочее Слово» был объявлен дом 58 по Литейному проспекту Санкт-Петербурга — соседний с домом 60, в котором в 1890-х годах жил сам Струве и в котором в 1900-х продолжала жить его бывшая покровительница и спонсор марксистских изданий, включая «Искру», просветительница А. М. Калмыкова.

Итак, центром идеологического вещания газеты стал «великий и всеобщий идеал социализма», реализуемый в эволюционной борьбе пролетариата на основе профсоюзного движения. Струве (при формально объявленных редакторе А. Тенсе и издателе И. Венедиктове) удалось привлечь к (официально объявленному) сотрудничеству в газете таких опытных и признанных социалистических политических и экономических авторов (В. С. Голубев, Л. Я. Гуревич, В. Э. Ден, М. И. Туган-Барановский, С. Л. Франк, В. В. Хижняков, М. И. Фридман, Г. Н. Штильман, А. А. Яблоновский), что само это исключало «притворный» характер издания, что, кстати, подтверждало и карательное

внимание цензуры, конфисковавшей воскресные номера газеты: № 7 от 9 апреля и № 13 от 16 апреля.

Публично, под своим именем, Струве и Франк выступили в газеты лишь по одному разу. Струве, в частности, поделился с рабочими читателями своим социалистическим воспоминанием, которое очень напоминает мемуарное свидетельство Франка и тем указывает, что Франк, утаив свидетельство о газете, невольно воспроизвёл эмоциональный заряд, руководивший Струве в тщании быть искренним в этом социал-реформистском проекте, мимикрирующем под классовый орган промышленного пролетариата, при том что сам Струве к 1906 году уже ряд лет как порвал с классовым пониманием марксизма и социализма вообще. Франк вспоминал в 1944 году, тщательно подбирая слова и невольно склеивая в одно свидетельство и (1) марксистскую партийность, и (2) свой со Струве *р дик л-демокр тизм* периода «Освобождения», и (3) проблему социалистического идеала, который в реальности столь упорно стремились идеалистически обосновать в 1900-е годы Струве и Франк и теоретическое «уничтожение» которого как «конечной цели» отталкивало их от ревизионизма Бернштейна, и (4) вполне ревизионистское «повышение уровня» борьбы рабочего класса ради достижения политической свободы:

> «В своей юности П. Б. был, действительно, довольно короткое время сторонником социалистического *движения* в той форме, которую оно имело в Германии в лице социал-демократической партии (с некоторыми членами этой партии он тогда находился в дружеских личных отношениях). Но эта немецкая социал-демократическая партия, подобие которой русские марксисты, в том числе и П. Б., пытались тогда создать в России, была по своему конкретному содержанию и политической практике просто радикально-демократической партией, опиравшейся на рабочее движение и стремившийся к повышению экономического и культурного уровня рабочих масс. Собственно социалистический идеал фигу-

рировал, как известно, только в её «программе-максимум», то есть как конечная цель, осуществление которой преподносилось в неком туманно-отдалённом будущем...»[10].

В единственной в этой газете своей статье, подписанной своим именем, Струве приветствовал пролетарских политиков, приводя им в пример свои впечатления 1890-х гг. о первых *экономических* забастовках, словно реабилитируясь за своё собственное отрицание пользы забастовочной борьбы в первом номере газеты и с удивительной наивностью полагая возможным удовлетворить социально-политические амбиции рабочих доступом в депутаты Государственной Думы[11].

Не исключено, что из видимой двойственности её позиции газета шла трудно. Хотя, конечно, более всего на её судьбе сказался видимый дефицит средств, не дававший газете времени даже на первоначальный старт. Это, в частности, нашло своё отражение в том первом признаке «умирания» периодического органа печати, который отражал его отказ от расширения и просто удержания своей аудитории путём объявления известных целевой аудитории авторитетных имён среди постоянных авторов издания. Знаком такого отказа было прекращение публикации списка заявленных авторов уже с 5 мая 1906.

Последний известный номер газеты вышел в свет 16 мая 1906 — и на этом она, видимо, прекратилась, не оставив,

[10] *С. Фр нк.* Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве [1944] // С. Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А. А. Гапоненкова, Ю. П. Сенокосова. М., 2001. С. 563–564. О таком же восприятии социализма Струве в образе респектабельных вождей германской социал-демократии см. его собственные свидетельства, подчинённые тоже вполне агитационной, но иной задаче: *Пётр Струве.* Отпрыск буржуазной культуры. Памяти Августа Бебеля // Русская Мысль. 1913. Кн. VIII.

[11] *Пётр Струве.* Привет // Рабочее Слово. № 3. 5 апреля 1906. СПб. С. 2–3. Полностью публикуется в приложении к настоящему тексту.

несмотря на усилия, никакого заметного следа и никаких по себе воспоминаний, которые захотели бы годы спустя восстановить в памяти и на бумаге её главные создатели — Струве и Франк. Весьма значительный денежный долг за печатание газеты повис лично на Струве, что ясно доказывает тот факт, что именно он был издателем и единственным собственником издания (может быть, тщетно надеясь частично финансировать газету за счёт финансируемой И. Д. Сытиным газеты «Дума», вскоре тоже прекратившейся).

Последний день платежа, сделанного Струве в адрес типографии, был зафиксирован 15 мая 1906. Расплатиться окончательно он не смог, и 11 августа 1906 полиграфисты писали Струве: «Товарищество Художественной Печати до сих пор не получило по расчёту с редакции газеты «Рабочее Слово» в сумме Рб. 2458,45»[12]. Других сведений о деле мы пока не имеем, что даёт основания полагать, что Струве закрыл этот проект с тяжёлыми убытками для себя лично.

Так в 1906 году рухнули все издательские предприятия Струве или с ним во главе: еженедельник «Полярная Звезда», газета «Рабочее Слово», еженедельник «Свобода и Культура» и вечерняя газета «Дума». Видимо, прав был Франк, вспоминая об этом времени и сытинской газете «Дума»:

> «Газета эта была полной неудачей... Струве, обладая сам замечательным дарованием журналиста и умением привлекать сотрудников и организовать их работу, по всему своему духовному складу был существом прямо противоположным типу успешного и умелого редактора газеты. Он не умел и даже не хотел приспособляться к вкусам массового читателя... Сытин, сначала так охотно пошедший навстречу П. Б., увидав, что терпит на ней убыток, сразу же её прекратил, и притом в мужицко-грубой форме — в одно прекрасное утро [то есть 14 июня. — *М. К.*] Струве, придя

[12] РНБ. АДП. Ф. 753. Ед. хр. 123.

в типографию, был встречен лаконическим сообщением: “Иван Дмитриевич приказал прекратить печатание газеты”»[13].

Лишь в конце 1906 г. смерть многолетнего редактора толстого московского ежемесячного журнала «Русская Мысль» В. А. Гольцева передала журнал в руки известного кадетского деятеля, приват-доцента истории А. А. Кизеветтера, а тот пригласил в соредакторы Струве, что дало ему заработок и печатный орган в управление. На руководство газетой вплоть до 1925 года он уже не претендовал.

[13] *С. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве // С. Франк. Непрочитанное... С. 430–431.

Приложение

[*П. Б. Струве*] Рабочее Слово

Русский рабочий класс переживает тяжёлые дни. В борьбе за освобождение России он принёс огромные жертвы. Сколько людей пало на улицах от ружей и даже пушек! Но ещё больше погибло и гибнет от затяжного кризиса промышленности, от безработицы и от следующих по пятам за нею болезней. В рабочем классе молодые и старые, мужчины и женщины, и дети, дети без числа сошли и сходят в могилу жертвами тех тяжёлых мук, в которых наша истерзанная, искровавленная родина рождает свою свободу.

В такие дни рабочий класс должен разумно сплотить свои силы для того, чтобы отстаивать и свою жизнь, и свои человеческие права, для того, чтобы бороться с ежедневно изматывающей, губительной нуждой и в то же время пробиваться к свету, свободе и счастью.

Где горит тот свет, к которому нужно пробиваться?

Где пути к этому свету?

Свет этот в вере и убеждении, что возможно и необходимо такое устройство общества, в котором не будет никакого угнетения человека человеком, в котором никто не будет наслаждаться жизнью за счёт чужого труда, проживая в праздном довольстве. Вера в такое справедливое устройство общества называется **соци лизмом**.

Никто не может в настоящее время утверждать, чтобы было возможно сейчас же перестроить современное общество и сразу сделать его трудовым и социалистическим. Но это не значит, чтобы социализм был пустым словом и праздной мечтой. Социализм есть великая цель, яркая путеводная звезда, свет которой преображает мелкую повседневную борьбу за интересы в великое дело созидания нового, справедливого общества.

[Содержание]

Кто же будет строить это общество? Все те, кто поняли несправедливость эксплуатации человека человеком — и прежде всего сами обездоленные и трудящиеся. Благородные мыслители, друзья человечества, вдумываясь в судьбы человеческого общества, открыли великую цель социализма, но только сами трудящиеся своею самостоятельностью могут построить камень за камнем, стена за стеной здание трудового социалистического общества.

В этом — основной смысл слова «классовая борьба» и учения об этой борьбе. Никто не может помочь рабочему классу, если он сам не пожелает себе помочь.

Путь борьбы рабочего класса за его повседневные нужды и за его конечное освобождение усеян трудностями и преградами.

Своекорыстие обеспеченных и богатых на каждом шагу противится всякому даже частичному улучшению положения трудящихся. Но ещё больший враг освобождения трудящихся всюду и всегда была их собственная неподвижность и косность. Вековое угнетение создало в рабочих массах привычки рабства и подчинения. Рабочий класс в лучших, наиболее сознательных своих элементах уже порвал с этими привычками. И этот дух непримиримой борьбы с угнетением сознательные рабочие должны поддерживать в себе, как огонь неугасимый, и нести его всюду, где живёт трудящийся человек.

Борьба рабочего класса за освобождение есть прежде всего и главнее всего дело самовоспитания рабочих.

В этом деле огромная помощь может и должна оказать рабочему классу интеллигенция. Но пусть она не стремится то, что зародилось в отдельных кружках и даже партиях, навязывать и диктовать рабочему классу. Рабочий класс в России настолько уже созрел, что он должен организоваться из себя, снизу, не под диктовку тех или других интеллигентских групп, а в упорной работе самодеятельности и самовоспитания.

До сих пор русское рабочее движение попеременно то подчинялось узким интеллигентским группам, то шло по-

мимо интеллигенции, подчас даже во враждебном отчуждении от неё.

И то, и другое ненормально и нежелательно.

Русскому рабочему движению пора выйти на широкий путь сплочения рабочего класса извнутри в прочных организациях, которые пустили бы крепкие корни в рабочую массу и в её повседневную жизнь. Только став на этот путь, рабочий класс соберёт и измерит свои силы и сможет в полной мере использовать их в политической и социальной борьбе. В этом отношении первой мыслью, первой задачей сознательных рабочих должна быть организация профессиональных рабочих союзов и вообще всякого рода экономических и бытовых единений среди рабочих.

Часто рабочему классу приходится слышать лозунги или призывы, смысл которых «всё или ничего!», «либо пан, либо пропал»! Следовать за этими лозунгами значит для рабочих идти на верные поражения, значит не рвать, а укреплять цепи, в которых держит рабочих союз насильничающего чиновничества и корыстной буржуазии. Не следует обманываться: только шаг за шагом рабочий класс пробьётся к свету и конечной свободе. Человечество — сказал наш великий мыслитель-социалист **Герцен** — «идёт от освобождения к освобождению». Сегодня завоёвано одно, завтра другое, и каждый шаг, отвоёванный от насилия и эксплуатации, как бы он ни был мал, дорог сам по себе и ценен для дальнейшей борьбы.

Русский рабочий класс уже сейчас покажет свою мощь, если он сумеет действительно сплотиться и использовать свои соединённые силы в упорной и мудрой, освещённой светом социализма борьбе за свои права и интересы. Органом, посильно служащим такой борьбе, будет **«Р бочее Слово»**.

Оно не служит никакой партии, потому что нет в России ещё партии, в программе и деятельности которой целостно воплощались бы начала настоящей **р бочей политики**, соответствующей интересам русского пролетариата. Разъяснять

эти начала и тем вносить дух сознания и самодеятельности в рабочий класс будет основной задачей нашего органа.

Петр Струве. Привет!

В Гос. Думу идут в качестве членов, несколько депутатов-рабочих.

Мысль невольно переносится на десять лет назад, в 1896 год, когда весною же в Петербурге разгорелась великая стачка рабочих бумажных мануфактур. Стачка была чисто «экономической», но всякий из нас чувствовал уже и тогда, что нарождается великая сила — пробуждающийся к сознанию своих прав и интересов пролетариат и что эта сила принесёт в русскую жизнь великие перемены.

Так отнеслись к стачке и мы, русские, и весь мир, с изумлением увидевший, что русский рабочий класс умеет дружно и упорно отстаивать свои интересы и требования.

Во время этой стачки и после неё пишущему эти строки пришлось быть за границей, и он никогда не забудет того внимания и того огромного интереса, с которым западно-европейские рабочие и социалисты относились к известиям, приходившим тогда из Петербурга. Мне пришлось в эти дни — по поводу стачки и материальной поддержки её участников — беседовать с вожаками германской социал-демократической партии, с покойным Либкнехтом, с Бебелем, с Зингером, и в первый раз из их уст услышать признание того, что с весны 1896 года русское рабочее движение не есть уже мечта кучки интеллигентов-социалистов, а факт русской действительности, засвидетельствованный поведением *р бочих* масс.

Теперь в десятилетие великой петербургской стачки собирается первый русский парламент и, несмотря ни на что, — в него входят первые русские рабочие депутаты.

Мы, современники обоих событий, не можем не чувствовать их связи. И вспоминая о первом мирном, но вну-

шительном выступлении пролетариата, мы шлём привет первым рабочим членам Государственной Думы. Пусть они, памятуя, что лишь 10 лет тому назад рабочие столицы русского государства выступили впервые как солидарная масса, измерят огромные успехи, достигнутые рабочим классом, и с верою в их силы будут — вместе со всеми защитниками народной свободы — твёрдо стоять на страже интересов и прав рабочего народа.

Привет вам, первые рабочие члены Государственной Думы!

А. З. Штейнберг

О еврейском национальном характере (социально-психологический этюд) [1922]

Публикация Нелли Портновой

Философ Аарон Захарович Штейнберг (1891–1975) работал очень много, печатался в разноязычной прессе — тоже. Но с одним сочинением ему не повезло. В роковом 1922 г. в Советской России прекращалась деятельность многих кружков и обществ русской интеллигенции, в том числе Вольфилы, научным секретарем и активным участником которой он был). Под предлогом продолжения своих философских занятий Штейнберг собирался покинуть родину. Перед самым отъездом к нему обратился критик Аркадий Георгиевич Горнфельд с предложением: написать статью о еврейском национальном характере для задуманного М. Горьким сборника. «Рукопись, напечатанную на машинке, довольно объемистую работу, я оставил у него»[1]. Сборник не вышел, а Штейнберг так и не узнал о судьбе свой работы. Но за тему он был признателен Горькому, ибо вскоре написал, как бы в ее продолжение, статью о русском национальном характере на немецком языке[2].

[1] *А. З. Штейнберг.* Литературный архипелаг / Вступит. статья, подготовка текста и комментарии Н. Портновой и В. Хазана. М., 2009. С. 161–162.

[2] Das Individuum im Alten und Neuen Russland. Die Biologie der Person. Vol. IV. Berlin, 1928. S. 66–81.

Эссе печатается по машинописной копии, хранящейся в архиве А. З. Штейнберга[3]. Текст не отредактирован, латиница у машинистки отсутствовала, и несколько мест, к сожалению, не удалось восстановить.

А. З. Штейнберг
О еврейском национальном характере (социально-психологический этюд)

> Никто не станет отрицать, что национальный характер евреев обладает цельностью и внутренним единством.
>
> *Вл. Соловьев*

Самым прочным и бесспорным достоянием еврейского народа ныне является его национальный характер. Без естественной почвы под ногами, лишенный какой бы то ни было всеобъемлющей национальной организации, без общего живого языка, развеянный по всем четырем странам света, «аки песок у брега морского», еврейский народ до сравнительно недавнего еще времени олицетворялся как единство своим единосущим Богом, своей единой национальной верою. Ныне исчезает все быстрее и заметнее и этот последний как будто оплот всенародного единства; сбывается слово пророка: «с числом городов твоих сравнялось число твоих Богов, о, Иудея»; каждый верует или не верует по-своему. Так постепенно из простого и несомненного факта исторической жизни еврейство превратилось в научную проблему и общественную загадку. Да существует ли еще вообще еврейской народ?

Ответом на этот последний вопрос является, как это ни странно, сам «еврейский вопрос». Везде, где существуют

[3] Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). A. Steinberg’s Collection. P/159. Box VIII.

евреи, на каком бы языке они ни говорили, на какой бы ступени духовной или материальной культуры они ни стояли, как бы различно ни было их правовое положение, и как бы при этом ни различалась их окружающая среда, везде сам факт присутствия евреев создает совершенное своеобразие и ни с чем в истории несравнимое социально-психологические явление, именуемое «еврейским вопросом». В понимании этого «еврейского вопроса» как со стороны самих евреев, так и со стороны неевреев, существует бесконечное множество различий и оттенков: то на первый план выдвигается своеобразие еврейской религии, то экономическое положение народа, то его роль в политической или умственной жизни, то его общее отношение к нееврейской среде или же, наоборот, отношение этой среды к нему, а иногда и то, и другое, и третье вместе взятые; при этом интересы, связанные с еврейским вопросом, часто настолько противоречат друг другу, насколько могут быть противоречивы самый неприкрытый антисемитизм с самым безудержным еврейским национализмом, а в связи с этим меняется, конечно, и оценка всего исторического прошлого еврейского народа и определение его вероятного будущего. Чем ближе подчас исходные точки при определении самого вопроса, тем резче расходятся между собою иногда окончательные выходы. И тем не менее при этом сложнейшем многообразии, как в литературе вопроса, так, еще более, в его реальной общественной и политической обстановке, в центре его неизменно сохраняется одно непоколебимое убеждение, именно то, что одной из наиболее действенных сил в каждом отдельном еврее является его еврейское происхождение, его принадлежность к еврейскому народу, его еврейский национальный характер.

Еврейский народ жив, таким образом, в каждом отдельном еврее. Лишь «с последним евреем» перестанет существовать и еврейский народ. Еврейский же вопрос есть вопрос о том, как определить и как оценить еврейский национальный характер и какие практические выводы сде-

лать на основании такого определения и такой оценки. Но сама реальность вопроса не подвергается сомнению. В этом пункте сходятся безраздельно и евреи, и не-евреи, и [поклонники] евреев, и их ненавистники. Иногда говорят, правда, что разные отрасли «засохшей смоковницы Израиля» давно отпали от национального генеалогического древа и утеряли всякую общность родовых корней. Но и такое утверждение говорит лишь о пессимистической оценке национального будущего той или иной увядающей отрасли еврейства, но не отрицает в ней тех особенностей, которые ясно свидетельствуют о том, где она «росла и цвела». Пусть далека та естественная среда, в которой она создалась, но память об этой среде в ней нетленно жива, пусть для многих, из которых огромное большинство чаще всего сами же евреи, еврейский национальный характер всего лишь пережиток или атавизм или даже одна лишь питающаяся злонамеренностью и недоброжелательством видимость все же и для них, пытающихся отрезать от еврейской индивидуальности отбрасываемую ею национальную тень, эта призрачная видимость — реальная проблема и неотступно следующая по пятам или забегающая вперед назойливая идея, неизбывная душевная обуза. Как социально-психологическая реальность проблема еврейского национального характера в отщепенцах и отступниках не менее, а еще более жива и естественна. Стремиться забыть — значит непрестанно помнить и, чем больше кто-либо жаждет стушеваться и стать незаметным, тем более заметны, тем более разительны его уменье или неуменье приспособляться и его артистическая аффектация.

Еврейское бытие можно благословлять или проклинать, но избавиться от него нельзя: оно написано на роду. Если жизнь еврейского народа воплощается в каждом отдельном из его сыновей, то и власть народа над каждым из них беспредельна или, вернее, пределами являются рождение и смерть. Когда о ком-либо утверждают, что в нем нет ничего еврейского или, когда кто-либо утверждает это о са-

мом себе, то упускается из виду лишь одно: что самим этим утверждается нечто «еврейское» как душевная реальность, которая переживается, правда, как сознание отвергающее или просто отрицающее. Но и такие, большей частью лишь кажущиеся, исключения подтверждают правило не только как это обычно принято понимать, но еще и в том смысле, что правильность вывода опирается в данном случае всецело на допущение какого-то еврейского национального характера, не обнаруживающегося, якобы, в той или иной отдельной личности. Бывают ли на самом деле такие исключения? А если нет, откуда видимость таких исключений? На эти вопросы ответ может быть дан лишь тогда, когда выясниться, что, собственно, следует понимать под «еврейским» как таковым. Но этот вопрос в свою очередь нуждается в предварительном выяснении целого ряда других вопросов, первым из которых является сама проблема национального характера, относительно которой все еще не существует общего мнения — ни в науке, ни в жизни. Лишь с установлением нашего взгляда на этот основной для всей нашей задачи вопрос, мы сможем определить, что понимаем мы под национальным характером еврейства и на какие разновидности его можно было бы подразделить, а также в чем видим мы его проявление как в истории, так, что еще более важно, в современности. Отсюда естественно будет подойти и к последней нашей теме: к вопросу об источнике жизнеспособности этого еврейского национального характера, то есть о значении его в жизни отдельного еврея, еврейского народа и всего человечества, с судьбой которого так неразрывно связалась судьба жестоковыйного Израиля.

Давно известно, что чем истина очевиднее, тем труднее ее доказать. Таким очевидным и в то же время не поддающимся логическому обоснованию истинам принадлежит несомненно и наше общее убеждение в том, что каждый народ имеет свой особый, ему одному свойственный националь-

ный облик, свой особый закономерно развивающийся характер. От Гомера и Библии, через все средние века вплоть до наших дней, с их особо богатой исторической и публицистической литературой, мысль человеческая неизменно [стремится] закрепить в ясных и отчетливых формулах результаты своих пытливых наблюдений над душевным складом не только отдельных лиц, но и самых сложных человеческих объединений, целых эпох и культур, государств и народов. Осознание различия между Ассуром и Мицраимом, между эллином и варваром, или эллином и иудеем, так же старо, как осознание различия между юношей и старцем, между мужчиной и женщиной, волком и ягненком. Не менее древнего происхождения и знания о том, что когда «отцы едят незрелое, оскомина остается на зубах у детей», или проще, что яблоко недалеко падает от яблони. Это значит, что в человеческом сознании с незапамятных времен имеются как будто налицо все данные, на основе которых может строиться научная психология народов: осознание особенностей характера, связанных не с индивидуальным, личным существованием, а с принадлежностью к той или иной группе, к особому общему роду живых существ, а также осознание зависимости этого характера от факта природного, биологического существования человека, который именно поэтому передает свои особые душевные свойства как нечто врожденное по наследству своему потомству. Почти несомненно, что в человеке начало родовое как начало природное и потому наследственное осознано гораздо раньше, чем люди научились понимать и ценить друг в друге то, что свойственно каждому в отдельности как его собственное, неотъемлемое, неповторимое душевное достояние, как то, что придает каждому его отличительные черты, превращая его из экземпляра рода, из частного случая общего правила в лицо, в личность. В истории род и природа, а потому общее и сходное, несомненно предшествует виду и различию. Видеть и различать друг друга люд научились лишь тогда, когда уже распалась первоначаль-

ная общность родовой общины, спаянность как бы никогда не расходящейся сходки, участники которой жили общим своим сходством. И тем не менее, научившись различать и не утратив ни в какой мере нашей исконной способности к обобщению, мы все же не научились устанавливать в точной научной форме правильных взаимоотношений между общим и индивидуальным. Эта проблема, наиболее сложная из всех методологических проблем всей сферы опытного знания, создает для проблемы национального характера еще трудности особого рода.

Национальный характер мыслится нами как нечто среднее и посредствующее между общечеловеческим характером каждого из нас и нашей собственной индивидуальностью. Но понятие общечеловеческого слишком часто смешивается с чисто зоологическим родом homo sapiens, другими словами, то последнее общее, с которым сопоставляется наша индивидуальность, берется большею частью лишь с одной стороны: со стороны наличия в нем некоторой совокупности признаков, действительно присущих всем без исключения людям. «Все люди смертны, следовательно, я, ты, он — смертен» или: «человек — двуногое, не пернатое животное» — вспомним хотя бы эти известные со времен Платона примеры. Но достаточно ли ограничиться этой одной стороной нашей «человечности». Если ли на самом деле общечеловеческое в нас лишь то, что выводимо о каждом из нас на основании общего понятия, и личное, что из этого понятия еще до сих пор не выводимо, но что когда-нибудь с прогрессом науки, когда общее понятие человека станет обогащаться все новыми и новыми признаками, станет столь же неизбежным и «логически» необходимым, как наша смерть и наша бескрылость. Конечно, нет. Общечеловеческое во мне. Это вовсе не то только, что присуще мне, как воплощенному родовому понятию, не одно то, что во мне реально осуществлено, как признак общего понятия «человек», но также что во мне должно быть, что я должен реально осуществить, если я хочу быть достойным своего

высокого человеческого призвания. «Человек — это звучит гордо», но обобщение из опыта не может звучать ни гордо, ни презрительно, оно есть просто-напросто бесстрастное констатирование факта. Человек как факт и человек как задача, как понятие теоретического рассудка и человек как идеальное понятие практического разума — вот те две стороны, которые стали сливаться до полной неразличимости в самом слове «человек». И это слияние тяжко сказывается на всей научной постановке проблемы национального характера в последние десятилетия.

Все больше и больше укрепляется предрассудок, что проблема национального характера как проблема рационального знания всецело подлежит ведению естествознания. От Године до Цельшана, через всю трактовку проблемы национального характера за весь этот почти вековой период, непрерывно проходит убеждение, что учение о сверхличной природе человека тождественно или, по крайней мере, подчинено учению о его породе. Этика как учение о человеческом достоинстве и философия истории как учение о общеисторическом призвании человеческих объединений уже и не пытаются, как еще во времена Фихте и Гегеля, оспаривать первенство в этом вопросе у антропологии, которая, в сущности, является лишь главою из зоологии, которая, как известно, горда своим «бездушным» учением о душе и для которой принципиально не существует различия между головоногими и двуногими. Здесь не место вдаваться в изыскание причин, вызвавших такую резко одностороннюю, а поэтому и глубоко ненаучную постановку вопроса о национальном характере, но нельзя обойти молчанием одно обстоятельство, тесно связанное с основной нашей темой: современное изучение общей проблемы национального характера. И действительно, есть почва, на которой многое из того, что писалось, говорилось и делалось в этой области было бы невозможным. Эта почва есть незыблемая почва философии. В этой чистой сфере не могла бы даже и возникнуть задача обоснования меж-

[Содержание]

дурасовой борьбы и ненависти, как научно необходимого факта. Здесь антропология (что в точном русском переводе означает человекословие) не могла бы совпасть с антропофобией, с человекобоязнью и человеконенавистничеством или с их разновидностями, но и с гомофобией, германо-руссо-юдофобией. И пусть не говорят, что достаточно всяких фобий и у самых выдающихся представителей философской мысли, поскольку в них такие пороки и слабости проявляются, постольку мы имеем дело с несовершенством их личной природы, с их философской непоследовательностью, а не с несовершенством или непоследовательностью самой философии. Потому что для философии как таковой немыслимо в понятии человека подчинить всего человека одному его общему понятию. Недаром, как прекрасно отметил это Коген, Сократ и само то общее понятие открыло лишь понятие человека. Так открывается глубочайшая связь между антифилософским духом всей второй половины прошлого века и стремлениями обосновать «научно» пангерманизм, панславизм, антисемитизм.

Последний пункт имеет, однако, как мы уже сказали, еще совершенно особое значение. В сущности, сосредоточение внимания в еврейском вопросе в Европе и было тем поворотным [моментом] в истории проблемы национального характера, который привел от «Речи к немецкому народу» Фихте к «Основам XIX столетия» Чемберлена.

Мы увидим в дальнейшем, что в этом ограниченном на первый взгляд факте из истории еврейской науки проявилось все своеобразие еврейского характера как фактора общеевропейского развития. Чтобы ясно выделить в европейском сознании еврейство как изолированную культурно-историческую проблему, не было другого пути, кроме анти-этического, то есть естественно-научного; чтобы вернуть человечеству его философский интерес к его собственной истории и его философским задачам, нужно было пройти до конца весь путь не [философский] и антифилософский. Здесь еврейство еще и еще раз сыграло ту роль

катализатора, которая привела к научной «реакции» в дистиллированнейшем его виде, с крахом научного антисемитизма неизбежен новый поворот и подъем на философскую высоту национального вопроса. Поистине, если б антисемитизма не было, его [надо] было бы выдумать.

Но в этом, ныне уже по существу пройденном, естественно-научном этапе в постановке национального вопроса, для которого, как и для многого другого, мировая война была апогеем и завершением, нужно в свою очередь различать две слагающих: физическую и психическую. Между человекоподобной обезьяной и обезьяноподобным человеком проводит принципиальное различие и естественное знание, и для него в природной жизни еще остается место для душевной природы, для психической жизни. Естествознание, принявшее под свою высокую руку национальный вопрос, значительнейшую его часть передало во власть эмпирической психологии. Если «дикие имена», как панмонголизм, например, еще «ласкают слух», то только потому, что душевная стихия слишком легко воспринимается как парение духа. И опять, и в этой подробности сыграло особую роль социально-психологическое своеобразие еврейского народа. Не случайно со своей знаменитой программой отдельной науки «психологии народов» выступили в 1860 г. евреи Лазарус и Штейнталь. Это было чисто еврейское приспособление к временным невзгодам неблагоприятной научной судьбы. Можно было бы сказать, что в лице этих двух немецких профессоров, из которых один был гербартианцем, а другой в своей «Этике Юдаизма» стремился юдаизировать Канта, кантеанизируя иудаизм, еврейство шаталось, подлаживаясь под общепринятый хороший тон своего времени, отыграться нефилософскими аргументами своих недобросовестных противников. Таким путем добродетель, конечно, не может восторжествовать.

Итак, проблема национального характера, как это в общих чертах должны были выяснить наши беглые критические замечания к ее истории, для правильной своей постановки

нуждаются, во-первых, в определении соотношения между общим, частным и индивидуальным в сфере чисто природного бытия человека, во-вторых, это природное бытие должно быть взято как в разрезе его физического, так и в разрезе его психического существования, в-третьих, необходимо установить правильную взаимосвязь между любым элементом противоположного ряда, и в-четвертых, следует ту же работу проделать в сфере должного и установить, как относятся друг к другу личное призвание, национальный долг и смысл общечеловеческой истории, наконец, в-пятых, нужно выяснить, какое значение имеет многообразие сущего в области биологического и психического бытия человека для всей сферы нравственно-должного и философски-обязательного. И те основы, которые, таким образом, создадутся для истинно-теоретического обоснования проблемы национального характера, должны уже только в последнюю очередь быть приспособлены к решению отдельной частной проблемы, как, например, проблемы еврейского или иного национального характера. Но такое приспособление снова предполагает целый ряд посредствующих звеньев, одно перечисление которых потребовало бы превращения всего дальнейшего в сплошную и голую программу. Когда национальность и характер сами по себе в научном смысле проблематичны, то что сказать о проблеме национального характера.

И все же мы не можем считать эти методические рассуждения, приводящие нас как будто к полной невозможности строгого решения нашего вопроса, совершенно бесплодными. Мы с самого начала должны ясно видеть, до какой глубины должна быть взрыхлена та общая почва, на которой только могут созреть общеобязательные результаты. Больше, чем в какой-либо иной области, методологическая добросовестность есть первая обязанность в сфере обществоведения. Здесь во всякой методической неясности кроется опасность массовой политической заразы. Кладези научной премудрости, которые не прозрачны методически до самого дна, просто-напросто — отравленные колодцы.

Пора отдать себе отчет, что, покуда естественные науки все еще так же далеки от единоличного и конкретного, как и на самой заре человеческой истории, покуда в общем и целом мы все еще так же наги и не искушены в деле «познания добра и зла», как и далекие, блаженствовавшие в райском неведении предки наши, все вопросы, связанные с нравственной оценкой индивидуальных особенностей, — суть вопрос мировоззрения. А отсюда следует, что всякое стремление отрешить проблему национального характера от ее истинно мировоззренческих корней объективно недобросовестно. Здесь личина научности маскирует лишь неосознанную, а потому и несистематическую философию. Систематическая же философия может и должна браться за решение вопросов, которые по существу превосходят возможности «точной науки», иначе борьба с вековыми предрассудками и тысячелетними недоразумениями никогда не выйдет из стадии авангардных стычек и безрезультатных маневров, хотя она должна стать борьбой на уничтожение. Философия, глубочайшие основы мировоззрения — вот та область, где борьба эта может быть доведена до полного завершения. Не будем же уклоняться.

Понятие н ции есть понятие философско-историческое. Нация не есть племя. Мы знаем о негритянских племенах, колониях, даже республиках, но мы ничего не знаем о негритянских нациях. Это значит, что истинной границей между природным и культурным началом в человеке для нас является не представление об индивидуальном его характере, который признается даже за арабским скакуном и англизированной кобылой, а сознание принадлежности человека к единству, с одной стороны, сверхприродного, а с другой — сверхличного порядка и смысла. Нация не создается физическими различиями и не подтверждается такими душевными особенностями, которые являются лишь порождением и продолжением физиологической природы человека. Если бы немецкая аккуратность, английское хладнокровие или галльская экспансивность для нас

были бы действительно явлениями того же порядка, как горячность жеребца или ласковость кошки, то наше отношение к проблеме национального характера немцев, англичан или французов ничем не отличалось бы от той «психологии народов», которая создает терминологию европейских колонизаторов Африки и других рабовладельцев или торговцев живым товаром. В этой терминологии, действительно, нет разницы между мускульной силой того или иного сорта людей, между их дальнозоркостью, выносливостью, их темпераментом, покорностью, умеренностью или жадностью вообще, между их физическими и психическими свойствами. Но почему? Потому что в этих случаях к людям относятся, как к средству и только. Душевная природа для такой технической точки зрения есть лишь система причин, вызывающих те или иные полезные или вредные последствия. «Быки», на которых опирается мост, жеребец на конском заводе и сенегальский негр, к руки которому дается винтовка, одинаково интересны с точки зрения того эффекта, который вызовет их поведение в той или иной нужной обстановке. Когда человек рассматривается только как средство, тогда и его индивидуальный характер лишь причина внешних его проявлений. Телеология, техника есть не что иное, как предусматриваемая наперед причинность, человек как воплощенное средство, не субъект своих действий, а объект воздействия извне для внешних же результатов.

В этом смысле национальный характер, однако, вовсе и не существует. Есть объединенный технически ценным и вредным признаком сорт людей. Нация в этом смысле скорее всего географическое обозначение, то есть, попросту адрес, где имеется в изобилии тот или иной человеческий материал. Наряду с американским дубом или индийским перцем нас могут «интересовать» долготерпеливые кули или легко воспламеняющиеся от анархической агитации восточно-европейские евреи, но тут нет еще проблемы китайского или еврейского национального характе-

ра. Проблема же эта возникает лишь тогда, когда из сферы сущего мы переходим в сферу должного.

Но прежде чем совершить этот переход, подведем некоторые итоги. Характер живого человека как природного явления есть не что иное, как та закономерность в его поступках, с которой мы можем считаться, как с фактом в наших практических предположениях; его сверхличный (групповой) характер — это те черты его души, которые не зависят от собственной его судьбы и с которыми тем легче считаться в технических выкладках, чем они постояннее именно в силу этой предопределенности для судьбы данного индивидуума. Наконец, общечеловеческие черты характера суть те, что свойственны всем людям как представителям особого типа из животного царства. Борьба за существование, наследственность, атомистическая (или индивидуальная) структура бытия — вот те силы, которые определяют условия создания и размежевания указанных трех групп признаков природного человеческого характера. Эти три момента характера одинаково свойственны, впрочем, не только человеку и животному, но и любому представителю космической жизни вообще: каждый булыжник, попираемый ногами нашими на мостовой, не в меньшей мере, чем человек-личность, — представитель группы и участник природного царства минералов.

Но вот восстает перед нами человек во весь человеческий рост. Свободная творческая личность — она совместно с другими, столь же свободными творческими личностями принадлежит к органической культурной среде и в среде этой является деятельной участницей общеисторической жизни, связанной воедино задачей цельного человечества. Быть может, и вся космическая жизнь — лишь глава мирового исторического процесса, быть может, и к природе грешно относиться лишь как к мертвой схеме и не видеть, что ее атомистичность — лишь результат нашего анатомического к ней отношения. Оставим этот последний вопрос без рассмотрения, нам достаточно ясно видеть, что в исто-

[Содержание]

рии и культуре мы иначе судим, чем в природе и механике. Здесь мы считаем и взвешиваем, с людьми же мы, кроме того, еще считаемся и их оцениваем. В природе судить значит рассуждать, в истории это означает осуждать или оправдывать.

Итак, человек одновременно и природное, и историческое явление, и строго отличен его характер как участника исторической жизни от его характера природного. Правда, и тут та же троичность, что и там. И в культурно-исторической жизни человек — он сам, член группы и представитель всего человеческого рода. Если в природном смысле основа реальности человека — его индивидуальность, а групповой его характер, не говоря уже об его общечеловеческом содержании, результат лишь внешней научной классификации, то в сфере истории, культуры и нравственности — как раз наоборот: тут наиболее реально в человеке то, что позволяет нам к любому человеку относиться просто и непосредственно, независимо от его принадлежности к той или иной культурной эпохе, к тому или иному народу, государству, к той или иной профессии и, конечно, независимо от его собственной судьбы и от личного ограниченного опыта. Артаксеркс или Цезарь, Наполеон или мой ближайший сосед — все они прежде всего люди, и всего существеннее их образа их подобие, то есть, то, что всех их уподобляет и уравнивает перед лицом единой общечеловеческой задачи. Каждый человек есть самоцель или, что то же, сполна воплощает все величие общечеловеческой задачи, преломляемой в море временном, в многоразличие задач и в постепенность достижений. Но сила и величие человека не в этой его погруженности в водопад времен, а в том, что, как в капле воды, в нем отражается центральный свет всеисторического смысла. История и культура уже по одному тому не одно из царств природы, каждый человек — ее полноправный властелин, каждый из нас в природе — царь.

Вот почему в отношениях межчеловеческих господствует не принудительное право, а свободная нравственность

и для каждого из нас важнее всего в другом то, что противостоит в нем всему остальному миру необходимости и связанности. Другими словами, если в природном явлении человека самым реальным является его личный характер, а в его нравственном существе — его общечеловеческое достоинство, то самой реальной проблемой взаимоотношений нашего природного и нашего сверхъестественного существа является борьба между нашим человеческим достоинством и чисто личными нашими особенностями. Иначе складываются взаимоотношения между природно-групповым характером и относительно сверхличным элементом нашего нравственного существа. Но прежде чем коснуться этих взаимоотношений, выясним подробнее, откуда и в нравственном мире такая тройственность личного, ограничение сверхличного и общечеловеческого.

Мир нравственный есть мир чистой целесообразности. Здесь все определяется соотношением абсолютной цели и средств ее достижения. Весь мир причинности в этом смысле — лишь одно из средств. Отсюда вся природная сторона человеческой жизни необходима в полном своем содержании и входит в круг интересов нравственно-исторической жизни. Общечеловеческая задача высшего совершенства, с которой мы сталкиваемся в каждом отдельном разумном существе, таким образом, видоизменяется в зависимости от природного своеобразия этой отдельной личности. Принципиальная тройственность ее характера отражается соответственно в тройственности нравственного существа человека. В борьбе за человека как самоцели со своей индивидуальной судьбой, которая есть его истинно природная стихия, человек преодолевает свою природу, реализуя в природе то, что помимо него есть лишь абстракция и схема. Чем больше я живу, как особь, чем больше я отпал от природного безразличия родовой жизни, тем значительнее моя задача подняться над собой и превратить мою индивидуальность в индивидуальность окружающей среды и в единую индивидуальность всего человеческого рода.

[Содержание]

Человек отпал от природы, чтобы природу сделать человечней. Личная задача превращается в задачу множества человеческих личностей, чтобы таким путем превратиться в единую задачу всего человечества. Так рождается нация.

И действительно, что такое нация? Это совокупность природных существ, которая, осознав свою нравственную противоположность своей же собственной личной природе, то есть осознав общечеловеческую свою задачу, стремится прежде всего одухотворить в себе и свою связь с себе подобными, то есть само это подобие и кровное родство стремится превратить в орудие своей нравственной воли. Я сознаю себя евреем — это значит, что то, что во мне подобно другим людям, с которыми я природно связан, должно, как таковое, превратиться в средство для моей общечеловеческой задачи. Но это мое сходство с другими присуще другим так же, как и мне. Отсюда возможность для совместной нравственной работы. Нация есть в истории нравственных идей первое понятие коллективного творчества.

Но приобщив и через род самую природу к нравственной задаче человека, я могу уже не только бороться со своей реальнейшей природной стихией, стихией моего индивидуального характера, но и его сделать орудием коллективной работы в пределах нации; я, национализируя себя, тем самым и своему личному бытию придаю нравственный смысл. Так открывается путь постигнуть и все природное человечество как совокупность индивидуально-определенных и национально-организованных нравственных существ. Через национальный и теологически определенный личный характер и весь род человеческий в идеале сливается с воплощением единой общечеловеческой задачи[4].

[4] Быть может, не лишним будет представить весь этот сложный путь в виде пояснительной схемы: Путь идет от А к Б через В, Г, Д и Е, откуда он возвращается обратно к А, т. е. от общечеловеческой задачи А, опустившись к свой природной определенности Б, человек поднимается через свое природное сходство и кровную близость с другими людьми — В — к осознанию своего национального характера как задачи — Г- и, диф-

Мы сейчас увидим яснее, почему именно нация, а не, скажем, государство, призвана сыграть такую важную роль на нравственных путях человечества. Но до этого уясним еще, каковы те предпосылки, при которых такое построение возможно.

Итак, во-первых, предполагается, что существует конкретный общечеловеческий идеал, который должен воплотиться в исторической жизни, во-вторых, предпосылкой является также и убеждение, что история фактически есть осуществление этой задачи, которая, по существу, совпадает с идеальной задачей каждого из нас в отдельности, а это, следовательно, предполагает, в-третьих, что в пределах национальной жизни вся жизнь индивидуальная глубоко исторична или, что то же, каждый из нас заслуживает исторической монографии. Чем же представляется в этом освещении национальный характер?

Национальный характер — это тот продукт коллективного творчества, отлагающийся в человеческой личности, единственным назначением которого является служить орудием дальнейшего коллективного творчества в направлении к осуществлению по своему понятию общечеловеческого идеала. Там, где не было такой задачи, можно говорить о расовых особенностях, о длинном или круглом черепе, о прямом или горбатом носе, но не о национальном характере. Нация рождается тогда, когда рождается понятие, так сказать, об орудиях производства коллективного творчества и когда люди в своих близких видят такие орудия. Тогда лишь преображается и само лицо человеческое. Его тело — это живой памятник коллективного творчества и живой источник дальнейших творческих возможностей, его лицо — свидетель и порука бесконечных радостей и мук этого творчества, его язык по-

---

ференцируя эту задачу до одухотворения своего личного природного бытия — Д, человек круто поднимается к задаче нравственного одухотворения всего человеческого рода — Е и, таким образом, воссоединяет человеческий род и общечеловеческую нравственную задачу — А.

лон личных имен, из которых каждое есть местоимение, его воображение полно уже в настоящем образами будущего, которое дано было изначально и всегда. Вся жизнь человеческая превращается в сплошное творчество во имя всеобщего совершенства. Так одухотворяется вся природа человека. Мертвые воскресают, мы окружены нашими потомками, которые всегда были предками наших предков. Биология перевоплощается в логос самой жизни.

Насколько бедны по сравнению с родовым началом, достигшим нравственного преображения в национальной жизни, государство, профессия или церковь, которыми в философии истории часто пытаются заменить начало кровного единства: общность профессионального характера основана на нравственном преодолении лишь материальных потребностей человека, общность государственного характера — на территориальном сожительстве, в нем государственная церковь оказалась невозможной без национальной основы — в то время, как общность национального характера зиждется на совместном творчестве всех в длинной цепи поколений, охватывает и материальные и духовные запросы, а из материальных организует прежде всего семью, а тем самым и самую основу сверхличной жизни. Классовый характер как основа общечеловеческой жизни основан лишь в XIX веке (и мы увидим, почему именно Марксу могла открыться такая возможность), и то исключительно по аналогии с национальным характером, историческая же роль классового характера несомненно революционная, то есть временная, государства всегда были лишь промежуточными этапами для национального развития, церковь как строительница жизни никогда не могла найти конкретной точки приложения для своей организационной задачи и всегда колебалась между испепеляющим пламенем отшельничества и истребляющим огнем войны — одна национальность прямо ведет к исторической цели, подчиняя себе человека от рождения до самой кончины.

[Содержание]

Таким образом, проблема отдельного национального характера возникает лишь тогда, когда наперед несомненно, что какая-нибудь кровно связанная группа людей выполняет какую-то роль, все равно положительную или отрицательную, в мировом историческом процессе. Проблема эта сводится конкретно к тому, чтоб определить, каков должен быть тот запас творческой энергии, который позволяет этой группе выполнять свою роль. О характере той или иной нации нельзя, следовательно, судить, если отвлечься от ее общеисторической роли, наоборот, эта общеисторическая роль предполагает особый строй душевной жизни, который вырабатывается в пределах истории одного этого отдельного народа. Объективная культура отдельного народа лишь средство к определению его творческих способностей, ибо истинною и последнею целью всякой культуры является не искусство, не наука, не право, а само человечество.

Отсюда ясен и метод определения национального характера. Надо сначала на почве универсальной истории выяснить, в чем заключается призвание того или иного народа, а затем определить, каков тот национальный характер, те субъективные предпосылки, которые делают возможным этому призванию с достоинством служить, надо уяснить, как в пределах внутренней истории народа, характер этот постепенно достигает своего пластического завершения. Весь путь есть путь продвижения от периферии к центру, понять национальный характер народа — значит понять его историю как необходимую главу из истории человечества, которая есть неустанная работа над душою человеческою во имя ее самой. От внешней истории народа к его внутренней истории путь ведет через определение национального характера.

Если в дальнейшем мы избираем путь несколько иной и начинаем прямо с определения еврейского национального характера, о значении же его говорим лишь в конце, то исключительно по тому соображению, что говорить о еврействе с самого начала в мировой истории, быть мо-

жет, было бы предвосхищением того, что для автора, правда, и является предпосылкой, но что читателю может все же показаться лишь результатом. Два—три методических замечания в соответствующих местах исправят это неизбежное искажение методологической перспективы.

Один видный еврейский писатель и литературный критик недавно дал следующую характеристику еврейского народа: «Евреи — не народ, а семья, не существует еврейской истории, есть еврейская семейная хроника, нет истории еврейской литературы, есть груда унаследованных еврейских книг». В этих отчетливых словах сформулирована проблема еврейского национального характера. В чем «внутреннее единство и цельность» того национального характера, который дал возможность многомиллионной массе, пережившей тысячелетние превратности судьбы, и для которой весь земной шар заменяет домашний круг, сохранить в неприкосновенности иерархию семейственности. Чтобы понять это, рассмотрим несколько примеров попроще.

Человек растет круглым сиротой, все вокруг него чужие, но эти чужие между собою, не так отчуждены, как по отношению к нему, среди них есть друг другу родные, для которых естественно заботиться друг о друге, оберегать и защищать, принимать и приносить жертвы. Отеческая строгость, материнская ласка, братская несговорчивость и при этом понимание с полуслова, — все это для обойденного судьбой бобыля постепенно превращается в неосуществленную мечту, и он начинает окружать ореолом не только семейный совет и любовь, но и семейные сцены, дрязги и интриги, всю ограниченность семейного кругозора. Такому человеку грозит в идеале семейственности не различать больше ни добра, ни зла, и такие сироты — как часто подтверждает это житейский опыт — в своей или самими основанной семье проявляют самые дурные стороны семейного самовластья.

Возьмем противоположный случай. Человек растет в дружной семейной среде, в которой господствует есте-

ственное разделение труда, где каждый заботится обо всех, и все о каждом, где поэтому семейная честь обязывает к гостеприимству и к доброму соседству со всеми окружающими. Когда такой человек почувствует себя стесненным в семейном кругу и, покинув его, попадает на чужбину, весь мир покажется ему родным, везде он найдет добрых друзей, все люди покажутся ему братьями. Если выросший среди чужих сирота, мечтавший о семье, свою семью построит как чуждый мир, то, наоборот, блудный сын домашнего очага весь мир ощутит, как братскую обитель.

Каково же будет мироощущение человека, выросшего в семье, «расплодившейся и размножившейся» до такой степени, куда ни придешь, к знакомым или незнакомым, везде родные или родные родных, так что различие между «своим» и «не своим» для него уже не может существовать. Для такого человека внутренняя закономерность его жизни будет стоять принципиально вне и выше семейных отношений. Таковы евреи.

На первый взгляд это утверждение может показаться парадоксальным: если круглые сироты и идеальные семьи — нечто обычное и всем нам хорошо известное, то такая семья, которая заселила бы целый мир, до сих пор остается далеким идеалом. Всеобщая свобода и всесветное равенство много осязательнее всемирного братства. Незнакомого человека называют братом в замкнутых орденах и отрешенных от мира пустынях, «братья и сестры» — так обращаются ко всем только в благочестивых проповедях с церковного амвона и в революционных гимнах на площадях и баррикадах. Какое же значение может иметь такой, казалось бы, идеальный вымысел в реальной практической жизни, в которой определился и закалился еврейский национальный характер?

Понять, что идеальная фикция может стать действенной душевной силой, — это и значит понять еврейский характер. Если бы «фикции» измышления и идеала не были направляющими моментами в истории, еврейский вопрос

реально разрешился бы еще до того, как он возник: в конце второго тысячелетия по Р. Х. он был бы чистейшим анахронизмом и одним из многих образов исторического воспоминания. Еврейская история стала возможной только благодаря тому, что в еврейском народе воспитался характер, для которого миф стал историей, а история — мифотворчеством, действительность — призраком, а идеальное прозрение — полновеснейшей действительностью. Это тот характер, который осознает в себе первичным то, что обыкновенно представляется как результат индукции и обобщения, характер, для которого сверхличное в нем реальнее его самого.

Это сверхличное начало в еврейском характере — его родовое сознание. В этом сознании поистине — корень всего того «великого и единственного», по слову Соловьева, что есть в еврейском национальном характере. Отсюда открывается доступ к последним извилинам и хитросплетениям многоузорчатого понятия еврейского духа во всех его разновидностях, во всей его конкретности.

Каждый еврей, сознающий свое еврейство как факт, сознает, что он как конкретная и неповторимая личность реально связан с неограниченным количеством людей в прошлом и настоящем, для которых так же реально существовала и существует такая же точно связь со всеми остальными, в том числе, и с ним. Еврей — это значит еврей по происхождению, еврей по крови, по кровному родству, и в этом же видят «еврейство» и все окружающие. В некоторой степени такое сознание кровного родства свойственно всем людям: сын своего отца и потомок своего предка также ощущает в себе такую кровную связь с другими, но какое при этом социально-психологическое различие! Людей, не помнящих родства, мы называем бродягами; людей, знающих хорошо свою родню и в настоящем, и в прошлом, мы называем аристократами; людей, хорошо помнящих свою родню с незапамятных времен, но не знающих ее ни в прошлом, ни в настоящем, мы называем евреями.

Это аристократы-бродяги. Одни из них стремятся искупить свой первородный грех аристократизма ценою оседлости, чаемой и искусственной, другие, наоборот, готовы продать свое первородство за маленькие радости и уют черты оседлости естественной, третьи спокойно странствуют по большим и проселочным дорогам истории, не желая поступиться ни правом первородства, ни Каиновой печатью сыновства Адама. Первые хотят перестать быть бродягами, чтобы избавиться от своего аристократизма, — это еврейские националисты; вторые хотят избавиться от своего аристократизма, чтобы избавиться от своего бродяжничества, — это еврейские ассимиляторы; третьи — сыны человеческие, просто евреи, они продолжают исконное национальное дело. Это три основных типа еврейского национального характера. Все они представляют необходимые разновидности единого начала родового сознания. И прежде чем говорить о них, следует обнажить самый корень, породивший их всех.

Итак, в чем коренная особенность еврейского родового сознания? Сказанное сейчас поможет нам в этом разобраться. Ни одному человеку не чуждо, конечно, сознание его кровных связей. Но где границы этого сознания и какую роль играет оно в его жизни? Прежде всего, эти внешние пределы обычного родового сознания, присущего не только не-еврею, но и еврею, даны самым фактом знания или незнания своих родных. Это знание, может быть, и не осуществлено фактически, но родной — это всегда тот, общность происхождения с которым может быть восстановлена в памяти и достоверно установлена, и родство реализуется, таким образом, в знакомстве. Чем больше в памяти предков, тем шире круг и родных, и наоборот, чем шире круг родных, тем древнее род, тем богаче генеалогическое дерево. Вот почему семейное начало так высоко ценится в аристократическом мировоззрении. Но что сказать о роде, давным-давно утратившем свою родословную и потому не знающем связи своих кровных родных с теми, о су-

[Содержание]

ществовании которых сохранилась лишь смутная память, но о которых нет и не может быть точного знания. Это будет такой род, в котором родство не реализуемо даже в знакомстве, и чем древнее этот род, тем нереальнее родство, тем оно призрачнее. Таков беспаспортный, выражаясь грубо, аристократизм каждого еврея.

Каждый еврей знает, что у него миллионы родных, реализация знакомства с которыми превосходит пределы человеческих возможностей, установление же родства с ними принципиально немыслимо. Это родные, которые вовсе не близкие, а по необходимости далекие, «дальний» родственник в обычном смысле слова — это всегда еще соучастник моего опытного жизненного круга, но в данном случае количество уже переходит в качество, или правильнее, количественные различия, о которых идет речь, — лишь средство для описания особой качественной определенности. Родственное чувство в еврейском сознании как момент национально-характерный есть особое чувство сонародничества. Вот почему в положении «евреи не народ, а семья» — только половина истины, полная же истина в том, что евреи такой народ, в национальном характере которого воплотилось чувство родственности совершенно особого рода: сонародственность.

Такое чувство совершенно чуждо представителям других великих исторических народов. Мы можем оставить без рассмотрения мироощущение первобытного человека, целиком поглощенного окружающим его родным бытом: там замкнутость кругозора еще не позволяет дифференцироваться в сознании родовому началу как началу особого рода, и род остается неосознанным роком, внешней природой. Иное дело «голос крови» в развившейся жизни исторических народов: этот голос крови есть обращение к самому себе, которое кровью должно лишь освятиться. Утверждение своего «истинно-русского» характера или «истинно-немецкого» существа есть плод размышления, внешнего сравнения и неразложимое сознание сонарод-

ничества, которое присуще еврею. Это чувство сонародничества в сознании других народов заменяет так называемое «чувство родины», «патриотизм», что значит родство духовное. «Отца и мать» в этих случаях замещают «Матушка Русь», «милое отечество», которое, однако, по существу своему лишь замещают истинно родовое сознание, по отношению же к этому сознанию родина и отечество — это мачеха и отчим на опустевшем месте родных по крови. В таких попытках обобществления земли и замены родного отца отчимом — одно из ухищрений осевшей культуры, которая, стремясь одухотворить жизнь, нередко смешивает метафору с символом. Для еврея род есть символ, поэтому народ есть для него реальность, которая прежде всего не зависит от места. Но об этом особом, чисто-еврейском отношении к месту и ко времени подробнее дальше, теперь же попытаемся определить особую качественность еврейской сонародственности еще и с другой стороны, так как именно в ней, как в зародыше, предопределено все «еврейство» еврея.

Уже было отмечено, что количественная беспредельность родственных связей еврея переходит в особую качественность. Если это так, то и все стороны родственности должны соответственно видоизменяться, когда из самого его рода порождается народ. И действительно, основа родственности — наследственное сходство. Отец в сыне узнает себя, дочь глядится в мать, как в зеркало своей судьбы, и без всяких теорий наследственности люди знают, «откуда они пришли», как говорится об этом в Талмуде. Знание это означает, что человек никогда не воспринимает себя как «неисписанную таблицу», на которой все вычеркивается перстом его собственной судьбы. Черты его лица и «характер», что значит «печать» его личности, ясно говорят о двух началах его жизни: о начале, унаследованном наряду с началом благоприобретенном. Отец рад узнать себя в сыне, который на него не похож и самостоятельно прокладывает свой путь в жизненной чаще, дочь любит свою мать и стремится быть счастливее ее. Каждый из нас

ценит в своих близких эту воплощенную соотносительность своего Я и не-Я, семейный круг — этот галерея живших фамильных портретов, из которых каждый для каждого — автопортрет. В этом последняя глубина родственных отношений. Непосредственное чувство родства — не искусственно вызванный голос крови, не патриотическое умонастроение, не отголосок общественности и нравственно-политические задачи, а ощущение в самом себе своего другого, это Я, как сам-друг, и этот друг мой — это мой родной или названный брат, мой род или моя природа во мне. Не-Я во мне — это врожденное во мне, самость же моя — это мое творческое, зиждительное, рождающее во мне начало. Такое чувство семейственности, как было уже сказано, одинаково свойственно всем людям: и евреям, и не-евреям. Но тут-то и начинается различие.

Когда человек читает книгу своей судьбы (а в этом отношении все люди грамотны), то он всегда сразу владеет двумя языками: родным и чужим, он всегда разбирается в том, что на грамоте его души написано его собственной рукой и что начертано внешней природной стихией, «прародимым хаосом». По слогам или бегло, с сосредоточенным вниманием или рассеянно, но каждый перелистывает книгу своей двуединой судьбы и знает, что, если не он, то более опытный и разумный мог бы прочесть ее до конца. Это непосредственное знание своим источником имеет односемейственность человека, непрерывность ее круга. По-иному читается свиток еврейской судьбы.

Родственность еврея резко обрывается там, где кончается круг его обычной, как у всех людей, семьи. За этим кругом концентрически расширяется огромной и незавершенной сферой его национальная семья. В членах этой семьи, он знает, есть также вся автопортретность семейного характера, но он не различает в них уже себя и не-себя: евреи для еврея «жуткое зеркало», в котором он видит уже не себя в своей естественной двойственности, а свою собственную призрачную тень. Еврей для еврея — призрак из друго-

го мира, и чем реальнее он в обычном смысле, тем больше он — воплощенная галлюцинация. Я знаю, что это в каком-то смысле мой двойник, но никак не могу уловить другого сходства, кроме такого же точно отношения с его стороны ко мне — какой-то призрак в маяке. Призрак — Я сам, и не-Я во мне реальнее моего собственного Я. Что же такое Я? Моя призрачность реальна во мне, моя реальность призрачна. Вот последняя основа внутренней противоречивости и диалектики еврейского характера.

Отсюда проистекают важнейшие последствия для всего строя душевного облика. Когда пытаются представить еврейский характер в виде ряда характерных черт, то, помимо всех методологических недоразумений, лежащих в основе такого настроения, из этого ряда изымается самая его сущность — его закономерность. Можно извне подметить много действительно верного и схватить даже глубоко оригинальные черточки, но все это все-таки будет фотография, а не портрет. Портрет тем и отличается от фотографии, что он организован не внешней физической силой света и тени, а что в нем сама светотень не оптическая игра, а воссоздающее изначально творчество. Ряд черт никогда не воссоздадут характера, если сам ряд не характерен. Фактичность, призрачность еврейского родового сознания и есть то характерное, что порождает отдельные типические черты еврейского характера. К сожалению, даже такой проникновенный писатель, как Вл. Соловьев, быть может, самый проникновенный из всех писавших о еврейском национальном характере, не избежал опасности искать единство этого характера вне его самого. Для него, таким образом, неизменно ко всему приложимым принципом единства было его христианское богопознание.

Но не только христианское богопознание, и сама еврейская религиозность не является тем «по природе» первым, что делает еврейский характер насквозь прозрачным. Наоборот, она сама связана тесно с тем человеко- и самопозна-

нием еврея, которое его самого превращает в полу-сфинкса и полу-Эдина.

Конечно, каждый человек сам для себя в некотором роде загадка, сфинкс, получеловек и полузверь. Человеческая голова человека напряженно разгадывает тайну своего звериного тела. Но в этом смысле, как было уже отмечено, все люди грамотны, и путь постижения, по крайней мере, в своем направлении, для них ясен. Другое дело, когда свиток жизни начинает разворачивать сын «народа книги», для которого сама книга — «священное писание», за четкими строками которого — еще не разгаданные письмена. Самосозерцание еврея — не самосозерцание загадочного сфинкса, который ясно видит себя во всей его загадочности, а сознание мудреца лицом к лицу со «священным животным» над бездонной пропастью исторической судьбы. И вся трагичность этого положения в самом слове «еврей», что значит: человек, который сознает свою кровную связь с несоизмеримым для человеческой жизни количеством людей, из которых каждый так же точно связан с ним, но связан так, что сама связь, вопреки всей реальности ее значения, никогда не может быть реализована в опыте. Родовое начало в еврее — это душевная реализация самой объективной проблемы взаимозависимости природно-животного и человечески-нравственного начала в человеке как носителе коллективных задач. Личная проблема свободного Я и необходимого наследственного не-Я разрастается в антиномию свободы и необходимости в жизни природной и исторической.

Отсюда получается и полное превращение обычного семейственного сознания в сонародничестве еврея: его принадлежность к народной семье есть для него тяжесть веков и жизненное бремя. Он в сущности не сын своего народа и он не просто «беременен собою», по словам Ницше, как любая творческая натура, а беременен своим народом, то есть, другими словами, каждый еврей — патриарх своего народа, то есть такого народа, который никогда не мо-

жет кровно воплотиться. Это настоящая мужская беременность. Как незрелы, по сравнению с незрелостью самой проблемы, юношески легковесные сближения Вейнингера между национальным характером евреев и характером пола.

Но глубоко прав Розанов. Действительно, как это, впрочем, в более поверхностной форме повторялось на тысячу ладов и до Розанова, семейственность и ее биологические основы глубоко оригинальны в еврейской жизни. Только то, что один из глубочайших русских метафизиков пытался понять как причину и корень, есть лишь следствие и отпрыск. Еврейская семья построена по началу сверхличному, а потому и сверхсемейному, и еврей как семьянин к своей собственной семье относится с чувством святости к биологическому началу жизни не потому, что для него священна живая плоть и кровь, а потому освещается плотская жизнь для него, что само кровообращение в сознании его есть начало неплотское, сверхбиологическое, в материальном смысле призрачное и лишь в идеальном значении реализуемое. Кровь эта течет по артериям истории по млечным путям вселенной, вбирает в себя еврей молоко своей матери, и целая планета служит ему детской. Особенно важна эта последняя подробность.

Когда в самом начале еврей как будто совсем без основания был противопоставлен выросшему среди чужих сироте и взлелеянному в семейном тепле блудному сыну, возникла мысль о семье, которая владеет целым миром и сливает в себе до полной неразличимости начало «своего» и «чужого». Но связь этого вымысла с реальностью еврейского характера только теперь может стать вполне ясной. Эта связь дана непосредственно в развитии еврейского характера.

Под развитием здесь не следует понимать развитие филогенетическое. Нас интересует еврейский характер, поскольку он сполна воплощается в каждом отдельном еврее. О его развитии может поэтому идти речь только в этом смысле. Это развитие не начинается, однако, непременно с детства.

Этот нормальный путь становится все больше и больше исключением почти во всей Западной Европе и от него начало уклоняться в последнем поколении и еврейство восточное. Тем не менее, каждый еврей когда-нибудь рождается, как еврей, или, по крайней мере, должен им родиться. До этого момента он еще не обладает национальным характером, хотя этот характер может им владеть, сливаясь для него неразделно с неразгаданностью его собственного Я, в чем мы убедились бы, если бы разобрались во всех подробностях проблемы разновидности еврейского характера, с которой мы еще будем иметь дело в дальнейшем. Во всяком случае, когда еврей на первых же порах своей сознательной жизни или гораздо позже, уже в зрелом возрасте, узнает, что он еврей, то первый образ, связываемый им с этим понятием, есть образ народа, каким мы его знаем в нашу эпоху вообще. Народ — это страна, это язык, большей частью и национально-государственная организация, иногда церковь, почти всегда литература, искусство, школа, а в ряде случаев и расовые особенности. Шаг за шагом еврей вынужден отрицать все эти жизненные реальности за тем народом, к которому он сам себя причисляет. Но *он не ост ется при голом отриц нии*. То, что остается, а, в сущности, с самого начала жило в подсознании и живет даже в тех евреях, которые цепляются в своей надсознательной поверхностной сфере за внешние «культурные ценности», это — то совершенно особое сочетание пространственной и временной жизни народа, которая, как это сейчас выясняется, и есть специфически еврейская семейственность или, как предложено выше ее называть, сонародственность. Евреи рассеяны по всему доступному человеку пространству, и они живут непрерывно во всем доступном исторической памяти времени. Разбросанность же в пространстве и непрерывность во времени — что это как не основные категории биологической жизни. Биологически рождение человека — это отрыв от материнского лона, перемещение в пространстве до полной прерывности, а вместе с тем, тот самый момент, когда

мать родила сына, сын родился от матери, все в целом — передвижение в непрерывном времени для пространственного обособления. Не иначе размножается и лесной зверь, и дуб, и былинка.

Стоит осознать эти простые факты: факт диаспоры и факт долговечной еврейской истории, как связь с народом уже иначе не может постигаться, как такая же точно связь человека, хорошо ему известная с колыбели, со всеми родными. «Мы, наши братья, сыны Израиля» — так и в народном говоре евреи говорят о самих себе. Самое конкретное личное отношение еврей переносит на безграничное. А потому чувственно и душевно конкретно-данное делает основою отвлеченнейшего понятия. Так само отвлеченное понятие облекается для него в плоть и кровь непосредственного сознанья, обрастая чувствами, обогащая мысли, заставляя сердце биться в том особом ритме, в котором воедино слиты напряженность момента и медлительность тысячелетия. Пределы моего не-Я — пределы целого мира, и это не-Я во мне — моя внутренняя обремененность, моя огромная человеческая задача.

Как относится еврей к пространству? Как относится он ко времени? Такие вопросы в общей форме должны бы стоять в центре внимания всей характерологии. К сожалению, психологичность изживаемого времени создала слишком неглубокое понимание самых задач психологии. Мы во всех областях стремимся объять необъятность явления, но не хотим сделать явным то, что все еще остается тайным. В высоком самомнении о ценности нашего знания мы избегаем одного: самопознания. Или мы действительно его не достойны?

Нет ничего разительнее ума и во внешнем проявлении еврейского национального характера как особого еврейского отношения к пространству и ко времени. Часто говорят, что каждый еврей — часовщик, прирожденный философ: «все уже бывало». Эти слова вошли в обиход описания еврейского характера, евреи глубоко антигосударственны и в этом схо-

дятся и Шопенгауэр, и Гартман, и Дюринг. Евреи — народ кочевников, в жилах которых еще не остыла знойная кровь аравийской пустыни, это открытие еще совсем недавно сделал вслед за египетским фараоном из книги Исхода профессор Зомбарт. Но почему ни философы по призванию, ни ученые по ремеслу, ни политики, ни филосемиты, ни юдофобы не ставят вопрос во всей его широте. Ведь проблема явно выходит за пределы и злобы дня, и исторической науки и требует от философии не обнаружения ее светских талантов, а самой сосредоточенной работы над последними предпосылками и бытия, и понимания. Время и пространство в отношении к характеру есть поистине тот глубинный пласт, в котором заложены благороднейшие породы душевной самоценности, здесь должно открыться то внешнее проявление еврейской самобытности, которая до сих пор предстоит нам в еврейской сонародственности еще только как некая «вещь в себе».

Если верно то, что было сказано выше о связи между неизменяемостью, сейчас — как давно с одной стороны, и высшими формами биологической жизни, с другой, и если верно то, что еврей через это особое взаимоотношение пространства и времени впервые осознает в себе свою специфическую «родовитость», то отсюда следует, что и, наоборот, еврейский национальный характер должен как-то совсем по-особому проявиться и по отношению к конкретному земному пространству и солнечному времени. То, что как отдельные или лишь внешне связанные разъединенные черты обрисовываются в отчетливом ли еврейском силуэте или в талантливой карикатуре на еврея, то приобретает для нас свои внутренние узаконения, как бы априорные формы целостного объединения. Из еврейского отношения к пространству и времени мы должны понять и своеобразие еврейского интеллекта, и особое содержание его воли, а отсюда — и его сложности культурной жизни во всех ее объективных разветвлениях. Народ, который не имеет своего собственного отношения к пространству и времени, либо вовсе не народ, либо всего лишь одна

отрасль более крупного единства — настолько пространство и время существенны для всей совокупности проблем, объединенных именем философии истории.

В чем же основная особенность еврейского отношения прежде всего к пространству? На это в двух словах можно ответить так: для еврея пространственность — не внешняя окружающая его среда, он сам изнутри своим собственным пространственным бытием определяет форму пространства вокруг себя. Интенсивность его биологического существа находит свою границу в экстенсивности своего пространственного существования, между тем, как для людей, для которых их биологическая сущность — лишь результат их рассудочного отъединения от окружающей природно-космической жизни, сама внешняя распластанность пространственности определяет слитность их собственного физического существования. Для еврея первично дана его отъединенность от мировых просторов, для не-еврея — его погруженность в них. Для еврея изначально интенсивна ограниченность животворящей энергии, для не-еврея — экстенсивная гармоничность космического порядка. Или иначе: для не-еврея символом всей природной жизни является ритм зодиака, для еврея — биение пульса, ритмика кровообращения, ибо «кровь есть душа», как сказал Господь Моисею и Аарону. Характер еврея биологичен, характер нееврея — физичен.

И это не может быть иначе для человека, для которого не родина-мать, а мать — родина и у которого в более глубоком смысле нет другой родины, кроме материнского дома и семени Авраамова. Если естественной заповедью является «люби свою родину, дабы умножить дни твои на земле», то для еврея эту заповедь бессознательно заменяет другая: «чти отца твоего и матерь твою». И как отец и мать лишь от раздельности своей приходят к взаимопониманию в творческой сплоченности, так и еврей познает свою природную пространственно-мировую родину, лишь покинув отца и мать и став единою плотью с родом своим, к нему прилепившись. Еврей собирает пространство,

в то время как других оно само вбирает, покуда они не соберутся с силами, чтобы восстать в нем против него и от него отложиться. Еврей в пространстве иностранец, не-еврей — туземец — сепаратист. Все это лишь внешнее проявление того, что родина еврея — его род и что род этот, как и всякое биологическое единство, по необходимости прерывен, а потому путь еврея к живущей в пространстве природе — это сплошной мост через биологические пробелы внеродовой физической жизни.

Но с этим тесно связано еще многое другое: биологическая особь, как родина, есть движимость, а биологический род, как естественное продолжение этой непосредственной родины, не имеет абсолютной границы в пространстве. И вот пространство, к которому кровно приобщается еврей, уже не обведенная отчетливой пограничной линией сплошная и неподвижная страна, а приливами и отливами вечно содрогаемый безграничный океан: и «дух Божий витает над водами».

Если естественное отношение к природе — нееврейское к ней отношение, то отношение еврея к ней поистине противоестественное, потому что оно прямо противоположно обычному. Он сродни не миропорядку, не рядоположенности, не экстенсивности и изгладившейся его внешности, а миротрясению потенциальной энергии мироздания, титанической его сплавленности, его внутреннему вулканическому огню. Потому что в начале был не космос, а хаос, не материя, а жизнь, не покой, а движение. Самобытность еврея — его неукротимая первобытность, а первобытность его — сама живая сила живой жизни, потенцированная природа рода. Все это сполна выражается в простом факте подвижной и беспредельной родины.

Как глубоко должна оформлять все индивидуальные особенности каждого еврея эта особая черта еврейского характера. Поистине, его жизненный уклад должен строиться по законам, совершенно отличным от законов нееврейской человеческой жизни. Быть может, если бы перелетные

птицы вступили в нашу современную общегражданскую жизнь, мы бы имели впервые второй случай такого человеческого характера, как характер еврейства. Если еврей связан с землей, то это не та земля, которая приобретает свои собственные имена в географических обозначениях, а та, которая называется таким собственным именем в астрономии, и даже эта связь не случайна лишь постольку, поскольку не случаен закон распространения органической человеческой жизни на поверхности земли, поскольку не случайны тяготы земного тяготения над человеческим родом. Специфически биологическое, а не физическое отношение еврея к пространству превращает тело каждого еврея в принципиально космическое тело, а его самого не в сына земли, а в ее спутника, всю же планету — в тяжкое ядро, к которому человек прикован природным произволом. Закон пространственного бытия, сознательного биологического начала есть движение в пространстве и значит абсолютная относительность того или иного определенного в нем места и, следовательно, [пропуск] против постоянного местожительства, потому что «земля и небо» пройдут, а закон мой пребудет вовеки. Закон же этот — закон биологического странствования за пределы любой замкнутой системы. Еврейское сознание — это самосознание самой жизни.

Но самосознающая себя жизнь в местных условиях жизни может видеть лишь внешние стеснения своего свободного развития, и закон приспособления есть для нее неизбежное зло. В природе нет высшей силы, нежели сила самой жизни, олицетворения всякой власти и властности. Жизнь империалистична, но ее империя есть империя всего чувственного мира. Таковы и евреи. В глубине души своей они к великодержавным мира сего относятся со свободнейшей снисходительностью и добродушнейшей иронией. В них сама анархическая природа иронизирует над миниатюрнейшим из своих созданий, над культурой власти и над некультурностью рабства в искусственных продуктах естественного человеческого

творчества. Евреи — единственная из участвующих в культурном строительстве наций, которая всегда остается в последнем счете вне культуры и за оградой созидания, потому что в самом пространстве каждый из них вне его, за собственной оградой своего внешнего бытия. Евреи среди людей, как «червь Иакова» среди высоких трав: они поднимаются над землею, но оторваться от нее для них — значит погибнуть, увядая, еврей и в земле, и над землею всегда вне ее. Корни его бытия не в ней, а в его народе, те растут, прозябая, еврей живет, копошась и размножаясь. Если родина не-еврея — имя собственное, потому что она — название отдельного и сплошного предмета, участка земли, то родина еврея — имя собирательное, потому что его родина — его род, его родные, его народ. На земле же — «простор для всех», и противоположность еврейского отношения отношению неевропейскому вообще не означает вовсе, что у всех не-евреев одно и то же национальное отношение к пространству, наоборот, сколько наций, столько особых отношений как к пространству, так и ко времени.

Пространство и время связаны между собой единой проблемой непрерывности. Если бы непрерывность во времени не объединяла разъединенности в пространстве, то род не мог бы стать тем реальным единством для сознания, каким он выступает в еврейском национальном характере. Мы слишком мало знаем о душевной жизни животных, но сама животность в ее биологическом родовом существе не могла бы одухотвориться в человеческом переживании, если бы это переживание не могло проявиться и в особом непосредственном отношении к непрерывности времени. В еврейском характере мы видим и эту вторую сторону мироотношения, связанную с самою сущностью биологической жизни: непрерывность во времени еврей сознает так же просто и непосредственно, как и принципиальную безграничность пространства и относительность всякой местной, так сказать, провинциальной в нем определенности. Биологическое размножение есть, как уже было отме-

[Содержание]

чено, передвижение, передвижение же по необходимости есть сплошное и непрерывное заполнение времени.

Вечно странствующий в безграничном пространстве иностранец неизменно оставляет за собою след своих шагов, и их уловимый отпечаток в сыпучих песках земного океана есть исторический путь каждого из евреев, зыбкость исторической почвы есть самое прочное, что еврей может ощутить под своими ногами. И только потому ему все равно, где находиться, и только потому он везде может встретить своих родных, что, где бы он ни находился и кто бы ему ни попался на пути, он всегда останется в пределах того сплошного времени, которое связывает его собственную обособленность с такою же обособленностью безграничного количества других человеческих существ. Если пространство для еврея —некая безграничная пустыня, то время для него — живой поток, утоляющий его природную жажду быть вместе со всеми, свое Я узнавать и находить в других и самому в своей собственной природе быть узнанным и признанным другими. Находясь с родом человеческим в пространстве, еврей сходится с ним во времени. Его общая с другими почва — не неподвижность земли, которая «вечно стоит», по слову Экклезиаста, а «преходящесть поколений», по слову того же первого из систематических еврейских мыслителей. И действительно, если в пространстве одно живое существо всегда уходит от другого, то во времени они друг от друга происходят. Поколения живых существ не столько преходящи, сколько происходящи, и еврей — это тот, который, прежде всего, «происходит». Если для всех людей типично, что они в сознании своем вечно где-нибудь находятся и прочно стоят в центре своей местной обстановки, то для еврея наиболее характерно, что он — вечное для самого себя событие, которое ведь тоже только «происходит». Бытие еврея есть событие еврея, потому что его существование есть всегда со-существование.

Таким образом, еврей — иностранец в пространстве — вечный странник во времени. Чуждый внешней физической

природе, он родной внук дедушки-времени, и близость, и отдаленность эти одинаково обусловлены основной иерархичностью самого родового начала; отношение отца и сына — основа отношений между братьями, последовательность во времени — основа соседских в нем отношений, потому что лишь в одинаковой степени последующие одновременно могут в нем осесть. Еврей строит свою жизнь не в пространстве, по которому он внутренне всегда лишь странствует, а во времени, в котором слиты воедино сущее и несущее. Еврей антигосударственен и антитерриториален, потому что он историчен и событийственен, или, если угодно, наоборот: еврей потому так близок к сцеплениям событий, что он, как пушкинский пророк, вечно «обходит земли», обходит, не ища в них пристанища, обходит, чтобы обходиться без них.

Вот почему бездомный еврей «везде дома». Ему в сущности безразлично, где находиться, и где бы он ни находился, его всегда привлекает то, что там происходит. А везде всегда что-нибудь происходит. Чуждый месту и кровно связанный со временем, он перестает различать между своим и чужим. Потому что если место — всегда не его, то современного ему времени никто не может отнять у него. И связанность его с родом своим связывает его и со всеми теми, кто, как он, родовит. А кто из людей вне рода? Только люди еще бессознательны, еще видят себя извне, смотрят на себя, как некие идолы, с высоты небес, а еврей уже знает, что он и его род — это неразрывное единство, а значит, нераздельно слиты и все времена, и все сроки, и все, что в них. Не все ли равно, где быть, когда мир полон событий. Истый аристократ — непременно странствующий рыцарь, и к нему, как и ко всему, что не принято по местным условиям, не могут не относиться всегда с некоторой долей исключительности. Но его могут исключить лишь из того или иного места, время же его всегда с ним, потому что его истинная родина — не здесь и не там, а теперь, и тогда, и всегда. Вечный жид есть Блуждающий жид — это для образного воплощения одного и того же характера.

[Содержание]

Такова сама основа еврейского характера. Сознающая себя живая природа есть вечная подвижность и вечное подвижничество. Еврейский темперамент, если следовать старинному обычаю этим словом обозначать последнюю суть человеческого характера, есть темперамент всегда своевременного и в то же время — всегда неуместного человека. Быть может, эта двойственность в определении покажется слишком сложной. Тогда можно то же самое сказать одним словом: еврейский темперамент — это темперамент живой, то есть темперамент самой жизни, которая тоже всегда безоглядно поспешна и всегда к сроку выходит из себя, переплескивается через собственные края.

Правильная классификация темпераментов в сущности только и мыслима на основах определения взаимозависимости всего душевного уклада и его соотношения с пространством и временем. Во всяком случае, на основе такого понимания темперамента связь интеллекта и воли с более глубокой [пропуск] души дана как бы сама собою. На примере еврейского характера это становится особенно ясным.

Интеллект есть способность ориентироваться в пространстве, воля — во времени. Из своеобразного отношения к пространству и ко времени проистекает и своеобразие интеллектуальной и волевой жизни. При всем своеобразии еврейских умов, при всем различии направлений индивидуальной еврейской воли, у всякого еврея — прыгающий ум и прокладывающая загрунтованные дороги воля. В этом разгадка и так называемого еврейского рационализма, и столь бросающегося в глаза еврейской практичности. Рационализм и практичность — пустые слова. Каждый человек, знающий хотя бы уголок таблицы умножения, — а кто из людей не умеет считать до четырех? — и каждый, ставящий себе цели, — а кто живет в непрерывной сомнамбуле? — в некоторой степени практик и рационалист. Задача при анализе национального характера заключается в том, чтобы эти общие выражения наполнить конкретным содержанием, а это возможно лишь тогда, когда связь между

темпераментами в выше установленном смысле и интеллектуально-волевой сферой душевной жизни дана не извне, и изнутри. Таким внутренним элементом по отношению к интеллекту и является специфическая особенность пространственных переживаний, а естественные очертания воли придаются связью с жизнью, эмпирической во времени, откуда уже непосредственно следует, что самобытность сочетания умственной и практической жизни в их нераздельности — лишь еще более овнешненная центральная сущность характера, для которого его единая временно-пространственная сфера жизни — лишь первое отложение вовне его сердцевинной интенсивности. Еврейская воля, руководимая еврейским умом, и еврейский ум, неустанно пришпоривающий ретивую еврейскую волю, — все то же еврейского родовое сознание, с его вечной неуместностью, а потому и непрерывной своевременностью.

Прыгающий еврейский ум — это ум, который интуитивно логичен, конструктивная еврейская воля — это воля, которая не знает непреодолимых преград. Быть может, если бы еврейский ум не прыгал, воля еврея не раз останавливалась бы на краю развергающихся перед нею пропастей в глубочайшем бездейственном раздумье, и очень может быть, что, если бы воля не поспешала неустанно за галопадой еврейского ума, ум этот давно выродился бы в формалистическом своем бесплодии. Евреи, у которых естественная для иных гармония нарушена, массами сходят с ума, топят свою кровь в микстурах смешанных браков и очень часть кончают самоубийством. Еврейская дегенерация легче всего распознается в этом специфическом разладе практицизма и ума. Но рассмотрим каждый из них в отдельности.

Еврейский ум, как сейчас было сказано, ум интуитивно-логический, или, что то же, — прыгающий ум. Чтобы ясно осознать, что следует понимать под этими словами, вспомним самые простые из определений логики. «Вывод следует из посылок», «каждое положение, которое не является

выводом из посылок, необоснованно», «закон достаточного основания есть универсальный закон для мысли», как бы закон тяготения для логического космоса. Если все это верно, то поистине еврейский ум — свихнувшийся ум. Для него посылки следуют из вывода, каждое обоснование есть сугубая необоснованность, и закон достаточного основания есть для него явное беззаконие, потому что он требует обоснования самого закона достаточного основания.

Это необходимо правильно понимать. Этим, само собою разумеется, вовсе не сказано, что каждый еврей — художественный гений или Лейбниц в миниатюре. Но что несомненно, это то, что каждому еврею свойственно по поводу очевиднейшего положения инстинктивно воскликнуть: «Ипха мистабра», что в переводе с арамейского значит: «предположим наоборот», и, перевернув истину вверх ногами, он тут же уверен, что не стоит труда и весь мир также перевернуть вверх ногами, чтобы истина легко удержалась в своем неестественном положении. Это и значит логический прыжок, но прыжок, который по силам лишь тому, кто абсолютно уверен в неисчерпаемости своей логической энергии, уверенность же эта дается уму, который к своим собственным логическим способностям относится интуитивно, а не заключает о них на основании их внешних проявлений в опыте интеллектуальной жизни. Вот почему любое утверждение для еврея твердо обосновано, для него прочность суждения — не в твердости основания, на котором оно покоится, а в упористости тех устоев, которые в любом положении могут быть сооружены по поводу каждого утверждения. В любом положении еврей видит ту точку логической опоры, при помощи которой можно перевернуть весь логический мир. Он безотчетно чувствует, что все пути мысли неизбежно скрещиваются и стоит лишь захотеть, чтобы по каждому из них пройти до самого конца. В сфере мысли еврей решительно не знает авторитетов, потому что ощущает в себе такое бесстрашие мысли, для которого в пределах самой логики уже не существует

[Содержание]

препятствий. Если бы еврей жил только умом, он был бы прирожденным схоластом, софистом, диалектиком, пустейшим формалистом, «продажной совестью» и логическим идиотом. Есть типичная еврейская глупость, как и типичное еврейское остроумие и типичный еврейский скептицизм. Еврейское остроумие и еврейский юмор — это логическая ирония и самоиронизирование над пристрастием к софистике, еврейская глупость — в переоценке логического спорта, еврейский скептицизм — в недоверии к опытно проложенным путям доказательства. Как часто сами евреи не могут отличать своего остроумия от своего идиотизма и своего формально-логического скептицизма от упорнейшего сопротивления самого материала своей последней веры и уверенности. Потому что прыгающий ум интуитивен еще и в другом отношении: он бессознательно руководствуется инстинктом правды, более высокой, чем вся школьная мудрость формальной логики, с ее силлогистическими трапециями, на которых так любят упражняться акробаты мысли. Еврейский ум — орудие воли, ее верный слуга. Его прыжки бесцельны лишь тогда, когда теряет над ними власть его исконная повелительница. Потому что лишь в пространстве еврей блуждает, но поступь его тверда по тропинке веков.

Все своеобразие еврейского ума в его отраженности от еврейской пространственности. Тому, кому в глубине души безразлично, где обосноваться, лишь бы жить и существовать, конечно, безразлично и то, что и как обосновать. Пространственные образы в школьной логике не случайны. Формальная логика есть законное дитя искони гармонического космоса, и, если метафизика Аристотеля соответствует его научно биологическим интересам, то его «органон» есть орудие познания первобытной пифагорейской астрономии. Но для еврея, мы это видели, не только безразлично, где стать, но больше того, где бы он ни стал, он всегда противостоит своему месту, он везде витает в воздухе, потому что его родная стихия — не устойчивость земли, а по-

движность рода, совокупность живых существ, неустанных в своем произвольном и математически неописуемом движении. Для него каждое положение в пространстве относительно, и столь же относительно каждое положение в мысли: адогматичность евреев — вот догма его ума. Все относительно под солнцем, потому что непрерывно рассеивается семя Авраамово «по всем четырем ветрам небес», и каждый еврей вечно несется по волнам истории, и все дальше и дальше относит его самого и любые из установившихся его отношений дурной порок торопливых времен. Для еврея символом места является не пустой промежуток, а полнота органической и зиждительной жизни, вот почему он внутренне чужд и «общим местам», и всей топике обычной логики. Какова топография окружающей душу пространственности, таково и отношение души к логике. Для еврея логическое мышление, с его закрепленными точками отправления — игра, как несерьезно для него и то или иное его местонахождение, и он перепрыгивает через логические пропасти с такою же легкостью, с какой переносится крылатое семя через воздушные пространства. Это и значит, что [пропуск] предшествует для него термину [пропуск], а потому он к своим рациональным построениям относится не иначе, как к продуманной шахматной партии, и легко «жертвует» целой силлогистической «фигурой», лишь бы добиться шаха и мата. Еврей, как на гладкой поверхности «логического квадрата», как бы играет в шахматы с самим собой, и при этом фигурам, двигающимся по прямым, он внутренне предпочитает легкую фигуру скачущего «коня». Еврей мыслит совершенно так же, как живет в пространстве, и именно прерывность пространства в родовом сознании еврея превращает и его логику, взятую в отдельности, в металогику, в убийственную логическую иронию.

Но нет ничего неправильнее, чем изолировать какие бы то ни было душевные способности. Прерывность родовой жизни возможна лишь в непрерывности временного происхождения. Точно также и ориентирование в логиче-

ском пространстве немыслимо без того, чтобы справляться о времени по тому же восходящему на востоке ориентальному солнцу. Компас в такой же мере — часы времени, в какой часы — компас пространства, и если стрелка компаса для еврея всегда установлена на прерывистую безграничность пространства, то все стрелки часов для него всегда направлены на вечный полдень непрерывного времени. Жизнь не стареет, и непрерывность ее развития делает любой момент апогеем ее неизменных интересов. Такова и еврейская воля: она ни на минуту не замирает, торопясь жить. Еврей цепляется за момент, но не за изолированность момента, которая уподобляет мгновенье острову среди враждебных и грозящих захлестнуть его седых волн прошлого и обрушивающихся на него грозных прибоев грядущего, а за его неуловимую слитность с тем, что было и что будет. В дне еврей «ловит» самую его неуловимость, настоящее есть для него самый переход от прошлого к будущему, вернее, от будущему к прошлому, потому что восток времен, которому он поклоняется, есть для него страна восходящего будущего, и связан он не с «отечеством», не со «страной отцов», а со «страной детей», как выражался Ницше. Это и не может быть иначе для характера человека, чья воля — воля к жизни самого родового сознания. «Плодитесь и размножайтесь» и «наполняйте землю»; земля наполняется лишь от плодородности самых плодов, и каждый человек подобен, говорит Талмуд, первому Адаму, от которого пошел весь род человеческий. Если точка опоры еврейской воли есть ее связь с предками, то цель ее — связь с потомками, предки — верная гарантия того, что должны быть потомки, потому что для предков Я — сам лишь потомок. В этом смысле и все предшествующее лишь опытное подтверждение того, что будет потом. Отсюда и своеобразие еврейской памятливости, и все особенности еврейского телеологизма.

Еврей — романтик будущего, он искренно любит, нередко вопреки самым кровным своим интересам, все новое, молодое, что обещает расти и развиваться, плодиться

и размножаться. И еще не бывшее, становящееся быть для него, не менее реально, чем то, что есть по закону сохранения прошлого. Потому что в самом этом прошлом наиболее реально для него, как было отмечено, призрачная реальность рода и его продолжительность. Так, любой день для него — день рождения его самого; и всей окружающей жизни, и всех океанов земли не стало бы, чтобы окрестить святою водою все новорожденное и новорождающееся. Жизнь для него — самоцель поэтому, и практичность еврея, его телеологизм — отвлеченный телеологизм; любое содержание воли для него в принципе достаточно увлекательно, лишь бы продолжалась жизнь, лишь бы энергия ее по-прежнему по всей своей напряженности сохраняла конгениальность с гением самой неподдельной живой биологической жизни. Поистине, гений еврея есть гениальность самой родовой жизни. Как поверхностны поэтому все упреки по отношению к евреям, а иногда и обвинения против них за их «мелкую практичность». Пусть обвинители наперед посадят на скамью подсудимых самое жизнь, во всем ее органическим многообразии, пусть привлекут они к ответственности всю природу: и полевых зверей, и гадов морских, и орлов, парящих в поднебесье. Как будто в одном застывшем созерцании — величие, а в действии — лишь «жизни мышья беготня», как будто в такие мгновения не может сполна отразиться вся полнота вечности; жизнь гениальна во всех ее продольных и поперечных разрезах.

И ни в чем не проявляется так ярко прирожденный биологический телеологизм еврея, как в работе его памяти. Нет более услужливой памяти, чем память еврея. Все прошлое для него — лишь средство, все предки жили лишь для потомства, и так все запечатлевшееся в его памяти с природной легкостью всплывает на поверхность его сознания, когда это практически, жизненно важно. Потому что и весь интеллект еврея — лишь орудие его воли к жизни.

Если интеллект есть способность ориентироваться в пространстве и если естественное для еврея пространство —

любая местная в нем определенность при любых обстоятельствах времени, то нет ничего понятнее, как не раз сделанное наблюдение (в последний раз Зомбартом, еще раньше — Ницше), что еврейский интеллект есть сама «способность приспособляться», которая в известной мере присуща интеллекту вообще, в специфической обстановке еврейской душевной жизни.

Следует, однако, оговориться, что все сказанное здесь о еврейском интеллекте и о еврейской воле — лишь общие очертания того и другого. Это в сущности отдельные и большие темы, но существеннейшие черты должны быть закреплены и здесь. К ним же, несомненно, относится и специфическая еврейская способность приспособляться.

И опять связь пространственной и временной жизни послужит руководящей нитью при разрешении этого запутаннейшего узла. Если в личности еврея родовое, вне- и сверхличное органически срослось с его собственной неповторяемой индивидуальностью, она должна приобрести совершенно своеобразную окраску. Еврей есть продолжение и продолжатель своего рода. Как продолжение рода он безличен и безучастен не только к своему месту в пространстве, но и ко времени; в этом смысле для него ценно лишь само сознание, что он — звено в цепи, связывающей времена со сроками, сроки с временами, и естественным основанием для всех его сверхличных оценок является уверенность, что, если есть смысл в жизни, то непременно в жизни, в которой личное Я — лишь преодолеваемая ступень, через которую история должна перешагнуть, но перешагнуть через которую, не оступившись, она не может. Другими словами, во всех своих безусловных оценках еврей руководствуется прирожденным своим интеллектом философа истории. «Все, что делает Милосердие (Господне), — к добру» — это талмудическое изречение есть внутренний голос еврейского родового оптимизма. Еврей в этом смысле приемлет необходимость человеческой жизни как внешнюю сторону ее сокровенной целесообразности. Но, с другой стороны,

сверхиндивидуальному голосу родовой совести вторит собственная личная активность продолжателя рода, то есть, в сущности, зачинателя своего собственного, как бы изначального в каждом отдельном случае, нового рода. Тут еврей не имеет предков, он сам, по собственной воле, снова заключает в сыне своем Ветхий завет с исторической судьбой. И не имея предков, родоначальник, не сомневающийся в своем призвании, свою современность ощущает как некое начало новых исторических времен и своим именем готов окрестить избранное им место поселения. «Мой дом — мой город» — таково содержание чисто еврейского родового индивидуализма, с которым всегда неразрывно связаны и колебания, и сомнения, тревожная бдительность и подозрительная верность того, кто разбрасывает свои семена по грядам грядущего. Еврей-родоначальник не знает более высокого мерила в своих конкретных исторических оценках, чем его собственная способность оценивать и осуждать. «Потомственный предок» — таково истинное характерологическое звание еврея среди народов, и отсюда — кажущееся противоречие еврейского оптимизма и еврейского пессимизма, который делает еврея неприятно сложным и вычурно неуравновешенным в глазах всех, кто с наследственной оседлостью потерял чутье к безбрежности просторов; в просторах же этих осуждают не одни планеты, но и отдельные люди, влекомые силами жизни, ставшей для них историческим событием. Но отсюда также — и другое, не менее ложное противоречие между безличием еврея и той личной нотой, которую он вносит во всякое дело. Субъективность и объективность еврея слиты воедино в его системе ценностей, для которой несомненной мерой ему служит общеисторическая судьба, но в пределах которой свои намерения и оценки он не может не производить всегда на собственный страх и риск; отсюда же и глубокое варварство, его внекультурность, поскольку всякая культура есть культура той или иной страны, той или иной исторической эпохи, с другой стороны, и его более зрелая, чем любая кон-

кретная культурность, проникновенность в самый смысл культурно-исторических судеб. Таков неизбежно посредник между всякой срединностью и завершенностью, такова бесформенность самой формирующей жизни, таков материал того человеческого вещества, который, преодолевая границы, цементирует эпохи. Таковы дети того народа, который на все обращенные к нему призывы «[пропуск]» неизменно отвечает народам и государствам «[пропуск]».

Это и есть еврейская способность приспособляться. С большим запасом инерции родовой жизни, которая, как всякая биологическая потенция, в сущности есть способность бороться с самыми неблагоприятными условиями конкретной окружающей среды. Каждый еврей в своей личной жизни и в обстановке разных человеческих культур и цивилизаций лишь продолжает дело своей жизни. И действительно, как мало, в сущности, изменились люди с точки зрения природной со времен Авеля и Каина, Ормузда и Аримана. « [пропуск]» как был неразумен, так и остался, от ближних мы все еще так же далеки, как и во времена фараонов, «естественное состояние» все еще не кажется нам противоестественным. Только цельность первобытной культуры разложилась на многоразличие обособленных направлений; белый луч преломился в радугу миражей, и мы, немного отвыкшие от солнца под сенью домашнего крова, предпочитаем смотреть на мир сквозь цветные стекла. Еврей в этом смысле против эстетики, и он умеет отличить свет, проистекающий от незамутненного источника, от света, преломленного сквозь условные призмы. С таким знанием ему в любой культурной обстановке достаточно довериться своему непосредственному искусству жизни, и этот импульс его проведет через нее невредимым. Сохранив целостное варварское чувство безусловности, он легко разбирается в условиях, раз они — условия его жизни. У еврея не ум руководит инстинктами, а инстинкты, принявшие форму сознательной воли, руководят умом. Так, он с легкостью преодолевает формы культуры, наряжаясь

в них, как в защитного цвета покровы, покуда он минует и тот этап, покуда пройдет и это время года, и эта эпоха истории. Еврею легко оставаться над современностью, потому что действующая в нем сила рода делает его личность легковесной по отношению к современной среде: он может нырнуть на самое ее дно, но его снова каждый раз выносит на ее безбрежную поверхность. Еврей не тонет в водах преходящей культуры, потому что его родовое ядро не плавится и не сгорает на кострах истории, он легко приспособляется ко всякой культурной среде, потому что всякая человеческая среда сама приспособлена к условиям еврейской, то есть родовой, природной жизни. Врожденная еврею система ценностей такова, что все конкретно-личное в ней — лишь временный балласт, все же безусловное ценное в ней не связано ни с местом, ни с днем или веком. Жертвуя собой, еврей всегда сохраняет в неприкосновенности свою способность снова и снова отстраиваться на прочном основании своей, всегда ему присущей сверхличной жизни. Так, еврей легко меняет свой язык, свой быт, свои нравы, свою профессию, но никогда при этом не предает своей веры в то, что каждый человек, а потому и он сам, неизменно связан с непоколебимой почвой, вечно текучей, но в своей текучести, постоянной и осмысленной, исторической жизни. История для еврея то же, что для земледельца земля; тот и другой доверчиво жертвует своей кормилице плоды своих трудов — зерна ими самими добытой реальности и истины. Еврейская способность приспособляться есть лишь другое слово для той же исконной черты — для уменья жить в кажущейся прерывности пространственных обстановок.

И вот откуда проистекает это общее убеждение, что в какой-то подпочвенной глубине каждый еврей религиозен. То, что само собой разумелось для Паскаля, а еще совсем недавно вновь высказывали Достоевский и Толстой, — о присущей самому неверующему еврею бессознательной преданности вере своих отцов, — есть просто-напросто смешение веры и уверенности. Поистине, каждый еврей

носит в себе источник последнего спокойствия и глубочайшей уверенности, которая в глазах не-еврея может казаться либо зрелой мудростью, либо наивною верою. Но часто это ни то ни другое: ни философский стоицизм, ни ветхозаветная религия, а лишь ирония исторического чувства над обычной нечуткостью к сверхвековому смыслу нашего века и его пестрого маскарада. Еврей органически не приемлет альтернативы: либо злободневность, либо вечность. Для него личное, конкретное, самобытное сплетается в единую живую ткань со сверхличным, с умопостигаемым, со смыслом всей истории в целом. Его личные цели определяются его собственной самозаконной волей, но его целестремительность в целом есть его неотчуждаемое наследственное сознание того, что смысл его личной жизни — в смысле неличной, общей, исторической жизни. В этом сомневаются только выродки из евреев, все же сохранившие свою родовую энергию неизрасходованной, приспособляясь и меняя свою культурную окраску с легкостью опытных актеров, тем не менее, в последнем счете — ригористы из ригористов. С наивностью талмудического «невежды» они уверены, что только потому «мое есть твое», только потому они могут жертвовать своим обликом для других, для времени, для общепринятости, что и «твое есть мое», что, как бы ни складывалась частная жизнь и как бы ни отчуждал себя человек в пользу своего времени и внешних обстоятельств своей жизни, — все это, в своей связи со всем прошлым и, прежде всего, со всем будущим, есть неотъемлемая сторона той сверхиндивидуальной исторической жизни, к которой чувствует свою причастность самый бессознательный из евреев и которая навсегда остается для него неразрывной частью его самого. Подчиняясь и приспосабливаясь, воздавая кесарю кесарево, еврей чувствует себя свободным наместником самой истории на отведенном ему судьбою случайном месте, ибо «вся земля Моя». Если иногда говорят, что вера в разум истории есть верх неразумия, то всё блуждание евреев есть также и одно сплошное заблужде-

ние. Может ли, однако, жизнь заблуждаться? И если заблуждение есть сознательная форма самой энергии жизни, то не есть ли «здравый смысл» лишь другим выражением хронического заболевания жизненного инстинкта? Как бы там ни было, заблуждается ли еврей в вере или нет, но этой верой он жив, и прежде чем спорить и осуждать, необходимо увидеть и понять. Увидеть и понять еврея — это значит постигнуть ту человеческую разновидность, которая могла бы быть с полным правом названа [пропуск] — блуждающий исторический человек. Если история — призрак, то евреи — чистейший вымысел, а если евреи — психический факт, то история, по крайней мере, так же реальна, как реальна сама душевная природа.

Но для душевной природы аналогия дана не в сцеплении физических явлений, а в единстве органической жизни, орудием наблюдения которой является не направленный в бесконечные космические просторы телескоп, а анализирующий на ближайшем от нашего глаза расстоянии микроскоп. Таким же как бы разглядыванием под микроскопом в непосредственной близости должен быть и характерологический анализ. Его задача — разложить в целостную слитность неразличимые подробности душевной жизни, не нарушая их теснейшей взаимной связи, разложить для глаза эту слитность так, чтобы, увеличив для него всё по своей дробности недоступное ему без искусственного средостения, само взаимоотношение оставалось бы вне какого бы то ни было преувеличения или преуменьшения и, конечно, в той же объективной бесцветности или, правильнее, в той же естественной окрашенности, которая еще не тронута аберрацией положительной или отрицательной оценки. Попытка произвести такой именно характерологический анализ по отношению к душевной жизни еврея и была здесь дана. Быть может, прежде чем закончить его указанием на возможные разновидности этого единого облика, не лишним будет оглянуться методически назад и отдать себе отчет в достигнутом результате.

Анализ этот, прежде всего, еще ничего не предрешает в смысле возможной нравственной оценки такого человеческого типа. Быть может, люди, которые в своей душевной жизни обнаруживают наиболее могущественное влияние биологических функций: естественной центростремительности, силы приспособления, инстинкта сохранения рода, — даже недостойны человеческого звания и являются просто-напросто живучими животными, человекоподобными среди людей, унижающими и обезличивающими все душевные и связанные с жизнью личности категории, как интеллект и воля, цельность характера, душевная гармония, наконец, личное и сверхличное. Быть может, наоборот, такой человеческий характер лишь впервые дает нам возможность увидеть самую биологическую жизнь в свете сознательной разумности и чисто человеческой осмысленности. Все эти вопросы здесь намеренно оставлены в стороне. Оценка национального характера евреев возможна лишь на почве философии истории, то есть только тогда, когда мы уясним себе, что и самые основные черты этого характера можно различить лишь в поисках ответа на вопрос: каковы должны быть душевные задатки у людей, призванных в своей тысячелетней совокупности сыграть ту историческую роль, партитура которой у нас перед глазами.

Только при таком освещении можно вообще что-либо разгадать под микроскопом анализа. Но телеологическая постановка вопроса есть лишь некий ключ, правда, единственно возможный, для решения вопроса, но еще не само решение. Оно же заключается в том, чтобы, расшифровывая характер, мы прежде всего убедились в систематичности и внутренней непротиворечивости самого шифра, а затем и в том, что он действительно отвечает той цели, для которой он служит средством или, другими словами, что при таком национальном характере внутренняя и внешняя история еврейского народа — естественное его проявление на мировой арене. О первом его условии правильного реше-

ния можно было бы судить уже сейчас, второе же явно выходит за пределы настоящей статьи, таким образом, по необходимости отпадает и возможность уже сейчас так или иначе оценить обрисованный нами характер, в последнем счете это значит не что иное, как оценить с универсально-исторической точки зрения роль и значение еврейского народа в истории.

Есть, однако, и другой путь проверки, доступный каждому из нас и без всяких сопоставлений с вековыми партиями. Это путь нашего повседневного опыта, путь наблюдения и самонаблюдения. Психологический силуэт, каковым является тот или иной национальный характер, должен явиться как бы единицей для измерения всех индивидуальных профилей, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Этот путь наперед отрезан от всякой характерологии, которая стремится дать больше, чем силуэт, и, построя национальный тип, включает в него такие, всегда облеченные в плоть черты, как те, что проявляются в отдельных конкретных событиях личной жизни, между тем как абрис национального характера должен дать нам возможность понять лишь биографическую основу отдельной жизни. Жизнеописание же это делается возможным, когда уловлена внутренняя динамика человеческой жизни в ее целостности. Характерологическая схема еврейской душевной особенности есть общая схема еврейской биографии, а не фотографии — вот почему все попытки создать в характеристике наций живые портреты есть лишь проявление художественных способностей, а не могущее претендовать на объективность изображение. Все черты еврейского характера, которыми он закреплен в настоящей попытке, должны проверяться на динамике еврейской индивидуальной жизни, на последних движущих ее моментах, на понятии ее внутреннего единства, а не на тех или иных изолированных фактах, как часто они ни повторялись бы, в многолетней отдельного человека, когда он встанет перед нами как еврей. При этом совершенно безраз-

[Содержание]

лично, выдающийся ли это ученый или государственный человек, последний лавочник или рабочий.

Таким образом, национальный момент в индивидуальном характере человека есть лишь та постоянная величина в слагающих психику силах, которая позволяет ему, идя своим собственным извилистым путем, в то же время неизменно двигаться поступательно по историческим путям, по которым движутся организованные в народы человеческие массы. Вне истории нет человека, место же человека в истории определено его национальным характером. Отсюда следует, что гений и посредственность в равной мере свободны и в той же мере связаны в своей психической природе: свободны, поскольку власть их простирается на их природу, связаны, поскольку власть их ограничена пределами их собственной природы. Но в то время, как гений — виртуоз в самоиспользовании, средний человек умеет брать на великолепном инструменте своей души только простейшие аккорды, и психологический анализ должен помочь отграничить искусство виртуоза от совершенства инструмента. Вот почему совершенно неправильно о национальном характере того или иного народа заключать по узорам культурного творчества великих работников над собственным духом, каковы все гениальные натуры во все времена и у всех народов. Тембр голоса еще не создает его музыкальности, но и песни не звучат без голоса. В истории культуры всегда нужно строго отличать начало личного творчества от его национальных предпосылок. Не произведя предварительно этого разграничения, мы поневоле должны будем приписывать национальному характеру такую же степень изменчивости и непостоянства, как [нрзб] поколении или даже прихотям моды.

По этим именно соображениям все время не сделано было ни одной ссылки на героев еврейской истории или на какие бы то ни было отдельные факты из истории еврейской культуры. Наоборот, предшествующий анализ должен помочь выяснить, в какой мере в том или ином про-

явлении личного или коллективного творчества у евреев можно усмотреть специфические еврейские черты. Нельзя от Исайи, Спинозы и Маркса заключить к своеобразию еврейского духа, но можно, наоборот, от этого своеобразия заключить, воплощает ли действительно дух пророчества, система пантеистического монизма или материалистического понимания истории те задатки, которые присущи каждому отпрыску еврейства в отдельности. С высот творчества национальный момент открывается лишь как один из изгибов тропинки, ведущей к вершине, и есть какая-то недостойная бесцеремонность в этом, столь распространенном в наши дни стремлении свести всех гениальных представителей нации к какой-то средней арифметической. Что такое средняя арифметическая между Декартом, Лабрюйером и Расином, между Ньютоном, Локком и Шекспиром, между Гумбольдтом, Кантом и Гете? В лучшем случае, именно то, что есть общее между любыми тремя французами, англичанами или немцами. Между ними же общим является то, что в каждом из них отложилась как исконно национальная основа их жизни в силу того особого места, которое занимает каждая из этих трех великих наций на пути к последним задачам человеческого творчества.

Можно ли еще после этого говорить о разновидностях национального характера? Не значит ли это, что национальный характер есть некая неизменная и неразложимая сущность, как бы переведенная на психологический язык вейсмановской субстанции биологической наследственности? Конечно, нет. Начало филогенетического развития еврейского национального характера, это уже сказано выше, должно быть рассмотрено особо, хотя, конечно, это развитие и предполагает единого носителя последовательно сменяющих друг друга фаз. Так, например, соотношение между интеллектом и волей у еврея с течением веков несомненно видоизменилось в пользу все большего нарастания значения первого по сравнению с бессознательно-целесообразной стремительностью второй. Но предмет настоящей

[Содержание]

работы — не история еврейского национального характера, хотя бы только и в непрерывности его развития, а его современные судьбы, и надо уяснить себе, что означает проблема его разновидностей при данных его отличительных чертах.

Сфера технической жизни часто вполне отожествляется со сферой жизни сознательной. Так, психическая жизнь здесь не понималась. Закономерность душевной жизни лежит, например, за пределами непосредственного сознания; если наши представления вызывают друг друга по ассоциативному закону, то сам этот закон не наличествует в переживании тех представлений, которые появляются сообразно с ним. Точно так же и та закономерность, которая именуется характером, хотя и проявляется в сознании, но сами явления сознательной жизни оттого не переживаются как «характерные» для нас. Так, например, если еврейский характер проявляется в склонности относиться безразлично к месту пребывания, то это еще не значит, что еврей, эмигрирующий с легкостью из одной части света в другую, осознает свое переселение как нечто ему особенно естественное; его мысли и чувства, наоборот, при таком переселении больше всего заняты самими подробностями предприятия, он весь преисполнен конкретных надежд и реально ощущаемых опасений, он осознает, что меняет одну обстановку жизни на совершенно иную, но при этом отнюдь еще не должен отдавать себе отчет в том, что его сознание есть лишь выявление прирожденных черт его характера, которые он разделяет со всеми сынами своего народа. Другими словами, от сознания следует отличать проникающее в характерологическую подпочву своей собственной души самосознание.

Самосознание не есть нечто врожденное, и оно не связано с человеческим характером как таковым, самосознание определяет человека как существо нравственное, а потому и внеприродное. Все люди могут быть самосознательными, самосознание есть то, что объединяет все разумные

существа без исключения. Но именно потому самосознание и есть то начало, которое может видоизменить характер и разложить единство его понятия на множество разновидностей. Национальный характер, сделавшийся проблемой для самосознания, начинает бродить и открывать возможности разнороднейших реакций.

Этим еще вовсе не предрешен вопрос, является ли проблема разновидностей национального характера единой для всех наций, но несомненно, что необыкновенная и в столь раннем возрасте сказывающаяся зрелость еврейского характера, огромная сила его проявления в жизни современных евреев, наконец, то, что в условиях современной международной жизни проблема еврейского национального характера навязывается еврею, как навязывается нам против нашей собственной воли наше изображение среди многократно отражающих его зеркальных стен, — все это, вместе взятое, делает из еврейского самосознания особо пригодное орудие для разграничений разных видов того, что этому сознанию открывается как проблема его собственного характера.

Так получаем мы первый принцип классификации: еврейский национальный характер как факт и он же — как душевная проблема. Всех евреев, с тем присущим им национальным обликом, очертить который мы пытались, можно подразделить на таких, которые живут гармонично без того, чтобы они двоились в собственных глазах, — это те, которые, как было сказано вначале, просто евреи, продолжающие свое исконно национальное дело жизни во имя ее самой и присущих ей задач, и на таких, которые «больны собою», которые для себя самих — вечная прилипчивая проблема, которые хотели бы избавиться от самих себя и жить, «как все», то есть без этого неизбывного наваждения самообремененности. О первых, в сущности, шла речь все время, но в известной мере — и о вторых, так как и они сполна воплощают еврейский национальный характер, лишь осложняя его этой специфической борьбой, в кото-

рую они вносят всю живость типично еврейского темперамента, всё остроумие еврейского ума, всю настойчивость и упорство еврейской воли, наконец, всю энергию еврейского родового сознания, так как, с естественностью прыгающего еврейского ума, они переносят весь центр тяжести своей личной проблемы на свое потомство. Еврейский характер торжествует даже тогда, когда ему наносятся как будто самые ощутительные поражения.

Но в еврейском характере, как мы видели, органически связаны начало личное и сверхличное. Так и борьба с собственным характером может опереться либо на сверхличное, родовое начало еврейского характера, либо на его индивидуалистический момент. Отсюда дальнейшее подразделение. Еврей борется со своим характером либо по национальным мотивам, либо по индивидуальным — последние всегда, как это сейчас будет показано, еще и эгоистического свойства.

Почему вообще возникает эта внутренняя борьба? Ни у одного народа «призраки» наследственности не реальны до такой степени, как у евреев. Еврей, осознавший эту реальность как внешнюю для его личности силу, должен чувствовать на себе всегда ее давление, от которого он естественно стремится избавиться. Но в живом и здоровом организме нет ощущения «тяжести» отдельных его членов, напротив того, они взаимно поддерживают друг друга. Таким образом, проблема еврейского характера для еврея всегда — симптом его болезни и нарушенного равновесия его внутреннего существа. Несомненно, что инфекция извне играет при этом немаловажную роль. Но в этом смысле не правильно ли будет сказать, что и национальное самосознание, так называемая «народная гордость», и типично еврейское ренегатство — лишь две стороны одного и того же характерологического явления — распада целостного еврейского сознания, бессознательного во всей исконности своего родового и индивидуального момента. Конечно, о таком распаде нельзя еще судить по самому «интересу» ев-

рея к проблеме его национального характера или по его националистическим или ассимиляторским «убеждениям». Дело идет не об интересе и убеждениях, а о том, что разъедает всю душевную жизнь и обнаруживает во всех ее проявлениях специфическую двойственность. Каковы же эти типы еврейского характера в их подробностях?

Различие проявляется прежде всего в мотивах. И еврейский националист, и еврей-ассимилятор относятся отрицательно к своему национальному характеру. Это не может быть иначе. Человек, начинающий ощущать свой процесс дыхания, в сущности уже начал задыхаться, человек, ощущающий свой процесс слово-произнесения, заикается — так и человек, ощущающий в себе свой национальный характер, в сущности уже расколот надвое и естественно отрицательно относится к тому в себе, что мешает ему безотчетно жить и действовать — к своей полной раздвоенности. Но способ действия может быть различным: можно пытаться восстановить первоначальную целостность, либо не решать проблему хирургически, пытаясь разрубить узел. И националист, и ассимилятор — оба охвачены бесконечной усталостью, и оба глубоко тоскуют. Первый — о том, чего уже нет, о блаженстве своих предков; второй — о том, чего еще нет, о блаженстве потомства. Первый стремится подражать прошлому, второй — будущему. Мотив первого — стремление погрузиться в стихию рода, мотив второго — им самим основываемый род освободить от дурной наследственности, то есть от его собственной родовой природы. Первый, таким образом, противопоставляя себя себе, стремится к преодолению своей личной конкретной судьбы от ее связи с судьбою других; еврейский националист, следовательно, действует всегда через себя для рода, ассимилятор же через род — для себя. Еврейский националист вырождается в безличность, ассимилятор — в опасного эгоиста.

Но во многом они сходны. И тот, и другой не самостоятельны и глубоко подражательны, но один подражает сво-

им выдуманным, обвеянным романтической дымкой образам прошлого, стремящийся же к ассимиляции еврей подражает случайным маскам окружающей жизни. Один мечтатель, другой сугубо реалистичен и лишь иногда, из подражания, рядится в ложную сентиментальность. Оба недоверчивы и подозрительны — как бы ни раскрылась для них самих бесполезность их игры. И тот, и другой не умеют руководиться непосредственным чувством жизни, которая разрастается для них в сложную сеть опасностей и ловушек, и, напуганные жизнью, они еще больше боятся самих себя. Но еврейский националист до последней откровенности искренен, его исторические герои не опровергнут его. Еврейский же ассимилятор лжет даже самому себе, его могут уличить его собственные дети, и первое неловкое движение может предать его.

Эти две разновидности еврейской дегенеративной дисгармонии открывают путь к их дальнейшему разложению. Каждая из указанных черт приобретает свои, ей одной свойственные изгибы, если сопоставить ее со всей конкретностью современной культурной жизни. Если еврейский националист при этом еще и представляет более выдержанный характер, то только потому, что его путь самоотрицания во имя рода есть в то же время и путь отрицания индивидуальной определенности окружающей среды. Еврейский ассимилятор меняет свой тип в зависимости от той или иной страны, той или иной профессии, даже от случайной обстановки политического момента. Можно было бы дать целую галерею истинно-русского, истинно-немецкого и так далее, еврея, еврея-протестанта, еврея-католика, врага, профессора высшей школы, революционера или реакционера. Наконец, в этой области особое значение приобретают еще пол и возраст.

Но в сущности, поставленная здесь задача исчерпана уже одним указанием на это огромное поле социально-психологических исследований. Важно было выяснить самую возможность разновидностей еврейского национально-

го характера, а не дать исчерпывающий анализ их самих. Можно было бы обойти и всю эту проблему молчанием, если бы слишком часто убедительность характерологического анализа не страдала от огромного количества кажущихся исключений. Эти исключения должны быть, однако, отнесены не на счет неустойчивости самого национального характера евреев, а на счет тех евреев, которые являют его миру в уродливом облике внутреннего распада. Чтобы судить о еврейском национальном характере по продуктам его распада, нужно было бы слишком хорошо знать всю внутреннюю историю болезни. Но зачем судить по зараженным о здоровых, когда этих здоровых так много кругом и когда даже у совсем как будто безнадежных евреев так часто бывают «светлые промежутки», когда с новой всепобеждающей силой жизни просыпается сознание, что «хорошо так», хорошо и просто чувствовать себя дома, не под сенью случайного крова на исторической дороге человечества, а под покровительством самого верного друга и вечного спутника — самого ясновидящего духа истории. Тогда только и выступает еврейский национальный характер во всем виде его самобытности — беспечный, доверчивый и деятельный.

[Содержание]

Фриц Либ

Письмо С. Л. Франку (1931)[1]

Публикация Владимира Янцена

Bonn, Buschstrasse 28,
den 2. April 1931.

Дорогой Семен Людвигович[2],

Es ist wirklich ein schrecklicher Skandal, dass ich Ihnen so lange nicht geschrieben habe. Das kommt zum Teil von meiner Schreibfaulheit, z<um> Teil davon, dass ich jeweilen das Gefühl habe, dass ich Ihnen so schrecklich viel zu erzählen hätte, dass ich lieber schon gar nicht — anfange. Aber das ist ja eine miserable Logik trotz unseres dialektischen und paradoxalen Zeitalters. Ich appelliere also ganz einfach an Ihr großmütiges russisches Herz und bitte Sie um Verzeihung.

1 Это письмо было обнаружено профессором Иерусалимского университета Владимиром Хазаном в Бахметевском архиве в Нью-Йорке в папке с письмами, посланными С. Л. Франку неидентифицированными лицами. В. Хазан атрибутировал его как письмо швейцарского протестантского богослова Фрица Либа (1892–1970). См.: Semen Liudvigovich Frank Papers, Box 9 // The Bakhmeteff-Archive of Russian and East European History and Culture / The Rare Book and Manuscript Library, Columia University in New York. На сегодняшний день оно является единственным известным нам ответным письмом Ф. Либа С. Л. Франку. Письма последнего Либу опубликованы: *С. Л. Фр нк*. Письма к Фрицу Либу (1928–1938) / Публ. В. Янцена // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001–2002 [5] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2002. С. 342–518.

2 В оригинале описка: «Лудвигович».

Doch nun zur Sache. Zunächst zum Dringlichsten.

1) Ihr Artikel. Das ist ja nun wirklich auch ein Skandal, aber nicht unter uns, sondern unseres Freundes Jura Lunin.

Als Sie mir wegen Ihres Artikels zum ersten Mal schrieben, wandte ich mich sofort an Jura, dem ich den Artikel seinerzeit noch am selben Tage geschickt hatte, von dem ich ihn erhielt<,> und fragte ihn, was eigentlich damit los ist. Beim ersten Male erklärte er, er wolle schon dafür sorgen, das zweite Mal aber sagte er, er könne ihn nicht finden, er habe ihn „verlegt“. Er hatte nun auch wirklich schreckliche Geschichten mit Krankheiten seiner ganzen Familie. Ich sagte ihm damals, er müsse Ihnen selber deswegen schreiben. Er versprach es zu tun. Nun hat er es offenbar nicht getan. Nun möchte ich Sie bitten, dies selber zu tun. Er ist, glaube ich, jetzt schon in Zürich, wo er eine neue Stelle hat. Aber wenn Sie ihm nach Schönenwerth, Salistrasse (Kt. Solothurn) schreiben, so wird das sicher nachgeschickt. Er hat mir noch nicht berichtet, was nun eigentlich mit dem Artikel los ist.

2) Was nun die Geldgeschichte anbetrifft, möchte ich Sie sehr bitten, sich deswegen nicht zu beunruhigen. Ich möchte hiermit a) Ihnen die Hälfte der sonst verbleibenden Schuld erlassen, b) auf jeden Zins verzichten. Dagegen möchte ich Sie bitten, uns einmal einen Artikel zu schreiben für Or<ient> u<nd> Occident. Vielleicht eignet sich der Dostojewskij-Artikel in Путь? Oder Ihr Vortrag in Basel, der ja wohl immer noch nicht gedruckt ist. NB weiss ich gar nicht mehr, wie viel Sie mir schulden.

Ich bin also in Paris — in Paris Russe, wie Vater Sergij sagt, u<nd> genieße das Zusammensein mit meinen russischen Freunden, Berdjajew, Bulgakow, Wl. Iljin, Florowskij, Schestov, Pianoff etc. Heute sah ich auch G. Kullmann.

Sehr traurig ist das kirchliche Zerwürfnis. Ich sympathisiere doch mit den Anhängern von Metropolit Sergij. Dazu gehören ja auch Sie, dann Berdjaev, Pianov, Lagowskij, Schewitsch. Ich war in ihrer kleinen Kirche an der Rue Pétel 5. — Das ist etwas sehr rührendes. Irgendein altes Schuppen ganz notdürftig in eine Kirche verwandelt. Die Ikonenwand ein Vorhang — sehr kalt. Die Gemeinde ist sehr, sehr arm. Das sind schon fast Katakomben. Ich verfolge die

Geschicke der russischen Kirche mit grossem Interesse und Teilnahme. Haben Sie meinen Dostojewskiaufsatz erhalten?

Wie geht es Ihrer Familie? In Bonn gefällt es mir sehr gut. Kommen Sie nicht einmal vorbei? Ich habe hier viele sehr interessierte Studenten und lese nun noch über russische Themen.

Mit vielen herzlichen Grüssen auch von K. L. Schmidt, der mit uns (bis Samstag) hier ist, — von G. Kullmann und Berdjaev.

Ihr Fritz Lieb

Перевод:

Фриц Либ — С. Л. Франку

Бонн, Бухштрассе 28,
2 апреля 1931 г.

Дорогой Семен Людвигович,

Действительно ведь — страшный скандал, что я так долго не писал Вам. Отчасти это связано с моей ленью писать письма, отчасти же с тем, что я иногда чувствую, как страшно много мне надо было бы Вам рассказать, что я лучше уже и не начинаю этого делать. Но, конечно, это скверная логика, несмотря на нашу диалектическую и парадоксальную эпоху. Поэтому я попросту апеллирую к Вашему великодушному русскому сердцу и прошу у Вас прощения.

А теперь перейдем к делу. Сначала о самом срочном.

1) О Вашей статье[3]. Вот это действительно скандал так скандал, только не между нами, а с нашим Юрой Луниным[4].

[3] Речь идет о статье «Райнер Мария Рильке и русский духовный тип», первоначально предназначавшейся для швейцарской газеты «Neue Züricher Zeitung», но впоследствии опубликованной в Праге: *S. Frank*. R. M. Rilke und die russische Geistesart // Germanoslavica. 1933. Jg. 2. Nr. 4. S. 481–497. Первое название статьи: «Р. М. Рильке и его отношение к русскому духовному типу».

[4] Личность Юрия (Георгия) Лунина, к сожалению, установить не удалось. В письмах С. Л. Франка, Ф. Т. Пьянова, Л. И. Шестова, а также

Когда Вы мне в первый раз написали о Вашей статье, я сразу же обратился к Юре, которому в свое время в тот же день послал эту статью, как только ее получил, и спросил его, что, собственно, он собирается с ней делать. В первый раз он объявил, что собирается заняться ею, во второй же — сказал, что не может найти ее, поскольку «заложил» ее куда-то. У него и правда были страшные истории с болезнями всей его семьи. Я сказал ему тогда, что он сам должен написать Вам об этом. Он обещал это сделать. Но, очевидно, не сделал. Теперь я хотел бы попросить Вас сделать это самому. Как я полагаю, он сейчас уже находится в Цюрихе, где получил новое место. Но если Вы напишете ему в Schönenwerth, Salistrasse (Kt. Solothurn), то письмо ему будет точно переслано. Он так еще и не сообщил мне, что же, собственно, случилось со статьей.

2) Что же до истории с деньгами[5], то мне очень бы хотелось попросить Вас не беспокоиться об этом. Тем самым я хотел бы: а) освободить Вас от половины еще оставшегося долга, б) отказаться от всякого процента. Взамен хотел бы просить Вас написать для нас, для «Or<ient> u<nd> Occident»[6], статью. Может быть, подошла бы статья о Достоевском из Пути[7]? Или Ваш доклад в Базеле, который, ве-

в воспоминаниях В. В. Зеньковского он неоднократно упоминается как активный деятель русского студенческого движения в Швейцарии.

5 Речь идет о долгосрочном займе в 400 немецких марок, полученном Франком от Либа (см. письма С. Л. Франка Ф. Либу от 16 июля 1929 г. и от 6 июля 1930 г.: *С. Л. Фр нк*. Письма к Фрицу Либу (1928–1938). С. 449, 480).

6 «Orient und Occident» — «Восток и Запад» (*нем.*), религиозно-философский журнал, издававшийся Ф. Либом, П. Шютцем при участии Н. А. Бердяева с 1929 по 1934 г. и Ф. Либом при участии Бердяева в новой серии в 1936 году. См. роспись содержания журнала: *В. Янцен*. Диалог немецких и русских религиозных мыслителей: “Orient und Occident“ (1929–1934), Neue Folge (1936) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 [6] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2004. С. 611–640.

7 *С. Фр нк*. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского) // Путь. Апрель 1931. № 27. С. 71–78. Немецкая переработка этой статьи вышла в журнале «Hochland»: S. Frank. Die Krise

роятно, все еще не напечатан[8]. NB я вообще уже не знаю, сколько Вы мне должны.

Итак, я в Париже — в русском Париже, как говорит отец Сергий[9], и наслаждаюсь встречей со своими русскими друзьями: Бердяевым[10], Булгаковым, Вл. Ильиным[11], Фло-

des Humanismus. Eine Betrachtung aus der Sicht Dostojewskijs // Hochland. 1930/1931. 28 Jg. H. 10. S. 289–296.

[8] В семейном альбоме Либов сохранилась единственная запись С. Л. Франка: «Den herzlich lieben Lieben in Dank und inniger Freundschaft. S. Frank. 26.VI — 2.VII.29» — «Сердечно милым Либам с благодарностью и искренней дружбой. С. Франк. 26.VI — 2.VII.29» (С. 17. Частное собрание Феофраста Либа в Базеле). Доклад Франка в Базеле назывался «Die russische und die deutsche Geistesart in ihren gegenseitigen Beziehungen» — «Русский и немецкий духовный тип в своих взаимоотношениях». В письме Либу от 4 апреля 1931 г. Франк сообщил, что «базельский доклад — собственность Русс<кого> Научн<ого> Института, в трудах которого он должен выйти» (*С. Л. Фр нк*. Письма к Фрицу Либу. С. 491). Черновик рукописи этого доклада С. Л. Франка, ныне хранящийся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, был недавно опубликован на языке оригинала: *Н. Плотников*. С. Франк: Die russische Geistesart in ihrer Beziehung zur deutschen // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 129–164. Несколько видоизмененное название доклада «Русский духовный тип в его отношении к немецкому» свидетельствует лишь об изменении ракурса рассмотрения той же самой темы.

[9] Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — состоял в многолетней переписке с Ф. Либом: *С. Н. Булг ков*. Письма к Фрицу Либу (1929–1938) / Публ. В. Янцена // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001–2002 [5] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2002. С. 370–431.

[10] Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — соредактор журнала Ф. Либа «Orient und Occident». Состоял в многолетней переписке с Ф. Либом: *Н. А. Бердяев*. Письма к Фрицу Либу (1926–1948). Приложения: Письма Лидии Бердяевой и Евгении Рапп к Ф. Либу. Письма к Бердяеву. Ф. Либ и Р. Либ о смерти Бердяева: письмо к Е. Ю. Рапп / Публ. В. Янцена // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001–2002 [5] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2002. С. 255–369.

[11] Владимир Николаевич Ильин (1891–1974) — в парижском Православном Богословском Институте был доцентом и профессором, преподавал с 1927 по 1940 г. литургику и историю философии. Был знаком с Ф. Либом с 1928 г. В журнале «Orient und Occident» опубликовал несколько статей. Неопубликованной осталась его статья «Феноменоло-

ровским[12], Шестовым[13], Пьяновым[14] и т. д. Сегодня виделся и с Г. Кульманом[15].

гия богочеловечества», хранящаяся в архиве Ф. Либа вместе с 4 письмами В. Н. Ильина за 1931–1932 гг.

[12] Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) — в архиве Ф. Либа сохранилось множество рукописей и 38 писем Г. В. Флоровского за 1927–1939, 1945 и 1954 гг.: *Г. В. Флоровский*. Письма Фрицу Либу (1928–1954) / Публ. В. Янцена // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004–2005 [7] / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2007. С. 525–590.

[13] Лев Исаакович Шестов (1866–1938) — в журнале Либа «Orient und Occident» опубликовал статью о творчестве М. Бубера. Состоял в многолетней переписке с Ф. Либом: *Л. И. Шестов*. Письма к Фрицу Либу (1928–1935) / Публ. В. Янцена / Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001–2002 [5] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2002. С. 519–563.

[14] Федор Тимофеевич Пьянов (1889–1961) — один из деятельнейших сотрудников Ассоциации молодых христиан (YMCA), секретарь Русского студенческого христианского движения, постоянный участник заседаний бердяевской Религиозно-философской академии в Берлине и Париже, талантливый автодидакт, верный последователь философии Бердяева. Во время разрыва отношений между русской зарубежной православной церковью и Московской патриархией остался (как и Н. А. Бердяев и И. А. Лаговский) в юрисдикции Москвы. В первой половине 1930-х гг. вслед за Бердяевым покинул РСХД и вместе с матерью Марией (Скобцовой) участвовал в создании организации «Православное дело». Во время оккупации Франции был заключен немцами в концентрационный лагерь. После смерти Н. А. Бердяева приложил немало усилий к увековечиванию его памяти. Письма Ф. Т. Пьянова к Ф. Либу за 1929–1953 гг. содержат богатую информацию о деятельности РСХД, Православного богословского института и бердяевской Религиозно-философской академии во Франции. — См. их публикацию: *Кудрявцев Е., Янцен В.* Рукописи и письма русской эмиграции в архиве Ф. Либа // «Мой знак пред жизнью вереск гор»: русская эмиграция в архивах Швейцарии. М., 2003. С. 206–240.

[15] Густав Густавович Кульман (Kullmann, 1894–1961) — швейцарец по происхождению, протестант, в 1929 г. перешедший в православие, юрист, выдающийся деятель Ассоциации молодых христиан (YMCA), один из инициаторов создания русской Религиозно-философской академии в Берлине, а затем в Париже, инициатор и один из редакторов журнала «Путь», центральная фигура начального периода сотрудничества

Очень печален церковным расколом. Я все же симпатизирую сторонникам митрополита Сергия[16]. Ведь к ним относитесь и Вы, затем — Бердяев, Пьянов, Лаговский[17], Шевич[18]. Я был в их маленькой церкви на Rue Pétel 5[19]. — Это нечто весьма трогательное. Какой-то старый сарай, превращенный в церковь крайне временного характера. Иконостас — занавес — очень холодно. Община весьма и весьма бедна. Это уже чуть ли не катакомбы. Я с большим интересом и участием слежу за судьбой русской церкви. Получили ли Вы мою статью о Достоевском[20]?

YMCA с Русским студенческим христианским движением, активный участник создания Русского богословского института в Париже.

[16] Митрополит Сергий (в миру: Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944) — заместитель местоблюстителя патриаршиего престола (1925–1936), местоблюститель патриаршиего престола (1936–1943), патриарх Московский (1943–1944).

[17] Иван Аркадьевич Лаговский (1888–1941) — выпускник Киевской духовной академии (1913), преподаватель Православного богословского института в Париже (1926–1931), читавший часть курса по Ветхому Завету и занимавшийся изучением антирелигиозной пропаганды в Советской России. После разрыва отношений между митрополитом Евлогием и Московской патриархией остался в юрисдикции Москвы, за что летом 1931 г. был уволен из Богословского института. Секретарь Русского педагогического кабинета и Русского студенческого христианского движения в Париже (1926–1933). С осени 1931 г. — редактор «Вестника РСХД», с конца 1933 г. — секретарь РСХД в Прибалтике. Состоял в многолетней переписке с Ф. Либом и был сотрудником его журнала «Orient und Occident».

[18] Кирилл Шевич (1903–1987) — деятель РСХД, участник группы исследования религии в России, постригшийся в монахи под именем отца Сергия.

[19] Речь идет о Трехсвятительском подворье в Париже, созданном в июне 1930 г. после выхода митрополита Евлогия из-под юрисдикции Московского патриархата верными Московскому патриархату православными прихожанами, к которым относилось Фотиевское братство и перечисленные в письме Ф. Либа лица.

[20] *F. Lieb.* Das Problem des Menschen bei Dostojewskij. Versuch einer theologischen Exegese // Orient und Occident. 1930. № 3. S. 22–46.

Как дела у Вашей семьи? В Бонне мне очень нравится[21]. Не заедете ли когда-нибудь к нам? У меня здесь много очень заинтересованных студентов, и я к тому же читаю на русские темы.

Множество сердечных приветов, в том числе и от К. Л. Шмидта[22], который будет здесь с нами (до субботы), — от Г. Кульмана и Бердяева.

Ваш Фриц Либ.

---

[21] В 1930 г. Ф. Либ получил, по инициативе К. Барта, профессуру по восточному христианству прошлого и современности в Боннском университете.

[22] Карл Людвиг Шмидт (Schmidt, 1891–1956) — протестантский богослов, специалист по Новому Завету, профессор богословия в университетах в Гисене (1921), где стал социал-демократом, в Йене (1925) и Бонне (1929), где был коллегой Ф. Либа. После увольнения нацистами в 1933 г. из Боннского университета эмигрирует в Швейцарию и получает профессуру в Базельском университете (1935–1953). Редактор немецкого богословского журнала «Theologische Blätter» (1922–1937), публиковавшего русских богословов и философов. После войны — редактор швейцарского журнала «Theologische Zeitschrift» (1945–1952).

[Содержание]

А. Ю. Бердников [1]

Антиномии и парадоксы Владимира Ильина

Приложение: *В. Н. Ильин*. Нуль, точка и монада. Экскурс I к «Статике и динамике чистой формы» («Морфология устойчивого процесса») [1953]

> «Я тяжело страдал — и теперь страдаю от того, что в качестве художника я влекся всегда к чувственным конкретностям, к образам и звукам, и был заклятым врагом книжности и интеллигентства, хотел быть и был в молодости босоногим Лелем и "ковбоем"... но в качестве ученого и мыслителя неудержимо стремился к схематизму понятий, к отвлеченной мысли, очень любил чистую математику и гносеологию — и стремился основать самую чистую из всех философских наук, холодную, как междупланетное пространство, "общую морфологию", и всю свою жизнь просидел над книгами в пыли библиотек, выражаясь на таком заумно специальном языке, что стал непонятен даже самым искушенным в этом деле читателям».
>
> *В. Н. Ильин. Пережитое*[2]

Философия Владимира Николаевича Ильина (1890–1974), — мыслителя русской эмиграции, публициста, критика, бо-

[1] Александра Юрьевна Бердникова — научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

[2] *В. Н. Ильин*. Пережитое / Предисловие, подготовка текста и комментарии Е. В. Бронниковой и О. Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья — 2014/2015. Вып. 5. М., 2015. С. 463.

гослова, музыковеда, большую часть своего жизненного и творческого пути проведшего во Франции, но оказавшегося, по меткому замечанию А. П. Козырева, «на периферии и без того периферийной эмигрантской культуры»[3], до сих пор представляет собой явление загадочное и не до конца изученное. Несмотря на то, что фигура этого русского философа отнюдь не является «забытой» современными исследователями[4], замысел его оригинальной философской системы, которую он сам именовал «морфологией», «морфологической логикой» или «всеобщей иконологией бытия» (от греч. εἰκών — образ, вид) и небезосновательно считал «делом всей своей жизни», до конца восстановить еще не удалось. Во многом причиной тому явился факт, указанный выше: пребывая в творческой «опале», «концлагере на воле», Ильин многие свои труды попросту «писал в стол», без надежды на публикацию. О масштабах этого «скрытого от посторонних глаз» при жизни мыслителя и перекочевавшего после его смерти в архив пласта творчества можно судить и по тому, насколько часто ему приходилось в статьях прибегать к самоцитированию и ссылкам на свои же собственные неопубликованные работы.

Представленный ниже текст, озаглавленный автором как «Экскурс I к “Статике и динамике чистой формы”. Нуль, точка и монада», предположительно был написан им

---

3 *А. П. Козырев.* В тени Парнаса и Афона // В. Н. Ильин. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 3.

4 С начала 90-х годов XX века и по сей день (особенно с момента передачи архива В. Н. Ильина в 2005 году в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье» имени А. И. Солженицына) было опубликовано немало произведений самого философа (сборники «Эссе о русской культуре» (1997), «Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы» (2009), «Пожар миров: Избранные статьи из журнала “Возрождение”» (2010)), «Вавилон и Иерусалим. Демоническое и святое в литературе (2011)) и работ о нем (статьи А. П. Козырева, Е. О. Розовой, А. Ф. Гусакова, А. А. Ермичёва, О. Т. Ермишина, Е. В. Бронниковой, К. Г. Исупова и др.; диссертации А. Ф. Гусакова, Е. О. Розовой).

в 1953 году, в какой-то мере репрезентируя эту огромную «теневую» сторону творчества мыслителя и являясь органической частью его «морфологического цикла»[5].

Первый замысел морфологии появляется у Ильина уже в 1925 году в работе «Два закона. Сущее и должное. Опыт конструктивной критики формально-расчленяющего мышления»[6]. К середине 40-х годов этот замысел обретает

---

[5] Из «морфологического цикла» работ В. Н. Ильина на данный момент в архиве БФРЗ имени А. И. Солженицына находятся: два тома «Статики и динамики чистой формы» («Основы философии формы и ценности» (Берлин, 1925), «Сущее и должное. Два закона. Опыт конструктивной критики формально-расчленяющего мышления» (Париж, 1926)); «Основные тезисы общей морфологии или иконологии бытия, или, что то же, основные тезисы качественной иконологической онтологии»; «Освальд Шпенглер — основатель морфологической схемы в применении к историческим объектам и Арнольд Тойнби — противник этой схемы. К тридцатилетней годовщине со дня смерти Освальда Шпенглера (1860-1936)»; «Сущность морфологического метода. Современный переворот в области точной науки и необходимость новой методологии»; «Диалектика сознания и его амартология как введение в статику и динамику чистой формы» и т. д. (Об этом более подробно см.: *А. Ф. Гусков*. Морфология в философии В. Н. Ильина. Дисс. ... канд. филос. наук. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008. С. 7). К сожалению, полной описи архивных материалов фонда В. Н. Ильина на данный момент не существует. К опубликованным работам В. Н. Ильина по данной тематике относятся: *В. Н. Ильин*. Лейбниц и русская философия (К 250-летию со дня смерти великого ученого) // Возрождение. Ноябрь 1966. № 179. С. 70–83; Декабрь 1966. № 180. С. 49–68. (См. также: *В. Н. Ильин*. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». / Сост. и вступит. ст. А. П. Козырева. М., 2010. С. 54–94); *В. Н. Ильин*. О бытии души, о ее бессмертии и свободе. Нуль, точка и монада // Возрождение. Февраль 1967. № 182. С. 76–88 (Там же. С. 94–110); *В. Н. Ильин*. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии / Публ. В. Н. Ильиной, А. П. Козырева. Подгот. текста и примеч. А. П. Козырева // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 91–136; *В. Н. Ильин*. Основная проблема теории познания / Подгот. текста и примеч. А. Ф. Гусакова // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123–135 и т. д.

[6] Главы из текста этой работы были опубликованы в качестве приложения к диссертационному исследованию А. Ф. Гусакова. См.: *В. Н. Ильин*. Главы из текста «Два закона. Сущее и должное. Опыт конструктив-

четкий структурный и содержательный план, главной частью которого становится работа «Статика и динамика чистой формы» (фактически написанная в 1954 году[7]; статья под названием «Нуль, точка и монада» вышла в парижском журнале «Возрождение» в феврале 1967 года).

Выделить основные источники философской системы В. Н. Ильина представляется задачей весьма сложной по ряду причин[8]. Во-первых, потому, что очень многие материалы до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве мыслителя; во-вторых, потому, что в качестве таких источников можно справедливо рассматривать всю историческую традицию европейской науки и философии от Античности до начала XX века. Обращаясь к учениям своих «предшественников», Ильин хотел с одной стороны, «примирить» между собой идеи Платона и Аристотеля, Гераклита и Парменида, Лейбница и Декарта, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, делая при этом исключение лишь для материализма, эмпиризма и марксизма, представителей которых он считал «ответственными», выражаясь словами Андрея Белого, за «кризис мысли» и «кризис жизни» рубежа XIX–XX веков. С другой стороны, в своей философии он хотел «шагнуть дальше» мыслителей прошлого, создать систему универсального морфологического синтеза, объединив в ней все противоречия и убрав недоска-

---

ной критики формально-расчленяющего мышления» // А. Ф. Гусаков. Морфология в философии В. Н. Ильина. С. 149–170.

[7] Об этом мы можем судить из письма Ильина С. Н. Булгакову от 16 декабря 1942 г., в котором, помимо прочего, он представил программу своих запланированных «софиелогических и научно-философско-софиелогических» трудов. Первым пунктом в этой программе как раз значилась «Статика и динамика чистой формы», — «в двух частях, с важным введением», в котором «будет поставлена также проблема софиологической точки зрения» (*А. П. Козырев.* Исав, восставший на Иакова // В. Н. Ильин. Пожар миров. С. 20).

[8] Более подробно об этом см.: *А. Ф. Гус ков.* Морфология в философии В. Н. Ильина.

занности их учений. Но все же из всей палитры источников своей морфологии особым образом Ильин выделял три: учение Платона об эйдосах, Аристотеля об энтелехиях и Лейбница о монадах. Самого себя Ильин считал «в главном обязанным Лейбницу и о. Павлу Флоренскому»[9], ставя свои идеи таким образом в отношение прямой и непосредственной преемственности с движением *русского неолейбници нств* или *мет физического персон лизм* , понимаемого им в *р сширительном смысле* (наравне с Н. В. Бугаевым, Н. О. Лосским, А. А. Козловым, Л. М. Лопатиным и др. Ильин относил к этому направлению, к примеру, А. Ф. Лосева и К. Ф. Жакова[10]). И, хотя Ильин и писал об«исключительном влиянии»[11] Лейбница на всю русскую мысль, русское лейбницианство при этом (равным образом, как, например, немецкое неокантианство или феноменология Гуссерля) рассматривалось им лишь в качестве важного пролегомена к собственной морфологической системе.

Важным, в какой-то степени даже ключевым моментом на пути создания универсального морфологического синтеза (который он также считал «правильным вариантом» гегелевской диалектики[12]) для Ильина выступило учение П. А. Флоренского о фундаментальных *нтиномиях* тварного бытия[13]. Интересно, что Ильин, как и Флоренский, жестко критиковал «трансцендентальную диалектику» Канта, называя ее «самым существенным препятствием на путях к творчеству, к свободе и к вещам в себе и более всего, — ... на путях к эоническому мышлению и мирочувствию благо-

---

[9] *В. Н. Ильин*. Лейбниц и русская философия. К 250-летию со дня кончины великого ученого // В. Н. Ильин. Пожар миров. С. 61.

[10] Там же. С. 93.

[11] Там же. С. 72–73.

[12] *В. Н. Ильин*. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 131.

[13] См.: *В. Н. Ильин*. Отец Павел Флоренский. Замолчанное великое чудо науки XX века // В. Н. Ильин. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 362–384.

детельной, творческой катастрофы»[14], но при этом признавая заслуги кенигсбергского философа в самом выведении понятия «антиномия чистого разума»[15]. Все три «Критики» Канта Ильин называл «первыми опытами морфологической философии», раскрывающими антиномический принцип сущего, в котором одновременно «все течет» и все «неподвижно». Таким образом, Ильин полагал, что философия Канта «примиряет» между собой «антиномические» идеи Гераклита и Парменида[16].

С другой стороны, главным проявлением «ограниченности» кантианского рассудка в формальной логике (или «логике отмены чуда»[17]) Ильин считал принцип «исключенного третьего», противопоставляя ему закон о «tertium datur»[18] собственной, морфологической логики, или морфологического *в ри ционизм* , преодолевающего противоречия антиномий, но сохраняющего их неповторимое единство. Истоки закона о «данном третьем» он видел в представлениях Флоренского о Софии, «закрывающей» «трещины тварного мира», а также в софиологии Булгакова и учении о творчестве и свободе Н. А. Бердяева.

Кроме антиномий, понимаемых в духе философии Канта и Флоренского, примером и основанием вариационной морфологии Ильин считал *п р доксы,* обращаясь, в частности, к парадоксам Зенона, наглядно демонстрирующим

---

14 Там же. С. 125.

15 Ср.: «В истории плоского и скучного мышления “новой философии” Кант имел дерзновение выговорить великое слово “антиномия”, нарушившее приличие единства. За это одно заслуживал бы он вечной славы. Нет нужды, если собственные его антиномии неудачны; дело — в переживании антиномичности» (*П. А. Флоренский.* Столп и утверждение Истины // П. А. Флоренский. Соч. в 2 т. Т. 1. Ч. I. М., 1990. С. 159).

16 См.: *А. Ф. Гус ков.* Морфология В. Н. Ильина // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 120.

17 *В. Н. Ильин.* Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 128.

18 Там же. С. 117.

дуализм статики и динамики, покоя и движения, свободы и ограниченности чистых форм: «Гениальность учения Зенона Элейца о движении как раз и заключается в том, что движение невозможно “в данных пределах”, т.е. как “отход”, “отпадение” от чего-то и как “достижение чего-то”. Если же оно, по Гераклиту, и объемлет “все” и “все движется”, “все течет”, то это означает лишь вечное состояние несовершенства, вечную экзистенцию без эссенции, вернее экзистенцию, т.е. состояние, не имеющее иного “основания”, иной “сущности”, кроме самого себя»[19].

Ключевым понятием в морфологии Ильина была *форм* , в своей *формуле* продуктивным образом объединяющая все антиномии: пространства и времени, движения и покоя, статики и динамики, света и тьмы, эссенции и экзистенции, микрокосма и макрокосма, части и целого, интенсивности (тенсора) и эксенсивности (лаксатора)[20], вот-бытия (Dasein) и так-бытия (Sosein), предельного (ϖέρας) и беспредельного (ἄπειρον), внутреннего (эндоформы) и внешнего (экзоформы), личностного и «всеединого» бытия. Таким образом, форма в философии Ильина словно постоянно «балансирует» между хаосом, аморфностью, мэоном (μέ ὄν), бездной и безосновностью (Ungrund — в философии Я. Бёме и Н. А. Бердяева) и «ограниченностью» монад Лейбница, полностью лишенных «окон и дверей», через которые «что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»[21]. В то же время Ильин подчеркивал важность учения Лейбница об «аппетите» или «аппетициях» монад, т.е. об их вечном *стремлении* к новым восприятиям (перцепциям), благодаря

[19] *В. Н. Ильин*. Статика и динамика чистой формы… С. 124–125.

[20] Тензор — внутрь себя направленная, против себя направленная интенсивная сила; Лаксатор — вовне от себя направленная и с собой несогласная — экстенсивная сила или то, что было силой (Там же. С. 130).

[21] *Г. В. Лейбниц*. Монадология / Пер. с нем. Е. А. Боброва // Г. В. Лейбниц. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В. В. Соколов. М., 1982. С. 412–413.

которому они никогда и ни при каких условиях не остаются в состоянии покоя[22].

Говоря кратко, «формула» формы в учении Ильина состоит из трех основных элементов: пространственного *нуля*, математической *точки* и метафизической *мон ды*. В аксиологии ей соответствует понятие универсальной ценности-*нормы*, примеры чего можно найти в философии Р. Г. Лотце, Баденской школы неокантианства и Э. Кассирера. В области гносеологии форма становится «мыслящей себя мыслью» и являет себя в единстве «этовости» (haeccitas) и «чевойности» (quidditas) сознания. Главными «ориентирами» Ильина в теории познания и методологии науки были при этом интуитивистские воззрения А. Бергсона и Н. О. Лосского, феноменология Э. Гуссерля, а также учения М. Хайдеггера и австрийского психолога А. Мейнонга (в системе которого представление о Dasein дополняется идеями о «так-бытии» (Sosein) и «лишенных существования объектах» (daseinfrei Objekte))[23].

Парадоксы и антиномии занимали столь важное место в философской системе Ильина неспроста: создается впечатление, что по всей его творческой и жизненной биографии, начиная с раннего детства, тоже пролегла «фундаментальная трещина бытия».

Детство В. Н. Ильина прошло в двух имениях — Владовка Радомысльского уезда Киевской губернии, затем — Ивань Слуцкого уезда Минской губернии[24]. Здесь он, по собственным воспоминаниям (детству и юности мыслителя посвящена первая часть его мемуаров под названием «Пережи-

[22] См.: *В. Н. Ильин*. О бытии души, о ее бессмертии и свободе. Нуль, точка и монада // В. Н. Ильин. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение» / Сост. и вступит. ст. А. П. Козырева. М.. 2010. С. 98.

[23] Подробнее об этом см.: *В. Н. Ильин*. Основная проблема теории познания // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123–134.

[24] См.: *В. Н. Ильин*. Краткое жизнеописание Владимира Николаевича Ильина, магистра философии и доктора богословия // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 77–90.

[Содержание]

тое»), рос в атмосфере классического «дворянского гнезда», окруженный, с одной стороны, родственниками и «сельской интеллигенцией» той поры, с другой же — простыми незнатными людьми, общению с которыми он был искренне рад затем на протяжении многих лет: «Пожатием черной руки кочегара я больше горжусь, чем поощрением профессора и артиста, и симпатия машиниста мне была так же дорога, как симпатия красивой девушки... Меня даже в гимназии товарищи, и не подозревавшие о раздиравших меня творческих противоречиях, прозвали “Ильин-Паровоз”...»[25].

Но Октябрьская революция 1917 г. раз и навсегда разрушила эту «идиллию» старопомещичьего быта. К тому моменту Ильин уже успел окончить киевский Императорский университет им. Св. Владимира сразу по двум отделениям (физико-математическому — в 1912 г. и историко-филологическому — в 1917 г.), параллельно отучившись в консерватории, и начать преподавательскую карьеру, готовясь к сдаче магистерских экзаменов. В 1919 году Ильин был вынужден эмигрировать через Одессу в Константинополь, так как на Родине, по его собственному признанию, он почувствовал «смертельную опасность по причине давнишней... борьбы с материалистической марксистской идеологией»[26].

И это было абсолютной правдой. Полное неприятие Революции и наступившего за ней советского режима, осознание невозможности вернуть прошлое, навсегда разрушенное большевиками, и самому вернуться домой, стали причинами всепоглощающей ненависти к советскому режиму, с которым Ильин так и не смог до конца примириться вплоть до своей смерти в 1974 году.

---

[25] *В. Н. Ильин*. Пережитое / Пред., подг. текста и комм. Е. В. Бронниковой и О. Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья — 2014/2015. Вып. 5. М., 2015. С. 472.

[26] *В. Н. Ильин*. Краткое жизнеописание Владимира Николаевича Ильина, магистра философии и доктора богословия. С. 77.

Образ революции в целом стал для Владимира Ильина символом общего кризиса эпохи, о котором уже было упомянуто ранее. «Наш мир “сломан” — по сильному выражению Киркегора и Габриэля Марселя»[27], — этим горьким признанием открывается «Статика и динамика чистой формы». Преодолеть фундаментальные «разломы» бытия, по мнению мыслителя, возможно лишь с помощью «целостного научно-философского метода». Таким «универсальным» методом для Ильина, безусловно, была его собственная морфологическая система, помимо всего прочего выступавшая и как противовес диалектического материализма, являясь «подлинной» материалистической диалектикой, или *м териологией* бытия.

Находясь в эмиграции, Ильин получил богословское образование, окончив в 1925 г. теологический факультет Берлинского университета, и, будучи уже автором многих работ по богословию («О преп. Серафиме Саровском», «О духе русского благочестия» и т.д.), был принят в только что созданный Свято-Сергиевский богословский институт в Париже (вместе с ним в профессорско-преподавательский состав института вошли Г. В. Флоровский, С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов, К. В. Мочульский и др.), где проработал с 1925 по 1941 гг. В это время он тесно общался и сотрудничал с евразийцами (до 1929 г.), Русским студенческим христианским движением (РСХД)[28] и газетой «Возрождение»[29].

---

[27] *В. Н. Ильин*. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 117.

[28] Об этом подробнее см.: *Е. О. Розов* . В. Н. Ильин о смысле русской культуры // Философские науки. 2016. № 2. С. 131–141.

[29] В газете «Возрождение», умеренно-консервативном органе русской эмиграции, основанном в 1925 г., Ильин публиковался всего три года (с 1934 до 1937 гг.), делая это в основном под псевдонимом П. Сазанович (используя фамилию своего дяди по матери, проживавшего в Париже) (*Е. О. Розов* . Статьи В. Н. Ильина в газете «Возрождение» // Историко-философский ежегодник’2010. М., 2011. С. 261–304).

Ненависть и борьба с советской идеологией повлекли за собою и «черные страницы» в биографии Ильина, что выразилось в конечном счете в его сотрудничестве с национал-социалистической партией Германии в 1930–1940-е годы[30]. В 1941–1942 гг. Ильин даже на какое-то время переехал жить в Берлин, получив стипендию на свои исследования, а вместе с ней — возможность подолгу заниматься в Берлинской университетской библиотеке[31]. Эти занятия продлились недолго: в скором времени Ильин вернулся назад в Париж, тем не менее оттолкнув при этом от себя многих своих бывших коллег и друзей[32]. Стоит подчеркнуть, что даже в разгар своих симпатий к нацистскому режиму Ильин видел в фигурах Гитлера и Муссолини прежде всего «антитезу (даже в гегелевском смысле) красному социализму»[33].

Период 1930–1940-х годов в целом стал в жизни Ильина наиболее тягостным, полным ошибок и испытаний, непрерывно сменявших друг друга, что привело мыслителя к состоянию «болезни», глубокой депрессии, безденежью, разрыву отношений с прежним кругом друзей (особую роль здесь сыграл скандальный разрыв с Н. А. Бердяевым, которого Ильин в феврале 1935 г. в статье «Идеологическое возвращенство» обвинил в «заигрывании с большевизмом»[34]), и в конечном счете — увольнению из Свято-Сергиевского института в Париже (как и в случае конфликта Ильина с Бердяевым, поводом для этого послужила критическая статья Ильина о главе института митрополите Евлогии (Георгиевском) под названием «Мозги набекрень», кото-

---

30 Подробнее об этом см.: *А. А. Ермичёв*. Casus Владимира Ильина, или о том, как трудно любить Россию // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 111–121.

31 См.: *А. П. Козырев*. Исав, восставший на Иакова. С. 19.

32 *А. А. Ермичёв*. Casus Владимира Ильина, или О том, как трудно любить Россию. С. 117.

33 *В. Н. Ильин*. Пережитое. С. 481.

34 См.: Звезда. 1997. № 3. С. 174–184.

рая была напечатана в профашистских газетах «Новое слово» и «Парижский вестник»[35]). На это же время пришлось и прекращение сотрудничества Ильина с газетой «Возрождение». Поводом к этому стала ссора Ильина с неофициальным главой газеты Г. А. Мейером (1896–1944), который, по словам мыслителя, «наполнял» его статьи «бранными выходками» с целью «дискредитировать в глазах общества»[36].

В этот период наибольшего «упадка» своих сил Ильин любил сравнивать себя с П. Абеляром (собираясь даже написать мемуары под названием «История моих бедствий»), Гамлетом, Дон Кихотом и средневековым монахом Готесшальком (Готшальком), который был отдан родными в монастырь еще во младенчестве, пытался затем в юности покинуть его стены и даже получил на это разрешение синода, но по воле аббата был вынужден остаться на прежнем месте, а затем и вовсе был осужден на вечное заточение за разработанное им учение о предопределении (написанное под влиянием идей Августина). «Меня неудержимо влечет к себе образ монаха Готесшалька (IX в.), одного из авторов учения о предопределении и одного из самых несчастных и раздавленных судьбой исторических персонажей. Ведь подобно тому, как он силою обстоятельств стал монахом-богословом, что и погубило его, — так и я, по темпераменту артист и “Тарзан”, оказался наделенным богословско-метафизическим даром, убивающим счастье моей жизни и высасывающим как вампир все живое из меня»[37], — писал в мемуарах он.

Вскоре после возвращения из Берлина в 1944 г. Ильин был приглашен читать лекции по литургике в только что открывшийся в Париже православный Богословский ин-

[35] *Е. О. Розов* . Статьи В. Н. Ильина в газете «Возрождение». С. 279.
[36] *В. Н. Ильин.* Письмо Н. А. Бердяеву от 23 июня 1943 г. // Звезда. 1997. № 3. С. 183.
[37] *В. Н. Ильин.* Пережитое. С. 471.

ститут св. Дионисия (Institut St. Denis)[38]. Свою публицистическую деятельность он возобновил в середине 1950-х годов, сотрудничая уже с обновленным журналом «Возрождение», пришедшим на смену одноименной газете в 1949 г. В последние годы своей жизни он много болел, но не переставал трудиться (1 октября 1974 г. он записал в своем дневнике «С величайшим трудом приступил я к писанию... главы основного труда моей жизни “Нуль-точка-монада”»[39]). Умер В. Н. Ильин 23 ноября 1974 г. у себя дома, садясь за пишущую машинку.

В заключение всего вышесказанного хочется лишь отметить, что задача системы морфологии, которую перед собой ставил Ильин, была без преувеличения грандиозной: он хотел в какой-то степени продолжить и развить дело, начатое Флоренским в учении о «неслитном и нераздельном»[40] единстве монад в Софии. А, следовательно, можно

[38] Институт Святого Дионисия, покровителем которого считается священномученик Дионисий Ареопагит, был основан как православное учебное заведение священником Евграфом Ковалевским (1905–1970) после освобождения Франции от немецкой оккупации. До 1947 года он носил название «Литургический центр святого Иринея Лионского». В 1953 году институт вместе со своим основателем покинул юрисдикцию Московской Патриархии, став частью основанной Ковалевским «Французской Кафолической Православной Церкви» («Eglise catholique orthodoxe de France»). В 1960 г. он вошел в состав Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Одним из активных деятелей института был В. Н. Лосский (1903–1958), преподававший в нем догматическое богословие и церковную историю с момента его основания до 1953 года (с 1945 г. — в должности декана института).

[39] *В. Н. Ильин.* Нуль, точка и монада. Экскурс I и др. Очерк, дневниковые записи, заметки // Дом русского зарубежья. Архив. Фонд 31: Владимир Николаевич Ильин. Оп. 1. Рукописи В. Н. Ильина. № 141. Л. 16.

[40] А. П. Козырев в связи с этим вопросом совершенно справедливо замечает: «Конечно, для Ильина проблема формы осмысляется через обращение к патристической традиции, к христианскому персонализму и монадологии, он отстаивает тезис о единосущии форм, используя догматическую формулу халкидонского ороса о “неслитности, неизменности, нераздельности и неразлучности”, примененную Церковью

сделать вывод о том, что главной антиномической парой, которая в рамках морфологии должна была объединиться в одно учение, сохранив при этом саму суть своей «антиномичности», была для Ильина оппозиция персонализма (как лейбницианского, так и бердяевского толка) и всеединства Владимира Соловьева. Удалось ли воплотить этот проект в полной мере в жизнь? Морфология, сама являясь непосредственной частью диалектического потока жизни, не может дать нам такого однозначного ответа. Но результат ее будет проясняться в будущем, по мере публикации еще не изданных архивных материалов В. Н. Ильина, одна из которых предлагается ниже.

Оригинал публикуемого текста является частью архивного собрания библиотеки Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына (Фонд 31: Владимир Николаевич Ильин. Оп. 1. Рукописи В. Н. Ильина. № 141). В публикации по возможности сохранены орфография и пунктуация его рукописного оригинала. Без изменений сохранено также авторское выделение некоторых слов, фраз и предложений заглавными буквами. Части текста, выделенные в рукописи красными чернилами, здесь выделены жирным шрифтом. Автор выражает благодарность А. П. Козыреву и О. Т. Ермишину за помощь, оказанную в работе, а также О. В. Осиповой за помощь в расшифровке текста.

к сочетанию двух природ во Христе, а затем частично воспроизведенную в эпоху исихастских споров о соотношении энергий и сущности в Боге, учение о. П. Флоренского о нумерическом и генерическом тождестве» (*А. П. Козырев*. Перипатетик русского Парижа // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 89).

Приложение

В. Н. Ильин

Нуль, точка и монада. Экскурс I к «Статике и динамике чистой формы» («Морфология устойчивого процесса») [1953]

Введение

«Новое вино вливается в новые мехи»[1]. Новая наука требует новых методов и новых средств выражения, новых форм и формулировок. В этом отношении мир современной науки находится в условиях аналогичных эпохе, когда Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon 1561–1626) писал свои «De dignitate et augmentis scientarum» (1605 и усов. 1623), «Novum Organum scientarum» (1620) и фрагментарную «Nova Atlantis»[2].

[1] Парафраз Евангелия от Луки: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» (Лк. 5 : 37–39).

[2] «De dignitate et augmentis scientiarum» (1623) — трактат Фр. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», первая часть главного философского проекта мыслителя «Великое восстановление наук» (Instauratio Magna Scientiarum). В 1605 году философ опубликовал первый вариант этой работы в двух частях на английском языке под названием «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» («The Proficience and Advancenment of Learning Divine and Human»). «Novum Organum scientarum» (1620) — «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы» — вторая часть проекта «восстановления наук», посвященная логике и методологии познания (здесь, в частности, Бэкон обосновывает свой знаменитый метод индукции). «Nova Atlantis» (1627) — «Новая Атлантида», — неоконченная повесть

Однако этот новый метод и с ним связанная новая философия, новая метафизика новой науки должны вестись в направлении, означающем преимущественно **полное** (более или менее) **р зрушение вреднейшего дел этого псевдо-философ ф и псевдо-мудрец** по поводу которого создался в западной науке один из глупейших и вреднейших мифов, поддержать который не постеснялись такие ученые, как Kuno Fischer, Wilhelm Windelband, Wilhelm Frost, Lewalter[3] и др. О русских материалистических глупцах и т. н. «интеллигентах» я уже и не говорю. Кажется, только один близкий к гениальности Knut Hamsun в своей философско-идеологической трилогии («У врат Царства», «Игра жизни» и «Вечерняя заря») попытался уничтожить эту, как он выражается устами своего трагического героя Ивара Карено, «эту чудовищную гору школьной мудрости»[4], т. е. авгиевы конюшни материалистического эмпиризма, возникшего на почве, унавоженной (ибо это действительно — навоз) Фрэнсисом Бэконом и Джоном Стюартом Миллем (John Stuart Mill, 1806–1873). К этому присоединим еще других специфических англосаксонских глупцов

Бэкона, в которой он рисует утопическую картину будущего общества, где восторжествовал научно-технический прогресс.

3 Kuno Fischer (1824–1907) — Куно Фишер, известный немецкий философ и историк философии, профессор Йельского и Гейдельбергского университетов, автор «Истории новейшей философии» («Geschichte der neueren Philosophie») в 9 т. Wilhelm Windelband (1848–1915) — Вильгельм Виндельбанд, глава Баденской школы неокантианства. Wilhelm Frost — найти сведения об этом мыслителе не удалось. Lewalter — Кристиан Эрнст Левальтер (1892–1956), немецкий философ и литературный критик. В годы Второй мировой войны был одним из идеологов нацистского режима, посвятив этому цикл исторических работ. После выступал в защиту М. Хайдеггера в споре о его причастности к нацистскому режиму в 1933–1945 гг.

4 Ср.: «Современная английская философия не только “чудовищная гора школьной мудрости”... Весь свет живет ею. Все мыслители верят в нее. Суть философии не в остроумии, а грубость она совершенно игнорирует» (*К. Г мсун.* У врат царства // К. Гамсун. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6 : Рассказы, пьесы : На заросших тропинках / Пер. с норвеж. Е. А. Суриц, Ю. Я. Яхнина, Н. Киямова. М., 2000. С. 298).

[Содержание]

с русскими и другими болванами и вовсе идиотами на приплясе — имею в виду бедлам, устроенный в науке Чарльзом Дарвином, Гербертом Спенсером (Herbert Spencer, 1826–1903), Боклем (Henri Thomas Buckle, 1821–1862), Древсом (Arthur Drews, 1865–1935), Давидом Штраусом (Strauss, 1808–1874), Тюбингенской школой, Геккелем (Haeckel, 1834–1919), Фохтом (Vogt, 1817–1895), Молешоттом (Moleschott, 1822–1893), Бюхнером (1824–1899)[5], соответствующими французскими и русскими идиотами de ce stupide XIXe siècle[6].

[5] Генри Томас Бокль (Henri Thomas Buckle, 1821–1862) — английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» («History of Civilization in England», 1857). Придерживался позитивистских взглядов. Артур Древс (Arthur Drews, 1865–1935) — немецкий философ, писатель, ученик Э. Гартмана. Известен своей антирелигиозной и антихристианской работой «Миф о Христе» («Die Christusmythe», 1909). Давид Фридрих Штраус (Strauss, 1808–1874) — немецкий философ, историк, теолог и публицист. Автор широко известной в свое время работы «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu»). Считал, что Иисус Христос был реальной исторической личностью, но почти все тексты Евангелий составлены намного позже его жизни (в первых веках нашей эры). Вследствие этого факты, указанные в Евангелиях, были сильно искажены. Тюбингенская школа — лютеранская школа экзегетики — основана Ф. Х. Бауром в 1826 г. Известна тем, что ее представители впервые попытались применить исторический (в частности, гегельянский) подход к изучению Библии. Радикальным представителем Тюбингенской школы был Давид Штраус, а популяризатором его идей во Франции — Эрнест Ренан (1823–1892). Эрнст Фридрих Геккель (Haeckel, 1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ. Занимался разработкой философских аспектов эволюционной теории. Был апологетом «монизма» — научно-философской теории, призванной заменить религию теорией эволюции, и основателем «Лиги монистов». Придерживался идей социал-дарвинизма. Карл Фохт (Vogt, 1817–1895), Якоб Молешотт (Moleschott, 1822–1893) и Людвиг Бюхнер (1824–1899) — представители философии «вульгарного материализма» (термин принадлежит Ф. Энгельсу). Направление возникло на фоне естественнонаучных открытий второй половины XIX; было примечательно тем, что его представители отрицали специфику сознания, отождествляя его с материей («мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь»; «нет мысли без фосфора»).

[6] «Глупый XIX век» («Le stupide XIXe siècle», 1922), — название романа известного французского писателя и поэта Леона Доде (Alphonse Marie Vincent Léon Daudet, 1867–1942), сына Альфонса Доде.

Однако, откуда пришла беда, оттуда пришло и лечение. Не полностью, впрочем. Ибо русские дали «Tertium Organum» Петра Демьяновича Успенского[7], роскошное развитие русской религиозно-философской мысли (о. Павел Флоренский, о. Сергий Булгаков, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, А. Ф. Лосев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский), морфологию В. Н. Ильина, автора этих строк, и др. Англо-саксы же продолжают свое идиотское непотребство, так удивительно попадая в тон марксистам. О немецком кретинизме нации я уже не говорю.

Все это пора вместе с Марксом и Лениным выбросить на свалку нечистот, в cloaca maxima[8] мировой Истории и заменить Фрэнсиса Бэкона — Роджером Бэконом (Roger Bacon, 1214–1294). Получай свое возмездье Мишка Дынник, выученик Васьки Зеньковского[9]!

---

[7] «Tertium Organum», или «Третий Органон», — трактат Петра Демьяновича Успенского (1878–1947). Успенский увлекался теософией, был сподвижником Г. И. Гурджиева. Как ясно из названия, свой «Третий Органон» он ставил в один ряд с «Органоном» Аристотеля и «Новым Органоном» Фрэнсиса Бэкона, желая в этом трактате дать «новую модель» логики посткантовского научного мировоззрения и устройства Вселенной.

[8] Cloaca Maxima, или Большая Клоака — часть канализационной системы Древнего Рима. Функционирует до сих пор. Во многом благодаря этому сооружению слово «клоака» вошло в современный лексикон как синоним грязного (как в физическом, так и в моральном отношении) места.

[9] Михаил Александрович Дынник (1896–1971) — советский философ, теоретик диалектического и исторического материализма. В 1919 году он окончил Киевский университет, в котором на тот момент преподавал В. В. Зеньковский. Зеньковский также был и профессором Ильина в Киевском университете и даже составил ему протекцию, благодаря которой тот смог стать преподавателем Свято-Сергиевского богословского института в Париже в 1925 году (сам Зеньковский до 1962 года преподавал там философию, будучи профессором кафедры философии, истории русской философии, психологии и апологетики, а с 1949 г. — деканом института). См.: *А. П. Козырев*. Исав, восставший на Иакова. С. 15–18.

Нынешняя эпоха может быть охарактеризована как **ди - лектическое совп дение микрофизики и м крофизики, точечно-кв нтовых потенций и гром дных и предельных скоростей, простр нств и времен, освобождения гром дных энергий, сосредоточенных вокруг точек по-нулевых обр зов или предст влений.**

То же самое придется сказать и о плане социальном. Параллелизм, аналогия взрывов сплошных («цепных реакций») и взрывов социально-национальных, производимых вокруг простейших, точечных идеологических формул, напр<имер>, марксистских или нацистских, — бросается в глаза.

Морфология имеет в качестве непосредственной предшественницы «Феноменологию» Ed. Husserl'я (особенно в его начальные, посвященные философии числа периоды) и учение Ehrenfels'а о «Gestalt qualitäten»[10].

Если по Достоевскому и Ясперсу постановка человека на грани **погр ничного состояния (grenzsituation)**[11] открывает последние эссенциальные глубины той всяческой экзистенции в плане **интенсивном — духовно-дин мическом**, то то же самое, вернее, аналогичное придется сказать и о всякой **экстенсивной форме** (напр<имер>, геометрическо-физической точке) и всяком физико-математическом количественном образе, который таким образом открывается не как таковой и **стремится к общему истоку с обр зом интенсивным**.

[10] Ehrenfels -Христиан фон Эренфельс (1859–1932) — австрийский философ и психолог, ученик Франца Брентано. Был одним из главных предшественников появления гештальт-психологии. Понятие «гештальт-качество», или Gestalt qualitäten, он впервые вводит в своей работе «О гештальт-качествах» («Über Gestaltqualitäten», 1890).

[11] Grenz situation — «пограничное состояние», или «пограничная ситуация», — термин, введенный немецким философом-экзистенциалистом и психологом Карлом Ясперсом (1883–1969) в его работе «Психология мировоззрения» (Psychologie der Weltanschauungen, 1919).

Этот интенсивно-экстенсивный комплекс в современной физике носит общее название **ПОЛЯ** (Feld)[12]. В логике ему соответствует выдвижение на первый план «связки» (Groofe, В. Ильин)[13]. С этого я и начинаю.

Гл. I. Точка физическая и точка метафизическая

Связь с идеями относительного нуля, относительного небытия и субъекта мысли-монады

Как известно, физико-психо-физиологический эффект света, доходящего до глаза наблюдателя от планет и от звезд **РАДИКАЛЬНО** разнится тем, что источники света, исходящего от планет есть видимый и измеряемый **ДИСК**, в то время, как источником света, исходящего от звезды, является НЕВИДИМАЯ И НЕИЗМЕРЯЕМАЯ **ТОЧКА**.

Это и есть тот основной физико-математический и психофизиологический парадокс ВСЕЛЕННОЙ И ЕЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ, с которым сталкиваются метафизики вообще и метафизики точки в частности. Этот парадокс так же удивителен и кажется неразрешимым, как парадоксы элеатов в древности и основной парадокс познания, возникший со всей яркостью в Новое время (ср. Нельсона[14]). Солнце

[12] На полях: Хотя выражение говорит не о «поле», но о «сфере». [Здесь и далее — прим. авт.].

[13] Возможно, так Ильин обозначал логическую связку в «Курсе логики» — еще одном не изданном при жизни своем труде.

[14] По всей вероятности, здесь идет речь о немецком философе и психологе, представителе психологического направления в неокантианстве, Леонарде Нельсоне (1882–1927), к заслугам которого относится в том числе и формулировка логико-семантического «парадокса Нельсона-Греллига» (1908), фактически являвшегося аналогом парадокса Бернарда Рассела (1901), выраженного нематематическим языком. Ср.: «Будем называть прилагательное рефлексивным, если это прилагательное обладает свойством, которое определяет. Например, прилагательные “русское”, “многосложное” — обладают свойствами, которые

есть звезда с измеримым диском и параллаксом[15] — и мы отлично знаем, что все звезды, видимые и невидимые, суть, с оптико-психо-физиологической точки зрения — диски с видимыми и измеримыми дисками и параллаксами, а главное, уже и что с астрофизической точки зрения с физической структурой, о которой мы, особенно теперь, можем составить себе более или менее относительное представление. Знаем мы даже «очень много» и «знание наше есть ясное и отчетливое» (Л. Шестов) и «победного шествия» нашей удивительной науки «ничто не в состоянии остановить»[16]. Однако вот **ТОЧКА**... Un point c'est tout[17], как говорят французы. Оказывается, **ФИЗИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОСТЬ НА ИЗВЕСТНОЙ ДИСТАНЦИИ**, где количество превращается в качество, **ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ДАЛЬНОСТЬ МЕТАФИЗИЧЕСКУЮ**. И эта метафизика — несомненно **АПОФАТИЧЕСКАЯ**, она — от **DOCTA IGNORANTIA**[18].

они определяют (прилагательное "русское" является русским, а прилагательное "многосложное" является многосложным), поэтому они являются рефлексивными, а прилагательные "немецкое", "односложное" — являются нерефлексивными. Будет ли прилагательное "нерефлексивное" рефлексивным или нет?» (*А. А. Ивин*. Логика. М., 2002. С. 324–325).

[15] Параллакс (*греч*. παραλλάξ, от παραλλαγή, «смена, чередование») — термин, используемый в физике и астрономии, обозначающий изменение видимого положения объекта относительно удаленного фона в зависимости от положения наблюдателя.

[16] См.: *Л. И. Шестов*. Афины и Иерусалим. СПб., 2001. С. 46.

[17] Устойчивое разговорное выражение французского языка, в русском аналогом ему служит «...и точка!».

[18] Docta ignorantia, — в философии Николая Кузанского «ученое неведение», или «умудренное незнание». Одноименный труд мыслителя вышел в 1244 году. Ср.: «Иначе как бы могло появиться у величайших гениев мира, как, например, у Сократа, бл. Августина, автора "Ареопагитик", у Николая Кузанского и др., сознание не только своего полного, хотя и "умудренного" неведения (docta ignorantia), "апофатического (отрицательного) богословия" (Ареопагитики), но и "знание своего незнания" Сократа?». (*В. Н. Ильин*. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 95).

Вместе с тем здесь ставится в физико-метафизическом смысле **ПРОБЛЕМА ЭКРАНА** и, следовательно, проблема **ПРОЕКЦИИ**. Это проблема и тема самого грандиозного рода, ибо достаточно «толстый» экран может сделать непрозрачным и недоступным все, что угодно. Что же касается проекции и рефлексии (морфологически это одно и то же), то есть бытия, познания и осознания, то предельный случай здесь дан в гениальном поэтически-метафизическом четверостишии Тютчева:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них[19]!

С этого во всяком случае все начиналось для нашего земного эона. Этим может и кончится — несомненно, для нового начала. Но у Тютчева несомненно **NUNC STANS**[20]. Но иногда «**ТОЧКА**» будет в физико-метафизическом смысле **МЕСТОМ ВСТРЕЧИ НАЧАЛ И КОНЦОВ**.

Но в каком **«СМЫСЛЕ»** и с какой **«ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»?**

К этому надо присоединить, что «точкой», которой аналогичен «признак» в логическом «понятии», как концепцией «метапространственной» ограничиться нельзя. Ибо всякая метафизическая концепция, где все ограничено «dasein frei Objekte» будет чудовищно однобокой и неполной, и, «погнавшийся за одним зайцем здесь не поймает даже и его» —

[19] Ф. И. Тютчев. «Последний катаклизм» (1829).

[20] Идея «nunc stans», или «вечно пребывающего настоящего момента» впервые возникает в концепции времени у Блаженного Августина и получает свое дальнейшее развитие в схоластике. Ср.: «Ты [Бог. — *А. Б.*] не во времени был раньше времен, иначе Ты не был бы раньше всех времен. Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности, и Ты возвышаешься над всем будущим: оно будет и, придя, пройдет, “Ты же всегда — тот же, и годы Твои не кончаются”» (Аврелий Августин. Исповедь. Мн., 2006. С. 217).

в противоположность тривиальной пословице. «Пункт пространства» можно осознать только в его морфологической комплексности с **«пунктом времени»,** «точкой времени». Это и будет двуединым начально-конечным комплексом, пунктом-мгновением, если угодно, **«временно-простр нственным» минимумом-м ксимумом, стяженной вечностью или микроэоном**. Этот комплекс еще можно назвать **стяженной микроидеей**. А если так, то одновременно ставится **проблем кту лиз ции з ложенной в т кой микроп мяти потенции-энергии и стимулов этой кту лиз ции**, что связано также несомненно с **психофизической проблемой**. А это в свою очередь связано с проблемой **личности, п мяти и творчеств** .

Но геометрическая точка ограничивается максимумом, т<ак> ск<азать>. «пространственной абстракции и рестрикции», приводящей **ТОЧКУ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ НУЛЮ**. Ставится вопрос, какого рода этот «нуль». То есть — нуль ли это **НУЛЬ АРИТМОЛОГИЧЕСКИЙ** ИЛИ ЭТО **НУЛЬ ФЛЮЭНТОЛОГИЧЕСКИЙ**, Т. Е. СТРЕМЯЩАЯСЯ К НУЛЮ ПРОИЗВОДНАЯ НЕКОТОРОЙ ФУНКЦИИ.

С этой точки зрения придется признать, что прямая, как «кратчайшее расстояние между двумя точками», должна иметь своим пределом нуль, точки (и притом «все»), сливающиеся в микромонаду пространственно протяженного нуля[21].

Тогда в силу невозможности геометрии в темноте, т. е. в нуле пространства, придется признать, что некая единая и единственная точка «освещает» темноту через эмиссию «множества» светящихся точек, фотонов, образующих геометрически «видимые» тела (в свете ли воображения, или в свете пространственного «вместилища» геометрических тел и пространственных неонов **к ких угодно «измерений»**).

Все это есть абстракция, т. е. **экзистенци льный минимум простр нственности**. Дальше начинается **небытие**. И точка

[21] Само это столь часто употребляющееся выражение требует специального рассмотрения.

есть **предельный случ й морфологической структуры, возник ющей, возникшей и стоящей н гр нице небытия.**

Вообразим себе гомогенную светящуюся сферу какой угодно большой, но конечной, стабильной фотометрической яркости. При достаточной близости к наблюдателю, охватывающей 180 градусов (почему взято это число, — ясно само собою) эта сфера своей проекцией покроет для наблюдения весь т<ак> наз<ываемый> небосклон. Это будет затмением наоборот. Затем, при удалении наблюдателя она начнет превращаться в сначала очень большой, потом все уменьшающийся диск, в кольцо из фотометрического небытия. Этот диск при достаточном удалении от него превратится в не имеющую видимого диаметра точку, сначала более или менее значительной фотометрической величины, все убывающей по мере удаления от него. Эта величина сначала может еще давать представление о процессах, совершающихся в сфере, превратившейся ДЛЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ в точку, так же, как она может исчезнуть для неметафизического субъекта наблюдений, но еще действовать в минимальных и все убывающих размерах на светочувствительные поверхности (давя на них скоплением восстановленного серебра какой-либо формы, каковые скопления мы назовем точечными). Наконец, удаление может достигнуть такой величины, что достигающие с чрезвычайной редкостью рассеянные фотоны сделают разложение только одной молекулы $AgBr_2$, восстановив один атом Ag. Наконец, давно уже переставшая существовать для сетчатки глаз точка эмиссии фотона или других фотохимических волн и корпускул действует так редко и рассеянно, что это равносильно полному бездействию. **Объективно и субъективно точк перест л существов ть ОТНОСИТЕЛЬНО дост точно (но не бесконечно) уд ленного психофизического н блюд теля и светочувствительного преп р т , ст в для них ОТНОСИТЕЛЬНЫМ НЕБЫТИЕМ, которое возможно ох р ктеризов ть м тери листически. Это будет м тем тически ох р ктеризов нное ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ФИЗИКО-ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ НЕБЫТИЕ,** которое мы и назовем **стоящей н пороге бесструктурного отно-**

сительного небытия психо-физиолого-фотохимической точкой. При дальнейшем удалении она превратится в **относительный психо-физико-химический и физиологический нуль,** о существовании которого наблюдатель и фото-химическая субстанция, никогда не бывавшая в пределах энергии воздействия исчезнувшей точки, не могут сказать ничего, хотя для других она существует. И высказывания одних о существовании этих исчезнувших точек, а других о их несуществовании одинаково верны и одинаково ложны. Мы находимся здесь в сфере asylumignorantiae[22], в сфере гносеологического небытия или абсолютного скепсиса о том, что связь есть и что она вообще может существовать психофизиологически и фотохимически. И так как орудья его [нрзб.] (пар и фотохимическая субстанция) обречены на вечное бездействие, то и их почти вовсе нет. Представлениям о точках, линиях, углах и пр<очем> неоткуда взяться**. Нет предст влений о простр нстве и его геогр фической функции**. Относительная бесконечность светящегося диска, прикрывающего все своды небесные, превращается в относительное небытие.

Но КТО является субъектом этих выск зыв ний?

Этим субъектом является **н деленн я созн нием мон д** . Или проще, назовем ее **сферой субъект , ясного и отчетливого мыслящего созн ния.** Итак, мы пришли к удивительным и парадоксальным заключениям, именно, что точка имеет структуру, нуль имеет величину и ничто — мыслим — «вот это самое».

Перед окончанием этой вводно-смысловой главы следует остановиться на последнем.

Когда говорят **«ничто»**, то это <u>всегда</u> относится к объективному миру и к его манифестациям — и притом про-

[22] «Asylum ignorantiae» — «Прибежище невежества», или «прибежище незнания», — идея Б. Спинозы. Ср.: «И таким образом, не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока вы не прибегнете к воле бога, т. е. к asylum ignorantiae» (*Б. Спиноз* . Этика // Б. Спиноза. Избранное. Мн., 1999. С. 418).

странственно-временным. Это значит, что такая пространственная (протяженная) форма отсутствует «здесь» и «теперь». Напр<имер> «здесь» и теперь отсутствует кубической формы и ребром в 1 см кусок химически чистого золота (золото — quidditas; кубической формы, а ребром в 1 см, «здесь» и «теперь» — haeccitas[23]). Но это никак не может касаться субъекта мыслящего о «ничто», иначе и само «ничто» не могло бы быть мыслимо. Это всегда «забывают» материалисты и противники т. н. «идеализма» — в действительности же отрицание вневременного и внепространственного субъекта познания, т. е. отрицание существования **духовной точки-мон ды.**

Такое отрицание так же невозможно, как и не возможен абсолютный скепсис: обе указанные операции направлены прежде всего против самих себя. Гений Г. Р. Державина именует всю актуальную совокупность миров («большой космос») — **«точкою одного»** перед лицом Божием, а человека — **«ничто»,** т. е. нулем.

Но Ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод[24].

Монада — человеческое «Я» и божественное «Ты» (тема Martin’a Buber’a[25]), точка — символ «большого космоса»

[23] quidditas («чтойность», «чевотовость») и haeccitas («этость», «этовость») — центральные понятия в работе В. Н. Ильина «Статика и динамика чистой формы», взятые им из философских учений Боэция («quidditas») и Дунса Скотта («haeccitas»). См.: А. П. Козырев. Примечания // Ильин В. Н. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 133.

[24] Из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784).

[25] Мартин Бубер (1878–1965) — еврейский экзистенциальный философ, выходец из Австро-Венгрии. Разрабатывал концепцию «философии диалога» («Я и Ты», 1923).

и «ничто», в котором содержится «все» — вот о чем нам придется сейчас говорить.

Гл. II. Моменты сознания, времени и пространства

Ахиллесова пята как веры в т. н. «материализм», так и ему соравно и диаметрально противоположный «теизм» есть то, что оба являются как состояния в потоке сознания или в порядке действительности «моего» «я». От того, что эти состояния суть состояния только «моего» «я», т. е. от солипсического безумия можно отделаться и знаменитой фразой шопенгауэро-фихтеанского типа: «я был всегда я: все те, кто говорили “я”, были “я”»[26]. К этому можно свести и основу брахманизма, свершив таким образом мысленный метафизический синтез «запада» и «востока». Гораздо труднее «отделаться» от понятий «сознания вообще» (Bewusstsein über haupt). Это задача бесконечной трудности, особенно тогда, когда «не я» является не «чужим я», но «не я вообще» (такого термина еще в философии не было, а, между тем, в таком понятии термина есть постоянная необходимость). Это аналогично вопросу что «делается» «там» и «тогда», «где» и «когда»? То есть, тогда и там, где сознание «равняется нулю». Или — где оно бесконечно мало, длится одно «мгновение» и являет себя в «точке» пространства (неопределенно и неизвестно где, когда и как «поставленной»)?

Таким вопрошанием сразу ставится основная комплексная проблема **эссенци льной мет физики и м тем тико-логического мышления**.

Но вместе с тем, в комплексной форме ставится и основная проблема и **полярно-противоположного ей экзистенци льного «пережив ния» «моего» существов ния в мире**. Ибо

[26] См.: *А. Шопенг уэр.* Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // А. Шопенгауэр. Избранные произведения. М., 1992. С. 121.

если в собрании или во множестве объектов, лишенных существования (daseinfrei Objekte по Алексису Meinong'у)[27] нет и не может быть субъективных модусов бытия и вопрошания о них, или что в «единосущности» или «многоединстве» субъектов «подчиненные существования» и субъективные модусы бытия существуют, и вопрошания о их существе не может не быть. В обоих случаях «метафизика» (ἡ πρώτη φιλοσοφία) и то, чем она «занята», морфологически совпадает, и онтологический аргумент оказывается оправданным во всей своей полноте, — в качестве, в количестве, в логике и металогике, в «этовости» (haeccitas) и в «чевойности» (quidditas), т. е. в «нумерическом» и «генерическом», говоря терминами о. Павла Флоренского[28].

Совершенно ясно, что внеположенно-непроницаемо экстенсивное протяжение (l'étendue), лежащее в основе организованных, или лучше «упорядоченных» «вещей» разделяет их в их эссенциальности; а внутриположенное-проницаемое интенсивное «дление» (la durée), лежащее в основе духовно единых или лучше «единосущных», «всеединых» субъектов-личностей — соединяет и объединяет их. **Через время, дление, вечность субъекты-личности единосущно всеедины**. Но так как три координаты составляют согласно Минковскому[29] единство с «координатой време-

[27] Алексиус Мейнонг (1853–1920), — австрийский философ и психолог. Разрабатывал теорию ценности, выделяя при этом несколько типов объектов: существующие материально, существующие в нематериальном мире и не могущие существовать в принципе («dasein frei Objekte»).

[28] «Нумерическое» (числовое) и «генерическое» (видовое или родовое) — два вида тождества, разработанные о. П. Флоренским в четвертом письме «Свет Истины» работы «Столп и утверждение Истины» (1914). В. Н. Ильин неоднократно в своих работах обращался к данным понятиям (*А. П. Козырев*. Примечания // Ильин В. Н. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 135).

[29] Герман Минковский (1864–1909) — немецкий математик, автор геометрической теории чисел и геометрической четырехмерной модели теории относительности. В своих разработках представил пространство и время как нераздельные и взаимозависимые части единого четырех-

ни» (морфологически пространственно-временного типа согласно терминологии В. Н. Ильина), то **время-длительность-вечность есть триедин я, мет физико-онтологическ я сверхк тегория (ср. Л ск [30]), которой объединяются эссенция и экзистенция, объект и субъект, вещи и личности, не-созн -тельное и созн тельное**.

Надо рассмотреть, как это возможно — диалектически и эмпирически.

Теория относительности, которая трудами целой плеяды ученых (гл<авным> обр<азом> Einstein'а и Минковского — согласно установившемуся ритуалу академического мышления) выдвинула преобразованную при переходе от одной системы координат к другой «четвертую координату времени» и тем окончательно порвала с многолетней диктатурой <нрзб. > элеатизма в «точной» («номотетической») науке и перешла к «гераклитическому» (подвижно-гибкому) типу, но все же никак не имела в виду наук «идеографических» (наук «о культуре», наук «о духе»), не мыслила о заполнении зияющего пробела-пропасти (как будто бы бездонной) между ними и даже не подумала никогда поставить вопрос о примирении принципа относительности с науками идеографическими и «науками о духе»[31]. Выходит, что

мерного псевдоевклидова пространства, что оказало непосредственное влияние на создание теории относительности А. Эйнштейна.

30 Эмиль Ласк (1875–1915) — представитель Баденской (Фрайбургской) школы немецкого неокантианства, ученик В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Разрабатывал учение о сверхкатегориях, или категориях категорий как самостоятельных формах, образующих смыслы суждений.

31 «Идеографические» («науки о духе») и «номотетические» («науки о природе») науки (от греч. νομοθετική — законодательный ἴδιος — особенный, γράφω — чертить, рисовать, писать) — классификация наук, разработанная в неокантианстве Баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд и др.). Основное сходство между номотетическим и идеографическим методами заключается в том, что они познают мир при помощи понятий, складывающихся в суждения и умозаключения. Метод естественных («номотетических») наук состоит в установлении общих законов («генерализирующий метод»), а метод гуманитарных (в частности, историче-

этим делом должны заняться философы-метафизики. Заметим, на всякий случай, что когда речь идет о «причислении принципа относительности к наукам о духе», то здесь мыслится отнюдь не тот физико-познавательный релятивизм в его обычной форме — идущей от софистов и связанный с общей «нигилистической» или «анаксиологической» точкой зрения, отрицающей всякие нормы и ценности, и оперирующей эмпиризмом и психологизмом в духе англо-фр<анцузского> эмпиризма XVIII–XIX вв. и на разрушение которого блестящий Гуссерль потратил столько сил, стреляя из пушек по воробьям, низость полета которых и ничтожество объектов («от одной навозной кучи к другой») и без того ясны всем со сколько-нибудь высоким полетом мыслей и широтой горизонтов. Тех же, кто сам принадлежит к «воробьям» (т. е. к «толпе» и «к массе» — к «das man»[32], [нрзб.] и поскольку они принадлежат, «переубедить» невозможно, нет смысла, и они являются уже объектом — не субъектом, — психоанализа).

Безмысленная и бессмысленная «простота» (кот<орая> «хуже воровства»), с которой Дж. Ст. Mill'a «опровергает» силлогистическую априорную дедукцию («большая посылка уже предполагает вывод») «делает ненужной» занятие математикой на том напр<имер>основании, что бином Ньютона уже содержится в теории ансамблей, а последнее уже предполагает бином Ньютона и т. п.

Но вот что самое замечательное. Подобно тому, как невозможно опровергнуть безумие сомнительного идеализма, основанного на непосредственных данных опыта, и,

---

ских) дисциплин описывает частные индивидуальные черты каждой вещи или явления («индивидуализирующий метод») соотнося и сравнивая их при этом с вечными и неизменными ценностями.

32 «das Man» («люди», «люд» или «толпа»), — термин из философии М. Хайдеггера, обозначающий потерю индивидуальности, повседневное «обезличенное» существование индивида в обществе себе подобных (в отличие от «Dasein» — личного и неповторимого «вот-бытия» каждого человека) (*М. Х йдеггер*. Бытие и время).

след<овательно>, строго эмпирического (ср. идеологическую фикцию «статуи Condllac'a»[33]) вне **ИНТУИЦИИ ЛЮБВИ** (или «симпатии» — выражение более широкое, менее сконцентрированное и которое предпочитает Max Scheler[34]). Подобным же образом нельзя опровергнуть того, что скупость создает богатство, что эгоизм есть основа происхождения видов — не переходя во вневременную сферу **морфологической м тем тики и морфологического в ри ционизм (в ри ционного метод)**. Но плодотворность последнего есть то же, что творческая «разработка» в музыке данной темы («своей» или «чужой», но освоенной в качестве «своей»). Но если быть последовательным по Миллю, то творчество в музыке излишне, ибо оно в качестве «вывода» (данной пьесы) уже содержится в большей посылке гаммы.

Кстати сказать, самое монструозное в «чудовищной горе школьной мудрости» — в эмпирической логике Фр. Бэкона и Дж. Ст. Милля то, что, додуманная до конца, [она] превращается в антитворческий и антиматематический, даже антиэмпирический априоризм, исключающий по-настоя-

[33] «Чувствующая статуя» — парадокс, придуманный французским философом и аббатом Этьеном Бонно де Кондильяком (1715–1780) для опровержения учения Декарта о врожденных идеях. Постепенно наделяя мраморную статую в ходе мысленного эксперимента всеми чувствами (вкусом, слухом, зрением и осязанием), Кондильяк демонстрирует, как в результате этого у изначально неодушевленной и неживой вещи формируется самосознание и представление об окружающем ее мире, что и является, по его мнению, опровержением теории «врожденных идей» (*Э. Б. Кондильяк*. Трактат об ощущениях // Э. Б. Кондильяк. Соч. в 3 т. Т. 2. М., 1982).

[34] Макс Шелер (1874–1928) — немецкий философ и социолог, один из основоположников «философской антропологии». Учение о «симпатии» он развивал в своей крупной работе «К феноменологии и теории симпатии и о любви и ненависти» (1913), переработанной и изданной им затем под названием «Сущность и формы симпатии» (1923). Симпатия для Шелера является важной составляющей современного общества, благодаря которой на фоне постоянного научно-технического прогресса в нем сохраняются человеческие отношения и чувства.

щему организованный опыт как в его теории, так и в его практике. Этого не заметили и, конечно, не могли заметить такие удивительные глупцы, как проф. М. М. Троицкий, «уподобившийся» (подобно родственным ему марксистам) «безмятежным богам Эпикура, или, если угодно, стоячей воде» — по выражению Вл. Соловьева[35].

Но додуманная до конца силлогистика, идущая от Аристотеля, заключает в себе, как творческий вариационизм дедукций, так и феноменологическую индукцию «от одного факта» и т. п... математическую индукцию от n к n+1.

Сверх того, **дедукция и индукция — п рно соотносительные понятия, и след<ов тельно>, одн без другой немыслим** . Для подтверждения этого положения достаточно указать на 1) уже упомянутую математическую индукцию от nkn+1, а также 2) на то, что всякая индукция может быть сведена к дедукции из одного факта; 3) сюда же относится и трансфинитное равенство положений, занимаемых движущимся по пространственной траектории телом — и самой этой траектории — без чего известный парадокс Зенона Элейца о летящей стре-

[35] «Я познакомился с Троицким, когда единственный порыв его жизни был им пережит, и он уже окончательно уподобился безмятежным богам Эпикура, или, если угодно, стоячей воде» (*В. С. Соловьев*. Три характеристики: М. М. Троицкий — Н. Я. Грот — П. Д. Юркевич // Вестник Европы. 1900, № 1. С. 321; *В. С. Соловьев*. Собрание сочинений / Под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. СПб., 1913. Т. IX. С. 382). Эти слова В. С. Соловьева были адресованы М. М. Троицкому (1835–1899), профессору Московского университета, известному своими симпатиями и интересом к логическим и позитивистским учениям. В 1875 г. после смерти П. Д. Юркевича Троицкий был утвержден на должность профессора кафедры философии Московского университета (до этого он в 1869–1874 годах был профессором Варшавского университета), Соловьев же стал там же приват-доцентом. Но уже в мае 1877 г. Соловьев «из-за профессорской склоки» по собственному желанию ушел с кафедры и переехал жить в Санкт-Петербург. Эту цитату из работы Соловьева «Три характеристики...» В. Н. Ильин также приводит в своей статье «Художественный стиль русских философов и ученых» (*В. Н. Ильин*. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение». С. 45).

[Содержание]

ле не только неопровержим, но и лишается всякого смысла, из сверхразумного превращаясь в безумный[36].

Для того, чтобы проникнуться этой тематикой, implicite[37] содержащей методологию, до нужных глубин, необходимо принять две стоящие выше всякого доказательства «онтические аксиомы» (выражение это **«онтическ я ксиом »**я беру в специальном значении сочетании «Geltung» — «значимость» и «Wert» — «ценность»[38]; т.е. относительно — «θέσει», и абсолютно, — «φύσει»). Эти две «основополагающие» онтические аксиомы следующие:

1. К ждое мгновение — точк времени, кв нт его, кв нт созн ния и его «цереброн» (термин В. П. Крымова[39]) **есть бесконечн я «духовн я» ценность и стяженн я вечность — длительность.**

2. К жд я точк — мгновение и момент простр нств , кв нт его, его же «цереброн» есть бесконечн я м тери льн я ценность, стяженн я бесконечность — протяженность.

Обе они составляют двуединую **«временно-простр нственную кв нту» — цереброн и след**<овательно>**minimum созн ния** согласно основополагающему элеатско-спинозовскому принципу: «ordo et connexio rerum idem esta cordo et connexio idearum»[40].

Эта двуединая кванта-пара-цереброн есть вместе с тем и **МОНАДА-MINIMUM**.

---

[36] «Летящая стрела» — одна из апорий (парадоксов) Зенона Элейского, доказывающая относительность понятия движения.

[37] Предположительно, имплицитно (франц.).

[38] Geltung («значимость») и Wert («ценность») — два ключевых понятия в учении Баденского неокантианства; впервые в связке друг с другом были употреблены представителем «второй волны немецкого идеализма» Р. Г. Лотце (1817–1881).

[39] Вероятно, речь идет о Владимире Пименовиче Крымове (1878–1968) — писателе, прозаике, мыслителе русского зарубежья. Истоки термина «цереброн» у Крымова, к сожалению, найти не удалось.

[40] «Порядок и связь идей тот же, что и порядок и связь вещей» (*Б. Спиноз* . Этика // Б. Спиноза. Избранное. Мн., 1999. С. 389).

А люди не знают как им «убить» время и «что делать» с тем пространством, на котором они находятся. И это есть великое, тайное, поистине «греховное» неведенье — ἡ μεγάλη ἄγνοια гностика Василида[41], еретически соблазнившегося этим адом гносеологического скептицизма и онтического нигилизма как отрицательным идеалом.

Нужно **не свертыв ть, р звертыв ть двуединую временно-простр нственную мон ду-кв нту-цереброн до сверхр з-меров кту льной онтичности-бесконечности — ре лизуя «все» потенции, их всеединство в кту лиз ции бесконечности творческого порыв -усилия**. Необходимые для этого энергии-силы дает **любовь к вездесущему обр зу или к единосущему комплексу ведущих обр зов**.

Знание и любовь, т. е. высшие формы гносеологии и онтологии связаны с длением-временем и протяжением-пространством, двуединство которых можно определить в «консистенции», нечто именуется «здесь» — точка**-мгновение простр нств** («hic») и «теперь» — **мгновение-«точк времени»** («nunc»). Это — двуединство кванты времени-пространства, или, лучше, двуединая временно-пространственная кванта, образующая **двуединую духовную (интенсивно) — телесную (экстенсивную) мон ду**. Она определяется **целеположительной энтелехией, энергетическим усилием н -**

[41] Василид (*греч*. Βασιλείδης) — представитель «восточного» или «сирийского» гностицизма, живший предположительно в начале—середине II века н. э. Наиболее полные сведения о его учении сохранились в свидетельствах Иринея Лионского (ок. 130–202 гг.; «Против ересей») и Ипполита Римского (ок. 170–235 гг.; «Философумены»). «Великое неведение» (ἡ μεγάλη ἄγνοια) — завершающая часть эсхатологической концепции Василида, последствие «великого восстановления» тварной природы мира, в результате которого каждая вещь «будет жить согласно своей природе», а страдания и грехи исчезнут (*Л. П. К рс вин*. Святые Отцы и Учители Церкви. (Раскрытие Православия в их творениях). М., 1994. С. 45; *М. Э. Поснов*. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917. С. 363; *Св. Ириней Лионский*. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб., 2010. С. 324).

р ст ющего х р ктер . Этому усилию в механике соответствует преодоление инерции через ускорение, а в биологии — преодоление мгновения длящимся развертыванием сознания.

Эту двуединую длительно-протяженную интенсивно-экстенсивную сущность-монаду лучше всего уподобить нулю («до отказа»), «заключенной» («заведенной») пружины, актуализирующей заложенную в ней потенциальную энергию, определяемую именно разностью потенциалов в данном «месте» (τόπος-locus) энерго-силового поля.

Из этого видно, что механико-экстенсивное развитие энергии из монады есть произведение ее интенсивного «биологического потенциала» наоборот. Механическая экстенсивность есть периферийный момент «hic-nunc» монады, которая, как раньше думали, извнутри «выглядит» как душа, а извне — как тело. На деле же это двуединая сущность, где душевно-духовная интенсивность питает протяженно-пространственную экстенсивность.

В таком виде сущность материи есть «нуль» голой потенции, «темный и трудный вид» (χαλεπὸν καὶἀμυδρὸν εἶδος)[42] аморфности, **форму которой д ет духовно-душевное энергогенное и дин мическое усилие**.

Энерго-динамическая сущность формы как равновесие лаксатора-тенсора превращает ее в носительницу воз-

[42] Ср.: «Бывание (το γιγνόμενον — в платоновском “Тимее”) есть тот таинственный, творческий синтез бытия и небытия, который и выражает собой сущность тварности, всего относительного. Тварность есть прежде всего и по существу своему меон, бытие — небытие, и в этом смысле надо понимать и меональную первоматерию, materia prima, в которой заключена уже вся полнота тварного бытия, засеменено все. Но наряду с ним в холоде смерти, как и в палящем вращении “огненного колеса бытия”, ощущается бездна уклона, край бытия, кромешная тьма, смотрящая пустыми своими глазницами. Этот “темный и трудный вид” (χαλεπὸν καὶ ἀμυδρὸν εἶδος), как окрестил мировую первоматерию Платон, подвергнут был им же несравненному анализу в “Тимее”» (*С. Н. Булг ков*. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 231).

можной разности потенциалов, реальное возникновение которой приводит к движению-процессу. Это последнее может быть духовно-душевно-интенсивным и протяженно-пространственно-экстенсивным. Однако точность и строгость **ср внительного метод** требует от нас сравнительного изучения энергогенных структур души и атома в качестве отдельных и завершенных форм-монад, и морфологий устойчивых процессов их образования, в них совершающихся.

Равным образом эта же завершенная строгость сравнительного метода требует сравнительного изучения агрегатов, систем, механизмов, организмов, индивидуализмов, — монад, личностей и соборов, — словом, всего того, где сосуществуют индивидуумы-монады (точка-система) и среда-поле или протяжение-пространство и дление-время, «hic» и «nunc» в их относительно-энергогенных структурах, волевых, совершающих усилие, сознательных моментах в том, что можно назвать сочетанием и сравнительным анализом **непосредственных и посредственных д нных созн ния и ди лектики ВНУТРЕННЕГО (ИНТЕНСИВНОГО) и ВНЕШНЕГО (ЭКСТЕНСИВНОГО) опыт** .

Глава III. Непосредственные и посредственные данные сознания и диалектика внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) опыта

Знаменитая формула Декарта «я мыслю, значит, я существую» (cogito ergo sum) может иметь несколько аспектов, ракурсов и вариаций. Но все же она есть самое сжатое выражение интенсивности или того сознания или путь к этому выражению, а также к выходу из него с целью познания «не-Я» и решения проблемы «чужого сознания» («не-Я») как противостоящего на равных онтологических и гносеологических правах «полу-Я».

[Содержание]

«Cogito» Декарта лишено видимости удачи по причине своего строго эссенциального и абстрактно-универсального характера.

Но малейшая попытка населить это «Я» конкретностями непосредственных данных сознаний и сделать его конкретно-универсальным сейчас же натыкается на затруднения столь громадные, что они кажутся непреодолимыми. Уже то, что «я есть» и «я существую», что я неподвижен и теку, что я принадлежу истории (в широком смысле) и я нахожусь вне истории, сразу же создает почти антиномический колорит, который противопоставляет неподвижное и замкнутое сферо-символическое образо-бытие элеатов и линейно-временное течение-бывание Гераклита. Итак, каковы могут быть аспекты и вариации опорной и исходной первоаксиомы Декарта (cogito).

Прежде всего его латинская и французская редакции[43]. Латинская формула исключает «я», она т<аким> о<бразом> минимально лична и одним своим лексическим составом выделяет и подчеркивает акт мысли, отодвигая носителя, субстанцию мысли и давая самой формуле максимально гносеологический и минимально онтологический характер. Затем, так как здесь аксиома самоочевидно отнята от непосредственно-сущего, то ее выводная видимость («ergo») может и должна быть, или во всяком случае должна быть упразднена. Тогда получается гносеологически-онтическая сопряженная пара **«мыслю-существую»**, которая в тенденции дезонтологизации и деперсонализации может быть сосредоточена в одном безличном глаголе **«se cogitat» (= мыслится).**

Может ли эта формула так «застыть» и «стабилизироваться», и возможен или необходим выход из нее?

---

[43] Свой знаменитый принцип «Я мыслю, следовательно, существую» Р. Декарт впервые изложил в своей работе «Рассуждение о методе» (1637), написанной на французском языке (Je pense, donc je suis). Латинский вариант этого утверждения (Ego cogito, ergo sum) появляется позже, в работе мыслителя «Начала философии» (1644).

Прежде всего, выражение «мыслится» есть идеальное выражение «nunc» — «мгновения», имеющего одновременно значение идеальной длительности или того, что можно назвать «идеальной длительностью, заключенной в мгновение», ибо формула «secogitat» означает, что здесь все «unc» равны, и одно из них равняется их бесконечному множеству, что есть идеальное выражение трансфинитности и идеальная предпосылка для теории множеств (так же, как мы это дальше увидим, это относится и к протяженному эквиваленту «nunc'a» — к «hic»). «Мыслится — существуется». Эта сопряженная пара (без «ego» и без «ergo» это очевидно не соответствует идеальному замыслу формулы) и дает основания для «nunc — hic»и вместе с тем и для выхода из этого идеально-эссенциального образа, где нет никакого образа, но формула формы для образа есть, ибо «nunc» и «hic» могут быть наполнены содержанием и в таком виде отвечать уже не на эссенциальный, но на экзистенциальный вопрос: «что — nunc»? И «что — hic»? О чем идет речь в nunc и hic se cogitat? А за «что» следует «как» — «каким образом»?

Но все это будет «содержанием» или «предметом» «se cogitat» и «мыслью мысли». Таким образом, исходное «se cogitat» превращается в самое себя, мыслящую мысль νόησις τῆς νοήσεως Аристотеля, и ее содержание очевидно и будет тем, что это мышление именует τίῆν или τὸτίῆν или τὸτίῆνεῖναι[44]. И получается, элеатский тезис тождества знания и предмета знания в XIX–XX вв. воскресает в неокантианстве Марбургской школы (с несомненными богословскими финальными тенденциями — во всяком случае, у ее члена

[44] νόησις τῆς νοήσεως — в философии Аристотеля «форма всех форм», «мышление мышления», перводвигатель или Божество (ср. Met. 12, 9). τί ῆν, τὸ τί ῆν — у Аристотеля букв. «то, что было» и «то, что есть»; термины, впоследствии в схоластике эволюционировавшие в понятия «чтойности» и «этовости» (см. выше); τὸ τί ῆν εῖναι, — субстантивированный вопрос: «что есть бытие?»; формулировка четвертой, формальной причины у Аристотеля, одно из разновидностей определения«чтойности», или сути бытия (ср. Met. 1, 3).

и основателя Германа Когена[45]). Как сочетать Dasein и sosein, т.е. экзистенцию и эссенцию, — да и нужно ли это? Т. е. не предполагает ли уже эссенция — экзистенцию и экзистенция — эссенцию, — ибо ничто существует — здесь и теперь с несомненностью. Это и будет онтологическим аргументом, ибо «ничто существует здесь и теперь с несомненностью» — в мире причастия или отношения с самой себя мыслящей мыслью, т.е. Богом. Которого не может не быть, ибо есть сама себя мыслящая мысль, в которой эссенция находится в двуединстве с экзистенцией в любом hic et nunc, а значит «всюду» и «всегда».

[45] Герман Коген (1842–1918) — основатель и лидер Марбургской школы немецкого неокантианства. Будучи евреем по своему происхождению, в юности Коген окончил иудейскую богословскую семинарию, после чего продолжил обучение в университетах Бреслау и Берлина. Философия религии в зрелых трудах Когена по наблюдениям исследователей его творчества являла собой синтез иудаизма, идей Канта и неокантианской этикотеологии.

М. А. Колеров

Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины

1. Тотальность и либертарианское клеймо «тоталитарности»

«Я знаю силу слов», — сказал великий революционный поэт Владимир Маяковский. И мировая, отечественная, в том числе — самая материальная история даёт многочисленные примеры, подтверждающие это признание.

После окончания Первой мировой войны, всеми тогда же признанной первой **тот льной войной** в истории человечества, то есть войной, в которой для военных целей мобилизованы **все** наличные экономические и демографические силы государства, а общество поставлено под чрезвычайный политический и идеологический контроль[1], в политический язык

[1] См. об этом подробно: *М. А. Колеров*. Сталин от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. С. 312–471. Утверждение прямой идейной и практической связи между современной (но исторически давней) западной практикой чрезвычайного положения — и биополитикой — и тем, что называется «современный тоталитаризм», см.: *Джорджо Аг мбен*. HOMO SACER. Чрезвычайное положение [2003] / Пер. с итальянского под научн. ред. Л. Воропай. М., 2011. С.9–14, 17–18, 46. Весьма содержательное исследование темы

[Содержание]

Европы из итальянской публицистики вошло понятие **тот лит рности** как управления тотальностью (всеобщностью, мобилизационной целостностью) страны. В 1939 году в политическом языке Англии и Франции, обманутых Гитлером после их Мюнхенского сговора с ним (и Муссолини) в 1938 году, для осуждения сделки Гитлера и Сталина 1939 года была избрана формула «тоталитарного» единства нацистской Германии и коммунистического СССР[2] (и фашистской Италии). Антигитлеровская коалиция США, Англии и СССР заставила западную пропаганду временно убрать в тень эту формулу на 1941–1945 гг. Но отныне лишь временно.

Один из опытных сталинских разведчиков-перебежчиков на Запад, один из многих «невозвращенцев» и разочарованных коммунистов-коминтерновцев[3] Вальтер Кривицкий

в большой исторической перспективе см. также в коллективной монографии: Чрезвычайное законодательство ФРГ / Отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1970. С.36–38, 61–63, 68, 143–144, 157–158, 187–188.

[2] См. например, секретный мониторинг ТАСС от 15 февраля 1941, в котором вождям СССР сообщалось, что в Англии заговорили о природе единства Германии и СССР против Британской империи: «Судьбы этих тоталитарных систем тесно связаны между собой» (*Anatole V. Baikalov.* Soviet War Aime // Free Europe. 4. X.1940. London) (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 2 января 1941–16 марта 1941 // ГАРФ. Ф. 4459с. Оп. 38с. Ед. хр. 116. Л. 118–119).

[3] См., например, только о русских и французских коммунистах из числа разочарованных в большевизме, принявших участие в формулировании партийного образа сталинской диктатуры как тоталитаризма: Виктор Серж (1890–1947), Пьер Паскаль (1890–1983), Николай Лазаревич (1895–1975), Борис Суварин (1895–1984), Антон Чилига (Цилига, 1898–1993), Панаит Истрати (1884–1935) (*И. В. Жуков* . Революция, большевизм и сталинизм глазами франко-русских интеллектуалов: от общности судеб к общности идей (1910–1940-е гг.) // Россия и Франция. XVIII–XIX века. Вып. 9 / Отв. ред. П. Черкасов. М., 2009 (особенно раздел «В. Серж, Б. Суварин, А. Чилига о становлении советской тоталитарной системы»), а также: Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. Материалы международной научной конференции (Москва, 29–30 сентября 2001 г) / Под ред. А. В. Гусева. М.,

(1899–1941), оставивший детально продуманные под стать внешнеполитической ситуации исповедальные антисталинские мемуары, весьма точно локализовал своё выступление временем, когда Британия и Франция фактически завершили свой «мюнхенский» процесс 1938–1939 гг., начавшийся осенью 1938 года с одобренного ими расчленения Чехословакии между Гитлером, Польшей и Венгрией и увенчавшийся весной 1939 года её полным уничтожением, и вывели нацистскую Германию на оперативный простор агрессии на Восток против Польши и СССР. Тогда, весной и осенью 1939 года, западным демократиям требовалось максимально затмить своё соучастие гитлеровскому империализму и переформулировать европейскую сцену в сторону «единоприродного», «тоталитарного» союзничества Гитлера и Сталина. Именно в октябре 1939, после раздела Польши между Германией и СССР, Вальтер Кривицкий в Нью-Йорке писал в предисловии к своему антисталинскому свидетельству-манифесту, пропагандистски безупречно фиксируя различие между тоталитарным родством и неназванным франко-британским «прекраснодушием»:

> «наступление тоталитарного варварства нельзя остановить путём стратегического отступления на позиции полуправды и фальши»[4].

Именно из среды политической, прежде всего социалистической партийной оппозиции (и потому центральным образом сталинизма для них стал отнюдь не массовый красный террор, например, против крестьянства и крестьянский же принудительный труд, более всего выражав-

---

2003. Об этом, в частности, в свете новых данных: *Лоррэн де Мо*. Хроника пленённой мысли: СССР и французские интеллектуалы // Писатели и интеллектуалы России и Франции: прогулки по архивам XX века. Каталог выставки / Сост. С. П. Балан, Г. А. Кузнецова. М., 2013.

[4] *В. Кривицкий*. Я был агентом Сталина. На секретной службе СССР [1939]. М., 2013. С. 13.

ший претензии большевиков на тотальную власть в преобладающе крестьянской вплоть до начала 1930-х гг. стране, а Соловки с их специальным лагерем для политической оппозиции) и из среды репрессированных и разочарованных коммунистов исходили на западе первые массовые свидетельства о практике коммунизма, в которых терялись голоса идейных антикоммунистов[5].

Детализируя суть своих претензий к Сталину, Кривицкий не мог не вывести их из политически корректной повестки западных демократий, ввергнув эти претензии со всеми их избыточными для этой повестки подробностями — в повестку внутрисоветских и внутрибольшевистских, ярче всего выраженных во взаимоуничтожительной

---

[5] *М. Я. Л рсонс*. На советской службе: записки спеца. Париж, 1930; Out of the deep: letters from Soviet timber camps. London, 1931; С. В. Дмитриевский. Сталин. Berlin, 1931; *И. М. З йцев*. Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Шанхай, 1931; *Алекс ндров*. Диктатор ли Сталин: Историко-догматический анализ. Paris, [1932]; *Алекс ндров*. Кто управляет Россией. Большевистский аппарат и «сталинизм». [Берлин, 1933]; *М. Рудин*. Пирамиды красных фараонов. Шанхай, 1934; *B. Souvarine*. Stalin: Aperçu historique du bolshevisme. Paris, 1935; *В. М. Левитский*. Красная власть и Белая Россия (Об эволюции Сталина). Париж, 1935; *И. М. З йцев*. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936; *И. Солоневич*. Россия в концлагере. София, 1936; *Н. И. Громов*. Лагери смерти в СССР: Великая братская могила жертв коммунистического террора. Шанхай, 1936; *Б. Л. Солоневич*. Молодёжь и ГПУ: Жизнь и борьба советской молодёжи. София, 1937; *М. З. Никонов-Смородин*. Красная каторга: Записки соловчанина. София, 1938; *A. Ciliga*. Au pays du grand mensonge. Paris, 1938; *А. Цилиг* . В Ленинграде // Современные Записки. Кн. 66. Париж, 1938; *А. Цилиг* . Верхнеуральский изолятор // Современные Записки. Кн. 67. Париж, 1938; *A. Barmine*. Vingt ans au service de l'URSS: souvenirs d'un diplomate sovietique. Paris, [1939]. Отдельно стоит перечислить книги издательства «Мишень»: *А. Ольш нский*. Записки агента Разведупра. Париж, 1930; *Г. А. Соломон*. Среди красных вождей: Лично пережитое и виденное на советской службе. Париж, 1930; *Е. Думб дзе*. На службе Чека и Коминтерна: Личные воспоминания. Париж, 1930; *Г. З. Беседовский*. На путях к термидору.: Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж, 1931.

критике троцкистов и сталинистов, сталинистов и меньшевиков, к концу 1930-х гг. превратившейся в критику сталинизма из уст русской марксистской ему оппозиции и эмиграции, а в конце 1940-х — объединённой социалистической и коллаборационистской (власовской) антисоветской эмиграции. И поэтому В. Кривицкий с невольным возбуждением и обиженным увлечением погружает западного политического читателя своего антисталинского бестселлера во внутрикоммунистические разногласия, вступаясь — уже в убежище капиталистического и империалистического запада — в защиту мировой революции, подпитывая спрос на теперь уже западную экспертизу того, что есть в коммунистическом движении полезного и антисталинского, а что в нём уже не полезно:

«Отношение Сталина к Коммунистическому Интернационалу и его зарубежным функционерам всегда было циничным. Ещё в 1927 году на заседании Политбюро он сказал:

— Кто такие эти люди из Коминтерна? Это — нахлебники, живущие за наш счёт. И через девяносто лет они не смогут сделать ни одной революции. (...)

Хотя Сталин нанёс Коминтерну смертельный удар, заключив пакт с Гитлером (*Коминтерн был р спущен Ст линым, к к известно, в 1943 году, — в результ те его п кт с Рузвельтом и Черчиллем. — М. К.*), он сделает всё, чтобы сохранить костяк партийных машин в демократических странах. Они будут продолжать до конца играть роль креатуры его тоталитарного деспотизма»[6].

Слова о **тот лит ризме** стали материальной силой с началом «холодной войны». «Холодная война» коалиции капиталистических держав во главе с США против коммунистического СССР и его союзников началась после «Фултонской речи» Уинстона Черчилля в марте 1946 года, сложилась как система универсальных мер к концу 1950-х годов, когда власти США поставили своей официальной

[6] *В. Кривицкий*. Я был агентом Сталина. С. 86–87.

задачей расчленение СССР[7], привела к победе над СССР — к его внешнеполитической, идеологической и экономической капитуляции и государственному самоупразднению в конце 1991 года. «Холодная война» — система действий в области экономики, политики и идеологии, отличных от «горячей», обычной войны, — система, которую апостериори, в 1980-е гг. Джозеф Най назвал «мягкой силой», то есть совокупностью политических, информационных, экономических действий, отличных от военного принуждения. В 2000-е гг. на смену им пришло и стало доминировать понятие «гибридной войны», то есть совокупности косвенных и невоенных действий, которые удерживаются на грани полномасштабной войны или ограничивают её «прокси-войнами», которые ведутся военными противниками на третьих территориях силами третьих сторон.

В январе 1992 года президент США Джордж Буш-старший официально заявил, что США победили в «холодной войне», а в феврале 2007 года президент России Владимир Путин в своей «Мюнхенской речи» обрисовал фактическое продолжение этой войны Западом во главе с США уже против России — с целью её политического и экономического подчинения, лишения суверенитета, что вновь обнажило тот факт, что «холодная война» велась США не против коммунистического характера СССР, не против СССР как формы режима, а против СССР как формы государственности Исторической России и расчленение СССР было расчленением России. Дальнейшее расчленение и подчинение Рос-

[7] По лекалам австро-венгерской и германской Mitteleuropa против имперской России и польских Międzymorze и Prometeusz против СССР. Об этой генетике специально: *М. А. Колеров*. Предел империй. М., 2012; *M. A. Kolerow*. Polityka wschodnia Polski i Rosja: historyczne granice pojednania // Europa od Atlantyku do Pacifiku: Europejska myśl integracyjna po 2004 roku / Red.: Arkadiusz Meller, Leszek Sykulski. Częstochowa, 2013; *М. А. Колеров*. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014.

сии — цель «холодной войны», которая продолжается после уничтожения СССР теперь уже против России.

Однако центр идеологического успеха «холодной войны» Запада против СССР лежит не в военно-политическом доминировании, а в его первичном успехе в сфере интеллектуального уподобления СССР — гитлеровской Германии, против которой ещё вчера США, Великобритания, Франция сражались вместе с СССР и которую победили. Авторам «холодной войны» предстояло победить СССР так, чтобы заслуги его в общей борьбе против Гитлера не адвокатировали его исторической судьбы. Кроме того, принципиально важно было снять с Запада историческую ответственность за прямой сговор с Гитлером в 1938 году, максимально затмив его соглашением Сталина и Гитлера о нейтралитете 1939 года.

В 1941–1943 гг. в интересах союзничества с СССР против Гитлера западная пропаганда прекратила поиск и утверждение общих черт между режимами Гитлера и Сталина, доказав тем самым, что в 1939–1940 гг. рассказывала о них исключительно в интересах военной информационной борьбы. И лишь в 1943 году, когда борьба достигла зенита, поставленное эмигрантским польским Лондонским правительством — с подачи гитлеровских властей — в центр политической повестки «Катынское дело» (о расстреле советскими властями польских военнопленных в 1940 году) открыло принципиальную допустимость нового уподобления Гитлера и Сталина.

Впрочем, ещё в начале войны американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин (1889–1968) выступил на английском языке с исследованием, где уверенно, совершенно в духе русской эмигрантской публицистики, сопоставлял режимы Гитлера и Сталина. Но это выступление не могло быть использовано пропагандой, ибо в такой же ряд уверенно ставило и демократические режимы в эпохи кризиса и даже режим самого тогда правящего Рузвельта. Он писал:

[Содержание]

«Трудно с полным на то основанием доказать, что тоталитаризм в Спарте или Древнем Египте был более принудительным, чем режим Сталина, или Гитлера, или даже военных министерств современных демократических государств... изменение режима, происходящее под влиянием крупных катастроф, очень мало зависит от той или иной личности. Кто бы ни стоял за рулём и как бы сильно ни ненавидели тоталитаризм государственные мужи, экспансия правительственной регламентации столь же неизбежна, как повышение температуры при гриппе или пневмонии; в противном случае чересчур щепетильные правители будут смещены со своих постов и заменены менее разборчивыми. (...)

В тех странах, которые испытывали на себе влияние только таких факторов, как депрессия и голод, уклон в сторону тоталитаризма был умеренным. Но там, где эти факторы были усилены войной и революцией, тенденция приняла катастрофические размеры и привела к тому, что в России, Италии, Германии, Венгрии, Греции и других странах установились чрезвычайно тоталитарные режимы коммунистического, социалистического, фашистского или милитаристского типа... даже в так называемых антитоталитарных, или *демокр тических, стр н х*, к числу которых относятся Великобритания и Соединённые Штаты (особенно после 1929 г.), обеднение населения, вызванное Великой депрессией, повлекло за собой рост правительственной регламентации. (...)

Социально-политическое устройство воюющего общества непременно изменяется в сторону тоталитаризма... Когда разразилась Первая мировая война, все воюющие страны стали в значительной степени тоталитарными, независимо от того, были они республиками или монархиями, самодержавными или демократическими государствами. Капиталистическая экономика была заменена Zwangsoekonomie или Zwangswirtschaft — т.е. принудительной экономикой под управлением и контролем правительства...

Тоталитарная система родилась уже тогда... С этой точки зрения коммунизм ввели не Ленин, Троцкий и Сталин. Самое большее, что они сделали, это произвели необходимую социальную «операцию» самым бездарным, кровавым, жестоким разрушительным образом, руководствуясь при этом своей "коммунистической идеологией"...»[8].

С 1944 года пропаганда и контролируемые в соответствии с условиями военного времени медиа в США и Великобритании начали ощутимый дрейф в сторону критики сталинизма и советского режима, возобновили широкое освещение деятельности и заявлений советских «невозвращенцев» и перебежчиков на Запад, приостановленное в 1941–1943 гг. Появилась не только либертарианская проповедь эмигранта Ф. фон Хайека (1899–1992), уличавшего любое государственное регулирование как «путь к рабству» социализма и нацизма, а любой социализм как путь к тоталитаризму, прозвучала и критика слева, из уст эмигрировавшего австрийского коммуниста и пророка сексуальной революции Вильгельма Райха (1897–1957), который вновь обозначил единого врага интернационального Запада — самоизолировавшихся Гитлера, Муссолини и Сталина, которые равно «стали национал-социалистическими наследниками интернационального социализма Карла Маркса»[9].

Самое главное, что сказал Хайек в своей книге, адресованной Англии и США, было простым и ёмким, как моральная санкция, — и на сепаратное соглашение с Гитлером, если бы оно состоялось, и на сепаратное соглашение с гитлеровскими генералами, если бы оно было возможным, и, самое главное, на принципиальное решение о том, кого считать врагом Запада во всей будущей, послевоенной

---

8 *Питирим Сорокин*. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь [1942] / Пер. с англ. В. В. Сапова. СПб., 2012. С. 98, 105, 107–108.

9 *Вильгельм Р йх*. Психология масс и фашизм [1944] / Пер. с немецкого Ю. М. Донца. М., 2004. С. 326.

эпохи, в которой самостоятельной Германии уже не было б, а нужда в СССР как союзнике иссякла. Гитлер ещё жив, но новый враг уже назван:

«Мы до сих пор не хотим видеть, что расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций. Многие не желают признавать этого факта даже после того, как сходство худших проявлений режимов в коммунистической России и фашистской Германии выявилось со всей отчётливостью»[10].

Первым официальным актом высшего историографического уровня, в котором между Гитлером и Сталиным был поставлен знак равенства, стала публикация документов об их сотрудничестве. Разумеется, умалчивая о Мюнхенском сговоре 1938 года, в январе 1948 Госдеп США, МИД Англии, МИД Франции издали сборник, в котором СССР выступал как агрессор и виновник Второй мировой войны[11], на что в СССР пытались отвечать

[10] *Фридрих Х йек*. Дорога к рабству [1944] / Пер. с англ. М. Гнедовского. М., 2012. С. 40.

[11] Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office / Edited by Raymond James Sontag and James Stuart Beddie. Washington, D. C., 1948. Уже осенью 1947 года в США началась информационная кампания вокруг подготовленной и анонсированной Государственным департаментом США первого тома книги «Нацистско-советские отношения с 1939 по 1941 гг. в документах германского Министерства иностранных дел». В своём совершенно секретном сообщении корреспондент ТАСС цитировал издание «American Mercury» (Т. LXV. № 285. Сентябрь 1947), в котором под исчерпывающим по ясности названием «Секретные планы Сталина с Гитлером» говорилось: «Через несколько месяцев мир начнёт получать подлинный отчёт о довоенном русско-немецком сотрудничестве. Учёные трёх западных держав (Британии, Франции, Соединённых Штатов) только что встретились в Берлине и окончательно разработали планы опубликования документов германского Министерства иностранных дел, захваченных армиями этих стран. Среди этих бумаг имеются полные отчёты о нацистско-советских секретных пере-

альтернативным сборником. В предисловии к первому тому советского проекта[12] прямо говорилось: «Государственный департамент США в начале 1948 г. опубликовал сборник донесений и различных записей гитлеровских дипломатических чиновников под названием «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.». Как явствует из предисловия к этому сборнику, между правительствами США и Англии летом 1946 г. была достигнута договорённость о публикации германских дипломатических документов. К этому соглашению в дальнейшем присоединилась и Франция. В 1945 г. Советское правительство обращалось к английскому правительству с предложением о совместной разработке германских документов и настаивало на допущении советских экспертов к участию в этом деле. Предложение Советского правительства было, однако, отклонено. Американское, английское и французское правительства пошли на сепаратное опубликование немецких документов, без участия Советского Союза. Ввиду этого Советское правительство сочло себя вправе в свою очередь предпринять публикацию тех

говорах 1939–1940 гг., во время которых эти две державы перекроили территориальные права в Европе, Азии и Африке» (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 3 января 1948 — 29 января 1948 // ГАРФ. Ф. 4459с. Оп. 38с. Ед. хр. 173. Л. 153. Оригинал статьи: Л. 125–128). Здесь надо особо отметить, что в области служебной, секретной информации для высшего круга руководителей СССР (её персональными адресатами выступали от двух (Сталин и Молотов) до двадцати человек), буквальная, текстуальная точность их сообщений и переводов находилась под специальным контролем, невзирая на разоблачительные и прямо бранные квалификации в адрес Сталина и др.

[12] Документы и материалы кануна Второй мировой войны / Министерство иностранных дел СССР. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг. Из Архива Министерства иностранных дел Германии. М., 1948. Подписано в печать 26 февраля 1948; Документы и материалы кануна Второй мировой войны / Министерство иностранных дел СССР. Т. II. Архив Дирксена (1938–1939 гг.). М., 1948. Подписано в печать 11 марта 1948.

секретных документов из архива германского министерства иностранных дел, которые оказались среди трофеев, захваченных советскими войсками после победоносного вступления в Берлин»[13].

Глубокий исследователь европейской и советской социально-политической истории первой половины XX века в её географическом континууме Андреа Грациози в своей, как представляется, недостаточно оценённой эвристической книге даёт очень внятное описание исторических задач и условий создания доктрины «тоталитаризма»:

> «Сразу после второй мировой войны понятие тоталитаризма фактически служило превосходным орудием, способным направить против бывшего союзника — СССР — всю энергию, мобилизованную для разгрома нацизма. Для этого нужно было только найти понятие, позволяющее поставить на одну доску разбитого врага и бывшего союзника, превращая тем самым борьбу с последним в непосредственное продолжение войны с первым. Именно отсюда — шумный успех термина «тоталитаризм» в 1944–1946 гг., когда он вновь вошёл в употребление. (...)
> Пожалуй, наиболее важная из книг, заново определяющих рамки употребления данного термина, — «Путь к рабству» Ф. А. фон Хайека, вышедшая как раз в 1944 г. и быстро ставшая бестселлером. Через год, когда Арендт начала работать над своими «Истоками тоталитаризма», Карл Фридрих опубликовал статью, вводившую термин «тоталитаризм» в академический дискурс. Затем он организовал важнейшую конференцию, посвящённую понятию тоталитаризма (см.: Totalitarianism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954) и написал совместно с З. Бжезинским книгу «Тоталитарная диктатура и автократия» (Totalitarian Dicta-

13 Документы и материалы кануна Второй мировой войны / Министерство иностранных дел СССР. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг. Из Архива Министерства иностранных дел Германии. М., 1948. С. 3.

[Содержание]

torship and Autocracy. New York: Praeger, 1956). В 1946 г. Черчилль в своей знаменитой фултонской речи дважды воспользовался этим термином»[14].

Чем больше современные историки отказываются от этого политического понятия, тем ожесточённее за него выступают политики. Видя это, А. Грациози подводит критический итог: «...факт остаётся фактом: «тоталитаризм», по-видимому, действительно очень слабая, с интерпретативной точки зрения, категория, не объясняющая, а лишь создающая иллюзию объяснения феноменов»[15]. Представители современного историографического «ревизионизма» (а на деле — вполне законного возвращения к изучению сталинизма в его времени, контексте и интеллектуальной традиции) в своём обзоре истории и теории тоталитаризма категорически и справедливо судят названное сочинение Фридриха и Бжезинского и его поклонников с высоты науки и современного знания: именно политики и «формализм политических наук» принудили советологию «механически повторять снискавшие

[14] *Андре Гр циози*. Война и революция в Европе: 1905–1956 [2001] / Пер. с итальянского Л. Ю. Пантиной. М., 2005. С. 55. Исследователь американской мысли уточняет и дополняет собственно американскую историю доктрины, сообщая, что первое коллективное исследование темы в США было предпринято ещё до войны: Symposium on the Totalitarian State/ Proceedings of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1940 (*Э. Я. Б т лов*. Американская политическая мысль XX века. М., 2014. С. 395).

[15] *Андре Гр циози*. Война и революция в Европе. С. 57. Другой современный автор, предпринявший историографическое исследование, приходит к сходному выводу: «...тоталитаризм не может претендовать на звание созревшей объяснительной теории или даже модели: в лучшем случае это наводящая на размышления концепция, требующая проверки исторической реальностью» (*Джон Кип*. Новейшие западные исследования сталинизма // Джон Кип, Алтер Литвин. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография [2005] / Пер. с англ. В. И. Матузовой. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2009. С. 24).

дурную славу шесть признаков тоталитаризма» этих писателей[16].

На этом кратком описании читатель, желающий понять и оценить политически прикладной, руководимый высшими органами государственной пропаганды США, Великобритании и их сателлитов, характер западной доктрины «тоталитаризма», легко может остановиться.

Но всё же, кроме политических решений о наукообразной пропаганде, есть проблема происхождения и понятия тоталитаризма, и имманентного ему изначального полемического задания, и, главное, конкретного доктринального выбора пропагандистов, того меню, из которого они делали свой выбор — и что означает сделанный ими доктринальный выбор в их «политике мысли».

И в этом контексте даже историческое уподобление коммунистического СССР и гитлеровской (но капиталистической) Германии[17] далось Западу весьма нескоро и непросто, хотя и внешне легко было достигнуто только в классическом труде американцев, немецкого эмигранта Карла Иоахи-

---

[16] *М. Гейер, Ш. Фицп трик*. Введение. После тоталитаризма. Сравнительный анализ сталинизма и нацизма // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма [2009] / Под ред. М. Гейер и Ш. Фицпатрик. М., 2011. С. 13.

[17] Мысль о том, что капиталистический Гитлер был более приемлем для Запада, чем коммунистический Сталин, неявно звучит до сих пор: из опыта Германии, Италии, Японии, современного Китая делается простой вывод, что «капиталистическая организация производства вполне совместима с тоталитарным государством. Нужно отметить, что капиталистические тоталитарные государства никогда по-настоящему не были жертвами массового отвержения своим народом. Почему? Из-за репрессивной системы, которая терроризировала население, но также из-за того, что существующим режимам наряду с лишением свободы удалось принести населению процветание» (*Анту н Брюне, Ж н-Поль Гиш р*. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения [La visée hégémonique de la Chine — L'impérialisme économique, 2011] / Пер. под ред. В. А. Шупера. М., 2012. С. 38).

ма Фридриха (1901–1984) и польского эмигранта Збигнева Бжезинского (1928–2017) «Totalitarian Dictatorship and Autocracy» (1956). Их доктрина тоталитаризма действительно победила на Западе (и теперь победила в интеллектуальных колониальных провинциях Запада, включая часть русской науки), пока постепенно, начиная с 1960–1970-х гг. не была (на Западе, но не в провинциях) отодвинута научным «ревизионизмом» — вместе с самой её терминологией — на политиканский край историографии.

> «В 70-х годах понятие «тоталитаризм» почти полностью дискредитируется в США. Зато оно обретает второе дыхание во Франции, где с опубликованием «Гулага» [«Архипелага ГУЛАГ»] как бы подтверждается правота тех немногих досолженицынских эмигрантов, чьи разоблачительные выступления казались лишёнными шансов на всякий успех, а также выявляется обоснованность акций почти одинокого Раймона Арона... Ещё более существенным последствием этой публикации явилось включение тоталитаристской проблематики в основной публицистический оборот. Отступничество бывших коммунистов и леваков, с лихвой разрекламированное средствами массовой информации, провалы СССР и маоистского Китая, послевоенный Вьетнам и Кампучия закрепляют термин «тоталитаризм» во Франции»[18].

[18] *Кл удио Ингерфлом*. Тоталитаризм // Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989. С. 373–374. Новое дыхание «антитоталитарной» критике, решительно влияющей на язык политической риторики и научные исследования, придала знаменитая «Черная книга коммунизма» французских авторов (1997, русский пер. 1999). Исследователь показывает, что и этот внешне моралистический жест восходит к политической ситуации в самой Франции 1972 года и был частью политически мотивированной системы идейных усилий по дискредитации французского этатизма (голлизма) и социализма вообще, построенной разочарованными левацкими участниками движения 1968 года: *Ян-Вернер Мюллер*. Споры о демократии. Политиче-

В центре политиканской историографии стал набор отнюдь не исключительных для гитлеровской Германии и СССР тезисов, которые утверждают их родство, описывают суть их экономики и политики и одновременно делают эти характеристики якобы присущими исключительно тоталитарным диктатурам, подлежащим уничтожению, фактически снимая ответственность за точно такие же характеристики с колониальных и неоколониальных режимов, многочисленных американских, европейских и иных диктатур XX века (их полезно сравнить с продукцией на эту же тему одной из советологических институций, находившихся на содержании и под политическим контролем служб США[19]). Главными (и главное — едва ли не исключительны-

---

ские идеи в Европе XX века [2011] / Пер. с англ. А. Яковлева. М., 2014. С. 339–341.

[19] «Заключительный этап [коммунизма] будет означать тотальное властвование большевиков над всеми материальными ресурсами нашей планеты, развитие аппарата принуждения, способного в любой момент принудить любого человека к совершению любого действия, практическое упразднение всякой свободы. (...) Тоталитаризмом большевизм сделал уже Ленин. Но Ленин не вполне определил характер этого тоталитаризма (...) но творец целостной системы иллюзий, несомненно, Сталин... Сталин стремился к осуществлению тотального властвования под маской коммунистических идеалов» (*[Р. Н. Редлих, С. А. Левицкий, Н. И. Осипов.]* Большевистские мифы и фикции // Очерки большевизмоведения / Институт изучения СССР при Национально-Трудовом Союзе / [Под ред. Р. Н. Редлиха]. [Frankfurt/Main,] 1956. С. 46, 38). Новый архивный материал об этом см. в публикациях: Новая эмиграция, разведка США и «Социалистический Вестник»: письмо Р. А. Абрамовича (1955). Публикация В. В. Янцена // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014; НТС в 1950-х: Письмо И. С. Микуловского Е. Д. Кусковой (1957). Публикация Владимира Янцена // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXIII. М., 2017. См. также о проекте ЦРУ в 1953–1972 гг., укомплектованном из власовцев и бандеровцев: *Charles T. O'Connell.* The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition / The Carl Beck Papers Russia and East European Studies. No 808. Pittsburg, 1990; *А. Ю. Д нилов.* Мюнхенский институт изучения СССР и его библиотека (1950–1972) // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999.

ми) характеристиками тоталитарных диктатур, по этой теории, являются: правящая идеология; одна массовая партия, обычно руководимая диктатором; система террора[20]; монополия на оружие; монополия на средства коммуникаций; централизованная экономика, действующая по государственному плану. Вскоре после этого труда даже лояльный американский военный теоретик не смог сразу понять, что отныне действует чёрно-белая схема, и комично заключил о том, что казалось ему решительным различением, а на самом деле звучало как очевидное отсутствие разницы в том, насколько демократичен тот, кто готовится к тотальной войне на уничтожение: «Во всех странах, за исключением тоталитарных, исполнительная власть должна выполнять задачи, значительно ограничивающие свободу»[21].

Предложенные характеристики «тоталитаризма» (например, монополия на оружие), наверное, могли показаться чудовищными в конкретных условиях США и совершенно очевидно вполне подходили под описание практически любых европейских капиталистических диктатур и автократий, например, в Европе. Но труд Фридриха и Бжезинского и, очевидно, вложенные в его распространение и популяризацию усилия США, совершенно независимо от столь «казуистических» нелицеприятных обстоятельств — получили быстрый и эффективный успех, интеллектуально возглавив многолетние уже усилия «холодной войны» Запада против СССР. Немецкий историк свидетельствует, что даже в Германии был достигнут блестящий результат и в западной историографии после 1945 года:

---

[20] Ср.: «Тотальный террор является необходимой предпосылкой коммунистического общества, без этой предпосылки оно просто немыслимо. (...) Нужна вся мощь тоталитарного государства, чтобы превратить живых людей в автоматы. (...) Тоталитарная диктатура тем и отличается от всех прежних деспотий, что она не допускает ни вассалов, ни наместников» (*[Р. Н. Редлих.]* Борьба за власть продолжается // Очерки большевизмоведения. С. 283, 298).

[21] *Кл ус Кнорр*. Военный потенциал государств. М., 1960. С. 102.

> «стали доминировать пришедшие из США тенденции, которые во множестве разветвлений и дифференцировок должны были определять политологический анализ Советского Союза. Эта концепция инициировала исследования, сконцентрированные на технологиях господства, политике и идеологии до начала 1960-х годов, в среде широкой общественности доминировали сценарии угроз и теория тоталитаризма, приравнивавшая национал-социалистический режим к коммунистическим диктатурам. В сокращении — красное равно коричневому»[22].

Важно, однако, что две из характеристик Фридриха и Бжезинского — а именно указание на монополию «одной массовой» партии и указание на «тоталитарный» характер централизованной плановой экономики — выдают в создателях доктрины тоталитаризма верных учеников **русских п ртийных противников большевиков в России** и, главное, верных учеников **м ргин льного встро-немецкого либерт ри нского[23] кл н** в Англии и США, для которого любое государственное вмешательство в экономику, даже социал-либеральное и рузвельтовского «Нового курса» — преступление, а монополия корпораций — благо. Первое, кажется, мало связано со вторым, но это лишь кажется: их общая историческая платформа в социалистическом прошлом либерализма первой половины XX века и их общая политическая платформа в «холодной войне» середины XX века — налицо.

Гораздо более популярным и массовым применением вариантов толкования интернационального понятия **total** следует признать его присутствие в военно-политиче-

---

[22] *Д. Б йр у.* Страх и любопытство: Советский Союз в исторических исследованиях ФРГ в годы холодной войны (1950–1980) // Исторические записки. Вып. 14 (132 / Отв. ред. Е. И. Пивовар. М., 2012. С. 312, 329.

[23] «Архилибертарианского» (*Роберт Хиггс.* Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства [1987]. М., 2010. С. 23).

ском консенсусе о том, что Первая мировая война породила практику «тотальной войны», а следующая мировая война будет, несомненно, ещё более тотальной, уже сейчас, на стадии подготовки к этой войне, в 1920–1930-х гг., требующей от любого стремящегося к победе государства, прежде всего, на европейском театре военных действий, **тот льной мобилиз ции**, тотального подчинения войне всех ресурсов страны, в том числе идеологических, будь это подчинение вынужденным или, напротив, формулируемым как национальное благо. Описывать тоталитарные терминологические изыски европейской интеллигенции 1920–1930-х гг. вне указанной философской **тот льности** и вне указанных военно-экономико-политических **тот льной войны** и **тот льной мобилиз ции** — чисто партийное лукавство, задним числом игнорирующее, как минимум, тотальный консенсус о характере будущей войны. В реальности же даже меморандум правительственных экспертов США от 26 августа 1940 «Тотальная оборона», исходя из негативного опыта Англии и Франции уже начавшейся Второй мировой войны в 1939–1940 гг., гласил: «использовать каждую унцию нашей силы», «сплошная занятость», «бросить все людские ресурсы на производство»[24].

Этот консенсус был столь глубок, что практически без перемен доминировал и по итогам Второй мировой войны, когда, ещё не зная о возможности США реализовать ядерную атаку противника, британский Штаб объединённого планирования 22 мая 1945 г. представил Военному кабинету Великобритании доклад по названием «Операция «Немыслимое», о начале 1 июля 1945 г. войны против СССР с целью «навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи». Военные заявляли однозначно и без политического лицемерия: «Единственный для нас способ добиться цели в определённом и долгосрочном плане — это

[24] *М. Ю. Мягков*. Проблемы послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945. М., 2006. С. 49, 51.

победа в тотальной войне (...) тотальная война неизбежна, и нами рассмотрены шансы на успех с учётом этой установки (...) Для нанесения решительного поражения России в тотальной войне потребуется, в частности, мобилизация людских ресурсов [союзников] с тем, чтобы противостоять нынешним колоссальным людским ресурсам [русских]»[25]. В сентябре 1946 г. в высших правительственных кругах США был разработан документ «Американская политика в отношении Советского Союза». В нём, в частности, говорилось: «...Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война»[26].

Даже послевоенный немецкий историографический адвокат гитлеровской военной машины, воссоздавая контекст её государственных действий ещё до получения «методологических указаний» о признаках тоталитаризма, уверенно помещал эту тотальность во всеобщую практику эпохи:

> «Во Второй мировой войне, совершенно независимо от того, о какой из воюющих сторон здесь идёт речь, настоящий успех имели лишь те страны и народы, которые правильно поняли смысл тотальной войны... Главными чертами этой войны явились: во-первых, тотальное использование всех материальных и моральных сил и средств, которыми располагали воюющие государства, во-вторых, тотальная мобилизация населения, в-третьих, тотальный перевод экономики на военные рельсы, обусловленный экономической и военной блокадой и экономической войной на море, в воздухе и на суше, в-четвёртых, развёртывание всех средств пропаганды для поддержания и укрепления морально-бое-

25 *О. А. Ржешевский*. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

26 *А. С. Орлов*. Воздушная разведка США над территорией СССР в 1950–1955 гг. // Новая и новейшая история. М., 2000. № 6 (Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945–1950 / Ed. by T. Etzold and J. Gaddis. New York, 1988. P. 66).

вого духа, в-пятых, устранение различий между воюющими войсками и гражданским населением как в отношении участия их в боевых действиях, так и в отношении опасностей, которым они подвергались (воздушная война), и наконец, в-шестых, использование боевых средств не столько для уничтожения живой силы и техники противника, сколько для уничтожения его военного потенциала, совершенно независимо от того, идёт ли при этом речь о материальных ценностях или о самих людях»[27].

Современный западный исследователь, анализирующий диахронию, события и контекст военной тотальности в Европе на гораздо большем удалении от партийности и пропаганды, нежели создатели доктрины «тоталитаризма», суммирует, подводя итоги историографической дискуссии в Германии, решительно размывая условные границы между колониальной практикой антигитлеровских демократий и обнаруживая видимые различия между практикой страной Гитлера и страной Сталина:

«Стимул к изучению повседневного опыта и практики войн, становящихся тотальными, пришёл из Франции с исследованиями Grande Guerre — Первой мировой войны... Применительно к нацистской Германии можно констатировать следующее: в массовой поддержке войны на уничтожение, начатой на востоке Европе в 1939 г., видны элементы повседневных стратегий выживания... Многие, рассматривая себя как «немцев», невзирая на различия своих повседневных реалий, превращали эту войну в свою собственную. Социальные и культурные границы, в остальном разделявшие людей, не имели значения, когда дело касалось сегрегации евреев в годы Холокоста: догадываясь, а то и наверняка зная об их предстоящем убийстве, подавляющее большин-

27 *Х. М нтейфель.* На переломе [1953] // Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957. С. 614–615.

> ство населения Германии оставалось зрителями или даже принимало активное участие в акциях против своих бывших соседей. Сомнения против итогов войны, особенно после поражения под Сталинградом, проявлялись гораздо чаще, чем сомнения по поводу геноцида... Это наводит нас на след, который многие до сих пор предпочитают не замечать при интерпретации этих источников: участие многих в политических акциях, а после 1939 г. — физическое участие в войне может означать, что очень и очень многие рядовые немцы видели в этом шанс почувствовать себя частью «великого целого»... Соответственно имело место не только обычное солдатское повиновение приказу на войне. Мобилизация «сверху» была подготовлена и значительно усилена «самомобилизацией». Жестокость и жажда точно стрелять в цель выступали в таком (само) восприятии в качестве мужской твёрдости и признака «хорошей работы», что неплохо сочеталось с расистским взглядом на «чуждых обществу» и «недочеловеков», который нашёл своих сторонников среди немцев различного пола, класса или поколения задолго до эры национал-социализма. Следствием этого стало высокомерие, а то и беспощадность германских работников... по отношению к подневольным рабочим и узникам концлагерей»[28].

Ещё до «открытия» западной историографией **биополитики**, естественной для Модерна и капитализма, западный историк военно-промышленной мобилизации периода Первой мировой войны обнаружил, что для индустриального военного дела тотальная мобилизация — не только вынужденная практика милитаризации в ходе военных действий, но и осознанная задача планирования, а индустриальная милитаризация — ойкумена государственного капитализма: «Заказы военных ведомств способствовали развитию

[28] *Альф Людтке.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 70–72.

судостроения, добыче угля и росту сталелитейной промышленности в большинстве индустриальных стран». Историк признавал, что один из создателей и руководителей британской мобилизационной экономики в Казначействе в 1915–1919 гг., великий экономист Дж. М. Кейнс (1883–1946) —

> «был прав, отмечая, что Первая мировая война и последующие события возвестили конец периода свободного предпринимательства в экономике европейских стран (см. его The End of laissez-faire (1926). — *М. К.*), а также в международных экономических отношениях. Кейнс... умолчал о том, что принцип свободного предпринимательства никогда не был осуществлён. Свободное предпринимательство как основной экономический принцип было мифом и при Адаме Смите...»[29].

Не нашедший себе места в руководимой гитлеровской Германией Европе австриец Й. Шумпетер (1883-1950) так обозначил квинтэссенцию трудов Кейнса, посвящённых экономическим итогам Первой мировой войны:

> «время капитализма laissez-faire, этого “чрезвычайного эпизода”, закончилось в августе 1914 года. Стремительно исчезали те условия, в которых предпринимательское лидерство позволяло бизнесменам добиваться успеха за успехом: быстрый рост населения и многочисленные возможности для инвестиций, которые предоставлял технологический прогресс, а также завоевание нескольких новых источников питания и сырья подряд»[30].

---

[29] *П. Кроссер.* Диалектика военной техники [1972]. М., 1975. С. 151, 154–155.

[30] *Й. Шумпетер.* Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) [1946] // Й. Шумпетер. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М., 2011. С. 365, 396.

Сам Кейнс вполне нелицеприятно судил о своих британских классиках либерализма, демонстрируя их поклонникам лицемерие их интернационального прогресса:

> «Меркантилисты не обманывались относительно националистического характера их политики и её тенденций к развязыванию войны. Они единодушно стремились к национальной выгоде и относительному могуществу. Мы можем критиковать их за явное безразличие, с которым они принимали это неизбежное следствие международной денежной системы. Однако в теоретическом отношении их реализм много предпочтительнее путаных представлений современных защитников международного фиксированного золотого стандарта и политики laissez-faire в области международного кредитования, которые думают, будто именно такой политикой можно лучше всего содействовать делу Мира... В условиях laissez-faire внутри страны и при наличии международного золотого стандарта, что было характерно для второй половины XIX в., правительства не располагали никакими другими средствами для смягчения экономических бедствий в своих странах, кроме конкурентной борьбы за рынки»[31].

Указания на наследие британца Кейнса отнюдь не случайны. Они одновременно апеллируют и к практике «образцового» британского политико-экономического либерализма «свободы торговли» и «рыночного» капитализма, демифологизирующие итоги которой подводит Кейнс, и к общепризнанной социал-либеральной «кейнсианской революции» в экономической теории второй четверти XX века (то есть в ходе генезиса политической доктрины «тоталитаризма», на деле сделавшей **кр йне м ргин льной либерт ри нскую критику госуд рственного к пит лизм** ,

[31] *Дж. М. Кейнс.* Общая теория занятости, процента и денег [1936]. Глава 23. II. 4; Глава 24. IV.

которую в 1940–1950-е гг. сделали своим **экспортным экономическим зн менем** политические создатели этой доктрины). Эта апелляция содержит в себе имманентное указание на противостоявшие британской мифологии «свободы торговли» идеологию и практику протекционизма и государственного капитализма, образцом которых выступала Германская империя, прямо конкурировавшая с Британской империей в Первой мировой войне. Экономическая и политическая история Германской империи 1871–1914–1933 гг. характеризуется также глубоким и широким влиянием марксизма в области экономических и социальных наук и в сфере политической практики. Они, в свою очередь, в условиях политического запрета социал-демократической партии (до 1891), породили мощное и авторитетное движение интеллектуальной и государственной «социальной политики», определили доминирование «катедер-марксизма», то есть академического марксизма и связанных с ним социальных доктрин, на экономических и социологически-юридических кафедрах германских университетов. Именно это доминирование «катедер-марксизма» воспитало к 1900–1910-м гг. целое поколение командиров политики и частной, государственной, военной экономики в Германии, которое после 1914 года создало известный корпоративно-государственный «военный социализм / коммунизм» Германской империи до 1918 года и социальное государство 1919–1933 гг. Именно против правящего в экономике и политике Германии «катедер-марксизма» и были направлены все радикальные стрелы либертарианства, которое искало предельных философских гарантий против государственного капитализма и милитаризма в пучине социал-дарвинизма и апологии спекулятивной корпоративной интернациональной, которая якобы могла спасти от новой войны между империями и социальными государствами. Но выбирало себе мишенью не победившую Британскую империю со столь же развитой, как и в Германии военно-государственной экономикой и социальной поли-

тикой, а побеждённую и риторически осуждённую Германию. А именно — опыт практического управления экономикой и её исследования во время и после Первой мировой войны, символически объединяемый именами в Великобритании Кейнса и в Германии главой военной экономики В. Ратенау (в 1914–1915 — глава Управления стратегических ресурсов при Военном министерстве)[32]. Либеральный систематик пишет, что для либертарианцев австрийской школы (претендовавших на своё особое руководящее положение в «мировом правительстве»):

> «реальной проблемой были последствия низведения экономической науки до положения инструмента морали или политики. Отголоски этих споров можно услышать и в полемике вокруг обобществления, развернувшейся в веймарской Германии. Фундаментальную роль в этой полемике сыграли катедер-социалисты, отчасти в силу влияния, которое они оказали на воспитание и подготовку немецких экономистов и государственных чиновников… В ней снова ярко проявилось стремление создать новую новую экономическую науку с учётом немецкого опыта: от Wohlfahrtstaat (государства всеобщего благоденствия) до Kriegswirtsschaft (военной экономики)»[33].

Либертарианцы рисковали делать вид, что не замечают британской «кейнсианской революции», и утверждать, что их личный опыт, преобладающе еврейский опыт немецких интеллектуалов из уничтоженных войной Германской империи и Австро-Венгрии, опыт эмигрантов, нашедших себе

[32] См. труды В. Ратенау специально в советских переводах на русский язык: Новое государство. М., 1922 (Der neue Staat, 1919); Новое хозяйство. М., 1923 (Die neue Gesellschaft, 1919); Механизация жизни. Пб., 1924 (Zur Mechanik des Geistes, 1913).

[33] *Р й− мондо Кубедду*. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 173, 179.

убежище в Англии и США, — суть экономической и политической философии либерализма. И именно тогда, когда реальный исторический либерализм давших им убежище Англии и США на деле, после неудачных попыток приручения, вёл тотальную войну против того гитлеризма, который уже начали периодически называть тоталитарным. И тогда, когда равным врагом, столь же риторически тоталитарным, уже называли сталинский коммунизм.

В этой исторической перспективе становится более ясным, как вождями одновременно антитоталитарной критики и либертарианской философии, лежащих в политической доктрине «тоталитаризма», стали уроженцы Австро-Венгрии Ф. А. фон Хайек, К. Поппер (1902–1994), Л. фон Мизес (1883–1953), уроженка России Айн Рэнд (1905–1982), уроженка Германии Ханна Арендт (1906–1975). Они, продолжатели «австрийской школы» в политической экономии[34], противостоявшей австро-германскому же «катедер-марксизму», стали в США основателями «неолиберализма», принеся туда отвращение к столетнему немецкому опыту государственного регулирования и социализма, который на их глазах превратился в нацизм и антисемитизм, и поэтому они сочли своей обязанностью резко выступить против «нового курса» Рузвельта и дирижистских реформ Кейнса как прямого пути к нацизму[35]. Вместе с этим они принесли в гораздо более либеральные США и Великобританию кратно преувеличенный, панический страх перед практическим социализмом, который выглядел в их глазах как начало тоталитаризма. Авторитетный исследова-

[34] Самый известный её политический представитель в России — П. Б. Струве (1870–1944), после большевистской революции ставший столь же ожесточённым противником коммунизма и социализма и столь же определённым проповедником консервативной диктатуры.

[35] *Мишель Фуко.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с франц. А. В. Дьякова. СПб., 2010. С. 144–145, 241–244, 247, 138, 140, 141–143.

тель либерализма приходит к выводу, что Хайек и Мизес «*коллективизм*... понимали как синоним *тот лит ризм* », по их мнению, «между историцизмом, сциентизмом, социализмом и тоталитаризмом существовала связь. Тоталитаризм представляет собой соединение всех тех черт современности, против которых борется австрийская школа»[36].

Они настойчиво желали выдать корни и историю «тотальной войны» за противоестественное отклонение европейской цивилизации от утраченного рая «свободной торговли», всякий отход от книжных принципов которой в пользу социальной политики или протекционизма объявляется грехом, быстро и неизбежно ведущим к тоталитаризму и именно им порождаемой тотальной войне. В такой развиваемой Мизесом логике любое активное участие государства в экономике подводится под клеймо национализма[37], который немедленно обвиняется в агрессивных наклонностях и создании войны. Под такое либертарианское автоматическое осуждение подпадает сама Великобритания и любое современное государство, ведущее минимальную социальную политику и политику безопасности. Но Мизес безапелляционно и бездоказательно утверждает:

36 *Р ймондо Кубедду.* Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 173, 176. Рассматривая качество мысли другой культовой фигуры «антитоталитарного» либерализма — Айн Рэнд — исследователь заключает: «...господствующее мнение, что Рэнд была горячим сторонником либерального капитализма, ложно. На самом деле она вела борьбу на два фронта — против коллективизма и против демократического общества. По сути, она была апологетом аристократического (олигархического или феодального) капитализма, в котором обществом командуют талантливые и благородные магнаты» (*Вл димир Шляпентох*. Айн Рэнд: её марксистские и большевистские корни // Новое литературное обозрение. № 104. М., 2010. С. 179).

37 *Людвиг фон Мизес.* Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война [1944]. Челябинск, 2006.

«Существует полное согласие относительно того, что тотальная война представляет собой результат агрессивного национализма. Однако это всего лишь рассуждение в круге. Мы называем агрессивным национализмом такую идеологию, которая приводит к современной тотальной войне. Агрессивный национализм является необходимым производным политики интервенционизма и народнохозяйственного планирования. В то время как laissez faire устраняет причины международных конфликтов, государственное вмешательство в производство и социализм порождают конфликты, для которых не существует мирного решения. Если в условиях свободной торговли и свободной миграции ни одного индивида не волнуют территориальные размеры его страны, то в условиях протекционистских мер экономического национализма почти каждый гражданин весьма живо интересуется территориальными проблемами. Расширение территории, подвластной суверенитету его государства, означает повышение его материального благосостояния или по крайней мере облегчение ограничений, которые иностранное государство накладывает на его благополучие. Причина трансформации ограниченной войны между королевскими армиями в тотальную войну, конфликт между народами, заключается не в технических деталях военного искусства, а в замене государства laissez faire государством благосостояния» [38].

Так не только циничная биополитика Модерна, но и любой идеализм Просвещения, любое стремление — при участии государства — к защите права и справедливости, обеспечению равных возможностей, повышению качества жизни, повышению качества рабочей силы и себестоимости труда, всего того, что составляет сегодня основу требований к цивилизованному государству и требует того

[38] *Л. фон Мизес*. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории [1949]. Челябинск, 2007. С. 773.

минимума кодифицированного права, что даётся только суверенным государством, объявляется тоталитаризмом, ведущим к войне. Сознательно действуя как утопист, борясь против «тоталитаризма» в пользу фантомного мирового правительства, якобы способного к непосредственным отношениям с индивидуальными производителями и потребителями, Мизес ополчается на любую реальную экономическо-политическую субъектность стран и народов в современном мире, любое суверенное государство и любую национальную экономику (народное хозяйство).

Такого рода исследовательская чёрно-белая условность, видимо, была простительна в ходе войны против Гитлера. Но тот факт, что эту войну вели не только США, но и Сталин, тот факт, что именно тотальная мобилизация европейских противников Гитлера стала единственным их шансом на победу, заставляет не принимать военные условия создания этого научного комикса в качестве реабилитирующих. Мизес признаётся далее:

> «В нынешних условиях принятие цивилизованными народами Запада бескомпромиссной политики laissez faire, laissez passer было бы эквивалентно безоговорочной капитуляции перед тоталитарными народами... На сегодняшний день нет другой системы, способной обеспечить надёжную координацию мирных усилий народов и отдельных людей, кроме так называемого манчестеризма. При всей шаткости подобных упований можно надеяться, что народы западных демократических стран будут готовы признать этот факт и отвергнут сегодняшние тоталитарные тенденции. Но не может быть сомнений, что для подавляющего большинства человечества идеи милитаризма обладают куда большей привлекательностью, чем либеральные идеалы. В ближайшем будущем можно надеяться самое большее на разделение мира на два лагеря: либеральный, демократический и капиталистический Запад, где живёт примерно четверть мирового населения, и милитаристский и488 тотали-

[Содержание]

тарный Восток, охватывающий куда большую часть земной поверхности и населения».

Именно этот исторический колониальный расизм лежит в основе доктрины «тоталитаризма». «Дорога к рабству» Хайека 1944 года, суммировавшая его статьи об экономике начиная с 1938 года, труды Арендт о тоталитаризме, сведшие воедино её послевоенную критику, послевоенные труды Поппера в защиту «открытого общества» от тоталитарных претензий, послевоенные сочинения Мизеса, — несомненно, расцвели и получили устойчивый спрос в США (но вовсе не в кемалистской Турции, где в 1933–1939 гг. он вполне комфортно совмещал своё принципиальное либертарианство со службой в Стамбульском университете) — в условиях окончания их вынужденного антигитлеровского союзничества с СССР и начала «холодной войны». Тоталитаризму и сталинизму эти критики вменяют не их специфические черты, а характеристики всей европейской индустриализации XIX — начала XX в.

При этом полемика европейско-американского либертарианства против европейско-американского монополизма и дирижизма, условного Хайека против условного Кейнса, была фактографичнее и предметней, чем таковая же против коммунизма — фактологически невежественной в сфере знаний о советской политике Арендт[39] против Сталина. Исторические границы между либерализмом и сталиниз-

[39] «В понимании тоталитаризма власть сосредоточивается исключительно в силе организации... По мнению Сталина, постоянный рост и развитие полицейских кадров несравнимо более важны, чем нефть в Баку, уголь и руда на Урале, житницы на Украине и потенциальные сокровища Сибири, — короче говоря, важнее всего развитие полного арсенала власти России» (*Х. Арендт.* Истоки тоталитаризма [1951]. М., 1996. С. 457). См. также: *Л. Ф. К цис.* «Тоталитаризм» Ханны Арендт в современных спорах о гитлеризме и сталинизме // Поиск. Альтернативы. Выбор. Новая политика XXI век. № 3 (3). Август 2016.

[Содержание]

мом включали в себя весь государственно-монополистический капитализм. А географические границы, полагаемые между «демократическим» Западом, с одной стороны, и Сталиным, с другой, были столь широки, что в межвоенный период охватывали всю Центральную Европу с населением в 90 миллионов человек, с полной гаммой диктатур, авторитарных режимов, этнократий и на деле отнюдь не демократических демократий Польши, Литвы. Латвии, Эстонии, Чехо-Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции и т. п. Такие «границы», которые идеологические критики пытались установить между Сталиным и условно либеральным Западом, в итоге не разделяли, а соединяли их в историческом континууме **тот льной войны, европейской индустри лиз ции, мобилиз ции и биополитики**. Сегодня даже британский публицист, не обременённый тисками научной этики, сравнивая жертвы Сталина с жертвами европейского колониализма, легко видит полноту преступлений XX века: «Около 10 миллионов конголезцев умерли в результате организованных бельгийцами принудительного труда и массовых убийств в начале 20 века; десятки миллионов умерли в Британской Индии от навязанного и отнюдь не неизбежного голода»[40]. Даже Х. Арендт в ито-

[40] *S. Milne.* Communism may be dead, but clearly not dead enough // The Guardian. February 16, 2006. О масштабах репрессий после освобождения Франции от нацистов писал английский журналист, прославившийся своими репортажами из воюющего СССР: «...всё-таки во Франции после четырёх лет вражеской оккупации и двух лет «органического сотрудничества» между французской и немецкой полицией было гораздо меньше репрессий, чем предпринималось приблизительно в то же время в некоторых других странах, которые также были оккупированы Германией, а именно в Бельгии, Голландии и Норвегии». Всего во Франции было казнено: 8 438 — без суда, 1 325 — по решению специальных трибуналов, приговорено к смерти регулярными судами — 2 800, 9 910 смертных приговоров вынесено заочно. К разным срокам заключения приговорено 39 000. Автор сравнивает это число с числом приговорённых к заключению коллаборационистов в странах с кратно меньшим населением: в Бельгии — 50 000, Голландии — 50 000, Нор-

ге поняла, — с высоты опыта Хиросимы — самодостаточный характер и достаточный вес милитаристского опыта для генезиса тоталитаризма, в описании истоков которого у Арендт уже не лидировали требования доктрины:

> «Первая мировая война впервые со всей наглядностью продемонстрировала чудовищный разрушительный потенциал современного оружия... Семена понятия о тотальной войне проросли не раньше, чем произошла Первая мировая война, во время которой различие между военным и гражданским населением уже не бралось в расчёт, поскольку было несовместимо с применением новых видов оружия... Потока насилия, выплеснувшегося в ходе и в результате Первой мировой войны, было бы вполне достаточно для последующих революций даже в том случае, если бы вовсе не существова-

вегии — 48 500» (*А. Верт.* Франция 1940–1955 [1956]. М., 1959. С. 250, 251, 253). Его дополняет французский исследователь: «Чистки, организованные государством [помимо «диких чисток», самосудов], были достаточно суровы. Расследовали 350 тыс. дел, [то есть] одному проценту французов пришлось отчитаться в том, что они делали во время войны. Против 125 тыс. человек возбудили уголовные дела, 1500 вынесли смертный приговор, 38 тыс. были отправлены в тюрьмы. Франция оказалась наиболее суровой в смысле вынесения количества смертных приговоров (39 случаев на 1 млн жителей во Франции, 29 — в Бельгии, 10 — в Норвегии), но проявила мягкость в отношении тюремного заключения (12 случаев на 10 тыс. жителей во Франции, 55 — в Бельгии). Можно добавить, что чистки прошли и в управленческом аппарате. Наказание понесли от 22 до 25 тыс. чиновников [то есть точное их число до сих пор неизвестно. — *М. К.*]... Некоторых сажали в тюрьму только потому, что соседи полагали, будто те виновны, даже если против них не было улик....» (*Оливье Вьевиорк [Wieviorka]*. Возрождение Франции: возвращение, чистки, восстановление // Победители и побеждённые. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия. США (1941–1950) / Под ред. Б. Физелер, Н. Муан. М., 2010. С. 37–40). См. также собрание исследований о репрессивной биополитике в середине XX в. Европе и Азии: Qu`est-ce qu`un déporté? Histoire et memoires des deportations de la Seconde Guerre mondiale / Sous la directions de Tal Bruttmann, Luarent Joly et Annette Wieviorka. Paris, 2009.

ло никакой революционной традиции, даже если бы никогда раннее не происходило никаких революций»[41].

Итак, вместо внеидеологического социального и институционального анализа, исследователи сталинизма через призму «тоталитаризма», касаясь его предпосылок и места в истории, по-прежнему чаще всего воспроизводят либо схемы меньшевистской и троцкистской критики сталинского режима **к к его внутренней критики**[42], либо схемы либертарианской доктрины «тоталитаризма». Наиболее свободная историографическая традиция, чаще всего представленная «ревизионизмом», просто отказывается от самого имени этой доктрины, в отношении СССР предпочитая говорить об исторически конкретном и хронологически ограниченном сталинизме. В собственно русской историографии, традиционно сильной своим позитивизмом, но часто слабой в отношении миметических «теорий», «тоталитаризм» всё ещё собирает свою жатву, превращая даже золото науки в пропагандистские черепки.

2. Ненужный диагноз тоталитаризма

Русский политический класс дореволюционной России, проигравший большевикам в Гражданской войне и в большей своей части выброшенный в эмиграцию, естественным образом всю свою интеллектуальную энергию посвятил

[41] *Х. Арендт*. О революции [1963]. М., 2011. С. 8, 10, 15.

[42] Психология такой единоприродности даже при радикальной критике хорошо выражена таким известным ожесточённым противником большевизма, как С. П. Мельгунов (1879–1956): «Мы не можем отказаться от сознания, что имеем дело всё же с людьми своего круга, одинакового общественного воспитания, одних и тех же общественных традиций и положения и, наконец, даже, в конце концов, одной, в сущности, идеологии» (Тюремные записки С. П. Мельгунова. 1920 год. Сб. документов / Автор-составитель И. Ю. Бережанская. М., 2015. С. 64).

осознанию причин и исследованию практики советской власти и правящего большевизма. Политическими центрами русской эмиграции и её прессы стали Париж, Берлин, Прага и Белград. Серьёзной поддержкой для актуальности и точности их исследований стал сохранявшийся, хоть и быстро мелеющий, до начала 1930-х годов поток политических беженцев из Советской России и СССР за границу. Местом для старожильческого русского населения и первичной концентрации беженцев стали страны-лимитрофы на развалинах бывших империй, их национальные окраины, к которым тогда причисляли Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Чехословакию, Венгрию. Центром для резидентур западных разведок, профессионально собиравших информацию из СССР, была Рига[43].

Пока в Италии, Германии и других странах увлекались превращением общефилософского понятия total и его применений в острое оружие тоталитарности, именно русская эмиграция более всего сделала для целостного анализа предпосылок и характеристик большевистской диктатуры, помещая её в глубокий исторический и широкий социально-политический контекст. Важной для такого анализа была свобода абсолютно доминирующего большинства русских интеллектуалов от буржуазного признания капитализма вершиной развития человеческой цивилизации. Особую роль играло и высокое качество русской школы социальной, социологической, юридической, исторической, экономической мысли, позволявшее легко видеть реальные механизмы социальной жизни и политико-экономической власти в России за лесом риторики и пропаганды.

Едва ли не первым медицински точно определил суть риторической «диктатуры пролетариата» и разоблачаемой,

[43] Именно в Риге начал свою профессиональную карьеру американский знаток СССР, идеолог «холодной войны» против СССР и основатель школы по подготовке советологов и прозападной агентуры в России Джордж Ф. Кеннан (1904–2005).

но столь же риторической, «диктатуры партии» великий русский философ права П. И. Новгородцев (1866–1924). Посмертно опубликованная статья П. И. Новгородцева провидчески формулировала и проблему видимой политической социалистической диктатуры над массой, чьим именем она пришла к власти, и — главное — формулу вырождения этой более или менее представительной диктатуры в диктатуру принципиально не избираемую, олигархическую. То есть Новгородцев (в статье, которая считается примером его терминальной интеллектуальной слабости и социологической капитуляции) заранее неожиданно точно представил себе искушение поверхностно нарисовать образ «партийной диктатуры» и заранее же указал на факт её превращения в диктатуру партийной олигархии:

> «идея народовластия была отвергнута. На место её была поставлена так называемая диктатура пролетариата, практически сводящаяся к олигархическому господству партийных вождей, властвующих и над своей партией и над народом при помощи демагогии и тирании»[44].

[44] *П. Новгородцев.* Восстановление святынь // Путь. Париж, 1926. №4. С. 45. На межведомственный хаос и отсутствие планомерности в экономической сфере как основу советской «военно-бюрократической олигархии», а отнюдь не социализма, указал ещё за пять лет до публикации статьи Новгородцева русский либеральный экономист: *В. Ф. Гефдинг.* Трёхлетние итоги: Очерки советского хозяйства // Современные Записки. Кн. III. Париж, 1921. С. 202. Популярный разоблачитель сталинской диктатуры Лев Троцкий только десять лет спустя обрисовал её основу не как абстрактную «партийную диктатуру», а как несомненно более точную власть иерархов: «От партийной демократии остались одни воспоминания в памяти старшего поколения. Вместе с ней отошла в прошлое демократия советов, профессиональных союзов, кооперативов, культурных и спортивных организаций. Над всем и всеми неограниченно господствует иерархия партийных секретарей. Режим получил «тоталитарный» характер за несколько лет до того, как из Германии пришло это слово» (*Л. Д. Троцкий.* «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?» [1936]).

В том же журнале Н. А. Бердяева «Путь» другой великий русский мыслитель Б. П. Вышеславцев (1877–1954), остроумно апеллируя к древнегреческой утопии о государстве Платона, программно описывал большевистский режим в его тесном родстве с основными характеристиками индустриального капитализма:

> «Платон был истинным законодателем социализма и коммунизма, навеки декретировавшим его содержание. (...) 1. Коммунизм есть *з конничество*, декретизм — всепроницающее регулирование нормами. Гражданин ваяется законом, как статуя резцом и нет никаких частей тела и души, которые оставались бы неприкосновенными для этого резца. 2. Коммунизм есть *эт тизм*, политизм: всё концентрируется в руках государства, общины, коммуны: жизнь, собственность, семья, религия, искусство. 3. Всё частное право поглощается публичным правом. Платон не знает субъективных прав, непроницаемых для коммуны. (...) 5. Коммуна организуется и управляется сверху, олигархически, «философами» компартии, созерцающими истинные идеи. (...) 7. Коммунизм есть по существу своему военный коммунизм и строится как казарма. (...) На самом деле коммунизм есть *предел* капитализма и возведение в предельную степень того зла, какое Маркс ставил в упрёк капитализму: Капитализм обращает *многих* в пролетариев, в рабочих и с развитием своим все большее количество хозяев делает рабочими — коммунизм обращает всех в рабочих, за исключением тех, кто властвует над рабочими. Капитализм делает свободу договора для рабочего *миним льной*, почти иллюзорной — коммунизм её *уничтож ет совсем*. Капитализм отнимает орудия производства у *многих* и сосредоточивает их в немногих руках — коммунизм отнимает орудия производства у *всех* и сосредоточивает в единых руках. Капитализм уничтожает в значительной степени быт, религию, семью (как на это злорадно указывал Маркс) — коммунизм отрицает быт, религию, семью совсем. Капитализм поглощает автономию

[Содержание]

> *многих* частных хозяйств. Коммунизм уничтожает автономию частного хозяйства *совсем*. Коммунизм есть монопольный и суверенный капитализм, в котором права новых «хозяев» бесконечно увеличились, а права рабочих бесконечно уменьшились. Они собственно равны нулю: ибо раньше рабочие имели право забастовать или перейти к новому хозяину — теперь это невозможно. Прежние хозяева властвовали *экономически*, но не политически: они не могли судить, управлять, законодательствовать; новые хозяева — делаются носителями экономической и политической власти, бесконечно более абсолютной и всеобъемлющей, чем власть помещика над крепостными»[45].

Не будь перед антисоветской пропагандой прикладных узкополитических задач и не будь у неё идеологических ограничений, ещё не научившихся толком противопоставлять (демократический) социализм и коммунизм, а противопоставлявших коммунизму более всего оправдание капитализма как благой «философии неравенства», она со-

[45] *Б. П. Вышесл вцев*. Парадоксы коммунизма // Путь. № 3. Париж, 1926. С. 111–113. В годы Великой Отечественной войны пойдя на службу к нацистам, Вышеславцев пытался применить свои разработки к пронацистской антикоммунистической пропаганде, по условиям времени запоздало напоминая об антикапиталистической риторике нацистов, когда они уже искали нового сепаратного соглашения с Англией и США против Сталина: «...капитало-коммунизм есть самая тираническая форма властвования и самая последовательная форма эксплуатации. Она осуществляет и завершает все стремления капитализма: коммунизм есть последнее слово капитализма. (...) фашизм есть настоящее чудо истории: он совершил грандиозную социальную революцию, не казнив ни короля, ни королеву, ни папу, ни духовенство, ни аристократию. Без террора и ограбления он уничтожил капиталистический строй, парламентаризм и плутократию. Национал-социализм тоже пришёл к власти и совершил социальную революцию не посредством террора, даже не посредством гражданской войны, а посредством грандиозного плебисцита, путём чисто демократическим» (*П. С лтыков [Б. П. Вышесл вцев]*. Коммунистический капитализм // Новые Вехи. Прага, 1944. Октябрь. Кн. 1. С. 25, 32).

чла бы такое опровержение коммунизма вместе с породившим его капитализмом сильным и перспективным. Такое опровержение коммунизма и теперь может служить фундаментом для целостной теории индустриального (и постиндустриального) тоталитаризма, технологически единого и в условиях коммунистической колхозно-лагерной казармы, и в условиях казармы капиталистической, и в условиях тотального социального контроля и надзора «большого брата» в современности постиндустриальной. Но такую дистанцию равно от коммунизма и от капитализма, преодоление внеполитического рабства и тоталитарности индустриализма западная мысль смогла позволить себе значительно позже — и уж точно не внутри борьбы против коммунизма, а после погашения своих партийно-служебных обязательств. Сотрудник Управления военной информации США с 1940 года, сотрудник Управления стратегических служб (будущего ЦРУ) США с 1943, сотрудник Государственного департамента США в 1945–1952 гг., немецкий эмигрант и мыслитель Герберт Маркузе (1898–1979) лишь годы позже позволил себе такую же внепартийную теорию тоталитаризма:

> «Сам способ организации технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо «тоталитарное» здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счёт манипуляции потребностями посредством имущественных прав. (...) Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с «плюрализмом» партий, прессы, «соперничающих сил» и т.п. В настоящее время политическая власть утверждает себя через власть над процессом машинного производства и над технической

> организацией аппарата. Правительство развитого и развивающегося индустриального общества может удерживать свое положение только путём мобилизации, организации и эксплуатации технической, научной и механической продуктивности, которой располагает индустриальная цивилизация. Эта продуктивность мобилизует общество как целое поверх и помимо каких бы то ни было частных индивидуальных и групповых интересов. (...)
> В обществе тотальной мобилизации, формирование которого происходит в наиболее развитых странах индустриальной цивилизации, можно видеть, как слияние черт Государства Благосостояния и Государства Войны приводит к появлению некоего продуктивного гибрида... Основные тенденции такого общества уже известны: концентрация национальной экономики вокруг потребностей крупных корпораций при роли правительства как стимулирующей, поддерживающей, а иногда даже контролирующей силы; включение этой экономики в мировую систему военных альянсов, денежных соглашений, технической взаимопомощи и проектов развития... вторжение общественного мнения в частное домашнее хозяйство; открытие дверей спальни перед средствами массовой коммуникации»[46].

В отличие от такого, критического, систематического направления анализа, — марксистский оппозиционный, анализ того экономического и политического режима, который установили в России большевики, не обладал достаточной гибкостью, и сквозь политический и пропагандистский шум с трудом пробивались лишь немногие формулы, претендовавшие раскрыть, говоря словами его радикального врага П. Б. Струве, «итоги и смысл (советского) коммунизма». В центре анализа, конечно, стояла военная и политическая диктатура, но далее начинались терми-

[46] *Герберт М ркузе.* Одномерный человек [1964] / Пер. А. А. Юдина. М., 2009. С. 19, 20, 40–41.

[Содержание]

нологические сомнения. Доктринально мотивированный всей марксистской традицией и исторически вдохновлённый актуальной англо-германской практикой «военного (государственного) социализма» периода Первой мировой войны, советский «военный коммунизм» 1918–1921 гг., то есть созданный Лениным режим прямой военной эксплуатации лично свободного земельного собственника, полностью совпавший со временем Гражданской войны в России, в целом так и не успел вдохновить исследователей на создание его интегрального описания. Все дальнейшие попытки критически описать советскую довоенную политику и экономику исходили из невоенной реальности, в центре которой стояла проблема отношения Советской власти к массовому крестьянскому мелкотоварному производству и мелкой крестьянской собственности на землю. Реализованная начиная с 1921 года ленинская же «новая экономическая политика» дала максимально возможный в советских условиях простор для доминирующего негосударственного мелкого и среднего товарного производства и сферы услуг, а крупное производство организовала в государственные тресты, — и получила в устах социалистических критиков СССР устойчивое обозначение *госуд рственного к пит лизм* . А начатая в 1927 году и завершённая к началу 1930-х гг. сталинская принудительная, ускоренная, подобная социальной революции, коллективизация сельского хозяйства уничтожила товарное доминирование мелкого крестьянского хозяйства, отведя частной товарной экономике вторичную роль участника «колхозного рынка», и таким образом пронизала всю экономическую жизнь СССР вертикально интегрированными ведомствами государственного хозяйства — такую систему критики СССР назвали менее устойчивой формулой-аналогией *советского ф шизм* , то есть корпоративистского государства, которая так и не смогла вытеснить и даже победить расхожую формулу советского государственного (бюрократического) капитализма.

[Содержание]

Видимо, именно русский правовед и социолог, а затем, наряду с П. А. Сорокиным, основатель американской социологии Н. С. Тимашев (1886–1970), проведя конституционалистский анализ и отыскивая механизм централизации советских национальных республик, нашёл такой в коммунистической партии. Он писал: «Власть, по идее базирующаяся на представительстве «трудящихся»,.. по существу находится в полном подчинении у своеобразной социальной организации, именуемой коммунистической партиею». Он же определил советские органы и партийные органы как «две ветви власти»[47], не смея наделить партию образом диктатуры. Но мысль была подана, немецкий читатель стал одной из первых её аудиторий — и штамп «диктатуры пролетариата», пропущенный через троцкистскую критику «аппаратного диктата» над пролетариатом, начал превращаться в «диктатуру партии». И это именно тогда, когда после ноябрьской демонстрации троцкистов в 1927 году их внутрипартийное существование сделалось невозможным, а сама партия в считанные годы превратилась в ведомство, соревнующееся за влияние с ОГПУ, рядом экономических вертикалей, армией — и затем капитулировавшее перед НКВД.

Известный критик сталинского СССР, социал-демократ, успешный университетский историк, советский невозвращенец 1925 года Г. П. Федотов (1886–1951) уже в середине 1930-х уверенно описывал режим Сталина (возводя его начало и авторство к Ленину, вернее — на деле — лишь к идеям Ленина о механизме *вожди — п ртия — кл сс — м ссы*[48]) как функционально и принципиально близкий режи-

[47] *Н. С. Тим шев*. Проблема национального права в Советской России // Современные Записки. Кн. XXIX. Париж, 1926. С. 394–395. Тимашев ссылается на постановку этой проблемы в своём немецком труде: *N. Timascheff*. Grundzuge des sowjetrussischen Staatsrechts. Mannheim-Berlin-Leipzig, 1925. Об этом см.: *А. В. Урядов* . Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции. Ярославль, 2011. С. 193–196.

[48] В книге В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920).

мам Муссолини и Гитлера, определённо расставляя *именно п ртийные соци листические* акценты — и ясно преодолевая их — и *чрезмерные для нтисоветской проп г нды р зличия* в описании того, что в теории их объединяло, и глубоко выявляя то, что затем станет на многие десятилетия предметом каждый раз всё новых социологических вдохновений о социальной природе коммунистической власти и др.:

> «Долгое время демократия брала за одни скобки фашизм и коммунизм на основании лишь формально-политического сходства. Тоталитарное государство, упразднившее всякую личную свободу, управляемое единой партией под властью неограниченного вождя. Сходство действительно разительное, которое объясняется не социологическим параллелизмом, а сознательным изобретением и подражанием. Изобретателем был Ленин, а Муссолини и Гитлер заимствовали у него политическую систему: абсолютизм, партия, вождь. Но, конечно, в эту политическую систему они вложили совершенное иное идеологическое и социальное содержание. Вместо диктатуры пролетариата — власть надклассового государства, опирающегося главным образом на средние слои; вместо интернационала — религия нации. За всем тем у врагов оставалось общим антикапиталистическое острие, но сильно смягчённое в фашизме. Экономический этатизм роднит фашистский строй с социализмом в такой мере, что партия Гитлера называется рабочей и социалистической. Буржуазия видит в фашизме своего спасителя; она выбирает его, как меньшее зло. (...)
> За последние годы социальное и идеологическое содержание сталинской диктатуры совершенно переродилось. Государство перестало быть классовым и перестало быть марксистским... Этому соответствует в идеологии борьба с марксизмом и постепенная замена его элементами национальной культуры... Национальное сознание в очень острой и повышенной форме — национальной гордости и даже тщеславия — сменило прежний интернационализм. Спра-

> шивается — что же отделяет теперь строй и миросозерцание СССР от фашистских держав? Прав ли А. Ф. Керенский, назвавший сталинскую Россию страной фашизма? И да, и нет. Скорее, да. Как страна националистического социализма, СССР бесспорно стоит в ряду фашистских государств Европы. (...)
> Политически Россия переросла уже стадию фашизма. Из трёх политических элементов фашизма — вождь, партия, народ — вождь уничтожил партию, как носительницу самостоятельной идеологии, и не нуждается более в подогревании народного энтузиазма, в длении революционной лихорадки»[49].

Дидактически подробно, хрестоматийно разобрав на двух страницах своей политической статьи многие будущие глубокомысленные глубины теорий тоталитаризма, Г. П. Федотов же вскоре начал ревизовать его особый доктринальный потенциал, возвращая *слово-теорию* к его общекультурному и общеисторическому смыслу. Уже в 1940 году Федотов, к счастью для его интеллектуальной совести, обнаруживает, что советский тоталитаризм вовсе не был создан Лениным как проект строительства нации и даже позже — вовсе не возникает по мере сталинской «национализации». Он замечает, что — в отличие от фашизма в Италии и Германии — «в России тоталитарный строй коммунизма вырос не на идее нации. Как раз наоборот, он питался ненавистью к Российскому государству и его национальным традициям»[50]. И это значит, добавлю, что возможен и реален антинациональный и антигосударственный тоталитаризм, как бы ни рядился в одежды борца с тоталитаризмом глобалистский коммунизм Троцкого. И тогда же, в другом месте, Федотов находит в современно-

[49] *Г. П. Федотов*. СССР и фашизм [1936] // Г. П. Федотов. Собрание сочинений в 12 т. Т. 7 / Сост. С. С. Бычков. М., 2014. С. 59–60.

[50] *Г. П. Федотов*. Опоздавшие [1940] // Там же. С. 327.

сти не только троцкистские, то есть интернационалистские внушения тоталитаризма[51], окончательно возвращая порождающий его пафос в пространство категорий тотальности, равно присущих и интернационализму, и суверенному патриотизму, и — horribile dictu! — либерализму:

> «Коммунизм сгинет вместе со своими идеологическими катехизисами. Но Московия останется. Останется тоталитарное государство, крепкое не только полицейской силой, но и тысячелетними инстинктами рабства. Разбить его может лишь новый — столь же тоталитарный, то есть религиозный — идеал свободы, который некогда разложил и старую Московию»[52].

Повторяя вслед за политической публицистикой штампы о некой реальной тоталитарности фашистской Италии Муссолини — только лишь, видимо, потому, что она была союзницей гитлеровской Германии, и потому, что именно в Италии 1920-х родилась мысль словесно управлять *тот льностью* и операционализировать такое управление в *тот лит рности*, никто так на деле и не смог показать и доказать, в чём состоял технический механизм *тот льного, тот лит рного* политического, социального, экономического контроля в фашистской Италии, чей государственно-монополитический капитализм того времени в известных теориях назывался даже не «дирижистским» (как во Франции), а всего-навсего «ассистенциальным», то есть предметом не управления и контроля, а лишь при-

[51] Исследователь Троцкого резюмирует: «Троцкий использовал термин «тоталитаризм» применительно к сталинскому режиму в СССР и гитлеровскому в Германии. Он не вкладывал какой-либо научно-социологический смысл в этот термин, который был для него лишь хлёстским определением жестокого, диктаторского, репрессивного режима, а не научной категорией» (*Георгий Чернявский*. Лев Троцкий. М., 2012. С. 566, прим. 3).

[52] *Г. П. Федотов*. Федерация и Россия [1940] // Там же. 317.

[Содержание]

нудительного соучастия, подобного криминальному принуждению к разделу прибыли от всего, что приносит доход. Не смог потому — что он был в Италии невозможен и просто отсутствовал в этой стране, риторически причисленной к «тоталитарным». Не смог и потому, что, примись такой исследователь перечислять подобные фашистской Италии современные ей диктатуры в крестьянских странах *только* Европы, как в ряду их оказались бы Португалия, Испания, Болгария, Венгрия, Румыния, Польша, Литва, Латвия, Эстония — и бич «тоталитаризма» утратил бы свою избирательную управляемость.

Выдающийся по идейной и описательно-схематической силе труд Н. А. Бердяева (1874–1948) «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), написанный почти одновременно с финальной версией сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938), но увидевший свет сначала на английском и немецком языках, а на русском увидевший свет лишь в 1955, стал поэтому — хоть и русским по сути, но — адресованным именно западному читателю внутрироссийским идейным «завещанием» о коммунизме и сталинизме, чьё доктринальное влияние следует признать главным и центральным для западной советологии, для которой Бердяев, вряд ли сам того желая, написал не очень сложный интеллектуальный букварь, памфлет, а не историю, в котором только русские глаз и опыт могли различить следы подлинных исторических фактов, а не агитационных комиксов по истории России. Здесь же важно уточнить, что анализ текста Бердяева позволяет сфокусировать период наиболее интенсивной работы автора над текстом, исследуя принятые в нём реалии: например, Бердяев, всегда очень внимательный к именам институций, решительно именует ведомство внутренней полиции в СССР «ГПУ» (ОГПУ в 1923–1934 гг.)[53], а не поглотивший его НКВД, став-

[53] *Н. А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма [1937] // Н. А. Бердяев. Избранные труды / Сост. Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов. М.,

ший инструментом массового террора, то есть формулирует свои главные описания режима не позже 1934 года, фактически игнорируя фундаментальный смысл Большого террора 1937–1938, который собственно и придал, помимо войны, всю присущую СССР меру тотальности.

Формально адресованный западному читателю, труд «Истоки и смысл русского коммунизма» повторял историческую внутреннюю полемику в России, дидактически и схематично представленную как спор западников и славянофилов, и предупреждал, что для понимания русского коммунизма «знание [интернационального] марксизма не поможет»[54], то есть прямо ограничивал фундамент истории СССР сугубо национальной традицией, произвольно и риторически проводя прямую связь между мифом Третьего Рима и реальностью Третьего Интернационала[55] (как

2010. С. 358, 361, 392. Кроме того, Бердяев здесь указывает на свои статьи 1931–1932 гг. как на актуальные и особо ценные книги о русском коммунизме, принадлежащие к тому же и ещё более раннему времени (даю их исправленные и полные описания): René Fülöp Miller. Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich, 1926; Waldemar Gurian. Bolshevism: Theory and Practice. New York, 1932; Curzio Malaparte. Le bonhomme Lenine. Paris, 1932; Fedor Stepun. Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Berlin / Leipzig, 1934 (С. 333). Точно так же изданная Бердяевым в 1946 году книга «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века», судя по тексту, также написана не только задолго до войны, но и до Большого террора и, например, обсуждает как позитивную новость СССР сталинскую конституцию 1936 года (*Н. А. Бердяев*. Избранные труды. С. 609).

54 *Н. А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 241.

55 Там же. С. 359. Можно было бы иронически добавить, что по такой логике в ряду Третий Рим — Третий Интернационал не хватает только гитлеровского Третьего Рейха или Третьей республики во Франции... Но эту комичную логику (и отнюдь не иронично) продлил сам Бердяев: «...государство рассматривается как церковь... так было в средневековой христианской теократии, так и в советской, коммунистической теократии, так и в Гитлеровском третьем царстве, так и во всяком государстве, претендующем на тоталитарность» (С. 381).

якобы сугубо национального проекта России, а не инструмента мировой революции). Интересно, что эта замкнутость на национальном опыте и подчинение ему выводов интернационального свойства,[56] которыми Бердяев решил поделиться с западными читателями, непосредственно сослужила особую службу доктрине «тоталитаризма», последствия которой западным демократиям пришлось исправлять специально, чтобы сделать из этой доктрины оперативный агитационный инструмент. В 1937 (!) году, перед реальностью Гитлера, Муссолини и Сталина, уже широко «породнённых» антикоммунистической критикой, Бердяев писал для английских и немецких читателей, а после войны новые издания тиражировали его утверждение о том, что:

> «Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре миросозерцания, на ортодоксальной доктрине, обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это, к сожалению, вполне согласно со старыми традициями русской государственности».[57]

Здесь Бердяев явно разрушает, сужает особый терминологический смысл *тот лит рности* как особой разновидности государственного режима, **ясно уподобляя тот лит рность *только* целостному миросозерц нию и идеокр тии[58].**

[56] На этой универсальности Бердяев настаивает, несмотря на всё обнаружение и утверждение его исторически национального характера: «Русская революция универсалистична по своим принципам, как и всякая большая революция...» (*Н. А. Бердяев.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 333).

[57] *Н. А. Бердяев.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 358.

[58] Вот его формулировки: «предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания», «целостное,

В этом поним нии Бердяев отр ж л терминологию той тр диции русской мысли первой трети XX век в эмигр ции, что в *тот лит рности* более всего видела претензии и последствия *тот льности*[59], а укоренённую в немецкую интеллектуальную культуру *тот льность* понимала как надпартийную цельность и целостность. В этом понимании он, не скрывая того, следовал и за советским и венгерским марксистом Д. Лукачем (1885–1971), который уже с ранних 1920-х гг. толковал подлинный коммунизм и подлинную революционность как *целостность и тот льность*[60]. В **янв ре 1921 год** Д. Лукач, анализируя наследие Розы Люксембург, задал очень высокую планку, которую, очевидно, в СССР, где он вскоре поселился на 1929–1945 годы, её никто идейно не поднял и не достиг, а в русской мысли в целом заслуженно высоко оценил Бердяев, в 1937 году, когда сам начал размышлять о тотальности коммунизма (а в начале 1920-х, в России и в эмиграции, этого масштаба не видел). Лукач писал о тотальном горизонте революции и коммунизма из Вены:

> «Не господство экономических мотивов в объяснении истории решающим образом отличает марксизм от буржуазной

тоталитарное миросозерцание», «тоталитарная, целостная революционность», по Ленину (видимо, в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», «партия... должна готовить диктатуру над всей полнотой жизни», «нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание», «коммунистическое государство есть диктатура миросозерцания», «коммунистический строй есть крайний этатизм, в нём государство тоталитарно, абсолютно, он требует принудительного единства мысли» (*Н. А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 334, 336–339, 371).

[59] См., например: *В. В. Зеньковский*. Тоталитарная идея и проблема воспитания // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодёжью. № 1 (13), 2 (14). Париж, 1937. Общий контекст этой традиции прекрасно представлен в важном указателе: *А. А. Ермичёв*. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). СПб., 2012.

[60] *А. Н. Дмитриев*. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб.; М., 2004. С. 175–177, 218.

[Содержание]

> науки, а точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями есть сущность того метода, который воспринял Маркс от Гегеля... Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке. (...)
> Тотальность предмета может быть положена лишь тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью. Когда полагающий субъект, чтобы мыслить себя самого, вынужден мыслить предмет как тотальность. Эту точку зрения тотальности как субъекта в современном обществе представляют единственно и только *кл ссы*»[61].

Об этом же в те годы писал и молодой немецкий марксист Г. Маркузе из Фрайбурга:

> «Фактическая ситуация капитализма характеризуется не только экономическим и политическим кризисом, но и катастрофой, затрагивающей человеческую сущность; поэтому любые сугубо экономические или политические *реформы* изначально обречены на неудачу. Только посредством *тот льной революции* можно преодолеть рамки актуальной ситуации»[62].

---

[61] *Георг Лук ч.* Роза Люксембург как марксист [1921] // Георг Лукач. Ленин и классовая борьба. Сб. / Сост. и пер. с немецкого С. Н. Земляного. М., 2008. С. 171–173.

[62] *Герберт М ркузе.* Основания исторического материализма [1932] // Г. Маркузе. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Сост. Э. Финберг и У. Лейсс / Пер. с англ. А. А. Юдина. М., 2011. С. 185. Не случайно, что альтернативная марксистской тотальности «антитоталитарная» «цель, которую поставил перед собой Мизес, состояла в том, чтобы показать, что центральным элементом социализма была теория спасения человечества и искупления его грехов, включавшая и моральные, и материальные аспекты» (*Р ймондо Кубедду.* Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 187).

Это общее для австро-германских марксистов и Бердяева понимание тотальности очень хорошо звучит и в письме правого мыслителя И. А. Ильина к другому правому деятелю эмиграции П. Б. Струве от 21 октября 1925 года, в котором он призывает его отказаться от партийности в деле объединения эмиграции:

> «С момента «партии» Вы стали *ч стью*. Вы *конкурируете*. Вы в состязательном состоянии. Вы не Totalitat. А я твёрдо убеждён, что надо *В м* стать *тот льностью*»[63].

Поклонник итальянского фашизма и лично Муссолини в 1920-х и позже, поклонник гитлеровского нацизма в течение 1930-х, И. А. Ильин (1883–1954) видел в них альтернативу равно капитализму и социализму (как продолжению капитализма), а главное преступление большевизма находил именно не в его тотальных претензиях, а именно в его *п ртийности*, то есть фактически размывал столь популярное в социалистических кругах обвинение большевиков в установлении партийной *монополии*. Он писал:

> «Большевистская власть есть *п ртийн я*, не только потому, что правит *одн* партия, но ещё и потому, что эта партия правит в свою *пользу*»[64].

В подготовленной под его руководством по заказу германских государственных ведомств научно-пропагандистской немецкой энциклопедии советской жизни «Мир перед пропастью» (1931) сам Ильин выступил одним из первых, кто декларировал и развил идею о партийной диктатуре в СССР

---

[63] *И. А. Ильин*. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 1999. С. 145–146.

[64] *И. А. Ильин*. Яд большевизма [1931] // И. А. Ильин. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2001. С. 369.

как главную институциональную характеристику советского коммунизма[65], но при детализации её так и не смог преодолеть фактических её противоречий, сам опровергая себя и законно указывая на хаос в практическом партийном и государственном управлении СССР,[66] что плохо согласовывалось со стройной схемой инфернального партии-ордена, проникающего общество единой централизованной волей. Теория «партийной диктатуры» и чиновников как господствующего класса оставалась голым публицистическим клише, которое разрушалось при минимальном описании внутренней бюрократической борьбы в СССР — и цепочка монополии *п ртия — госуд рство — хозяйство* становилась не более чем угрозой, а не реальностью. Реальностью была *олиг рхическ я дикт тур , быстро ст новящ яся личной*. Но таковая, во-первых, совершенно не нуждалась в партийной бюрократии *к к субъекте монопольного господств* и, во-вторых, — очевидно не была способной реализовать тот тотальный контроль над всеми сферами жизни, который вменяли ей её критики. О тотальной «партийной диктатуре» могли говорить только её критики, ангажированные собственной партийной диктатурой.

---

65 «Партия составляет сущность государства», «Коммунистической партии обеспечена безусловная политическая монополия» (*И. А. Ильин*. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Часть I и II / Сост. Ю. Т. Лисицы [пер. с немецкого О. В. Колтыпиной]. М., 2001. С. 23, 31).

66 «Государственный аппарат коммунистов сверхсложен и неуправляем», «в управлении и хозяйстве царит вечная дезорганизация... Советскому государству не удаётся превратить единство диктаторской воли в единую систему учреждений и ведомств» (*И. А. Ильин*. Мир перед пропастью. С. 145, 157). Тогда же, описывая итальянский фашизм, Н. В. Устрялов не может устоять перед искушением приписать правящей партии тотальность, которую, однако, трудно проследить в социальной реальности Италии того времени: «...партия оказывается на деле чем-то множественным, вездесущим, всепроникающим. Она всюду и везде» (*Н. В. Устрялов*. Италия — колыбель фашизма. Сб. М., 2012. С. 209).

В написанной летом 1938 года при участии И. А. Ильина резолюции «Белого съезда» «О «тоталитарном» государстве» предпринимается попытка понять его как партийную монополию, которая опять же осуждается за неспособность преодолеть партийность как таковую, причём партийность Ильин отвергал ещё тогда, когда ей ещё не вменяли тотальность:

> «“Тоталитарное”, т.е. всевластное государство есть явление противохристианское и в России неприменимое. Оно не преодолевает партийности, но доводит её до высшей степени, создавая в стране политическую, религиозную, хозяйственную и культурную монополию одной партии»[67].

Плодовитый Иван Ильин, только что, в 1938 году, бежавший из-под непосредственного надзора нацистов в Германии, столь долго служивших ему предметом почитания, моментально очистил своё сознание от своих недавних фашистских и нацистских симпатий и сосредоточил свой аналитический дар не на самоанализе этих симпатий, а на кратном повторении давно уже произнесённых характеристик сталинского коммунизма, к которым оставалось только применить имя «тоталитаризма». Ильин в первый год Второй мировой войны, пока западные демократии оставались наедине с Гитлером, детализировал именно угрозы, исходящие от коммунизма, и потому позволял думать, что, и выехав из Германии в Швейцарию, почему-то продолжал соблюдать главный замысел Мюнхенского сговора об объединении европейских усилий против СССР. Он писал, посреди мировой войны, сохраняя молча-

[67] *И. А. Ильин.* Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2001. С. 504. Отвержение партийности как своекорыстия и разъединения: *И. А. Ильин.* Яд партийности [1928] // И. А. Ильин. Собрание сочинений: Русский Колокол. Журнал волевой идеи / Сост. Ю. Т. Лисицы. С. 286–289.

ние о Германии и Италии, отводя обвинения от их союзников, о СССР:

> «Коммунистическое государство — принципиально *тот -лит рное госуд рство*. Это означает, что оно не только диктаторски правит, но и старается охватить и овладеть целиком всею жизнью... Авторитарное государство совсем не обязательно должно быть тоталитарным: авторитарное правление существует сейчас, например, в таких государствах, как Венгрия, Латвия, Эстония, Испания и Португалия; но ни одно из них не притязает на то, чтобы стать *тот лит рным*, т. е. взять на себя всё, *регулиров ть всё* и *руководить всем*, включая и мировоззрение. Однако коммунист — последовательный тоталитарист... (...)
> Коммунистический террор — не эксцесс, не случайность и не преходящее явление. Он — принадлежность системы. (...) Коммунизм означает *монополию предост вления р боты*, что неизбежно ведёт к *полной з висимости всех до единого от одного-единственного р ботод теля*»[68].

Весьма компетентный критик коммунизма из круга русской социалистической (но внепартийной) эмиграции Г. П. Федотов тоже из статьи в статью выяснял природу сталинского режима, используя понятие *тот лит рности*.

---

[68] *И. А. Ильин*. Коммунизм и мировой порядок [1940] // И. А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1998. С.1 97–200. Перечень авторитарных стран, призванный намекнуть на то, что в Германии и Италии тоже автократии, но не тоталитаризм, полемически напоминает сцену из написанного тогда же «антитоталитарного» романа А. Кёстлера, где призрак сталинского следователя, ведущего коммуниста к капитуляции и самооговору, указывает ему на карту со словами: «над Восточной Европой первой половины двадцатого века властвовал тоталитарный режим» (*Артур Кёстлер*. Слепящая тьма [1940] / Пер. с англ. А. А. Кистяковского. М., 2010. С. 25), то есть косвенно отводит обвинение в тоталитаризме в адрес СССР на те же Венгрию, Латвию и Эстонию (две последние, впрочем, в 1940 году уже были частично или полностью подчинены СССР и потому по идее «освобождались» бы от обвинений)

Оно открывалось в его в текстах в, так сказать, первозданной *тот льности,* всеобщей мобилизации и универсальности целостных притязаний: «весь ужас коммунистического рабства заключался в его «тоталитарности». Насилие над душой и бытом человека...»[69]; «XIX век с его титаническим, почти стихийным ростом производства, как и культурного накопления, приучил нас поверхностно скользить над проблемою производственных сил. Социализм сводится к проблеме распределения. Понадобилось тоталитарное осуществление социализма в СССР, чтобы вопросы производства встали в порядок дня»[70];

> «Три великих тоталитарных народа находятся не в одинаковых условиях по отношению к культурно-творческим силам... (...) И пусть не ссылаются на примеры Византии, Китая, Египта и других тоталитарных культур древности. Те великие культуры расцвели на органической и глубокой цельности... Строение новой тоталитарности насквозь механично. Здесь направляющие идеи выделываются в партийных комитетах и осуществляются методами полиции. (...) Духовный мир фашизма-нацизма-коммунизма есть прямой ответ на вопрошание гуманистической свободы... Это значит, что фашизм прямо порождён недугом гуманизма. Он хочет быть его исцелением, но на деле является последней, смертельной фазой болезни. Фашизм отвечает на потребность в едином центре жизни. (...) Тоталитарный лагерь, к счастью, не представляет монолитного единства»[71].

Другой — и на этот раз большой, активный, коллективный — претендент на преодоление большевизма в России, евразийство почти во все годы своего существования

[69] *Г. П. Федотов*. Сталинократия [1936] // Г. П. Федотов. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 6 / Сост. С. С. Бычков. М., 2013. С. 290.
[70] *Г. П. Федотов*. Создание элиты [1939] // Там же. С. 405.
[71] *Г. П. Федотов*. Мы и они [1940] // Там же. С. 429, 430, 433, 420.

утверждало идеократию как свой позитивный идеал. Ещё в 1928 году лидер евразийства Н. С. Трубецкой (1890–1938) уподоблял СССР Сталина и Италию Муссолини как попытки идеократии, а в 1934 году один из активистов движения достраивал ряд за счёт гитлеровской Германии и писал о том, как правильная идеократия перехватит инициативу: «после экономического деспотизма капитала наступает эра миросозерцательного деспотизма»[72].

Когда Бердяев сам заводит речь об иных признаках сталинского государства, то мысль его возвращается к обычному для социалистической части русской эмиграции конца 1920-х — началу 1930-х гг. именованию сталинского СССР «фашистским» государством[73], имея в виду прежде всего тот пример постсоциалистической диктатуры, который в 1920-е гг. явила Италия Муссолини и которая вызвала такой неподдельный интерес у правых антикоммунистов в рядах русской эмиграции (П. Б. Струве, И. А. Ильин, А. В. Карташёв, Ю. Ф. Семёнов и др.): «фашизмом» левые дискредитировали Сталина, в «фашизме» правые видели способ его уничтожения. И Бердяев консолидировался в этом именно с левыми, исподволь преодолевая их заворожённость мифом об однопартийной диктатуре:

---

[72] *Конст нтин Чхеидзе*. Проблема идеократии [1934] // Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост. А. Г. Гачевой. М., 2011. С. 371–372; *Конст нтин Чхеидзе*. Идёт ли мир к идеократии и плановому хозяйству? [1934] // Там же. С. 377. См. также труд ещё одного евразийского теоретика: *Н. Н. Алексеев*. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927.

[73] «Ленин — антигуманист, как и антидемократ. В этом он человек новой эпохи, эпохи не только коммунистических, но и фашистских переворотов. Ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделённого диктаторской властью. Этому будут подражать Муссолини и Гитлер. Сталин будет законченным типом вождя-диктатора. Ленинизм не есть, конечно, фашизм, но сталинизм уже очень походит на фашизм» (*Н. А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 343).

[Содержание]

«Коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии, без которого власть может пасть. (...) Сталинизм, т. е. коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и как базис, — милитаризованная молодёжь. Ленин не был ещё диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном, фашистском смысле».[74]

Развивая свои наблюдения и формулировки ещё середины 1920-х готов, по умолчанию переписывая для американских издателей свои критические пассажи против марксизма и коммунизма 1944–1945 гг., опубликованные (под псевдонимами) в органах гитлеровской пропаганды, в 1953 г. Б. П. Вышеславцев подвёл «под венцы» свои наблюдения об одновременном изживании и саморазрушении капитализма и социализма как продуктов индустриализма и тоталитарности как неизбежного следствия этого индустриализма. Уверенной рукой сводя в современности наследие и практику русских философов права В. С. Соловьёва (1853–1900), П. И. Новгородцева и Г. Д. Гурвича (1894–1965)[75], он писал в специальном разделе своего главного социально-философ-

[74] *Н. А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 362. Осознание факта уничтожения ВКП (б) как одного из органов диктатуры и создания личной диктатуры Сталина отнюдь не было редким в русской эмиграции. См., например: *Л. Торопецкий*. От диктатуры партии к единодержавию // Русские Записки. Кн. XVII. Париж, 1939.

[75] Специально об используемой Вышеславцевым антитехнократической теории «этатистского тоталитаризма» Г. Д. Гурвича см.: *М. В. Антонов*.

ского и социологического труда, вершинного для русской мысли XX века исследования общеевропейского Модерна, «Кризис индустриальной культуры» — «Угроза тоталитарной технократии», исподволь помещая хрестоматийный «тоталитарный» пример СССР, нацистской Германии и фашистской Италии в доминирующий контекст общей для них и для «демократий» индустриальной эпохи:

> «Самые убеждённые друзья хозяйственной демократии, если они являются не демагогами, а серьёзными социологами и социальными философами, принуждены исходить из факта существования технократической тенденции индустриализма. (...) Угроза состоит в соединении политической и экономической власти в руках единой олигархии. Такое соединение необходимо принимает форму тоталитарного государственного хозяйства в тоталитарном государстве. Для Прудона оно было далекой угрозой, но для нас оно есть «реальный факт». Тоталитарная *технокр тия* стоит перед нами в форме авторитарного социализма или «коммунизма», т.е. именно так. как предвидел Прудон. В индустриальную эпоху тоталитарная власть невозможна без захвата индустриального техно-бюрократического аппарата, он именно и даёт экономическую власть, а в сущности и политическую власть. (...) Когда два других тоталитарных государства были разбиты и отпали, оставшееся (их старший брат) бесконечно усилилось. Его индустриальный технократический аппарат владеет огромной захваченной территорией и подчиняет себе огромную массу населения. Угроза мировой коммунистической тоталитарной технократии как раз и есть та угроза, которая “поставлена реальными фактами”....»[76]

Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М., 2013. С. 205.

[76] *Б. П. Вышесл вцев*. Кризис индустриальной культуры [1953] // Б. П. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения / Сост. В. В. Сапов. М., 2006. С. 557–558.

Именно в советской, преимущественно промышленной технократии, якобы всесильной, видит Вышеславцев главного носителя тоталитарных претензий, но характеризует его так, что его собственно коммунистическая идеология и угроза явственно отходит на второй план перед логикой интернационального и всеобщего индустриального уклада: «**пр вящий кл сс** всякого индустриального государства. Он становится технократией, если захватывает в свои руки «орудия производства» и политическую власть»[77].

Именно эта **тот лит рн я технокр тическ я олиг рхия и технокр тическ я дикт тур** , этот социально-экономический эсхатологизм Вышеславцева, как представляется, и ныне, и до сих пор не имеющий внятной не-эсхатологической альтернативы, критически поражает *всякий* политический и экономический режим внутри индустриализма. И не даёт политическому заказчику «холодной войны» и доктрины тоталитаризма превратить мысль Вышеславцева в полное подспорье антисоветской агитации. Он пишет:

> «Совершенно неважно, захватят ли техники и бюрократы политический аппарат, — или захватят политики технобюрократический аппарат: в том и другом случае на вершине окажется пункт совпадения политической и техно-экономической власти. Его можно наглядно созерцать во всяком тоталитарном государстве в лице «вождя», возглавляющего неизбежное «политбюро» или какую иную олигархию. Люди, жаждущие власти, существовали всегда, но технократия существовала не всегда: она есть имманентное зло индустриализма. Борьба с технократией есть борьба с *тот лит рной индустри лиз цией*, и она возможна не иначе, как при помощи *демокр тиз ции*, т . е. борьбы за свободу, за автономию личности, за народный суверенитет. (...) Завершённая технократия есть тоталитарная индустриа-

[77] *Б. П. Вышесл вцев*. Кризис индустриальной культуры. С. 558, прим.

лизация, тоталитарное государственное хозяйство в тоталитарном государстве. Имманентное зло индустриализма здесь достигает своего предельного развития и вытесняет все, что было доброго и ценного в христианской культуре: либеральное правовое государство, свободу личности, свободу духа, этику любви, эстетическое созерцание, религиозную жизнь. Получается нечто невиданное в истории, нечто новое, изумительное и устрашающее. Уже индустриальная революция была новым и неожиданным явлением. (...) Тоталитарное государство несколько раз существовало в истории; тирании и свержение тираний хорошо известны человечеству, но *тот лит рн я технокр тия*, с её техникой власти и властью техники, не существовала ещё никогда. И освободиться от её тирании, свергнуть её нелегко. Не совсем даже ясно, что может означать такое освобождение: разбить индустриальный аппарат нецелесообразно и невозможно: передать его в другие руки не значит от него освободиться»[78].

Итак, Вышеславцев в своём описании тоталитаризма был слишком критичен по отношению к капитализму и не дал американской антикоммунистической пропаганде, в которой он в последние годы жизни посильно участвовал по идейным и материальным соображениям, достаточной партийности, то есть тех публицистических знаков, к которым борющийся против сталинского СССР идейный Запад уже приучили русские социалисты в эмиграции, составившие интеллектуальное ядро тех властных структур, например, в США, что изучали и описывали СССР, чтобы идейно мобилизовать и централизовать его активных противников по всему миру.

С окончанием войны вновь ожил с критикой тоталитаризма и Иван Ильин. Под псевдонимом и в роли «мы, за-

[78] *Б. П. Вышесл вцев*. Кризис индустриальной культуры. С. 560, 562–564.

падные европейцы»[79] в швейцарской газете «Anzeiger aus dem Bezirk Affoltern» он уточнял набор признаков «тоталитарного государства»: система террора, хозяйственная монополия государства, «монополия диктаторской партии» на эксплуатацию («Государство есть крупный капиталистический монополист, партия же — класс эксплуататоров»), «коммунистическое государство — классически совершенный пример *тот лит рного* государства»[80]. Невольно воспроизводя марксистские споры 1920–1930-х о капиталистическом характере СССР, Ильин наткнулся на уязвимое звено в идее «партийной монополии» как центре «тоталитаризма»: если партия — это правящий класс, то она, следовательно, эксплуататор, если она эксплуататор в капиталистической системе, то тоталитаризм в СССР основан на капитализме и поэтому капиталистические западные демократии единоприродны СССР. Ещё более уязвимым оказалось послевоенное отделение «левого тоталитаризма» СССР от «правых» в Германии и Италии, которое после войны начал воспроизводить Ильин, отдавая дань своим предвоенным симпатиям: приветствуя фашизм за антикоммунизм, он даже готов был признать его *нетот лит рность* («фашизм мог и не создавать тоталитарного строя: он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы... искоренить боль-

[79] *И. А. Ильин.* Правда о коммунизме [1947] // И. А. Ильин. Собрание сочинений: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2006. С. 177.

[80] *И. А. Ильин.* Государственный капитализм и демократия [1945] // И. А. Ильин. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2004. С. 176; *И. А. Ильин.* Почему мы отвергаем тоталитарное государство [1945] // Там же. С. 330; *И. А. Ильин.* Загадка тоталитарного государства [1946] // И. А. Ильин. Собрание сочинений : Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2006. С.134–135; *И. А. Ильин.* Правда о коммунизме [1947] // Там же. С. 177.

шевизм и коммунизм...»)[81]. Постулируя, что «тоталитарное государство есть всеобъемлющее государство... политический строй,... включивший всю деятельность [граждан] в объём своего управления и принудительного регулирования», основанное на «единой исключительной партии», «монополии работодательства», сыске и терроре, Ильин неожиданно повторяет радикальные суждения Мизеса и Хайека, видимо руководствуясь пафосом либертарианской мировой диктатуры[82] и утверждая, что именно революционная демократия готовила весь XIX век «*предельное р сширение госуд рственно- дминистр тивного объём* » и потому в середине XX века «социал-демократы всех стран являются по их основному замыслу и плану третьей по счёту *тот лит рной п ртией мир* (после коммунистов и наци-фашистов)». И далее:

> «...демократическое государство может выдвинуть и тоталитарно-настроенное большинство (напр., в Англии, в Швеции), которое и начнёт вводить тоталитарно-социалистический режим по всем правилам... (...) Итак, демократический строй нисколько не обеспечивает народы от тоталитарного режима. Постепенное введение социализма будет означать переход к диктатуре социалистического большинства... Тоталитарную природу социализма начали ныне понимать и среди самих социалистов»[83].

---

[81] *И. А. Ильин.* О фашизме [1949] // И. А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 2. Кн.1 / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 1993. С. 86–87.

[82] Их исторический адвокат признаётся, что этот их пафос — пафос «третьей силы» между рынком и государством — «гигантской корпорации, определяющей общественную жизнь» (*Колин Кр уч.* Странная не-смерть неолиберализма [2011] / Пер. с английского Д. Кралечкина. М., 2012. С. 13).

[83] *И. А. Ильин.* О тоталитарном режиме [1949] // И. А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 2. Кн. 1 / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 1993. С. 111–112; *И. А. Ильин.* От демократии к тоталитаризму [1949] // Там же. С. 116–117.

И вновь, даже при признании столь важной для марксистов «партийной монополии», радикальное отрицание социализма заставляло теоретика «тоталитаризма» отрицать социал-либеральный капитализм и утверждать олигархическую диктатуру. Ясно, что такой «тоталитаризм» правой русской эмиграции западной «холодной войне» против СССР был неудобен.

Но столь же неудобен был для этой цели и взгляд на СССР классической внепартийной левой русской эмиграции. Легко предположить, почему, например, Бердяев не был признан ни тогда, ни позже одним из создателей доктрины «тоталитаризма», несмотря на то, что его труды о русском коммунизме стали (особенно для западной советологии) очевидной классической навигацией по идейной тематике СССР: после войны, когда русском языке появились упомянутые «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея», они не только не прозвучали в унисон усилиям по предметному формулированию «азбуки тоталитаризма», но и оказались неудобными для пропагандистского использования в силу известных советских симпатий Бердяева того времени. Именно тогда Бердяев писал нечто несовместимое, антикапиталистическое, скандально указывая противостоящим сталинскому коммунизму на совершённую западной антикоммунистической демократией Хиросиму, антикоммунизм прямо называя «фашизмом»:

> «Ещё, может быть, не настало время исследовать причины мировой войны, закончившейся потрясающим открытием атомной бомбы... Война кончилась, но нет настоящей радости, нет даже по-настоящему чувства, что она кончилась. (...)
> Человеческое общество и цивилизация всё ещё покоятся на старых началах. И если советская Россия основывает себя на новых началах, то это можно сказать исключительно о её социальном строе, а не о её духовном строе. (...) Мир не знает никакого духовного единства и склонен отрицать

общечеловеческую мораль. К единству хотят прийти через усиление раздора. Капиталистическая система, которая всё ещё господствует в мире, есть раздор и война людей и народов… (…)

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что миру предстоит радикальное социальное переустройство. Это может происходить разными путями. Должно желать, чтобы социальная революция в мире происходила наименее насильническим и кровавым путем. Это будет зависеть от степени сопротивления сил, господствовавших доныне в мире. Но ещё более будет зависеть от той роли, которую будут играть положительные духовные силы мира…

Нужен не страх коммунизма и не антикоммунистический фронт, который неотвратимо превращается во фронт фашистский, а христианизация и спиритуализация коммунизма, при признании в нём положительной социальной правды… И нужно потерять совесть, чтобы считать более соответствующим христианству капитализм. Мир идет к социализму в той или иной форме»[84].

3. Русская партийная программа для доктрины «тоталитаризма»

Политическая мысль и политика США, несомненно, искали, выбирали русского соавтора австрийской теории тоталитаризма политических и еврейских беженцев из Европы (Арендт, Хайек, фон Мизес, Адорно, Хоркхаймер, Фридрих, Мангейм, Шумпетер) и склоняются к «Социалистическому Вестнику»: именно их социал-демократические претензии фокусируют внимание на однопартийной партийной диктатуре, закрывая глаза на собственные раз-

[84] *Никол й Бердяев*. Социальный переворот и духовное пробуждение // Русский Сборник. Кн. I. Париж, 1946. С. 187–190.

облачения перерождения партии в механизм административной вертикали. Это синтез и производят упомянутый Фридрих и его ученик Бжезинский в середине 1950-х годов, оставляя за его бортом сильную русскую традицию концептуализации тоталитаризма, представленную не только именами Бердяева, Тимашева, Ивана Ильина, более всего — Вышеславцева, но и трудами уже ставшего американцем русского Питирима Сорокина.

Главными авторами идеи о партийной монополии большевиков как фундаментальной характеристики режима в СССР, в 1956 году названного «тоталитарной диктатурой», были русские меньшевики, социалисты-революционеры, конституционные демократы и большевики троцкистской ориентации, претендовавшие на власть в конце 1910-х гг. и на участие во власти в 1920-х, но лишённые такой перспективы большевиками. Именно, прежде всего, русские меньшевики из Заграничной делегации РСДРП (м) и его органа — журнала «Социалистический Вестник» — стали главными экспертами по текущей политике и экономике СССР, используя свои особые источники в стране[85]. Затем им конкуренцию составил троцкистский «Бюллетень оппозиции», но уже в 1944 году и далее, когда формировался разведывательно-аналитический предшественник ЦРУ США, перед которым была поставлена задача описания актуальной и будущей послевоенной действительности СССР, практики, а затем и пропагандистского сопровождения акций «холодной войны», изначальная монополия в американской советологии и, значит, в её западных об-

[85] О влиянии «Социалистического Вестника» в СССР см. специально: *Н. В. В лентинов*. Доктрина правого коммунизма // Н. В. Валентинов. Наследники Ленина [1958–1959] / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. См. также современные переводы на русский язык классических американских исследований, принадлежащих перу авторов меньшевистского круга: *А. Эрлих*. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010; *Н. Ясный*. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

разцах перешла в руки экспертов из круга меньшевиков и их последователей, изредка разбавляемых троцкистами.

Но они, интенсивно используя в 1920–1930-е годы понятие **тот льный, тот лит рный**, наряду с европейскими политиками и (прежде всего, левыми) критиками большевиков из среды русской эмиграции, где, несомненно, интеллектуально лидировали Г. П. Федотов, Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, Б. П. Вышеславцев, а интенсивно присутствовал правый поклонник фашизма и нацизма И. А. Ильин[86], применяли его к описанию общественной реальности не как некое терминологическое изобретение, а лишь в рамках давней и плодотворной философской традиции, толкующий понятие **total** (цельный, всеобщий, целостный и под.), хорошо понятное в рамках христианского, просвещенческого, модерного контекстов, в том числе — в рамках специальной русской традиции исследования «вселенского» и т.д., не говоря уже о наследии вагнеровского «всеобщего искусства» (Gesamtkunstwerk).

Примечательно, что именно США предоставили активно действующее убежище и выше названным либертарианцам, и кругу «Социалистического Вестника» (1922–1965), в 1940-е гг. ставшего существенным интеллектуальным кадровым резервом для формирования экспертного состава Управления стратегических служб (УСС) США, выросшего в ЦРУ[87], и западной советологии. Именно эти два направления мысли в годы «холодной войны» были цен-

[86] Примечательно, что правые враги большевизма в русской эмиграции мало интересовались проблемами партийной диктатуры, фокусируясь на колониальной по сути практике концлагерей: Пётр Базанов. Братья Солоневичи: документы и легенды (На основе коллекции В. В. Иофе, НИЦ «Мемориал») // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / Отв. ред. Т. Б. Притыкина. СПб., 2013. С. 150.

[87] УСС в целом «взяло на учёт и привлёк к сотрудничеству основную массу лучших специалистов по России и СССР, разбросанных по разным университетам» (*А. А. Некр сов*. У истоков советологии: история созда-

тром критики и прикладного и пропагандистского анализов сталинского СССР[88]. Послевоенная западная кампания критики принудительного труда в СССР[89], начатая в американской книге меньшевиков Д. Ю. Далина (1889–1961) и Б. И. Николаевского (1887–1966), продолженная в серии громких медийных событий[90] точно воспроизводила прин-

ния журнала «Russian Review» (США) // Век нынешний, век минувший… Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 117).

88 О центральном положении Заграничной делегации РСДРП (м) и круга авторов меньшевистского эмигрантского журнала «Социалистический вестник» (1922–1965) в деле анализа советской действительности, в том числе лагерной экономики и центрального влияния их анализа на западную советологию: *А. Нен роков*. Социал-демократическая эмигрантская печать 1920–1960-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции. 1927–2000 / Под ред. Ю. А. Полякова и О. В. Будницкого. М., 2009. С. 7–8. О роли УСС в анализе послевоенных перспектив СССР см.: *А. Бюк р*. Правда об американских дипломатах / Пер. с англ. М., 1949 (Глава V. Сокращённое переиздание: *А. Бюк р*. Правда об американской дипломатии // Анабелла Бюкар, Ральф Паркер. Подлость союзников: Как Запад предавал Сталина. М., 2011). См. также современное исследование: *В. Печ тнов*. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.

89 Эта кампания восходила к опыту подобной же пропагандистской кампании на Западе (протестам западных профсоюзов) против импорта леса из СССР (как одного из основных, наряду с зерном, пушниной и нефтью, источников экспорта и поступления валюты для дальнейшего импорта технологий) в 1931–1932 гг. под предлогом использования на лесоповалах принудительного труда (свод: *Hermann Greife*. Zwangsarbeit in der Sowjetunion. Berlin, 1936). Попытки властей СССР опровергнуть очевидные факты массового труда заключённых на лесозаготовках провалились. См. образец коминтерновской контрпропаганды: *О. Пятницкий*. Принудительный труд, фашизм и организация безработных на основе единого фронта: 4 августа 1935 г. / VII Всемирный Конгресс коммунистического интернационала. М., 1935. Красноречиво, что СССР, полагая это действующим ограничением, присоединился к конвенции Международной организации труда об упразднении принудительного труда от 28 июня 1930 лишь после упразднения ГУЛАГа: Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 13. Ст. 279.

90 *D. Dalin, B. Nicolaevsky*. Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. См. также примеры непосредственно пропагандистской литерату-

ципиальную формулу, произнесённую ещё в годы Гражданской войны меньшевиком Р. А. Абрамовичем (1880–1963)[91].

Известная формула Ленина (в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», 1920) об идеальном положении коммунистической партии в государстве диктатуры пролетариата по схеме *вожди — п ртия — кл сс — м ссы*, несомнен-

---

ры: *Victor Kravchenko*. I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. N. Y., 1946; *Roger N. Baldwin*. A "New Slavery": Forced Labor: The Communist Betrayal of Human Rights. [New York,1953]; *Б. Яковлев [Н. А. Троицкий]*. Концентрационные лагери СССР. Мюнхен, 1955. Об этом: *Г. Н. Ив нов*. Международные организации против принудительного труда в СССР (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Отечественная история. М., 2006. № 6. Ср. историю французского экс-троцкиста Д. Руссе, который в конце 1949 года призвал бывших заключённых нацистских лагерей бороться против аналогичной системы в СССР, в 1950-м по его инициативе была создана Международная комиссия против режима концентрационных лагерей, которая собирала информацию об СССР, Китае и странах «правых диктатур» (Испания, Греция), преступлениях Франции в колониях (*Thomas Wieder.* L`affaire David Rousse et la figure du déporté. Les escapes des champs Nazis contre les camps soviétiques (1949–1959) // Qu`est-ce qu`un déporté? Histoire et memoires des deportations de la Seconde Guerre mondiale / Sous la directions de Tal Bruttmann, Luarent Joly et Annette Wieviorka. Paris, 2009). Об усилиях ЦРУ США по секретному финансированию с 1950 г. левой западной интеллигенции (в том числе Х. Арендт, Дж.Оруэлла, Ж. П. Сартра, А. Кёстлера, Б. Рассела), объединённой во всемирной сети Association for Cultural Freedom ради критики СССР, см. специальные исследования: *P. Coleman.* The liberal conspiracy. The congress for cultural freedom and the struggle for the mind of postwar Europe. N. Y., 1989; *F. S. Saunders.* Who Paid the Piper? CIA and the Cultural Cold War. L., 1999 (Русский перевод: *Фрэнсис Стонор Сондерс*. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова. М., 2013. Специально об актах коррумпирования, например, Х. Арендт: С. 290, 342).

[91] «Принудительный труд всегда является трудом малопроизводительным»: Резолюция меньшевиков на Всероссийском съезде профессиональных союзов (март 1920). См. об этом: «точное выражение резолюции меньшевиков» (*Л. Д. Троцкий.* Терроризм и коммунизм [1920] // Л. Троцкий. Перманентная революция. М., 2005. С. 140).

но, сама просилась в основу «партийной» доктрины тоталитаризма, ибо ставила стержнем такой диктатуры именно партию. Разумеется, эта идеальная формула совершенно игнорировала реальность Советской власти, как минимум, ленинско-сталинского периода, наполненного острой и взаимоистребительной борьбой в среде самих вождей, партийно-правительственных, ведомственных и территориальных кланов, а затем — истреблением призрачной самостоятельности партии в вертикали личной диктатуры и олигархии. Но изгнанные из России/СССР эсеры, меньшевики и троцкисты вовсе не были склонны соглашаться именно с такой схемой партийной диктатуры, ибо, как минимум, претендовали на коалиционное соучастие в социалистической диктатуре, «многопартийной» диктатуре пролетариата, фракционной коалиции во главе партии-государства. У предсмертного одра Ленина в 1923–1924 гг. развернулась борьба лишённого эффективного контроля над партийным аппаратом Троцкого против официального главы партийного аппарата Сталина. Именно тогда Троцкий ввёл в оборот слово «аппаратчики» — квазиклассовое определение для самодостаточной бюрократии, ставшей во главе переродившейся диктатуры пролетариата. Это марксоидное определение дожило до гибели СССР как полноценный термин западной советологии и отразилось во многих иных попытках описать коммунизм в СССР как власть партийной бюрократии, начиная с «нового класса» М. Джиласа (1957) «номенклатуры» М. С. Восленского (1970). Неоспоримое место Троцкого как главного (в исторической мифологии) противника Сталина предопределило слабое внимание к его собственной мысли и оставило большой простор не только для его многочисленных эпигонов, но и для изображения троцкистских теорий как альтернативных и критических по отношению к сталинизму. Но вклад троцкизма и его эпигонов в партийное толкование «тоталитаризма» не был альтернативным сталинизму и вносил в его формально внешнее исследование неизмери-

мое бремя внутрипартийной дискуссии. Именно поэтому описатели «тоталитаризма» находят в этой гипертрофированной партийной истории РКП(б) — ВКП(б) неисчерпаемый источник для деталей и вдохновения.

При этом, что показательно, ни Троцкий в его борьбе против аппарата, ни Сталин в его апологии аппарата не стали апеллировать к ставшей к тому времени азбучной формуле Ленина о механизме *вожди — п ртия — кл сс — м сс* . Троцкому такая апелляция была бы действительно невыгодна (как предполагаемому вождю класса и масс вообще). Но воздержание Сталина, который легко бы мог демагогически использовать названную формулу, объясняется, видимо, ясным пониманием того, что *вне пп р т п ртия просто не существует*, что мистификация партии как самостоятельного субъекта и института власти оставляет такой простор для столь же демагогического присвоения голоса партии любым её вождём, что им легко и с полным основанием мог бы воспользоваться Троцкий.

В той дискуссии с Троцким Сталин, зримо сдерживаясь и отнюдь не чувствуя себя хозяином «аппаратного» положения, напротив, детально аргументировал назначение и пользу профессионального партийного аппарата и партии в целом как инструмента мобилизации государственного управления. Эта по сути безобидная апология управленческих функций государственного аппарата давала вполне достаточный материал для «демократической» антисоветской риторики и конструирования образа особого «партийного» тоталитаризма. Сталин говорил в защиту своего аппарата, риторически отвергая его государственный смысл:

> «...если на нас нападут и нам придётся защищать страну с оружием в руках, то о демократии не может быть и речи, ибо придётся её свернуть. Партия мобилизуется, мы её, должно быть, милитаризуем, и вопрос о внутрипартийной демократии отпадёт сам собой. (...) что в головах одной части наших работников живут ещё пережитки старого военного периода, когда

> у нас партия была милитаризована, — пережитки, которые порождают некоторые немарксистские взгляды, что партия наша является якобы не самодеятельным организмом, живущим самостоятельной идейной и практической жизнью, а чем-то вроде системы учреждений, низших, средних и высших. Этот абсолютно немарксистский взгляд, правда, законченного вида нигде ещё не получил... (...) Вы можете себе представить имеющий не менее миллиона служащих бюрократический государственный аппарат, состоящий из элементов, большей частью чуждых партии, и наш партийный аппарат, имеющий не больше 20–30 тысяч человек, призванных подчинить партии государственный аппарат, призванных социализировать его. Чего стоит наш государственный аппарат без поддержки партии? Без помощи, без поддержки нашего партийного аппарата он мало чего, к сожалению, стоит. И вот каждый раз, когда наш партийный аппарат вдвигает свои щупальцы во все отрасли государственного управления, ему приходится нередко свою партийную работу в этих органах равнять по линии государственных аппаратов»[92].

Как бы ни напоминал о преобладающе некоммунистическом характере государственного аппарата и ни отвергал обвинения в огосударствлении партии Сталин и, может быть, именно потому, что он вынужден был отвергать это, убеждение в том, что именно партия (а не её руководство) является инструментальным центром режима, доминировало в антисталинской критике социал-демократов.

Более всего принялись освещать «партийную диктатуру» упомянутые выше русско-французские и другие интернациональные коммунисты, много лет прослужившие на ответственных политических постах в СССР, ВКП(б) и Коммунистическом Интернационале, а на рубеже 1920–1930-х гг. разочаровавшиеся, эмигрировавшие или ре-

---

[92] *И. В. Ст лин.* Доклад об очередных задачах партийного строительства, 17 января [1924] // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 6 : 1924. М., 1952. С. 8–10.

прессированные и затем эмигрировавшие из СССР. Они оставались социалистами и коммунистами, революционерами и противниками капитализма и потому, прежде всего, искали в сталинизме признаки измены революционному делу и капиталистического перерождения. И потому их протест представлялся более интеллектуально чистым. «Правду о коммунизме не станут слушать от защитников капитализма», — писал о природе их протеста социалист-наблюдатель. Но именно эта критика далеко не всегда была терпима политическими и государственными противниками правящего коммунизма, и потому они неизбежно искали себе интеллектуальных партнёров среди не то чтобы окончательных ренегатов революционного дела, а среди тех, кто готов был перестраивать свой революционный социализм на рельсы государственного социализма, парламентской демократии и «демократического социализма». Таковыми в русской эмиграции чаще всего оказывались социалисты-революционеры и меньшевики, в чьём политическом прошлом был короткий, но реальный опыт государственного управления в России 1917–1918 годов.

Весьма примечательно, что, несмотря на их эволюцию в сторону от сотрудничества с большевиками, известный критик и разоблачитель сталинизма и коммунизма из числа бывших коммунистов Борис Суварин, ещё более известный критик и непосредственный создатель американской советологии, подлинный соавтор доктрины «тоталитаризма» до её изобретения Фридрихом и Бжезинским, Борис Николаевский тесно и на материальной основе всё ещё сотрудничали с Институтом Маркса и Энгельса при ЦИК СССР[93] тогда, когда в СССР уже стала невозможна ника-

[93] *И. Ю. Новиченко*. Д. Б. Рязанов и его «корреспонденты»: к истории комплектования Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931 гг.) // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства. Материалы научной конференции «Вторые Рязановские чтения» (18–19 марта 2015 г.) / Сост. Е. Н. Струкова. М., 2016. С. 20. Б. Николаевский

кая иная партийная деятельность, кроме большевистской, а сами большевистские и советские кадры были подвергнуты многочисленным политическим репрессиям на пути создания сталинской диктатуры.

Подлинной лабораторией для выработки доктрины «тоталитаризма» стал официальный орган меньшевистской Заграничной Делегации РСДРП журнал «Социалистический Вестник», более сорока (!) лет концентрировавший на своих страницах тексты наиболее информированной и интеллектуальной части исследователей и критиков большевизма и СССР, но в годы Великой Отечественной войны без колебаний занявший ясную патриотическую позицию в защиту своей Родины от нацизма[94]. После Второй мировой войны журнал стал органом единой социалистической платформы в русской эмиграции, консолидировав её вокруг программы «демократического социализма». Всё это поставило «Социалистический Вестник» в положение исключительного по качеству источника по текущей истории СССР и наиболее авторитетного издания, публиковавшего оперативные аналитические статьи по принципиальным вопросам советского коммунизма[95]. Им и была присуща непреодолимая слепота в вопросе о «партийной диктатуре» там, где налицо была олигархическая, а затем — абсолютная диктатура.

был не рядовым внешним сотрудником Института, но в 1924–1931 гг. был даже его официальным представителем в Берлине.

[94] После 22 июня 1941 года эта политическая группа однозначно призвала встать «на почву защиты нашей страны от гитлеровского нападения, подчиняя борьбу за ликвидацию сталинской деспотии верховным интересам войны против мирового фашизма» (РСДРП о советско-германской войне [Резолюция Заграничной Делегации РСДРП от 23 июня 1941] // Социалистический Вестник. №12(477). New York. 30 июня 1941. С. 1).

[95] Лишь в 1920–1930-е гг. частичную конкуренцию «Социалистическому Вестнику» в области социалистической теории в русской эмиграции составлял журнал «Современные Записки», созданный социалистами-революционерами.

[Содержание]

В конце 1930-х годов в социалистической среде вновь оживилась дискуссия о характере политического и экономического режима в СССР, особенно простимулированная подписанием в августе 1939 году договора о ненападении между нацистской Германией и сталинским СССР. Это явным образом нарушило центральный сценарий западных демократий, Англии и Франции, ценой многолетних уступок и прямого сотрудничества с Гитлером стремившихся направить его экспансию против СССР. Тяжёлое поражение СССР в Гражданской войне в Испании, казалось, увеличивало шансы такого сценария, в котором Германии отводилась роль главного антикоммунистического борца в защиту ценностей несоветской Европы. Очевидно временный, но неожиданный нейтралитет между Германией и СССР, война Германии против Польши, участие СССР в её разделе, ничтожность гарантий безопасности, которые Польше дали Англия и Франция, — всё это вместе взятое заставило западную мысль срочно искать теоретических обоснований для единой пропагандистской войны против Гитлера и Сталина вместе взятых. Надо было, наконец, выработать консенсус о том, как следует называть эти отнюдь не редкие в Европе того времени диктатуры, как обозначать общую природу их режимов (а она должна была быть «более общей», нежели у Германии, Италии, Англии и Франции в сентябре 1938 года на мюнхенских переговорах о разделе Чехословакии!), помня, что СССР уже полностью закончил социализацию своей промышленности и сельского хозяйства.

О том, что такой консенсус остро необходим, ярко демонстрировал специальный текст Раймона Арона 1939 года, описывавший статус-кво перед соглашением Гитлера и Сталина, к которому западные демократии, уже прошедшие школу Мюнхенского сговора, интеллектуально подготовиться не успели. Ведь из тезисов Р. Арона следовало, что новейшие терминологические изобретения о тоталитарных режимах фактически остались достоянием русской эмиграции и не затронули даже французскую мысль

и в ней нет ни достаточного понимания сути режимов Гитлера и Муссолини, ни достаточного от них отторжения. Что они вовсе не затронули режим Сталина, отличая тоталитаризм от коммунизма. Тезисы гласили:

> «*Обр зов ние новых пр вящих элит является в жнейшим* (!! — *М. К.*) *призн ком тот лит рных режимов (герм нского и ит льянского).* (...) *Тот лит рные режимы противопост вляют себя прежде всего демокр тиям, не коммунизму*»[96].

Потому интеллектуальная инициатива в исследовании тотальности новых диктатур, пока интеллигентная эмиграция из Германии и Италии ещё не успела занять достаточную дистанцию по отношению к событиям в своих странах, естественным образом находилась в руках русской эмиграции, которая усиленно готовила именно режим Сталина для помещения в центр интернациональной дискуссии.

В ситуации, когда полнота ответственности за «тоталитаризм» всё более падала на полноту модерного капитализма и социализма, «Социалистический Вестник» вернулся к вяло длившейся все 1920–1930-е годы дискуссии о характере советской экономики и диктатуры. Именно он открыл подлинный Клондайк для теоретизирований о коммунизме, имевших своей лёгкой целью доказать, что в СССР нет ничего от «настоящего», программного и ценностного, социализма. Гораздо труднее было концептуально описать и назвать то, что представляет из себя СССР на самом деле.

В конце апреля 1940 года «Социалистический Вестник», продолжая дискуссию[97], опубликовал статью крупнейшего

---

[96] *Р ймон Арон.* Демократические и тоталитарные государства [1939] // Раймон Арон. История XX века. Антология / Пер. Л. Г. Ларионовой. М., 2007. С. 155.

[97] См., например, публикацию, непосредственно предшествовавшую публикации Р. Гильфердинга: *Р. Л. Уоррол.* СССР — государство социалистическое или капиталистическое? // Социалистический Вестник. № 7 (459). Paris. 11 апреля 1940. С. 93. Подробное изложение статьи

марксистского экономиста и практика, министра финансов Германии в 1920-е гг. Рудольфа Гильфердинга (1877–1941), которую он, еврей, уже бежавший во Францию от нацизма, написал специально для журнала. Р. Гильфердинг резко опровергал распространившийся миф о субъектности партии в системе коммунистической диктатуры и искал близость хозяйственных систем «тоталитарных государств», находя их, однако, в простом государственном управлении экономикой — и тем самым вольно или невольно повторяя уже прозвучавшую радикальную либертарианскую проповедь Л. фон Мизеса и предвосхищая выступление Ф. Хайека, для которых прямым и близким путём к тоталитарному рабству было любое государственное вмешательство в экономику, неожиданно сближаясь с ними в отвержении уже общей для капитализма антикризисной практики милитаризации, планирования и социальной политики, радикализируя и маргинализируя альтернативы коммунизму. Он писал об СССР в его сравнении с Германией и Италией:

> «Русской бюрократии приказывает Сталин; Ленин и Троцкий с группой отборных сторонников, которая никогда не была способной к самостоятельным решениям партией, а всегда была лишь инструментом в руках вождей, как позднее фашистская и национал-социалистическая «партии», овладели государственной властью в момент развала старого государственного аппарата. Они преобразовали её соответственно потребностям своего господства, устранили демократию и установили собственную диктатуру. (...) Политику определяет небольшой круг носителей власти. (...) Они создали таким образом первое *тот лит рное госуд рство*, прежде чем это название было изобретено. (...)
> К существу тоталитарного государства принадлежит и то, что оно подчиняет хозяйство своим целям. Хозяйство теря-

из английского журнала «Left» за ноябрь—декабрь 1939. Автор, Worall, слова «тоталитаризм» избегает.

> ет свои собственные законы, оно становится *упр вляемым*... оно превращает рыночное хозяйство в потребительское. (...) Тоталитарная государственная власть живёт хозяйством, но она существует не для хозяйства, не для господствующего в хозяйстве класса... Аналогию к тоталитарному государству скорее всего можно найти в эпохе поздней римской империи, в господстве преторианцев и их императоров. (...) Несмотря на большое различие в исходных пунктах, хозяйственные системы тоталитарных государств приближаются друг к другу... [хозяйственная система СССР] представляет собою тоталитарное государственное хозяйство, т. е. систему, к которой всё больше приближаются и экономики Германии и Италии»[98].

Вскоре Франция сдалась Гитлеру, и меньшевикам пришлось переносить издание своего журнала в США, где именно Б. И. Николаевский приложил особые и, несмотря на одновременный политический ангажемент, совершенно искренние усилия для возобновления профессиональной дискуссии о тоталитаризме. Напоминая статью Гильфердинга, Николаевский вычленил в ней два главных вопроса, вытекающих из неё и стоящих перед теоретиками: 1. характер экономической системы «в СССР и других тоталитарных странах», 2. «кто именно является носителем власти в этих странах», «существуют ли классы в тоталитарных странах»[99].

---

[98] *Р. Гильфердинг.* Государственный капитализм или тоталитарное государство? // Социалистический Вестник. № 8 (460). Paris. 25 апреля 1940. С. 119–120. Вскоре после публикации этой статьи Франция капитулировала перед гитлеровской Германией, новые французские власти задержали и выдали Гильфердинга нацистам, и через год он погиб в германской тюрьме. Таким образом, создатели и авторы «Социалистического Вестника» обоснованно называли статью Гильфердинга его своеобразным теоретическим завещанием.

[99] *Б. Никол евский.* О классовой структуре тоталитарных государств [Статья первая] // Социалистический Вестник. № 6 (470). New York. 26 марта 1941. С. 77.

Прямо говоря, Гильфердинг уже решил для себя и решил в отрицательном смысле вопрос о носителе власти в СССР, назвав им диктаторов и «группу их отборных сторонников». Но Николаевский явно стремился дополнить намеченную Гильфердингом теорию тем пунктом, который тот радикально отверг, но который для меньшевиков был предметом главного политического обвинения большевикам, — центральным положением партии в системе тоталитаризма[100]. Он начал публикацию своего обширного трактата о тоталитаризме, сосредоточив своё внимание на той его характеристике, анализ которой должен был логически привести к вычленению и именованию господствующего класса, институциональной оболочкой для которого предполагалась монопольно правящая партия[101]. Собственный ответ Николаевского на вопрос о субъекте власти в «социальной структуре тоталитарного общества» в СССР удивляет неожиданной для тако-

[100] Этот пункт риторически, без исследования разделяли и распространяли и правые круги русской эмиграции. См. суждение И. А. Ильина в статье, специально написанной им для немецкой печати: «Коммунизм задуман как диктатура и осуществляется как централизованная партийная власть» (*И. А. Ильин*. Сталин в наступлении [1930] // И. А. Ильин. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III. Аналитические записки и публицистика (1928–1941) / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2001. С. 207–208).

[101] В частной переписке Николаевского того времени содержится признание его глубокой личной погружённости в вопрос о партийном характере «тоталитаризма». Он сообщает о новом курсе «Социалистического Вестника» своему старому конфиденту из Нью-Йорка уже 14 мая 1945, когда условия военного союзничества США и СССР только приблизились к началу их прекращения: «Я сознательно старался по этому вопросу особенно осторожно, но по существу дело совершенно ясно: в России идёт быстрым темпом процесс оформления советского строя, как наиболее последовательной из всех, какие когда-либо знала история, форм тоталитаризма. Государство, целиком захваченное в руки одной партии, которая в свою очередь организована в деспотическую иерархию, регулирует все без исключения стороны духовной жизни страны» (Из архива Б. И. Николаевского. Переписка с И. Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 2: Письма 1931–1958 гг. / Отв. ред. А. П. Ненароков. М., 2012. С. 210).

го специалиста по советским делам сектантской наивностью. Этот, вероятно, главный эксперт меньшевиков по фактической истории коммунистической партии и СССР не может не видеть (и в этом следует Гильфердингу), что стержнем социальной структуры в СССР выступает «хозяйственная организация» с центром в государственном аппарате, но далее, *в дни мобилиз ции в ожид нии тот льной войны, после эпохи Большого террор , уничтожившего последние декор тивные ост тки с мостоятельности ВКП(б)*, Николаевский словно отступает перед противостоящими этой реальности *меньшевистскими инспир циями узкого п ртийного упр вления дикт турой (в котором меньшевик м не н шлось мест)* и сообщает:

> «...над всеми ними (хозяйственными органами. — *М. К.*) стоит вездесущая и всемогущая единая партия тоталитарного государства... именно она является носителем власти в стране».[102]

Так и звучит в трактате Николаевского содержательное (хотя и радикальное в своей категоричности) применение индустриальной тотальности к сфере хозяйственных отношений и агитационное увенчание её мифической партией. В СССР, говорит он:

> «Всё государство в его целом... форма производственного процесса... присущая завершённому типу тоталитарного государственного хозяйства».

Но далее — вновь утверждает, что «организатор» всей этой целостности — «коммунистическая партия».[103] И здесь

---

[102] *Б. Никол евский*. О классовой структуре тоталитарных государств [Статья вторая] // Социалистический Вестник. № 7 (471). New York. 12 апреля 1941. С. 93, 95, 96.

[103] *Б. Никол евский*. О классовой структуре тоталитарных государств [Статья четвёртая] // Социалистический Вестник. № 9–10 (473–474). New York. 22 мая 1941. С. 127. Институт политических комиссаров в Крас-

Николаевский, опираясь на Гильфердинга, делает принципиальный шаг и собственноручно фиксирует поворотный пункт в конструировании доктрины «тоталитаризма», которая одновременно и освобождается от слишком близкого всем иным великим державам понятия «государственного капитализма»[104] и совершенно неточного в применении к СССР «фашизма», и отделяет СССР от идеального социализма, и — главное — отделяет Германию и Италию от капитализма (и, следовательно, их недавних партнёров в деле переустройства Европы), *отсек ет СССР, Герм нию и Ит лию от прежнего «цивилизов нного» мир и его истории*:

> «...принципиальное отличие новой хозяйственной системы и новых общественных отношений, складывающихся в тоталитарных государствах, от всего того, что мы знали в прошлом, настолько значительны», что «новые термины надо создавать и для самой этой хозяйственной системы, и для всех новых классовых и общественных отношений»[105].

Уже через месяц после окончания публикации трактата Николаевского Германия напала на СССР, и «Социалистический Вестник» приостановил свои усилия по интеллектуальному формированию единого враждебного фронта

ной армии виделся авторам журнала частью «системы тоталитарной партийной диктатуры» (*С. Шв рц.* Первая уступка // Социалистический Вестник. № 19–20 (507–508). New York. 3 ноября 1942. С. 235).

[104] На это позже обращал внимание редактор журнала, отмечая положительный смысл отказа Гильфердинга от использования в применении к экономике СССР понятия «государственный капитализм» и замены его понятием «тоталитарное государственное хозяйство», то есть хозяйство «не только руководимое, но и определяемое и формируемое государственной властью» (*Р. Абр мович.* О «русском социализме» (К 25-летию Октябрьской революции) // Социалистический Вестник. № 19–20 (507–508). New York. 3 ноября 1942. С. 240).

[105] *Б. Никол евский.* О классовой структуре тоталитарных государств [Статья третья] // Социалистический Вестник. № 8 (472). New York. 26 апреля 1941. С. 112.

«тоталитарных государств», стал видеть их различия, сосредоточившись на детализации учения Гильфердинга на тотальности тоталитарного хозяйства (в противоположность этому — даже и особенно в условиях войны в СССР, как известно, доля неконтролируемого негосударственного продовольственного рынка, как известно, кратно выросла и его часть в продовольственном потреблении достигла половины, но об этом меньшевики в США, конечно, не знали и знать вряд могли), логично, по условиям союзничества с США, дистанцируясь от политического уподобления диктатур в Германии и СССР[106].

В условиях солидарной войны против Гитлера и его союзников, меньшевистские теоретики сосредоточивались на сущностных аспектах тотальности как таковой, анализируя в «тоталитаризме» то, что, собственно говоря, не было его спецификой, и значительно ревизовали настойчивое навязывание сталинской диктатуре «партийной» институционализации[107]. Например, в ниже-

[106] «Р. Гильфердинг, компетентность которого в этих вопросах оспаривать трудно, в последние годы своей жизни считал, что по своему существу «хозяйственные системы тоталитарных стран приближаются одна к другой», что принципиального различия в экономике тоталитарных стран фашистского типа и тоталитарных стран большевистского типа не имеется, — и предложил для этой экономики одно общее название “тоталитарное государственное хозяйство”...» (*Б. Никол евский*. О социализме и фашизме // Социалистический Вестник. № 15–16 (503–504). New York. 31 августа 1942. С. 192). Различение двух типов оказалось жизнеспособным — в моделях «правого тоталитаризма» (фашизм и нацизм) и «левого тоталитаризма» (коммунизм) (*Д. Анин*. Об истоках тоталитаризма // Социалистический Вестник. № 2–3 (679–680). Нью-Йорк — Париж. Февраль — март 1955. С. 49).

[107] Руководитель журнала даже использовал популярную в Советской России и русской эмиграции 1920-х аналогию с перерождением Великой Французской революции в термидоре и восхождением Бонапарта, которую позже почти монополизировал Троцкий, но лишь для того, чтобы подчеркнуть тесную связь «тоталитаризма» с личной диктатурой и, может быть, новым империализмом. Он констатировал «бонапартистское, или по-нынешнему, тоталитарное перерождение революции»

следующих соображениях одного из теоретиков, лишь формально развивающего цитированный трактат Николаевского 1941 года, совершенно ясно проступает то, что лишь *годы* спустя сформулировала в своём исследовании предпосылок тоталитаризма Х. Арендт[108] и что *десятилетия* спустя ярко описал в своём исследовании биополитики Модерна М. Фуко:

> «Тотальное государство атомизирует граждан и одновременно охватывает все стороны их жизнедеятельности как бы железными обручами. (...) В тоталитарном государстве отсутствуют посредующие звенья между личностью и государственной властью... Процессы общественного преобразования в тоталитарном государстве усугубляются сращением главенствующей партии с аппаратом правительства и взаимопрорастанием политики и экономики. (...)
> Границы возможного в тоталитарном государстве... почти совпадают с границей биологической возможности. (...)
> Проводя технически целесообразные мероприятия, господствующая партия тоталитарного государства связывает их с тоталитарной идеологией»[109].

(*Р. Абр мович*. Бонапартизм и русская революция // Социалистический Вестник. № 13–14 (523–524). New York. 8 июля 1943. С. 147).

[108] Впрочем, ещё ранее интуиции Х. Арендт сформулировал большевистский идеолог Н. И. Бухарин, который в одном из самых одиозных манифестов социального насилия писал: «Старое общество и в его государственной, и в его производственной формулировке раскалывается, распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин. Никогда ещё не было такой грандиозной ломки. Но без этого не могла бы быть революция пролетариата, который из распавшихся элементов, в новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам, строит фундамент будущего общества» (*Н. И. Бух рин*. Экономика переходного периода [1920] // Н. И. Бухарин. Избранные произведения / Сост. С. Л. Леонова, А. В. Лобовой. М., 1990. С. 81–82).

[109] *Б. С пир*. Социалдемократия перед проблемой фашизма. 2. О строении тоталитарных государств // Социалистический Вестник. № 7–8 (515–516). New York. 7 апреля 1943. С. 85, 86, 88.

Окончание войны в Европе и скорое окончание Второй мировой войны победой над Японией окончательно обнажило противоборство бывших союзников по антигитлеровской коалиции за новый раздел Европы и Азии. В этих условиях антисоветская и антикоммунистическая пропаганда Запада получила новый политический импульс и, проведя невидимый смотр главных пунктов довоенной информационной войны против СССР, отнесла к ним развивавшуюся ещё с начала 1930-х гг. тему принудительного труда в СССР (позже нашедшего свой символ в имени ГУЛАГа), тему Большого террора[110], уподобление гитлеровской Германии и сталинского СССР как «тоталитарных» государств[111]. Примечательно, что ближайшие сотрудники «Социалистического Вестника» стояли в самом первом ряду авторов исследований и публикаций на тему принудительного труда в СССР[112] и др., несомненно, включённых единой политической волей властей США в число важнейших мероприятий этой информационной кампании, настойчиво освещавшихся западными СМИ.

---

[110] Подробный перечень таких авторов и изданий на Западе как самопроизвольного потока правды о сталинизме см. в мемуарах опытного эмигрантского писателя и журналиста: *Ром н Гуль.* Я унёс Россию: Апология эмиграции [1981]. Т. 1. М., 2001. С. 237.

[111] См. краткий, но ёмкий обзор этой темы и периода: *А. Ю. С р н.* Советский тоталитаризм 1930-х годов: проблемы внешнего восприятия // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 6 (II) / Отв. ред. А. В. Голубев. М., 2012.

[112] Книга «Forced Labor in Soviet Russia» Д. Ю. Далина и Б. И. Николаевского стала «исходным пунктом большой политической кампании, которая была проведена при помощи американских профессиональных союзов в социально-экономической секции Объединённых Наций [ООН]» (*Р. Абр мович.* Д. Ю. Далин [1889–1962. Некролог] Социалистический Вестник. № 3/4 (763/764). Нью-Йорк. Март—апрель 1962. С. 53). Трудно поверить, что она стала таковой исключительно за счёт своих научных и литературных достоинств. См. также об этом: *Г. М. Ив нов .* Международные организации против принудительного труда в СССР (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Российская история. М., 2006. № 6.

[Содержание]

Всё это вместе взятое уже было готовым заданием (и планом отсечения ненужных сомнений в капитализме и демократии) для формулирования доктрины «тоталитаризма». Выше уже приводилась энциклопедическая формула А. Грациози о задаче и темпе такого формулирования, но всё это в контексте многолетних и предшествующих усилий «Социалистического Вестника» — лишь малая и поздняя надводная часть того айсберга характеристик «тоталитаризма», которые аккумулировал меньшевистский журнал, непосредственно интегрированный в «фабрики мысли» США.

Уже в 1946 году журнал продолжил активное обсуждение «тоталитаризма», расширив круг авторов за счёт других деятелей социалистической ориентации[113] (включая статью А. Ф. Керенского о «тотальной коммунистической диктатуре»), идентичности режимов Гитлера и Сталина, популяризацию статьи Гильфердинга (специально для этого переиздали её[114]) в многочисленных новых откликах, опе-

[113] В 1948 году это расширение круга «Социалистического Вестника» привело к объединению эмигрантских меньшевиков (лидеры Р. А. Абрамович, Б. И. Николаевский, Д. Ю. Далин, Б. Л. Двинов), социалистов-революционеров (В. М. Зензинов, В. М. Чернов, М. В. Вишняк) и др. социалистов (в том числе Г. П. Федотов, А. Ф. Керенский, М. А. Алданов, М. В. Добужинский) в «Лиге борьбы за народную свободу», которая получила покровительство властей США (*П. Н. Б з нов.* «Лига борьбы за народную свободу»: политическая и издательская деятельность // Из истории российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг. Сб. ст. / Сост. Г. Я. Тарле. С. 159–160). Эта «Лига» ставила перед собой задачу «непримиримой борьбы с коммунистической тоталитарной диктатурой» (*Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский.* Через века и страны. Б. И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XIX века. М., 2012. С. 378).

[114] *Р. Гильфердинг.* Государственный капитализм или тоталитарное государственное хозяйство? // Социалистический Вестник. № 5 (585). New York. 22 мая 1946. Примечательно, что в специальном примечании редакция вновь акцентировала именно своё, партийное толкование его теории, говоря, что Гильфердинг даёт «своё собственное определение экономики однопартийных тоталитарно-диктаторских режимов» (С. 122).

рирующих формулой «тоталитаризма»[115], — не только, видимо, для выяснения природы «тоталитаризма», сколько для утверждения своего доктринального приоритета, подкреплённого именем великого марксиста-ревизиониста, павшего жертвой нацизма, и контрфактического вменения ему «однопартийности», «партийной диктатуры», надгосударственной субъектности партии как стержня режима[116].

Именно этот партийный шаблон всё более проникал в прессу и риторику Запада, о чём вожди СССР узнавали немедленно и аутентично[117].

---

[115] Например: *Б. Двинов*. Комфашизм // Социалистический Вестник. №6 (586). New York. 21 июня 1946; *Д. Д лин*. «Гулаг» // Социалистический Вестник. №7–8 (587–588). New York. 20 августа 1946; *Б. С пир*. Большевизм и меньшевизм // Там же; *Борис Гольденберг*. Критические замечания к статье Р. Гильфердинга «Государственный капитализм или тоталитарное государственное хозяйство» // Там же; *Б. Никол евский*. Теоретическое завещание Р. Гильфердинга // Социалистический Вестник. №1–2 (593–594). New York. 3 февраля 1947; *Б. Никол евский*. Реставрация сталинизма // Социалистический Вестник. №3–4 (669). Нью-Йорк—Париж. Март—апрель 1954.

[116] «Дуализм партии и государства и господство партии над государством являются характерными чертами тоталитарной системы (...) Это институционализирование правящей партии также является характерной чертой системы тоталитаризма» (*С. Шв рц*. Компартия и государство (К 19-му съезду ВКП) // Социалистический Вестник. №9–10 (656). Нью-Йорк—Париж. Сентябрь—октябрь 1952. С. 157).

[117] ТАСС с высшей оперативностью секретно сообщал из Парижа 21 декабря 1945 года, что журнал «Europe-Amerique» от 20 декабря на основе статей Р. Абрамовича в «Социалистическом Вестнике» пишет о фашистской природе сталинского режима. Корреспондент ТАСС сам проводил аналогию, цитируя журнал «Clarté» и приводя примеры Гитлера и Муссолини, что «фашизм в основном — это господство одного человека, опирающегося на единственную «партию»... Существование единственной партии фактически устраняет всякую оппозицию. Социальные, экономические и политические формы могут разниться по странам. Само существо фашизма в упразднении всяких иных партий, кроме правящей партии, и в назначении на все посты и на все ступени, будь то в правительстве или административных органах, или в армии, или в полиции — членов партии» (Информационные сведе-

Вес интеллектуальной работы «Социалистического Вестника» в интеллектуальном продвижении доктрины «тоталитаризма» хорошо характеризуется и его претензиями на энциклопедическое освоение темы с указаниями на генезис понятия, в котором «наиболее авторитетным» признавалось суждение о нём Гильфердинга, опубликованное в этом же журнале. Об этом подробно писал здесь весьма авторитетный деятель социалистической эмиграции, правовед и исследователь практики коммунизма М. В. Вишняк (1883–1976). При широком распространении изобретённого понятия возникла необходимость установления его наиболее выгодного толкования, которое очевидно становилось всё более политическим. Вишняк — буквально одновременно с известной книгой Фридриха и Бжезинского и независимо от неё — предпринял самостоятельное исследование, указывая на первую историю термина у Муссолини, дополняя обзор утверждений Геббельса и Карла Шмитта, словарных определений «тоталитаризма» (с уже непременными указаниями на «партийную монополию») справками о его русских предвосхищениях (например, «тоталитарной национально-коммунистической державе» Г. П. Федотова). Его задачей было спасти «тоталитаризм» как приоритетное ныне имя для сталинизма, не останавливаясь перед скрытым адвокатированием нацизма и в общем мало интересуясь реальностью:

> «...и коммунисты пользуются выражением тоталитарное государство. Но называют они этим именем не своё, советское

ния ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 10 ноября 1945–28 декабря 1945 // ГАРФ. Ф. 4459с. Оп. 38с. Ед. хр. 146. Л. 40–41). См. также совершенно секретное сообщение корреспондента ТАСС из Рима от 8 июля 1945 о статье «Иосиф Сталин» в газете «Quotidiano»: «Гитлер и Муссолини также создали диктатуру на основе единой партии» (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 30 июня 1945–25 сентября 1945 // ГАРФ. Ф. 4459с. Оп. 38с. Ед. хр. 144. Л. 8. Адресаты: лично только Сталин и Молотов).

> государство, а созданные в значительной мере по его образцу и подобию государства Муссолини, Гитлера, Перона».[118]

Тогда же и только тогда, наконец, вышел в свет труд Фридриха и Бжезинского, по логике исторического мифа и масс-медиа признанный теперь едва ли не главным мерилом и манифестом доктрины «тоталитаризма». Понимая время и историческое место появления это труда, нельзя не признать, мягко говоря, удивительным аттестацию, данную ему столь просвещённым историком России, советологом и американским политиком Ричардом Пайпсом, который назвал его «первым систематичным анализом диктатур левого и правого толка»: можно игнорировать двадцатилетние труды меньшевиков за их «несистематичность», но как американскому слависту делать вид, что не было до труда Фридриха и Бжезинского ни афористической книги Бердяева, ни великолепной систематической книги Вышеславцева, — я не представляю. Ещё скандальнее — на фоне выше изложенного — утверждение Р. Пайпса, что «первые исследования феномена тоталитаризма проводились почти исключительно немецкими учёными на основе их собственного национального опыта. Это объясняет преувеличенное значение, какое Ханна Арендт придаёт антисемитизму как атрибуту тоталитаризма».[119] К этому, ви-

[118] *М. Вишняк*. Государство особого типа // Социалистический Вестник. № 9 (697). Нью-Йорк—Париж. Сентябрь 1956. С. 169–170. Пример того, как советская официальная наука относила характеристики тотальности, принудительности и мобилизации к современному ей послевоенному капитализму см. в книге: *И. Гольдштейн, Р. Левин* . Германский империализм / Под общ. ред. Е. Варга. М., 1947 (главы «Тотальное подчинение экономики монополистическому капиталу» и «Перевод хозяйства на военные рельсы»).

[119] Все цитаты отсюда: *Рич рд П йпс*. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками [1994]. М., 2005. С. 310. Конечно, Р. Пайпс лукавит: ему хорошо известно, что, например, такой известный мюнхенский Институт по изучению истории и культуры СССР, действовавший под руководством и на средства ЦРУ США, имел хорошо выработанную

димо, почти автоматически прибавляется распространившееся в конце XX века, после падения СССР, убеждение, что некогда маргинальное и ультрарадикальное либертарианство было истинно правым в своём категорическом отвержении коммунизма и потому, апостериори, убеждение в том, что интеллектуальные инструменты ранней «холодной войны» США против СССР были поддержаны всей полнотой западной демократии и объединены знаменем либертарианства, в середине 1940-х выступившего авангардом не только экономической критики СССР, но светлой альтернативы его мрачному коммунизму. Исследователь возвращает и это заблуждение на землю:

> «Это был период, в течение которого Мизес и Хайек неоднократно выступали со своими критическими возражениями и интерпретациями. Однако в течение десятилетий их идеи оставались практически без внимания. (...) Их исследования редко встречали понимание за пределами либеральной традиции, но даже в её пределах их влияние часто было небольшим. Объективно говоря, в этот период популярность их идей была довольно ограниченной, и они воспринимались как фигуры, принадлежащие прошлому. (...) В связи с этим можно указать на то, что их критика тоталитаризма не достигла ушей историков этого явления...»[120]

программу исследования СССР как феномена «тоталитаризма», как минимум, одновременно с немецкими эмигрантами в США. Одновременно с книгой Х. Аренд «Истоки тоталитаризма» (1951) вышла в свет специальная работа этого Института, уже детализирующая отдельные сферы тоталитарной политики как целостного явления — и делающая это с высокой оперативностью. В связи с сочинением Сталина 1950 года о языке исследованию была подвергнута вся языковая политика большевиков после 1917 года: *Л. Ржевский*. Язык и тоталитаризм / Институт по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1951.

[120] *Р ймондо Кубедду*. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С.246.

Заключение

Основные тезисы якобы первичного изучения СССР, нацистской Германии и фашистской Италии, проведенного Фридрихом и Бжезинским оказались до крайности банальны, несамостоятельны и вторичны: руководящая идеология, централизованное и монопольное управление экономикой и её планирование, система террора и монополия единственной партии. Продолжая банализацию, даже исторический очень внимательный и образованный Раймон Арон (1905–1983) [121] не удержался от крайности и свёл «тоталитаризм» к «системе единственной партии», а гуру и патриарх американской славистики, многолетний директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон всё богатство своей библиотеки по истории и социологии XX века, конкретно по истории сталинского СССР, в своём самом главном и классическом, обширном труде по истории России свёл к формуле, которой не тесно будет даже в комиксе: «Для историка куда важнее, что тоталитаризм советского общества при Сталине логически следовал из ленинской доктрины партии».[122]

---

[121] *Р ймон Арон.* Пристрастный зритель [1981] / [Ж. Л. Миссика, Д. Вольтон. Книга мемуарных интервью] / Пер. с франц. под ред. Б. М. Скуратова. М., 2006. С. 299.

[122] *Джеймс Х. Биллингтон.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. Т. I. [1966] / Пер. с англ. под общ. ред. В. Скороденко. М., 2011. С. 526. См., яркий след этого «партийного» штампа даже в трансмарксистских ревизионистских вариациях о позднем СССР, в которых — против фактической истории — доминирует формула партийной диктатуры, почти заменившая формулу тоталитаризма: *Тед Скочпол*. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая [1979] / Пер. с англ. С. Моисеева. М., 2017 (главы: «Возникновение партийного диктаторского государства в России» и «Возникновение мобилизующего массы партийного государства в Китае»). Едва ли не прямо таким гуру отвечает практический западный историк сегодня: «...после архивной революции уже никак нель-

После двух мировых войн и Великой депрессии 1920–1930-х считать экономическое планирование признаком «тоталитаризма» мог только крайний ультра-либертарианец. После Большого террора и Великой Отечественной войны считать сталинизм «диктатурой партии», настаивать на особом значении «партии» могли только внимательные ученики «Социалистического Вестника», которые так и не свели до конца свои счёты с большевиками.

Описание индустриальной и чрезвычайной реальности в категориях «партийной» доктрины «тоталитаризма» было наиболее значительным её отличием от давнего анализа индустриальной и модерной тотальности, позволяющей осуждать коммунизм-нацизм-фашизм, но адвокатировать капитализм. Но Большой террор 1937–1938 гг. фактически уничтожил в СССР коммунистическую партию как независимый институт власти, физически уничтожил несколько составов её высших органов управления, прекратил даже регулярные заседания её Политбюро, подчинив всю вертикаль власти лично Сталину и его совещательной олигархии в лице неформальных «тройки», «пятёрки», «семёрки» разного времени. Но социалистический шаблон «партийной» (а не модерно-индустриальной, как у Вышеславцева) доктрины тоталитаризма, странным, а вернее — крайне ангажированным, образом отвергает общий исторический контекст обществ и экономик, которые претендует систе-

зя считать удовлетворительным широко распространённое в обществе (а отчасти и в научном сообществе) объяснение, предлагаемое теорией тоталитаризма. Согласно этой теории, сталинизм был просто закономерным следствием Октябрьской революции, рассматриваемой исключительно как захват власти партией большевиков, которая стремилась переделать общество в соответствии с собственной идеологией» (*М. Ферретти*. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. / Сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М., 2013. С. 121).

матически описать такой «тоталитаризм». Общеевропейскому контексту исследований, критики, нелицеприятного самоанализа он партийно противопоставляет узкую агитационную задачу: *непременно интегриров ть Гитлер и Ст лин , з тем, после вынужденного нтигитлеровского союз со Ст линым, похоронить режим Ст лин т к же, к к Гитлер* . Эта «партийная» формулировка для центра мировой политики, противоборства и коалиций великих держав 1933–1953 гг. отражала, однако, не риторику такого противоборства, а внутреннюю партийную борьбу в СССР и вокруг СССР и по своим мотивам не была даже интернациональной. А там, где природа индустриальной, модерной тотальности и тоталитарности находила непартийное описание, она даже риторически оказывалась не нужна для борьбы против Гитлера и Сталина, ибо в первую очередь принуждала к борьбе против тотальности капитализма.

Так «тоталитаризм» риторически отделился от реальности индустриального мира, стал партийной агитацией и вскоре вырос в острое оружие «холодной войны» против СССР гораздо более, чем против Китая и других коммунистических стран. Ибо, несмотря на давний интернациональный смысл *тот льности*, прописи «тоталитаризма» были подготовлены на русской кухне. И вернулись в Россию как колониальный и провинциальный комикс, приобретя вес «последнего слова науки».

В. А. Козлов, М. Е. Козлов

Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг.

Партийные будни: рутина формального. Умонастроения и мыслепреступления. Страсти по партийному билету. Марксистско-ленинская учеба: феномен идейного ускользания. Проект «Великий Сталин». Воспитание преданности. Критика и самокритика. Гипертрофия бдительности. Казус Кривопалова

Введение

Наша статья продолжает цикл культурологических очерков[1], посвященных истории советского сообщества в окку-

[1] См.: *В. А. Козлов, М. Е. Козлов* . «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945–1949 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013; *В. А. Козлов, М. Е. Козлов* . Жилище как трофей: квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014; *В. А. Козлов, М. Е. Козлов* . Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М., 2017.

пированной Германии[2]. Обращаясь к партийной жизни советских коммунистов в эпоху позднего сталинизма, авторы не ставили перед собой амбициозных задач. Мы считали, да, честно говоря, и продолжаем считать, что первоочередной задачей историков, оказавшихся в последние десятилетия наедине с огромным массивом впервые открытых источников, является простая реконструкция исторических фактов и уже на этой основе дальнейшая разработка концепций и создание нарративов. Однако авторы прекрасно понимают, что любая попытка погружения в историческую прагматику партийной жизни второй половины 1940-х годов не может существовать вне контекста актуальных дискуссий о природе сталинизма, сталинистской культуре и личности, которая эту культуру в себе воплощала.

---

[2] Как и предыдущие наши работы, исследование опирается на результаты десятилетнего труда большого коллектива историков и архивистов Государственного архива РФ (ГА РФ) при участии Федерального архива Германии (Бундесархив), Центра современной истории (Потсдам, ФРГ) и Университета Северной Каролины (Чепел Хилл, США), создававших на протяжении 2001–2011 гг. Электронный архив фондов СВАГ, хранящихся в ГА РФ. В настоящее время Электронный архив СВАГ, доступный online на сайте ГА РФ, включает в себя около 280 тысяч описаний документов СВАГ, соответствующих этим описаниям электронных образов документов (многостраничные tif-файлы) и предметно-тематический тезаурус (составная часть информационно-поисковой системы Электронного архива фондов СВАГ), основанный на изучении de visu более 30 тысяч документов СВАГ и управлений СВА (УСВА) земель, федеральных земель и провинций советской зоны оккупации — нормативно-распорядительных, отчетно-информационных и партийных материалов. Предметно-тематический тезаурус насчитывает около 16 тысяч уникальных индексов, с которыми соотносятся более 270 тысяч дескрипторов, связывающих индексы (ключевые слова) с конкретными документами (подробнее см.: <Государственный архив Российской Федерации — Фонды — Электронные архивы — Электронный архив Советской военной администрации в Германии 1945–1949]: http://svag.garf.su — пункт меню «О проекте», подпункт меню «Тезаурус СВАГ» — критерии отбора документов, принципы и процедуры индексирования).

[Содержание]

Мы стремились к тому, что можно с известной долей условности назвать концептуальной детализацией позднего сталинизма. Прежде всего, речь идет о самой сущности этого явления. Считать ли подобное историческое «событие» продолжением некой протяженной эпохи, прерванной войной, а после нее достигшей своей высшей, «зрелой формы», или вслед за Джулианой Фюрст и ее соавторами отнестись к нему как самодостаточному историческому феномену[3]? Послевоенный период в СССР, как и в истории любой другой страны, выбирающейся из пепла и руин, закономерно ассоциируется с «возвращением к нормальности»[4]. Но в какой мере это «состоявшееся» после войны культурно-историческое событие было «простой» реставрацией довоенной сталинской системы, расшатанной, трансформированной и разбалансированной войной?[5] Ведь в Советском Союзе, как справедливо считает Роберт Дейл, окончание войны принесло не столько освобождение от обязательств и ограничений военного времени, сколько выдвинуло новые требования и цели — не демобилизация социальной жизни, а скорее ее ремобилизация. Война и миф, ею созданный, считает Дейл, позволили перезапустить советский проект, вдохнуть жизнь в официальную идеологию, предлагая новые возможности изменения общества[6].

«Восстановление нормальности» послевоенной партийной жизни мы попытаемся рассмотреть как соотношение

---

3 «To look at late stalinism not as period of time, but as a phenomenon in its own right»: Late Stalinist Russia. Society between reconstruction and reinvention / Ed. By Juliane Fürst. Routledge. London and NY, 2006. P. 16.

4 Содержательное рассмотрение этой проблемы см.: *Robert Dale*. Divided we Stand: Cities, Social Unity and Post-War Reconstruction in Soviet Russia, 1945–1953 // Contemporary European History. 24, 4 (2015). P. 493–516. Cambridge, 2015. См. также: *Sheila Fitzpatrick*. Postwar Soviet Society: The Return to Normalcy, 1945–1953 // Linz, ed. The Impact of World War II. The Impact of World War II on the Soviet Union. Totawa, NJ, 1985.

5 *Donald Filtzer*. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System After World War II. Cambridge, 2002.

6 *Robert Dale*. Op. cit. P. 494.

новизны и ретроградности в практиках низовых партийных организаций. Нас интересует деградация и последующая реставрация партийной дисциплины, трансформации культа вождя, актуализация концепта преклонения перед заграницей, попытки гипертрофировать бдительность или повторно использовать содержательно пустые, формальные способы «промывки мозгов» в пространстве марксистско-ленинской учебы. Не беря на себя смелость общих утверждений и выводов, авторы статьи ставят перед собой вопрос о том, в какой мере новая (!?) коммунистическая партия, «переделанная» сначала репрессиями, а потом войной, была (на низовом уровне) восприимчива к реставрационным усилиям власти и способна к «перезапуску».

Историческая реконструкция социальных практик «возвращения к нормальности» предполагает более или менее внятное представление о том, что власть и социум (либо его значимая часть) считает той «нормой», к которой следует возвратиться. Этот относительно простой вопрос, когда речь идет о бытовой стороне жизни, немедленно обращается к историку своими острыми гранями, стоит только заняться реконструкцией «норм» контроля за поведением личности вообще, личности «сталинского коммуниста» в особенности. Главный вопрос, на который нам хотелось бы ответить, звучит совсем не интригующе. Способна ли была коммунистическая партия восстановить свою довоенную «нормальность»? Вернуть себе свойства если не «ордена меченосцев», то хотя бы функции дисциплинирующего партийного механизма, конструкция которого была серьезно трансформирована многолетней войной.

Избранный нами объект конкретного исследования, выполненного в формате case study, обладал очевидным историческим своеобразием. Пять лет партийная жизнь нескольких тысяч советских коммунистов — сотрудников Советской военной администрации в Германии- проходила в особых условиях, вдали от Родины, в капиталистическом, враждебном окружении, «в чрезвычайной обста-

[Содержание]

новке»[7], что не могло не сказаться на их партийных делах и заботах. Однако формально она (эта жизнь) не могла кардинально отличаться от жизни соратников в Советском Союзе: устав и распоряжения ЦК ВКП (б) ясно очерчивали ее ареал. Человек, вступивший в партию, попадал (должен был попасть!) в жесткую систему партийных координат: партсобрания, непрерывное постижение вместе со всей партийной массой премудростей, озвученных ЦК, заучивание Краткого курса истории партии, отчеты о повышении идейно-политического уровня, неизбежные партийные прегрешения и маячивший за спинами партбюро жупел партийной комиссии, разбиравшейся с провинившимися…

К 1 мая 1946 г. в ВКП (б) насчитывалось 6 026 000 человек. Две трети из них составляли коммунисты, вступившие в партию в годы войны[8], когда требования к будущему партийцу кардинально отличались от мирного времени. В это время главным критерием партийного отбора были боевые качества и готовность жертвовать собой. Некогда было особенно проверять идеологическую подкованность. Избежавшие идеологической муштры новые коммунисты, принятые в партию в годы войны, чувствовали себя более свободными и независимыми. Они полагали, что уже доказали свою преданность на фронте. Их мозги не были промыты бессмысленным зазубриванием Краткого курса или заучиванием постановлений ЦК.

Во время войны требовалось совсем другое. И они были другими. Тем более это относилось к коммунистам СВАГ. В военную администрацию набирали молодых членов партии, награжденных орденами и медалями, с большим фронтовым стажем. Большинство были приняты в ВКП (б)

---

7 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 100. Л. 16.

8 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). 9 изд., доп. и испр. : в 16 т. Т. 8 : 1946–1955. М., 1985. С. 24–25.

во время Великой Отечественной войны (64,2%)[9]. Держать их в партийных ежовых рукавицах было сложно. Партийная дисциплина для них явно не была чем-то священным. Как выразился начальник политотдела округа Эрфурт полковник Абрамов: «партийный билет носят, а элементарного понятия о партийности не имеют»[10]. Показательно, что и те, кто вступил в партию сразу после войны, не отличались правильностью поведения. Они все время выбивались из предписанных правил и норм.

Важно понять, как измененный войной партийный социум продуцировал такие формы «нормальности», в рамках которых незаметно вызревали культурные предпосылки «оттепельного» конфликта между будущими «сталинистами» и будущими шестидесятниками. В этом отношении нам представляется чрезвычайно плодотворной мысль Л. Бессмертного о зреющих подспудно интенциях индивидуального поведения, чреватых изменением сложившихся стереотипов[11]. Ведь протагонисты «оттепели» и ее будущие антагонисты вышли из «одной шинели» — из эпохи позднего сталинизма. И применительно к этой эпохе стоит задача фактографического обеспечения проблемы психологической суверенности личности, ее способности сохранять духовную автономию в экстремальных для личной свободы условиях, ее умения использовать инструменты конформизма для защиты своего жизненного пространства.

Робкой попыткой очертить проблемное поле возникшего во время и после войны чувства некоторого раскрепощения, можно было бы считать реминисценции на тему «спонтанной и вместе с тем охватывающей миллионы людей десталинизации Отечественной войны, особенно ее

9 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 13. Л. 59.

10 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.

11 *Ю. Л. Бессмертный.* Идеи и подходы. Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000. С. 21.

трагического начала»[12]. Однако подобные суждения остаются на уровне ничем не подкрепленных рассуждений. Еще менее убедительными выглядят попытки определить послевоенные настроения «поколения победителей» как некий специфический антитоталитарный феномен — «неодекабризм». К. А. Юдин со ссылкой на давнюю работу Е. Ю. Зубковой[13] пишет об этой не очень убедительной научной метафоре как о «собирательном обозначении различных форм «вольнодумства», начиная от элементарной «повседневной сопротивляемости» — недовольства, устного выражения протеста в своей среде из-за плохих жилищно-бытовых условий жизни до более организованного, идейно-теоретического самовыражения — образования кружков, объединений, дававших различные интерпретации социалистическому строительству»[14]. Но, во-первых, прекрасно известно, что подобные проявления «вольнодумства» имели место на всем протяжении советской истории, как до войны, так и после нее, — вплоть до краха коммунизма и распада СССР. Во-вторых, наивно считать те или иные проявления недовольства, даже сопровождаемые критикой в адрес «начальства», «неодекабризмом», т. е. осознанным стремлением к изменению общественных порядков или хотя бы невнятным выражением этого стремления. Если мы действительно хотим связать ментальные трансформации советского общества, вернее, какой-то его части, с последствиями войны и пребыванием за границей, в частности в оккупированной Германии (а именно заграничные

---

12 *М. Я. Гефтер*. Десталинизация // Гефтер. Архив: gefter.ru/archive/7321.

13 *Е. Ю. Зубков* . Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 32.

14 *К. А. Юдин*. Роль органов государственной безопасности (НКВД/НКГБ-МГБ СССР в информационно-политическом обеспечении сталинского режима (1940–1950-е гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV международной научной конференции. Иваново, 23–24 марта 2016 г. Часть 2. Иваново, 2016: elibrary.ru/download/elibrary_26448142_38154885.pdf.

впечатления по существующей обыденной традиции принято считать предпосылкой «декабризма»), то здесь определение придумала сама власть, обратившая после войны острие своей критики и репрессий против «преклонения перед заграницей» и «космополитизма».

Более содержательной и эвристически перспективной представляется точка зрения Г. В. Костырченко о «подспудной деидеологизации (не десталинизации! — *Авт.*) общества», которая шла сверху с конца 1930-х гг. и достигла своего пика в годы войны[15]. В какой мере и каким образом эта «подспудная деидеологизация» затронула партийную массовку, автор не сообщает. Он только указывает, что Сталин приступил к «закручиванию гаек» спустя несколько месяцев после окончания войны, хотя «достижению этой цели препятствовала инерция победной эйфории народа»[16]. Мы предполагаем изучить реальную хронологию этого процесса, но не на уровне больших идеологических текстов или пропагандистской деятельности верхов, а на низовом уровне, в практике первичных партийных организаций.

Важной задачей исследования авторы считают рассмотрение внутрипартийных отношений в контексте активно обсуждаемой в последнее время дихотомии сталинского режима: доверие-недоверие (иногда «принудительное доверие»)[17]. Известный английский историк Дж. Хоскинг

---

15 По мнению Костырченко, этот процесс заметно усилился с момента заключения пакта с Германией и достиг своего пика в годы войны. Автор указывает на «роспуск в угоду западным демократиям Коминтерна, частичную реабилитацию Русской православной церкви и т. п.» (*Г. В. Костырченко.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 117).

16 Там же.

17 См.: *Дж. Хоскинг.* Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. 2002. № 7–8: magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/hosking.html; *Дж. Хоскинг.* Доверие и недоверие в СССР: общий обзор // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92): http://magazines.russ.ru/nz/2013/6/7h.html; *Й. Горлицкий.* Структуры доверия после Сталина // Там же: magazines.russ.ru/nz/2013/6/1g.html; *А. Тихомиров.* «Режим принудительного доверия»

связывает беспрецедентную разрушительность Большого террора в СССР со стремительным распространением всеобщего и взаимного недоверия. При этом внутри партии, пишет Хоскинг, формировались «самые невразумительные конфигурации доверия и недоверия»[18]. К сожалению, никто, как нам кажется, так и не попытался рассмотреть эти «невразумительные конфигурации» в их конкретном выражении. С проблемой доверия тесно связан вопрос о реальных проявлениях коммунистической идентичности как личностном переживании социальной и групповой солидарности. Как показал наш анализ, существование такого феномена гораздо проще обосновать теоретически, чем обнаружить его следы в повседневной прагматике.

Мы попытаемся также оценить на «полевом» историческом материале — партийных документах СВАГ — эвристическую ценность некоторых новых подходов к истории сталинизма, в частности концепции «принудительного доверия». Считается, что этот термин ввела в научный оборот Алена Леденева при рассмотрении феномена круговой поруки в российской политической культуре[19]. Он (этот термин) был подхвачен А. Тихомировым. Позиция А. Леденевой и А. Тихомирова была в свою очередь поддержана Дж. Хоскингом. По всей вероятности, известный ученый счел недостаточным рассмотрение тоталитарных режимов только с помощью категорий «доверие-недоверие» и почувствовал необходимость в расширении инструментов анализа за счет какой-то особой разновидности «доверия», возможно свойственной только тоталитарным режимам.

в Советской России, 1917–1941 годы // Там же: magazines.russ.ru/nz/2013/6/8t.html; *С. Хупер*. Доверие и террор: в поисках научного подхода к кадрам // Там же: magazines.russ.ru/nz/2013/6/9h.html.

18 *Дж. Хоскинг*. Доверие и недоверие в СССР.

19 *A. Ledeneva*. The Genealogy of «Krugovaya Poruka»: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // I. Marková (Ed.). Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe. Oxford, 2004.

Вообще говоря, приоритет в использовании этого словосочетания принадлежит Илье Эренбургу. Его статья, опубликованная в 1943 г., так и называлась «Принудительное доверие». Речь в тексте Эренбурга шла о вождизме и культе вождя в нацистской Германии. Но само «принудительное доверие» Эренбург описал как достаточно универсальное явление: «Доверие — не дитя разума, а дитя чувства. Разум стремится анализировать, делать выводы и принимать решения, он отвергает доверие, если оно не основано на данных, не поддающихся критическому анализу... Доверие не зависит от понимания. Тот, кто не понимает, *должен принудить себя к доверию* (курсив наш. — *Авт.*)»[20]. Эренбург не предлагал, да это и не входило в задачи его короткой заметки, расширительной трактовки зафиксированного им на эмпирическом уровне явления. Он ограничился пониманием доверия к вождю как особой формы самопринуждения и долженствования. Возможно ли в принципе «принудить себя к доверию»? И не выдает ли себя за «принудительное доверие» обычный и привычный конформизм?

То, что А. Тихомиров пишет о формировании доверия к власти «за счет персонификации политики и выстраивания каналов коммуникации с вождями «лицом к лицу», «многоуровневой социальной дифференциации населения на своих — «друзей» — и чужих — «врагов»», само по себе достаточно понятно и не вызывает никаких возражений. Однако обозначение одной из несущих конструкций сталинизма как режима «принудительного доверия» представляется нам семантически спорным, хотя автор и считает, что это не оксюморон. По признанию самого А. Тихомирова, у режима была другая несущая опора. Автор категорически утверждает, что «политический порядок в Советской России был нежизнеспособен без на-

[20] *И. Эренбург*. Принудительное доверие // И. Эренбург. Война (апрель 1943 — март 1944). М., 1944. С. 22–24.

[Содержание]

личия недоверия». Именно недоверие, по справедливому замечанию этого автора, выступало «ключевым фактором в формировании эмоциональных уз между населением и государством», обладало большим «потенциалом негативной мобилизации населения, используя образы внутренних и внешних врагов в интересах государства»[21]. Со своей стороны мы попытаемся рассмотреть проблему доверия-недоверия вождю, партии и государству на «низовом» фактическом материале, обратившись к помощи таких «старых», но аутентичных эпохе концептов, как «бдительность», «низкопоклонство» «культ вождя». Без подобных концептов не обходится, кстати, и А. Тихомиров, набрасывая эскиз своей концепции.

Главный герой нашего повествования — это советский коммунист, оказавшийся в условиях необычных и непривычных, существовавший в своеобразном «маленьком СССР». Именно таковым фактически и было советское сообщество в зоне оккупации. Его со всех сторон окружало то, что вожди режима и их идеологический аппарат иначе как «враждебным капиталистическим окружением» не называли. Читая документы партийных организаций СВАГ, а эти документы являются главным источником нашего исследования, испытываешь порой чувство саркастического неприятия удивительного однообразия скучных идеологических штампов и убогих клише, определивших доминанту развития общества позднего сталинизма, в какой-то мере отражавших достигнутый в это время обществом культурный уровень. К сожалению, однообразная коммунистическая риторика очень хорошо и сегодня защищает идеологическую повседневность того времени от глаз исследователя. Язык партийных документов предстает слишком понятным и чрезвычайно скудным из-за обилия шаблонов и сте-

21 *А. А. Тихомиров*. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 гг. // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92): http://nlobooks.ru/node/4227.

[Содержание]

реотипов. Наблюдение за речевым поведением сваговских партийных бюрократов и простых коммунистов дает возможность понять, насколько усвоены политические мифы и идеологические стандарты, выявить истинное отношение объектов пропаганды к пропаганде как таковой.

Особое значение в изучение идеологической повседневности второй половины 1940-х годов авторы придают прагматическому комментированию партийной лексики. Если исследователь древней, средневековой и новой истории Европы, обращаясь к семантическим методам изучения исторических процессов, мог, подобно А. Я. Гуревичу, просто уйти за рамки традиционных позитивистских историографических схем, стать культурологом, а потом — «вернуться» (и повернуться) к коллегам в принципиально новом качестве, то историки советского общества в последние два десятилетия лишь спорадически употребляли семантический подход, да порой еще и не подозревали, что «говорят прозой». Один из авторов этой книги в далеком 1992 году опубликовал статью «Феномен доноса»[22], в которой фактически занимался именно знаковой системой сталинского общества, например, пытался разобраться, как была встроена в практику доносительства система распознавания «свой-чужой». Тогда он был очень далек от того, чтобы атрибутировать семантические методы получения нового знания, но спонтанную потребность в подобной рефлексии все-таки интуитивно чувствовал. Та старая попытка соединить традиционный исторический нарратив с обращением к анализу использовавшихся в сталинской культуре знаков убедила нас в том, что такой историографический эксперимент в принципе возможен.

---

[22] *В. А. Козлов.* Феномен доноса. <По материалам фонда НКВД—МВД СССР, хранящегося в ГА РФ. 1944—1953 гг.] // Свободная мысль. 1998. № 4. См. также: *Vladimir A. Kozlov*. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944—1953 // Accusatory Practices. Denunciation in Modern European History. 1789—1989. Chicago and London. 1997.

Мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты исторического бытования специфического «партийного языка» и присущих ему концептов. Сам факт существования такого особого языка признавали на уровне обыденного сознания и некоторые из героев нашей статьи. Как выразился на одном из партактивов начальник Планово-экономического отдела М. И. Переливченко: «Язык у нас один — партийный. На этом языке мы должны разговаривать и бороться с теми трудностями, с которыми мы сейчас столкнулись»[23]. После войны в этом партийном языке произошли некоторые трансформации и изменения, которые новым коммунистам военного призыва еще предстояло освоить. Поэтому использование концептов в низовом партийном диалекте могло отличаться от предписанных начальством стандартов.

Партийный язык, как он предстает перед читателем партийных документов, бесспорно, был частью (слоем, субкультурой) языка тоталитарного, который давно попал в сферу интересов филологов[24]. Правда, они исследуют этот язык по толковым словарям и пропагандистским текстам и практически не интересуются повседневными бытованиями, запечатленными (в нашем случае) в низовых партийных документах. По выборочным подсчетам В. М. Костевой, «тоталитарная» лексика составляла не более 2% общенационального словаря. Этот результат получен на основании подсчета частоты встречаемости таких слов, как «коммунизм», «кооперация», «класс», «контрреволюция» в толковом словаре[25]. Подобные слова удобно изучать и по авторитетным идеологическим текстам с высоким

---

[23] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.

[24] *Н. А. Купин* . Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

[25] *В. М. Костев* . О правомерности термина «тоталитарная» лингвистика в современной исследовательской парадигме // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Вып. 1 (314). 2014. С. 66. Для своих подсчетов автор использова-

политическим статусом. Мы же попытаемся рассмотреть «чернорабочие» концепты сваговского партийного языка, которые предполагали оценку и самооценку коммунистов, их слов и поступков, несли в себе предупреждение и угрозу наказания, а также персонифицировали режим и сакрализировали его вождя. Подобные «приземленные» концепты доминировали во внутрипартийном дискурсе. Наш главный вопрос, насколько язык пропаганды был понятен рядовому коммунисту, в какой мере он чувствовал личную несвободу, существуя в репрессивном идеологическом поле, насколько был скован или раскован, когда вынужден был высказываться в формальной обстановке партийных активов и собраний.

Партийные документы СВАГ (за исключением партийных организаций комендатур) сосредоточены в нескольких фондах Государственного архива РФ (ГА РФ) — Р-5704 (первичные партийные организации управлений и отделов) и Р-7317, описи 10 и 11 (Политическое управление СВАГ)[26]. Всего более 5000 документов. Наиболее информативной частью дошедших до нас материалов являются протоколы партийных активов, партконференций и собраний[27], докладные записки инструкторов Политуправления СВАГ, проверявших парторганизации, а также политические донесения разного уровня, в которых собраны сведения об отношении сотрудников СВАГ к политическим со-

ла статьи на букву «К» из Толкового словаря русского языка (Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938).

[26] Здесь собраны документы Политуправления СВАГ: приказы, директивные указания, политдонесения, планы работ, отчеты, докладные записки сотрудников управления, жалобы, письма, материалы партийных расследований.

[27] К сожалению, коллекция протоколов неполная. Из провинций и федеральных земель имеются только протоколы парторганизаций УСВА федеральной земли Саксония. Большой интерес представляют протоколы партсобраний и партбюро Управления информации СВАГ, редакции «Теглихе Рундшау», газеты «Советское слово».

бытиям, их поведении в политически значимых коллизиях и ситуациях[28].

Общая схема сбора и обработки партийно-политической информации предполагала, что на каждой «партийной ступеньке» сведения обобщали, приглаживали, доводили до ума, дополняли материалами проверок, выписками из протоколов, сводок военной цензуры и отправляли дальше по инстанции. Работала громоздкая многоуровневая система. При подготовке политдонесений, например, первичные документы составляли секретари парторганизаций Центральных управлений СВАГ или замполиты военизированных структур, начиная с военных комендатур. Далее информация поступала в политотделы окружных комендатур и УСВА или политотдел Штаба СВАГ, оттуда в Политуправление СВАГ, затем в Главное Политическое управление РККА (с февраля 1946 г. Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР).

В первый год существования СВАГ сбор сведений и их оформление в итоговые документы часто проходили наспех, «казенно, непродуманно», «формально, безграмотно...». Политдонесения «отличались схематичностью и однообразием», а «вместо серьезного документа... присылали «пустую бумажку»[29]. Кому-то хватало одной-единственной страницы, чтобы отписаться по всем вопросам[30]. «Политдонесение очевидно пишет писарь, — иронизировал начальник политотдела Управления СВА федеральной земли Тюрингия А. Я. Кудря, — обо всем и ни о чем»[31]. Одним из основных недостатков подобных документов называли «умалчивание», освещение «только положительных сто-

[28] Это политдонесения о партийно-политической работе или политико-моральном состоянии личного состава (в ходу было и то, и другое название).

[29] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 41. Л. 29; Д. 42. Л. 50, 53.

[30] ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 44. Л. 43.

[31] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 42. Л. 35.

рон», «отсутствие правдивости»[32]. В дальнейшем парторги и замполиты научились изъясняться на заданные темы более пространно, но что касается основного недостатка, то от него избавиться так и не удалось.

Гораздо более содержательными и репрезентативными являются докладные записки инструкторов Политуправления СВАГ и политотделов УСВА, проводивших регулярные проверки состояния дел в партийных организациях. Особенностью сбора подобной информации было личное посещение парторганизации, беседы с коммунистами, проверка партийного хозяйства (протоколы собраний, планы работы, уплата членских взносов и т. д.). Материалы вышестоящих проверок по определению предполагали выявление (выискивание) недостатков, что превращало эти источники в уникальную по своей полноте энциклопедию проблем партийной жизни СВАГ. Конечно, и здесь хватало формализма, иногда доходившего до абсурда. Некоторые инструкторы в основном интересовались делопроизводством, правильной нумерацией протоколов, а во время проверок любили ошарашить коммунистов неожиданными вопросами, вроде: «Скажите, что вы знаете о взглядах Каутского на вопросы империализма?»[33], — чем вводили членов партии в ступор.

«Положительные высказывания» коммунистов, произнесенные в формальной обстановке партийного собрания или зафиксированные в отчетно-информационных документах, чаще походили на раскавыченные передовицы газеты «Правда» и были прямым указанием на стереотипы, доминировавшие в партийной среде и публичном пространстве. Зато скупо разбросанные по документам «отрицательные» ремарки партийцев — напротив, полны колорита. Составители часто воспроизводили такие высказывания дословно. Поэтому среди множества материалов можно время от вре-

[32] ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 48. Л. 91.
[33] ГА РФ. Ф-Р-5704. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

мени найти весьма откровенные в своей простоте выступления коммунистов на партийных собраниях, наблюдения партийных работников за «общественным мнением», доносы на коллег, письма наверх, отступления от ритуалов. Все это приближает историка к пониманию реального хода событий, раскрывает суть многократно повторяющихся однообразных действий, вроде протокольного приема в партию, разбора обстоятельств потери партийного билета, обсуждения марксистско-ленинской неграмотности и плохого знания Краткого курса истории ВКП (б). Такой взгляд на партийные документы СВАГ дает возможность в свинцово-унылой скучнейшей идеологической картинке искать отблески реальной жизни и переводить их в формат содержательного исторического нарратива.

1. Партийные будни: рутина формального

В 1945 г. все партийные структуры СВАГ находились в стадии становления. Партийные функционеры, особенно в военных комендатурах, были неопытны, не знали, как вести партийное хозяйство, учет, правильно оформлять протоколы[34]. В документах низового уровня рядом с формальной партийной лексикой можно было встретить нарушения партийного лексического этикета и даже «нецензурные выражения»[35]. Стоило политотделу встретить в политдонесении простонародную фразу «пропили всю комендатуру», как немедленно следовал окрик начальства[36]. Для подобных описаний требовалось подбирать смягчающие партийно-бюрократические эвфемизмы. Такими приемами начинающие партийные работники не владели и предпочитали «разговоры запросто». Партийная неграмотность

34 ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 41. Л. 289–292, 338–339.
35 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 32. Л. 21.
36 ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 44. Л. 43.

низовых коммунистических «вождей» привела к тому, что после отмены в августе 1946 г. военного порядка их назначения и восстановления института секретарей парторганизаций, избираемых по Уставу ВКП (б), 272 из 640 парторгов (42,5%) были переизбраны, причем большинство из них составляли не справившиеся с работой[37].

В первый период существования СВАГ партийные организации были отодвинуты от практической деятельности и оказались в стороне от главного нерва жизни военной администрации. В 1945 г. парторганизациям экономических секторов «советовали заниматься только воспитательной работой»[38], ориентировали «на невмешательство в производственные вопросы» и призывали ограничиться привычной отправкой «куда надо» сигналов о нарушениях и упущениях. Секретарей парторганизаций даже критиковали за обсуждение на заседаниях партбюро производственных дел. Начальники управлений и отделов старались оградить себя от партийной опеки и мало интересовались партийными мелочами[39]. Пренебрежительное отношение начальства к партийной работе было явлением обычным. Даже секретари крупных парторганизаций могли услышать в свой адрес: «Какое ваше дело до репарационного плана, твое дело марксистско-ленинская учеба и чрезвычайные происшествия»[40]. Коммунисты считали, что политорганы исполняли скорее роль «культурпросветчиков»[41].

До середины 1946 г. партийные организации СВАГ явно чувствовали недостаток вышестоящего внимания. Формально они были подчинены Политуправлению Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), для которого были «чужими». «Живем и варимся в собственном

---

[37] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 13. Л. 64.
[38] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 65.
[39] Там же. Л. 35.
[40] Там же. Л. 30.
[41] Там же. Л. 34.

[Содержание]

соку», — сетовал на августовском партактиве 1946 г. начальник политотдела Управления СВА федеральной земли Саксония М. И. Зяблов. — «Политуправление группы решило, что нами заниматься не следует, хотя директив пишут много»[42]. Ему вторил член партбюро Управления промышленности СВАГ Громов: «Мы на протяжении всего года ни разу не посылали протоколы в Политуправление. Вы думаете, кто-нибудь вспомнил об этих протоколах?»[43] Если так высказывались в крупных парторганизациях, что говорить о военных комендатурах, разбросанных по всей советской зоне оккупации, достаточно далеко от начальства, в том числе и партийного. Партийную работу в комендатурах, или скорее ее полное отсутствие, описал в своей жалобе начинающий коммунист Желобенко: «Очень плохо, что к нам не приезжает никакое начальство; кому платить членские взносы — не знаю, кто у нас парторг — не знаю...»[44]. То же самое творилось и в ряде других комендатур: «...по существу никакой партийной работы не было и нет, здесь даже партийные собрания не проводились...»[45].

Несмотря на «заброшенность» низовых партийных организаций в 1945 — первой половине 1946 г. отчеты о проделанной работе исправно шли наверх. Вероятно, именно они дали основание авторитетному исследователю истории СВАГ Я. Фойтцику ошибочно утверждать: «Архивные документы говорят, что уже в июле 1945 г. в СВАГ активно велась партийная работа»: принимались месячные рабочие планы, шла активная партийная жизнь, проводились семинары, совещания, партактивы, еженедельные двухчасовые занятия по марксизму-ленинизму[46]. Картина создается на удивление благостная и ... неверная. Именно такой ее и хотели предста-

---

[42] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

[43] Там же. Л. 38–39.

[44] Там же. Л. 88.

[45] ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 118. Л. 332.

[46] *Я. Фойтцик*. Политическое управление СВАГ // Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник. Отв. ред. Я. Фойт-

вить вышестоящему начальству сваговские партийные чиновники. Докладные записки инструкторов Политуправления СВАГ, проверявших состояние дел в парторганизациях и предназначенных для внутреннего употребления, говорят об ином. Да и само создание Политического управления СВАГ летом 1946 г.[47] было связано именно с необходимостью навести порядок в партийной сфере.

Это подтверждает и выступление на августовском партактиве 1946 г. только что назначенного начальника Политуправления СВАГ И. М. Андреева. Актив был посвящен обсуждению постановления ЦК ВКП(б) «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы со вновь вступившими в ВКП(б)»[48]. ЦК фактически констатировал идеологическую деградацию коммунистической прослойки и недостаточность партийного воздействия на «новых коммунистов». На языке тех лет это звучало так: новички не были достаточно сложившимися, идеологически и политически, относились к своей партийной миссии слишком формально, да и их партийная жизнь, как и партучеба, не отвечала требованиям момента. Было бы странно после таких резких оценок высшей партийной инстанции продолжать хвалебную оду налаженной партийной работе в СВАГ. Не удиви-

цик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина; при участии Х. Кюнцель, Д. Н. Нохотович. М., 2009. С. 264.

[47] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 36а. Л. 397–399; РГАСПИ. Ф.17. Оп. 117. Д. 612. Л. 135–138; *Я. Фойтцик*. Указ. соч. С. 258–267. На 1 января 1947 г. в СВАГ насчитывалось 640 партийных организаций. Всего в партийных организациях состояло 18 539 коммунистов, из них — 77,4% коммунистов-военнослужащих и 22,6% коммунистов вольнонаемного состава. 69,8% коммунистов были приняты в партию во время войны. Женщин среди партийцев СВАГ насчитывалось 10,29%. Коммунистов с высшим и незаконченным высшим образованием было 27,3%, средним — 37,7%, неполным средним — 25%, с начальным — 9,5%. 51 человек не имел начального образования. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 13. Л. 57–60.

[48] КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 24–30.

тельно, что генерал-майор Андреев нарисовал удручающую картину послевоенной партийной жизни[49], обвинив парторганизации в «волоките и бюрократизме»[50].

Сами коммунисты называли стиль партийной работы порочным. Он сводился «к тому, чтобы время от времени заседать, собираться, принимать решения, а между заседаниями ничего не делать. Даже своих решений не выполнять...»[51]. Изредка беспокоили проверяющие из политотделов или Политуправления. Они требовали то правильно оформленные протоколы партсобраний, то планы работ. Но с этим парторги постепенно научились справляться. Одни просто формально отписывались, представляя наверх планы, составленные наспех и по шаблону. Другие из месяца в месяц дублировали и вносили в план одни и те же мероприятия[52] или ограничивались исключительно календарными событиями, приуроченными к праздничным «красным датам»[53]. Звучавшие на партактивах призывы «вложить душу»[54] в то, что по определению исключало всякую «душевность», явно не находили отклика у партийцев.

На партсобраниях выступали в основном штатные ораторы, всегда одни и те же. Решения принимали неконкретные, ни к чему не обязывающие. Коммунисты «отмалчивались или выступали тогда, когда их принудят к этому»[55]. На собраниях было скучно и неинтересно, зато спокойно. Начинались они порой с большим опозданием и проходили под шум, разговоры и чтение газет[56]. Партработники сообщали об «отдельных коммунистах», которые смотрят

49 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–31.
50 Там же. Л. 7.
51 ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.
52 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 68. Л. 237.
53 ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 64. Л. 18–22.
54 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 96.
55 Там же. Л. 27; Л. 73; Д. 14. Л. 114; Д. 42. Л. 112; Д. 53. Л. 1; Д. 87. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 35. Л. 143; Д. 46. Л. 209–212; ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 62. Л. 183 и др.
56 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 36. Л. 23.

на собрания «как на скучную повинность, где они только отсиживают положенное время»[57]. Учитывая особенности «низового» партийного языка с его склонностью скрываться за смягчающими эвфемизмами, подобные сообщения указывали скорее на правило, чем на исключение из него. Во всяком случае, именно так вели себя коммунисты, когда на собраниях рассматривали текущие рутинные вопросы: участие в выборах, подписка на займы и т. д.[58]

В отчетах Политуправлению СВАГ партийные работники должны были, информируя о партсобраниях, непременно указывать, сколько человек выступило. Именно это было свидетельством хорошей работы. Чтобы получить нужный результат и заслужить одобрение начальства, «раскачивали прения» (возник соответствующий термин!). Президиум собрания должен был упрашивать коммунистов[59], обращаться к «штатным ораторам». Иногда специально делали перерыв, во время которого и проходило это «раскачивание». Лишь затем коммунисты набирались смелости выступить[60]. Порой у тех, кто «пассивничал», требовали объяснений. Их оправдания показательны. Один заявил, что он теряется и боится выступать. Второй не смог внятно объяснить, почему он постоянно молчит на партсобраниях, но клятвенно обещал изжить свою пассивность. Третий утверждал, что не знает, о чем говорить. Четвертый, сохранявший долгое время партийный энтузиазм, был просто разочарован и рисовал печальную картину бессмысленности таких выступлений: «очень немногие говорят по существу», а когда он поднимал важные вопросы, то все равно ничего не менялось и «все неполадки оставались в силе...»[61].

57 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 47. Л. 374.

58 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 61. Л. 8–9; Д. 95. Л. 91–92; Д. 98. Л. 22; Д. 143. Л. 37; Д. 145. Л. 15–16; Д. 149. Л. 16–17 и др.

59 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 17. Л. 313.

60 ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 49. Л. 275.

61 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 44. Л. 15–16.

[Содержание]

Многие старались не вылезать. Можно было сказать что-то неправильное и совершенно не нужное, а то и опасное. Партийцы понимали всю бессмысленность и формализм таких выступлений. В некоторых низовых партийных организациях члены ВКП (б) коллективно манкировали партийными обязанностями. Более независимыми чувствовали себя образованные сотрудники в таких отделах, как, например, редакция газеты «Теглихе Рундшау». Работу этой парторганизации в 1946 г. проверял генерал-майор Миленин. Он был возмущен тем, что «по существу там нет никакой партийной работы. Представьте себе, что в течение года партбюро не составило ни одного плана ... Ни один доклад, ни одна лекция не проведены.., основная часть работников этой редакции... считает себя вполне подготовленными и что им работать над собой не нужно. Они наши центральные газеты не читают, читают только «Теглихе Рундшау», и то те статьи, которые редактируют сами. Партийные собрания в редакции редко, но проводились, а какие принимали решения? «Заслушав доклад, постановили принять к руководству и неуклонному исполнению», «поставить вопрос... увеличить количество пайков»[62]. В начале 1947 г. в редакции мало что изменилось. Общие собрания в течение 3–4 месяцев не проводились. Чтобы прикрыть свое полное бездействие, решили отчитаться траурным митингом, посвященным годовщине смерти В. И. Ленина. В ход пошли и праздничные мероприятия: 29-летие Советской армии, Международной женский день и т. д.[63]

Столь же пренебрежительно, хотя и по другой причине, относились к требованиям Устава ВКП (б) коммунисты оперативных секторов НКГБ (МГБ) в провинциях и землях[64]. Они

---

[62] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 35–36.

[63] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 14. Л. 186.

[64] Распоряжение о взятии на учет и политическое обслуживание «партийных организаций оперсекторов СВА провинций и федеральных земель, а также подчиненных оперсекторам окружных и уездных отделов» датируется 26 ноября 1946 г. Причем начальники политотделов и их за-

занимали особое положение, с ними не связывались. Часто здесь просто игнорировали указания партийного руководства, скрывали нарушения партийной дисциплины[65]. Могли пренебрежительно высказаться в адрес парторга: «На такой работе, как ты, Васильковский, можно сто лет прожить. Деньги получаешь, и работай, чего требуешь с нас? Партийные работники — это болтуны»[66]. Проверяющие сообщали в Политуправление СВАГ, что «некоторые работники оперсектора (г. Берлина. — *Авт.*) считают, что директивы Главного Политуправления их не касаются»[67], в оперсекторе земли Бранденбург «протоколов собраний не ведут, в результате не представляется возможности проверить, когда были партсобрания и по каким вопросам»[68]. Будущие обвинения преемников Сталина в том, что органы госбезопасности поставили себя над партией, имели, как мы видим, и такую, вполне реальную, бытовую основу.

Стиль партийной работы в СВАГ сами коммунисты определяли, как «формально-канцелярский»[69]. Строго говоря, именно формализм был главным средством самообороны коммунистических конформистов на низовых и средних уровнях ВКП (б). Старший инспектор Политуправления СВАГ К. Ф. Малышко в августе 1948 г. проверял политотдел Штаба СВАГ. Результаты проверки обескуражили даже опытного политработника. Оказалось, что политот-

---

местители, «учитывая особые условия парторганизаций, должны были только лично заниматься ими. До этого оперсектора были «прикреплены к политотделам пограничных полков МВД СССР...», которые, как отмечал зам. министра МГБ СССР Н. К. Ковальчук, не смогли обеспечить «надлежащего руководства работой парторганизаций оперсекторов и подчиненных им органов». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 1. Л. 49–50.

65 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 17. Л. 320.

66 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 17. Л. 316.

67 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 35. Л. 61.

68 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 39. Л. 536.

69 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 59.

дел «за 7 месяцев направил в парторганизации 775 различных секретных и несекретных бумаг, т. е. 110 бумаг в месяц. Кроме того, политотдел получил от парторганизаций за это время 2965 бумаг и донесений...». Вполне справедливо Малышко предположил, что политотдел не в состоянии был их прочитать и проанализировать. На некоторых донесениях не было никаких пометок, кроме записи: «В дело»[70].

В партийной жизни СВАГ, во всяком случае, в первые два—три послевоенных года, не чувствовалось боевого коммунистического нерва предвоенных лет. Не было поначалу и «атмосферы страха, ненависти и сомнений, многочасовых собраний, где во взаимных обвинениях... гибли и ломались судьбы»[71], не было «кипучей партийной жизни»[72], «того напряжения, которое должно было быть»[73]. Скорее налицо было прямо противоположное: «самоуспокоенность» и«благодушие...»[74]. У молодых коммунистов, вступивших в партию на фронте, отсутствовали элементарные навыки участия в партийных собраниях. Ведь во время войны эти собрания «в силу боевой обстановки проводились накоротке» или заменялись партийными конференциями, не требовавшими активного личного участия[75]. Старые коммунисты возмущались: «Мы много заседаем, много говорим и всегда повторяем одно и то же. Вспоминаю первые годы своего пребывания в партии. Тогда парторганизатора уважали, и его авторитет был высок. Теперь же у нас этого нет»[76]; «... здесь, за границей, многие коммунисты стали пассивны, ведут праздный образ жиз-

---

70 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 36. Л. 327, 329.

71 *О. Л. Лейбович.* Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936—1938 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 3 (30). С. 165.

72 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 39. Л. 534.

73 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 57.

74 Там же. Л. 21.

75 Там же. Л. 114.

76 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 54. Л. 46.

ни, больше уделяют внимания портным, чем своему идейному воспитанию...»[77].

Ритуализированная, существующая в спущенных сверху рамках партийная жизнь априори была склонна к формализму. Но отказаться от него было невозможно. Формализм работал как стабилизирующий фактор. Выхолащивая и убивая всякую инициативу, он помогал партийной власти закреплять стереотипы, процедуры, определял параметры партийной работы, помогал контролировать парторганизации. Формальные требования задавали организационный каркас, вызывая при этом ответную формальную реакцию. А требование активности, обращенное к коммунистам, само по себе становилось обычным ни к чему не обязывающим ритуалом.

По своему настрою послевоенная партийная жизнь явно отличалась от 30-х годов. Чувствовались определенные послабления или, если сказать по-партийному, «разболтанность» партийцев. Особенно вольготно вели себя коммунисты в военных комендатурах. Там было зафиксировано целое социальное явление — «штрафные» партийные организации. В некоторых из них каждый второй коммунист имел партийные взыскания. Но больше всего партийное начальство пугало то, что «бури негодования» по этому поводу не наблюдалось. Напротив, если на партийном собрании обсуждали провинившегося, то некоторые коммунисты говорили: «никто дескать... не без греха»[78].

Если в годы Большого террора «высшая политическая власть» восстанавливала «порядок» в партии чрезвычайно жесткими методами, ведя «кампанию по уничтожению коллективного прошлого, разрушению сложившихся репутаций»[79], то поначалу, после войны, обеспокоенность ситуацией вылилась в увещевания и призывы. Немного от-

[77] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 84. Л. 19.

[78] Там же. Д. 5. Л. 72.

[79] *О. Л. Лейбович*. Указ соч. С. 165.

ступил страх перед партийной дисциплиной. С новыми коммунистами — фронтовиками, видимо, не хотели обращаться жестко. Но терпения высшего партийного руководства хватило ненадолго.

2. Умонастроения и мыслепреступления

Партийные документы СВАГ, предназначенные для информирования верхов, часто предлагали некую пасторальную картину всеобщего единодушия и благостности. Особенно завораживает виртуальная реальность отчетов и докладных записок, поступавших из парторганизаций: «настроение здоровое», марксистско-ленинской учебой занимаются из последних сил, распоряжения, поступившие сверху, приняты к исполнению и осуществляются на отлично. Вся эта партийная благодать подкреплялась, иллюстрировалась положительными высказываниями коммунистов и беспартийных. Примеры наскребали из выступлений на партсобраниях, митингах, занятиях, политинформациях, во время коллективных бесед или читки газет[80]... Подобные речевки часто были заранее подготовлены и уже потому оказывались совершенно правильными и политически выдержанными. Ораторы знали, что именно они должны говорить. «Окно Овертона», определявшее пределы допустимого в коммунистическом дискурсе, контролировала партийная пропаганда, постоянно сужавшая (и менявшая) границы дозволенного и ограничивавшая свободу публичных высказываний. В существовавшей системе идеологических координат идущий снизу вверх «негатив» партийным работникам следовало еще и процеживать через мелкое сито, соотнося его с безусловной правильностью вышестоящих суждений. Как остроумно

[80] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 44, 92, 96, 111, 115, 152; Д. 38. Л. 255 и др.

заметил по этому поводу Н. Вахтин, «утверждения передовицы газеты «Правда» и речи на пленумах не проверяются на истинность и ложность, у этих высказываний важно другое противопоставление: они могут быть лишь «правильные» и «неправильные»... Например, если утверждается, что «весь советский народ, как один человек, одобряет политику партии и правительства», — это верное утверждение или ложное? А мы не знаем. Но оно правильное — вот так надо говорить»[81].

Оптимистические оценки настроений коммунистов и беспартийных, постоянные указания на «здоровое» политико-моральное состояние иллюстрировались высказываниями, написанными как под копирку. Темы оговорены, примеры предсказуемы. В этом отношении абсолютное большинство политдонесений похожи друг на друга, они стандартны. Очевидно, что и оценка политико-морального состояния чаще всего была обычной бюрократической отпиской, не имеющей к реальности никакого отношения. Партийный бюрократ удовлетворяется поверхностным описанием вещей, контроль ведет выборочный. Но феномен многочисленных «правильных высказываний», зафиксированных в политдонесениях, нельзя объяснить простыми бюрократическими уловками. Коммунисты, попадая в публичное пространство, действительно произносили все эти правильные слова и старались пользоваться партийным языком. Так они защищали себя от «бдительности» партийных активистов и окружающих. Страх перед порицанием и наказанием включал защитный механизм партийного конформизма, безопасного использования проверенных речевых кодов и клише. Другой язык для оценки

[81] Летом 2015 г. профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Николай Вахтин прочитал в НИЦ «Мемориал» публичную лекцию «Советский язык и его последствия». После лекции он дал интервью интернет-изданию «Телеграф»: https://openuni.io/course/5-course-4/lesson/15/material/528.

[Содержание]

действительности был возможен скорее как случайная саморазоблачительная проговорка в частном кругу очень доверенных людей, да и то в подобных референтных группах попадались доносчики и информаторы. Неудивительно, что люди, следуя обыденной логике защитного конформизма, старались говорить и даже думать «правильно». Очень редко, к счастью для исследователей и к несчастью для тех, чьи крамольные высказывания попадали в сводки настроений, в поле зрения оказывалось то индивидуальное, которое, по мнению Ю. Л. Бессмертного, особенно наглядно передает культурную уникальность своего времени[82]. А эта культурная уникальность состояла отнюдь не только во «всенародной поддержке».

Другое дело, что выявить и отследить эту другую реальность достаточно сложно. Для партработников исправный сбор сведений о настроениях подопечных, а тем более выискивание компромата на сослуживцев был делом трудоемким и неблагодарным. Одно дело перечислить проведенные лекции, назвать темы политинформаций, совсем другое — кропотливо «копать», собирать разными путями неосторожные высказывания, слухи, вопросы, которые должны были лечь в основу картины неправильных умонастроений. Далеко не все охотно занимались подобной сыскной работой. Такая «недобросовестность» политработников стала одной из причин того, что послевоенный «дух свободы» какое-то время не удавалось вытравить из сознания коммунистов, отгородившихся от «недреманного ока» партии привычным конформизмом.

Отсутствие энтузиазма в деле сбора компромата и информирования верхов объяснялось еще и тем, что, переборщив с «негативом», можно было вместо похвалы получить отри-

[82] *Ю. Л. Бессмертный*. Идеи и подходы. Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М. 2000. С. 21.

цательную оценку собственной работы. Энтузиасты-разоблачители, конечно, имелись. Заместитель военного коменданта по политчасти района Бад-Фрайенвальде хвастался начальнику политотдела УСВА провинции Бранденбург, как он толково и обстоятельно изучает своих подчиненных: «Настроения личного состава я изучаю путем личного общения с солдатами и сержантами и индивидуальной работы с ними. О каждом случае нездоровых отношений информирую коменданта. Кроме того получаю информацию от отдельных коммунистов и комсомольцев. Таким же путем изучают настроения своих подчиненных командиры взводов и рот»[83].

Если систематизировать источники сведений о «нездоровых настроениях», то набор их достаточно разнообразен: «на занятиях офицерского состава»[84], «в беседе с офицерами, заявил»[85], «в беседе с товарищами»[86], «в разговорах»[87], «на партийном собрании»[88], «в беседе с заместителем коменданта по политчасти»[89]...Некоторые замполиты, как мы видим, информацию черпали из частных разговоров с сотрудниками. Подобные беседы рекомендовалось проводить «по-отечески», «задушевно», не в официальной обстановке. Только в этих условиях, по мнению партийных руководителей, подчиненные могли расслабиться и раскрыть свою сущность, или, как тогда говорили, «истинное лицо». Вызов подчиненных в кабинет для бесед политическое руководство СВАГ считало не очень результативным и не одобряло. Поэтому коменданта районной комендатуры Фридрисхайн, подполковника Сушинского, хваставшегося, что он «пропустил» таким образом «уже целый невод», отругали,

83 ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 265. Л. 11.
84 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 137.
85 Там же. Д. 21. Л. 88.
86 Там же. Д. 21. Л. 58; Д. 38. 156.
87 Там же. Д. 21. Л. 60, 89.
88 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 133. Л. 11.
89 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 156.

указали на наивность подобных рассуждений и объяснили, что можно «пропустить и всех подчиненных через свой кабинет», но настроений и запросов так и не узнать[90].

Неправильно думающих вылавливали во время занятий по марксистско-ленинской подготовке, на политинформациях, во время инспекторских проверок: «Чупандин на занятиях по нэпу, опять начал задавать вопросы, а почему «в каждой деревне была селедка и товары, а после этого вдоволь никогда не было?»[91]; «во время изучения постановления Совета министров и ЦК ВКП (б) о фактах нарушения Устава сельхозартели тов. Князев говорил: «Это постановление ничего хорошего не даст, поскольку оно на местах выполняться не будет, и как все было по-старому, так и останется». Когда Князеву «разъяснили неправильность его понимания», он продолжал упорствовать: «А почему раньше не выполнялись все постановления?»[92]

Откровенные разговоры и беседы с сослуживцами коммунисту следовало вести с сугубой осторожностью. Коллеги «по-товарищески» (подробно и с праведным гневом) могли пересказать содержание частной беседы на партсобрании или по-тихому информировать начальство. Кто-то сказал, что «лучше застрелиться, чем ехать в СССР»[93], и об этом тут же стало известно партийным органам. Член ВКП (б) капитан Тимофеев «в группе товарищей из Комендантского управления» наговорил много лишнего о Хрущеве и Кагановиче. От «тов. Тимофеева» потребовали признания ошибок. Заодно ему разъяснили «вредность и непартийность таких разговоров»[94]. Энтузиасты партийного сыска были готовы инкриминировать коммунистам и беспартийным вполне невинные высказывания. Для та-

---

90 Там же. Д. 36. Л. 2.
91 Там же. Д. 20. Л. 137–138.
92 ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 57. Л. 215.
93 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 117.
94 Там же. Д. 133. Л. 11.

ких политработников криминалом могло стать, например, нелицеприятное, хотя и правдивое, высказывание об автомобиле «Москвич»: «Москвич» тот же Кадет (немецкий Автомобиль Opel Kadett. — *Авт.*), только в лапти одет»[95].

Когда сотрудник редакции газеты «Советское слово» Кизилов вернулся из СССР после отпуска, то поделился своими не очень радостными впечатлениями с ответственным редактором газеты Н. А. Бубновым[96]. А тот поспешил выступить с разоблачением на партсобрании. Пришлось оправдываться: «Слова докладчика в мой адрес явились для меня как снег на голову. Везде и всюду я считаю себя советским человеком. Судя по выступлению т. Бубнова, что, побывав в отпуску, я морально не зарядился. Я безгранично радовался Родине. Был на площади Маяковского. Я бы рассказал о многом т. Бубнову, но, к сожалению, не было времени. Я сказал, что в Таганроге перебои с хлебом. Но в чем причина, я не успел ему рассказать. Я уверен, что, побывав на Родине, зарядился и прошу партсобрание поверить мне»[97]. Кизилов отделался предупреждением.

Подобный эпизод отнюдь не был исключением. Выступавшие на партсобраниях часто указывали пальцем на тех, кто позволял себе«порочащие» коммуниста слова. По мере того как партийная верхушка усиливала идеологический нажим на коммунистов, расширяя сферу борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством перед заграницей», росла и активность тех, кто охотно выносил содержание частных высказываний на партийный суд. Достаточно невинные и простительные раньше слова становились теперь предметом осуждения на партийных собраниях. Достойными порицания и непатриотичными стали считаться, например, высказывания о том, что здание Совета министров «построено плохо и что помещения немецких управлений

95 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 21. Л. 89.

96 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 42.

97 Там же. Л. 44.

сделаны куда лучше и красивее»[98], «немецкие инженеры несравненно выше стоят советских инженеров...», «американцы, англичане и французы культурнее и воспитаннее, наши же грубияны...»[99]. Тем более крамольными были утверждения о том, что «Германия разбитая и нищая, а восстанавливается быстрее нашего СССР»[100].

По-прежнему в ходу было «корыстное доносительство»[101], т. е. использование политической конъюнктуры в личных целях. Член ВКП (б), машинистка военной комендатуры района Виттенберг, недовольная своей сослуживицей, из-за которой она была уволена с работы, сообщила начальнику политотдела УСВА земли Саксония о ее антисоветских настроениях. Назвала она свой опус-донос «О человеке, потерявшем советское лицо». Доложила, что сослуживица, вернувшись из отпуска, утверждала, что «в России творится такой ужас, сердце кровью обливается. После отмены карточек, люди голодные, денег ни у кого нет, магазины пустые, а в Москве товары лишь немецкие. Мнение о советской печати непристойное. Говорит: «Думаешь, правду пишут в газетах...»[102].

Коммунисты СВАГ не могли быть откровенными даже в личной переписке. Здесь тоже следовало соблюдать правила ортодоксальных коммунистических высказываний и следить за своим речевым поведением. Цензура направляла информацию с неосторожными цитатами в политотделы для принятия мер[103]. На месте проводили расследование. И хорошо, если провинившийся отделывался беседой.

Опасно было откровенничать с незнакомцами. Майор Котелов, секретарь парторганизации санатория Бад-Эль-

---

98 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 107.

99 Там же. Л. 109.

100 Там же. Л. 112.

101 Подробнее о корыстном доносительстве см.: *В. А. Козлов*. Феномен доноса...

102 ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 245–253.

103 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 51. Л. 299–300.

стер, почувствовал это на себе. В сентябре 1948 г. проходила партконференция земли Саксония. Два делегата подали заявление в президиум. В участнике конференции майоре Котелове они узнали офицера, с которым 18 декабря 1947 г. ехали в одном вагоне поезда Брест—Берлин. Майор, по их утверждению, «вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства в связи с проведением денежной реформы». Партконференция единогласным решением лишила Котелова делегатского мандата, майор был арестован. Его коллеги по работе, которые слышали и раньше его враждебные высказывания, но ничего не предпринимали, были выявлены и привлечены к партийной ответственности. Досталось и бывшему заместителю по политчасти, который к этому времени уже уехал в СССР. Материал о нем был выслан на новое место работы[104].

Информирование, или проще говоря, доносительство не только поощрялось, под него стремились подвести партийные этические нормы, оно было системообразующим элементом партийной дисциплины. Коммунистов учили, как правильно понимать партийное «товарищество», и активно боролись с «поверхностным взглядом на него». «Мы часто не умеем или не понимаем о товариществе... Зная, что коммунист делает не по-партийному, ведет себя плохо, все же парторганизацию не информируют — это неправильно, ошибки надо критиковать смело, принципиально, а не замазывать... Мы находимся за рубежом, и здесь необходима наша честность»[105]. Членов партии пытались избавить от ненужного комплекса товарищества. «Коммунист должен быть до конца коммунистом, у него не может быть двойственности чувств», — так определил одну из норм «коммунистической этики» начальник отдела репатриации СВАГ М. Г. Юркин. Да и донос — это не донос, а святей-

[104] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 106–107.
[105] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 46. Л. 77.

шая обязанность партийца. «Неправильно некоторые товарищи думают, что если кто-либо о чем-то сказал парторгу, то это является «кляуза». Каждый член партии обязан информировать парторга обо всех недостатках, и это не кляуза, а долг каждого коммуниста», — убеждал Юркин товарищей по партии. По его мнению, коммунисту следовало усвоить, что «не должно быть разделения разговора для узкого круга и широкого». Такие разговоры просто «недопустимы»[106]. Тех, кто игнорировал партийные указания, обвиняли в круговой поруке и семейственности. Малейший публично высказанный (и, что важно, зафиксированный) намек на аполитизм или инакомыслие немедленно вызывал ответное действие партийных органов по локализации отрицательных настроений. И в этом случае пострадавший становился объектом самого пристального наблюдения. В полную силу работала политическая прагматика режима — опасны были не только те или иные альтернативные мысли сами по себе, но и любые вариации дозволенного[107].

Иногда описание отрицательных настроений сопровождалось ремаркой о принятых мерах: «взят под особое наблюдение», «изучается органами МГБ», «проведена беседа», «вызван на партбюро и предупрежден», «установлен соответствующий контроль»[108]... Однажды старший лейтенант Босенко в частном разговоре высказал мнение о политработниках. Он назвал их болтунами, которые «задаром деньги получают, и вообще политика такая наука, где особых знаний не требуется, в лишь бы уметь много болтать языком. Вот техника — это другое дело, там нужна точность, нужна голова и знания». Это высказывание в мае 1947 г. было квалифицировано начальником Политуправления

[106] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 46. Л. 38, 77.

[107] Подробнее см.: *В. А. Козлов*. Введение. Что такое крамола? // Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005. С. 7.

[108] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 138, Л. 154; Д. 21. Л. 60, 87, 89.

СВАГ И. М. Андреевым как клевета «на весь офицерский состав», а сам старший лейтенант немедленно попал «под колпак». За поведением Босенко был установлен контроль и начато «изучение» его настроений и действий[109]. Как видим, информация о неправильных мыслях, дошедшая до самого верха сваговской партийной иерархии, превращалась в основание для серьезных политических инвектив. В то же время низовые политработники, даже самые ретивые, старались не обобщать «негативные проявления», предпочитая уклончивые выражения: «немногие», «часть», «некоторые»... Тем самым они внушали руководству, что недостаток локализован, что это не тенденция, не основное, речь идет о частном случае, об отдельном человеке.

Партийных начальников постоянно тревожила филиация неправильных идей. Опасность, как мы уже показали выше, представляли, в частности, те, кто вернулся из СССР и видел, что происходит на Родине. 30 мая 1946 г. начальник политотдела Штаба СВАГ генерал-майор Андреев разослал указание начальникам управлений и отделов, парторгам, заместителям по политчасти о необходимости проводить беседы с сотрудниками, вернувшимися из отпуска: «Политотделу стало известно, что возвращавшиеся из отпусков некоторые военнослужащие и вольнонаемные сотрудники в своих разговорах и беседах об условиях жизни в Советском Союзе положение дел рисуют в сгущенных и пессимистических тонах. Предлагаю: в каждом отдельном случае Вам лично беседовать с сотрудником, возвратившимся из отпуска, внимательно его выслушать и помочь правильно разобраться и сориентироваться в обстановке. Когда будет вызываться необходимостью, за помощью обращаться в местные советские и партийные органы, чтобы устранить тот или иной недостаток, касающийся семьи военнослужащего или вольнонаемного, занятого работой в СВАГ»[110].

[109] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 21. Л. 25.
[110] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 14. Д. 6. Л. 74.

С теми, кто побывал в СССР, беседовали по-партийному, чтобы не сказали чего-нибудь лишнего, а рассказы уже «подготовленных» отпускников использовали в агитационных целях.

Суть проблемы для коммунистов состояла не в том, что они говорили неправду, например, о трудностях с хлебом в Таганроге, а в том, что это была неправильная, непартийная правда. Так формировалось «неявное знание»[111] члена партии о допустимом и недопустимом в речах и высказываниях, вырабатывался речевой автоматизм, спасавший от «проговорок», включались механизмы личной защиты от опасной репрессивной тотальности — лицемерие и конформизм. Мучительный когнитивный диссонанс между тем, что пишут газеты, и тем, что видел сам и о чем не дозволено говорить, оставлял коммунисту лишь один выход — двоемыслие. В обыденной жизни следовало помалкивать и руководствоваться собственным практическим опытом («в Таганроге хлеба нет». Надо думать, где его достать для жены и детей, иначе не проживешь и не прокормишь семью). А в публичных высказываниях и при посторонних — говорить то, что нужно партии: с хлебом все хорошо.

«Неправильное» понимание коммунистами «текущего момента», вынесенное в публичную сферу, грозило провинившимся не просто профилактическими беседами. Вина капитана Натфулина, осужденного военным трибуналом к 10 годам лишения свободы, состояла в том, что в течение нескольких месяцев он «вел антисоветскую пропаганду..., возводил клевету на существующие порядки в СССР и восхвалял при этом жизнь немецкого населения в Германии. Свои антисоветские разговоры о плохих материальных условиях жизни в Советском Союзе, о неправильной налоговой и карательной политике, он вел в узком кругу офицеров, с которыми работал

[111] О феномене «неявного знания» см.: *С. Н. Боголюбов* . Повседневность: феномен неявного знания. Автореф. дисс.... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

вместе»[112]. После таких приговоров коммунистов преследовал ужас недоверия, страх сболтнуть лишнее. Безопасные речевые коды лучше было черпать из газет, а не заниматься самодеятельностью. И если советская власть после войны в течение нескольких лет не могла накормить народ и скрыть информацию об этом, то заставить молчать и публично произносить правильные речи было вполне ей по силам.

Казалось бы, угроза наказания за мыслепреступления была очевидной. И можно понять, когда «неправильные слова» произносили малограмотные и беспартийные рядовые, например из Западной Украины. Они еще не усвоили правила лояльного советского поведения. Но почему не срабатывала самоцензура у опытных офицеров-коммунистов, таких как сотрудники Управления внешней торговли СВАГ? Почему на занятиях кружка текущей политики они вдруг начинали размышлять о совершенно «ненужных» для подобных занятий вещах: «Рабочие в СССР жили хуже, чем рабочие в Германии». Да еще и засомневались в том, что коммунизм будет скоро построен. На это эпохальное строительство они отводили лет двести[113]. Вольнодумцев сразу же взяли на заметку, с ними «по этим высказываниям» побеседовал секретарь парторганизации. А кружок, на всякий случай, был укреплен опытным руководителем-демагогом.

Почему заместитель военного коменданта по политической части Ворочин Ф. Д. вдруг публично высказался «против одного из руководителей партии и правительства»? И был осужден за это на 25 лет[114]. Личность этого «матерого антисоветчика» явно не отвечала политическим стандартам. Он руководил марксистско-ленинской учебой в комендатуре[115], сам ходил с проверками по квартирам офицеров

[112] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 21. Л. 24–25.
[113] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 126.
[114] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 27. Л. 103; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 98. Л. 125.
[115] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 25. Л. 162–167.

на предмет недозволенного, проводил личные беседы с сотрудниками, выявляя нездоровые настроения...

По-видимому, до развертывания идеологических кампаний в 1947–1949 гг. на неправильные речи меньше обращали внимания. Во всяком случае, поначалу начальник отдела международной жизни редакции газеты «Советское слово» Егоров совершенно спокойно мог делиться своим нелестным мнением о книгах, которые считались в то время образцами социалистическим реализма: «Мне наплевать на то, что о книгах думают другие, у меня свое мнение. Пусть даже они удостоены Сталинской премии, я считаю, их плохими произведениями, и мне никто не запретит давать им такую оценку»[116]. Речь шла о романе С. П. Бабаевского «Кавалер Золотой звезды». Однако в марте 1949 г. коммунисты редакции газеты «Советское слово» спохватились. Кадрового военного, 38-летнего подполковника В. Н. Егорова, бывшего во время войны редактором дивизионной газеты и членом партийной комиссии[117], обвинили в том, что он отзывался о «признанных народом и партией произведениях в таком тоне, что это дрянные, плохие произведения»[118].

Подполковник пытался отбиться и отступить без особых потерь: «Ни у кого из нас партия не отнимала права личного суждения, но важно, чтобы личное суждение было с партийных позиций. Раньше мы читали самые противоречивые мнения критиков о советской литературе. И мне казалось, что поскольку у меня есть свое суждение, то пусть себе пишут что хотят, а я буду оставаться при своем мнении. Но так как наша задача доносить политику партии до масс, мы не всегда можем и должны свои личные, субъективные мнения считать законом». Его-

116 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 6.

117 См.: Владимир Николаевич Егоров // Подвиг народа. 1941–1945: http://podvignaroda.ru.

118 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 7.

ров пытался легализовать как раз ту самую пресловутую «двойственность чувств» — для себя и для общественности, — с которой уже начали активно бороться. Подполковника поправили: нужно быть таким, чтобы «партийное мнение стало твоим личным мнением»[119]. Когда поняли, что офицер не торопится каяться, помели по сусекам и припомнили другие недозволенные речи: «ТАСС — это самое захудалое агентство в мире»[120], «следует иметь два агентства, чтобы они между собой соревновались»[121]. Оценив, наконец, ситуацию, Егоров начал каяться и объяснять: «Должен отметить, что произведение «Кавалер Золотой звезды» я сильно критиковал, но ошибся. Моя ошибка заключается в том, что я базировался на отдельных композиционных недостатках, делая вывод обо всем произведении... В период борьбы за чистоту критики, против космополитов, когда значение и роль партийной критики все более возрастают, такое заявление не четкое и по существу неправильное... Говоря о ТАСС, я имел в виду не правдивость, не объективность, а только его неоперативность»[122]. Через два месяца Егорова убрали из СВАГ от греха подальше. Он был откомандирован в Советский Союз в один из внутренних военных округов[123].

«Нездоровые» высказывания, проговорки, неправильные мысли, которыми продолжали делиться вслух, не обращая внимания на последствия, выглядят сегодня несколько «безумными», как и подобный выбор стратегии поведения. То, что неприемлемо, недопустимо и опасно, было достаточно известно, хотя высшая партийная власть постоянно расширяла границы крамолы. И все-таки система «табу» автоматически не срабатывала. Офицер, за-

[119] Там же.
[120] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 8.
[121] Там же. Л. 10.
[122] Там же.
[123] ГА РФ. Ф. Р-9433. Оп. 2. Д. 8. Л. 72.

нимающий руководящую должность, должен был действовать с известной долей автоматизма, в соответствии с наработанным опытом. А у него вдруг отключался самоконтроль. Феномен «расторможенного сознания» мог возникнуть лишь при определенных обстоятельствах и условиях, например при эмоциональном потрясении от тяжелых вестей из дома, пережитой обиде и унижении, в приступе дружеской откровенности, во время застолий. Нередко мы сталкиваемся с явлением, которое можно назвать антисоветским алкогольным раскрепощением. В таком состоянии человек терял бдительность. И тогда можно было услышать: «Чихать я хотел на Ваше бюро!»[124] Подполковник К. «перед отъездом был в гостинице УСВА пьяным и там наговорил такой антисоветчины, что подлежал привлечению к партийной ответственности». На чем и настаивал на одном из партактивов борец за справедливость, заместитель военного коменданта района Цербст. Он требовал, чтобы подполковник К. был наказан. И был возмущен примирительным отношением партийной комиссии, которая предпочла замять дело и не портить боевому офицеру карьеру. Тем более, что провинившийся все равно отбывал в СССР[125].

Как видим, крамольное поведение могли и простить, а высказывание — пропустить мимо ушей. Но только в том случае, если ты не попадал под колеса какой-нибудь идеологической кампании. Когда бьют барабаны идейной борьбы, в ряды правдолюбцев встают десятки добровольцев. Кампании их активизируют. Доносы — отличное средство для расширения социального контроля в таких условиях. Информаторы-доносчики — это определенные личностные типажи, склонные к доносительству в силу разных причин. Они чувствуют себя востребованными. Недаром Александр Зиновьев иронически называл донос

[124] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 147.
[125] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 26. Л. 177.

«самой глубокой, всесторонней и искренней формой выражения личности»[126]. Идеологические кампании расширяли зону бдительности и социального контроля, с каждым годом сокращая пространство приватности. То, что можно было себе позволить в короткий период послевоенной «расхлябанности», по истечении нескольких лет оказалось под запретом. Правила игра постоянно менялись. Идеологические претензии к личности делались все более непредсказуемыми. Может быть поэтому, несмотря на приговоры военных трибуналов за антисоветчину, предостережения, персональные дела и пугающие приказы, коммунисты постоянно попадались на неосторожных высказываниях. Еще вчера тебя слушали и даже поддакивали. А уже сегодня докладывали о твоих антипартийных речах парторгу, замполиту или в «органы».

Дать количественную характеристику распространенности «мыслепреступлений» в СВАГ мы, разумеется, не можем. Но и оценить количественно «всенародную преданность» идеям коммунизма тоже невозможно. Смешно было бы аргументировать эту преданность цитатами из партийных отчетов и политдонесений, повторяя клише и штампы советской пропаганды. Авторы партийных документов не стремились всерьез фиксировать настроение молчаливого и пассивного большинства. Партполитработники старались приспособить свои донесения и отчеты к ожиданиям начальства. В большинстве случаев они интерпретировали как лояльность и «здоровое настроение» молчаливое равнодушие своих подопечных. Тем более важны для понимания эпохи позднего сталинизма рассмотренные нами редкие вспышки «открытой антисоветчины» в среде коммунистов. А ведь существовал еще и скрытый негативный фон. И совсем не случайно появлялись на бюллетенях в день выборов в Верховный Совет

[126] *Алекс ндр Зиновьев*. Мой дом — моя чужбина. Гомо советикус. М., 1991. С. 133.

СССР анонимные надписи, явно принадлежавшие людям образованным: «Что может быть при диктатуре хорошего?», «оденьте лучше солдат...», «все же бессовестно сделано. От этих выборов тошнит»; «когда у нас люди перестанут пухнуть с голоду?», «нет у нас народной демократии. Какая это демократия?!»[127].

Сталина, высшее партийное руководство подобная ползучая деидеологизация явно не устраивала. Им нужно было вернуть напряжение в партийную жизнь, пусть не такое, как раньше, в 1930-е годы, но достаточно сильное, чтобы встряхнуть, заставить бояться и волноваться за свою карьеру. Тем более, что в партийных документах нам удалось найти следы пассивного и слабого противодействия повороту на старые «жесткие» рельсы. Их немного, но они показательны. Когда заместитель Главноначальствующего по политической части Макаров упрекнул одного из выступавших на партактиве, что тот противопоставляет руководителей СВАГ простым сотрудникам, и задал ему провокационный вопрос из довоенного времени, не является ли это троцкизмом, ему тут же возразили с места: «Не запугивайте!»[128] Нечто похожее произошло и на партсобрании в Управлении информации СВАГ. Один из выступавших стал обвинять парторга Гончарова в «соглашательстве»[129], на что коммунист Симовский тут же призвал партийцев не употреблять в выступлениях такие «недостойные коммунистов выражения, как соглашатель...»[130]. Его поддержали и другие[131]. Более образованные коммунисты явно не хотели переходить на язык 1930-х годов, тем более искать врагов среди своих. Продержаться им удалось недолго.

[127] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 27.
[128] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 125–126.
[129] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.
[130] Там же. Л. 25.
[131] Там же. Л. 14, 20.

3. Страсти по партийному билету

Практики преодоления послевоенной «расхлябанности» были разнообразны. Нужно было не только идеологически выдрессировать коммунистов, но и формально дисциплинировать, вернуть к довоенной «норме». Важную роль в этой «дрессуре» отводили насаждению особого отношения к партийности и его символу — партийному билету. По мнению К.-Г. Ригеля, с которым наверняка согласится большинство социальных историков, «хорошее пролетарское происхождение, наличие партийного билета и демонстрация повиновения и дисциплины составляли минимальное стандартное оснащение нормального члена партии»[132]. Автор концепции «принудительного доверия» А. Тихомиров формулирует значение партийного билета в жизни коммуниста еще более жестко и определенно: «Диктатура объективирует доверие в партийном билете как индикаторе принадлежности и знаке близости к центральному источнику доверия — ВКП(б). Потеря партийного билета приравнивалась к потере «большевистской бдительности», «чести и доверия партии»[133]. Согласимся с обоими авторами в том, что подобное отношение к партийному билету коммунистические верхи действительно пытались формировать всеми доступными им пропагандистскими методами. Примем как данность и то, что отношение к партбилету как святыне Сталину удалось внедрить в коммунистическую массовку в 1930-е годы, хотя этому утверждению несколько противоречит практика массовых набо-

[132] *К.-Г. Ригель.* Ритуалы исповеди в сообществах виртуозов. Интерпретация сталинской критики и самокритики с точки зрения социологии религии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 3. С. 121.

[133] *А. А. Тихомиров.* «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 гг. // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92): http://nlobooks.ru/%C2%ADnode/4227.

ров в ВКП (б) и периодических партийных чисток, которые свидетельствуют о большом числе коммунистов, не отвечавших требованиям «нормального члена партии».

Свою конструкцию «принудительного доверия» сталинской диктатуре А. А. Тихомиров иллюстрирует фильмом И. Пырьева «Партийный билет» (1936 г.). Историк полагает, что в фильме о похищенном партбилете, которым воспользовались враги и шпионы, «зритель сталкивался с демонстрацией принудительного доверия к партии, которую в сталинской повседневности всеобщего недоверия переживали миллионы советских людей»[134]. Пропагандистский фильм И. Пырьева действительно задавал образцы модельного партийного поведения. Но его основная тема с бóльшим семантическим основанием соотносится все-таки с реальным доминирующим концептом сталинского режима — бдительностью. Сам Сталин, который дал фильму название и придумал концовку[135], подчеркивал, что фильм

[134] *А. А. Тихомиров*. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 гг..

[135] 28 февраля 1936 г. Сталин смотрел черновой монтаж фильма «Анна» (первоначальное название «Партийного билета»). Замечания Сталина после просмотра записал Б. З. Шумяцкий, руководивший в то время советским кинематографом: «И. В. сформулировал свое предложение о концовке, которое сводится к следующему: 1. Женщина, к которой в конце приходит Анна, сообщает ей, что Курганов — это Дзюбин (в окончательно варианте фильма он Зюбин. — *Авт.*). На этом основании она для себя твердо устанавливает, что Дзюбин не просто человек, скрывший свое социальное происхождение, но и убийца комсомольского секретаря. 2. Когда Анна, находясь уже в квартире, разоблачив Павла как Дзюбина и убийцу комсомольца, целится в него из револьвера... входит Яша и секретарь парткома. Анна говорит им: «Вот Дзюбин, убивший комсомольца». Секретарь отвечает: «Он не только убил комсомольца, но он еще шпион и предатель нашего государства. Ради этого он и пролез на военный завод». В это время стоявшие на заднем плане два красноармейца и комиссар НКВД арестовывают Павла и на затемнение, связав ему руки, уводят. 3. Фильму надо дать название не «Анна», а «Партийный билет» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 829. Л. 84–85): http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56240.

про врагов и шпионов. Главное — враги, которые могут воспользоваться партбилетом. Нужно понять, где враг и как его обезвредить. Зрителю предлагается конкретный случай, показывающий, что делают враги с партбилетом, пользуясь притуплением бдительности коммуниста. В данном случае формируется не модель «принудительного доверия», а модель повышенной бдительности, т. е. *недоверия*, без которого, как об этом прекрасно пишет и сам А. Тихомиров, был бы невозможен Большой террор. В преддверии Большого террора фильм пустили первым экраном. Можно предположить, что большинство коммунистов его видели. Ход партсобрания в фильме смотрится с напряжением, громкие обличения, перечень заслуг, муки совести провинившегося...

В какой мере подобное отношение к партийному билету удалось воспроизвести после войны? И на чем такое отношение было в реальности основано — на сакрализации, как этого хотел и добивался коллективный Сталин, или на страхе перед наказанием?

Документ, удостоверяющий принадлежность к партии Ленина-Сталина, в реальной жизни создавал массу проблем его владельцам, особенно в условиях оккупированной Германии. В первую очередь, он считался чрезвычайно секретным. Его нужно было тщательно оберегать и скрывать от врага. Потерю партбилета «в особых условиях, на вражеской территории, в непосредственном капиталистическом окружении...»[136] считали серьезнейшим проступком, чуть ли не преступлением. Потерять партийный билет за границей означало дать возможность воспользоваться этим документом врагам партии[137]. Все разговоры о партбилете соотносились все с тем же словом «бдительность».

Каждый случай утери или хищения документа следовало тщательно расследовать, установить «обстоятельства утра-

[136] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 41. Л. 43.
[137] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 172. Л. 5.

ты, степень виновности коммуниста...». Предписывалось рассмотрение дел об утрате не затягивать. Решение последней инстанции должно было последовать «не позднее, чем через 15 дней после факта утери или хищения парт<ийного> документа»[138]. Такое указание дал 16 ноября 1945 г. начальник Политуправления ГСОВГ (ему в то время подчинялись политорганы СВАГ) генерал-лейтенант Пронин в специальной директиве № 01198[139]. Пронин сетовал, что после окончания войны участились случаи хищений партийных билетов на железных дорогах и в трамваях, в отпусках и командировках[140]. По его словам, большая часть утерянных документов бесследно исчезала и попадала в руки врагов. Причины Пронин связывал с пьянством и небрежным, безответственным хранением[141].

Коммунисты СВАГ довольно часто хранили свои партийные билеты «где попало, в карманах брюк, в полевых сумках...»[142], в чемоданах, переезжая с места на место[143], на квартирах[144], в бумажниках вместе с другими документами, носили «в кисетах с табаком и курительной бумагой». Порой превращали партийный документ в записную книжку (записывали адреса) или делали в нем исправления[145], не обращали особого внимания даже на отклеившуюся фотографию[146]. Новообращенным, да и не только им, постоянно напоминали, что хранить партийный билет нужно «при себе отдельно от всех документов, в специально пришитых карманах...». Карманы брюк, по мнению партийных работников, для этой цели никак не подходи-

[138] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 45. Л. 118.
[139] Там же. Л. 116–118; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 41. Л. 42–45.
[140] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 45. Л. 117.
[141] Там же. Л. 116–117.
[142] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 51. Л. 96.
[143] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 93.
[144] ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
[145] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 44. Л. 116.
[146] ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

ли. Подобное хранение приводило «к наиболее частым случаям их утери и хищений»[147]. Действительно, брюки могли подвести, как это произошло с коммунистом Симаковым, у которого «карман от старости материала пришел в негодность», а через образовавшуюся дыру партбилет выпал и был потерян[148].

Насчет карманов у женщин ничего конкретно не говорилось. Но зато им рекомендовали хранить партбилет в клеенке, особенно в летнее время[149]. Куда эту клеенку следовало убирать, не разъяснялось. Остается только догадываться. В ноябре 1946 г. партийное собрание Центрального клуба СВАГ слушало дело о замене дефектного партбилета коммунистки И. (члена партии с 1928 г.). И. утверждала, что партбилет был всегда при ней, но во время уборки ей стало плохо, она упала в обморок и случайно намочила документ. Однако ей не поверили. Некоторые стали утверждать, что «она замочила партбилет не во время обморока, а где-то в другом месте» и просто «халатно отнеслась к его хранению». Вступились коммунистки, возмутившись: «Почему не верят члену ВКП(б) ... ведь женщина не мужчина, и с ней ведь действительно возможен обморок, а партбилет был при ней»[150]. И. удалось отделаться предупреждением. Женские сумки тоже были под вопросом. Коммунистка Р., положив «в дамскую сумку свой партийный билет, пошла в овощной магазин». В очереди у нее «срезали сумку и похитили партийный билет и все остальные советские документы»[151]. Как заметил по этому поводу один из членов партбюро, «иностранная разведка прощупала слабые места и нашла их в дамских сумках», а коммунисты потеряли всякую бдительность[152].

---

147 ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.

148 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 172. Л. 5–6.

149 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 82. Л. 48.

150 Там же. Л. 47–48.

151 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 85. Л. 28.

152 Там же. Л. 28–29.

Персональное дело могла повлечь не только утрата документа, но даже нанесение ему минимального вреда — немного поблекла печать или отклеилась фотография. Для того чтобы отделаться лишь упреком в «невнимательном отношении к состоянию партбилета»[153], нужно было убедить собрание, что ты хранил партбилет правильно, всегда имел его при себе[154], и только обстоятельства непреодолимой силы привели к такой печальной ситуации. «Свой партбилет я хранил всегда во внутреннем боковом кармане, отдельно от других документов, в обложке. Партбилет из кармана вынимал только при смене костюмов и при уплате членских взносов. О его наличии убеждался всегда ощупью кармана... никогда не оставлял ни дома, ни в сейфе на работе и всегда имел его при себе»[155], — уверял коммунист П., потерявший фотографию с партбилета. Секретарей партийных организаций призывали проверять партбилеты перед началом партсобраний и даже рекомендовали систематические «проверки наличия»[156]. Подобным рекомендациям следовали далеко не все и не всегда, но некоторые ретивые парторги проверочными «налетами» не брезговали[157].

153 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 134. Л. 4.

154 Исключение было сделано лишь для тех, кто находился длительное время в западных зонах. В 1948 г., когда отношения с союзниками окончательно испортились, всем штатным сотрудникам Секретариата Контрольного Совета и тем, кто выезжал надолго из советской зоны оккупации, было предписано сдавать свои партийные билеты в Политотдел Штаба, где они и должны были храниться. Выдавали их только для уплаты членских взносов. Те же, кто работал в директоратах, комитетах, подкомитетах Контрольного Совета или выезжал для выполнения разового задания в западные сектора Берлина (на несколько часов), должны были на время работы или выезда в сектор сдавать свои партбилеты секретарю парторганизации. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 45. Д. 17. Л. 45.

155 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 107. Л. 57–58.

156 ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 40. Л. 3–4.

157 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 150. Л. 43; Д. 170. Л. 55.

Потеря партбилета, в принципе обычное житейское дело, могла превратиться в настоящую трагедию, поскольку предсказать последствия было невозможно. Известен случай, когда переживание по этому поводу оказалось настолько сильным, что сказалось на состоянии здоровья[158] — «вплоть до психического расстройства». Проштрафившийся коммунист начал говорить: «Зачем мне теперь жить?»[159] Товарищи по партии убеждали его «не подвергаться малодушию» и не проявлять слабость[160]. Правда, судя по протоколам, это скорее было исключением. Большинство все-таки не склонно было впадать в депрессию по этому поводу. В любом случае за подобными реакциями стояло не «принудительное доверие», а элементарный страх стать жертвой гражданского остракизма или испортить себе карьеру. На партийных собраниях коммунистам наглядно демонстрировали ритуальную строгость наказания и неприятные личные последствия порчи или утраты партбилета. И это вызывало не доверие к партии, пусть и принудительное, а страх перед ее карающей рукой.

Потерявшего партбилет ждало серьезное наказание, и оно формально не зависело ни от обстоятельств дела (даже если тебя ограбили бандиты[161]), ни от заслуг перед партией. Этот дамоклов меч висел над каждым коммунистом, начиная с секретаря парторганизации, коммуниста с 20-летним стажем и кончая кандидатом, только что принятым в ВКП(б)[162]. Не помогали ни отличная характеристика, ни добросовестная работа, ни объяснения, что «был трезвый» и вел себя достойно[163]. Скрыть факт потери и отделаться семейным разбором было невозможно. Дела об утере партбилета в обязательном порядке шли на партийную

158 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 171. Л. 55.
159 Там же. Д. 172. Л. 5.
160 Там же. Д. 171. Л. 55.
161 Там же. Д. 125. Л. 15.
162 Там же. Д. 41. Л. 33; Д. 133. Л. 9–12; Д. 54. Л. 31.
163 Там же. Д. 171. Л. 55.

комиссию, которая и решала вопрос о выдаче нового. Наказание за утерю партбилета варьировалось от выговора с занесением в учетную карточку до исключения из партии. Исключение было неминуемо, если утеря билета несла хотя бы минимальную шпионскую окраску[164]. Для выяснения обстоятельств дела партбюро проводило специальное расследование и докладывало его результаты партийному собранию. Проверки проводились с большевистской въедливостью, особенно при наличии реабилитирующих обстоятельств, позволявших избежать исключения[165].

Партбилет, побывавший в чужих руках, следовало немедленно заменить[166]. 5 сентября 1948 г. капитан Заславский, референт отдела печати Управления информации СВАГ, отдыхал на озере недалеко от Берлина вместе с кол-

[164] Например, когда коммунистка М. была в гастрономе, к ней там подошла незнакомая немка, хорошо говорившая по-русски. Она предложила какие-то вещи на продажу. М. пригласила ее в свою машину, немка посидела пять минут и ушла, а М. обнаружила, что пропала сумка и все документы, в том числе и партбилет. Ей вменяли в вину, что ее не насторожило, что немка хорошо говорит по-русски и явно подозрительна. «Она дала возможность шпиону» воспользоваться случаем, и документы «попали в руки к врагу», совершила грубейшую ошибку «по установлению связи с неизвестной, чем дала возможность вражеским элементам воспользоваться ее партийным билетом». Заодно припомнили, что М. оторвалась от партийной жизни, не ходит на партсобрания и не посещает учебу. За все вместе она и поплатилась — была исключена из партии. См.: ГА РФ. Ф. Р-5794. Оп. 1. Д. 85. Л. 27–28.

[165] Когда коммунист З. потерял в командировке партийный билет, член партбюро долго и обстоятельно выяснял: во время командировки З. «вел себя достойно, ничем себя не скомпрометировал и задание Политуправления СВАГ выполнил хорошо». Присутствовал на партийном активе, и тогда билет у него был с собой. После партактива все время «находился на квартирах у сотрудников комендатур или в комендатурах, где билет мог быть обнаружен». Предположили, что билет был «украден в очереди при покупке билета на станции Шверин, больше негде было». См.: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 91. Л. 53–54.

[166] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 125.

[Содержание]

легами. И забыл на берегу свой пиджак, в кармане которого был злополучный партбилет. Отсутствие пиджака заметили только на обратном пути. Вернулись. Пиджак исчез. Вспомнили, что рядом бродили два немецких мальчика из соседнего дома. Там и нашли мальчишек, пиджак и партбилет. Все это произошло в течение 30 минут[167]. Свою вину Заславский признал. Партбюро предложило вынести ему выговор без занесения в учетную карточку[168], что противоречило всем правилам. Может, хотели замять дело и не выносить на парткомиссию? Партбилет ведь был найден и остался у коммуниста. Но на партсобрании мнения разделились. Одни посчитали, что Заславский «заслуживает соответствующего наказания, но без объявления парт<ийного> взыскания»[169]. Другие сочли такое наказание слишком мягким. Последнюю точку в обсуждении поставил рьяный борец за идеологическую чистоту партийных рядов, от действий которого весь 1948 г. трясло Управление информации СВАГ, подполковник Кривопалов: «Нахождение билета хотя бы несколько секунд или минут не при члене партии, а где-то, является особым партийным преступлением и нарушением партийной дисциплины»[170]. После такого выступления Заславский получил все, что положено[171].

«Собрания по утере» строились по определенной схеме и походили на игру по строгим правилам. Обвинитель, защитник, разъясняющий были персонажами этого представления. Обвиняли исключительно резко в зависимости от красноречия и энтузиазма («особое партийное преступление», «нарушение парт<ийной> дисциплины»[172], «преступная халат-

---

[167] Там же. Л. 124–125.
[168] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 35. Л. 80.
[169] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 125.
[170] Там же. Л. 125.
[171] Там же. Л. 123–126.
[172] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 32. Л. 122–126.

[Содержание]

ность»[173], «антипартийный поступок»[174]) и сразу предлагали крайние меры — исключить или дать строгий выговор с занесением. Затем вступала другая сторона — защитники. Они напоминали, что провинившийся — хороший коммунист, отличный работник, нужен партии...[175]. Оценка проступка менялась: «партийная оплошность»[176], «безответственность, беспечность»[177]. Кто-то предлагал даже дать простой выговор.

При этом, как мы увидели на примере капитана Заславского, уйти от карательного меча партийного правосудия было очень непросто. Поэтому далее в игру вступал разъясняющий: это серьезнейший проступок, мы должны принять меры. Весь этот сценарий был прямым переносом в реальную жизнь соответствующей схемы из фильма «Партийный билет» И. Пырьева. Иногда прибегали даже к прямым реминисценциям –напоминали коммунистам, как и герои «Партийного билета», об убийстве С. М. Кирова[178]. Убийца руководителя ленинградской партийной организации Леонид Николаев, как известно, без проблем прошел в здание Смольного именно по партийному билету.

Ритуал требовал, чтобы строгость была проявлена, значение проступка понято и озвучено. Но все понимали, что в такой ситуации мог оказаться каждый. И далеко не на каждого провинившегося находился свой подполковник Кривопалов. Во всяком случае, начальник политотдела УСВА земли Мекленбург Власенко в марте 1948 г. упрекал парторганизации в том, что случаи утери и небрежного хранения партийных билетов тщательно не разбирают, зачастую выносят либеральные решения, оставляют в партии людей, «заслуживающих исключения из ВКП (б)»[179].

[173] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 84. Л. 11–12; Д. 85. Л. 27–28.
[174] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 172. Л. 6.
[175] Там же. Д. 34. Л. 83. Л. 7–8.
[176] Там же. Д. 34. Л. 125.
[177] Там же. Д. 54. Л. 31.
[178] Там же. Д. 85. Л. 27.
[179] Там же. Д. 56. Л. 43.

Держать в порядке партийные документы означало не только их бережно хранить, но и своевременно вставать на учет, регулярно платить взносы и отмечать платежи в членском билете. Здесь безалаберности было больше, поскольку и наказания предполагались более мягкие. Согласно пункту 7 Устава ВКП (б) (1934), члены партии и кандидаты, в течение трех месяцев (!) не платившие без уважительных причин членские взносы, считались выбывшими из партии[180]. Однако на XVIII съезде ВКП (б) (1939) «неуплату» аккуратно вывели из сферы тяжких партийных преступлений. Теперь «за мелкие проступки (неявка на собрание, неуплата в срок членских взносов и т. п.)» было рекомендовано применять «предусмотренные Уставом меры партийного воспитания и воздействия, а не исключение из партии, являющееся высшей мерой партийного наказания»[181]. Послабление или прагматизм? Если явление было массовым, то понятно, что за подобные прегрешения нельзя исключать из партии всех провинившихся. Во время войны проблема неуплаты взносов, естественно, обострилась, особенно для тех, кто принимал участие в боевых действиях.

Некоторые партийцы СВАГ сознательно не выполняли предписанное Уставом. Выступавшие на партсобраниях сетовали, что «коммунисты, приезжающие на работу... даже не считают нужным придти и встать на партийный учет»[182]. Отговорка «никак не мог застать «работника по оргучету»[183] была именно отговоркой. Нужное усилие не совершалось, партийную преданность явно не стремились доказывать. Возникали обоснованные подозрения, что за такими поступками таилось желание ускользнуть, «бойкотировать»

180 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). 9 изд., доп. и испр. : в 16 т. Т. 6. М., 1985. С. 135.

181 Там же. С. 89.

182 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

183 Там же. Д. 200. Л. 50.

парторганизацию[184]. Руководитель группы марксистско-ленинской учебы Центрального клуба СВАГ делился своими сомнениями на собрании по поводу коммуниста И., не встававшего на партучет и не платившего взносы: «Мне кажется, что в тов. И. что-то есть, он не говорит, затаил, он, наверно, хотел механически выбыть из партии. Тов. И. на занятиях что-то интересовала позиция Троцкого, его группы, к этому проявлял повышенный интерес»[185].

Коммунисты и взносы платили неохотно. Неуплата в течение нескольких месяцев было достаточно распространенным явлением[186]. Некоторые полагали, что объяснения типа «не уплатил по причине того, что был занят»[187], «зашился в работе»[188] могли оправдать нарушителя. Парторги тоже относились достаточно легкомысленно к сбору партийных взносов. Не всегда вели ведомости об уплате и порой даже не могли представить ни одной квитанции о сдаче денег в финансовую часть[189]. Проблему пытались решить «механическим собиранием» — удерживали в кассе из зарплаты, против чего решительно выступали политотделы[190].

---

184 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

185 Там же. Л. 11.

186 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 94; Д. 54. Л. 57 и др.

187 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–2.

188 Там же. Д. 149. Л. 33.

189 ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 62. Л. 279.

190 В военной комендатуре района Гота беспартийный казначей при выдаче зарплаты коммунистам брал заодно и партийный билет и «проставлял в нем зарплату и сумму удержания». После этой процедуры коммунист шел к секретарю партийной организации, которому оставалось «только расписаться и поставить штампик об уплате» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 64. Л. 51–52). Некоторые так привыкли к такой системе, что, когда «удержание денег через бухгалтерию прекратили», не обратили на это внимания и долго не платили взносы (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 116. Л. 34). Такая практика, несмотря на запреты, продолжалась вплоть до 1949 г. Проверяющие сообщали, что в военной комендатуре Баутцен «взимание партийных взносов проводилось с нарушением инструкции ЦК ВКП (б), членские взносы удерживались начальником финансовой части, без ведомости и росписей коммунистов». При этом секретарь

Строгий подход к неплательщикам был скорее исключением. Дело было в том, что, в отличие от ситуации с утерей партбилета, здесь имелась возможность не выносить сор из избы. Потерянный партбилет нужно было восстанавливать, а неуплата — это вопрос, который можно разрешить по-тихому, в партийно-домашнем кругу. Первичные партийные организации, видимо, не видели в этом большого греха. А это, что ни говори, было размыванием устоев. Некоторые секретари партийных организаций принимали членские взносы у коммунистов, не уплативших их в течение 3-х и более месяцев и даже не вставших на партучет, «без обсуждения этого вопроса на собрании парторганизации»[191]. Самым частым наказанием за такой проступок было простое «поставить на вид»[192]. И это несмотря на то, что на партсобрании звучали вполне серьезные обвинения: «перестал чувствовать себя коммунистом»[193], «потеряла чувство партийности»[194]. Даже когда коммунист явно манкировал партийной жизнью (не платил четыре месяца взносы, не посещал партийные собрания и партучебу), его журили, ругали за «несознательность», «зазнайство» и «чрезмерное честолюбие», но не исключали из партии[195]. Выговор, строгий выговор или исключение — такое наказание использовали в редких случаях. Для этого нужно было еще в чем-нибудь провиниться. Устроить какое-либо ЧП или недостойно себя повести[196].

Ежемесячная уплата партийных взносов должна была демонстрировать преданность, а штампик об оплате в партби-

парторганизации везде докладывал, что партийные взносы взимаются правильно (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 68. Л. 217).

[191] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 149.

[192] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 83; Л. 6–7; Д. 84. Л. 28; Д. 85. Л. 32; Д. 108. Л. 25; Д. 126. Л. 38; Д. 128. Л. 2; Д. 146. Л. 22; Д. 149. Л. 34 и др.

[193] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 108. Л. 24.

[194] Там же. Д. 85. Л. 31.

[195] Там же. Д. 108. Л. 23–25.

[196] Там же. Д. 82. Л. 11–12; Д. 116. Л. 34–35; Д. 124. Л. 24–26.

лете или кандидатской карточке — подтверждать серьезное отношение коммуниста к своему партийному существованию. Небрежное отношение к уплате членских взносов косвенно говорило о том, что некоторые коммунисты тяготились своим пребыванием в ВКП (б). Сколько было таких коммунистов, можно только догадываться. Но отдельные факты подтверждают существование таких настроений. Один из кандидатов в члены ВКП (б) простодушно заявил, что он «не хотел вступать в партию и его якобы приняли насильно в период войны и попросил исключить его из партии»[197]. Столь же показателен случай с К., кандидатом в члены ВКП (б) с 1944 г. В сентябре 1947 г. случайно выяснилось, что он не состоял на партийном учете и не платил взносов. Стали разбираться. К. объяснил, что раньше взносы платил и жил жизнью парторганизации. Но парторг постоянно давал поручения и требовал работать над повышением идейно-политического уровня, читать, составлять конспекты и т. д. И тогда К. понял, что это не для него. В итоге состоялся весьма примечательный диалог:

> «К.: Мне... это было не по силе, т. к. я имею 50 лет. Я ... решил не платить членские взносы и не заявлять о своей партийности.
> Вопрос: Желаете Вы быть в партии?
> К.: Я же говорил, что работать не могу, а быть просто балластом нет смысла.
> Вопрос: Вы, когда подавали заявление в партию, в нем указывали, что будете добросовестно и честно выполнять возложенные на Вас парт<ийные> поручения, и если Вы говорите, что Вы являетесь балластом, то зачем же Вы поступали в кандидаты ВКП (б)?
> К.: Я в заявлении указывал, что буду выполнять все партийные поручения честно и добросовестно, но я же его писал потому, что мне неудобно было перед товарищами, реко-

[197] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 133. Л. 190.

мендовавшими меня в кандидаты, так как они меня знали, что я неплохой работник, и хотели, что<бы> к октябрьским торжествам был принят в кандидаты, а подводить их было нехорошо, т. к. они были хорошие люди.

Вопрос: А как вы смотрите на то, что вас могут исключить из кандидатов ВКП (б)?

К.: Если быть балластом, то лучше исключить»[198].

Вступление в партию «по приглашению», ведь от партийных организаций требовали «роста рядов», вероятно, осознавалось какой-то частью коммунистов как переход на новый уровень личной несвободы, сопровождавшийся своеобразным стрессом. Положено, предложили, отказаться невозможно. Некоторые из тех, кто вступил в партию во время войны, сожалели об этом. Для них, очевидно не заинтересованных к дальнейшей карьере в отличие от партийных интеллигентов и ярых службистов, выход из партии, вероятно, не казался гражданской смертью, да и само по себе «погружение в болото обывательщины» их не смущало. Неуплата взносов, нежелание встать на партийный учет и «скрытие партийности» казались простым решением личной проблемы. В определенном смысле это была рискованная попытка уйти в частную жизнь. Жизнь без партийных поручений, собраний, взносов и марксистско-ленинской учебы. Попытка по тем временам экстремальная и вряд ли массовая. Большинство предпочитало молчаливо отсиживаться в зоне пассивности, не привлекая к себе лишнего внимания.

Кажется, что сакральный момент, таившийся в партбилете и столь ярко отображенный в фильме И. Пырьева, после войны существовал исключительно в виртуальном мире «высокой» коммунистической пропаганды, а совсем не в коммунистической массовке. А сама «сакрализация» становилась реальной только в зоне страха перед наказанием.

[198] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 124. Л. 19–20.

4. Марксистско-ленинская учеба: феномен идейного ускользания

Стоило только любому вновь созданному советскому учреждению приступить к работе, как его «коммунистическую прослойку» старались с головой окунуть в густой бульон партийного просветительства. Коммунистическое внушение, казалось, должно было работать со всей мощью, формируя общественное мнение, закладывая жесткие конструкции идей и образов в индивидуальное и массовое сознание. С помощью четко прописанных установок и стереотипов, бесконечных повторов партийная пропаганда пыталась создать стандартно-коммунистическое видение не только политических явлений, но и всей жизни. Приступая к исследованию, мы думали, что в культуре позднего сталинизма только такая картина и была единственно возможной. Исправно действующий идеологический механизм, работающий как часы коммунистический импринтинг. Однако реальность, с которой пришлось столкнуться, выглядела несколько иначе. Она напоминала знакомое нам лично по 1970–1980-м годам иронически-циничное и приспособленческое отношение к марксистско-ленинской учебе. И если раньше мы воспринимали такое отношение как результат деградации жестких идеологических конструкций позднего сталинского периода в хрущевскую и брежневскую эпоху, то теперь стали подозревать имманентную слабость коммунистической пропагандистской машины, внутренне присущие этой машине дефекты. Одновременно мы увидели определенную ограниченность исследований последних десятилетий, посвященных тоталитарному языку или коммунистической пропаганде. Страдая порой «идеологическим фетишизмом» (А. Ахиезер), они (эти исследования) по умолчанию допускают, что советский человек и, в первую очередь, коммунист, погружаясь в тотальное информационное пропагандистское поле и находясь

под постоянным его воздействием, легко превращался в «тоталитарную личность», открытую для идеологического манипулирования... Но так ли это было на самом деле? Насколько ожидаемый пропагандистский эффект соответствовал получаемым результатам даже в свинцовые времена позднего сталинизма?

Высшее партийное руководство исходило из того, что так называемая марксистско-ленинская учеба как раз и должна была разрыхлить почву личных взглядов, интересов и предубеждений и посеять зерна убеждений и предубеждений партийных. Предполагалось, что сотрудники-коммунисты, попадая в СВАГ, должны были немедленно садиться за изучение последних достижений коммунистической пропаганды и сталинской версии «правильного» марксизма. Уже через месяц после создания СВАГ от политработников потребовали отчеты об успехах коммунистов на ниве партийного просвещения. В 1945 г. партийцам надлежало постичь глубины труда товарища Сталина «О Великой Отечественной войне» и отдельные главы Краткого курса истории ВКП(б). Но в это время военным комендантам и их замполитам было совсем не до партийной учебы: не хватало людей, чтобы патрулировать города, проводить зачистки, заниматься снабжением населения и следить за его настроениями... В некоторых подразделениях в 1945 г. занятия вообще не проводились, в остальных — были чрезвычайно редки[199].

Однако отчеты о партийной учебе требовалось представлять в срок. Отчитаться было проще, чем сделать что-нибудь реальное. Даже если бы у коммунистов нашлось время и желание бросить все и немедленно заняться «теорией», во многих комендатурах, по сведениям Главпура, просто не было ни «Краткого курса истории ВКП (б)», ни сталинского произведения «О Великой Отечественной войне»[200].

[199] ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 8. Л. 246–247.
[200] Там же. Д. 44. Л. 27.

Несмотря на это, некоторые замполиты, ничтоже сумняшеся, отчитывались, что их подопечные детально изучили великие труды. И тут же простодушно сообщали, что пока «книги тов. Сталина у них нет»[201]. Кто-то, менее опытный или более честный, все-таки признавался: «регулярная учеба офицерского состава еще не организована» — нет учебников[202].

Сразу после создания Политуправления СВАГ летом 1946 г. на места отправились его инструкторы. Их донесения оптимизма не внушали: «большие группы людей никакой учебой не занимаются». Командиры, пользуясь своим служебным положением, занятиями подчиненных совершенно не интересуются, да и сами на эти занятия не ходят[203]. Закончив проверки, Политуправление попыталось упорядочить марксистско-ленинскую учебу. Всех сотрудников СВАГ разделили на категории. Более подготовленным предписывалось проштудировать историю партии по главам; сотрудникам с высшим образованием рекомендовали тот же учебник, однако свои знания они должны были подкрепить изучением первоисточников — произведений классиков марксизма-ленинизма. От руководящего состава ожидали постижения курса диалектического и исторического материализма[204]. Ни больше ни меньше. Для тех, кто совсем не ориентировался в политических вопросах, создавались кружки. Формально все, кроме самых слабых, должны были заниматься самостоятельно[205]. Результаты таких занятий предполагалось проверять в группах

[201] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 63. Л. 38.

[202] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 57. Л. 72.

[203] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 1. Л. 73–74.

[204] Там же. Л. 76.

[205] 17 июня 1947 г. вышла директива Главного Политического управления Вооруженных сил СССР № 30 «О марксистско-ленинской подготовке офицерского состава», в которой самостоятельный метод изучения марксизма-ленинизма был вновь назван «основным». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 24. Л. 15–22; Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л 23.

марксистко-ленинской подготовки[206], где проводили проверочные собеседования, выставляли оценки, консультировали[207]. В провинциях и землях изучение марксизма-ленинизма было включено в командирскую учебу[208]. Всем было понятно, что без контроля никто заниматься не будет.

Помимо «Краткого курса...», а после 1947 г. и Краткой биографии Сталина, обязательным было изучение последних постановлений партии, новейших идеологических событий, речей и докладов членов правительства. Здесь политработники прилагали максимальные усилия, поскольку подобные ознакомительные кампании выполняли сигнальные функции. Коммунистов предупреждали, что именно в этот момент было самым важным, формировали позицию по тому или иному вопросу. Ни один из способов воздействия не мог быть упущен, ни одна форма внушения не оставалась неотработанной. Партактивы, совещания, семинары, партсобрания, читки статей, разъясняющие постановления, семинары по обмену опытом... Другое дело — эффективность этой работы[209].

---

[206] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 15. Д. 1. Л. 14–15; Ф. 5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

[207] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 11. Д. 1. Л. 19.

[208] ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 2. Д. 2. Л. 88, 97; Д. 9. Л. 251; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 242–248.

[209] Приведем пример того, как в Управлении СВА Тюрингии изучали постановление ЦК от 26 июля 1946 г. «О росте партии и мерах по усилению партийно-политической и партийно-организационной работы с вновь поступившими в ВКП (б)». Хотя постановление появилось еще в конце июля, приступили к его изучению только после августовского партактива, который был посвящен этому вопросу. Стало понятно, в каком направлении работать и что именно нужно подвергнуть критике. 2 сентября прошло совещание в политотделе СВА земли Тюрингия — довели новые требования до всех политработников. В сентябре при Политотделе и в округах были проведены однодневные семинары с секретарями парторганизаций. 10 сентября состоялся партактив провинции на ту же тему. Далее — партсобрания в первичных партийных организациях. Еще до проведения партсобраний постановление зачитывали коммунистам, как и статьи из «Правды», связанные с ним, такие как «Большевистское воспитание молодых коммунистов», «Под-

Обучение азам марксизма-ленинизма — процесс обязательно-принудительный, не выполняешь правила игры — твоя лояльность под подозрением. Но, несмотря на это, в документах прослеживаются явные следы аполитичности коммунистов и стойкого нежелания учиться. От манкирования учебой, придумывания всяких «отмазок» до полного неприятия любого «просветительского» насилия. Многие коммунисты даже газет не читали[210], полагая, что это дело политработников[211]. Проверяющие отмечали «пренебрежительное отношение к марксистско-ленинской теории»[212].

О таких аполитичных офицерах докладывали в Политуправление: «...не мог ответить на элементарные вопросы, заявив, что в политике не разбирается и не нуждается в ней. «Делайте со мной, что хотите, я политику не люблю»[213]. Некоторые с недоумением вопрошали: «Почему нас вызывают и спрашивают, как мы усвоили пройденный материал

нять значение контроля и проверки исполнения партийной работы» и др., делали доклады. Потом два месяца проверяли, как выполнятся это постановление парторганизациями. В октябре при Политотделе прошел семинар по обмену опытом секретарей парторганизации по вопросу реализации постановления... (см.: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 58. Л. 127–138). В этот период любое политдонесение начиналось с сакраментальной фразы о том, что партийно-политическая работа направлена на дальнейшее выполнение именно этого постановления. Когда в марте 1947 г. инструкторы Политуправления СВАГ разъехались по провинциям и землям, чтобы проверить, как выполняется постановление «О росте партии...», то пришли к неутешительному выводу: «выполняется совершенно недостаточно», некоторые парторганизации «полностью не перестроили свою работу в соответствии с требованиями ЦК...» (См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 124.). Многомесячное обсуждение постановления «О росте партии...» свелось к признанию недостатков и клятвенных заверений, что все будет исправлено. Однако кампания по продвижению данного постановления заканчивалась. На подходе были новые рекомендации ЦК.

[210] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 122. Л. 3; Д. 166. Л. 78.

[211] ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 41. Л. 346.

[212] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 162.

[213] Там же. Л. 161.

по истории ВКП (б), какие могут быть экзамены?»[214] У многих коммунистов головы были заняты совсем иными проблемами, им было не до занятий. Подполковник Кузнецов (УСВА федеральной земли Саксония) делился на партийном собрании в сентябре 1946 г. своими впечатлениями. «Присматриваясь к любому офицеру, можно видеть, что его свободное время портится на пустые явления (водка, барахольство), отнимает у него много свободного времени... увлекая людей в болота обывательщины. Наша офицерская учеба организована плохо. Интереса к делу политических занятий не проявляется...»[215]. На апрельском партактиве СВАГ 1947 г. выступление о партийной учебе прервали криками «регламент»[216]. Начальственный голос из президиума сразу указал крикунам на их неправильное поведение: «Когда говорят о барахле, просят прибавить время, а когда речь заходит о партийно-политической учебе, то, оказывается, не хватает терпения слушать, сидят на половине стула, чтобы скорее уйти домой. Неправильно, товарищи!»[217]

Особенно вольготно чувствовали себя коммунисты военных комендатур. В военной комендатуре района Нойштерлитц руководитель занятий всем ставил четверки и пятерки, а при «индивидуальной проверке офицеров по Краткому курсу истории ВКП (б) выяснилось, что знания... весьма низкие. Некоторые не могли ответить ни на один вопрос»[218]. В 1947 г. во время проверки военной комендатуры Ной-Руппин заместитель коменданта по строевой подготовке ни на один из предложенных ему вопросов по истории ВКП (б) ничего вразумительного ответить не мог. И честно признался, что он не занимается марксистско-ленинской учебой и ничего не знает[219]. В 1948 г. ситуация не осо-

[214] ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 49. Л. 192.
[215] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 71.
[216] Там же. Д. 14. Л.114.
[217] Там же. Д. 14. Л. 89.
[218] ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 59. Л. 199.
[219] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 16. Л. 127.

бо изменилась. Из военной комендатуры г. Нойбранденбург с гордостью сообщили, что группа не только закончила изучение Краткого курса, но еще и повторила 5 глав великой книги. Однако из бесед выяснилось, что некоторые так ничего и не усвоили[220].

Проверяющие отмечали либеральное отношение со стороны начальства к тем, кто спустя рукава относился к партийной учебе. Обвинение в «практике невмешательства» постоянно встречается и в докладных записках политработников и протоколах партсобраний. В принципе, это объяснимо, поскольку руководители так же относились и к собственной учебе[221]. Лекции для руководящего состава старшие офицеры прогуливали[222]. У них просто не было времени заниматься бессмысленным делом. Они были загружены работой сверх меры, их обычный рабочий день заканчивался очень поздно. В июне 1946 г. начальникам управлений и отделов было приказано после окончания работы оставаться на службе до 22.30, чередуясь со своими заместителями[223]. Впрочем, и обычные сотрудники часто «продолжали сидеть в рабочих кабинетах до 10 часов вечера»[224].

Там, где уровень образования сотрудников был выше среднего, налицо было больше понимания бесполезности

---

220 ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 59. Л. 272.

221 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 1. Д. 73.

222 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

223 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 31. Л. 75.

224 Секретарь парторганизации Финансового отдела жаловался в политотдел, что коммунистам не удалось изучить запланированные главы Краткого курса, поскольку они работали «слишком напряженно», проверяли заполнение расчетных книжек офицерского состава, выписывали аттестаты, готовились к проведению подписки на государственный заем, короче говоря, занимались важными и необходимыми делами. И все это без машинистки, которую не могли найти уже два месяца. К тому же их самих в это время проверяли — шла ревизия. Понятно, почему 2 раздел 4-й главы Краткого курса остался «неизученным». См.: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 50. Л. 22–23.

и бессмысленности постоянных штудий одного и того же «учебника» марксизма-ленинизма. Тем более, что в 1948 г. в основном повторение Краткого курса было закончено, и все приступили уже к «вторичному повторению» материала[225]. Член партбюро военной комендатуры г. Шверин радостно рапортовал: «Я изучаю 5-й раз историю ВКП(б) и надеюсь сдать на “отлично”»[226], — прекрасно понимая, что это не учеба, а чистая профанация, что и было отмечено проверяющими. Правда, необходимость повторного изучения Краткого курса некоторые начальники объясняли очень просто: «...изучение партии начали еще в 1945 г., но материал освоен плохо... офицеры плохо над собой работали и весь пройденный материал забыли, поэтому необходимо начать изучение сначала»[227].

Нежелание зубрить уже пройденное отмечалось в «интеллектуальных подразделениях» СВАГ, таких как газета «Теглихе-Рундшау», Управление пропаганды (информации), аппарат Политсоветника, да и не только там[228]. Коммунисты твердили, что «нет особой необходимости в организации марксистско-ленинской учебы», мы все изучали марксизм-ленинизм в высших учебных заведениях[229]. Коммунистка А. из Управления информации СВАГ отказывалась сдавать экзамены, ссылаясь на то, что она кандидат филологических наук[230].

В некоторых управлениях попытались сделать учебу полезной. В Управлении информации СВАГ умные головы предлагали вместо надоевших повторов Краткого курса заниматься страноведением, изучать Германию, «повышать деловую квалификацию»[231]. В редакции «Теглихе Рундшау»

[225] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 71. Л. 107; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 59. Л. 241, 267.
[226] ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 59. Л. 177.
[227] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 46. Л. 32.
[228] Там же. Д. 5. Л. 15.
[229] Там же. Д. 14. Л. 87.
[230] Там же. Д. 35. Л. 52–53.
[231] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 16. Л. 231.

пошли еще дальше. Там не только не стали в который раз штудировать обязательный Краткий курс истории ВКП (б), а взялись сразу за третий том Истории дипломатии[232]. Начальник Управления УСВА земли Тюрингия Колесниченко в марте 1949 г. на партактиве безнадежно просил включить в учебные планы вопросы оккупационной политики, чтобы офицерский состав мог сориентироваться «в той обстановке, которая имеется»[233]. Но любые отступления от правил заканчивались полным провалом. Вместо полезных знаний о Германии коммунистам предлагали пропагандистскую жвачку. 30 марта 1949 г. Политуправление СВАГ обвинило партийное руководство Управления информации, что в феврале оно «подменило марксистско-ленинскую учебу спецподготовкой. Вместо изучения тем по программе прошло изучение решений конференций СЕПГ»[234], знание которых, кстати говоря, было крайне необходимо сотрудникам.

Обучаемые марксизму старались минимизировать свои усилия: «изыскивали полегче материал в виде газетных статей... в ущерб работе над первоисточником»[235], «темы отпечатывали на машинке... размножали ... и пользовались все одним и тем же конспектом...»[236], переписывали конспекты друг у друга[237], манкировали лекциями и консультациями[238], «под видом служебной перегрузки» скрывались от партийной учебы[239]. Некоторые специально во время занятий или проверок «назначали себе командировки»[240]. Проверяющие жаловались, что никаких мер к прогуль-

[232] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 14. Л. 191.
[233] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.
[234] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 215.
[235] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 92. Л. 259.
[236] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 17. Л. 187.
[237] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 93. Л. 66.
[238] Там же. Д. 26. Л. 67.
[239] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 57. Л. 380.
[240] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 36. Л. 54.

щикам не применяется[241], поэтому большинство офицеров «беспечно относятся к своему идейно-политическому росту»[242].

Все попытки наладить самостоятельное обучение заканчивались одинаково: «При проверках оказывается, что никто ничего не читает и ничего не знает»[243]. Налицо был тихий саботаж. Недаром член партбюро Военно-морского отдела СВАГ инженер-капитан 2 ранга Юрин выразительно назвал процесс обучения «*с мостоятельным ничегонедел нием*»: «Спрашиваем, чем человек занимается, а он отвечает: «Я повторяю работы Сталина». «А ты чем?». «Я хочу эту передовицу прочитать». «А я пойду...». То есть получается, как бог на душу положит»[244].

Предлагались разные методы борьбы с теми, кто не хотел учиться. Например, требовали проводить с «неуспевающими» личные беседы[245]. Начали практиковать самоотчеты коммунистов на партбюро и партсобраниях[246]. Рекомендовали использовать «метод активных консультаций» — создать штат консультантов, которые должны были не только отвечать на вопросы обучающихся, но и проверять, учатся ли они вообще[247]. По мнению партработников, этот метод был «очень хорош», но коммунисты просто игнорировали консультации и не ходили на них[248]. Судя по документам, самым надежным методом надзора за обучением марксизму считалась проверка конспектов. Все годы, до 1949 г. включительно, от сотрудников СВАГ требовали

[241] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

[242] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 36. Л. 59.

[243] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 54. Л. 45.

[244] Там же. Д. 5. Л. 90.

[245] ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 37. Л. 13; Д. 54. Л. 85; Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

[246] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 57. Л. 425; Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 75. Л. 22–23; Д. 166. Л. 78–79; Д. 197. Л. 27.

[247] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 39. Л. 70.

[248] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 69. Л. 124; Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 125. Л. 20.

конспекты Краткого курса истории ВКП(б), чтобы иметь хоть какое-то свидетельство самостоятельной работы коммунистов.

Запугивали партийными наказаниями. Предлагали, например, у «всех коммунистов, не изучивших произведение Ленина «Две тактики...», «потребовать объяснения причины...»[249]. В отделе репатриации УСВА земли Саксония пошли еще дальше: «Коммунистов, которые плетутся в хвосте, мало работают над собой, необходимо взять плетку в руки и бить, а не уговаривать, как это делалось до сих пор. Впредь желательно, чтобы два вечера в неделю были закреплены для самостоятельной работы, а потом проверять ... подготовленность этих коммунистов, отстающих вызывать на партбюро и привлекать к партийной ответственности»[250]. Несмотря на угрозы и запугивания, в партийном сообществе СВАГ превалировало желание «избегать марксистско-ленинской учебы»[251], не посещать под любыми предлогами занятий, не готовиться к ним[252]. Как образно выразился начальник политотдела УСВА провинции Мекленбург полковник Власенко, приходилось быть «пастухом, чтобы все были на занятиях»[253].

Причины убегания от марксистско-ленинской учебы могли быть различными: от обычной нехватки времени до отсутствия интереса и понимания полной бессмысленности занятий. А низкая активность на самих занятиях объяснялась не только отсутствием усердия. Выделяться, размышлять, высказывать свое мнение было делом опасным. Советский коммунист жил под гнетом иллюзии тотального контроля за его политической благонадежностью и поведением. (Об иллюзии говорим потому, что тоталь-

[249] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
[250] Там же. Д. 47. Л. 19.
[251] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 53. Д. 165.
[252] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 39.
[253] Там же. Д. 5. Л. 48.

ным был не контроль, а страх перед этим контролем, постоянное ощущение нависшей опасности). В глубины психики внедрялся механизм самоцензуры, который выступал как способ самозащиты. Любые дискуссии вызывали у коммунистов тревогу. Любой ответ, не совсем правильный, мог быть расценен как провокация, как антипартийность. Самостоятельно мыслить было не нужно и опасно. Получался заколдованный круг, из которого не было выхода.

Один из коммунистов с ужасом вспоминал, как вдруг на занятиях началось «философское собеседование»: «Некоторые товарищи дошли до таких разговоров: «А что будет после коммунистического общества?». Начали рассуждать... Когда мы так отвлеклись, пытались решать самостоятельно такие вопросы, я пришел к убеждению, что нам нужна сильная консультация, потому что изучение первоисточников без наличия сильной консультации может привести к плачевным результатам...»[254]. В другом управлении на одном из занятий «завязалась дискуссия о возможности или невозможности построения социализма в современной Югославии при правящей клике Тито»[255]. О чем сразу же было доложено в Политуправление. Какая может быть дискуссия, когда все точно сформулировано и определено партией?

Преподаватели тоже должны были постоянно помнить, что слушатели вполне могли донести на них, если решат, что ты неправильно обучаешь их марксизму-ленинизму. Как это и произошло с председателем военного трибунала СВАГ Климовичем, на которого поступил донос в партийную комиссию, поскольку некий член ВКП (б) «больше не мог молчать». Он упрекал Климовича ни больше ни меньше как в неверной трактовке Блюма и Каутского, которых сам, скорее всего, не читал. Однако был уверен, что они никак не могли переродиться, потому что никогда не были марксистами.

---

[254] Там же. Д. 154. Л. 74.
[255] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 47. Л. 388.

А слишком образованный Климович еще и позволил себе с восхищением цитировать Каутского[256].

Качество преподавания в целом было невысоким, что отражало уровень знаний руководителей занятий, а косвенно — и низового идеологического актива, тем более партийной массовки. Вот как проходило, например, изучение одной из ленинских работ. Руководитель семинара задал вопрос: «Книга В. И. Ленина «Что делать?» при создании партии имела большое значение, а сейчас какое значение имеет эта книга?» Один из слушателей ответил: «Раньше, при создании партии, эта книга имела большое значение, ну, а сейчас... я затрудняюсь сказать». После этого руководитель «разъяснил»: «Книга, конечно, имеет большое значение и в настоящее время»[257]. На этом разбор рекомендованного произведения завершился.

После лекции «Наша цель — коммунизм», прочитанной в мае 1948 г. в Управлении материально-технического обеспечения СВАГ, у слушателей должно было сложиться странное впечатление о коммунизме. Лекция длилась 65 минут. Первые 30 минут лектор рассказывал о первобытнообщинном строе. Далее пробежался по общественно-экономическим формациям, запутался, добавил к «пятичленке», принятой в то время, еще несколько «формаций», а перейдя к коммунизму, заявил, что «мы стремимся построить такое коммунистическое общество, как было первобытное: где не будет так же эксплуатации человека человеком, не будет ни богатых, ни бедных...»[258].

Партийные верхи в эпоху позднего сталинизма попали в ловушку пропагандистских банальностей и с недоумением наблюдали за нараставшей идеологической деградацией ВКП (б). Одинаковые слова, выражения, обезличенные призывы, навязчивое повторение одних и тех же прописных ис-

[256] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 37. Л. 237–265.
[257] Там же. Д. 51. Л. 267.
[258] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 133. Л. 193.

тин притупляли интерес коммунистов и были ненужными в обычной жизни. Марксистско-ленинская учеба окончательно стала дисциплинирующим ритуалом, обязанностью, не подкрепленной потребностью или убеждениями. Все усилия партийного руководства разбудить в членах ВКП(б) марксистско-ленинский энтузиазм заканчивались провалом. Шел латентный процесс ускользания, минимизации временных и умственных затрат на бесполезную учебу.

5. Проект «Великий Сталин»

Возвращение коммунистов в лоно сталинистской «нормальности», вытеснение «разболтанности» строгостью партийных ритуалов подкреплялись апелляцией к верховному авторитету и арбитру — Сталину. Считается общепринятым, что культ вождя достиг своего предельного выражения именно в период позднего сталинизма. Никому не придет в голову оспаривать очевидное — «роль Сталина как господствующей фигуры (master) идеологического дискурса»[259] (А. Юрчак). Если оставить в стороне спорный тезис этого автора об уникальном доступе Сталина к некой «внешней объективной истине», то все остальные суждения А. Юрчака можно смело принимать на веру. В частности, связь особой роли Сталина с явлениями, ставшими визитной карточкой режима, «включая огромную политическую власть, сосредоточенную в одних руках, культ личности, персональную вовлеченность Сталина в редактирование всевозможных высказываний и текстов.., а также бесконечных кампаний чисток в рядах партии и, наконец, Большого террора, приведшего к гибели миллионов людей»[260].

---

[259] *А. Юрч к*. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 51.

[260] Там же.

Строго говоря, тезис А. Юрчака о причастности Сталина ко всему вышеперечисленному является общим местом со времен секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Но если, обращаясь к анализу позднего социализма 1960–1980-х годов, американский ученый опирается на богатый эмпирический материал, то, говоря о сталинском социализме, он предпочитает оперировать абстрактными концептами, в лучшем случае, текстами самого Сталина. В результате характеристика идеологического дискурса эпохи позднего сталинизма приобретает спекулятивный характер. Так, А. Юрчак после обстоятельного обзора выступления Сталина по вопросам языкознания в начале 1950-х гг. делает свой основополагающий вывод: «Сталин, видимо не осознавая того, что он делает, дал толчок глобальному сдвигу парадигм внутри советского дискурсивного режима». Этот глобальный сдвиг завершил Хрущев. После XX съезда КПСС «фигуры, стоящей за пределами идеологического дискурса и имеющей уникальное и неоспоримое знание канона марксистско-ленинской истины, больше быть не могло»[261].

Нам трудно оспаривать это утверждение, поскольку оно повисло в воздухе, оторвалось от «почвы» и, по сути, является лишь теоретической леммой. Идеологическая повседневность, дискурсивные практики коммунистической массовки эпохи позднего сталинизма явно остались в стороне. Но на почве этой повседневности дискуссия о языкознании выглядит совершенно иначе. Например, герои романа Федора Абрамова «Пути-перепутья» реагировали на нее весьма самобытно и, как говорится, по-простому: «Подрезов словами не играл. И на его вопрос, какие же выводы из трудов товарища Сталина по языку нужно сделать практикам, скажем, им, председателям колхозов, ответил прямо: «Вкалывать». И добавил самокритично, нисколько не щадя себя: «Ну, а насчет всех этих премудростей

[261] *А. Юрч к*. Это было навсегда, пока не кончилось... С. 108.

с языком я и сам не очень разбираюсь. К Фокину иди». Фокин же, добросовестный партийный начетчик, тоже ничего не понял, но заявил: «Да, задал задачку Иосиф Виссарионович. Я, по-первости, когда в «Правде» все эти академики в кавычках стали печататься, трухнул маленько. Думаю, все, капут мне — уходить надо. Ни черта не понимаю. А вот когда Иосиф Виссарионович выступил, все ясно стало! Нечего и понимать этих так называемых академиков. Оказывается, вся эта писанина ихняя — лженаука, сплошное затемнение мозгов...»[262].

Мы попытаемся рассмотреть дифирамбический проект «Великий Сталин» по-абрамовски, выйдя за рамки «большой идеологии» и пропаганды на уровень идеологической повседневности. Но прежде отметим, что индексирование материалов СВАГ довольно четко показало нараставшую динамику числа упоминаний имени вождя в партийных документах на протяжении второй половины 1940-х гг.[263] Как следует из содержательного анализа документов первичных партийных организаций, в 1945–1946 гг. мем «сталин» использовался в основном в контексте марксистско-ленинской учебы, когда речь шла о книгах, речах, докладах вождя или его приказах. «Товарищ Сталин», конечно, фигурировал в протоколах партсобраний, его цитировали, его указания озвучивали, но довольно редко. Например, когда речь шла о вну-

[262] *Ф. А. Абр мов*. Пути — перепутья : роман. М., 1973. Глава 6 : http://bookscafe.net/book/abramov_fedor-puti_pereputya-11415.html.

[263] На период с июля 1945 г. по декабрь 1946 г. приходится 7% от общего числа упоминаний. В 1947 г. — 22%; 1948 г. — 40%, с января по ноябрь 1949 г. (девять месяцев) — 31%. В целом по всему массиву проиндексированных документов (около 30 тысяч) Сталин упоминается в 838, то есть менее чем в 3% случаев. (Для сравнения — мем «Молотов» упоминается в 229 документах). В документах партийных организаций и политорганов «Сталин» встречается гораздо чаще — в каждом десятом документе. Подсчеты выполнены по ресурсу «Тезаурус СВАГ» «Электронного архива фондов СВАГ, хранящихся в ГА РФ. Подробнее см. Введение.

тренней и международной политике СССР или в резолюциях партсобраний, чтобы подчеркнуть важность марксистско-ленинской учебы или критики и самокритики[264]. Но как только разговор переходил к повседневным проблемам (немецким делам, выборам, займам и т. п.), Сталин исчезал. Выступающие на партсобраниях обходились без этой фигуры речи. Упоминание имени вождя при каждом подходящем и неподходящем случае, видимо, еще не было восстановлено в послевоенном партийном ритуале. Наряду со Сталиным в выступлениях «равноправно» упоминаются и Ленин, и Молотов, и Вышинский, и советское правительство.

В 1946 г. славословия вождя были скорее исключением. Нашлись только два случая. Как оказалось, подобную лексику использовали бывшие политруки, коммунисты с большим партийным стажем, набиравшиеся пропагандистского ума еще в довоенный период. На партсобрании в УСВА федеральной земли Саксония 19 апреля 1946 г. при обсуждении пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР дифирамбический момент, и то не особенно сильный, в обсуждение внес майор О., начальник отделения партий отдела пропаганды, который по должности и усвоенному ритуалу[265] знал, что положено говорить именно так. Он напомнил коммунистам, что «*созид тельн я прогр мм* » разработана *«Великим Ст линым»,* а «*ст линские пл ны обл д ют неиссяк емой творческой силой, м рксистской н учностью*»[266]. Похожую лексику использовал и коммунист с 1924 г. майор В.[267]

В протоколе партактива СВАГ (август 1946 г.), представлявшем собой ни много ни мало 142 страницы машинописного текста или около пяти часов официального словоговорения, нет ничего гипертрофированного, безвкусного

[264] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 85–86, 103; Д. 82. Л. 23.

[265] См.: ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 2. Д. 20. Л. 83.

[266] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 24.

[267] Там же. Д. 82. Л. 55.

в употреблении универсального концепта «сталин». Подход сугубо прагматический. Только шесть выступающих (из 21) цитировали Сталина, ссылались на его указания либо упоминали, что сами слушали его речи. В основном это представители партийной верхушки, а заодно с ними и штатный лектор Политуправления. Прилагательное «великий» по отношению к вождю употреблялось редко. Никаких эпитетов, вроде «мудрый», «гениальный» и тому подобных чрезмерностей, в выступлениях коммунистов не было. Напротив, что удивительно, начальник Управления пропаганды СВАГ, да и начальники политотделов, выступая на партактиве, умудрились вообще ни разу не упомянуть Сталина[268]. Судя по партийным документам СВАГ за 1945–1946 гг., в этот период потребность в апелляции к «верховному арбитру» несколько стушевалась, или, лучше сказать, страсть к славословию по каким-то причинам оказалась невостребованной. Понадобились определенные усилия, чтобы вернуть нужный, по мнению партийных верхов, градус благоговения.

Весна 1947 г. стала определенным водоразделом в восхвалении вождя. Именно в это время готовится к выпуску второе издание его краткой биографии, и наступает новый этап проекта «великий Сталин». Особенно переполнен соответствующей лексикой заключительный раздел биографии: гениальный... великий... стратег... теоретическая мощь... круг вопросов, занимающих внимание Сталина, необъятен... непреодолимая сила сталинской логики... кристальная ясность ума... мудр... и т. д.[269] Сталин читал и даже правил свою биографию перед выходом в свет[270].

[268] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–142.

[269] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Второе издание, исправленное и дополненное / Сост.: Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С., Митин М. Б., Мочалов В. Д., Поспелов П. Н. Л., 1947.

[270] *В. А. Белянов.* И. В. Сталин сам о себе: редакционная правка собственной биографии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

И все эти хвалебные слова его не смутили, что свидетельствует о психологическом состоянии вождя в тот период, как и о том, каков, по его мнению, должен быть градус всеобщего восхваления. СВАГ принял в формировании этого апофеоза славословия самое непосредственное участие. «Биографию» печатали и в советской зоне оккупации Германии. 26 марта 1947 г. Главноначальствующий СВАГ подписал приказ № 80 «О выпуске 500 000 экземпляров второго издания краткой биографии И. В. Сталина»[271]. Тираж должен был быть готов к июню. Очевидно, с гранками издания, а значит и с новыми стандартами восхваления, познакомились некоторые руководители СВАГ.

Неудивительно, что весна 1947 г. принесла новации в ритуал партийных мероприятий. Впервые появились обращения персонально к Сталину, его подчеркнуто выделяют из высшего партийного бомонда. На апрельском партактиве СВАГ 1947 г. у президиума неожиданно возникло желание «послать приветствие товарищу Сталину». «Большевистский привет» вождю наполнен выспренной лексикой, патетическими всхлипами: «*Мудрый вождь... под В шим мудрым руководством... В шим, тов рищ Ст лин, водительством... претворяют в жизнь В ш, тов рищ Ст лин, гр ндиозный пл н... з веряем В с, дорогой тов рищ Ст лин... Д здр вствует н ш вождь и учитель, родной и любимый тов рищ Ст лин!*»[272] Осенью традиция коллективных обращений к Сталину продолжилась.

Следующий ритуальный шаг был предпринят на партактиве СВАГ в июле 1947 г. Заместитель Главноначальствующего по делам Советских акционерных обществ (САО) генерал-полковник Б. З. Кобулов[273], освещая деятельность советских акционерных обществ в Германии, многократно использовал заклинание «лично товарищ Сталин», а за-

[271] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 44. Л. 93.
[272] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 138–139.
[273] Б. З. Кобулов был назначен на эту должность в СВАГ 13 июня 1947 г.

кончил свое выступление совершенно неожиданно, громогласно выкрикнув здравицу: *«Д здр вствует н ш могучий непобедимый советский н род! Д здр вствует н ш сл вн я п ртия Ленин -Ст лин ! Д здр вствует н ш великий вождь — тов рищ Ст лин!»*[274] Новый настрой тут же подхватил следующий оратор, заместитель начальника УСВА федеральной земли Саксония по политчасти Артемьев. Он начал свое выступление словами «*Великий Ст лин учит н с...*»[275]. Однако выходившие вслед за ним ораторы эту риторику не поддержали. Как и раньше, в выступлениях можно отметить лишь редкие ссылки на указания Сталина и цитаты из его трудов. В стенограмме не отмечено, что здравица Кобулова в честь Сталина была встречена аплодисментами.

Возможно, Б. З. Кобулов, побывав в первой половине мая 1947 г. вместе с другими руководителями СВАГ в Москве, где он докладывал о работе советских предприятий в Германии[276], раньше других почувствовал новые веяния. Но раз другие руководители СВАГ не предприняли подобных действий, скорее всего, генерал, угадав в столичных кулуарах и кабинетах правильный вектор, действовал на опережение. А может быть, в руках у Кобулова уже побывал свеженький экземпляр второго издания краткой биографии Сталина. Тираж был готов к 1 июня 1947 г.[277], сигнальные экземпляры могли и даже должны были попасть в руки руководства пораньше. Приняв сигнал, Кобулов понял, что дифирамбический стиль снова в фаворе.

Летом 1947 г. в СВАГ прошли партийные собрания, посвященные изучению второго издания краткой биографии Сталина. Здесь вопрос о гениальности вождя должен был быть поставлен по определению в центр обсуждений. На собраниях выступали коммунисты с большим партий-

[274] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–39.
[275] Там же. Л. 44.
[276] Там же. Л. 38.
[277] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 4. Д. 112. Л. 237.

ным стажем, видевшие Сталина и призывавшие ценить «ясность и силу логики» вождя, называвшие его «глубоким мыслителем» и твердившие о том, как вождь заботится «о благе народа»[278]. Но льстивых выкриков и здравиц на таких собраниях отмечено не было. Иногда даже звучало вялое удивление. Некоторые не понимали, зачем штудировать «новый выпуск» биографии Сталина, когда старый уже изучен, и называли это «излишним делом»[279]. Предположим, что достаточно образованные сотрудники СВАГ могли почувствовать некоторое отторжение при таком чрезмерном славословии и считали, что вполне обойдутся минимумом эмоций.

Отчетливый сигнал о важности восхваления, превознесения вождя последовал ближе к осени. Одной краткой биографии Сталина было явно недостаточно. Нужно было закрепить лексику, дифирамбический настрой... Взялись за молодежь. По всей стране прошли комсомольские собрания, на которых обсуждалось и подписывалось письмо «учителю и другу молодежи товарищу Сталину». Акция была приурочена к 30-летию ВЛКСМ. Проект письма в Германию выслали самолетом[280]. 26 октября из Москвы было получено 5 тысяч экземпляров. Остальное допечатали в типографии СВАГ[281]. Свое персональное письмо к вождю каждый комсомолец должен был подписать лично. Причем до особых указаний Главного политического управления текст письма не должен был публиковаться в печати и звучать по радио. Все должно было выстрелить одномоментно[282].

[278] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 14–16.

[279] Там же. Д. 60. Л. 31.

[280] ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 2. Д. 9. Л. 125–126.

[281] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 72.

[282] Проект письма с подписями хранился «в политотделах на правах секретных документов» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 76). В 1949 г. письма комсомольцев и молодежи «как не представляющие надобности в текущей работе» были «уничтожены путем сожжения». (ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 21. Л. 3).

С 26 по 30 октября во всех военных комендатурах, учреждениях, отделах и управлениях СВАГ были проведены комсомольские собрания[283]. На них выступали подготовленные активисты, практически дословно повторяя то, что значилось в письме, демонстрируя, как правильно называть вождя: «родной и любимый»[284], «наш родной Отец и лучший друг советской молодежи Великий Сталин»[285], «любимый друг и вождь»[286]. Во время чтения письма из зала провозглашались сдирижированные здравицы в честь товарища Сталина. Они сопровождались криками «Ура!» и бурными аплодисментами[287]. Везде в почетный президиум выбирали членов Политбюро во главе со Сталиным[288].

Идея с почетным президиумом была подхвачена. В августе 1948 г. на очередном партактиве партийный секретарь Управления САО Шунин (правая рука Б. З. Кобулова) предложил избрать почетный президиум в составе Политбюро во главе «с *великим вождем н шей п ртии тов. Ст линым*»[289]. Предложение было принято под продолжительные аплодисменты. На следующих партактивах ритуал закрепился, только сила аплодисментов была скорректирована в сторону повышения эмоционального настроя. В соответствии с новыми веяниями они стали «*бурными*»[290]. Вскоре уже никто не удивлялся, когда коммунистов на партсобрании осуждали за то, что после лекции о Кратком курсе истории ВКП (б) почему-то «не было ни одного аплодисмента»[291].

Что касается самого Кобулова, то он, говоря современным языком, явно стал лидером общественного мнения

[283] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 72.
[284] ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 69. Л. 282.
[285] Там же. Д. 72. Л. 232.
[286] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 65. Л. 196.
[287] ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 54. Л. 78.
[288] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 73.
[289] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
[290] Там же. Д. 25. Л. 2.
[291] Там же. Д. 34. Л. 129–130.

в пропаганде и насаждении культа вождя в СВАГ. Без таких людей в принципе невозможно было трансформировать идеологемы партийного дискурса в нужном лично Сталину направлении. Кобулов обладал всеми необходимыми чертами — начиная с близости к вождю, кончая склонностью к восточной риторике. Заканчивая свое выступление на партактиве в августе 1948 г., он заявил: СВАГ оправдает доверие*, «ок з нное н м н шим великим вождем тов рищем Ст линым»*[292]. Показательно, что Главноначальствующий СВАГ И. Д. Соколовский на том же партактиве завершил свое выступление без официоза и дифирамбов: *«...по мере сил и возможностей р бот ть не покл д я рук... тогд вопрос реп р ционного пл н ... будет для н с просто улыбочкой...»*[293].

Партактивы СВАГ 1948–1949 гг., многолюдные партийные мероприятия, имевшие особое значение для всей военной администрации, имели особую тональность. Хорошо видно, как бронзовеет культ, как идет прививка правильного речевого поведения, как мем «сталин» звучит все патетичнее и все больше отдает дурновкусием. Мы четко видим идеологических аниматоров. Эти лица, приближенные к верхам, тонко чувствовали намеки времени и понимали, когда надо было переходить на новый уровень славословия. Однако не всегда их инициатива, без внятных указаний сверху, немедленно подхватывалась внизу.

6. Воспитание преданности

На фоне раздуваемого партийным руководством культа вождя и бесконечных апелляций к его авторитету разворачивались дисциплинирующие идеологические кампании второй половины 40-х гг. Они были призваны сформировать советского «настоящего патриота», сочетавшего

---

[292] Там же. Д. 19. Л. 22.
[293] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 19. Л. 82.

«безграничную любовь к своему народу со жгучей ненавистью ко всем и всяким врагам...»[294], ко всему чужому и несоветскому. На постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. (тогда впервые прозвучала резкая критика литераторов за «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»[295]) партийные организации СВАГ отреагировали слабо. Это не удивительно, поскольку никакой глобальной идеологической экстраполяции партийные верхи в то время еще не планировали[296]. Тем более, что 27–28 августа, через несколько дней после выхода в свет постановления, в СВАГ проходил партактив с «проработкой» другого решения ЦК[297], поэтому в основном докладе о новых указаниях не было сказано ни слова.

Оперативно отреагировал полковник С. И. Тюльпанов, начальник Управления пропаганды СВАГ, попытавшийся расширить и актуализировать трактовку постановления. Не останавливаясь на «упадничестве» Зощенко и Ахматовой, он сразу заговорил о том, что воспитание коммуниста в Германии происходит в особых условиях: «В кружках преподают марксизм, а вышел на улицу — капитализм», даже «на вполне зрелых людей всегда действуют формальные и иллюзорные «свободы» капиталистического мира». Тюльпанов апеллировал к «достаточно здоровому советскому сознанию», гово-

---

[294] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 201. Л. 47.

[295] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М., 1999.

[296] См.: *Д. Б биченко*. Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // Вопросы литературы. 1993. Вып. 3.

[297] Речь идет о постановлении ЦК ВКП (б) «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы со вновь вступившими в ВКП (б)» от 26 июля 1946 г.: КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 24–30.

рил о воспитании «политического чутья, чтобы разоблачить эту гниль...»[298]. Он предостерег от западных напастей и точно определил (предопределил?) направление главного удара партии. Но также увидел и нараставшую тенденцию к изоляционизму, чреватую ослаблением советского влияния на немцев: «Мне иногда кажутся обидными рассуждения, что нужно «изолировать» наших людей, что нужно их оградить железной проволокой от всего немецкого, иначе на них это повлияет. Вот в Хемнице дошли до того, что один жилой дом офицеров среди города окружили колючей проволокой, на смех всем немцам. Изоляция здесь нереальна, а главное помнить, что вся наша работа связывает нас с ними»[299].

По сравнению с выступлением Тюльпанова, высказывания заместителя Главноначальствующего СВАГ генерал-полковника Курочкина на ту же тему выглядели довольно бледно[300]. Партийное руководство СВАГ явно не сразу осознало всю важность новых идеологических установок. До лета 1947 г. Политуправление продолжало отчитываться исключительно о выполнении постановления ЦК от 26 июля 1946 г. — улучшали «состав принимаемых в партию», усиливали воспитательную работу с вновь вступившими в ВКП (б)», то есть занимались своей обычной рутинной работой[301].

Следующий этап усиления борьбы с «низкопоклонством перед Западом» пришелся на лето 1947 г. 16 июля появилось Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина» и материалы суда чести над ними[302]. «Дело

[298] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 77–79.
[299] Там же. Л. 80.
[300] Там же. Л. 109.
[301] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 82–96; Л. 109–149; 183–202.
[302] Биологи, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Н. Г. Клюева и профессор Г. И. Роскин, создали препарат от рака «КР» (круцин). Американцы предложили издать их книгу и провести совместные исследования. Академик В. В. Парин с разрешения властей передал американским ученым рукопись книги и ампулы с препаратом. Это вызвало недовольство Сталина. Парин был арестован и осуж-

КР», как справедливо считают В. Д. Есаков и Е. С. Левина, посвятившие этому вопросу специальное исследование[303], было поворотным моментом в резком переходе страны к холодной войне, тотальной секретности и самоизоляции. Понятно особое значение подобного «дела» именно для СВАГ, сотрудники которого постоянно взаимодействовали с «враждебным окружением». Другое дело, что партийные органы военной администрации как всегда не смогли оперативно отреагировать на сигнал из Москвы. Только что, 4–5 июля, прошел партактив[304]. Затевать новый было преждевременно. Тем более, что сначала было предложено обсудить тему кулуарно, среди начальства. Политуправление СВАГ рекомендовало, возможно, по указанию сверху, провести специальные совещания, на которых с письмом должны были ознакомиться начальники отделов.

Через месяц—полтора в Политуправление стали поступать отчеты. Коммунисты-начальники наконец-то с письмом ознакомились. Как и положено, они с возмущением осудили антипатриотический и антигосударственный поступок сомнительных граждан СССР — Клюевой и Роскина. И недоумевали, почему с учеными поступили так мягко, ограничившись общественным выговором. На совещаниях вновь стали раздаваться забытые возгласы: «Мало им дали», «За это расстреливать надо»...[305]. Это уже напоминало довоенные времена.

ден. Против Клюевой и Роскина была развязана кампания, разоблачающая действия ученых как проявление «низкопоклонства и раболепия» интеллигенции перед буржуазной культурой Запада. Клюева и Роскин были привлечены к суду чести, на котором присутствовали 1500 медиков. Суд чести вынес им «общественный выговор».

303 *В. Д. Ес ков*, *Е. С. Левин* . Дело КР. Суды Чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

304 Партактив 4–5 июля 1947 г. был посвящен недостаткам партийно-политической работы в органах СВАГ и мерах по ее улучшению. См.: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–128.

305 ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 66. Л. 366.

Начальник политотдела Штаба СВАГ К. В. Овчинников решил опередить события и сразу назвал в своем отчете потенциальных обвиняемых[306]. Сюда попали те, кто слишком часто и близко общался с союзниками, кто печатал свои работы в немецких журналах, а заодно и те, кто просто невинно выпивал сверх меры. Овчинников предложил создать суды чести для цивильных[307]сотрудников. Дальше следовали ни к чему не обязывающие рекомендации: «...больше приглашать артистов из Советского Союза, дать квалифицированных лекторов, увеличить лимит подписки на журналы...». Все как всегда. Лишь одно предложение выходило за рамки обычной партийной риторики. Высокопоставленный партработник предлагал в течение года заменить *весь сост в интеллигенции,* работавшей в СВАГ с 1945 г.[308] (Напомним, что на 1 января 1947 г. 27,3% коммунистов СВАГ имели высшее образование[309]). Видимо, счел таких сотрудников сомнительными, поскольку они уже больше двух лет дышали заграничной «заразой» и способны были видеть дальше собственного носа.

С 8 по 16 сентября 1947 г. в Центральном аппарате СВАГ были проведены закрытые партийные собрания, где обсуждалось письмо ЦК ВКП (б). Принципиально новым было то, что на этот раз готовились очень тщательно. Политическая атмосфера вокруг «низкопоклонников» сгустилась, и нужно было указать пальцем на конкретных людей. Партийные собрания растянулись на два вечера. Такого раньше не было. Даже партактив, длившийся два дня, был скорее исключением, а тут партсобрания!

9 октября 1947 г. начальник политотдела Штаба СВАГ К. В. Овчинников отчитался перед Политуправлением.

[306] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 51–54.

[307] «Цивильными» на жаргоне СВАГ называли гражданских сотрудников военной администрации. См., например: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 29, 30.

[308] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 53.

[309] См. примечание 47.

Большим успехом он посчитал то, что на собраниях были вскрыты конкретные факты низкопоклонства и раболепия перед всем иностранным. В своей докладной записке Овчинников классифицировал подобные проступки, а в пометах на полях (ниже они даны курсивом. — *Авт.*) сообщил, какие наказания заслужили и получили «раболепствующие» коммунисты:

«Антипартийные и антигосударственные поступки отдельных коммунистов». В эту категорию попал сотрудник бюро медицинских наук, работающий в Йене, который, на свое несчастье, ставил опыты на мышах, используя препарат «КР». Именно об этом препарате и шла речь в Закрытом письме. На полях против фамилии ученого стоят пометы — *«р сследов ть» и «выполнено».* Сюда же угодили работавший в отделе здравоохранения СВАГ профессор медицины, он без разрешения из Москвы опубликовал свою работу в немецкой печати *(«отком ндиров н» из СВАГ*), и кандидат медицинских наук, пользовавшийся в своих исследованиях немецкой довоенной статистикой (*«обсудить н общем собр нии»*).

«Примеры раболепия, преклонения и восхищения перед заграничным и восхваление буржуазной культуры и быта». В этом прегрешении начальник политотдела Штаба СВАГ обвинил машинистку, заявившую, что она не считает советскую технику самой передовой *(«изуч ется...»*), переводчицу, утверждавшую, что немецкие инженеры лучше советских... *(«личн я бесед »)*, а также и тех, кто не интересовался советской культурой, кто часто посещал немецкие библиотеки *(«отком ндиров ть»)* ... В заключение Овчинников обрушился на сотрудников Управления комендантской службы, у которых по вечерам «трещала низкопробная фокстротная и джазовая музыка». Имен не назвал, вероятно, этим грешили многие.

«***Примеры связей с союзниками, примеры потери бдительности и болтливости».*** Примеров связей с союзниками не нашлось. Но потеря бдительности была налицо — это пани-

братство и сожительство с немками (*«отком ндиров ть»*), беспечность в работе с секретными документами (*«объявлен выговор н ч льником»*), «неправильное обращение с секретными документами, которые могли попасть не в те руки» *(«осужден В<оенным> т<рибун лом>»).*

Примеры изменнических и антисоветских действий и чтения контрреволюционной и антисоветской литературы. Здесь речь шла и о настоящей измене — побеге в западную зону, и о вербовке в сионистскую организацию *(« рестов н»),* и о чтении «фашистских» (т.е. издававшихся в западных зонах. — *Авт.*) газет, американских журналов. Чтение западных источников практически приравняли к тяжелым проступкам, хотя поначалу и наказывали мягче (*«бесед н - ч льник и <в> опер< тивном> секторе»*)[310].

Несмотря на то что Овчинников бойко докладывал о «большой активности», проявленной коммунистами в деле разоблачений, из его же докладной записки следовало: критика исходит сверху, от «коммунистов, занимающих должности руководящего состава»[311]. Низы предпочитали помалкивать. Оказалось, что и некоторые руководители не проявили должного внимания к таким важным партсобраниям. Начальник Управления науки и техники Тертышный, сославшись на занятость, отказался предварительно ознакомиться с письмом ЦК ВКП(б) и уехал на Лейпцигскую ярмарку. Начальник Транспортного управления генерал-майор Квашнин не присутствовал на партсобрании: был занят. Не принимал он участия и в подготовке к этому важному партийному мероприятию. В управлении, конечно, и без его участия нашли мальчиков для битья. Однако, как обычно, в основном звучали обвинения в сожительстве с немками — вопрос, как говорится, актуальный, но не по теме, на что и было указано[312]. Овчинников

[310] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 137–149.
[311] Там же. Л. 148.
[312] Там же. Л. 111.

сетовал, что некоторые парторганизации, несмотря на указания, не привели ни одного факта низкопоклонства. То ли не хотели, то ли поленились, то ли не знали, что придумать.

Начальник политотдела Штаба СВАГ собрал высказывания коммунистов на партсобраниях и направил их начальству. Набрал 16 листов. Собственно, это список подозрительных дел и лиц с указанием управлений и фамилий[313], перечень тех, кто донес и на кого донесли. Судя по этому документу, в ход пошли совсем нелепые обвинения. В Управление сельского хозяйства СВАГ заклеймили тех, кто «впадает в трепетное состояние от немецких профессоров», а заодно и своего профессора, который, по мнению секретаря партбюро, пресмыкался перед союзниками[314]. Кого-то обвинили, что много болтался по магазинам в западных зонах... Под горячую руку попал и сотрудник Управления связи майор Б., который зачем-то называл советских офицеров господами[315].

Пропагандистские меры воздействия и практика репрессий за «низкопоклонство» были дополнены формальными запретами. В первые годы существования СВАГ сотрудники пользовались относительной свободой доступа к зарубежной информации, да и передвижение между зонами, несмотря на запреты, шло постоянно. Во время пребывания в Германии работники СВАГ приобретали книги, иногда совершенно неподходящие. Те, кто знал иностранные языки, могли читать западную прессу по работе и не только. Еще в 1947 г. сотрудники свободно подписывались на газеты[316], издаваемые по лицензиям союзников, проявляли «интерес к чтению немецкой и американской литературы». В Правовом отделе СВАГ переводчики по очереди читали американские газеты и журналы. Кое-кто позволял себе

---

[313] Там же. Л. 105–121.
[314] Там же. Л. 112.
[315] Там же. Л. 97.
[316] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 16. Л. 232.

не только читать западные газеты, которые партработники иначе как фашистскими не называли, но и делиться прочитанным с другими[317].

В 1948 г. на фоне разгоравшейся холодной войны были приняты новые «обеспечительные меры», сужавшие доступ к западным источникам информации. 6 января 1948 г. появился приказ Главноначальствующего СВАГ[318], категорически запрещавший работникам СВАГ и членам их семей индивидуальную подписку и покупку в розничной сети немецких газет и журналов, издающихся по иностранным лицензиям, т.е. по лицензиям, выдаваемым союзниками в их зонах оккупации. Во всех управлениях и отделах следовало завести специальную подшивку газет и журналов, предназначенных только для служебного пользования. Все периодические издания, выходившие по иностранным лицензиям, надлежало отныне хранить особо. Пользоваться ими могли только лица, которым это было необходимо по долгу службы.

В том же 1948 году началась чистка личных библиотек. 19 апреля 1948 г. начальник политотдела Штаба СВАГ К. В. Овчинников разослал во все управления и отделы указание: «Установлено, что на квартирах сотрудников СВА имеются различной величины библиотеки, состоящие из иностранной литературы, принадлежащей бывшим владельцам этих квартир. Нередко в этих библиотеках имеется большое количество нацистской и другой идеологически вредной литературы, которая в отдельных случаях используется даже детьми советских граждан». В двухнедельный срок было велено всю эту литературу изъять, найти помещение для хранения книг и опечатать их там до специального распоряжения. Сдаче подлежала и «антисоветская

317 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 115.

318 Приказ Главноначальствующего СВАГ № 001 «О порядке пользования немецкими журналами и газетами». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 78. Л. 1–2.

белоэмигрантская литература на русском языке и книги врагов народа (Бухарина, Троцкого, Зиновьева и др.)». Те, кому по роду работы необходимо было иметь иностранную литературу, обязаны были «предоставить список имеющихся у них книг и получить специальное письменное разрешение на пользование ими»[319].

Конечной целью этой и ей подобных запретительных практик было превращение внешнего запрета во внутреннюю цензуру, закрепление советских шаблонов поведения и оценок. Запреты, как и прозвучавшие на партсобраниях призывы не слушать передачи зарубежных радиостанций[320], четко обозначили коммунистам границы опасной зоны. Но, кажется, подействовали они не на всех. Как следует, например, из протоколов партийных собраний газеты «Теглихе Рундшау» за 1949 г., заинтересованные потребители враждебной информации так и продолжали слушать «Голос Америки» и «Би-би-си», проявлять «нездоровый интерес к враждебной печати» и даже (о, ужас!) «читали газеты без надобности в этом для их работы»[321]. Что касается изъятия всех изданных при Гитлере книг, то и здесь некоторые находили выход из положения. Сотрудник аппарата Политсоветника, нацеленный на изучение немецкого языка, приобрел чрезвычайно толковый учебник, вышедший в нацистской Германии. Он благополучно уберег книгу от чистки, предусмотрительно оторвав обложку, привез ее с собой в СССР и пользовался ею долгие годы[322].

Борьба за патриотизм порой приобретала совершенно карикатурные формы, но таившиеся в этой борьбе угрозы только нарастали и отбивали всякую охоту шутить. Нельзя было критически отзываться о советском, даже если это правда. Нельзя хвалить иностранное, даже если оно

---

319 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 45. Д. 17. Л. 53.
320 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 103. Л. 35.
321 Там же. Д. 97. Л. 18.
322 Из личных воспоминаний Е. Г. Плимака.

лучше. Категорически нельзя приближаться и соприкасаться с буржуазной заразой в любом ее проявлении... Абсурдность подобных требований к коммунистам говорила о кризисном состоянии системы, вступившей в фазу деградации и бессмысленных действий. Что же касается СВАГ, то здесь такой подход приобретал по-настоящему разрушительный характер. Разрушительный, прежде всего, для целей советской политики в Германии. Как могла функционировать в подобных условиях администрация, задача которой умело сотрудничать с немцами в разных областях и быть в курсе событий?

Несмотря на приложенные усилия, сочетавшиеся с дальнейшим распространением доносительства и страха, партийная массовка слишком медленно разворачивалась в нужную сторону. Инструкторы Политуправления жаловались, что Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина» от 16 июля 1947 г. воспринималось коммунистами скорее «как информационный документ»[323]. В большинстве парторганизаций так и не поняли, что это документ «программный». При проверке оказалось, что целый ряд секретарей парторганизаций забыли «основное содержание Закрытого письма» и не поняли задач, поставленных ЦК ВКП (б) «по усилению идеологической работы с интеллигенцией»[324]. Запланированные во всех парторганизациях собрания о чести и достоинстве советского человека, которые должны были переключить партийцев на патриотизм и борьбу с низкопоклонством, проходили вяло[325]. Они продолжали оставаться обычными партсобраниями о дисциплине и производственных вопросах[326]. Для активизации кампании нужно было подключить старые проверенные средства: страх и бдительность.

[323] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 16. Л. 228.
[324] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 131. Л. 227.
[325] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 117. Л. 5–6.
[326] Там же. Д. 125. Л. 35–40.

7. Критика и самокритика. Гипертрофия бдительности

Важным партийным дополнением к работе спецслужб, системе доносов и другим малоприятным, но неизбежным вещам в повседневной жизни СВАГ была критика и самокритика. Эти активно продвигаемые партийной верхушкой концепты и ритуалы формировались как один из способов борьбы с фракционностью, индивидуальной личностной автономией, ведущей к независимому мышлению, а также помогали бороться с неконтролируемыми формами самоорганизации коллективов — круговой порукой. Эта и подобные ей практики были одним из инструментов перевода бдительности (подозрительности, недоверия) в формат практических действий. К.-Г. Ригель, основываясь на анализе 1930-х годов, считает, что основная цель ритуала критики и самокритики — это «публичное признание в грехах» и «обучение систематическому повиновению»[327]. Сходную точку зрения высказывает и Лоренц Эррен в своей книге «Самокритика и признание вины. Коммуникация и господство при Сталине (1917–1953)»[328].

Самокритика считалась особым видом критики, критики пролетарской, большевистской. Это неологизм сталинистской культуры. В словаре В. Даля такого понятия нет. А у С. И. Ожегова этому советскому концепту присвоен статус «одного из основных большевистских методов в деле построения и развития социалистического общества». Самокритика, по Ожегову, «критическое отношение к собственной деятельности, критика недостатков

[327] *Ригель К.-Г.* Указ. соч. С. 125.

[328] *Erren L.* «Selbstkritik» und Schuldbekenntnis. Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917–1953). München, 2008. Здесь и далее содержание работы Л. Эррена воспроизводится по содержательному обзору А. Короленкова «Политическая система при Сталине: взгляд российского и немецкого историков // Российская история. — 2013. — № 03.

собственной работы, вскрытие своих ошибок»[329]. Самокритика — придуманное временем и взятое на вооружение советской властью слово. Мы согласны с Л. Эрреном, который считает практику признания вины и самокритики в их сталинском варианте изобретением 1920–1930-х гг. Он не склонен связывать этот ритуал с русским, христианским, интеллигентским или даже дореволюционным большевистским «культурным кодом»[330]. Российский рецензент книги Эррена А. Короленков ставит этот вывод под сомнение, однако никакой развернутой контраргументации не приводит и на какие-либо исследования, позволяющие сравнить покаянные практики христиан в их общении с Богом и большевистское «признание ошибок», не ссылается. Тезис рецензента, что о подобной связи «порой утверждается в литературе», никакими ссылками не подкреплен[331].

Как показал в своей книге тот же Л. Эррен, концепты самокритики и признания ошибок двигались к своей идеологической вершине через фракционную борьбу. Они достигли своего апогея в годы Большого Террора. При этом цели подобных партийных практик постоянно перемещались — от подавления организованных, открытых и явных противников диктатуры, оппозиционеров и фракционеров через превентивное подавление любого вне- и внутрипартийного разномыслия, вплоть до морального уничтожения людей, не готовых или не умеющих раствориться в атомизированном сталинском обществе. Менялись и методы действия господствующей партийной верхушки, превратившей за 15 лет внутрипартийную критику и самокритику из инструмента преодоления фракционности в доносно-

329 Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. Изд. Третье. Под общей редакцией С. П. Обнорского Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. 1953. С. 640.

330 *Erren L.* Op. Cit. S. 25–26. Цит. по: *Короленков А.* С. 50.

331 *Короленков А.* Указ. соч. С. 50.

разоблачительную практику, эффективный инструмент репрессивного «перевоспитания» партии и общества.

Попутно с этими процессами повышался идеологический статус концептов в каноническом сталинском тезаурусе. В уставе партии 1952 г. критика и самокритика были объявлены не только правом, но и обязанностью членов ВКП(б). Интересно, что в низовом партийном языке, как показывают документы СВАГ, двуединый концепт (критика-самокритика) стал восприниматься как единое целое. Иногда его части считали взаимозаменяемыми, но чаще критику просто подменяли самокритикой[332], что само по себе говорило о размывании границ концепта и его примитивизации в сознании рядовых коммунистов.

Великая Отечественная война, по наблюдению Эррена, отодвинула инструментарий критики и самокритики на задний план. Первые попытки послевоенного возрождения их идеологического и бюрократического статуса этот автор относит уже к 1946 г. и связывает со ждановщиной и последующей борьбой с космополитизмом. Но в каких формах вернулась партия к довоенной «норме» критики и самокритики? Удалось ли партийной верхушке придать критике и самокритике их довоенный накал и агрессивную семантику?

Анализ низовых практик критики и самокритики в СВАГ, как мы покажем ниже, продемонстрировал парадоксальное с точки зрения обыденного понимания сталинизма явление. Идущее сверху идеологическое «возвышение» критики и самокритики в послевоенный период сопровождалось ее низовой прагматической деградацией. В скрепленном фронтовым товариществом и круговой порукой сообществе СВАГ в первые полтора-два послевоенных года никто не проявлял особого «самокритического рвения». В 1946 г. механизмы «критики и самокритики» в их сталинском понимании» запустить

[332] См., например: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 68. Л. 72; ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 111. Л. 20 и др.

не удалось. Ранняя ждановщина почти не затронула СВАГ. Более поздние документы подтверждают постепенное втягивание коммунистов и особенно руководящих партийных работников в возрождение довоенного репрессивного энтузиазма. Но процесс возвращения критики и самокритики к жестокой довоенной «нормальности» сопровождался выведением и себя, и вообще любого начальства из-под несанкционированных свыше критических ударов.

По нашим подсчетам, в 1947 г. чуть ли не каждое четвертое партийное собрание в СВАГ в той или иной форме касалось вопросов критики и самокритики[333]. Правда, в основном все сводилось к призывам партийных бюрократов, требовавших смелее «разворачивать большевистскую критику и самокритику!»[334]. Проверяющие измеряли количество и качество критических замечаний на партсобраниях и обычно заключали: «критика недостатков» продолжает оставаться «слабой»[335]. Призывы и увещевания помогали мало. Открыто выступать с критикой отваживались немногие. Даже тот, кто был искренне с чем-то не согласен или возмущен, говорить с трибуны не хотел. В лучшем случае «пускал реплики»[336] на партактивах и партсобраниях, иногда достаточно острые. Этим критика и ограничивалась. Можно сказать, что единственно, в чем коммунисты были единодушны, так это в том, что критика начальства — занятие опасное. Зато под видом критики и самокритики в коллективе часто расцветала склока — «каждый следил друг за другом и держал камень [за пазухой]»[337].

Проверяющие из Политуправления СВАГ постоянно отмечали, что «критика и замечания отдельных людей встречаются в штыки»[338]. В принципе, начальство всегда имело

[333] Подсчеты выполнены по ресурсу «Тезаурус СВАГ» «Электронного архива фондов СВАГ, хранящихся в ГА РФ». Подробнее см. Введение.
[334] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 139; см. также: Д. 56. Л. 31.
[335] Там же. Д. 68. Л. 237.
[336] Там же. Д. 118. Л. 61.
[337] Там же. Д. 104. Л. 8; Д. 91. Л. 30.
[338] Там же. Д. 14. Л. 59–60.

в своих руках эффективные инструменты зажима критики. «Зачастую критические замечания коммунистов в протокол не записывают». Критика оставалась гласом вопиющего в пустыне — благодарят, но не устраняют[339]. Еще один из способов зажима критики состоял в том, «что человек выступает и вскрывает безобразие, а ему говорят, почему ты его не ликвидировал. Вывод — не выступай на трибуне»[340]. Использовали и такой хитрый прием — умело перенаправляли критику на других, как это делали в политотделе УСВА земли Бранденбург: ругали подчиненные комендатуры или состояние партийной работы в других парторганизациях, а недостатки своих коммунистов — сотрудников политотдела — «не вскрывали»[341].

Вообще отношение к критике «снизу» у руководства СВАГ, как и у всякого начальства, было негативным. Начальник Транспортного управления СВАГ П. Л. Квашнин открыто говорил, что «критиковать должен равный равного, а так как он генерал и старше его никого нет, значит критиковать его нельзя»[342]. В этом генерала поддерживал и секретарь парторганизации управления Шацилло. За зажим критики Квашнин получил выговор, а Шацилло был снят с должности секретаря партбюро[343]. Большинство руководителей высказывались осторожней. Но время от времени они намекали подчиненным: критика и самокритика в СВАГ «должны быть в известной степени ограничены». При этом ссылались на особые «заграничные условия»[344] или «на специальные условия развития Советской армии»[345]. В противовес им партийное руководство СВАГ утверждало, что «не допускается только кри-

[339] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 36. Л. 408.
[340] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 51.
[341] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 40.
[342] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.
[343] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 21. Л. 145.
[344] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 93. Л. 45.
[345] Там же. Д. 14. Л. 59.

тика приказа в момент его исполнения. В остальном, никто в военных парторганизациях не отменял устава ВКП(б) и права на критику, никто не отнимал прав партийцев...»[346]. Но в реальной жизни в подобные разъяснения могли поверить только самые наивные.

Сваговские начальники в отношении к критике были достаточно единодушны. Единственным, пожалуй, исключением, да и то на короткое время, стал начальник Политуправления СВАГ И. М. Андреев. Ему по должности было положено ратовать за критику и самокритику. В июле 1947 г. именно Андреев призывал на партактиве «критиковать, невзирая на лица», убеждая остальное начальство, что «члены партии имеют право на критику»[347]. И сам подал пример, рассказав, как вел себя на партактиве в Центральной комендатуре комендант советского сектора г. Берлина А. Г. Котиков: «Я сидел вместе с Котиковым. Смотрю, тов. Котиков весь блокнот исписал, посылал записки в зал то одному, то другому. Эти товарищи стали записываться в прения. Выходит, что Котиков организовал прения своими записками. Так как эти товарищи выступали по инициативе тов. Котикова, то никто не сказал о недостатках работы в комендатуре. Один выступает не по записке тов. Котиков и говорит о недостатках. Тов. Котиков поднимается и говорит: «Сукин сын, я тебе покажу и т. д.». Выступающий стоит, а актив видит и слушает. Я лично расцениваю, что тов. Котиков зазнался, оторвался от масс и начинает вести себя не по-партийному. Если начальники не будут считаться с политотделами, то как же они будут работать? За границей другой партийной власти нет. ЦК партии нам поручил воспитывать людей... Политуправление — это орган ЦК партии»[348].

Критический настрой Андреева на июльском (1947) партактиве поддержали некоторые парторги. Секретарь парт-

346 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.
347 Там же. Д. 15. Л. 28.
348 Там же. Л. 27.

организации Управления промышленности СВАГ Макаров вспомнил о тягостной атмосфере апрельского (1947) актива. По его словам, это мероприятие отличалось тем, что, «как только выступающий выходил за рамки своей парторганизации, управления, отдела и чуть-чуть начинал критиковать руководство СВАГ, причем косвенно, сразу же задавался вопрос: «Вы лучше расскажите, как у Вас дела?», — а затем ряд других вопросов умело сбивал выступающего. «Впервые за 19 лет пребывания в партии, — возмущался Макаров, — был на таком партактиве, когда шла «перестрелка» между активом и отдельными членами президиума» [349]. На агрессивное поведение начальства жаловались и другие выступающие. Старший референт Управления информации СВАГ Соколка упрекнул президиум в том, что сидящие в нем руководители «употребляли очень острые слова» и все время его прерывали. Он увещевал их: это «нехорошо и не содействует самокритике, когда оратора сбивают репликами из президиума... Я выступаю, как член партии, о чем сердце болит. Почему я меньше патриот, чем вы?» (Голоса: Правильно. Неправильно! Аплодисменты). Соколка апеллировал к ЦК и лично к начальнику Политуправления СВАГ Андрееву[350].

Но, кажется, начальник Политуправления битву за свободу партийной критики проиграл. Попытка на деле включить концепт «критика и самокритика» во внутрипартийный дискурс обошлась ему слишком дорого. Поговаривали, что решение о снятии Андреева созрело тогда, «когда он критиковал Котикова на партактиве СВАГ». Значит, сделали вывод сваговцы, лучше от критики воздержаться, «ибо можешь быть жестоко наказан»[351].

После смены начальника Политуправления СВАГ на партийных мероприятиях заговорили совсем по-другому. И хотя

[349] Там же. Л. 30–31.
[350] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 51.
[351] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 3.

участников партактива СВАГ в августе 1948 г. встречал плакат: *«Р ботник, который не умеет с м себя критически проверять, который не умеет мужественно относиться к критике, неспособен двиг ться вперед, он трус и обыв тель»[352],* Главноначальствующий СВАГ В. Д. Соколовский в своем выступлении ясно дал понять, что критикой лучше не увлекаться. «Наши партийные организации, — заявил Соколовский, — привыкли на партийных активах и везде говорить только о недостатках... А вот показать хорошую партийную организацию, как эта партийная организация действительно дело делает, к сожалению, на протяжении трех лет нахождения в СВА я ни на одном партийном активе не слышал.... Мы не показываем хороших людей и хорошие партийные организации, мы склоняем честных людей очень часто, причем склоняем часто огульно... Надо воспитывать и на другом наши... кадры»[353].

Прямое и завуалированное противодействие сваговского начальства критике вполне понятно. Протоколы партактивов уходили наверх и внимательно изучались. Зачем подставлять себя своими руками? Призывы «Критикуйте больше!» наталкивались на начальственное «Не стОит!» и нежелание подчиненных заниматься опасным делом. Более того, в атмосфере позднего сталинизма традиционную для внутрипартийной жизни критику можно было легко представить очернительством, обвинить критикующих в недостатке патриотизма и потребовать позитивных высказываний. Косвенно это свидетельствовало о нарастающей деградации знаковых коммунистических концептов, неработоспособности «критики и самокритики» как средства «улучшения жизни».

В этом качестве эти концепты, несмотря на декларации и демагогию, решительно никуда не годились. Зато они отлично проявили себя в качестве инструмента разоблачения врагов — низкопоклонников и космополититов. Враг был

[352] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 19. Л. 31. Цитата из газеты «Правда».
[353] Там же. Л. 76–77.

определен, и это было не начальство. А критиковать космополитов, низкопоклонников и формалистов было даже почетно. Как и требовать от неблагонадежных людей унизительного покаяния. Именно этот фрагмент идеологически «правильного» концепта был востребован поздним сталинизмом. И именно в это время, то есть к концу существования СВАГ, критика и самокритика совершенно слились с подозрительностью, с поиском неправильных коммунистов, достойных порицания, а то и ареста.

Начались бесконечные партийные собрания, обсуждающие вопросы «притупления бдительности советских работников за границей»[354]. Зазвучали новые требования — не упускать из виду ни одного человека. Бесед и предостережений стало недостаточно. Последовали прямые указания: «мы еще мало знаем людей, не изучаем их быт», «мало знаем, чем и как занимаются наши товарищи в воскресные дни...»[355]. Другими словами, «в ... условиях работы в буржуазном окружении, кишащем англо-американской агентурой», бдительность пытались превратить в «важнейшую обязанность каждого коммуниста». Психоз подозрительности вряд ли помогал находить западных агентов в советской зоне оккупации, но явно мешал нормальной работе сотрудников СВАГ. От них теперь потребовали какой-то особой «острой бдительности»[356]. Нужно было «следить не только за работой каждого отдельного товарища, но и за его поведением. Следить друг за другом...»[357]. Все это фактически вело к параличу нормальной партийной жизни, как это уже было в годы Большого террора.

На августовском партактиве СВАГ (1948) Б. Кобулов патетически заявил, что «в условиях работы в Германии и осо-

[354] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 45. Л. 25–29; Д. 103. Л. 38–40; Д. 120. Л. 68–74; Д. 127. Л. 43–52; Д. 135. Л. 44–49 и др.

[355] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

[356] Там же. Д. 36. Л. 59.

[357] Там же. Д. 24. Л. 63.

[Содержание]

бенно сейчас, когда так обострена политическая обстановка, каждый коммунист, каждый советский работник должен быть чекистом... поддерживать тесную связь с органами государственной безопасности и помогать им в их работе»[358]. Таким образом, в период позднего сталинизма «чекизм» оказался единственной реальной панацеей, обеспечивающей работоспособность идеологических практик режима. На него у руководящих партийных работников было гораздо больше упований, чем на веру в коммунизм и коммунистов. «Старая» партийная критика и самокритика оказалась за водоразделом Большого Террора — там же, где осталась открытая внутрипартийная оппозиционность, идейное разномыслие и фракционность. Единственное, что после 1947 г. работало в партийных организациях СВАГ, была извращенная бдительность, укутанная демагогическим туманом.

8. Казус Кривопалова

Чтобы заставить дисциплинирующий партийный механизм работать, необходимо было вдохновить и поощрить людей, способных по своим личным качествам и особенностям играть роль блюстителей «коммунистической чистоты». На фоне расширявшейся зоны запретов и ограничений нужно было запустить внутреннюю «патриотическую мобилизацию» коммунистов, особенно партийной интеллигенции. Лицом идеологической кампании 1948 г. в Управлении информации СВАГ стал майор (затем подполковник) Владимир Яковлевичем Кривопалов, служивший старшим инструктором-информатором в отделе информации[359], штатный политработник и опытный участник идеологических битв. Он вступил в партию в 1921 г., в возрасте 18 лет. Следовательно, имел огромный довоенный партийный

[358] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.
[359] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 49. Д. 95. Л. 26.

опыт, включавший сталинскую школу чисток, разоблачений и борьбы с врагами народа.

Призванный с первых дней войны в армию, Кривопалов сначала был агитатором политотдела 2-го Артиллерийского корпуса прорыва Резерва Главного Командования, где учил «парторгов и комсоргов, низовых агитаторов и молодых офицеров, как нужно организовывать воспитание личного состава и готовить его к предстоящему бою...». Затем заместителем командира по политчасти 1174-го истребительно-противотанкового артиллерийского Севастопольского полка. Закончил войну в Берлине, где «в уличных боях... непрерывно проводил политработу непосредственно в боевых порядках с каждым бойцом. Таким методом политработы майор Кривопалов добился хорошего состояния дисциплины и высокого морального духа у всего личного состава, что способствовало выполнению поставленной боевой задачи в уличных боях. Майор Кривопалов не только проводил партийно-политическую работу, но во многих случаях непосредственно увязывая вопросы взаимодействия с пехотой, руководил уличным боем»[360].

Как политработник и коммунист со стажем В. Я. Кривопалов обладал особыми партийными навыками, благодаря которым и оказался в центре борьбы с космополитами, низкопоклонниками, очернителями и формалистами. Мы рассматриваем действия нашего героя в одном отдельно взятом интеллигентском управлении СВАГ как казус, воплощавший идеологические стереотипы эпохи[361]. Какими бы ни были личные мотивы Кривопалова, его публичные действия вполне отвечали модельному поведению истинного коммуниста, каким его видели в своих тоталитарных грезах партийные верхи.

---

[360] См.: Кривопалов Владимир Яковлевич // Подвиг народа. 1941–1945: podvignaroda.ru

[361] *Ю. Л. Бессмертный*. Что за казус? // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1997. С. 8: http://orbis-medievalis.ru/library/bessm-cas.pdf.

Кривопалов появился в Советской военной администрации во второй половине 1946 г.[362] Во время событий ему было 45 лет. На партийных собраниях он постоянно выступал с критикой коллег по идеологическим вопросам, прибегая, как мы бы сказали, к изощренной аргументации в лучших традициях сталинского времени. Обсуждая проступок сотрудника управления, Кривопалов увидел наибольшее зло в том, что провинившийся «компрометирует не только себя, но и Советский Союз, так как его поступки совершились на глазах представителей буржуазных партий ЛДП и ХДС, в рядах которых достаточно агентов и шпионов, работающих на агентуру Америки»[363]. Активность майора была замечена. Его выбрали в состав партбюро, чуть было не назначили партийным секретарем Управления информации СВАГ. Но одного голоса не хватило, и Кривопалов стал заместителем, отвечавшим за пропагандистскую работу[364].

Особенно ярко разоблачительные качества Кривопалова проявились в 1948 г. И связано это было с запутанной идеологической коллизией, уходящей корнями в 1947 год. Весной 1947 г. старший лейтенант А. В. Шнитке, служивший корреспондентом-организатором в Управлении информации СВАГ, при полном одобрении начальника отдела культуры А. Л. Дымшица, подготовил к изданию свой «Альбом гравюр». Как позднее докладывал председатель партийной комиссии Буров, «первые (пробные. — *Авт.*) экземпляры в порядке «сюрприза» были подарены ответственным работникам СВАГ, несколько экземпляров послали в Москву. Похвал и благодарности не дождались. Последовало

[362] Его партийный билет был зарегистрирован в Книге регистрации учетных карточек членов и кандидатов в члены партии в Политотделе СВАГ 28 августа 1946 г. Социальное происхождение — из служащих. Прибыл из Политотдела 39 истребительной артиллерийской бригады ГСОВГ. См.: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

[363] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 35. Л. 17.

[364] Там же. Л. 6.

указание: «выпуск альбома, как вредного, прекратить, инициатора выпуска привлечь к ответственности»[365]. Комиссия ЦК ВКП(б)[366] предложила откомандировать Шнитке в СССР еще в июне 1947 г., однако отправили его в Москву только в январе следующего года[367]. Причем на январском (1948) отчетном партийном собрании Управления информации СВАГ вопрос об «Альбоме гравюр» не поднимался[368]. Очевидно, начальник управления С. И. Тюльпанов не собирался раздувать скандал. Такая практика — по-тихому, без долгих разбирательств, просто убрать провинившегося сотрудника из Германии, часто использовалась руководством[369]. Однако спустить дело на тормозах не удалось. Шнитке уехал, но была определена другая жертва для идеологического разбирательства. Ею стал начальник отдела культуры Л. А. Дымщиц, благословивший выход в свет злополучного альбома[370]. Известно, что делу дал ход сам начальник Главного политического управления генерал-пол-

[365] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 230.

[366] Вероятно, речь идет о комиссии ЦК ВКП(б) по выездам за границу.

[367] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.

[368] Там же. Д. 34. Л. 10–63.

[369] Выступающие на отчетном партсобрании Управления информации СВАГ (26–28 января 1948 г.) говорили, что «ряд коммунистов был откомандирован в Советский Союз, потому что поддались немецким настроениям (тт. Соколка, Выдра)», и упрекали партбюро, что оно не использовало эти факты в воспитательных целях. См. ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

[370] Подробно о гонениях на Л. А. Дымшица во время его службы в СВАГ см., например: *В. Огрызко*. В поверженной Германии. Перед угрозой ареста, или Последние поручения в Германии // Литературная Россия. № 20. 5 июня 2015 : http://litrossia.ru/item/7517-v-poverzhennoj-germanii. См. также: *В. Огрызко*. Держусь на одной идеологии. Драматичная судьба советского критика Александра Дымшица как отражение литературных борений самого кровавого века. М., 2017. Однако авторов, писавших о нападках на Дымшица, совершенно не интересовал его ярый гонитель. А для нашего исследования важны как раз личность, поступки и мотивации майора, а затем подполковника Кривопалова.

ковник И. В. Шикин[371]. В это время в СВАГ работала комиссия ЦК, проверявшая работу Управления информации[372]. Видимо, Шикин решил, что нужно продемонстрировать, как партийные постановления претворяются в жизнь в Германии.

29 марта 1948 г. Кривопалов выступил на партбюро (а затем 5 апреля 1948 г. на партсобрании Управления информации СВАГ). Разбирали персональное дело начальника отдела культуры А. Л. Дымшица. Майор подготовил развернутый доклад о его политических ошибках[373]. Обвинив Дымшица в «протаскивании альбома Шнитке», он призвал коммунистов «беспощадно бороться со всевозможными идеологическими извращениями, от кого бы они ни исходили»[374]. Оценка художественной ценности «Альбома гравюр» Шнитке, произведенная Кривопаловым, заслуживает цитирования как памятник эпохи идеологических кампаний позднего сталинизма. Сначала майор прибег к статистике и сосчитал соотношение гравюр на русские и немецкие темы. В результате пришел к пугающему выводу: автора больше занимала Германия, к которой он относился, видимо, с подозрительной нежностью: «Все эти немецкие темы сделаны более чисто, теплее, значительно веселее. Все выглядит культурнее, лучше, нежели в России»[375].

Была разобрана практически каждая гравюра. Начал с обложки. «На обложке символическая, но дикая по содержанию гравюра — называется «Тоска по Родине». Лучи северного сияния падают на ландшафт на западе, над обрывом стоит человечек тенью силуэта. О чем же тоскует автор? Вероятнее всего о Германии. Эта же гравюра повторяется на 31 стр. и вслед за этим на стр. 32. знаменитый автопорт-

[371] ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 35. Л. 37.
[372] Там же. Л. 34.
[373] Там же. Л. 31–47: Д. 34. Л. 73–87.
[374] Там же. Д. 35. Л. 46.
[375] Там же. Л. 42.

рет тоскующего автора с рюмкой. Вот идеология Шнитке. Идейно пошлая и безграмотная в художественном отношении галиматья, в которой рука чуть ли не больше головы...»[376].

Гравюра «Встреча во дворе госпиталя» вызвала у Кривопалова сильнейшую негативную реакцию: «Одна из наиболее отвратительных по своей идеологической и антисоветской сущности гравюра. На первом плане женщина страшная, не ужас и тоска, а просто дегенеративность и отвращение на ее лице. Жалкая, убогая, допотопная телега, рядом немощный, тщедушный в фуфайке боец. И это происходит во дворе госпиталя в Житомире, в 1944 г., и это картина о победителях! Страшно, мрачно и упадническое изображение советских людей-героев 1944 г.»[377]

Кривопалов точно знал, чего не хватает в гравюрах Шнитке и что там обязательно должно присутствовать. «В его портретах и показе советских людей нет никакой радости оптимизма, нет силы. Такие люди, как Шнитке, не могли победить фашистов»[378]. «Нет ни одного малейшего штриха на тему «герои социалистического труда 1943–1947 гг.», нет ни одного рабочего, офицера, солдата, партизана, колхозника, героинь женщин и молодежи. Есть старый курский крестьянин, старая украинка, старый солдат... немецкая танцовщица, немецкие церкви, голая натура. Вот кто у Шнитке представляет силу и мощь Советского Союза»[379].

Обвинитель осудил Шнитке за «дискредитацию советского искусства» и вынес приговор его работам: «Альбом представляет из себя идейно чуждый политически вредный документ, уродливо, в искаженном виде изображает советскую действительность, дискредитирует нашу Родину и изобразительное искусство, тенденциозно показыва-

[376] Там же. Л. 41–42.
[377] Там же. Л. 42.
[378] Там же. Л. 43.
[379] Там же. Л. 44.

ет советских людей как страшно диких, мрачных и примитивных. Слово «советское» автор ни разу не употребляет. Альбом Шнитке проникнут гнилым упадничеством...»[380].

Все обвинения, озвученные Кривопаловым (чуждый, идейно-враждебный, политически вредный, идейно пошло, убого и вредно, безыдейность, упадничество, формализм, пошлость, аполитичность, тенденциозен, низкопоклонство, извращение, уродливо, гнилой либерализм, развращенный идеологически, политическая ошибка...), встречаются в постановлениях ЦК ВКП (б) по идеологии. Они не были открытием майора. Даже аргумент, что Дымшиц издавал альбом, исходя «из личных симпатий», — немного перефразированное обвинение из постановления ЦК ВКП (б) об опере Мурадели. Только там это было определено как «из-за приятельских отношений»[381].

Спор во время обсуждения на партбюро разгорелся вокруг формулы обвинения — «политическое легкомыслие», «политическая беспечность» или серьезная «политическая ошибка». Дымшиц упирал на свое легкомыслие, скорее «недомыслие», Кривопалов усиливал обвинение, требуя, чтобы действия Дымшица, позволившего опубликовать «политически вредный альбом гравюр Шнитке», были расценены как «игнорирование указаний ЦК ВКП (б)»[382]. Его особенно задевало то, что Дымшиц сопротивлялся, увертывался от критики, не хотел каяться, как было положено. По мнению майора, от него никак не могли «добиться четкой и ясной политической оценки» своей деятельности[383]. А признание должно было быть формализовано, определено в русле партийной лексики, от формулировок за-

---

[380] ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.

[381] 10 февраля 1948 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об опере “Великая Дружба” В. Мурадели», положившее начало борьбе с «антинародными, формалистическими извращениями» в искусстве. См.: http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69377.

[382] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 35. Л. 37–38.

[383] Там же. Л. 38.

висело многое. Партбюро, назвав издание «Альбома гравюр» политической ошибкой, все-таки не пошло на поводу у Кривопалова. Было принято решение наказать Дымшица «за проявление политической беспечности и притупление партийной бдительности». Содеянное им было названо «политической безответственностью, легкомыслием и беспринципностью». Однако, вероятно, не без нажима со стороны майора, партбюро рекомендовало вынести Дымшицу выговор с занесением в учетную карточку[384]. А это уже был тяжелый удар.

5 апреля 1948 г. состоялось общее партийное собрание Управления информации СВАГ, на котором рассматривалось персональное дело А. Л. Дымшица. Вероятно, на окончательное решение повлияло выступление Тюльпанова, заявившего, что Дымшиц «переоценил свои возможности... поступил нескромно... нельзя хвататься за все виды искусств». Но, учитывая его заслуги, «упорную работу на протяжении 3-х лет в управлении», предложил вынести выговор без занесения в учетную карточку[385]. Собрание 51 голосом против 49 поддержало С. И. Тюльпанова. Без занесения — значит, дальше дело не пойдет!

Кривопалов вскоре стал подполковником. И осенью 1948 г. вновь вступил в бой. 27 октября на очередном партсобрании Управления информации СВАГ, где рассматривался вопрос о работе Дома культуры СССР, под огнем критики Кривопалова оказался выпущенный Домом культуры сборник «30 лет советской поэзии», который консультировал и редактировал все тот же А. Л. Дымшиц[386]. В сборник попали авторы, «связанные с космополитизмом и формализмом», — Алигер, Антокольский, Пастернак, Сельвинский, а вот Горького, Щипачева, Симонова и даже гимна СССР там не оказалось!

[384] Там же. Л. 39.
[385] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 76.
[386] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 129–136.

В начале января 1949 г. Кривопалов указал на ошибки, допущенные А. Л. Дымшицем при постановке оперы Римского-Корсакова «Царская невеста». В ней прозвучала «политически вредная ария Лыкова», приехавшего из Германии и восхвалявшего «все заграничное»[387]! Однако партбюро вновь смягчило идеологические инвективы Кривопалова, свело все к рабочим вопросам и ушло от политических обвинений. Дымшица, правда, предупредили, что при повторении подобных ошибок будет поставлен вопрос об освобождении его от обязанностей начальника отдела культуры[388].

В конце января 1949 г. ЦК ВКП (б) усилил идеологический прессинг. В «Правде» вышла редакционная статья «Об одной антипартийной группе театральных критиков»[389]. На первое место вышел вопрос о борьбе с космополитами. 8 марта 1949 г. на партийном собрании Управления информации СВАГ обсуждался вопрос о новых задачах «в связи с разоблачением антипатриотической деятельности группы буржуазных космополитов»[390]. Тюльпанову на собрании пришлось признаться, что и «в нашей среде имелись беспачпортные бродяги, о которых гневно говорится в [кинофильме] “Суд чести”»[391].

[387] Подполковника Кривопалова возмутили похвалы в адрес Германии: «Иное все, и люди и земля. / Города у них большие, пребольшие, / И все из камня сложены, / Повсюду в домах убранство чудесное, / А сами немцы ходят богато, / И жен нарядно водят, и взаперти не держат, как у нас, / Во всем у них порядок образцовый, / И рвенье неустанное к трудам. / Хваленье воздадим мы государю / За то, что он, как отец о нас печется / И хочет, чтобы у иноземцев научились мы добру». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 233.

[388] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 37. Л. 7–8.

[389] Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 232–241.

[390] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–13.

[391] Фильм «Суд чести» по сценарию А. Штейна был снят А. Роомом в 1948 г. В фильме суд чести наказывает за идейную незрелость двух советских ученых-биохимиков, открывших лекарство против боли. Дело в том, что один из них вывез записи об открытии в США и отдал их аме-

Премьера этого фильма состоялась 25 февраля 1949 г. Вряд ли Сергей Иванович Тюльпанов успел его увидеть. Возможно, прочитал рецензию в «Правде», появившуюся еще до выхода кинокартины на экраны. В фильме «Суд чести» «беспачпортных бродяг», «безродных космополитов» и «иванов, не помнящих родства» с потрясающей страстью клеймил Борис Чирков, игравший профессора Верейского — общественного обвинителя на суде чести. Стоит обратить внимание на то, что в фильме провинившийся и раскаявшийся ученый получил мягкое наказание. Ему вынесли общественное порицание, но он остался на работе и мог дальше заниматься любимым делом. Обществу в фильме продемонстрировали новый вид репрессий — «смягченный» и показали, как они должны работать. Этот мягкий идеологический террор не заменил действующего репрессивного механизма, он лишь дополнил его новым инструментарием, применявшимся в специфических случаях. Недаром, когда речь зашла о втором обвиняемом (именно он переправил записи американцам и к тому же не раскаялся), суд чести умыл руки и передал дальнейшее расследование его преступной деятельности в «органы».

Вернемся к партийному собранию Управления информации, обсуждавшему задачи борьбы с космополитизмом. Итак, формально нового врага — «беспачпортного бродягу» — Тюльпанов определил, а как быть с реальными космополитами, действующими в СВАГ? Читаешь четырехстраничное выступление полковника, и кажется, что вроде все на месте: социалистический реализм, партийность искусства, безродные космополиты, охаивающие произведения советской литературы, агентура империализма... Но в воздухе ощущение напряженности и беспокойства... Опасность понятна. Тюльпанов и сотрудники его управ-

риканцам, которые оказались совсем даже не учеными, а бизнесменами и разведчиками. Биохимики были осуждены судом чести за низкопоклонство, космополитизм и антипатриотизм.

ления на острие ножа — и по сути своей работы, и по национальному признаку[392]. Многие вполне могут подойти под определение «космополит», которого партийные верхи требуют немедленно выявить. Простым повторением «священных формул» уже не отделаешься. Нужно назвать истинных осквернителей советского патриотизма.

Выход из положения Тюльпанов нашел. Он указал на сотрудника «Теглихе Рундшау» Фельдмана, «высказывавшего антипартийные взгляды, что в связи с вмешательством партии нет хороших произведений литературы». Хуже Фельдману уже быть не могло: в декабре 1948 г. он был арестован за антисоветские высказывания[393]. Далее Тюльпанов переходит к самой опасной теме. Он напоминает участникам партсобрания, что свои взгляды Фельдман «высказывал

[392] В 1947 г. Управление кадров ЦК сетовало, что укомплектование органов пропаганды СВАГ было «однобоким», «основным мерилом пригодности работника служило знание немецкого языка... Особенно неудачно укомплектованы эти кадры с точки зрения национального признака. 25% всех работников являются товарищами еврейской национальности, а в некоторых органах этот процент еще выше... И такое положение в условиях Германии, зараженной антисемитизмом, явно ненормально». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 758. Л. 167–168.

[393] Бывший начальник 7 отделения политотдела 69 армии майор И. М. Фельдман прибыл на работу в СВАГ в ноябре 1945 г. из Политического управления ГСОВГ и был назначен на должность заместителя редактора газеты «Теглихе Рундшау» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 63. Д. 1. Л. 186). Точная дата его ареста неизвестна. Скорее всего, это произошло в декабре 1948 г., поскольку 24 ноября Фельдман вернулся из отпуска и благополучно приступил к исполнению своих обязанностей (ГА РФ. Ф. Р-7408. Оп. 2. Д. 4. Л. 233). Известно также, что он выполнял ответственные задания. С 25 ноября по 19 декабря 1947 г. был послан в Лондон спецкорреспондентом на сессию Совета министров иностранных дел (ГА РФ. Ф. Р-7408. Оп. 2. Д. 3. Л. 110). Возможно, в быстро менявшейся политической обстановке тех лет, поездки в Лондон уже стали предосудительными. 23 марта 1949 г. И. М. Фельдман на партийном собрании «Теглихе Рундшау» был исключен из партии. Дело разбиралось заочно в связи с арестом Фельдмана (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 97. Л. 26).

ряду людей, а где же были наши люди?». А потом в протоколе появляется оборванная на полуслове фраза: «Мы в своей среде имели еще и др<угих> представителей...»[394]. Затем пробел на две строки. Возможно, предполагалось, что здесь будут вписаны чьи-то фамилии.

Но указывать пальцем и называть по именам новых космополитов Тюльпанов не стал. Другие выступающие сразу же принялись «склонять» Фельдмана и искать формализм у немцев: «картины на вокзале Александерплатц формалистичны», не вскрыты ошибки немецких музыковедов, «в немецкой кинематографии не все в порядке»[395]. Собранию и докладчику явно не хватило коммунистической боевитости. Политуправление СВАГ осталось недовольно: «Многие коммунисты... не выступали, а те, кто выступал... ограничились общими фразами и не самокритично». Секретарь партийной комиссии СВАГ Буров рекомендовал «партийное собрание... по борьбе с буржуазным космополитизмом, как проведенное на низком идейно-политическом уровне... отменить... и вновь поставить этот вопрос»[396].

Кривопалов на партсобрании, где коммунисты боролись с космополитами, не был. Иначе к космополитам наверняка прибавился бы еще один — Дымшиц. Тюльпанов понимал, что тучи сгущаются. Прибегли к обычной практике — «сомнительного» сотрудника отправили в СССР, пока не разразился очередной скандал. В начале марта Дымшиц уехал в Москву. Вернувшись на работу, Кривопалов узнал, что его идеологический враг благополучно отбыл на Родину, да еще перед отъездом закатил шикарные проводы в Доме культуры.

Весной 1949 г. партийная организация Управления информации не поддалась разоблачительному психозу и сумела вывести из-под удара, по крайней мере, одного коммуниста. Од-

394 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.
395 Там же. Л. 5–8.
396 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 234.

нако на этом дело не закончилось. Кривопалов 22 марта 1949 г. написал заявление на имя секретаря парторганизации Управления информации СВАГ Гончарова. Он раскритиковал партийное собрание, посвященное борьбе с космополитизмом, и обвинил секретаря парторганизации в «либеральном отношении и колебании по вопросу политических ошибок космополитического характера...». Указал, что Дымшицу было поручено прочитать лекцию о космополитах, когда он «сам страдал этой болезнью»[397], требовал от партбюро вынести решение по Дымшицу «в свете статей «Правды» о космополитах и принять политически острое решение». Вероятно, тогда же отослал эту информацию в партийную комиссию СВАГ.

Партийная комиссия провела дознание. И пришла к выводу, что парторганизация Управления информации, «дважды обсуждая вопрос об ошибках Дымшица, к решению этого вопроса подошла либерально, беспринципно», в то время как его ошибки «носят антипатриотический характер». Партийный следователь Буров потребовал пересмотреть дело[398]. 7 июня 1949 г. секретарь партбюро управления на отчетном партийном собрании признал правильной критику Кривопалова и сообщил, что «материалы по этому вопросу решено было передать в Глав<ное> полит<ическое> управление»[399].

И все-таки Дымшиц уехал из Германии без позорного клейма. А официальным сваговским космополитом с легкой руки Тюльпанова стал репрессированный Фельдман. Во всяком случае, на партактиве СВАГ, состоявшемся 9 марта 1949 г.[400], через день после партсобрания в Управ-

---

397 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 37. Л. 33.

398 ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 46. Л. 234.

399 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 36. Л. 59. Заметим, что на собрании был целый «букет» начальства: заместитель Главноначальствующего СВАГ по политическим вопросам, начальник Политуправления СВАГ и представитель Главпура. См.: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 36. Л. 23.

400 ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 24. Партактив СВАГ 9 марта 1949 г. был посвящен «хозяйственно-политическим вопросам».

лении информации, Главноначальствующий В. Д. Соколовский и его заместитель по политическим вопросам А. Г. Русских, разоблачая космополитизм, опять указали на Фельдмана. Интересно, что Соколовский, описывая ситуацию с космополитами в СВАГ, ограничился всего несколькими фразами и выразился достаточно мягко: «И у нас также есть люди несвободные, по крайней мере, от колебаний и сочувствия космополитам»[401]. Русских в своем выступлении прибавил к Фельдману еще двух «космополитов» — переводчиков из Управления внутренних дел СВАГ[402]. И упрекнул коммунистов, что некоторые товарищи неправильно понимают ситуацию: «...если у нас нет здесь театральных критиков (и театра пока еще нет), нет писателей и почти нет философов, то наше дело — сторона. А это в корне неверно. Мы работающие за границей, в гораздо большей мере, чем наши товарищи в Советском Союзе, ощущаем тлетворное влияние разлагающейся буржуазной культуры, это факт». Поэтому, хотя «таких выродков в нашей среде единицы», сваговцы должны быть особенно бдительными[403]. Однако отвертеться от дальнейшей раскрутки кампании не удалось. Партийные верхи продолжали давить и требовать. Обстановка становилась все более опасной для всех, кто работал с немцами или имел контакты с союзниками.

Заключение

В первые послевоенные годы идеологические процессы в обществе и партии приобрели парадоксальные формы. Наше исследование показало, что при сохранении культа вождя и всех внешних проявлений «советскости» выход

[401] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.
[402] Там же. Л. 83.
[403] Там же.

[Содержание]

из войны сопровождался деидеологизацией и деградацией низовой партийной жизни, явным падением интереса рядовых коммунистов к различным формам советского коллективного сознания и личного поведения. Фактически высшее партийное руководство признало этот факт. Судя по постановлению ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы со вновь вступившими в ВКП(б)», проблема была общей для всей партийной массы и касалась не только партийных сотрудников СВАГ. В нашем случае процесс ползучей деидеологизации в условиях оккупационной жизни был усилен и приобрел более выраженные формы из-за переключения интереса коммунистов СВАГ на внешний чуждый и полный соблазнов капиталистический мир, на освоение реальности, противостоявшей тому, к чему их приучала советская власть.

Членство в партии всегда было привилегией, за которую коммунисту приходилось платить сужением пространства личной свободы. Но после войны члены партии попытались стихийно раздвинуть эти границы. Возник конфликт между идеологической предопределенностью и повседневной жизнью. Анализ низовых партийных документов СВАГ показал, что партийно-государственный идеологический посыл искажался, трансформировался, растворялся в низовых указаниях и директивах, не усваивался партийной массой, явно склонной к ускользанию от принудительного дисциплинирования и дрессировки. Оказалось, что все эти масштабные и целенаправленные действия без постоянного и жесткого давления эффективно работать не могли, и не работали. Речь в данном случае идет не о контроле за работой самой пропагандистской машины, а об управлении так называемым внешним конформизмом, который выводит на поверхность лишь приемлемые для власти образцы речевого поведения личности, но скрывает истинные воззрения и мотивы. В конце концов, высшему партийному руководству фактически пришлось заново налаживать

механизмы насилия или угрозы насилием, которые только и могли сделать работоспособной систему, призванную прийти на смену послевоенной эйфории, ползучей деидеологизации и мягкой пропагандистской суггестии.

В конце существования СВАГ была запущена кампания устрашения, сознательно возрождавшая страх, создающая адекватную с точки зрения режима угрозу карьере и жизни в случае неправильного поведения, обмолвок, оговорок и идеологических бестактностей. Это обстоятельство очень точно передано в интервью Кевина М. Ф. Платта журналу «Историческая экспертиза»: «Память о насилии, которое имело место в прошлом, висит над обществом как дисциплинарный механизм, поддерживаемый возможностью повторения этого насилия»[404]. Память нужно было оживить, включив тот самый «дисциплинарный механизм». Сделано это было с помощью идеологических кампаний конца 1940-х гг., которые должны были верифицировать «веру в вождя» и «веру в коммунизм», «тоталитаризовать» индивидуальное сознание интеллигенции и аппарата, подкрепив все это неизбежным насилием и репрессиями. И только благодаря этой нараставшей жесткости и страху перед наказаниями удалось, в частности, установить приемлемый для высшего руководства уровень партийной дисциплины. Об этом косвенно свидетельствует двукратное уменьшение числа партийных нарушений в 1949 г. по сравнению с предыдущим годом[405]. Дополнительным фактором тоталитаризации партийных организаций стало вымывание из учреждений и организаций СВАГ фронтовиков. Им на смену приходили новички, не знавшие послевоенной вольницы. К сожалению, у нас нет достаточных данных о жизненных стратегиях этих молодых офицеров. Но есть

[404] Кевин М. Ф. Платт: «Память о насилии, которое имело место в прошлом, висит над обществом как дисциплинарный механизм» // Историческая экспертиза: http://istorex.ru/page/kevin_platt_intervyu.

[405] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 27. Л. 102.

свидетельства, что и они воспроизводили модели поведения своих более старших товарищей и старались обходить слишком суровые требования партийной дисциплины[406].

В целом, как показало наше исследование, в СВАГ машина партийной пропаганды работала с перебоями, часто вхолостую и формально. Коммунисты прибегали к разнообразным стратегиям ухода из кодированного коммунистического мира в некую альтернативную повседневность, обнаруживавшую признаки субкультуры. Для этой сваговской субкультуры было характерно ощущение, с одной стороны, исключительности, а с другой — изгойства. На партийном собрании отдела торгово-бытовых предприятий в декабре 1947 г. одна из выступавших пожаловалась: «Нам сейчас говорят, что по приезде на родину мы будем там считаться сомнительными людьми»[407]. Природа этой «сомнительности» вполне вписывается в контекст эпохи и соответствует ретроградной идеологической динамике позднего сталинизма. Сам факт пребывания за границей с довоенных времен считался «черной меткой». Но в данном случае гораздо интересней та панацея от подозрений и обвинений, которую коммунистка предлагала своим товарищам по партии. Она искренне верила, что идеологическая кристальность создает вокруг коммуниста зону безопасности. Надо только упорнее заниматься «повышением своей политической подготовки»[408]. Однако большинство сваговских коммунистов уже следовали другим моделям поведения. Это были, как мы уже говорили, «ускользание» и конформизм — не идейная броня, а скорее маскировочная сетка.

Послевоенный «дух свободы» явно обеспокоил партийную верхушку. Она оценила его как идеологическую и организационную «разболтанность» и поставила в контекст

[406] Подробнее см.: *Козлов В. А., Козлов М. Е.* Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма... С. 421.

[407] ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 80. Л. 35–36.

[408] Там же.

холодной войны. Одновременно с новым кругом преследований за антисоветскую агитацию и пропаганду началось профилактическое «осаживание» тех, кто потенциально еще не стал оппонентом режима, но продемонстрировал к этому некоторую предрасположенность. Как только наружу стали выбиваться робкие протуберанцы вредных настроений и недовольств, последовала череда идеологических кампаний и ужесточились репрессии. В среду коммунистов СВАГ стали целенаправленно закачивать страх. Но до заката позднего сталинизма оставалось всего несколько лет. И затаившиеся в закоулках конформизма и партийной пассивности потенциальные мыслепреступники в конце концов дождались своей Оттепели.

Парадокс ситуации состоял в том, что поздний сталинизм был доведением до абсурда всей сталинской идеологической модели. Ей больше некуда было развиваться. Партийные энтузиасты оставались в меньшинстве, приспособленцы делали карьеру, молчаливое большинство — выжидало. Впереди был тупик насилия, уже не освященного «коммунистической правдой». Об этом ярко свидетельствовало перерождение «мягкой» борьбы с космополитизмом в дело «врачей-вредителей». С этой точки зрения хрущевская «санация», какими бы причинами она ни вызывалась, была неизбежным (во всяком случае, ожидаемым, возможным) последствием деградации позднего сталинизма. А закрепившиеся в сознании (и подсознании) коммунистов и легко воспроизводимые приемы сохранения личной автономии, помноженные на опыт идеологического нигилизма, способны были обеспечить советскому режиму, как и существовавшей в этом режиме конформистской личности, еще достаточно долгую и спокойную жизнь.

М. М. Гершзон

«Оттепель». Изменения в культурной политике СССР в 1953 — начале 1956 г.: кино, театр, изобразительное искусство и книгоиздание

Для периода в отечественной истории, который называется «оттепель»[1], важным, знаковым событием является XX съезд КПСС. Но детально не изучались три года, предшествующие его проведению, и, в частности, культурные процессы, происходившие в 1953 — начале 1956 г.

Сам термин «оттепель» упоминается в отечественной истории еще в середине XIX столетия применительно к процессам, происходившим в истории России во время начала царствования Александра II. Тогда император говорил о необходимости реформ, в частности отмены крепостного права. В 1856 году была объявлена амнистия, распространившаяся на декабристов, осужденных еще в 1826 году. Им разрешили вернуться из ссылки и было возвращено дво-

[1] Принято считать «оттепелью» период с 1953 по 1964 гг. То есть период после того, когда лидером страны был И. В. Сталин, и до назначения на пост Первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. «Оттепель» ассоциируется с именем Н. С. Хрущева и его единоличным правлением. Есть точка зрения, что «оттепель» — процесс смягчения режима, существовавшего в Советском Союзе, а его хронологические рамки с 1953 по 1956 г.

рянство. Вероятно, автор повести «Оттепель» И. Г. Эренбург знал об «оттепели» середины XIX столетия. Но, вместе с тем, надо отметить, что тема *оттепели* и ранее была близка И. Эренбургу. Так, в его стихотворении 1921 года «Весна снега ворочала...» есть такие строки:

Но люди шли с котомками,
С кулями шли и шли,
И дни свои огромные
Тащили как кули.
Раздумий и забот своих
Вертели жернова.
Нет, не задела оттепель
Твоей души, Москва!

Далее следуют такие строки:

Но верю — днями дикими
Они в своем плену
У будущего выкупят
Великую весну.

Периоду «оттепели» посвящены работы отечественных и отечественных и зарубежных историков. Из значительных работ, в которых затрагивается рассматриваемый период, необходимо отметить книги Р. Г. Пихоя[2]. Автор указывает, что Г. М. Маленков подверг критике культ личности на следующий день после похорон Сталина[3]. Он же говорит о ликвидации выставки подарков Сталину к сентябрю 1953 г.[4] и говорит, что после ареста Берия летом 1953 года «появилось ожидание перемен к лучшему, кото-

[2] *Р. Г. Пихоя*. Москва. Кремль, Власть. 40 лет после войны. М., 2007; *Р. Г. Пихоя.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000.

[3] *Р. Г. Пихоя.* Москва. Кремль, Власть. С. 224.

[4] Там же. С. 225.

рое и стало частью общественного мнения страны в середине 1950-х гг.»[5]. Важной работой является исследования Ю. В. Аксютина[6]. Автор утверждает, что десталинизация началась уже в марте 1953 года[7]. Относительно изменений в области культуры автор приводит факт приема в члены Союза писателей М. М. Зощенко, беседы К. И. Чуковского и К. А. Федина с министром культуры П. К. Пономаренко[8], появление пьесы «Гости»[9]. По мнению автора, в августе 1954 года «вроде бы закончилась первая недолгая «оттепель»[10]. В работе А. В. Пыжикова[11] также отмечается, что Маленков выступил с критикой культа личности на следующий день после похорон Сталина[12]. Он отмечает, «что уже до XX съезда КПСС тема «культа личности» выступает в качестве своеобразного орудия, которое использовалось в главных внутрипартийных битвах»[13]. Относительно изменений в области культуры в период до XX съезда автор говорит, что после смерти Сталина расцветает «самодеятельное поэтическое движение», и отмечает широкий размах студенческих любительских молодежных театров[14]. Значителен труд В. Эггелинга[15]. Однако, несмотря на название, автор рассматривает в книге не всю сферу культуры, а только литературу.

Из недавно вышедших работ имеет смысл отметить сборник «Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве,

---

5 *Р. Г. Пихоя*. Москва. Кремль, Власть. С. 270.

6 *Ю. В. Аксютин*. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.

7 *Ю. В. Аксютин*. Хрущевская «оттепель». С. 34.

8 Там же. С. 81.

9 Там же. С. 85.

10 Там же. С. 87.

11 *А. В. Пыжиков*. Хрущевская оттепель. М., 2002.

12 *А. В. Пыжиков*. Хрущевская оттепель. С. 41.

13 Там же. С. 46.

14 Там же. С. 284, 285.

15 *В. Эггелинг*. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953–1970 гг. М., 1999.

культуре»[16]. Несмотря на название, статьи и документы сборника в основном посвящены проблемам градостроительства и архитектуры. При этом в большей части статей сборника рассматриваются проблемы градостроительства и архитектуры второй половины 1950-х — 1960-х гг. В октябре 2015 года в Екатеринбурге проходила международная научная конференция. Материалы конференции изданы в сборнике[17]. В ряде статей затрагиваются вопросы культуры. Это, например, работа М. В. Зеленова «Главлит в системе органов власти и управления: цензура после Сталина. 1953–1966 гг.», но в ней затрагиваются только вопросы цензуры в области литературы. А в статьях Г. В. Костырченко «Хрущев и творческая интеллигенция в послесталинские 1950-е гг.» и В. Ю. Михайлина «Апогей и крах «оттепельного» мобилизационного проекта в фильмах «Застава Ильича» М. Хуциева и «Три дня Виктора Чернышова» М. Осепьяна» рассматриваются вопросы культуры и искусства начиная с 1956 года.

Значительными работами, в которых затрагиваются изменения в области культуры и искусства в рассматриваемый период, являются труды М. Р. Зезиной. Автор рассказывает о шоке, в котором оказалось общество после смерти И. В. Сталина[18]. Ее фундаментальная работа «Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы»[19] затрагивает, главным образом, взаимоотношения власти и писателей.

Важной работой является исследование А. П. Куропаткина «Трансформация государственной идеологической пропа-

---

16 Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. М., 2013.

17 После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М., 2016.

18 *М. Р. Зезин* . Шоковая терапия: от 1953 к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 2. С.121–135.

19 *М. Р. Зезин* . Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М., 1999.

ганды в СССР. 1953–1956 гг.». Хронологические рамки те же. Судьбе Хрущева в этот период посвящена работа В. П. Наумова «Борьба Н. С. Хрущева за единоличную власть».

Преобразования, происходившие в период «оттепели», рассматриваются в значительной работе Е. Ю. Зубковой «Общество и реформы. 1945–1964 гг.»[20] Но вопросы, связанные с изменениями в области культуры и искусства в 1953 — начале 1956 г., в ней подробно не исследованы.

Таким образом, в историографии подробно не рассматривались изменения в разных сферах искусства, происходившие в период 1953 — начала 1956 г., а также изменения, происходившие в органах управления культурой. Подробно изучались только изменения в литературе. До сих пор практически не изучены и не введены многие архивные документы указанного периода. Не упоминались многие значительные факты из истории отечественной культуры указанного периода и не рассматривались преобразования, происходившие в таких сферах искусства, как кинематография, театр, изобразительное искусство, создание памятников. Как и собственно изменения, происходившие в органах управления культурой в указанный период.

Работа базируется на уникальных документах трех федеральных архивов Российской Федерации. Основной массив документации в области культуры и искусства в рассматриваемый период сосредоточен в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ) в Москве, в фонде «Министерство культуры СССР»[21]. Именно Министерство культуры СССР, согласно положению, осуществляло непосредственное руководство всеми отраслями кинематографии и всеми видами искусств, радиовещанием и телевидением, издательским делом, книжной торговлей, полиграфической промышленностью и культурно-просветительными учреждениями страны. При создании

[20] *Е. Ю. Зубков* . Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993.

[21] РГАЛИ. Ф. 2329.

работы был также использован фонд «Министерство кинематографии СССР» этого же архива[22]. Документы по вопросам культуры и искусства отложились в фонде Совета министров СССР, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)[23]. Подавляющее большинство документов указанных фондов ранее не изучалось и впервые вводится в научный оборот. Документы отделов науки и культуры ЦК КПСС и отдела культуры ЦК КПСС сосредоточены в Российском Государственном Архиве Новейшей Истории (РГАНИ) в фонде аппарата ЦК КПСС[24]. Значительная часть материалов этих отделов за рассматриваемый период была опубликована в сборнике «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957 : документы»[25].

Органы руководства культурой и искусством

При изучении культурной политики важным является вопрос о руководстве высших органов управления культурой и искусством.

15 марта 1953 года были упразднены все ранее существовавшие государственные органы управления культурой. Их полномочия были переданы вновь созданному Министерству культуры СССР. Во главе Министерства был поставлен П. К. Пономаренко, до этого занимавший пост Секретаря ЦК КПСС, а несколько ранее — министра заготовок СССР. По роду деятельности в свое время он в определенной степени занимался вопросами идеологии и культуры (будучи, например, Первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии). 16 марта 1953 года Постановлением Совета ми-

22 РГАЛИ. Ф. 2456.
23 ГАРФ. Ф. 5446.
24 РГАНИ. Ф. 5.
25 Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы / Сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани, З. К. Водопьянова, Т. А. Джалилов, Т. И. Джалилова, М. Ю. Прозуменщиков. М., 2001.

нистров СССР были назначены первые заместители и заместители министра. Главным первым заместителем министра стал С. В. Кафтанов. Другим первым заместителем и заместителями министра стали бывшие на момент создания Министерства культуры руководители упраздненных министерств и ведомств. Так, министр кинематографии И. Г. Большаков стал первым заместителем министра, министр высшего образования В. П. Столетов и председатель Комитета по делам искусств СССР Н. Н. Беспалов — заместителями министра культуры[26]. 21 марта 1953 года была образована коллегия Министерства культуры СССР. В ее состав, помимо указанных выше лиц, вошли бывший министр трудовых резервов СССР В. П. Пронин, бывший первый заместитель министра высшего образования В. П. Елютин и начальник Главного управления радиоинформации А. А. Пузин[27]. Бывшие заместители упраздненных министерств и ведомств СССР стали начальниками или заместителями начальников управлений Министерства культуры. Таким образом, после марта 1953 года в руководстве продолжали оставаться те же люди, что и ранее (за исключением самого министра Пономаренко). Отметим одну интересную деталь: первым министром культуры РСФСР в 1953 году была назначена Татьяна Михайловна Зуева, которая занимала эту должность вплоть до 1958 года. То есть, и до назначения Е. А. Фурцевой на должность союзного министра в 1960 году, уже существовал прецедент на республиканском уровне, когда должность министра культуры занимала женщина. 20 июня 1953 года Советом министров СССР было утверждено положение о Министерстве культуры СССР. Согласно этому положению, Министерство культуры «осуществляет руководство всеми видами искусства в СССР»[28].

[26] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 2. Л. 27.
[27] Там же. Л. 53.
[28] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 4. Л. 177.

25 марта 1953 года постановлением Секретариата ЦК КПСС был создан отдел науки и культуры ЦК КПСС. На должность руководителя отдела был назначен Алексей Матвеевич Румянцев, который до этого назначения занимал должность заведующего Отделом экономических и исторических наук и высших учебных заведений ЦК КПСС. В 1955 году отдел науки и культуры ЦК КПСС был разделен на два отдела, как это и было до 1953 года. Отдел культуры ЦК КПСС возглавил Дмитрий Алексеевич Поликарпов. В 1939–1944 гг. он работал заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Должность начальника этого отдела в 1940–1947 гг. занимал Георгий Федорович Александров. Непосредственно до назначения заведующим отделом культуры ЦК Д. А. Поликарпов был секретарем правления Союза писателей СССР.

В феврале 1954 года произошло первое значительное изменение в руководстве Министерства культуры СССР. П. К. Пономаренко был избран Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана и отбыл из Москвы. Примерно на протяжении месяца Министерство оставалось без министра. В это время текущими делами и заседаниями коллегии руководил С. В. Кафтанов[29]. В марте 1954 года на должность министра культуры был назначен упомянутый выше Г. Ф. Александров — академик, автор работ по философии. Как следует из материалов коллегии Министерства культуры, Александров не стремился вникать в детали повседневной деятельности Министерства. Возможно, текущая работа тяготила его. Из 45 заседаний коллегии, проведенных в бытность его министром, он принял участие только в 33 (т. е. не участвовал в почти трети заседаний). В руководство Министерством он пытался привнести новый стиль. Г. Ф. Александров хотел превратить коллегию Министерства в орган, который в первую очередь занимался бы обсуждением творческих процессов. В начале своей деятельности, при обсуждении плана работы

[29] С. В. Кафтанов в 1946–1951 гг. — министр высшего образования СССР.

[Содержание]

коллегии Министерства культуры на май—июнь 1954 года, он заявил: «...просил бы обменяться мнениями по поводу этого плана с учетом того, чтобы нам заниматься на коллегии, как мы об этом недавно условились, главным образом обсуждением творческих вопросов. Мы должны заниматься обсуждением фильмов, сценариев, наиболее значительных пьес, наиболее крупных спектаклей, поставленных театрами...»[30].

Значительна заслуга Александрова в реформировании системы государственных органов управления культурой. На посту министра он не просто выполнял установки высшего политического руководства, но сам активно участвовал в выработке новой политики в области культуры и искусства.

Назначение Александрова на должность министра культуры практически совпало с выделением из него структур, отвечавших за высшее и среднее специальное образование. Решением политического руководства было вновь образовано Министерство высшего образования и Главное управление трудовых резервов. Руководители и сотрудники соответствующих управлений перешли в новообразованные ведомства. Но, например, бывший заместитель министра культуры СССР В. Н. Столетов (по состоянию на начало марта 1953 года занимавший должность министра высшего образования) стал заместителем министра высшего образования[31], а пост министра занял его бывший подчиненный В. П. Елютин.

С приходом Александрова в Министерство культуры начались серьезные кадровые перестановки. 13 апреля 1954 года с должности заместителя министра «в связи с переходом на другую работу»[32] был снят Н. Н. Беспалов[33]

[30] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 230. Л. 1–2.

[31] Там же. Д. 152. Л. 163.

[32] Там же. Д. 153. Л. 196.

[33] Некоторое время он работал заместителем Председателя Совета министров РСФСР, затем был директором государственного музея Л. Н. Толстого.

(до середины марта 1953 года он возглавлял Комитет по делам искусств). Бывший министр кинематографии, а с марта 1953 года первый заместитель министра культуры, И. Г. Большаков в начале апреля 1954 года на некоторое время оказался в странном положении — он продолжал работать в Министерстве культуры СССР, не будучи формально уволенным с должности первого заместителя министра, но членом Коллегии быть перестал (хотя по должности должен был входить в ее состав)[34]. Вскоре он потерял пост первого заместителя министра культуры — последний раз участвовал в заседании коллегии Министерства 14 мая 1954 года[35], а 15 мая 1954 года Постановлением Совета министров был назначен на пост заместителя министра внешней торговли СССР[36]. Бывший до марта 1953 года первым заместителем Большакова — В. Ф. Рязанов был перемещен из Главного управления кинематографии в Главное управление кадров Министерства культуры СССР. Рязанов стал начальником управления кадров, он был и в составе коллегии Министерства, но влияние на решение вопросов, связанных с кино, практически полностью потерял. С должности заместителя начальника Главного управления кинематографии был снят Н. К. Семенов. Именно он представлял на утверждение и в бывшем Министерстве кинематографии СССР (будучи одним из заместителей министра), и в Министерстве культуры СССР тематический план производства фильмов, подписывал заключения на сценарии и фильмы, то есть непосредственно отвечал за организацию процесса создания кинокартин в период со второй половины 1940-х гг. до весны 1954 года. Источники свидетельствуют, что в период «малокартинья» Н. К. Семенов был достаточно «мягким» руководителем: он выступал против жестких мер наказания к «провинившимся» режиссерам.

---

34 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1764. Л. 156.
35 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 212. Л. 123.
36 Там же. Д. 154. Л. 179.

Так, например, в сентябре 1951 года на коллегии Министерства кинематографии разбирали факт«грубой инсценировки» в одном из сюжетов документального киножурнала «Новости сельского хозяйства» режиссером И. А. Фрэзом. Съемки происходили в одном из кубанских колхозов, часть пленки попала в брак. В целях экономии (денег на повторную командировку не было) Фрэз, по указанию руководства Центральной студии документальных фильмов, производил досъемки в павильоне в Москве. Один из сотрудников Министерства «опознал» в сельском киномеханике киномеханика Министерства. Разразился скандал. Первый заместитель министра кинематографии В. Ф. Рязанов и ряд других руководящих сотрудников, по итогам обсуждения на коллегии, призвали «строго наказать» Фрэза, «отлучить» его от режиссуры и уволить со студии. Вступились за Фрэза лишь кинорежиссер Г. В. Александров и заместитель министра Н. К. Семенов, который, в частности, сказал: «...у меня вот какое предложение: все-таки Фрэз не безнадежный человек, и было бы правильнее с точки зрения воспитательной, с точки зрения большего воздействия объявить режиссеру Фрэзу за допущенную инсценировку строгий выговор с предупреждением и снять его с журнала «Новости сельского хозяйства», а на студии все же оставить»[37]. За подобное «мягкое» отношение к творческим работникам Семенов подвергался критике и со стороны бывшего министра Большакова, и со стороны его первого заместителя Рязанова.

Таким образом, после перемен, произошедших весной 1954 года, В. Ф. Рязанов оказался единственным человеком в высшем руководстве Министерства культуры из бывших членов коллегии Министерства кинематографии. И именно он был единственным из бывших руководителей отечественной кинематографии, кто подвергся критике на коллегиях Министерства культуры. В частности, в марте

[37] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3157. Л. 240–241.

1955 года, при обсуждении тематического плана производства фильмов, писатель К. М. Симонов заявил о порочной практике руководства бывшего Министерства кинематографии, когда картины должны были снимать только апробированные режиссеры: «...это отзывается гнилой практикой бывшего Министерства кинематографии, которое довело это дело до ручки. И я сейчас, слушая выступление т. Рязанова, жалею о том, что у меня нет под рукой той переписки, которая была в свое время в «Литературной газете» с коллегией Министерства кинематографии, где коллегия Министерства кинематографии объясняла, как все хорошо в области кадров и почему не нужно делать много картин. А вопрос стоял об этом, и, если вспомните имена, это были именно те режиссеры, которые сейчас ставят картины. Молодежь ходила безработной. Я говорю об этом не для того, чтобы взаимно попрекать друг друга, а чтобы больше не возвращаться к этому делу»[38]. Критике Рязанов подвергся и со стороны И. А. Пырьева: «...вы меня простите, товарищ Рязанов, вы говорите о правильном воспитании и расстановке кадров, об этом надо было думать несколько лет тому назад, а тогда была порочная система — все боевики и основные темы делали главные, ведущие режиссеры. В течение десяти лет не было притока молодых режиссеров и сценаристов. Малое было количество картин»[39]. Рязанов пытался ответить на критику и заявил, что его неправильно поняли: он не против выдвижения молодых режиссеров в кино. Но ведущий заседание, первый заместитель министра С. В. Кафтанов прекратил полемику, сказав Рязанову: «Вас правильно поняли»[40]. Персонифицированная критика бывшего руководства ведомств, отвечавших за культуру, на этапе 1953 — начала 1956 г., не получила дальнейшего развития.

[38] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 340. Л. 28.
[39] Там же. Л. 21.
[40] Там же. Л. 54.

На должности заместителей министра весной—летом 1954 года были назначены новые люди. Первым представителем творческой интеллигенции, назначенным на должность заместителя министра, стал режиссер Н. П. Охлопков. Это решение было оформлено Постановлением Совета министров СССР от 24 мая 1954 года[41]. Значение деятельности Николая Павловича в проведении новой политики в области культуры на рассматриваемом этапе очень велико. Его энергия и страстные (но не всегда объективные) выступления явились выражением новой культурной политики в стране.

Другими заместителями министра стали Н. Е. Твердохлебов, В. С. Кеменов, Ф. Д. Хрустов, А. И. Назаров. Начальником Главного управления кинематографии был назначен В. С. Кузаков, а Главного управления театров и музыкальных учреждений А. В. Солодовников. Кузаков в середине 1940-х гг. занимал должность заместителя министра кинематографии СССР, на этом посту, в частности, отвечал за составление тематических планов производства художественных фильмов. В 1947 году он был исключен из партии (за потерю бдительности[42]), снят с должности заместителя министра и переведен на «Мосфильм» в сценарно-редакционный отдел, но продолжал оказывать большое влияние на разработку тематических планов в масштабах страны в силу лидирующего положения «Мосфильма» среди киностудий. А. В. Солодовников в 1948–1951 гг. был директором Большого театра Союза ССР, а затем главным редактором журнала «Театр». На должность начальника главного управления искусств в августе 1954 года был назначен А. Г. Казиатко (в начале 1950-х гг. он работал инструктором отдела художественной литературы и искусства ЦК партии, после работы в Министерстве был директором московского архитектурного института).

[41] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 154. Л. 223.

[42] Это было связано с т. н. делом Б. Л. Сучкова, обвиненного в шпионаже.

Реальное обновление в государственных органах руководства культурой и искусством началось не весной 1953, а спустя год после образования Министерства культуры СССР. Именно тогда все руководители бывших министерств и ведомств, отвечавших за вопросы культуры и искусства до марта 1953 года, были выведены из состава коллегии. Из тех, кто входил в состав коллегии Министерства культуры СССР с момента его образования, остался только первый заместитель министра С. В. Кафтанов.

В начале апреля 1954 года в состав коллегии Министерства культуры были введены писатель К. М. Симонов и композитор Д. Б. Кабалевский[43], 25 июня того же года — кинорежиссер Г. В. Александров[44], а 12 октября — кинорежиссер, а с осени 1954 года и директор «Мосфильма» И. А. Пырьев[45].

Новое руководство Министерства культуры очень энергично поощряло сотрудников к проявлению инициативы. Так, в конце июля 1954 года критике подверглось Главное управление кинематографии за то, что оно «медленно перестраивает свою работу»[46]. На коллегии 28 июля 1954 года директор киностудии «Мосфильм» С. Кузнецов, видимо рассчитывая найти поддержку у руководства Министерства, выступил с критикой режиссеров, работающих на студии. Еще чуть более года назад директора центральных киностудий, по существу, являлись только передаточным звеном между Министерством кинематографии и сотрудниками студии. Например, в своих приказах о запуске в производство того или иного фильма, директор лишь «доводил до сведения» сотрудников киностудии приказ Министерства. О сложившейся практике летом 1954 года режиссер А. Столпер сказал: «Чем заинтересован сам ди-

43 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1764. Л. 156.
44 Там же. Д. 1765. Л. 116.
45 Там же. Д. 1766. Л. 166.
46 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 216. Л. 41.

ректор студии, или его заместитель, или любой студийный работник в том, чтобы снять еще одну картину? Ничем. Главное стремление — отбиться от картины»[47]. Кузнецов фактически продолжал работать по-прежнему, так же как в период «малокартинья». В своем выступлении он раскритиковал Столпера, а также обрушился на И. А. Пырьева: «Вот возьмите Пырьева, так он просто дезорганизовал всю студию и я буду ставить вопрос о том, чтобы обсудить его работу на коллегии. Пырьев три месяца держал студию, то есть занимал павильон, из-за чего мы не могли другие фильмы пускать в производство. Он уже сейчас израсходовал на ¾ картины 63 с лишним тысячи метров пленки. Более бесхозяйственного, нетерпимого отношения, как у т. Пырьева... мы не можем справиться с тем, чтобы заставить Пырьева вести себя по-государственному и заставить его сознательно относиться к своему долгу»[48]. В начале 1950-х гг. Кузнецов, как директор студии, всегда получал поддержку со стороны руководства Министерства кинематографии в спорах с творческими работниками. Но, в июле 1954 года директор получил гневную отповедь со стороны министра культуры: «...ведь дело в том, что руководитель студии-то вы. Если товарищ Пырьев мешает работе студии, то вы должны прекратить его работу, а не работу всей студии. Руководитель студии должен быть полным хозяином. Это от государства поставленный человек»[49]. Режиссер М. Калатозов заявил: «...выступление товарища Кузнецова, что всяким тормозом является режиссер... ну вот случай, как он сказал, с Пырьевым, что, якобы, он является тормозом, а вы не можете справиться с ним одним? Так как же мы можем с вами работать? Выходит, мы основное зло. И мы обязаны все это выслушивать! Но ведь вы же делаете 16 картин, а выходит так, что у вас во всем виноват

[47] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 232. Л. 134.

[48] Там же. Л. 145.

[49] Там же. Л. 145–146.

один только Пырьев»[50]. Министр Александров поддержал Калатозова: «Вы совершенно правильно говорите»[51]. В результате, через некоторое время С. Кузнецов был снят с должности директора, а критиковавшийся им И. А. Пырьев стал... директором Мосфильма. Предложение о назначении режиссера на должность директора было поддержано на коллегии 25 августа 1954 года[52]. Таким образом, впервые министр принял сторону не административного сотрудника (в данном случае — директора крупнейшей киностудии страны), а творческого сотрудника. Кузнецов был назначен директором студии киноактера[53].

Следующей важной вехой в изменении руководства Министерством культуры стал март 1955 года: 9 марта с должности министра был снят Г. Ф. Александров. Несколько дней подбирали нового министра. Этот момент «безвременья» в Министерстве культуры СССР использовал режиссер и директор киностудии «Мосфильм» И. А. Пырьев. Не позднее 14 марта 1955 года он и ряд ведущих режиссеров «Мосфильма»[54]: Г. Александров, М. Ромм, С. Юткевич, А. Птушко, М. Калатозов, актеры: В. Андреев и И. Переверзев, драматурги Н. Погодин и Е. Габрилович и ряд творческих сотрудников «Мосфильма» — обратились к руководству страны с просьбой создать при Совете министров орган, «способный принимать авторитетные решения и осуществлять оперативное руководство всеми отраслями кинема-

[50] Там же. Л. 148.

[51] Там же.

[52] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 219. Л. 6.

[53] Там же. Д. 308. Л. 346.

[54] Фамилия Пырьева — первая среди подписавших обращение. Учитывая то, что он был директором «Мосфильма», а подписали письмо только режиссеры, работающие на этой киностудии (то есть в большой степени зависящие от Пырьева), можно предположить что именно Иван Александрович был инициатором письма. Вероятно, у него были и свои представления о том, кто именно должен был поставлен во главе нового кинокомитета.

тографии. Таким органом мог бы стать Комитет по делам кинематографии при Совете министров СССР, организованный в пределах существующих сейчас штатов кинематографических главков, входящих в состав Министерства культуры СССР»[55]. На письме имеется резолюция В. М. Молотова: «разослать членам Президиума ЦК, товарищам Поспелову, Кафтанову»[56]. Но обращение ведущих отечественных кинематографистов было оставлено без внимания.

Министром 22 марта 1955 года был назначен Н. А. Михайлов, который до этого был послом СССР в Польше, а в сталинский период долгое время был Генеральным секретарем ЦК комсомола. В ноябре 1952 года он был избран членом Президиума и Секретарем ЦК. В начале 1950-х гг. Михайлов входил в состав художественного совета Министерства кинематографии СССР и принимал активное участие в обсуждении фильмов, создававшихся в период «малокартинья». Таким образом, Михайлов имел непосредственное отношение к процессу кинопроизводства. На первой же коллегии Министерства, в которой он принял участие, Михайлов подверг критике стиль работы руководства Министерства — практически всех своих заместителей. После его назначения от должности заместителя министра был освобожден Ф. Д. Хрустов с формулировкой «как не обеспечивший руководство»[57]. Н. П. Охлопков был освобожден от должности заместителя министра, но по его собственной просьбе. Но Охлопков остался членом коллегии и продолжал высказывать свою точку зрения с ее трибуны. Лишился поста начальника Главного управления кинематографии К. С. Кузаков, который участвовал в разработке тематических планов производства художественных фильмов в 1954–1955 гг. А. В. Солодовников был снят с должности начальника Главного управления теа-

55 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 378. Л. 147.
56 Там же. Л. 146.
57 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 702. Л. 2.

тров и назначен директором МХАТа. Начальником этого управления стал трубач Г. А. Орвид. Заместителем министра культуры по вопросам кино весной 1955 года был назначен В. Н. Сурин[58]. В начале 1950-х гг. несколько лет он занимал должность и. о. начальника Главного управления по производству фильмов Министерства кинематографии СССР (именно так — на протяжении нескольких лет с приставкой и. о.). Но с приходом на пост Н. А. Михайлова в Министерство столь кардинального обновления состава коллегии, как это было весной 1954 года, не произошло.

Летом 1955 года, в связи с бурным развитием телевидения в стране, строительством новых телецентров в Главном управлении радиоинформации был создан отдел телевидения[59].

В момент образования Министерства культуры на высшие руководящие должности были назначены те же люди, что руководили культурой и искусством в последние годы жизни Сталина. Реальное обновление руководящего состава Министерства культуры произошло спустя чуть более год после его образования. Весной 1955 года в руководстве Министерства вновь произошли изменения, однако они не были столь кардинальными, как в апреле 1954 года. Курс на дальнейшее проведение преобразований, выдвинутый высшим политическим руководством страны, был подтвержден Н. А. Михайловым. Третий министр культуры стремился добиться укрепления дисциплины в плане исполнения решений, в том числе непреклонного исполнения указаний, поступавших из ЦК КПСС.

Кино

Кинематография всегда занимала особое место среди искусств в Советском Союзе, а создание новых кинокартин

[58] В. Н. Сурин в дальнейшем был директором киностудии «Мосфильм».
[59] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 316. Л. 166.

[Содержание]

в послевоенный период находилось под пристальным личным контролем И. В. Сталина. Известны высказывания Сталина о второй серии фильма «Иван Грозный», о второй серии фильма «Большая жизнь». Летом 1948 года было принято постановление Совета министров СССР, положившее начало т. н. периоду «малокартинья». Резкое сокращение количества создаваемых кинофильмов должно было, по замыслу инициаторов постановления, привести к повышению их качества. Следующий важный этап вмешательства со стороны высшего руководства страны — резкая критика плана производства фильмов в апреле 1951 года. Тогда, по решению Правительства, работа над производством многих фильмов (в том числе и находящихся в стадии съемки) была полностью приостановлена.В результате в 1951 году был поставлен антирекорд по количеству снятых полнометражных фильмов. Всего было снято 7 полнометражных фильмов (в это число входили документальные фильмы и фильмы-спектакли). В Министерстве кинематографии к началу 1950-х гг. установилась система, когда после утверждения Правительством плана производства фильмов руководство Министерства кинематографии «подбирало» режиссера на тот или иной фильм из плана. В этих условиях сами режиссеры были фактически лишены права самостоятельного выбора темы для постановок.

Нередкими были факты «порки» ведущих кинематографистов страны. Выше уже упоминался эпизод с И. А. Фрэзом (который в период «малокартинья», в связи с уменьшением количества кинокартин был переведен с киностудии им. М. Горького на Центральную студию документальных фильмов). В конце 1940-х гг. был подвергнут обструкции и отстранен от кинорежиссуры за низкопоклонство перед Западом Л. Трауберг, а в апреле 1952 года под надуманными предлогами на коллегии Министерства кинематографии были подвергнуты жесткой критике режиссеры киностудии им. М. Горького Л. Луков и М. Донской. При этом надо заметить, что и само руководство Министерства ки-

нематографии периодически подвергалось резкой критике как со стороны вышестоящих инстанций, так и в печати.

Критика положения дел в сфере кинематографии развернулась практически сразу после смерти Сталина. Как со стороны руководства страны, так и со стороны ведущих деятелей отечественного кино. В записке «О неудовлетворительной организации подготовки литературных сценариев для производства художественных фильмов», составленной в марте 1953 года на имя министра культуры П. К. Пономаренко, изложило свои претензии Министерство государственного контроля СССР. В ней, в частности, критиковалось бывшее Министерство кинематографии. Приводились слова одного из сценаристов: «...существующая организационная система очень мало способствует выработке у каждой из многочисленных инстанций подлинного чувства ответственности. Создалась обезличка, при которой как у автора, так и у всех участников обсуждений все время присутствует сознание, что сценарий будет еще многократно переделываться, что впереди цепь неожиданно возникающих, зачастую поверхностных, зачастую вкусовых (по большей части обязательных для автора) требований и замечаний»[60]. В записке констатировался долгий путь прохождения сценариев от написания до утверждения, ситуация, когда на ряде киностудий за последние годы не было выпущено ни одной картины, текучка в руководстве киностудиями.

А 14 апреля 1953 года на имя Секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и министра культуры СССР П. К. Пономаренко была направлена записка, которую подписали практически все ведущие кинорежиссеры, включая М. Э. Чиаурели (самого известного автора фильмов, в которых мифологизировался Сталин), актеры С. Ф. Бондарчук и Б. П. Чирков, секретарь партбюро и председатель фабкома «Мосфильма». Отечественный кинематограф находился в столь глубоком кризи-

[60] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 66. Л. 37–38.

[Содержание]

се, что его мэтры, не задумываясь о возможной конкуренции со стороны молодых коллег, писали: «...уменьшение за последние годы количества выпускаемых фильмов практически привело к тому, что советская кинематография в значительной степени растеряла свои кадры, не занималась выращиванием новых кадров, опиралась главным образом на небольшую группу мастеров. Между тем невозможно считать сколько-нибудь нормальным такое положение, когда из года в год на экранах, как в Советском Союзе, так и за рубежом, демонстрируются старые картины[61], а выпуск новых кинофильмов ежегодно сокращается»[62].

«Бесконечное количество редакционных инстанций, имеющих право вмешиваться в творческий процесс писателя, привело к тому, что авторское лицо писателя, по существу говоря, сводится у нулю»[63]. По состоянию на 1953 год существовал такой порядок прохождения сценариев. Сначала заявка подавалась на киностудию, затем передавалась в сценарный отдел Главного управления по производству фильмов, а затем утверждалась начальником этого главка. Порядок прохождения и окончательного утверждения сценария был также очень сложным и многоступенчатым. Сначала сценарий рассматривался на киностудии: сценарным отделом, художественным советом и потом утверждался её директором. Затем сценарий направлялся в Министерство, где рассматривался сценарным отделом главка, утверждался начальником главка, потом представлялся на утверждение министру. В бытность Министерства кинематографии готовые сценарии после утверждения коллегией обсуждались на художественных советах при Министерстве (некоторые сценарии — неоднократно). Худсовет представлял рекомендации по исправлению фильмов. На каждом этапе обсуждения и утверждения, в сцена-

[61] Имеются в виду старые советские кинокартины.
[62] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 67. Л. 59–60.
[63] Там же. Л. 63.

[Содержание]

рий вносились изменения. О множестве инстанций, через которые проходил сценарий, сообщал несколько позднее, в ноябре 1953 года, и Отдел науки и культуры ЦК КПСС[64]. Речь при этом и в письме кинематографистов, и в записке отдела ЦК шла только о сценарных заявках и литературном сценарии. Но в процессе создания фильма и после утверждения сценария вносились многочисленные правки разными инстанциями. После окончательного утверждения литературного сценария и написания режиссерского сценария происходила работа по согласованию последнего, в котором также принимал участие художественный совет при Министерстве кинематографии. Режиссер подбирал несколько кандидатов на главные роли (как правило, 2 или 3 артиста), снимал с ними пробы. Эти пробы просматривались на художественном совете при Министерстве. Худсовет рекомендовал Министерству выбрать одного из кандидатов. В некоторых случаях актерские пробы обсуждались и на коллегиях Министерства. Все артисты на главные роли утверждались решением Министерства.

На худсовете также происходил просмотр и обсуждение отдельных материалов еще не смонтированного фильма, а затем просмотр и обсуждение готового фильма. Снятый фильм просматривался не только на худсовете, но и на коллегии Министерства. При этом худсовет высказывал свои замечания, носящие рекомендательный (в большинстве случаев, по сути, обязательный характер). А на коллегии министром, его заместителями, другими членами коллегии высказывались правки, которые режиссер должен был обязательно внести. К этому многоступенчатому процессу создания фильма от момента представления авторской заявки до выхода на экран надо добавить, что замечания по некоторым фильмам высказывались и соответствующими отделами ЦК (в состав худсовета входил сотрудник отдела ЦК, ведавший вопросами кинематографии, — В. П. Сте-

[64] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957. С. 184–185.

панов). Готовые кинокартины перед окончательными обсуждениями на худсовете и коллегии Министерства кинематографии показывались в различных «профильных» министерствах и партийных организациях. Так, например, фильм «Донецкие шахтеры» показывали министру угольной промышленности СССР А. Ф. Засядько, фильм «Навстречу жизни» демонстрировался в Министерстве трудовых резервов СССР.

Авторы письма — кинематографисты в числе причин, которые не давали развиваться отечественному киноискусству, называли: недостаточное количество творческих и технических кадров; сложную и не оправдавшую себя систему управления производством; устарелость организационно-финансовой системы; отсутствие достаточного количества павильонных площадей; отсутствие современной технической базы на отечественных киностудиях, «в то время как советскими специалистами строятся отлично спроектированные студии в Болгарии, Румынии и Албании, и только студия «Мосфильм» продолжает оставаться на низком техническом уровне»[65]; отсутствие творческой обстановки на студии и в руководстве бывшего Министерства кинематографии СССР. Это был прямой упрек в адрес бывшего министра И. Г. Большакова и ряда его заместителей, которые вошли в состав руководства новообразованного Министерства культуры. Но главная причина тяжелого положения, по мнению кинематографистов, это «отсутствие критики и самокритики, бюрократическое руководство, боязнь всего нового, подмена работы общественных творческих организаций кабинетным руководством»[66]. В организации руководства кинопроизводством сложилась такая ситуация, что «директор студии не может решить ни одного сколько-нибудь принципиального вопроса. У него остались только права получать и давать выговора»[67].

---

[65] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 67. Л. 66.

[66] Там же. Л. 70.

[67] Там же. Л. 71.

[Содержание]

Для исправления существовавшего положения предлагалось: технически перевооружить киностудии; построить на «Мосфильме» «не менее 6 павильонов»; создать всесоюзную творческую организацию работников кино; создать на киностудиях художественные советы; повысить права и ответственность дирекции киностудий и «избавить их от мелочной опеки»[68]; пересмотреть заработную плату — особенно низового технического персонала; передать киностудиям право утверждать актерские пробы (пробы актеров на главные роли в полнометражных фильмах утверждались коллегией Министерства кинематографии). Коллегия могла утвердить на роль актера, вопреки желанию режиссера. В том числе коллегия утверждала на главные роли и детей в немногочисленных детских фильмах периода начала 1950-х гг.

И. Г. Большаков был подвергнут резкой критике в октябре 1953 года на пленуме правления Союза советских писателей. В записке отдела науки и культуры ЦК, в частности, указывалось: «Особенно отрицательно восприняли участники пленума выступление заместителя министра культуры СССР т. Большакова... Т. Большаков зачитал скороговоркой неотредактированный текст речи, содержащий в основном перечень кинокартин тематического плана выпуска фильмов... и высказал ряд общеизвестных положений о мастерстве в кинодраматургии. Из зала раздавались возгласы о недостоверности некоторых фактов, приводимых т. Большаковым. После выступления т. Большакова писатели открыто говорили, что он случайный человек на посту заместителя министра культуры»[69].

Нельзя сказать, что состояние отечественного кино не подвергалось критике до 1953 года. Еще при жизни Сталина, весной 1952 года, заявлялось о том, что необходимо возродить жанр комедии, затем было принято решение об увеличении

68 Там же. Л. 74.
69 Аппарат ЦК КПСС и культура 1953—1957. С. 181.

[Содержание]

производства фильмов, началась критика «бесконфликтных» фильмов. А, например, термин «лакировка» использовался, как минимум, еще летом 1950 года, при обсуждении на художественном совете Министерства кинематографии фильма Л. Лукова «Донецкие шахтеры»[70]. В январе 1953 года, во время обсуждения фильма Всеволода Пудовкина «Возвращение Василия Бортникова», автор романа «Жатва», который был положен в основу фильма, Галина Николаева, заявила: «Я страшно рьяная ненавистница бесконфликтности, причем это с самого начала моей работы... когда я смотрю и перебираю в памяти то, что я знаю о колхозной деревне», то все снятые после войны фильмы «залакированные»[71]. Важным представляется здесь несколько моментов. Во-первых, это мнение было высказано в узком кругу участников заседания коллегии Министерства и исходило от писателя, а не от руководства Министерства. Во-вторых, «бесконфликтные» фильмы все же не были подвергнуты критике официально. В-третьих, несмотря на призывы увеличить производство кинокартин на современные темы, около половины в плане продолжали занимать фильмы на историко-биографические темы. Более того, эти фильмы должны были стать основными в плане производства в 1953–1954 гг. Таким образом, несмотря на развернувшуюся в 1952 году критику положения, сложившегося в отечественном кино, приоритеты оставались прежними. При этом даже запланированное увеличение производства фильмов в 1953 году было меньше количества фильмов, снимавшихся в предвоенные и первые послевоенные годы. Например, в 1939 году было создано 58 фильмов, в 1946 году (в первый послевоенный год) — 26 фильмов[72], а в 1953 году планировалось создать 25 фильмов[73].

70 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 2803. Л. 9.

71 Там же. Д. 3641. Л. 137.

72 *М. М. Гершзон.* Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. // Русский Сборник. Т. VIII. М., 2010. С. 307.

73 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3639а. Л. 20.

16 апреля 1953 года на одной из первых коллегий новообразованного Министерства культуры проходило обсуждение тематического плана на 1954 год. Предусматривались съемки 40 фильмов. Из них историко-биографических фильмов — 12,2 экранизации литературных произведений, 2 киноконцерта, фильмов о рабочем классе, колхозном крестьянстве и интеллигенции — всего 12,7 сатирических и комедийных фильмов, 5 детских и приключенческих фильмов[74]. Таким образом, историко-биографические фильмы, экранизации и киноконцерты (которые собственно художественными фильмами не являлись) составляли более трети в плане — их количество от общего числа составляло 35%. Этот вариант плана производства фильмов в жанровом отношении отличался от плана производства фильмов на 1953 год, составленного во второй половине 1952 года, не значительно. В дальнейшем этот план подвергся значительной корректировке. Изменение тематического плана, безусловно, стало возможным благодаря новым установкам со стороны высшего политического руководства страны.

Важной вехой в пересмотре тематического плана стали решения Правительства и заседание коллегии Министерства культуры 23–24 апреля 1953 года. На нем были исключены из плана производства фильмы «Александр Невский», «Кутузов и Наполеон», «Штурм Измаила», «Петр I — преобразователь России»[75]. Переработанный план был представлен в Совет Министров. В письме на имя Г. М. Маленкова от 30 апреля 1953 года министр культуры СССР П. К. Пономаренко констатировал плачевное состояние отечественной кинематографии. В частности, сообщалось о том, что полностью прекратили работу некоторые республиканские киностудии, снизилось производство фильмов, «хотя и были образованы мини-

[74] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 66. Л. 71.
[75] Там же. Д. 67. Л. 174.

стерства кинематографии в 12 республиках»[76]. В сфере проката сложилась такая ситуация, что за последние 4 года на экраны было выпущено 217 художественных фильмов, из советских кинофильмов — 52 (24% от общего числа), а остальные фильмы зарубежные — трофейные или «стран народной демократии»[77]. План на 1953 год предусматривал выпуск на экраны 24 новых фильма. Вместо исключенных из плана фильмов на историко-биографические темы предлагалось запустить кинокартины «на более близкие к современности и актуальные темы»[78]. В 1954 году намечалось запустить 42 полнометражных фильма, а закончить 40 фильмов (из них 23 фильма — на современные темы). В этом варианте плана остался ряд фильмов на исторические темы. В частности, первым в плане был фильм М. Чиаурели «Великий Октябрь». В либретто к нему сообщалось, что «в картине будет воссоздан образ вождя пролетарской революции В. И. Ленина и его ближайших соратников товарищей Сталина, Свердлова, Дзержинского, Молотова»[79]. Важно отметить, что здесь Сталин едва ли не впервые был поставлен в ряду соратников Ленина, а не, как всегда до этого, вместе с ним. В плане оставался «Иван Грозный — собиратель России» И. А. Пырьева[80], две серии «Александра Пушкина» С. А. Герасимова, «Василий Суриков». Намечался запуск Пырьевым фильма «К новой жизни» — «о победах и достижениях колхозного строя в СССР. В основе сюжета — история развития одного колхоза от небольшой артели до крупного колхоза-миллионера»[81].

[76] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 101. Л. 174.
[77] Там же. Л. 175.
[78] Там же. Л. 177.
[79] Там же. Л. 187.
[80] Об истории создания фильма см.: *М. М. Гершзон*. Последний «Иван Грозный» Сталина: проект фильма 1952–1953 гг. // Исследования по истории русской мысли [12]. Ежегодник за 2015 год. М., 2016. С. 358–398.
[81] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 101. Л. 187.

Но данный вариант плана съемок художественных фильмов на 1954 год был раскритикован на заседании Президиума Совета министров СССР 5 мая 1953 года. Правительство 6 мая того же года приняло постановление № 1210 «О плане производства и выпуска художественных кинофильмов на 1953 год»[82]. Согласно этому постановлению, предстояло закончить работу над историко-биографическими фильмами, которые уже были в производстве. Из плана был исключен еще один историко-биографический фильм «Художник Крамской». Следуя указаниям Правительства, Министерство культуры полностью исключило из плана на 1954 год фильмы на историко-биографические темы, в том числе и стоявший на первом месте «Великий Октябрь». В начале мая 1953 года приказом министра культуры СССР было прекращено производство еще одного фильма на историко-биографическую тему «Иван Грозный», работа над которым вступила в активную фазу: был утвержден литературный сценарий, написан режиссерский, подобрана и утверждена съемочная группа, начался процесс подготовки к съемкам — выбор натуры, были сделаны заказы на изготовление реквизита. Таким образом, была прекращена работа над фильмами, которые были основными еще буквально полгода назад. Тогда (в сентябре 1952 года), на заседании коллегии Министерства кинематографии СССР, министр И. Г. Большаков сказал: «Нужно выделить сценарии, которые должны быть ударными. Это четыре сценария — «Великий Октябрь», «Кутузов», «Иван Грозный» и «Петр I». Вот эти 4 сценария должны быть ударными. Тут надо очень четко организовать работу, причем сценаристов сразу соединить с режиссерами. Пусть с самого начала сидят и с писателями работают. Это будет серьезный экзамен в отношении этих картин. Несомненно, что сейчас заложена основа для того, чтобы на этих картинах поднять значительно выше наше искусство. На этом можно сделать боль-

82 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 576. Л. 186–187.

шой скачок в развитии нашего советского киноискусства. Правительство этим картинам придает большое значение. Сказано, что — ваша почетная задача сделать очень хорошо цветные картины на эти темы. Эти темы нужно выделить и сделать их ведущими, ударными. Также нужно установить точный срок и за этим сроком следить»[83].

Летом 1953 года Пономаренко обратился к Маленкову с просьбой пересмотреть систему оплаты гонорара сценаристам. В письме косвенным образом подтверждалась непопулярность историко-биографических фильмов на примере валового сбора от фильмов «Александр Попов» и «Жуковский»[84]. В материалах коллегии Министерства культуры СССР отложилось письмо одного из изобретателей в области кино Р. И. Новицкого от 10 марта 1953 г. на имя Первого заместителя Председателя Совета министров СССР Л. П. Берия. В этом письме констатировался факт огромной популярности зарубежных фильмов в начале 1950-х гг. Новицкий писал: «Популярность» иностранных «фильмов видна даже по повсеместно появившейся «прическе» — «Тарзан», воплей ребят под Тарзана, хулиганство и мордобой под Тарзана...». Это только внешние, бросающиеся в глаза формы идеологической отравы, действительное отравляющее действие и шире, и глубже»[85]. Большинство отечественных кинокартин, выпускавшихся в начале 1950-х гг., утратило одну из главных функций кино — развлекательность. Зритель предпочитал зарубежное кино, в частности, огромной популярностью пользовался трофейный американский фильм «Тарзан». В течение 1952 года на экраны последовательно вышли четыре серии этого фильма. Руководство Министерства кинематографии признавало, что «Тарзан» в очень большой степени помог выполнить годовой план по сборам. Без него он был бы

[83] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3466. Л. 342.
[84] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 76. Л. 28.
[85] Там же. Д. 68. Л. 248.

сорван. Министр Большаков констатировал: «Никакой рекламы не надо было давать, а сбор был колоссальный, и у кинофикаторов мерилом качества фильма стал «Тарзан». Эта вредная тенденция среди кинофикаторов существует — давайте картины типа «Тарзана». Это неправильно. Мы в этом году выпустили «Тарзана», в будущем году не будет «Тарзана», а план мы должны будем выполнить»[86].

К концу мая 1953 года тематический план производства фильмов на 1954 год был в значительной мере переработан[87]. Из него практически полностью были исключены не только историко-биографические фильмы, но и фильмы-концерты (такие как, «Концерт мастеров искусств»), а также фильмы-спектакли. Предполагалась постановка картин в основном на современные темы, ряда комедийных и приключенческих фильмов, картин для детей и о молодежи. Новое в плане — создание фильмов об армии. Пономаренко в письме на имя Маленкова указывал, что «при разработке тематического плана и обсуждении его с авторами и режиссерами Министерство культуры СССР обратило внимание на необходимость создания сценариев и фильмов на жизненном материале, без затушевывания и лакировки действительности, особенно на колхозные темы. Некоторые авторские заявки на современные темы при рассмотрении плана были отклонены Министерством, так как в них намечались однообразные и неправильные драматические конфликты, построенные только на противоречиях и борьбе между передовыми людьми — новаторами на заводе или в колхозе и отсталыми директорами заводов и председателями колхозов и другими руководителями»[88]. Всего в 1954 году намечалось производство 53 фильмов против 42, о которых говорилось в апрельском варианте плана[89].

86 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3467. Л. 412.
87 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 69. Л. 11.
88 Там же. Д. 108. Л. 9.
89 Там же. Д. 108. Л. 9.

То есть были абсолютно пересмотрены взгляды на кинопроизводство. И в плане жанровом, и в плане количественном. А постановку картин намечалось доверить не только «ведущим мастерам», но и молодым кинорежиссерам, проявившим себя на самостоятельной работе при постановке фильмов-спектаклей и короткометражных кинокартин[90].

То, как акценты расставлялись раньше, очень наглядно иллюстрирует небольшая, но очень характерная деталь — история с изменением названия кинокартины Г. В. Александрова. На протяжении нескольких лет он работал над созданием фильма о М. И. Глинке с рабочим названием «Славься, народ!». В прокат этот фильм вышел под названием «Композитор Глинка». Акцент в названии фильма был смещен с народа на героя. Этот фильм еще до выхода на широкий экран, после просмотра на художественном совете Министерства кинематографии, был, по сути, объявлен шедевром. Председатель худсовета, будущий главный идеолог периода начала 1960-х гг. Л. Ф. Ильичев после премьерного просмотра заявил: «Молодцы!.. Ну, что ж... Или я ничего не понимаю, или этот фильм исключительной силы... Да и обсуждать нечего... Так и считаем, что фильм выдающийся. Так и пишем»[91]. Кстати, при небольшом количестве выпускаемых фильмов в послевоенный период это был второй полнометражный художественный фильм о Глинке, созданный в течение шести лет[92]. Один из сотрудников Министерства культуры вспоминал, что известный режиссер М. Чиаурели, выступая на одном из собраний в Министерстве кинематографии в начале 1950-х гг., «призывал к тому, чтобы делать фильмы только о выдающихся личностях. Зачем нам фильмы о доярках. Так он говорил»[93]. Чиау-

[90] Там же. Д. 108. Л. 11.
[91] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3515. Л. 1.
[92] В 1946 году режиссер Лео Арнштам поставил художественный фильм «Глинка».
[93] ЦАОДМ. Ф. 957, Оп. 1. Д. 18. Л. 79.

рели в одной из статей того периода в журнале «Искусство кино» писал, что «Сталин — это не человек, это сверхчеловек... Человеческому уму непостижимо»[94].

В июне 1953 года дополнительно в план производства фильмов на 1953 год было включено 8 фильмов. В одном из них, «На плоту» (среди авторов сценария — А. Галич, режиссер — М. Калатозов), «сюжет строится на остром конфликте между обюрократившимся архитектором Нестратовым и деятельными людьми, живущими полнокровной жизнью вместе со всей страной, — ученым животноводом Лапиным и хирургом Чижовым»[95]. На экраны фильм вышел под названием «Верные друзья».

Главное место в переработанном тематическом плане на 1954 год занимали фильмы «о современниках, рядовых людях». Среди подобных картин «Большая семья» И. Хейфица, которую иногда называют «киноэпопеей сталинского периода». В действительности решение о создании фильма было принято еще в 1952 году, но съемки переносились. Вероятно, длительностью киносъемочного процесса можно объяснить то, что фильм, снятый в парадной, помпезной стилистике, характерной для периода «малокартинья», был выпущен после смерти Сталина. Фильм был принят коллегией Министерства культуры в августе 1954 года. Тогда же говорилось о том, что фильм «Синие стрелы» — в прокат он вышел с названием «Запасной игрок»[96] — является продолжением череды «бесконфликтных» фильмов. В приказе министра культуры, выпущенном в мае следующего, 1955 года при министре Михайлове, говорилось, что достоинства фильма «Запасной игрок» «в значительной степени оказались сниженными надуманностью сюжетных ситуаций, лакировкой

[94] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 437. Л. 52.

[95] Там же. Д. 67. Л. 29.

[96] Этот фильм известен, прежде всего, тем, что в нем свою первую главную роль сыграл Г. М. Вицин.

в обрисовке среды, слабостью в раскрытии образов советских людей»[97].

Особое место в плане было уделено жанру комедии, который в начале 1950-х гг. фактически исчез с экрана. Последняя комедия, имевшая успех в прокате, — «Кубанские казаки» была снята режиссером И. А. Пырьевым в 1950 году. Для того, чтобы восполнить практически полное отсутствие новых отечественных кинокомедий, Министерство культуры в первые месяцы своего существования приняло решение «выпускать комические фильмы на 10–15 минут, которые можно пропускать или до начала, или после окончания сеанса. Это в какой-то мере будет удовлетворять законные требования наших зрителей о том, чтобы давать больше кинокомедий»[98] — об этом, выступая на профсоюзной конференции Министерства культуры СССР в июле 1953 года, сообщил первый заместитель министра И. Большаков. Среди подобных короткометражных комедийных фильмов — картина известного кинорежиссера К. К. Юдина[99] «Беззаконие», поставленная по мотивам рассказа А. П. Чехова.

Среди намечаемых к постановке в плане — комедия «Пять леопардов». Фильм вышел в прокат под названием «Укротительница тигров»[100].

---

[97] Там же. Д. 312. Л. 3.

[98] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 14. Д. 1. Л. 18.

[99] К. К. Юдин, кинорежиссер, среди самых известных его фильмов «Сердца четырех», «Девушка с характером», «Смелые люди» и др.

[100] В либретто фильма, представленном в сентябре 1953 года, говорилось, что картина будет о мужестве, находчивости и изобретательности мастеров циркового искусства. Примечательно, что изначальный сюжет сильно отличался от того, что было снято в итоге. Согласно либретто — «Илья Ковригин, заведующий тиром одного из волжских городов, решает связать свою судьбу с цирком и становится артистом манежа — сверхметким стрелком. Ассистенткой в цирковом номере Ковригина выступает молодая девушка — Ольга, до этого работавшая помощницей укротителя леопардов. Укротитель леопардов — кичливый и зазнавшийся человек — срывает цирковую программу, и за это его увольняют из цирка. Нужен новый укротитель, но никто не рискует приступить

Планировалась, но не была осуществлена съемка комедии «Секрет успеха» (авторы сценария Г. Александров, М. Вольпин, Н. Эрдман, режиссер Г. Александров). По сюжету это кинокомедия, высмеивающая перестраховщиков, бюрократов, карьеристов[101].

Новое направление в плане была представлено «сатирической кинокомедией» «Не называя имен», в которой, согласно либретто, должен быть «остро поставлен вопрос о воспитании детей, которым общественное положение родителей еще не должно давать право на привилегированные условия в учебе и труде»[102]. На Белорусской киностудии планировалось поставить фильм «Кто смеется последний» по мотивам одноименной сатирической комедии К. Крапивы. Тема фильма — «борьба честных советских ученых с лжеучеными, пробравшимися с преступными целями на руководящие посты...»[103] В резерве плана также были новые, по сравнению с предыдущим периодом, сюжеты: «Похождения Пыляева» (автор К. Финн) — «сатирическая комедия, разоблачающая и высмеивающая карьеризм, рав-

к опасному делу, за него берется Ковригин. После предварительной дрессировки назначена первая репетиция, но леопарды, не привыкшие к Ковригину, выходят из повиновения, а сам укротитель, получив ранение, попадает в больницу. Тогда укрощением леопардов решает заняться Ольга, девушка смелая и настойчивая. Оказывается, что леопарды уже привыкли к Ольге еще тогда, когда она убирала клетки и кормила их. Длительная и упорная тренировка завершается победой Ольги на арене цирка. В фильме будет много забавных и веселых представлений на арене цирка и целый ряд комедийных ситуаций, связанных с жизнью цирковых артистов» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 82. Л. 102).

[101] «Герой фильма — молодой писатель — сначала успешно борется за новое революционное советское искусство. Но, добившись личных успехов, успокаивается на достигнутом, теряет связь с народом и, озабоченный собственным благополучием, перестает быть принципиальным и смелым. Его произведения не имеют успеха; он терпит провал за провалом и в конце концов оказывается среди тех людей, с которыми он прежде боролся» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 69. Л. 11).

[102] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 69. Л. 20.

[103] Там же. Л. 21.

[Содержание]

нодушие к порученному дела, подхалимство и пренебрежительное отношение к молодым кадрам»[104], «Непутевый», (автор Г. Мдивани) «комедийный фильм о воспитании и закалке характера молодого человека, находящегося в рядах Советской армии». В прокат он вышел под названием «Солдат Иван Бровкин». В плане постановки на Алма-Атинской киностудии стоял фильм Ш. Хусаинова и В. Абызова «Девушка-джигит» — музыкальная комедия «из жизни колхозной молодежи Казахстана». Согласно сюжету, в фильме «разоблачаются и высмеиваются бюрократы и подхалимы... мешающие молодым людям, героям фильма в их работе, отдыхе и личной жизни»[105].

Особого внимания заслуживает либретто представленного в плане фильма «Хевская невеста» (автор сценария Р. Джапаридзе), который был впоследствии, осенью 1953 года, исключен из плана Министерством культуры СССР[106]. В варианте плана, представленном на коллегии 16 апреля, либретто было таким: «Фильм по мотивам одноименной повести Р. Джапаридзе о борьбе колхозников за высокие урожаи и укрепление Устава сельскохозяйственной артели»[107], в качестве режиссера был указан Н. Туманов. А в плане, представленном на коллегии 26 мая, режиссером обозначен В. Таблиашвили. Либретто фильма, представленное осенью 1953 года, было более развернутым и существенно отличалось от представленного в марте. В нем очень ярко прослеживались новый и, можно сказать, революционный для кино первой половины 1950-х гг. сюжет о несправедливо обвиненном человеке, притесняемом представителем власти[108].

[104] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 69. Л. 28.

[105] Там же. Л. 29.

[106] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 82. Л. 141.

[107] Там же. Д. 66. Л. 88.

[108] Действие фильма происходит в западной Грузии. «По распоряжению председателя колхоза Самсона Брегвадзе у одного из рядовых колхозников Сардиона Палавандишвили отбирается виноградник, нахо-

Намечалось, что В. И. Пудовкин поставит фильм «Мать» по сценарию М. Смирновой[109]. Реализации замысла помешала смерть режиссера летом 1953 года. Классик отечественного кино экранизировал роман Горького в 1926 году. Тогда вышел немой фильм, получивший мировое признание.

16 сентября 1953 года было принято решение о включении в план производства 14 художественных фильмов, на которые имелись готовые одобренные сценарии. Среди этих картин «Баня» (режиссер С. Юткевич), представлявшая «экранизацию одноименной сатирической пьесы В. Маяковского, остро разоблачающей невежество, бюрократизм, мещанство»[110], «Строгие люди» (автор сценария — В. Ажаев, режиссер — А. Столпер) — «фильм задуман как современная психологическая драма, в которой сталкиваются настоящие советские люди с людьми фальшивыми, ущербными, занимающими в жизни неправильную позицию[111]. Последний сценарий рассматривался на худсовете Министерства кинематографии в 1951–1952 гг. И уже тогда членами худсовета коллизии сценария были признаны фальшивыми, надуманными и нежизненными. Ажае-

дящийся в пределах приусадебного участка. Тяжело переживая незаконное решение, он перестает работать на колхозных виноградниках. Из города в колхоз приезжает его дочь — Иринэ, которая занимается выведением нового сорта винограда «Хевская невеста». Исполком отменяет решение Брегвадзе, Сардиону возвращают его участок, куда Иринэ вынуждена перенести свои опыты. Брегвадзе продолжает преследовать Сардиона и его дочь, а также втягивает в эту борьбу некоторых отсталых колхозников. В это время происходит несчастье — Иринэ, сжигая сорняки на своем участке, не сумела справиться с огнем, и пламя перебросилось на соседние участки. Этим случаем воспользовался Брегвадзе. Он обвиняет Иринэ в умышленном поджоге. Но на ее защиту встает вся колхозная молодежь. Устанавливается невиновность Иринэ. Опыты завершены. Новый сорт винограда дает прекрасный урожай» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 82. Л. 205).

[109] Там же. Д. 69. Л. 14.

[110] Там же. Д. 82. Л. 198.

[111] Там же. Д. 197. Л. 64.

ва призвали переработать сценарий, но он в конце концов отказался. Фильм был снят с постановки. Только недостатком качественных сценариев можно было объяснить то, что сценарий «Строгие люди», авторское название которого «Большая семья» (не путать с фильмом И. Хейфица), был вновь поставлен в план производства в 1953 году. Но фильм так и не был снят. В ноябре 1953 года в записке отдела науки и культуры указывалось что в сценарии «отсутствует единый сюжет, а конфликт, происходящий между действующими лицами, носит искусственный характер»[112]. То есть ЦК согласился с оценкой, данной сценарию худсоветом Министерства кинематографии еще в период «малокартинья», в ноябре 1951 года. Приказом по Министерству культуры СССР от 27 сентября 1954 года, «в связи с тем, что неоднократные переделки» литературного сценария не привели к улучшению «идейно-художественного качества», работа над ним была признана нецелесообразной[113]. Комедия «Веселые звезды» (авторы сценария Е. Помещиков и В. Типот, режиссер В. Строева) была задумана как история о том, что молодые и талантливые артисты Тарапунька и Штепсель едут в Москву на конкурс эстрадных исполнителей. По пути у них происходят интересные встречи — деревенская свадьба, а также встречи с мастерами: Смирновым-Сокольским, Мировым и Новицким, Сергеем Образцовым, Риной Зеленой, Мироновой и Менакером, Утесовым, Шульженко и другими. Снятый относительно в короткие сроки (к весне 1954 года) фильм подвергся жесткой критике со стороны руководства Министерства культуры СССР за эпизод «Колхозная свадьба». Он был признан «надуманным»: «...отступив от жизненной правды, режиссер допустил фальшь. Пышный свадебный кортеж, показанный в фильме, мало по-

[112] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957. С. 184.

[113] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 82. Л. 193. Работа над подготовительным этапом создания этого фильма была прекращена ранее, в ноябре 1953 года.

хож на обычную колхозную свадьбу»[114]. Было предложено полностью исключить кадры со свадьбой (автомашины, мотоциклы, лошади и т. д.)[115]. Инициатором критики этого эпизода стал министр культуры Г. Ф. Александров. Он заявил на коллегии Министерства культуры: «...в данном случае свадьба, очень торжественное событие в жизни людей, дана эта свадьба тут очень пышно, съезжаются все на разных видах транспорта, целая кавалькада останавливается перед поездом. Это не выражает той суровой правды о деревне нашей, о которой так много в последнее время наша общественность знает и говорит»[116]. Примечательно, что буквально полтора года назад, в сентябре 1952 года, после просмотра документального фильма «Волго-Дон» в Правительстве, Г. М. Маленков заявил министру кинематографии И. Г. Большакову, председателю художественного совета Министерства Л. Ф. Ильичеву и создателям фильма, что одним из недостатков фильма является то, что местные жители — «донские казаки» были показаны в фильме «плохо»: они выглядели «какими-то обшарпанными»[117]. Особо подчеркнем, что фильм «Волго-Дон» был не художественным, а документальным. А, например, помощь при создании одного из череды «бесконфликтных и лакировочных» художественных фильмов «Щедрое лето»[118] оказывал руководитель ЦК Компартии Украины Н. С. Хрущев[119]. Именно по его инициативе были созданы «летние лагеря» для съемок, оказывалась поддержка съемочной группе. Картина «Щедрое лето» получила положительную оценку от руководства Украины, фильм был признан «большим успехом»[120].

---

[114] Там же. Д. 211. Л. 53.
[115] Там же. Л. 55.
[116] Там же.
[117] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3519. Л. 3.
[118] На экраны фильм вышел в 1950 году.
[119] Там же. Д. 3151. Л. 229.
[120] Там же. Л. 230.

О наличии противоречивых тенденций в культурной политике в первый год после смерти Сталина свидетельствует критика фильма «Веселые звезды» не только за «лакировку», но и за то, что в нем «излишне назойливо варьируется» тема бюрократизма[121]. За это же критиковался Главным управлением кинематографии литературный сценарий В. Катаева «Безумный день, или Приключения Зайцева». Он был создан на основе пьесы «День отдыха». Главный упрек состоял в том, что в сценарии «все без исключения герои комедии, от швейцара дома отдыха до профессора... представлены автором однообразными, оглупленными людьми, попадающими в нелепое и смешное положение из-за своей глупости или глуповатой наивности»[122]. Художественным руководителем постановки был И. А. Пырьев, в качестве режиссера был выбран Рыбаков. Картина была закончена в 1956 году под названием «Безумный день», режиссером стал А. Тутышкин[123].

В октябре 1953 года был представлен план подготовки сценариев художественных фильмов на 1954 год. Проект плана включал 124 темы, из которых 48 тем на современную тему (о жизни рабочих, крестьян и интеллигенции), 6 сценариев о советской армии, 28 комедий и музыкальных фильмов, 17 спортивных и приключенческих фильмов, 11 детских и юношеских фильмов, 8 экранизаций литературных произведений и только 6 сценариев историко-революционных, исторических и биографических фильмов[124]. Было решено дополнительно включить в план подготовки сценариев «Два капитана» — этот сюжет уже был в плане производства фильмов на 1951 год, но тогда в числе ряда других картин был исключен по решению Со-

[121] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 211. Л. 54.

[122] Там же. Д. 229. Л. 102.

[123] А. П. Тутышкин известен, в частности, исполнением ролей счетовода Алеши Трубышкина в фильме «Волга-Волга» и профессора Аркадия Васильевича Ершова в фильме «Сердца четырех».

[124] Там же. Д. 85. Л. 29.

вета Министров. По замыслу авторов плана, в сценарии должна была быть показана руководящая роль коммунистической партии и В. И. Ленина (при этом Сталин не указан)[125]. Тем не менее и этот вариант плана подвергся критике со стороны руководства отдела науки и культуры ЦК за то, что в нем не нашли отражения «многие важные темы современности»[126].

Изменения в культурной политике уже в первые месяцы после смерти Сталина иллюстрирует частный, но очень показательный случай с известным актером, прославившимся исполнением роли Сталина, — М. Геловани. Проблемы с его творческой занятостью возникли не позднее начала лета 1953 года. Ему не предлагали роли в кино и отказались принимать в штат театра киноактера. В июне 1953 года Геловани принял первый заместитель министра культуры СССР И. Г. Большаков, который обещал Геловани посодействовать в вопросе его трудоустройства. Но фактически ничем не помог (или был не в состоянии помочь). 13 августа 1953 года Геловани получил письмо за подписью одного из руководителей Главного управления кинематографии В. Н. Сурина, в котором сообщалось, что труппа «театра-студии укомплектована»[127]. После этого ответа переговорить лично с Большаковым у Геловани не получалось. Художественный совет театра-студии киноактера не брал его в штат, потому что «в репертуаре театра нет ни одной подходящей роли, в которой можно было бы занять т. Геловани, равно, как и в запускаемых фильмах»[128]. Эта фраза из письма заместителя начальника Главного Управления кинематографии В. Ф. Рязанова косвенным образом свидетельствовала о том, что фильмы, где одним из главных героев был бы Сталин, ставить ни в 1953 году, ни в ближайшем

[125] Там же. Д. 85. Л. 189.
[126] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957. С. 184.
[127] Там же. Д. 87. Л. 160.
[128] Там же. Л. 159.

[Содержание]

обозримом будущем не планировалось. Руководство этого управления предлагало направить Геловани для работы в одном из театров, подчиненном Главному управлению театров. Узнав об этом, 22 сентября 1953 года М. Геловани написал письмо на имя министра культуры СССР П. К. Пономаренко. Геловани сетовал, что иных ролей, кроме роли Сталина, ему не давали на протяжении последних 17 лет, «причем руководители по линии кино неизменно мотивировали это обстоятельство соображениями о том, чтобы «он не выключался из образа Сталина»[129]. Не прошло и трех месяцев с момента смерти Сталина, а актер, игра которого считалась эталонной, вынужден был выпрашивать работу и, по сути, попал в унизительное положение. Геловани отмечал, что мог бы претендовать на пенсию по выслуге лет, но «здоров физически и творчески потенциален». Он просил «дать возможность работать» если не в качестве актера, то режиссером[130] (у него действительно был опыт постановок фильмов конце 1920-х — начале 1930-х гг.). Ситуация с трудоустройством Геловани рассматривалась на заседании коллегии Министерства культуры 11 ноября 1953 года. Было принято решение о приеме его в штат Театра-студии киноактера. Но до своей смерти, в 1956 году, Геловани так и не получил ни одной новой роли в кино. А ведь после войны, вплоть до 1953 года, при значительно меньшем объеме производства фильмов, чем в 1953–1956 гг., картины с участием М. Геловани выходили на экран в среднем с частотой раз в год. Распоряжением Совета министров СССР от 22 марта 1954 года М. Г. Геловани была назначена пожизненная персональная пенсия в размере 2500 рублей[131].

Не менее показательна и история с режиссером фильмов, в которых снимался М. Геловани, — Михаилом Чиаурели. Некоторое время он был в простое, потом подвергся

[129] РГАЛИ. Ф. 2329. Д. 87. Оп. 2. Л. 160.
[130] Там же. Л. 161.
[131] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 2. Д. 523. Л. 323.

резкой критике за активное и усердное участие в формировании и становлении культа личности в отечественном кинематографе. Чиаурели был переведен с «Мосфильма» на Свердловскую киностудию научно-популярных фильмов. В плане производства научно-популярных, учебных и документальных фильмов на 1956 год первым стоял полнометражный фильм «Повесть о металле» (авторы Б. Агапов и И. Пешкин), режиссером значился М. Чиаурели[132].

Непростая судьба и у выхода в прокат кинофильма «Дзержинский» (режиссер М. Калатозов[133]). Производство фильма было закончено в 1952 году[134], при жизни Сталина, роль которого сыграл М. Геловани. Фильм был принят Министерством кинематографии с небольшими замечаниями в январе 1953 года, но на экраны вышел только в 1956 году и со значительными переделками. Из картины были полностью исключены сцены со Сталиным. Основная претензия к фильму о Дзержинском была высказана в августе 1954 года министром культуры Александровым: «...сколько там режиссер ни работает, правильно понимает, как надо подойти к этой теме, но основа неправильная. Поручили Дзержинскому поехать на транспорт, приехал — все в порядке. Поручили ликвидировать беспризорников — их больше нет. Все решается без народа, без партии, без труда. Нужно, чтобы принимали участие сами трудящиеся. Из такой картины ничего сделать нельзя, она в основе построена неправильно. Этот фильм надо просто выбросить»[135].

Летом 1954 года публичной критике со стороны руководства Министерства культуры за украшательство и лакировку были подвергнуты фильмы, ранее получавшие

[132] Сюжет фильма — «о металле, как фундаменте современной индустрии. Фильм расскажет о физико-химических основах процесса получения чугуна и стали» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 354. Л. 29).

[133] Самый известный фильм М. К. Калатозова — «Летят журавли».

[134] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3641. Л. 17.

[135] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 234. Л. 187.

награды: «...многие авторы сценариев и режиссеры в процессе написания сценариев и постановки кинокартин слабо изучают материал будущего фильма, что нередко приводит к искажению жизненной правды. Ряд выпущенных и находящихся в производстве кинокартин страдает украшательством и лакировкой советской действительности. Так, в фильме И. Пырьева “Кубанские казаки” авторы фильма чрезмерно увлеклись показом изобилия колхозной жизни, отступив от жизненной правды. Те же недостатки свойственны картине Л. Лукова “Донецкие шахтеры”[136] и ряду других фильмов»[137]. И. А. Пырьев объяснял лакировку в фильме Лукова тем, что он испугался после критики второй серии «Большой жизни» и «сделал в “Донецких шахтерах” чуть не мраморные колонны»[138]. Несмотря на успех в прокате «Кубанских казаков», изображение в нем жизни колхозников было очень далеким от реальности. Эти фильмы, вместе с фильмами «Сказание о земле Сибирской» и «Кавалер Золотой звезды», летом 1954 года были раскритикованы еще и за то, что в них «культивируется либерально-поощрительное отношение к выпивкам, как к якобы неизбежному ритуалу быта советских людей, в частности, молодежи»[139]. Критике была подвергнута запущенная в 1952 году и законченная в 1953 году картина

[136] Интересно отметить, что по плану, утвержденному в ноябре 1955 года намечалась постановка Л. Луковым фильма «Донбасс» по мотивам одноименного романа Б. Горбатова (он же был автором сценария к лакировочным «Донецким шахтерам»). Писатель Горбатов умер в начале 1954 года. Согласно либретто к фильму «Донбасс», эта кинокартина «о судьбах молодых рабочих, пришедших на работу в Донбасс 25 лет тому назад и навсегда связавших с ним свою жизнь». В сценарии предполагалось использовать неопубликованные материалы Б. Горбатова (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 326. Л. 168). Замысел, несмотря на то, что постановка фильма была одобрена Министерством культуры СССР, не был осуществлен.

[137] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 216. Л. 81.

[138] Там же. Д. 340. Л. 80.

[139] Там же. Д. 215. Л. 108.

А. Роома «Серебристая пыль», «при воспоминании о которой сейчас нервная дрожь охватывает... когда мы выходим из кино, неудобно за эту картину»[140]. Подчеркнем, что эти слова, сказанные в марте 1955 года, принадлежат бывшему первому заместителю министра кинематографии СССР В. Ф. Рязанову, принимавшему непосредственное участие в обсуждении и принятии плана производства фильмов вплоть до 1954 года (в том числе и упомянутой «Серебристой пыли»).

Вместе с принятием новых решений, примерно через год после создания Министерства культуры, было положено начало ревизии прежних решений,«реабилитации» ранее выпущенных фильмов и возвращение в игровое кино режиссеров, подвергнутых в конце 1940-х — начале 1950-х гг. разгромной критике. Первой «реабилитированной» кинокартиной стала комедия Ю. Райзмана «Поезд идет на Восток». Это был первый, единственный и, как признавал сам режиссер, неудачный опыт его работы в жанре комедии. Г. Ф. Александров посмотрел этот фильм весной 1954 года и заявил на коллегии: «...этот фильм неправильно был оценен нашей печатью, как фильм безыдейный. Если вы сейчас вновь его посмотрите, то скажите, что оценка несправедливая. Люди там хорошие, советские, благородные, в моральном отношении также хорошие. Природа показана хорошо. Люди делают хорошее дело, проявляют себя, как советские люди. Поэтому вот предварительно потолковали, что надо будет его еще раз на экраны выпустить и, может быть, в печати поправить оценку этого фильма. Это информация о том положении, что надо фильмы оценивать по объективным критериям. У людей разные художественные вкусы, нельзя положиться в оценке фильма на вкусы отдельных товарищей. Когда подходили объективно к оценке этого фильма, там ничего плохого нет. Мы доложим Правительству. Мы решений принимать никаких

[140] Там же. Д. 340. Л. 40.

[Содержание]

не будем, просто для сведения товарищей»[141]. Помимо прочего, в этом выступлении Александрова содержится откровенное признание того, что на предыдущем этапе оценки фильмов не всегда были объективными.

По плану, утвержденному Министерством культуры в ноябре 1955 года, в качестве одного из режиссеров экранизации оперетты Н. Стрельникова «Холопка» значился Л. Трауберг[142]. Он же был автором сценария принятого в том же году к постановке фильма «Авиаторы», фильма «о первых русских летчиках Нестерове, Уточкине и других»[143]. Выше говорилось о том, что в конце 1940-х гг. он был подвергнут жесткой критике и ему было запрещено ставить фильмы. В 1954 году был возвращен в игровое кино и один из классиков отечественного кино для детей и юношества — И. Фрэз. В 1955 году на киностудии имени М. Горького он снял художественный фильм «Васек Трубачев и его товарищи». Фильм пользовался огромной популярностью у детской аудитории того времени.

В декабре 1953 года Министерство культуры СССР рассматривало вопрос «О состоянии фильмофонда в конторах кинопроката». Был подготовлен проект приказа министра о повторной печати фильмов, выпущенных в прошлые годы, пользующихся популярностью у зрителей. В списке фильмов полностью отсутствовали фильмы, в которых среди главных героев был Сталин. При этом предполагалось копирование фильмов, созданных относительно недавно, после окончания войны. Например, планировалась повторная печать фильмов «Весна», «Сельская учительница» и «Сказание о земле Сибирской», вышедших в 1947 году, а также фильма «Молодая гвардия», вышедшего в 1948 году[144].

---

[141] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 229. Л. 67.
[142] Там же. Д. 326. Л. 158.
[143] Там же. Д. 326. Л. 159.
[144] Там же. Д. 208. Л. 18.

Г. Ф. Александров весной 1954 года заявил:

> «...суть дела в том, что некоторое время назад существовала точка зрения, что и в нашей стране должно выпускаться 10 фильмов в год. Потом опровержена была эта точка зрения и стало постепенно больше фильмов выпускаться... Что получилось из того, что мы выпускали 10 фильмов? Заглохла драматургия кинематографическая. Это положение ненормальное. Я предварительно имел разговор с товарищами Маленковым и Хрущевым на эту тему. Они оба считают, что пора кончать с таким положением в кинематографии, когда мы не используем имеющиеся возможности для создания большого количества кинофильмов»[145].

В апреле 1954 года Министерство культуры обратилось в Правительство с предложением о расширении прав Министерства в области производства и выпуска кинофильмов. В частности, предлагалось разрешить Министерству запускать в производство кинофильмы в соответствии с тематическими планами, которые им же ранее утверждались. По существовавшему положению, эти планы разрабатывались в Министерстве и утверждались только постановлениями Совета Министров СССР. В 1954 году предлагалось разрешить Министерству выпускать на экран законченные производством фильмы[146]. Еще год назад не могло быть даже и речи о постановке подобного вопроса руководством Министерства перед вышестоящими инстанциями. Расширение объема работ подготовительного периода съемок, включение в него частичной подготовки костюмов, реквизита, бутафории, постройку одной—двух «первоочередных декораций» и съемок «отдельных натурных объектов в подготовительном периоде, в тех случаях, когда эти съемки совпадают с определенным временем года, чтобы не пе-

[145] Там же. Д. 229. Л. 54.
[146] Там же. Д. 210. Л. 3.

реносить их на соответствующий сезон следующего года»[147] — вот тот максимум, о котором просил в конце января 1953 года министр И. Г. Большаков.

В начале 1950-х гг. тематический план производства художественных фильмов представлялся И. В. Сталину. Он же лично принимал окончательное решение о судьбе тематического плана. В первые месяцы после создания Министерства культуры установился порядок запуска сценария в производство, при котором окончательный вердикт о переходе в съемочный период должен был выносить аппарат ЦК КПСС. Иногда получалось так, что министр культуры Пономаренко (он был одновременно еще и кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, то есть входил в состав высшего политического руководства) считал, что сценарий можно выпустить, а сотрудники аппарата ЦК не разрешали. И. Г. Большаков отмечал, что Министерство иногда становилось на путь обхода аппарата ЦК. Он же призывал «стремиться к тому, чтобы было поменьше инстанций. Организовать дело надо так, что сценарий должен принимать Художественный совет самой студии, затем следующая инстанция — министр, а главное управление должно давать свое заключение. Сценарии должна коллегия утверждать»[148]. Министр Александров пошел еще дальше. Он считал, что коллегия Министерства должна рассматривать только тематический план и обсуждать наиболее значимые фильмы. Ранее сценарий до утверждения проходил множество инстанций, среди которых руководство киностудии, главное управление по производству фильмов, коллегия Министерства кинематографии.

В начале июня 1954 года было принято постановление Совета министров СССР «О предоставлении Министерству культуры СССР права запуска в производство новых художественных, документальных и научно-популярных

[147] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 97. Л. 27–28.
[148] Там же. Д. 229. Л. 60.

фильмов». Показательно, что резолютивная часть постановления начиналась со слов: «принять предложение Министерства культуры СССР о предоставлении ему запуска в производство и выпуска на экраны» фильмов всех видов[149]. Этим же постановлением предписывалось представлять тематические планы производства фильмов перед утверждением их Министерством на рассмотрение в ЦК КПСС. Таким образом, Совет министров СССР исключался из списка инстанций, которые принимали решение как о запуске фильма в производство, так и о выходе кинокартины на экран. Главным директивным органом, принимавшим решение о запуске фильма в производство и выпуске его на экран, становилось Министерство культуры СССР.

Приказом по Министерству культуры от 24 августа 1954 года директорам киностудий было предоставлено право самостоятельного утверждения актерских кинопроб[150]. Этот приказ отменял действие циркулярного письма Министерства кинематографии СССР от 4 мая 1947 года, по которому актерские пробы утверждались Министерством. Де-факто утверждение проб актеров на роли в полнометражных фильмов происходило без участия высшего руководства Министерства практически с момента создания Министерства культуры. 4 сентября 1954 года был издан приказ по Министерству культуры СССР «О предоставлении директорам киностудий права самостоятельного заключения договоров с авторами на написание сценариев для художественных фильмов»[151]. Ранее киностудии могли заключать договоры с авторами только с разрешения Министерства. В результате между автором и студией устранялась лишняя инстанция в виде Министерства, ускорялся процесс заключения договора. По замыслу авторов приказа, он должен был способствовать и повышению ответствен-

149 Там же. Д. 154. Л. 73.
150 Там же. Д. 195. Л. 1.
151 Там же. Л. 230.

ности руководства киностудий за качество авторских заявок и либретто. Директорам киностудий было дано право утверждать режиссерские сценарии. В начале 1950-х гг. режиссерский сценарий утверждался по распоряжению министра кинематографии после обсуждения на худсовете Министерства, а в некоторых случаях и после обсуждения на коллегии Министерства кинематографии.

Эти решения, учитывая практику, сложившуюся в отечественном кинематографе к 1954 году, стали поистине революционными. Резко уменьшалось количество инстанций, через которые проходил как тематические план, так и сам фильм на всем протяжении создания — от приемки сценария до сдачи.

В мае 1955 года приказом министра культуры СССР было утверждено Положение о порядке принятия и оформления законченных производством кинофильмов[152]. Согласно новому положению полнометражные художественные фильмы выпускаются на общесоюзный экран Министерством культуры СССР по представлению Главного управления по производству фильмов, а короткометражные художественные, документальные и научно-популярные, а также дублированные полнометражные художественные фильмы выпускались на экран решением Главного управления по производству фильмов Министерства культуры[153]. Ранее все художественные фильмы могли быть выпущены на экран только по решению Совета министров СССР.

В 1953 году С. А. Герасимов начал работать над литературным сценарием «Дочь народа» («Во имя закона»)[154]. К весне 1954 года сценарий был написан, и 19 мая 1954 года он

[152] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 311. Л. 132.

[153] Там же. Д. 311. Л. 125.

[154] Идея фильма возникла у Герасимова еще в 1952 году. Главная героиня Е. Д. Соколова — «простая советская женщина, которая своим прямым и честным жизненным путем завоевала уважение и признание народа и была признана народным судьей». Один из героев — «уставший от жизни прокурор», которому Соколова говорит о том, что «работникам

обсуждался в Министерстве культуры. Этому обсуждению придавалось огромное значение. Поскольку фильм намечал поставить один из признанных мастеров отечественного кино, то он, по замыслу руководства Министерства культуры, должен показать другим режиссерам (в первую очередь, начинающим) какие фильмы ждет от них руководство: фильм «Дочь народа» «должен обязательно сыграть боевую роль не только сам по себе, но еще как значительное противопоставление всем картонным и барабанным фильмам, всему схематизму, который склонны подчас накладывать некоторые наши художники кино»[155]. Г. Ф. Александров подчеркнул: «...здесь нужно обратить внимание и на принципиальную сторону дела. Мы должны кончать в драматургии сценарной, так же как и в театральной, с этой неправильной линией, когда у нас половина фильмов и одна треть спектаклей посвящена выдающимся лицам и совершенно не показываются или показываются очень мало рядовые советские люди. В данном сценарии очень хорошо то, что берутся люди рядовые, люди из народа, они решающую роль играют в общественной жизни, и их мнения, деятельность, судьбы выражают линию развития очень многих судеб людей нашего общества»[156].

С. А. Герасимов ответил министру: «...должен сказать, что очень встревожен и взволнован оценкой работы. Надо сказать, что мы этим не избалованы[157], и я думаю, что сегодняшняя коллегия для меня, например, многое поворачивает в отношении дальнейшего развития нашего искусства»[158]. Жизнь, по словам режиссера, «идет вперед большими шагами» и с каждым днем мы узнаем «новое в жизни». «Дело

советского суда нельзя утрачивать чувство доверия к людям» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 213. Л. 6–7).

155 Там же. Д. 230. Л. 152.

156 Там же. Л. 169.

157 Достаточно вспомнить историю с многократным обсуждением и разбором сценария к неснятому фильму С. А. Герасимова об А. С. Пушкине.

158 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 210. Л. 170.

[Содержание]

заключается в том, что в каждого человека нужно верить... Не заслуживают никакой веры только те, кого приговаривают к высшей мере наказания — расстрелу. Всем другим мы даем возможность исправиться»[159]. Эти слова Герасимова, а также сюжет фильма отражают процесс трансформации взглядов, их постепенной эволюции. В большой степени на творческое решение сценария оказали влияние перемены, происходившие с весны 1953 года: начавшийся процесс реабилитации, а так же арест Берии.

Литературный сценарий был утвержден приказом министра культуры СССР от 19 мая 1954 г. Фильм был запущен в подготовительный период 31 декабря 1954 года, срок его окончания — 31 марта 1954 года. Режиссером должен был стать автор сценария. Но, в связи с тем что Герасимов в тот момент осуществлял постановку фильма «Надежда», решением Главного управления по производству фильмов постановка фильма «Дорога правды» была передана режиссеру Б. Барнету[160]. Руководство киностудии им. М. Горького отмечало, что сценарий «написан в присущей С. Герасимову манере — в форме неторопливого рассказа, киноповести». Но эти особенности герасимовской манеры «поставили в затруднение режиссера Б. Барнета, когда он начал работать над режиссерским сценарием. После некоторых безуспешных попыток организовать литературный материал сценария с позиции своего режиссерского творческого видения Б. Барнет обратился к руководству студии с заявлением освободить его от постановки фильма по этому сценарию»[161]. Герасимов просил руководство киностудии им. М. Горького об «основательной доработке сценария», чтобы осуществить постановку в 1955–1956 гг. Финансовый отдел Министерства культуры СССР на примере этого филь-

[159] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 210. Л. 173–174.

[160] Самые известные фильма Б. В. Барнета — «Подвиг разведчика» и «Окраина».

[161] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 312. Л. 170.

ма утверждал, что главное управление по производству фильмов не «осуществляет контроль за работой киностудий и еще не устранило неправильной практики запуска фильмов... по недоработанным литературным сценариям, создающей видимость выполнения плана запуска фильмов в производство»[162]. Постановку фильма по сценарию С. Герасимова передали режиссеру Яну Фриду. Картина была запущена в производство приказом от 30 декабря 1955 года на киностудии «Ленфильм»[163].

Министерство культуры СССР сообщало о новых установках в сфере создания фильмов и в некоторых нормативных актах. Изменения коснулись даже фильмов-сказок. Так, по результатам обсуждения сценария М. Кочнева к фильму-сказке «Илья Муромец» было принято решение одобрить и принять его за основу. Но, вместе с тем предписывалось сократить количество батальных сцен, а также устранить излишнюю и ненужную пышность в изобразительном решении фильма; основное внимание направить на глубокое раскрытие характеров героев, их мыслей, чувств и переживаний[164].

26 мая 1954 года был принят план производства художественных фильмов на 1954–1955 гг. Согласно этому плану, «в отличие от прошлых лет», загружались все киностудии страны. В 1954 году намечалось выпустить 35 художественных фильмов, а в 1955 году — 45. Резкое увеличение (в три раза по сравнению с количеством фильмов, созданных в 1952 году) количества создаваемых фильмов было запланировано без какого-либо значительного увеличения производственных мощностей (киностудий). То есть косвенно свидетельствовало о том, что развитие отечественной киноиндустрии в начале 1950-х гг. искусственно сдерживалось. Основное место в плане занимали «фильмы на со-

[162] Там же. Д. 312. Л. 169.
[163] Там же. Д. 331. Л. 222.
[164] Там же. Д. 212. Л. 4.

[Содержание]

временные темы, которые распределяются следующим образом: о жизни рабочего класса — 8 фильмов, колхозного крестьянства — 14 фильмов, интеллигенции — 15 фильмов, о Советской армии и Флоте — 2 фильма, на международные темы — 3 фильма. В число фильмов на современные темы входят 11 кинокомедий. Кроме того, план предусматривает создание 9 фильмов для детей и юношества, 8 спортивных и приключенческих фильмов, 5 музыкальных и 11 историко-революционных и исторических кинокартин»[165]. Таким образом, из общего числа фильмов, исторических было только 11, или около 14%. Для сравнения, в плане на 1954 год, представленном в апреле 1953 года, фильмов на исторические темы было 35% от общего количества.

В конце июля 1954 года, во время обсуждения плана производства художественных фильмов выпуска 1954 года, не только ведущие режиссеры, но и руководители Министерства культуры выступили с резкой критикой практики, существовавшей в кинопроизводстве. Режиссер А. Б. Столпер заявил: «Зачем нужен лозунг «Лучше меньше, да лучше»? Нужен лозунг «Лучше больше да лучше». Но ведь этот первый лозунг шел не от нас. Вот возьмите, что случилось со мной. Я четыре года ничего не ставлю, это внешне, но я за это время уже ставил три картины, но эти картины закрыли»[166]. По его мнению, «идиотическая система производства, которая у нас сложилась, на сегодня не сломлена, и на сегодня эта система производства будет болтаться в ногах Министерства и главного управления и будет ставить свои ограничения»[167]. Режиссер М. Калатозов[168] считал, что «чрезвычайно сложный процесс происходит сейчас

[165] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 213. Л. 58.
[166] Там же. Д. 232. Л. 132.
[167] Там же. Л. 134.
[168] Во второй половине 1940-х гг. он непродолжительное время занимал должность заместителя министра кинематографии СССР.

в производстве. За последнее десятилетие существования советской кинематографии существовала определенная тенденция, которая не могла не отразиться на формировании творческих работников. Нас воспитали таким образом, что многое обещали, много говорили, и по существу, все оставалось на своем месте». По мнению Калатозова, «не случайно, что сегодня здесь так мало творческих работников. Я знаю, что целый ряд товарищей, которых вызывали, прикрываясь объективными причинами, не явился. Почему не явились? Они не верят в те процессы, которые проходят, и это недоверие имеет под собой основание»[169]. А заместитель министра культуры СССР Н. П. Охлопков сказал: «...когда я говорю с творческими работниками о том, что довольно принимать сценарии с схематическими образами, что нужны живые, полнокровные люди, то ко мне творческие работники начинают присматриваться, что это — моя личная линия как художника или же это линия Министерства?»[170] И, в связи с этим, Охлопков просил министра Александрова выступить с программной речью для сценаристов и режиссеров[171]. Выступление министра, по мнению Охлопкова, было необходимо потому, «что не так просто люди работали последние годы над тем, чтобы человек перестал быть живым человеком, чтобы быть вешалкой, выбивали все, а теперь они присматриваются и думают, что это выдумка Охлопкова или его творческая позиция, когда мы говорим, что надо показывать живую личность, что любовь нужна и т. д. Так они говорят, что это за странности такие»[172]. Охлопков не персонифицировал людей, выбивавших живое. Такая абстрактность в критике недавнего прошлого была характерна для всего периода с марта 1953 по февраль 1956 года. Директору ки-

[169] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 213. Л. 147.
[170] Там же. Л. 127.
[171] Там же. Л. 127.
[172] Там же. Л. 128.

ностудии «Мосфильм» С. Кузнецову, пытавшемуся выступить с критикой режиссеров А. Столпера и И. Пырьева, был дана отповедь со стороны министра. А вскоре С. Кузнецов был снят с должности (об этом эпизоде см. выше). Министр занял сторону творческих работников. Относительно слов Калатозова Г. Ф. Александров заявил: «...то, что говорит т. Калатозов, это правильно. Мы встречаемся с традициями, которые сложились в кинематографе. Мы должны это изменить»[173].

Безусловно, в своих выступлениях и действиях Г. Ф. Александров ориентировался на указания, которые он получал во время встреч с руководителями страны Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущевым. Об этом сам министр говорил неоднократно[174].

К осени 1954 года И. А. Пырьевым были закончены съемки фильма «Испытание верности», последний его фильм с участием М. Ладыниной. Фильм получил в целом положительную, даже восторженную оценку со стороны обновленного руководства Главного управления кинематографии: «Этот фильм является большим и принципиально важным произведением киноискусства, интересным по своему творческому замыслу и художественному решению. Значение его состоит прежде всего в том, что, рассказывая о жизни одной рабочей семьи, фильм поднимает вопросы морали, этики, личной жизни советских людей, — то есть те важные проблемы, которые в последние годы находили весьма слабое отражение в киноискусстве»[175]. Отдельной похвалы удостоились молодые артисты: «Колоритны в фильме образы молодых рабочих — Вари (артистка Гребешкова) и Петра (артист Михайлов). Исполнители этих ролей сумели правдиво раскрыть в созданных ими образах лучшие черты нашей молодежи, показать юную, чистую любовь молодых

[173] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 213. Л. 150.
[174] Там же. Л. 150.
[175] Там же. Д. 222. Л. 72.

людей»[176]. На листах архивных документов сохранились пометки министра — слова «Тема народа» выделены жирным и подчеркнуты[177].

Обсуждение картины в Министерстве культуры состоялось 20 октября 1954 года[178]. О фильме положительно высказались и руководство Министерства, и коллеги Пырьева. Так, первый заместитель министра культуры С. В. Кафтанов назвал эту картину «первой ласточкой», которую ждет народ[179]: «...я с удовольствием смотрел этот фильм. В этом фильме, мне кажется, наиболее ярко и убедительно, хорошо даны образы рабочих. Даже если сравнивать с картиной «Большая семья», здесь более ярко даны рабочие, обаятельный человек, государственный ум и очень умный человек вообще. За все время работы[180] я не помню, что бы картина была сделана так хорошо, как эта картина. Поставлена очень смело и очень смело решена. Решена без сусальности, лакировки. Есть эти вопросы в нашей жизни. Мы как-то пугались острых вопросов в жизни советских людей. Это очень смело и очень сильно дано. Следующий вопрос, который мне очень понравился там, это любовь. О любви мы говорили, как о явлении второстепенном, особенно в кино. В пьесах люди пахали, работали, а любовь занимала второстепенное место. Любовь молодежи должна быть показана чистой, настоящей... Он раскрыл всю красоту этого чувства волнующего, мне это очень понравилось[181]...». Несколько позднее тему отображения человеческих взаимоотношений в отечественном кино развил и министр Александров. Он вспомнил, что на его вопрос, почему жители Вены не ходят на советские фильмы, директор венской киносту-

[176] Там же. Л. 73.
[177] Там же. Л. 75.
[178] Там же. Л. 67.
[179] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 234. Л. 167.
[180] Вероятно, имеется в виду работа Кафтанова в Министерстве культуры, т. е. с марта 1953 г.
[181] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 234. Л. 167.

дии ответил: «...у меня много друзей, они говорят — вообще в Советском Союзе любят друг друга или нет? Если судить по фильмам, никогда даже юноша девушку не поцелует»[182]. Примерно о том же сообщал, делясь своими впечатлениями от беседы с другим иностранцем, и Н. П. Охлопков: «...я долго разговаривал с одним иностранным товарищем, который у меня долго выспрашивал, почему советская кинематография провалилась, (он не сказал «провалилась», а мягче выразился), почему она не так удачно прошла в Каннах? Я, может быть, не очень ловко, не очень хорошо, но задал такой вопрос — «А как вы думаете?». Он мне... сказал: «Вы перестали быть человечными в фильмах». Почему? Как мы утратили это? Но такое положение мы можем констатировать»[183]. Заместитель министра А. И. Назаров критиковал «Испытание верности», но только за приукрашивание обстановки, в которой живут рабочие: «...я не знаю, откуда у наших режиссеров берется такое желание — надо или не надо — приукрасить жизнь. Вот квартира рабочего. Зачем перегибать?.. Я сам из рабочих, я знаю, как мой дед жил, как отец жил, как я сам жил и как я сам живу, хотя я и заместитель министра. Вот недавно выпустили «Стрекозу» — возмущаться можно, насколько извращают наше материальное существование. Это вызывает только протесты. И здесь то же самое. Зачем надо давать семью рабочего в такой обстановке?»[184]. Но в целом картина «Испытание верности» получила одобрение руководства Министерства культуры. Так, еще один заместитель, В. С. Кеменов, сказал, что фильм можно выпускать на экран, а Н. П. Охлопков заявил: «...очень важно, что товарищи единодушно высказались о фильме. Партия и Правительство ставили вопрос о качестве наших художественных фильмов, а зритель наш голосовал против фильмов последних лет, не посещая их, руга-

[182] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 236. Л. 41.
[183] Там же. Д. 230. Л. 92.
[184] Там же. Д. 234. Л. 178.

[Содержание]

ли нас, кинематографистов»[185]. Николай Павлович считал, что «мы в кинематографии дошли до того, что итальянская кинематография, взяв у нас все положительное, вдруг предстала перед глазами людей как кинематография, открывающая все новое, когда первое слово принадлежит нам. У нас образы засохли...»[186]. По Охлопкову, «итальянцы во многом скопировали нас самих, а мы утеряли то, что они от нас взяли. Это — естественность, простота, внутренняя эмоциональная насыщенность, без того, чтобы человек вставал на котурны; это жизненность, это — многоплановость характера, это — пушкинский взгляд на образ, когда он противопоставлял Шекспира Мольеру; говоря о Шекспире, он упоминал о многообразии в обрисовке характеров; говоря о Мольере, он говорил об однообразии в этом смысле, и т. д. Это все у нас было, и мы все это растеряли»[187]. С выходом на экран этого пырьевского фильма, согласно Охлопкову, «снова появилась на экране душа человека, его думы, сомнения», а они «очень важны и нужны»[188].

Руководству Министерства вторили режиссеры. Г. В. Александров вспомнил, что ранее, в начале 1950-х гг., «эта пьеса ставилась в театре, это было довольно убогое зрелище, она долго не продержалась и сошла со сцены, потому что коллектив не раскусил этого сюжета»[189]. Насколько искренней была похвала со стороны Г. В. Александрова (в юности он был другом Пырьева, а после назначения последнего директором «Мосфильма» оказался в некоторой степени в зависимом положении от него), неизвестно. Г. Ф. Александров также заявил: «...мне кажется, автор, режиссер и коллектив справились отлично со своей задачей»[190]. По его мнению, фильм «имеет очень важное значение как веха, когда наше

[185] Там же. Л. 180.
[186] Там же. Л. 180.
[187] Там же. Д. 230. Л. 89.
[188] Там же. Д. 234. Л. 180.
[189] Там же. Л. 172.
[190] Там же. Л. 172.

киноискусство взялось и выполнило задачу показа именно современной жизни простых людей, их личной жизни, связанной с производством и работой, где баланс между общественным, трудовым и личным поведением очень хорошо сделан и автором и режиссером. Это очень важная, принципиальная веха советского кино. Картину надо принять и рекомендовать к выпуску на экран. Пожелать ей успеха»[191].

Итоги обсуждению подвел министр культуры: «...на опыте Вашей картины идет разговор, как дальше строить, товарищи рассуждают, как пойдет развитие кинематографии. Важно то, что Ваша основная мысль встала на путь, показала бытовых людей из народа. Это очень важно, это решающее, что происходит в кинематографии. Если мы эту линию поддержим и будет несколько удач, в которых разные слои будут показаны с разных сторон, это то, что собственно требуется»[192]. Кинокартина была одобрена к выходу на экран с незначительными переработками.

Примечательно, что на той же коллегии после «Испытания верности» обсуждался фильм «Великое братство»[193]режиссера В. М. Петрова. В 1954 году отмечалось 300-летие воссоединение Украины с Россией, картина была посвящена этим историческим событиям. Руководство Министерства критиковало работу Петрова за то, что он был снят в манере, присущей историко-биографическим фильмам периода «малокартинья»: «...здесь показан герой, который думает за народ. Здесь нет народа, не народ, а только масса...»[194] — говорил Н. П. Охлопков. О том же заявил министр культуры: «Здесь все сделано хорошо, мастерски, но все как бы устарело. Это все тянет назад. Здесь правильно говорили, что нет народа, здесь мно-

[191] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 234. Л. 173.
[192] Там же. Л. 186.
[193] Другое рабочее название «Богдан Хмельницкий». Фильм был закончен в 1956 году, на экраны вышел под названием «300 лет тому...».
[194] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 234. Л. 199.

го толпы, но не народ»[195]. Помимо этого, работу Петрова критиковали за излишества в декорациях и большой бюджет. В пример министр поставил индийский фильм «Бродяга», в котором «буквально все на экономии построено — на макетах, на декорациях. Никаких сложных сооружений не делали. А фильм очень хороший»[196]. Надо отметить и сам факт того, что министр поставил в пример зарубежный фильм в плане организации съемок. Подобное в начале 1950-х гг. невозможно представить. Режиссеру Петрову было рекомендовано сократить батальные и дворцовые сцены, исключить ненужную помпезность и излишнюю масштабность. Вместе с тем «максимально усилить образы простых людей из народа»[197]. Несколько позднее начальник Главного управления кинематографии К. С. Кузаков говорил об этом так: «...может быть несколько решений в постановке фильма. Можно идти по легкому пути: строить дворцы огромных масштабов, воспроизводить все в дворцах, снимать все времена года... У нас есть другой опыт. Не обязательно снимать самое дорогое, самое лучшее. В искусстве волнует не то, что повышенно сделано, а то, что подлинно воздействует на человека»[198]. Примерно об этом же говорил писатель, член коллегии Министерства культуры СССР К. М. Симонов: «...мы очень часто затыкали дыры нашего несовершенства в искусстве богатством постановки, пышностью и т. д.»[199].

На примере обсуждения этих двух картин — на современную тему и на историческую — видно, какие приоритеты расставляло руководство Министерства перед творческими работниками. Если «Испытание верности» было одобрено, то работа над фильмом «Великое братство» не просто

[195] Там же. Л. 207.
[196] Там же. Л. 211.
[197] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 222. Л. 70.
[198] Там же. Д. 342. Л. 101.
[199] Там же. Л. 122.

была подвергнута критике, а признана «совершенно неудовлетворительной». А ведь совсем недавно историко-биографические фильмы режиссера В. М. Петрова считались одними из эталонных в этом жанре.

К 1955 году С. А. Герасимов закончил работу над фильмом «Надежда». Название фильм получил по имени главной героини. Сюжет фильма не был выдающимся: рассказывалось о перипетиях во взаимоотношениях молодых людей. Главная героиня решила поехать на целину, а ее молодой человек ехать не хотел. И на этой почве происходят коллизии между Надеждой и ее молодым человеком. Длительность картины всего 47 минут. И поэтому его сложно отнести к полнометражным фильмам. Герасимов, бывший еще и автором сценария к фильму, при выборе названия очень точно уловил настроения того периода в обществе, связанные с большими ожиданиями и большими надеждами на изменения жизни к лучшему. Так, название фильма стало знаковым, а поскольку фильм был на актуальную тему, то, в определенной степени, стал конъюнктурным. И на фоне снимавшихся ранее лакировочных, бесконфликтных и сусальных фильмов «Надежда», безусловно, стала событием. Герасимов говорил, что когда картина вышла, то его «обнимали за этот фильм»[200]. Но прошло совсем немного времени, и весной 1955 года этот фильм был подвергнут критике новым министром культуры Н. А. Михайловым за поверхностное отношение к теме и за то, что он «ни в коей мере не отражает борьбы партии и народа за подъем сельского хозяйства»[201].По мнению Михайлова, «приступив к съемкам этого фильма, т. Герасимов «перестроился на ходу» и в полном смысле слова, именно на ходу, сочиняя варианты сценария, дал новый поворот фильму»[202].

Выступая на коллегии Министерства культуры 21 апреля 1955 года Герасимов заявил о «Надежде»:

[200] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 344. Л. 50.
[201] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 131. Л. 27–35.
[202] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957. С. 411.

[Содержание]

«...сегодня [она] несколько поспешно вставлена в разряд серых, безыдейных и т.д. В прошлый раз ее там не было, а сейчас она фигурирует как серая, безыдейная. Я не могу с этим согласиться, потому что если она серая, то не безыдейная, — хоть это не отнимайте»[203].

Весной 1955 года С. А. Герасимов подвергся жесткой критике со стороны министра культуры Н. А. Михайлова не только за фильм «Надежда», но и за высказывания о том, что в СССР отсутствует свобода творчества. В своей мастерской С. А. Герасимов (будучи членом партии и депутатом Верховного Совета) выступал в том духе, что «искусство у нас зажато», намекал, «что нет свободы творчества»[204]. После критики С. А. Герасимов обратился к экранизации романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» — в плане, утвержденном в ноябре 1955 года, значилось производство им на киностудии имени М. Горького двухсерийного фильма по сценарию С. А. Герасимова в 1957 году[205].

Критиковали и «ошибочные» высказывания преподавателя ВГИКа режиссера Л. В. Кулешова[206].

Важным событием в отечественной кинематографии середины1950-х гг. стал фильм «Жена» (в прокате — «Урок жизни») Юлия Райзмана. Он был закончен весной 1955 года и обсуждался на коллегии Министерства 28 мая 1955 года. В заключении на эту кинокартину, составленном руководством главного управления по производству фильмов, указывалось, что авторы фильма поставили перед собой «сложную и мало разработанную в нашем киноискусстве задачу — рассказать об основах, на которых строятся семейные отношения и любовь советских людей»[207]. Среди досто-

[203] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 342. Л. 111.
[204] Там же. Д. 344. Л. 34.
[205] Там же. Д. 326. Л. 167.
[206] Там же. Д. 312. Л. 4.
[207] Там же. Д. 344. Л. 124.

[Содержание]

инств фильма — сосредоточение внимания на раскрытии внутреннего мира человека, на выявлении его чувств и переживаний», отсутствие «схематизма и дидактичности»[208]. Перед обсуждением фильм был показан в Доме культуры имени Горбунова перед рабочей аудиторией. Зрители отмечали «жизненную правдивость» фильма и его «высокое художественное мастерство». Из серьезных замечаний к этому фильму было только предложение о замене названия «Жена», поскольку оно «не дает представления о главной теме и содержании фильма»[209].

Один из мастеров отечественного кино А. Столпер к середине 1955 года закончил работу над фильмом «Дорога». Он был снят в практически исчезнувшем в советском кино к 1953 году жанре приключенческого и детективного фильма. Несмотря на некоторые логические неточности и нестыковки фильма, главное достоинство — сам жанр, в котором он снят. Режиссер в картине пытался раскрыть «интересные образы простых советских людей — это наиболее ценное, что следует отметить в фильме «Дорога»[210]. В нем раскрываются замечательные качества советских людей в момент опасности, показывается, что одни скромные и незаметные люди становятся способными на героические поступки, другие в момент испытания оказываются трусами, себялюбцами...»[211]. Картина, как и предшествующие работы И. Пырьева, С. Герасимова и Ю. Райзмана, при первом обсуждении получила поддержку и со стороны ведущих режиссеров (Г. Александров, Л. Арнштам, С. Юткевич), и со стороны руководства Министерства. И. Пырьев, хотя и очень сдержанно отнесся к картине, но отметил, что он «будет иметь успех у зрителя»[212]. Заместитель Главного управления по производству фильмов Д. С. Пи-

[208] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 344. Л. 128.
[209] Там же. Л. 129.
[210] Там же. Д. 348. Л. 84.
[211] Там же. Л. 22.
[212] Там же. Л. 31.

саревский отметил, что, несмотря на имеющиеся недостатки, «Дорогу» можно выпускать на экраны без исправлений — «он и так понравится зрителям», «зритель любит такие фильмы»[213]. Одна из причин заведомого успеха картины проста — почти полное отсутствие современных отечественных приключенческих фильмов. Этим отчасти объясняется успех фильма К. К. Юдина «Застава в горах», который после многочисленных исправлений был закончен в 1953 году. Важность обсуждения картины «Дорога», как и ряда предшествовавших ей, состояла в том, что, по словам Н. П. Охлопкова, «мы сейчас обсуждаем не только эту картину, мы обсуждаем еще два или три десятка последующих картин»[214]. Фильм Столпера «должен послужить сильнейшим уроком, что никаких компромиссов, все должно быть закручено крепко, чтобы за судьбу людей мы и дрожали, и волновались, и плакали, и восхищались»[215]. Интересно, что сценарий фильма был написан примерно в середине 1940-х гг. и о нем вспомнили после того, как было принято решение о резком увеличении производства фильмов в 1953 году. Отредактированный, модернизированный вариант стал основой для фильма[216]. Фильм сравнивали с французским «Плата за страх», снятым в 1953 году в том же жанре и очень популярным в то время. Первый заместитель министра культуры С. В. Кафтанов отмечал, что «там так разработан сюжет, что ничего нельзя выбросить, и фильм так берет вас за душу, что до конца фильма не выпускает»[217]. По сравнению с французским фильмом «Дорога» проигрывала, в первую очередь, в том смысле, что была затянута (в особенности первая половина фильма). В принципе, сам факт сопоставления на государственном уровне отечественного кино с зарубежным не только лишало его исключительности

[213] Там же. Л. 22.
[214] Там же. Л. 27.
[215] Там же. Л. 29.
[216] Там же. Л. 30.
[217] Там же. Л. 33.

и непогрешимости в смысле приемов и методов, но и способствовало, если можно так выразиться, большей интеграции советского кинематографа в лоно мирового.

Нельзя не отметить, что часть известных режиссеров в середине 1950-х гг. оказалось в простое. Среди тех, кто после 1953 года не снимал фильмы, режиссеры: Г. Александров, М. Ромм, А. Довженко, Г. Козинцев, А. Роом. Из них в самом длительном простое находился А. П. Довженко. Вот как он сам говорил о ситуации, в которой оказался, о предложенных ему и не снятых им сценариях:

> «“Тарас Бульба” — сценарий, по которому можно было сделать мировой фильм! Готовый режиссерский сценарий... Время проходило, сценарий продолжал лежать. Потом мне объяснили, что мы не можем ставить этот фильм, потому что он может обидеть поляков. Так что, у Циранкевича[218], что ли, нужно было просить какого-то разрешения на постановку этого фильма? Я просил разрешения у товарища Сталина, который меня в этом вопросе поддержал. Потом мне сказали, что неудобно спрашивать, потому что если откажут, то мы поставили бы его в неловкое положение... И все-таки к этому фильму я еще думаю вернуться и снимать его.
>
> Далее. «Повесть пламенных лет». Уверяю вас, что это один из сильных сценариев, по которому можно было сделать картину на современную тему. Однако сценарий был брошен в какую-то азотную кислоту и растаял... Следующий сценарий — «Открытие Антарктиды»... Далее. «Прощай, Америка» — сценарий, который мне предложили ставить и над которым я работал в течение двух лет. «Китай» — на который меня ориентировали, 4,5 месяца разговаривали с китаеведами, день и ночь... Потом мне заявили, что «Китай» я делать не буду и в Китай не поеду.

[218] Юзеф Циранкевич — в то время руководитель правительства Польской Народной Республики.

> Я взял сценарий о великой стройке коммунизма — «Каховку». «Каховку» закрыли, даже не спросив, в каком он состоянии... После этого я сделал еще пьесу о коллективизации»[219].

И. А. Пырьев в марте 1955 года отмечал: «...одно время в нашей критике появилось тяготение — давайте нам побольше правды, побольше грязи, вы идеализируете людей, не давайте их такими, какими мы их не знаем; эта волна немножко слыхнула»[220].

План производства фильмов в 1955 году на коллегии первый раз обсуждали 10 февраля того же года при министре Г. Ф. Александрове, утвердили уже без него — 16 марта, а дорабатывали при новом министре Н. А. Михайлове в конце апреля[221]. Главная тенденция в этом плане осталась той же, что и в плане на 1954 года, — создание фильмов на современные темы. Александров раскритиковал представленный план за крайне малое количество фильмов на тему осуществления «советским народом генеральной программы... по всемерному развитию тяжелой промышленности и дальнейшему подъему сельского хозяйства»[222]. Это было реакцией на состоявшийся в январе 1955 года Пленум ЦК КПСС. На нем было принято решение о снятии с должности Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова. В вину ему, в частности, ставилось и то, что он выступал за приоритетное развитие легкой промышленности, а также то, что при жизни Сталина, на XIX съезде, в отчетном докладе предоставил неверные данные о состоянии сельского хозяйства.

При обсуждении плана съемок фильмов в 1955 году пытались разобраться в причине падения качества выпускаемых

[219] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 436. Л. 24–26.
[220] Там же. Д. 340. Л. 80.
[221] Там же. Д. 342. Л. 3.
[222] Там же. Д. 337. Л. 2.

картин. Пырьев объяснял это тем, что «если мы, скажем, в 1952–1953 гг. в кинематографии имели установки на биографическую, на историческую тему, на тему, воспевающую личность, то мы сейчас в другую сторону пошли по нашей тематике, по содержанию картин, по решению их по линии человечности, глубины психологии и т.д. Нельзя сказать, что люди писали одно, потом сразу — раз и люди так же хорошо будут писать так, как им сказано. Должен быть определенный творческий процесс, мы имеем дело с живыми людьми. Нельзя сказать, что ты делал так, а сейчас делай так. Должно пройти время. Человек должен осмыслить себя, свои творческие установки и т.д.»[223]. Относительно слабых фильмов молодых режиссеров Пырьев высказался так: «...я знаю таких режиссеров, как Довженко, Эйзенштейн, которые первые свои картины делали очень плохие, и все-таки, несмотря на это, они делали их — одни плохие, другие плохие, а третьи хорошие»[224]. В 1954 году молодыми режиссерами было поставлено 19 фильмов, а в 1955 году работало 37 новых постановщиков[225].

Причин увеличения количества фильмов невысокого качества, как справедливо указывал Пырьев, много. Помимо приведенных, следует отметить и тот факт, что в 1954 году было создано в 3,5 раза больше фильмов по сравнению с количеством фильмов, выпущенных в 1952 году. Таким образом, количество не очень удачных фильмов среди них стало большим. Писатель и член коллегии Министерства культуры СССР К. М. Симонов говорил об этом так: «...фильмы должны быть разного масштаба, разного размаха, жанра, не предъявлять к ним одинакового требования»[226]. Эту тему он развил в мае 1954 года в письме к министру культуры относительно нового фильма Л. Лукова «Этого забывать

[223] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 340. Л. 20–21.
[224] Там же. Л. 21.
[225] Там же. Д. 344. Л. 18.
[226] Там же. Д. 229. Л. 62.

нельзя»[227]: «...это одна из тех добротных картин, которые, может быть, и не будут большим художественным событием каждая порознь, но их должны быть десятки в год, тогда и только тогда среди них родятся и шедевры, в том числе и у того же Лукова — очень талантливого режиссера»[228]. Таким образом, причин появления значительного числа кинокартин невысокого качества в 1953–1954 гг. несколько: рост количества фильмов, в связи с этим увеличение числа неудачных кинокартин, приход в кино новых режиссеров, не имевших опыта работы, изменение установок государства в области кино, в связи с чем многие известные режиссеры пребывали в некоторой растерянности, а также изменение требований к качеству фильмов. Вместе с тем нельзя не заметить, что начиная с 1955 года появляются значительные и знаковые произведения в кино. Большинство фильмов начала 1950-х гг.не сопоставимы с этими картинами.

В очередной раз в начале 1955 года был подвергнут критике период «малокартинья». Один из заместителей министра В. С. Кеменов заявил: «...голод, который был создан в области кинопродукции, изжить невозможно. Это — преступление и с точки зрения народа, и с точки зрения финансов...»[229] Он продолжил жесткую критику тех установок, которые существовали в начале 1950-х гг.: «...мне кажется, что даже речи о том, чтобы вернуться к прежней практике, к прежней неверной установке, что должно быть 5 уникальных фильмов, созданных пятью гениями, даже речи об этом не может быть. Эта установка, мне кажется, где-то даже высмеяна»[230].

В феврале 1955 года было решено отправить план, представленный К. С. Кузаковым, на доработку. Эта доработка была закончена к концу месяца. Главными фильмами,

[227] В прокате — «Об этом забывать нельзя».
[228] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 212. Л. 95.
[229] Там же. Д. 340. Л. 36.
[230] Там же. Л. 37.

по замыслу Кузакова, должны были стать: «Высота» — ставит молодой режиссер Ордынский[231], «История одной любви»[232] — Райзман, из комедий «Каменное сердце»[233] — Самсонов, «6 колонна»[234] — Ромм, «Отелло» — Юткевич, «Салтанат» — Пронин. По «Ленфильму»: «Дело Румянцева» — ...[235], «Наши будни»[236] — Эрнер[237], «Чужая родня» — молодой режиссер Швейц[238]. По студии имени Горького: «К новому берегу» — Луков, «Дорога правды», «Земля и люди» — Ростоцкий. Из комедий — «Солдат Иван Бровкин», из детского фильма «Его товарищи» — Бродский. Киевская студия: «Мать» — Донской, «Великое братство» — по Корнейчуку, «Педагогическая поэма»[239]. Интересно, что первоначально на роль главной героини (Мадлен) в фильме М. Ромма «Убийство на улице Данте» намечалась актриса Э. Быстрицкая. Но в декабре 1955 года она была заменена на другую актрису[240]. Примечательно, что, как минимум, четыре фильма из тех, которые намечались главными в плане 1955 года, периодически демонстрируются по телевидению и сейчас.

Среди совершенно новых тем в этом плане — «Дело Румянцева». В либретто было указано, что фильм «о силе советского коллектива, восстанавливающего доброе имя человека»[241]. В этом фильме впервые была затронута тема несправедливо обвиненного человека, которому впоследствии было возвращено честное имя. Фильм был запущен

[231] Постановщиком стал А. Зархи.
[232] В прокате — «Урок жизни».
[233] В прокате — «За витриной универмага».
[234] В прокат вышел под названием «Убийство на улице Данте».
[235] Так в документе.
[236] В прокате — «Неоконченная повесть».
[237] Так в документе.
[238] Так в документе, правильно — М. Швейцер.
[239] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 340. Л. 9.
[240] Там же. Д. 331. Л. 1.
[241] Там же. Д. 340. Л. 93.

в подготовительный период приказом по Министерству культуры от 29 марта 1955 года[242], в производство — 28 июня 1955 года[243] и снят на цветную пленку в рекордные (по сравнению с фильмами периода «малокартинья») сроки. В конце марта того же года был запущен в подготовительный период фильм «Лев Гурыч Синичкин»[244], постановщик фильма — К. К. Юдин. В записке К. С. Кузакова относительно фильма указывалось, что «воспроизведение водевиля на экране будет полезно и интересно не только с точки зрения задач экранизации лучших произведений нашей отечественной литературы, но и в плане создания нужных советскому зрителю веселых, жизнерадостных, очень «зрелищных» кинокомедий»[245].

Нельзя не отметить и постановку в план съемок фильма «Весна на Заречной улице» режиссеров Ф. Миронера и М. Хуциева, съемки которого планировались на Киевской киностудии. А ведь их дебют, короткометражка «Градостроители», в августе 1952 года был подвергнут разгромной критике на коллегии Министерства кинематографии СССР[246]. В середине 1950-х гг. приходят в игровое кино режиссеры В. Басов, Э. Рязанов[247] (в 1955 году он поставил на «Мосфильме» совместно с С. Гуровым фильм «Счастливая юность»[248], а в плане производства фильмов на 1956 год значился фильм «Ах, сердце!» — комедия — кинообозрение режиссера Э. Рязанова по одноименной пьесе В. Полякова, высмеивающей равнодушие, пошлость, эгоизм, пережитки мещанства в личной и общественной жизни человека»[249]), Т. Абуладзе, Г. Чухрай, С. Параджанов, как

---

[242] Там же. Д. 307. Л. 70.
[243] Там же. Д. 314. Л. 13.
[244] Там же. Д. 307. Л. 199.
[245] Там же. Л. 201.
[246] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3465. Л. 219, 221, 222.
[247] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 331. Л. 8.
[248] Там же. Д. 348. Л. 143. В прокате — «Весенние голоса».
[249] Там же. Д. 352. Л. 74.

автор сценария — писатель Д. Гранин[250]. Намечалась первая самостоятельная постановка режиссера С. Сиделева[251]. Было запланировано создание фильма по сценарию Ольги Берггольц, но замысел не был воплощен[252]. Намечалось создание фильма «В окопах Сталинграда» по одноименной повести В. П. Некрасова на киностудии «Ленфильм». Этот фильм был запущен в подготовительный период приказом министра культуры от 22 декабря 1955 года[253] (режиссер — А. Г. Иванов)[254] и съемки фильма «Брестская крепость» по сценарию К. М. Симонова[255].

Из неосуществленных замыслов, указанных в плане съемок на 1955 год Сценарной студии значилась подготовка сценария по мотивам романа В. Гроссмана «За правое дело»[256]. Фильм по другому его произведению, роману «Степан Кольчугин», был поставлен в тематический план на 1957 год[257] (постановку осуществила режиссер Т. Родионова). В плане, утвержденном в ноябре 1955 года значилась постановка в 1957 году на Тбилисской киностудии фильма

[250] В тематическом плане съемок фильмов, принятом 17 ноября 1955 года был фильм «Искатели» по его сценарию (реж. М. Шапиро) (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 326. Л. 146).

[251] Самая известная картина С. Сиделева — комедия 1957 года «Улица полна неожиданностей», планом 1955 г. намечалось, что в 1957 году он поставит картину «Маша Степанова» о девушке-зоотехнике, возвратившейся после учебы в свою деревню (Там же. Л. 175).

[252] По плану, утвержденному в ноябре 1955 года, предполагались съемки фильма «Перворосcийск» — «об утверждении советской власти посланцами В. И. Ленина, питерскими рабочими на Алтае, о их сыновьях и внуках, ныне поднимающих на этих местах целинные земли. По одноименной поэме О. Берггольц». В качестве режиссера намечался Г. Козинцев (Там же. Л. 169).

[253] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 331. Л. 8.

[254] В прокате «Солдаты».

[255] Фильм вышел в прокат под названием «Бессмертный гарнизон» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 326. Л. 149).

[256] Там же. Д. 337. Л. 75, 93.

[257] Там же. Д. 326. Л. 166.

«Фатима»[258]. В качестве автора сценария был указан классик отечественного немого кино Иван Перестиани (один из самых известных его фильмов — «Красные дъяволята»). Последний раз он работал в качестве сценариста и режиссера к полнометражным фильмам еще до Великой Отечественной войны. Но замысел написания Перестиани сценария к фильму «Фатима» не был осуществлен.

В разделе «Фильмы для детей и юношества» предусматривалась первая экранизация молодого и очень популярного в тот период автора В. Розова — фильм «В добрый час» на киностудии имени М. Горького — этот сценарий о «выборе профессии, о воспитании у молодежи любви к труду»[259]. На этой же киностудии планировали снять «Всадника без головы» по мотивам романа М. Рида. В начале 1950-х гг. экранизаций произведений не только зарубежных писателей, но и классиков русской литературы не было даже в проектах плана. А в декабре 1954 года министр Александров предлагал поставить в план экранизаций произведения К. Гольдони, научно-фантастические и приключенческие произведения иностранных авторов: «...смотрите, какая очередь стоит за подпиской на Жюля Верна. Почему Жюля Верна не использовать для кинематографии? Несколько произведений были использованы, и они успехом пользуются»[260].

Среди «исторических» фильмов была намечена и снята картина «Костер бессмертия» «о научном подвиге Джордано Бруно»[261].

При обсуждении плана вспомнили и о том, что талантливый актер Игорь Ильинский практически не снимается в кино. Н. П. Охлопков еще в мае 1954 года сказал, что И. Иль-

---

[258] Это «экранизация одноименного произведения осетинского писателя К. Хетагурова» (Там же. Д. 326. Л. 188).

[259] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 340. Л. 126.

[260] Там же. Д. 235. Л. 42.

[261] Там же. Д. 340. Л. 88.

инский мог консультировать авторов комедийных фильмов, на что один из участников обсуждения заметил: «...актер Ильинский и сам может играть в кино», и Охлопков подтвердил: «...кстати говоря, Ильинский и сам может играть в кино»[262]. И вот, в марте 1955 года опять затронули эту тему. Один из заместителей министра Н. Е. Твердохлебов заявил: «Закройщик из Торжка» идут смотреть только потому, что там играет Ильинский. Надо делать кинозвезд, тех, кто нравится, надо снимать из фильма в фильм. Это играет главную роль в нашей кинематографии»[263]. Предложение о привлечении в кино Игоря Ильинского поддержал и начальник Главного управления кадров Министерства В. Ф. Рязанов: «Он очень не загружен. В театре он используется, но это безобразие, что десятки лет он не используется на экране... Дайте ему возможность не только ждать, когда для него напишут, он ждет уже 15 лет, а соедините его с хорошим писателем...»[264]. Вероятно, отчасти благодаря такому вниманию к дарованию Ильинского со стороны руководителей Министерства, было предопределено его участие в съемках ставшей популярной «Карнавальной ночи». Тема создания института звезд в отечественном кинематографе была продолжена в октябре 1955 года тем же Твердохлебовым: «Нашим громадным упущением является то, что наша кинематография растеряла любимых народом актеров. Зритель идет не только на название, не только на режиссера, но и на актера. У нас были любимые актеры — герои, комики, простаки, — мы их растеряли. Нужно отобрать этих людей, снимать их из картины в картину. Помимо личных качеств, звезды надо еще и сделать, — надо рекламировать и актеров. У нас должны быть постоянные кадры киноактеров»[265]. А ведь еще три года назад существовала практика публичного «избиения» ведущих деятелей кино.

[262] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 229. Л. 109.
[263] Там же. Д. 340. Л. 32.
[264] Там же. Д. 340. Л. 42.
[265] Там же. Д. 352. Л. 12–13.

Несколько позднее Н. П. Охлопков заявил: «...я не боюсь сказать, что нужен и развлекательный жанр, — не такой, какой делается для детей, но в котором и нет проблем «Гамлета», «Бориса Годунова». Первая просьба — побольше комедий. Публика любит смеяться. Это после большого, огромного молчания в области комедии...»[266].

Приказом от 30 апреля 1955 года было принято решение о производстве на киностудии «Мосфильм» фильма «Отелло» (режиссер С. Юткевич)[267]. В конце 1954 года он принял предложение заместителя министра культуры Н. П. Охлопкова о постановке этого фильма. Затем Юткевич беседовал в ЦК КПСС по этому вопросу. Решение о постановке «Отелло» за рубежом вызвало резонанс. Польский журнал «Фильмовник квартальный» опубликовал режиссерскую экспликацию, сообщение о планах экранизации «Отелло» было опубликовано и в лондонской «Таймс». На основании последнего от английских кинофирм стали поступать предложения о совместной постановке «Отелло». В роли исполнителя главной роли С. Юткевич изначально видел американского актера Поля Робсона[268].

Интересно, что одним из первых приказов, подписанных Н. А. Михайловым в качестве министра культуры СССР, был приказ «О мероприятиях по созданию научно-популярных фильмов в связи с решением январского пленума ЦК КПСС и о мерах по обеспечению их широкого показа населению»[269]. Им предусматривалось создание целого ряда научно-популярных и документальных фильмов, популяризирующих выращивание кукурузы.

В 1955 году была подкорректирована линия развития киноиндустрии. На первой коллегии с участием Н. А. Михайлова министр обрушился с критикой на Главное управ-

266 Там же. Д. 342. Л. 128.
267 Там же. Д. 309. Л. 129.
268 Там же. Д. 309. Л. 134.
269 Там же. Д. 308. Л. 250.

[Содержание]

ление кинематографии и его руководителя К. С. Кузакова за слишком «либеральный» подход к составлению смет кинофильмов и неэффективное использование средств. В полемику с министром вступил член коллегии, директор «Мосфильма» И. А. Пырьев: «...у нас есть недостатки, но у нас есть и достоинства, которые появились за 2 года»[270]. Он заявил, что состояние в кинематографии нельзя характеризовать только как плохое. Нельзя запугивать молодежь, «потому что она и так запугана, полузагнана и временем, когда людям не давали 25 лет возможности ставить, и тем, что опыта у них нет»[271]. Пырьев заявил, что «надо ломать старую систему» и что «можно работать лучше, скорее, дешевле, но для этого нужны конкретные предложения». Он сказал, что необходимо «упразднить вообще старую систему, существующую с 1937 года, которая мешает нам, связала нам руки — по подготовительному периоду, по репетициям, по всему»[272]. В споре с министром Михайловым Пырьева поддержали режиссеры С. А. Герасимов и Г. Л. Рошаль. Герасимов, в частности, сказал: «...и мы хотим делать лучше. А не так, как аппарат всегда прав, а мы предмет для изучения, не задумали ли мы какие-то еретические мысли»[273]. Рошаль поддержал картину Герасимова «Надежда»: «...я, наверно, один останусь, но я лично смотрел взволнованно, я ничего вредного не нахожу». Он же едва ли не единственный из режиссеров периода «малокартинья» критически высказался о собственном опыте работы в жанре историко-биографических фильмов: «...мне стыдно, что я делал «Мусоргского», «Павлова»[274].

Среди значительных по теме картин, выпущенных в первой половине 1955 года в приказе по Министерству культуры СССР, подписанном 30 августа 1955 года первым за-

[270] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 342. Л. 106.
[271] Там же. Л. 106.
[272] Там же. Л. 108.
[273] Там же. Л. 114.
[274] Там же. Л. 117.

[Содержание]

местителем министра С. В. Кафтановым, отмечались: «К новому берегу» (реж. Л. Луков), «Крушение эмирата» (режиссеры В. Басов и Л. Файзиев), «Салтанат», (реж. В. Пронин), «Они спустились с гор» (реж. Н. Санишвили), «Овод» (реж. А. Файнциммер), «Попрыгунья» (реж. С. Самсонов). К слабым фильмам были отнесены фильмы «Ляна» (реж. Б. Барнет), «Сестры Рахмановы» (реж. К. Ярматов), и, как ни странно, фильм «Доброе утро» (реж. А. Фролов)[275]. Этот фильм периодически демонстрируется в настоящее время. И, возможно, повторный показ является свидетельством того, что он выдержал испытание временем.

Корректировку в киноиндустрии в начале 1956 года констатировал заместитель министра культуры СССР В. Н. Сурин: «1955 год показателен и симптоматичен. Если мы его правильно проанализируем, то изучим ошибки, которые были обнаружены. Мне думается, что основной недостаток фильмов выпуска 1955 года (это относится не только к «Мосфильму», но и ко многим другим студиям) заключается в том, что мы выпускаем фильмы на незначительные, маловажные, малоинтересные темы. В этих фильмах зачастую затрагиваются личные судьбы отдельных людей, частные вопросы их жизни в быту, то есть мелкие, частные проблемы, и не затрагиваются глубокие идейные, политические вопросы...»[276]. По мнению Сурина, такие фильмы, как «Дело Румянцева», «Неоконченная повесть» Эрмлера, «Продавцы и покупатели» («За витриной универмага»), «Урок жизни», «Сын», выпущенные в 1955 году, — хорошие, интересные, но затрагивают небольшие темы — «масса неустроенных личных жизней, которая не определяет уровня жизни и характера деятельности, содержания процессов, которые происходят в жизни страны»[277]. Министр Михайлов ссылался в этом вопросе на Хрущева: «Никита Сергеевич недавно говорил, что нет противоречия в том, что и хвалят и критикуют.

[275] Там же. Д. 318. Л. 239.
[276] Там же. Д. 436. Л. 46.
[277] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 342. Л. 47.

Говоря о хорошем, мы вскрываем и недостатки и ищем пути, чтобы улучшить работу»[278]. Михайлов подверг решительной критике не только саму практику съемки малого количества фильмов, но и изменение тематического плана съемок в процессе его выполнения, а также положение о порядке утверждения сценариев к фильмам: «...думаю, что у нас в руководстве делом кино имели место серьезные недостатки, а порой ошибки. Ошибкой, несомненно, было то, что мы свели выпуск фильмов к 5–6 фильмам в год. Ошибкой было то, что иногда не только на полпути, а, может быть, иногда и на одной трети пути тему изменяли, говорили, что она теперь не нужна, и начиналась другая тема»[279]. Относительно положения, созданного в 1947 году, Михайловым было заявлено, что оно стало как издание — «библиографической редкостью, а как положение — архаизмом. Например, сценарий литературный должен утверждать министр кинематографии»[280]. Это было критикой порядков в кинематографии, существовавших при Сталине. Ныне политическое руководство страны не только само задавало тон изменениям в руководстве в сфере кинематографии, но и оказывало поддержку начинаниям в сфере киноискусства: «Центральный комитет партии и его Президиум, — это только за счет Центрального комитета партии и Правительства надо отнести, — поддержали все то, что просило Министерство относительно кино. Я не ошибусь, если скажу, что 30% всех капиталовложений пойдет на кино, даже больше»[281].

В октябре 1955 года, при обсуждении плана производства фильмов в 1956 году, министр культуры Н. А. Михайлов призвал закончить считать большим достижением сам факт резко возросшего количества снимаемых фильмов: «...может быть, нам пора с воспоминаниями о периоде 6 картин в год уже покончить. Мы уже выросли из этого

[278] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 342. Л. 56.
[279] Там же. Л. 57.
[280] Там же. Л. 64.
[281] Там же. Л. 67.

настолько, чтобы нам не брать это как пример, откуда мы начали свою творческую деятельность»[282]. Так министром задавались новые критерии оценки достижений в сфере кинематографии.

В начале 1956 года Михайлов так видел задачу Министерства в области кинематографии: «...не командуя, не администрируя, не насаждая вкусовщины, а прислушиваясь к мнению творческих работников, можно организовать дело. Только так мы понимаем»[283].

После того, как были осуждены основные принципы и установки периода «малокартинья» в плане художественного решения кинофильмов, в 1954–1955 гг. достигнуто резкое увеличение количества создаваемых фильмов, началась интенсивная работа по расширению, реконструкции и техническому переоснащению киностудий, освоение новой техники съемок, в частности широкоэкранного кино и стереофонического звука[284].

Михайлов главную задачу кинопроизводства в 1956 году, выразил в трех установках: «За высокое качество кинокартин! За сокращение сроков производства! За удешевление стоимости!»[285] По представленному в октябре 1955 года плану, в 1956 году предусматривалось создание 75 полнометражных художественных фильмов. Из них 48 кинокартин на современную тему, 11 фильмов на историко-биографическую тематику, 7 кинокомедий, 4 фильма для детей, 4 спортивных и приключенческих фильма[286].

Наряду с «реабилитацией» некоторых фильмов, созданных ранее, происходило возвращение авторов и литературных произведений[287], находившихся под запретом: официальным или неформальным. В частности, возвра-

[282] Там же. Д. 352. Л. 19–20.
[283] Там же. Д. 436. Л. 71.
[284] Там же. Д. 195. Л. 18.
[285] Там же. Д. 436. Л. 56.
[286] Там же. Д. 352. Л. 53–55.
[287] Подробней это будет рассмотрено ниже.

щались широкой публике произведения Ф. М. Достоевского. Надо отметить, что его имя и в сталинское время не находилось под полным запретом и не было предано забвению. Достаточно вспомнить эпизод из кинофильма «Весна», в котором героиня Ф. Раневской говорит, что возьмет с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе, а в кадре показана сама книга, изданная до революции (в окончании заглавия — твердый знак согласно дореволюционной орфографии). В Москве существовал музей Ф. М. Достоевского, в 1948 году издательством «Искусство» был подготовлен большой альбом иллюстраторов Достоевского, «но тогда он не мог быть издан»[288]. Вместе с тем Достоевский не переиздавался, его творчество не изучалось и не популяризовалось. В декабре 1955 года, в связи с предстоящим юбилеем писателя, обсуждался вопрос о съемках художественных фильмов по его произведениям. На коллегии решали, с экранизации какого произведения начинать. Выбор был между «Преступлением и наказанием», «Идиотом», «Петербургской ночью», «Униженными и оскорбленными». К тому моменту И. А. Пырьев создал сценарий по роману «Идиот»[289]. Поэтому, под определенным нажимом режиссера решили, что первым, после долгого перерыва, должен быть поставлен именно «Идиот». Занятостью И. А. Пырьева на должности директора Мосфильма, его общественной деятельностью, а также работой над другими проектами можно отчасти объяснить сдачу картины в 1958 году. То есть спустя почти три года после принятия решения об экранизации.

Нельзя не упомянуть и о коренном изменении в концепции развития кино. В начале 1950-х гг. преобладала точка зрения, что один фильм может идти в прокате несколько лет и зритель может смотреть в кинотеатре один фильм несколько раз. Так, министр кинематографии И. Г. Больша-

[288] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 357. Л. 31.
[289] Там же. Д. 357. Л. 32.

ков утверждал в начале 1950 года: «...вот “Кубанские казаки” можно 10 раз смотреть. “Падение Берлина” я смотрел 10 раз и еще много раз буду смотреть и всегда находить новые детали, ракурсы, которых я первые два раза не видел... настоящее произведение можно смотреть 20 раз»[290]. А в начале 1954 года один из руководителей Министерства, член коллегии А. А. Пузин при обсуждении вопроса о телевидении выступил за создание второй программы, потому что: «мы даем пьесу по телевизору. Человек ее смотрел и не хочет ее смотреть. Мы могли бы дать в это же время кинокартину. Это не так сложно, если давать одновременно две программы. Приемники же делают на три программы»[291]. Это высказывание свидетельствует о совершенно ином подходе к удовлетворению зрительских запросов.

Существенное увеличение количества снимаемых фильмов можно было достичь на имеющихся мощностях киностудий. Например, чтобы увеличить количество снятых фильмов в три раза, по сравнению с 1952 годом, достаточно было полностью загрузить все киностудии страны. Но для обеспечения плана, по которому предусматривалось производство в конце 1950-х гг. до 150 фильмов в год, требовалось увеличение производственных мощностей киностудий и их техническое перевооружение. В 1954 году происходило строительство новых павильонов и расширение цехов на «Мосфильме» и «Ленфильме», начато строительство новых зданий для киностудий в Ташкенте и Баку, проектные работы для строительства помещений для Рижской, Минской, Вильнюсской и Сталинабадской (ныне г. Душанбе). Но и эти меры были признаны Министерством культуры СССР в августе 1954 года недостаточными для обеспечения плана. Оно дополнительно предлагало построить киностудию «под Москвой». В качестве места строительства новой крупнейшей киностудии был предложен город Переславль-Залесский в Ярославской области (нахо-

[290] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 2755. Л. 113.
[291] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 180.

дится в 140 км от Москвы[292]). Начало работ по строительству намечалось в 1956 году, а окончание в 1960 году. Строительство этой киностудии было самой большой статьей расходов на кино — 400 миллионов рублей. Предполагалось, что на киностудии в Переславле-Залесском будет ежегодно создаваться до 25 полнометражных кинофильмов. Предлагалось также построить новые здания для киностудий в Ашхабаде, Ереване, Кишиневе, Петрозаводске (который тогда был столицей союзной республики), Таллине и Фрунзе (ныне Бишкек). Провести реконструкцию Ленфильма, Киевской и Тбилисской киностудий, а также Черноморской кинофабрики (так тогда называлась Одесская киностудия)[293]. Также предлагалось командировать в Западную Европу специалистов «для ознакомления на месте с последними достижениями в области кинотехники»[294]. Предложения Министерства культуры были приняты частично, от идеи строительства киностудии в Ярославской области отказались.

В марте 1954 года Министерство культуры СССР поддержало ходатайство ЦК Компартии и Совета министров Литовской ССР о реорганизации Литовской киностудии хроникально-документальных фильмов в Литовскую киностудию художественных и хроникальных фильмов и обратилось в Правительство СССР. Совет министров СССР распоряжением от 5 июня 1954 года принял решение о строительстве новой киностудии в Вильнюсе[295]. Распоряжением Правительства СССР от 14 сентября 1954 года Таллинская студия кинохроники была преобразована в киностудию художественных и хроникальных фильмов[296]. Подобную просьбу Министерства культуры СССР в отношении Кишиневской киностудии союзное Прави-

[292] Здесь уже находилась фабрика по производству пленки.
[293] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 219. Л. 137, 140.
[294] Там же. Л. 141.
[295] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1789. Л. 255.
[296] Там же. Д. 1790. Л. 226.

тельство не поддержало[297]. В 1954 году Черноморская кинофабрика в г. Одессе[298] (на тот момент — филиал «Мосфильма») была преобразована в Одесскую киностудию, которая была передана в ведение Министерства культуры УССР[299]. Министерство культуры Украины выступило с предложением о передаче в подчинение Украины и Ялтинского филиала «Мосфильма». Но Министерство культуры СССР не согласилось в предложением украинского Министерства культуры: «...по своим техническим возможностям эта кинофабрика без коренной ее реконструкции не может самостоятельно осуществлять постановку и является южной базой, которая обеспечивает проведение натурных съемок по фильмам других киностудий Советского Союза»[300].

Изменения происходили и в деле проката зарубежных фильмов, и в плане сотрудничества с западными кинематографистами. Так, весной 1954 года Министерство культуры впервые обратилось в Правительство с просьбой о разрешении закупки современного американского фильма «Соль земли» Г. Бибермана[301]. Намечалось создание фильмов совместно с киностудиями государств, которые не были социалистиче-

[297] Там же. Л. 61–65.

[298] До 1938 г. в Одессе существовала киностудия художественных фильмов. Она, по постановлению Совнаркома СССР от 23.3.1938 г., была передана в систему бывшего Комитета по делам кинематографии распоряжением СНК СССР от 7.7.1944 г. № 14 049 — «на базе указанной студии была организована Черноморская кинофабрика для обслуживания других киностудий при съемках кинокартин, связанных с морской и летней натурой. Постановлением Совета министров СССР от 20 августа 1951 г. № 3065 Черноморская киностудия была преобразована в филиал киностудии «Мосфильм» для обслуживания натурных киносъемок. Однако по своей производственной структуре указанная кинофабрика является киностудией, способной выпускать в год 2–3 художественных фильма» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1790. Л. 299).

[299] Там же. Л. 289–300.

[300] Там же. Л. 296.

[301] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 214. Л. 12.

скими, в частности с Индией[302]. В Великобританию и Францию для изучения опыта кинопроизводства стали выезжать ведущие кинематографисты: Г. В. Александров, И. А. Пырьев, С. А. Герасимов. В прокате стали появляться современные фильмы западных стран, в частности Франции. При обсуждении тематического плана создания фильмов в начале февраля 1955 года заместитель начальника Главного управления по производству фильмов Министерства культуры Писаревский заявил, что надо «шире поставить вопрос об этих постановках, например с такими странами, как Финляндия, Франция, может быть Англия»[303]. В качестве примера совместной постановки с иностранными кинематографистами можно назвать фильм «Урок истории» режиссера Л. О. Арнштама. В центре сюжета фильма — процесс над Г. Димитровым в Германии в 1933 году. Сценарий «Поджигатели войны» был написан Арнштамом и неоднократно обсуждался в конце 1940-х гг. Предполагалось, что съемки будут осуществлены силами отечественных кинематографистов. Но фильм тогда так и не был принят к постановке. Приказом от 31 декабря 1955 года совместный советско-болгарский фильм «Урок истории» был запущен в производство[304]. В плане, принятом в ноябре 1955 года, значились съемки совместных фильмов с кинематографистами Китая («Живая стена»)[305] и Польши («Два поэта»)[306].

Серьезные изменения в середине 1950-х гг. затронули также сферу документального и научно-популярного кино. Это коснулось как их производства, так и проката. Интерес-

[302] В плане, утвержденном в ноябре 1955 года, планировались съемки кинокартины «Хождение за три моря» о путешествии Афанасия Никитина (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 326. Л. 180).

[303] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 337. Л. 10.

[304] Там же. Д. 331. Л. 296.

[305] «О помощи советских специалистов в строительстве ирригационной системы на реке Хуанхэ» (Там же. Д. 326. Л. 180).

[306] «О дружбе двух великих поэтов А. Пушкина и А. Мицкевича» (Там же. Д. 326. Л. 181).

но, что уже в плане, составленном в 1955 году (то есть за два года до запуска первого искусственного спутника Земли), значились научно-популярные фильмы о полетах в космос: «Искусственный спутник Земли» (Луна № 2218-бис) и «Дорога к звездам» — об исследованиях советских ученых и инженеров в области ракетной техники, о принципах действия ракет, предназначенных к запуску в верхние слои атмосферы»[307]. А в плане производства художественных фильмов, утвержденном в 1955 году, были запланированы съемки научно-фантастического художественного фильма по сценарию А. Довженко «В глубинах космоса»[308].

В 1955 году было принято решение о начале производства детского научно-популярного киножурнала «Хочу все знать» объемом в две части. Так, в 1956 году предусматривалось выпустить четыре выпуска этого киножурнала[309].

В сфере кино в период с апреля 1953 года происходили глобальные, революционные изменения в разных смыслах. В смысле количественном — не только подвергнута разгромной критике, но и решительно осуждена практика создания малого числа кинокартин. Развернулась грандиозная работа по расширению и реконструкции существующих мощностей, строительству новых зданий для киностудий. Наконец, происходило внедрение технических новшеств — прежде всего, стоит отметить первые опыты съемок широкоэкранных фильмов, разработки в области широкоформатного, панорамного кино, внедрение записи стереофонического звука на магнитную дорожку. Закладывались и создавались новые стандарты в сфере производства и проката кино.

Изменения политики в области кинопроизводства происходили не одномоментно. Можно выделить несколько важных этапов. Начало решительному пересмотру предше-

[307] Там же. Д. 354. Л. 31.
[308] Там же. Д. 326. Л. 186.
[309] Там же. Д. 354. Л. 25.

[Содержание]

ствующей практике было положено в конце апреля 1953 года с принятием решения о прекращении работы над историко-биографическими фильмами, производство которых считалось ранее приоритетным. В качестве точки отсчета следующего этапа изменений в сфере кинематографии можно условно считать отстранение от руководства в кино всех главных руководителей бывшего Министерства кинематографии весной 1954 года. Знаковые события этого этапа — обсуждение сценария С. А. Герасимова «Дочь народа» в мае 1954 года, фильма И. А. Пырьева «Испытание верности» и его назначение на должность директора «Мосфильма» осенью 1954 года. Этот период стал апогеем «стихийной оттепели», об особенностях которой будет сказано ниже.

В качестве начала следующего этапа можно обозначить весну 1955 года, когда новым руководством Министерства культуры (в частности министром Н. А. Михайловым и заместителем министра по вопросам кино В. Н. Суриным) был подвергнут критике предшествующий этап, но одновременно были подтверждены курс на перемены и критика периода «малокартинья».

К февралю 1956 года, к XX съезду КПСС, на котором был сделан известный доклад «О культе личности и его последствиях», в отечественном кино произошли значительные сдвиги по сравнению с тем состоянием, в котором оно находилось в марте 1953 года.

Театр

В первые месяцы «оттепели» в сфере театрального искусства, в отличие от кино, значительных изменений не происходило. 25 июня 1953 года Министерством было принято решение «временно воздержаться» от постановки пьесы О. М. Мальцева «Югославская трагедия»[310]. Но это было

[310] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 71. Л. 5.

скорее естественной реакцией на смену курса политического руководства страны, на нормализацию отношений с Югославией.

В середине июля 1953 года первый заместитель министра культуры И. Г. Большаков отмечал, что «появились *первые*[311] сатирические пьесы: «Раки» Михалкова, «Гибель Помпеева» Вирты и «Когда ломаются копья» Погодина...»[312]. В конце того же месяца в Министерстве культуры обсуждалась комедия С. В. Михалкова «Раки». В основу комедии был положен «фельетон о ротозеях и обманувшем их авантюристе», опубликованный в журнале «Крокодил» и перепечатанный газетой «Правда»[313]. В композиционном отношении пьеса «Раки» во многом напоминала сюжетную схему «Ревизора». Заместитель начальника Главного управления искусств Министерства культуры М. И. Чулаки считал, что действительность получила одностороннюю характеристику, но, тем не менее, ее можно было оставить в репертуаре (пьеса шла в 15 театрах), не рекомендуя ее для широкого распространения.

К сожалению, поскольку стенограммы заседаний коллегий Министерства культуры СССР за 1953 год не сохранились, остаются неясны детали обсуждения вопросов, рассматривавшихся в Министерстве в этом году. И, в частности, точка зрения министра П. К. Пономаренко по тем или иным вопросам. Последняя коллегия, в которой он принимал участие, состоялась 23 января 1954 года. Относительно театральной сферы сохранилось, наверно, только одно его замечание, свидетельствующее об осторожном, если не сказать бюрократическом, подходе. В начале января обсуждался вопрос о предложениях заместителя министра Н. Н. Беспалова по репертуарному плану Ленинградского

---

[311] Подчеркнуто мной. Имеются в виду первые сатирические пьесы, созданные после XIX съезда КПСС, прошедшего в октябре 1952 года.

[312] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 14. Д. 1. Л. 18.

[313] Там же. Оп. 2. Д. 76. Л. 195.

государственного академического Малого оперного театра на 1954 год. Пономаренко сказал: «Я думаю, что такие театры мы должны рассматривать, но утверждать мы не будем. У нас нет замечаний. Если появится что-то политически неверное или ненужное — мы за это несем ответственность. Но стеснять театры мы не будем. Если им потребуется заменить какую-нибудь вещь, мы разрешим. По плану постановки у Министерства замечаний нет»[314]. Это высказывание Пономаренко по поводу ответственности ставило руководство управления театров в странное положение. По сути, оно лишалось директивных функций, но, вместе с тем отвечало за «неблагонадежные» спектакли.

Инициаторами изменений в театральной сфере были театральные деятели. 2 июня 1953 года в «Литературной газете» вышла редакционная статья «Убрать все преграды между драматургом и театром». В статье, в частности говорилось о том, что контроль со стороны органов Министерства культуры является мелочной опекой над театрами и тормозит развитие драматургии[315]. В главном печатном органе страны — газете «Правда» 6 сентября того же года была опубликована передовая статья «К новому подъему театрального искусства», а 9 октября того же года напечатана статья народного артиста СССР Н. К. Черкасова «Заметки о театре», в которой ставился вопрос о формировании репертуара театров и порядке выпуска новых спектаклей. 15 октября в «Литературной газете» вышла статья Б. Лавренева и В. Пименова «Формальная опека или творческое руководство». В этих статьях говорилось о том, что соответствующие органы управления Министерства культуры задерживают выход на сцену хороших пьес. Позиция, выраженная в статьях в «Литературной газете», была признана неправильной министром культуры П. К. Пономаренко[316].

[314] РГАЛИ. Ф. 2329. Д. 228. Л. 92.
[315] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957. С. 178.
[316] Там же. С. 179.

По состоянию на 1953 год вопрос о выпуске того или иного спектакля решался не руководством театра, а вышестоящими инстанциями. А. А. Фадеев в записке на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева от 11 сентября отмечал, что пьеса К. М. Симонова «Доброе имя», принятая к постановке во МХАТе и Ленинградском театре им. А. С. Пушкина, была снята с репертуара по распоряжению одного из руководителей управления театров Министерства культуры СССР Северина[317]. Фадеев призывал избавить театры от мелочной опеки низовых партийных организаций и руководства Министерства культуры. Он предлагал подчинить три театра: Художественный, Малый и имени А. С. Пушкина — непосредственно ЦК КПСС, с тем чтобы ЦК «смог непосредственно определять и направлять всю театральную политику, и, в первую очередь, всю репертуарную политику в стране»[318]. Помощниками ЦК в этом деле Фадеев видел Всесоюзное театральное общество и Союз советских писателей. Такое подчинение трех крупнейших театров, по Фадееву, благоприятно сказалось бы на всех театрах страны. В ведении Министерства культуры СССР Фадеев предлагал оставить решение только материальных вопросов, с которыми «такие опытные в хозяйственном отношении работники, как т. Беспалов или т. Большаков вполне справятся»[319]. К предложениям Фадеева высшее политическое руководство страны не прислушивалось.

Перемены в области театрального искусства начали активно осуществляться после ухода П. К. Пономаренко с поста министра. Тема расширения прав директоров театров обсуждалась на заседании коллегии Министерства культуры СССР 18 февраля 1954 года. По существовавшему на тот момент положению, театры не имели права самостоятельного выбора той или иной пьесы, «заключения договоров с авторами на создание новых произведений, выпуска подготовленных

---

[317] Там же. С. 145.
[318] Там же. С. 150.
[319] Там же. С. 151.

премьер, а также определения количества, сроков подготовки и размеров затрат на новые постановки»[320]. Театры, «в погоне за выполнением плана, тащат на сцену слабые пьесы. Планы нужно выполнять, потому что планы-то по количеству»[321] — отмечал первый заместитель министра С. В. Кафтанов. Участник этого обсуждения Н. Е. Твердохлебов говорил о том, что ранее руководящие органы

> «постоянно вмешивались в вопросы репертуара театров, количества новых постановок, принимали в кавычках, нередко вновь выпущенные спектакли, давали всевозможные указания, часто мешающие, а не помогающие повышению идейно-художественного качества наших спектаклей, была подвергнута справедливой критике и назрел вопрос, чтобы пересмотреть установившуюся практику. Предполагается, чтобы директоры театров сами устанавливали репертуар театров и количество новых постановок, которое должно утверждаться вышестоящими органами, так как это является элементом государственного плана»[322].

Другой первый заместитель министра культуры И. Г. Большаков заявил: «...практика после 1948 года показывает, что привела не к улучшению театрального искусства, а к ухудшению. Такая бюрократическая препона не соответствует улучшению качества театрального искусства. Надо побыстрее войти в Правительство»[323]. Интересно, что это говорил тот самый И. Г. Большаков, который, будучи министром кинематографии, занимался воплощением политики «малокартинья» в жизнь. Большаков в своих работах обосновывал эту политику[324]. В 1954 году

---

[320] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 209. Л. 3.
[321] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 173.
[322] Там же. Л. 154.
[323] Там же. Л. 172.
[324] См., например: *И. Г. Больш ков*. Советское киноискусство в послевоенные годы. М., 1952.

[Содержание]

он выступал за решительные перемены в театральной сфере и критиковал порядки, сложившиеся в театрах в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Данное высказывание Большакова, а также заявление о том, что записку с предложениями по реформе управления театральной сферой надо сделать «убедительнее, принципиальнее», а ее подготовку «не надо задерживать», свидетельствует о том, что ранее Большаков был только исполнителем решений вышестоящих органов.

Министерство культуры предлагало значительно расширить права директоров театров. Сам факт обсуждения этой темы свидетельствовал о желании изменить существующее состояние дел. Твердохлебов сообщил, что «эти предложения требуют некоторого изменения ранее имевшихся приказов и постановлений Совета министров СССР от 1948 и 1949 гг. В частности, мы просим коллегию поставить вопрос об изменении постановления 1948 года, где было записано, как недостаток, что Комитет по делам искусств не утверждает смет, а также пункт 2 постановления Совета министров от 1949 года, где установлено количество постановок»[325]. Руководители крупнейших театров участвовали в обсуждении и поддерживали изменения существовавшей системы. В частности, известная актриса А. К. Тарасова, которая в тот период была директором МХАТа, сказала: «Эти предложения накладывают большую ответственность на театр. Все театры ждут решения этих вопросов. Ответственность большая, но она и должна быть»[326]. Ей вторил директор Малого театра М. И. Царев, заявляя, что сейчас у руководства театров «связаны руки»[327]. С. В. Кафтанов отмечал, что «постановление, которое намечается, ведет, главным образом, к тому, чтобы наши театры ставили лучшие пьесы, чтобы повышали ху-

[325] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 155.
[326] Там же. Л. 159.
[327] Там же. Л. 160.

дожественный уровень пьес и развязывали творческую инициативу»[328].

Тему расширения прав директоров театров продолжили обсуждать на коллегии 17 апреля 1954 года, после того как в руководстве Министерства произошло обновление. Обсуждался также и вопрос «об упрощении системы прохождения пьес»[329]. При системе, сложившейся к 1954 году, роль художественного руководителя в театре была незначительной. Он находился в подчиненном положении по отношению к директору театра: «...это создало в ряде театров неправильную обстановку. Творческие вопросы смяты. Я не хочу сказать, что художественного руководителя в театре не считают художественным руководителем, а только главным режиссером. А нужно было бы сделать так, чтобы художественный руководитель в театре имел всю полноту ответственности не только по творческим вопросам, но чтобы с ним согласовывались и экономические, финансовые вопросы. Нужно сделать так, чтобы эти вопросы в театре решались совместно»[330] — утверждал заместитель министра В. С. Кеменов.

С. В. Кафтанов говорил о создавшемся положении так: «...вообще многие творческие вопросы решались не только без участия общественности, но и без театра, многие вопросы предписывались сверху — эту пьесу поставим, эту не поставим, то есть не только совет, но и театр был обезличен в большой степени. Мы дальше считаем невозможным развивать искусство без широкого участия деятелей искусства»[331]. Высказался Кафтанов и об изменении политики в области театра: «можем ли мы сказать, что Станиславский прав и Немирович-Данченко нет, один прав, другой — нет. Нет, не можем: каждый прав по-своему. Нам надо это вливать в театры, сту-

[328] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 174.
[329] Там же. Д. 209. Л. 7.
[330] Там же. Д. 229. Л. 124.
[331] Там же. Д. 234. Л. 18.

дии, главки, которые призваны руководить этим делом. От милицейского подхода надо отказаться. Надо убедить человека, что он должен измениться, а не приказывать только. Убедить это сложнее, но это неизбежно. Мне кажется, нам нужно в главках иметь совещательные органы — коллегии, с которыми начальник Главного управления театров и музыкальных учреждений будет советоваться»[332]. Это необходимо для того, «чтобы устранить элементы вкусовщины и более объективно решать, необходим коллективный опыт даже в вопросах искусства. Он нужен во всех областях — и в технике, и в науке, но в искусстве особенно важен»[333]. Кафтанов заявил о необходимости привлечения творческих сотрудников к вопросам управления: «...не то, чтобы мы делали их чиновниками, а чтобы мнение их всегда было учтено»[334].

Заместитель министра Н. П. Охлопков отметил, что имеет «большое политическое значение то обстоятельство, что директорам дали большие права, чем они имели раньше. Мне кажется, что это привело к положительным результатам. Ведущие работники театров почувствовали большую ответственность»[335].

В начале марта 1955 года был издан приказ министра культуры «об утверждении типового положения о Художественном совете театра»[336]. В приказе отмечалось, что в большинстве случаев художественные советы в театрах созывались нерегулярно. А основные вопросы жизни театра решались после 1954 года директором и художественным руководителем театров, без предварительного обсуждения с творческими силами театров. Принятое положение о художественном совете было призвано вовлечь прежде всего театральную труппу в обсуждение наиболее насущ-

[332] Там же. Д. 229. Л. 128.
[333] Там же. Д. 234. Л. 18.
[334] Там же. Л. 21.
[335] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 229. Л. 116.
[336] Там же. Д. 305. Л. 249.

ных вопросов жизни театра: текущего репертуара и подготовки новых спектаклей.

Весной 1954 года высшим политическим руководством была дана установка на обращение в театральном репертуаре к отечественной классике. Заместитель министра В. С. Кеменов позднее так говорил об этом: «...в свое время Александров, вернувшись из Совета министров СССР, проинформировал, что есть указание, поскольку тяжелое положение создалось с репертуаром в театрах, инсценировать классиков. Александров показал пьесу Кривошеина «Помпадуры и помпадурши» по Салтыкову-Щедрину. Я похвалил эту пьесу за язык, именно потому, что там был язык Салтыкова-Щедрина... Еще речь шла о второй пьесе — это «Драма на охоте» по Чехову. Александров дал вторую пьесу, я сказал, что эту пьесу ставить нельзя, так как это граничит с сексуальностью, которая переходит в порнографию. Я ушел от него. Через 3 недели получаю письмо Министра культуры РСФСР, к которому приколота записка Александрова «заключить с автором договор»[337].

Во втором номере журнала «Театр» за 1954 год была опубликована пьеса Л. Зорина «Гости», ставшая одним из знаковых литературных произведений начала «оттепели». Управление театров и музыкальных учреждений Министерства культуры СССР и его репертуарно-редакторский отдел разрешили эту пьесу к постановке в театрах страны. В частности, она шла некоторое время в московском театре имени М. Н. Ермоловой. До тех пор, пока решением коллегии Министерства культуры СССР ее постановка не была запрещена. Героем пьесы, по мнению руководства Министерства, является «фальшивый человек, карьерист и негодяй, являющийся ответственным работником Министерства юстиции СССР»[338]. По мнению коллегии Министерства культуры, фабула пьесы состояла в том, что сама ответ-

[337] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 344. Л. 52.
[338] Там же. Д. 213. Л. 37.

ственная работа и материальная обеспеченность привели главного героя к социальному перерождению и нравственному падению и якобы порождают новый высший свет и буржуазию[339]. В пьесе «Гости» говорится о том, что для ответственных работников любой рядовой гражданин лишь «песчинка, один из тысячи просителей»[340]. Руководство Министерства культуры возлагало ответственность за выход этой пьесы не только на управление театров и музыкальных учреждений, но и на руководство Союза писателей. В частности, такие известные и авторитетные авторы, как К. М. Симонов и Б. А. Лавренев, дали пьесе положительную оценку и отнесли ее «к числу достижений советской драматургии»[341]. Заместитель министра В. С. Кеменов заявил, что Лавренев в своем докладе характеризовал пьесу Зорина «Гости» как достижение и выступил против людей, — я цитирую — «имеющих тенденцию без конца говорить о кризисе драматургии»[342].

Руководство Министерства культуры видело главный порок пьесы в том, что Л. Зорин, «пользуясь ремесленными приемами», неправильно изобразил работников аппарата «как некую касту, пренебрегающую интересами простых людей и противостоящую советскому народу»[343]. С точки зрения заместителя министра культуры СССР Ф. Д. Хрустова, большой порок пьесы состоял и в том, что в ней давалось «противопоставление Москвы, центра, и провинции, краев»[344]. Ему вторил другой заместитель министра В. С. Кеменов: «...мысль автора — что простые люди, провинция — это настоящие, хорошие люди, а люди центра, Москвы — люди порочные. Есть противопоставление бо-

339 Там же. Д. 213. Л. 37.
340 Там же. Л. 52
341 Там же.
342 Там же. Д. 343. Л. 18.
343 Там же. Д. 214. Л. 3.
344 Там же. Д. 230. Л. 186.

гатых и бедных»[345]. Один из сотрудников Министерства сказал: «Я убежден, что автор слушает передачи «Голоса Америки», которая ведет самую отъявленную пропаганду против нас. Это как раз и является материалом для «Голоса Америки»[346].

Вместе с пьесой «Гости» были подвергнуты критике и запрещены к постановке разрешенные ранее пьесы «Наследный принц» А. Мариенгофа и «Деятель» И. Городецкого[347]. В конце 1955 года по настоянию отдела культуры ЦК КПСС была запрещена другая пьеса Л. Зорина «Алпатов», которая до того была с небольшими поправками принята Министерством культуры СССР, репетиции пьесы велись в театре им. Моссовета, предполагалась публикация этой пьесы в журнале «Театр»[348].

Пьеса «Гости» была одной из первых в череде ряда драматических произведений, в которых были затронуты злободневные вопросы, которые ранее замалчивались в советской драматургии.

Известный писатель В. Катаев написал пьесу «Поведение». Ее решил поставить режиссер Н. П. Акимов. Он считал пьесу нужной, хорошей: «...и вот, когда спектакль был готов, Валентин Петрович испытал такой ужас, что исчез с лица земли, и готовый спектакль не вышел, его не выпустили. Но страшно, что он никем не запрещен, а снят. Это было под влиянием детонации истории Зорина»[349].

Близкой к «Гостям» по теме была пьеса украинского советского писателя Ю. И. Яновского «Дочь прокурора». Премьера спектакля состоялась в начале 1954 года. По итогам года она заняла четвертое место в стране по количеству зрителей — 1 223 000 человек. «Дочь прокурора»

345 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 230. Л. 198.
346 Там же. Л. 196.
347 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 233. Л. 22.
348 Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 449.
349 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 65.

была поставлена 2 338 раз в 50 театрах[350]. Позднее эта пьеса была признана «слабой» Министерствами культуры Союза и Украины, рекомендована к снятию с репертуара. Но, тем не менее, определенный период продолжала идти на Украине. Пьеса, по мнению руководства Министерства культуры СССР, содержала «много нездоровых направлений, там много достоевщины»[351].

Актуальной была и сатирическая комедия В. Минко «Не называя фамилий»: «...там также показан крупный работник, также показан конфликт его со своим отцом в деревне, отъезд его из деревни»[352]. В отличие от «Гостей» ее не только не запретили, а планировали к постановке в кино. В феврале 1954 года С. В. Кафтанов говорил о том, что постановку пьесы можно показать по телевидению[353]. По итогам 1954 года пьеса стала бесспорным лидером по постановкам в театрах и по количеству зрителей. 5 915 спектаклей в 149 театрах страны посмотрели 2 848 000 зрителей (то есть около трех миллионов (!)). Показательно, что уже в следующем году пьеса Минко не только перестала занимать лидирующее место, но, по итогам первого полугодия 1955 года, не вошла и в десяток пьес, поставленных театрами[354]. Популярность пьесы значительно упала с появлением значительного количества новых пьес на современные темы. Второе место по популярности в 1954 году заняла пьеса Ц. Солодаря «В сиреневом саду» — поставлена 1 449 раз в 85 театрах, а просмотрели ее 1 449 000 зрителей[355]. В первом полугодии 1955 года «В сиреневом саду» переместилась на четвертое место. Главный режиссер театра им. Вахтангова Р. Н. Симонов объяснял популярность этого спектакля тем, что «театры хотят ставить сиреневые сады, и это определяется не только вкусом зрите-

[350] Там же. Л. 147.
[351] Там же. Л. 16.
[352] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 230. Л. 190.
[353] Там же. Д. 228. Л. 183.
[354] Там же. Д. 436. Л. 220.
[355] Там же. Д. 343. Л. 7.

ля, не его воспитанием, а тем, что это определяется желанием зрителя к комедии, что они имеют право на отдых, посмотреть смешную вещь»[356]. На третьем месте в 1954 году была пьеса «Свадебное путешествие» В. Дыховичного и М. Слободского — поставлена 3994 раз в 80 театрах, количество посмотревших — 1401000 человек[357]. Успех трех спектаклей в значительной мере объяснялся и тем, что они были комедийными. А этим жанром советский зритель в начале 1950-х избалован не был. В справке Министерства культуры говорилось: «появление пьес «В сиреневом саду» и «Свадебное путешествие» пополнило репертуар таким увлекательным жанром, как водевиль, который долгое время не исполнялся на сцене. Этим и объясняется известный интерес зрителей к обоим произведениям»[358].

Летом 1954 года на рассмотрение в Министерство культуры СССР была представлена пьеса А. Штейна[359] «Персональное дело»[360]. Заместитель министра Кеменов в записке на имя министра от 10 июля 1954 года сообщал: «...ознакомившись с пьесой Александра Штейна «Персональное дело», считаю, что было бы целесообразным обсудить ее на заседании коллегии Министерства. Такое же мнение тт. Охлопкова Н. П. и Солодовникова А. В.»[361]. По мнению последнего, «широкое обсуждение» этой пьесы и пьесы А. Софронова «Сердце не прощает» «будет содействовать выявлению положитель-

[356] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 230. Л. 71.

[357] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 147.

[358] Там же. Л. 148.

[359] А. П. Штейн — драматург, в период «малокартинья» написал сценарии к фильмам «Суд чести» и историко-биографическим «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы».

[360] «В пьесе «Персональное дело» показана трудовая советская семья и коллектив работников одного из советских учреждений. На судьбе главного героя инженера Хлебникова в пьесе поднимаются вопросы внутрипартийной жизни и морального облика советского человека» — РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 122.

[361] Там же. Д. 217. Л. 121.

[Содержание]

ных тенденций в современной драматургии и более правильной ориентировке театров в выборе репертуара»[362]. Выбор именно этих пьес для «широкого обсуждения» был предварительно согласован с К. М. Симоновым.

Обсуждение пьесы «Персональное дело» состоялось на коллегии Министерства культуры СССР 5 августа 1954 года. Министр Г. Ф. Александров обсуждение именно этой пьесы на коллегии объяснял тем, «что когда товарищи прочитали эту пьесу, они почувствовали, что эта пьеса не рядовая, что она может сыграть крупную роль в правильном воспитании людей, в том, чтобы каленым железом изгонять, выжигать из нашей жизни мерзавцев. В этом смысле пьеса может оказаться очень своевременной»[363].

Обсуждение пьесы «Персональное дело» на коллегии получилось очень экспрессивным. Заместитель министра культуры Н. П. Охлопков положительно отнесся к ее появлению: «...по постановке вопросов и их решению [она] очень остра и таких пьес давно не было. У нас были либо лакировочные пьесы, замазывающие факты большого жизненного значения, показывающие, будто их не бывает... и второе — бывает другая вещь, наиболее ярким продуктом чего явились «Гости». Отвратительная пьеса, слабая и художественной своей стороной, и совершенно порочная, антипартийная пьеса по образам, созданным в ней...»[364]. В ходе дискуссии, развернувшейся на коллегии, Н. Охлопков вступил в жесткий спор с другим заместителем министра Ф. Хрустовым. Но показателен не сам факт спора и накал страстей на коллегии. Споры в министерствах случались и раньше, при Сталине. Очень важны для понимания процессов происходящих не только в театральной сфере, но и, может быть, в советском обществе, слова Охлопкова:

---

362 Там же. Л. 122.
363 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 233. Л. 38.
364 Там же. Д. 217. Л. 39.

> «...громко, властно заявила о своем существовании правда, та правда о которой вы [Хрустов] говорите, что она не существует. Сколько людей вернулись в партию после того, как партия и ЦК очень строго разбирают дела и возвращают людей не только с соседней улицы, а из далеких краев сибирских! А вы в это время говорите, что таких вещей не бывает. До сих пор люди возвращаются из далекой ссылки, из тюремных камер, а не только из соседних углов. Как это можно отрицать?»[365]

Важно констатировать два факта: слова о возвращении из далекой ссылки были сказаны на заседании коллегии задолго до XX съезда — в августе 1954 года, а сам процесс возвращения развернулся в полную силу к лету того же года. Подытоживая спор с Хрустовым, Охлопков заявляет: «...весь народ говорит, что это правда, а вы говорите, что это неправда. Вы вступаете в борьбу не с автором, а с правдой»[366]. Заканчивая обсуждение «Персонального дела», министр сказал: «...эта пьеса, конечно, приемлема для постановки в театре и она по своему содержанию будет полезна в воспитательном отношении»[367].

Разрешенная к постановке пьеса «Персональное дело» пользовалась большой популярностью у зрителей. В первом полугодии 1955 года она заняла второе место по постановкам в театрах страны, уступив только «Истории одной любви» К. М. Симонова[368]. Успех пьесы А. Штейна объяснялся тем, «что тема волнует наш народ»[369]. А в успехе пьесы К. Симонова сотрудники Министерства культуры СССР видели тенденцию, наметившуюся в драматургии начального периода «оттепели». Эта тенденция заключает-

[365] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 233. Л. 22.
[366] Там же. Л. 22–23.
[367] Там же. Л. 34.
[368] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 436. Л. 220.
[369] Там же. Д. 343. Л. 117.

ся в стремлении уйти от трудности воплощения больших тем современности в область показа семейно-бытовых неурядиц и интимных отношений людей[370]. Но давняя пьеса К. М. Симонова, которая была выпущена в 1954 году в новой редакции, заняла лидирующее положение главным образом потому, что в репертуаре театров отсутствовали качественные лирические спектакли.

В середине 1950-х гг. началось признание творчества В. Розова. В 1954 году пьеса «Страница жизни» стала одной из популярных. Она заняла девятое место по количеству зрителей — 741 000 человек, поставлена 2027 раз в 55 театрах[371]. Его же пьеса «В добрый час» в первом полугодии 1955 года была на третьем месте по количеству постановок[372]. По этой пьесе был впоследствии создан фильм. Директор МХАТа им. М. Горького А. В. Солодовников в начале мая 1955 года констатировал: «...сейчас очень популярным стало имя Розова. И он находится в странном положении. Все стараются сделать его своим драматургом. Не успели мы его пригласить к себе в театр, как начались звонки, примерно такого порядка, а не можете ли бы нам его уступить (так было с Малым театром), а Центральный детский театр говорит — он наш»[373].

Таким образом, в театрах в 1954 и 1955 гг. ведущее место занимали спектакли на актуальные, современные темы, комедии, а также пьесы на лирические темы.

Весной 1955 года, со сменой министра культуры, часть работников аппарата посчитала, что некоторые решения, принятые с весны 1954 года, будут отменены. Об этом заместитель министра В. С. Кеменов говорил так: «...есть товарищи, которые подсовывают ряд распоряжений, которые раньше были, полагая, что если министр Алексан-

[370] Там же. Л. 148.
[371] Там же. Л. 147.
[372] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 436. Л. 220.
[373] Там же. Д. 343. Л. 31.

дров отменил, то теперь пришла пора все вернуть обратно, все под себя подгребают, предполагают штамповать пьесы и рассылать их по театрам. Это вреднейшая затея. Вместо того, чтобы продумать, какими возможными средствами мы располагаем, чтобы улучшить репертуар, некоторые товарищи заняли позицию упрямства и стараются цепляться за старое»[374]. Была подтверждена генеральная линия на предоставление театрам большей самостоятельности. Но некоторые детали политики в области театров были подкорректированы с приходом нового министра. В частности, предлагалось воссоздать «систему заказов»[375] пьес и шире ее практиковать, активнее участвовать в процессе контроля за репертуаром — в двухмесячный срок пересмотреть текущий репертуар театров и изъять из него все «неполноценные пьесы»[376].

Вопросам репертуара драматических театров была посвящена коллегия Министерства, которая состоялась 9 мая 1955 года. Высказывались разные мнения по улучшению репертуара, чтобы в театрах шли качественные спектакли на современные темы. Интересное мнение высказал С. В. Михалков:

> «На мой взгляд, одна из лучших пьес о труде — это пьеса Чехова «Три сестры». На протяжении трех актов перед зрителями проходит жизнь людей, лишенных полезной деятельности на благо общества. Герои пьесы тяготятся тем, что жизнь их сера и бесцельна. Казалось бы, что здесь общего с темой труда, но зритель, уходя со спектакля, чувствует, что такое тема труда. После спектакля «Три сестры» хочется работать, трудиться и радоваться, что ты занят полезным делом. Пьеса Чехова косвенно, а не прямолинейно решает тему труда и куда более успешно воз-

[374] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 27.
[375] Там же. Л. 28.
[376] Там же.

действует на зрителя, чем некоторые современные пьесы...»[377].

По мнению Михалкова, нельзя требовать, чтобы «та или иная книга или пьеса нравилась всем одинаково, так же как нельзя считать, что если данное произведение кому-то не понравится, то оно уже таково, что не должно быть показано другим, которым оно, это произведение, вдруг, избави бог, может понравиться!»[378] Эту позицию Михалков подкреплял авторитетом Ленина, который не считал себя компетентным в вопросах искусства. И приводил в качестве примера историю со сценарием, который недавно не был принят на Мосфильме. В основе сюжета история о том, как молодая девушка из деревни приезжает в город, пытается поступить в институт, в это же время знакомится с молодым человеком, потом он ее бросает, она рожает ребенка, не проходит по конкурсу в институт, ее встречает другой молодой человек, добивается ее, усыновляет ребенка. Фильм не разрешили снимать по решению главного управления с мотивировкой «Не типично для нашей действительности»[379]. Михалков продолжает:

> «...хорошо, попробуем временно согласиться с этим! Но почему же в то же самое время по всему Советскому Союзу и в самой Москве широко идет фильм, снятый не советским режиссером... Министерства подают заявки на просмотры этого фильма своими служащими. Стоят очереди зрителей. Мальчишки у входа в кино перепродают билеты. В этом фильме подробно рассказывается о том, как некий муж, желая избавиться от своей жены, систематически и ежедневно убеждал ее, что она душевно больна, а сам незаметно травил ее газом. Картина так и называется «Газовый свет». Наивно думать, что психологическое воздействие на зрителя

[377] Там же. Л. 89.
[378] Там же. Л. 92.
[379] Там же. Л. 99.

[Содержание]

> от просмотра этого фильма обезвреживается тем обстоятельством, что данный случай мог произойти только в капиталистическом обществе!»[380]

В какой степени это выступление С. В. Михалкова на коллегии повлияло на судьбу будущего фильма не установлено. Но заместитель министра культуры по вопросам кино В. Н. Сурин распорядился направить сценарий в ЦК ВЛКСМ для получения консультации. Оттуда пришел положительный отзыв: «работники ЦК ВЛКСМ считают, что проблемы, затрагиваемые в сценарии, жизненны, важны и актуальны»[381]. Главное управление по производству фильмов после этого изменило точку зрения. В записке его начальника А. Федорова, составленной в декабре 1955 года, указывалось, что, в целом, сценарий «Человек родился» весьма интересный: «...сценарий не требует какой-либо серьезной и кардинальной переработки, а нуждается лишь в отдельных частных поправках, что может быть с успехом сделано уже в режиссерском варианте»[382]. В итоге фильм по сценарию Л. Аграновича разрешили к постановке (он был запущен в подготовительный период приказом по Министерству культуры СССР от 17 декабря 1955 г.[383]), режиссером стал В. Ордынский. В прокат фильм вышел под названием «Человек родился» и до сих пор периодически демонстрируется по телевидению России.

Положение в детской драматургии С. В. Михалков охарактеризовал следующим образом:

> «...как вычищается и приглаживается каждый сценарий и каждая пьеса для детей, дабы не дай бог! — герои фильма не допустили каких-либо выходок и не повлияли бы на вос-

[380] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 99.
[381] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 330. Л. 228.
[382] Там же. Л. 229.
[383] Там же. Л. 227.

питание советских школьников, которые сейчас и в школе, и дома, и на улице мурлычат набившую оскомину пошленькую мелодию из фильма «Бродяга» (снятого не без таланта, но все же по рецепту американских кинобоевиков!) и, подражая герою этого фильма, практикуются в мелком воровстве, уличных драчках и тому подобном. Все это равноценно тому, как если бы у ребенка утром отнимали ромовую шоколадную конфетку, дабы в его организм не попала и капля алкоголя, а вечером того же дня давали ему бокал с коктейлем! Я думаю, советский зритель... достоин большего доверия и уважения. Пусть он сам судит о произведениях, написанных и поставленных сов. писателями, актерами, режиссерами, которые сами являются плоть от плоти частью советского народа»[384].

Относительно посещаемости театров министр культуры Н. А. Михайлов отметил, что «в 1954 году посещаемость театров по стране составила 59%. Можно ли этим пренебрегать... По-моему, нельзя. Чтобы было бы, если бы из каждых 100 экз. газеты, где-то издаваемой, расходилось бы только 59? Это было бы скандальное дело»[385]. Справедливости ради надо отметить, что в 1954 году посещаемость возросла по сравнению с предыдущими периодами. Согласно справке, представленной в мае 1955 года, средняя заполняемость театра была в 1940 году 55,5%, в 1947 году — 51,0%[386]. Таким образом, можно констатировать определенный рост посещаемости театров. Михайлов, под аплодисменты присутствующих на коллегии, раскритиковал существовавшую ранее установку на создание одних шедевров: «Я думаю, что нам надо писать больше пьес и играть больше пьес и тогда у нас появится больше шедевров»[387]. Надо дать «простор театру», «поломать оковы»: «...я думаю, сама логика ве-

384 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 100.
385 Там же. Л. 131.
386 Там же. Л. 142.
387 Там же. Л. 135.

щей требует, чтобы ставить больше пьес, пусть трудящиеся выбирают сами пьесы, какие им понравятся»[388]. Таким образом, новый министр подтвердил главную установку на предоставление театрам большей самостоятельности.

Главному театру страны — МХАТу уделялось повышенное внимание со стороны руководства Министерства. Кризисное состояние, в котором пребывал МХАТ, неоднократно обсуждалось: в очередной раз на коллегии Министерства культуры СССР 2 ноября 1955 года. Писатель Погодин, в частности, заявил: «...в Художественном театре 17 лет тому назад была поставлена моя пьеса «Кремлевские куранты», это было моей последней пьесой, которую я всерьез и в полный голос написал, после этого я занимался писанием, или, как мы говорим, писаниной: чтобы не дисквалифицироваться, чтобы не утратить свои связи с театром и искусством, но были такие условия, при которых то, что мне велит мое «я», я не делал в полный голос. Болезнь Художественного театра — это болезнь вообще нашего искусства, — об этом надо честно и открыто говорить...»[389]. Режиссер Марков говорил о том, что главная причина кризиса в том, что МХАТ долгое время находился «вне какой-либо критики»: «ему были присуждены Сталинские премии, каждый спектакль должен был получить премию. Внутри театра это создавало невозможное положение: в театре обсуждали, лауреатская это пьеса или нет, и если не лауреатская — то не стоит над ней работать. Художественный театр потерял творческую смелость...»[390]. А «при всех достижениях... у него есть один недостаток — догматизм в проведении метода Станиславского»[391]. Директор театра среди мер, направленных на оздоровление ситуации в театре, предлагал в том числе и приглашение из Ленинграда Г. Тов-

[388] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 343. Л. 137.
[389] Там же. Д. 354. Л. 93.
[390] Там же. Л. 90.
[391] Там же. Л. 90–91.

[Содержание]

стоногова, а из Центрального Детского театра О. Ефремова[392] (то есть еще в 1955 году).

В 1954 году возобновилась постановка пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» на сцене московского драматического театра им. К. С. Станиславского[393]. Весной 1955 года руководители МХАТа А. К. Тарасова и М. Н. Кедров в письме на имя Первого заместителя Председателя Совета министров СССР В. М. Молотова указали, что «для Художественного театра его [М. А. Булгакова] творческое наследие навсегда останется образцом честного, требовательного к себе и высокоталантливого писательского труда»[394].

О том, что несмотря на значительные перемены в театральной сфере, которые начались в 1954 году, в рассматриваемый период предшествующий опыт не отвергался полностью, свидетельствует приказ министра культуры СССР от 23 июля 1955 года. В самом начале этого приказа имеется отсылка к Постановлению ЦК партии от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»[395]. Основной смысл постановления 1946 года — введение в репертуары театров пьес отечественных авторов на современные темы. В приказе Министерства культуры отмечалось, что республиканские министерства культуры, а также краевые и областные отделы культуры не уделяют достаточного внимания вопросу репертуарной политики. Критиковалось и бывшее главное управление театров и музыкальных учреждений во главе с А. В. Солодовниковым, ослабившее руководство деятельностью театров в области репертуара[396]. Говорилось и о том, что за период с весны 1954 года не использовалась система государственного заказа для формирования репертуара

[392] Там же. Л. 123.
[393] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 715. Л. 34.
[394] Там же. Л. 35.
[395] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 316. Л. 221.
[396] Там же. Л. 225.

театров, а контроль за текущим репертуаром отсутствовал. Основной посыл приказа — возобновление практики госзаказа на создание пьес, от которого фактически отказались на предыдущем этапе[397]. Предписывалось также усиление контроля местных органов управления культурой за формированием репертуара, осуществление контроля за идейно-художественным репертуаром, организация конкурса пьес к 40 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции[398].

К 1956 году в театральной сфере «был отменен целый ряд форм прохождения пьес, при которых театр был лишен самостоятельности и при которых существовала система, что пьесы изготовляются в Министерстве культуры, в репертуарном отделе, и распространяются театрам для постановки. Эта порочная система аннулирована, театрам даны права и в ряде случаев даны деньги, чтобы театры могли заключать договоры с авторами»[399].

А в январе 1956 года Михайлов предлагал отказаться от практики госзаказов пьес, «потому что за последние три года по госзаказу получены единицы пьес. А театры на это надеются, аппарат работает, автор ходит, его редактируют... Я думаю, что надо покончить с этой опекой. Бывает и так, что пьесу, сделанную по госзаказу, театры не принимают»[400].

В этот период происходит обращение к творческому наследию Мейерхольда. Имя одного из ведущих отечественных режиссеров не упоминалось. Даже стенографистка Министерства культуры при фиксации выступления Н. П. Охлопкова написала фамилию Всеволода Эмильевича как «*Меерхольд*». В начале 1956 года Охлопков заявил: «мне кажется, что наследие Меерхольда надо изучить. Мы

[397] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 316. Л. 227.

[398] Пьесы, созданные к 40-летию Октябрьской революции ныне хранятся в первой описи фонда Министерства культуры СССР, всего в ней 775 дел (пьес) — РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 1.

[399] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 436. Л. 158.

[400] Там же. Л. 162.

часто выплескиваем вместе с водой и ребенка. Это наследие надо досконально изучить: там есть ценное»[401].

Охлопков же призвал к проведению дискуссий по творческим вопросам:

> «...мы одно оружие воспитания творческих коллективов не используем. Это оружие называется дискуссией. Мне кажется, что «Правда» несколько поспешила со статьей о Погодине. «Правда» — орган ЦК. До этого готовилась Центральным комитетом комсомола большая, широкая дискуссия по поводу пьесы Погодина. Эта дискуссия нужна в таком же виде, как они бывали и раньше, с вывешиванием даже огромных афиш — идет диспут о том-то и том-то. Надо, чтобы опять запестрели наши улицы и дома громадными афишами — диспут о такой-то пьесе. Это не значит выпустить вожжи из рук, но будет слышен голос общественности»[402].

В театральной сфере с 1954 года происходили значительные изменения. В целом, в рассматриваемый период можно констатировать значительное оживление театральной жизни. Театрам была предоставлена большая самостоятельность. Наметилась тенденция к появлению пьес на темы, которые раньше были под негласным и гласным запретом. При этом нельзя не отметить, что часть написанных и поставленных в это время пьес была в определенной степени конъюнктурной. Но, на фоне практически полного отсутствия в репертуарах театров пьес на современные темы в предшествующие годы, пьесы, написанные в 1953–1955 гг., пользовались огромным успехом у зрителей. Происходило возрождение и некоторых полузабытых жанров, в частности водевиля. Репертуар театров значительно расширился. 1953 — начало 1956 г. — время появления на сцене произведений новых авторов. В частности, автора пьесы

---

[401] Там же. Л. 194.
[402] Там же.

«Гости» Л. Зорина (он — автор сценария к фильму «Покровские ворота»). Начало «оттепели» — начало триумфа пьес В. Розова. Некоторые театры получили возможность не только выбирать репертуар, но и делать заказ на написание пьес.

Изобразительное искусство и создание памятников

В сфере изобразительного искусства в первый год после Сталина изменения не были столь ощутимыми, как в области кино или в театре. В деле создания памятников это отчасти объясняется тем, что с момента принятия решения о создании памятника до его установки проходило много лет. А в некоторых случаях по причинам, ни в коей мере не зависящим от идеологических установок, работа над созданием памятников прекращалась.

23–24 апреля 1953 года на коллегии рассматривался вопрос «О проектировании и сооружении памятников». Для обсуждения этого вопроса был представлен пятилетний план сооружения памятников (на 1953–1957 гг.), в котором предусматривалось создание памятников Ленину, но не было ни одного памятника Сталину[403]. 2 ноября того же года план сооружения памятников повторно рассматривался на коллегии Министерства культуры СССР. Было выдвинуто предложение, что только памятники В. И. Ленину и И. В. Сталину утверждаются на коллегии Министерства культуры СССР, а все остальные принимаются по решению главного управления по делам искусств[404] Министерства. Но это предложение не было принято. В плане среди прочих памятников предусматривалось: в 1953 году установка двух памятников В. И. Ле-

[403] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 67. Л. 87–90.
[404] Там же. Д. 86. Л. 139.

нину, в 1954 году — трех памятников, в 1955 году — двух, в 1956 году — одного и в 1957 году — двух памятников[405]. При том, что на протяжении этих пяти лет не планировалось создание ни одного памятника Сталину. Вместе с тем было сделано распоряжение Совета министров СССР и издан приказ Министерства культуры от 26 апреля 1954 года «Об установлении у Главного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» (ВСХВ) в Москве монументальных скульптур Ленина и Сталина[406]. Но этот приказ так и остался неисполненным. Линия на отказ от установки новых памятников Сталину была закреплена в решениях Министерства культуры СССР следующего, 1954 года. На пятилетие (с 1954 по 1958 гг.) предусматривалось сооружение 15 памятников Ленину в разных городах страны, по одному памятнику Марксу и Энгельсу в Москве, но ни одного памятника Сталину[407].

26 мая 1953 года на имя Секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева отделом науки и культуры ЦК КПСС была направлена записка о недостатках в деле сооружения памятников и монументов. В ней отмечалось, что многие возведенные после окончания Великой Отечественной войны памятники В. И. Ленину и И. В. Сталину не являлись оригинальными, а были сделаны по шаблону. Каждый памятник обходился в среднем в сумму от 800000 до 1 миллиона рублей[408]. В записке было обращение к опыту создания памятников в дореволюционный период. Приводился в пример скульптор А. М. Опекушин, автор памятника А. С. Пушкину в Москве. Говорилось, что он с негодованием отверг предложение о повторении этого памятника. В записке говорилось, что одинаковые памятники Ленину авторства скульптора Н. В. Томского были открыты в четырех городах: сначала

---

405 Там же Л. 140–143.
406 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 153. Л. 240.
407 Там же. Д. 216 Л. 136.
408 Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 97.

в Орле, а потом в Ленинграде, Таллине и Сестрорецке. Монумент Сталина авторства того же Томского, сооруженный для Сталинграда, был затем повторен в гг. Краснодаре, Таллине, Вильнюсе, Полярном и в Тиране (Албания). Отдел культуры отмечал, что «укоренившаяся порочная практика сооружения местными Советами дублированных монументальных памятников... наносит вред самой идее монументальной пропаганды»[409]. Отдел ЦК предлагал разрешить возведение памятников из долговременных материалов (бронзы, гранита) только по проектам, утвержденным Министерством культуры СССР, с разрешения ЦК КПСС и Совета министров СССР. Но это предложение отдела ЦК не было поддержано и реализовано в полном объеме.

В июле 1953 года П. К. Пономаренко в письме на имя Г. М. Маленкова просил помощи в выделении в Москве здания для проведения выставок, потому что сейчас выставки проводятся в здании Третьяковской галереи, а также о выделении зданий в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик для мастерских художников[410]. К вопросу о строительстве помещения для художественных выставок в Москве вернулись 2 декабря 1953 года, приняв решение «более убедительно мотивировать постановку этого вопроса»[411] перед Советом Министров СССР. Но это помещение так и не построили, а под выставочный зал отдали Манеж.

Летом 1953 года развернулась критика состояния, в котором находилось отечественное изобразительное искусство, и в Министерстве культуры СССР. Первый заместитель министра И. Г. Большаков, выступая на профсоюзной конференции перед сотрудниками Министерства 15 июля 1953 года, заявил: «Большие недостатки имеются и в области изобразительного искусства. Там тоже до последнего времени наблюдалось чрезмерное увлечение портретной живописью в ущерб

[409] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 98.
[410] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 76. Л. 11.
[411] Там же. Д. 91. Л. 3.

показу жизни советского народа. У нас очень мало пишут интересных картин из быта нашего народа, из его жизни, и, как вы знаете, те, кто из вас был на выставке 1952 года, вы помните, как всех зрителей привлекла картина “Опять двойка!” — эта жанровая картина из жизни советского народа пользовалась большим успехом среди наших зрителей, а таких картин, к сожалению, наши художники показали очень мало»[412]. Характерно, что вину за отсутствие жанровых картин бывший министр кинематографии возложил не на организаторов выставки 1952 года, а на художников. Но уже сама констатация факта увлечения портретной живописью в июле 1953 года говорила об очень многом в плане намерения изменить существующее положение вещей.

С 1949 года в здании государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина проходила выставка подарков И. В. Сталину, а собственно коллекция музея не экспонировались. В августе 1953 года приказом министра культуры выставка подарков И. В. Сталину была закрыта, а в декабре того же года открылась постоянная экспозиция музея.

На протяжении 1953 года происходило изменение отношения партийно-государственного руководства страны к созданию памятников. Однако эти изменения еще не были оформлены в какие-то решения. О том, что детальные указания со стороны высшего политического руководства по реализации программы установки памятников в первый год после смерти Сталина отсутствовали, свидетельствует обсуждение вопроса о сооружении памятников в начале января 1954 года, еще при первом министре культуры. В начале 1954 года заканчивались работы по созданию памятника Ю. Долгорукому. Но П. К. Пономаренко предложил не устанавливать этот памятник перед зданием Моссовета («может быть, его и вообще не признают целесообразным возводить»[413]), а его первый заместитель

[412] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 14. Д. 1. Л. 14.
[413] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 26.

С. В. Кафтанов сказал, что на этом месте «более целесообразно поставить памятник Ленину. Там и институт Маркса-Энгельса-Ленина. Ленин выступал в Моссовете»[414]. Относительно памятников К. Марксу и Ф. Энгельсу Пономаренко сообщил, что решение о сооружении было принято еще 1924 году, и правительство «может спросить, почему мы так пренебрежительно отнеслись к этому делу»[415].

В первой половине 1954 года на собрании московских художников были сорваны выступления М. Г. Манизера, рассказавшего о творческих планах Академии художеств СССР, и вице-президента Академии Б. В. Иогансона. Критике со стороны молодых художников были подвергнуты мастера, пользовавшиеся ранее непререкаемым авторитетом: Н. В. Томский, Е. В. Вучетич и другие[416].

1 июля 1954 года коллегия Министерства культуры СССР рассматривала вопрос «О состоянии и мерах дальнейшего развития советского изобразительного искусства»[417]. Обсуждение было продолжено 28 июля. По его итогам было принято решение, в котором, в частности, говорилось, что

> «...одним из существенных тормозов в развитии изобразительного искусства долгое время являлся культ личности и связанное с ним пренебрежение к правдивому и художественно-полноценному изображению народных масс. Это привело к сужению тематики и к сюжетному и композиционному однообразию советского изобразительного искусства, как в живописи и графике, так в скульптурных памятниках, подавляющее большинство которых решено однообразно в виде отдельной фигуры на геометрическом постаменте и почти не применяется попытки более полного раскрытия темы памятника путем ввода рельефов, дру-

414 Там же. Л. 27.
415 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 26.
416 Там же. Д. 215. Л. 12.
417 Там же. Л. 3.

гих фигур и групп, взаимодействующих с центральной фигурой. Элементы культа личности привели к нарушению жизненной и художественной правды в ряде произведений живописи, в которых, вместо глубокого изучения жизни, поисков ярких выразительных народных типов и характеров, художники изображали народ как пассивную толпу статистов, которая нужна автору лишь для того, чтобы на этом сером, безликом фоне сильнее выделить образ Центрального [так в документе] исторического персонажа. Это порождало в ряде произведений искусства недопустимо поверхностное, обедненное и примитивное изображение народа, простого, рядового советского человека»[418].

В этом решении, по сути, критиковались основы той генеральной линии, которая проводилась в советском изобразительном искусстве чуть более года назад. Более того, картины и памятники, в центре которых был «герой» на фоне безликой толпы, признавались теперь не соответствующими социалистическому реализму: «...произведения, в которых советские люди отображены бесцветно и неубедительно при всей кажущейся реальности трактовки, по существу не являются реалистическими, так как они не раскрывают подлинного характера советских людей... нарушают главное требование социалистического реализма: не раскрывают действительности в ее революционном развитии, в движении, в изменении, не видят нового в облике и характере советских людей»[419]. В письме в Совет Министров СССР критиковалась практика установки однообразных памятников Ленину и Сталину по всей стране: «...за последнее время получила распространение совершенно неправильная практика установки в различных городах повторений и отливок с уже однажды установленных памятников»[420]. Указывалось, что во многих

[418] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 216. Л. 91.
[419] Там же. Л. 92.
[420] Там же. Л. 128.

советских городах стояли однообразные монументы Ленина авторства Меркурова: «...такая практика массового тиражирования одних и тех же скульптур прямым образом противоречит самой задаче скульптурного памятника, лишая его неповторимой ценности и превращая его в шаблон, обедняя идейно-художественное значение и нарушая принцип связи монумента с определенным архитектурным ансамблем»[421]. Критике была подвергнута и установившаяся система, при которой была «фактически прекращена организация широких конкурсов со свободным правом участия в них многочисленных кадров советских скульпторов и архитекторов. В таких конкурсах соискатели выступают под девизами, фамилии их составу жюри неизвестны и присуждение премий решается тайным голосованием, только исходя из качеств представленных моделей памятников»[422]. За период с 1945 по 1954 г. проводились лишь закрытые конкурсы «и к участию в них допускались только несколько авторов по выбору Управления изобразительных искусств. Остальная масса советских скульпторов была тем самым фактически устранена от права участвовать в конкурсах, что породило справедливое недовольство среди скульпторов. Но и такие закрытые конкурсы проводились не всегда. Часто вопрос решался аппаратным путем, в виде простого поручения какому-то одному автору создать тот или иной скульптурный памятник»[423].

4 сентября 1954 года был принят приказ по Министерству культуры «О проведении конкурсов на проектировании памятников и монументов»[424]. Этим приказом определили первые три памятника, которые должны были участвовать в открытых конкурсах: памятник В. И. Ленину в Рязани, памятник А. П. Чехову для Таганрога, памятник В. Г. Белинскому для Ленинграда. Соответствующим подразделе-

[421] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 216. Л. 128.
[422] Там же. Л. 131.
[423] Там же. Л. 131.
[424] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 195. Л. 245.

ниям Министерства предписывалось разработать проект системы оплаты труда скульпторов и архитекторов, участвующих в конкурсах. Таким образом, руководство Министерства культуры поддержало право всех художников и скульпторов на участие в создании произведений, которые считались приоритетными.

При обсуждении состояния и развития отечественного изобразительного искусства летом 1954 года министр культуры СССР Г. Ф. Александров выступил с программной установкой: «...надо очень ясно сформулировать этот главный вопрос в нашем изобразительном искусстве, а именно, что наступила пора более широко, как сейчас это делается в кинематографии, показать народную жизнь. До тех пор, пока мы будем только критиковать роль личности в искусстве, а на деле не начнем изображать всесторонне труд и быт простых людей, наш народ, до тех пор все эти разговоры о культе личности останутся только разговорами. Это должно найти отражение в решениях наших»[425]. Александров говорил о необходимости здоровой конкуренции при проведении госзаказа на произведения изобразительного искусства.

В 1955 году состоялась Всесоюзная художественная выставка. В процессе подготовки было рассмотрено около 6000 работ. Из них после обсуждения и тайного голосования, проведенного в три тура, для экспозиции были отобраны 2164 работы, созданные художниками в 1953–1954 гг.[426] Руководству выставки была дана значительная самостоятельность в ее организации. Отдел науки и культуры ЦК отмечал, что «Министерство культуры СССР и зам. министра культуры, ведающий вопросами искусства т. Кеменов, устранились от руководства делом подготовки выставки, не направляли работу выставкома, и под видом «широкой демократии» и «коллективности руководства» решение всех вопросов, связанных с выставкой, полностью передовери-

[425] Там же. Д. 216. Л. 131.
[426] Там же. Д. 336. Л. 3.

ли выставочному комитету»[427]. Значительное место на выставке было отведено произведениям художников, «еще не изживших в своем творчестве влияний буржуазного искусства»[428]. Эта выставка предоставила возможность малоизвестным и молодым художником продемонстрировать свои произведения широкому зрителю.

Особое внимание стало уделяться тому, чтобы создаваемые памятники не повторялись даже в отдельных деталях оформления. Так, в ноябре 1954 года при обсуждении проекта памятника Салавату Юлаеву (скульптор С. Д. Тавасиев и архитектор И. Г. Гайнутдинов) для Уфы был одобрен, но авторам предписывалось «переработать постамент с тем, чтобы он не повторял постамента памятника Петру I в Ленинграде и соответствовал образу Салавата Юлаева»[429].

Очень показательна в смысле изменения отношения к изобразительному искусству и созданию памятников история создания памятника И. А. Крылову в городе Калинине (ныне Тверь). Решение о его установке было принято Совнаркомом СССР в 1944 году[430]. Изначально авторам (Д. В. Горлов, С. Д. Шапошников) ставилась задача создать «сидящего Крылова с постаментом», то есть в духе, по образу и подобию того памятника, который был создан П. К. Клодтом в 1855 году (ныне находится в Летнем саду в Санкт-Петербурге). Таким образом, авторам изначально давалась установка не на создание самобытного и оригинального произведения, а изготовление своего рода копии. Несколько лет авторы искали решение памятника, и, после изучения творчества Крылова, а также литературоведческих работ, отказались от предложенной им концепции «сидящего Крылова»[431]. К началу 1953 года после

---

427 Аппарат ЦК КПСС и культура 1953—1957: Документы. М. 2001. С. 378—379.

428 Критиковавшиеся ранее Сарьян был представлен 8 картинами, Кончаловский — 7, С. Герасимов — 9 живописными и 11 графическими работами, Дейнека — 3 большими картинами.

429 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 224. Л. 98.

430 Там же. Д. 353. Л. 98.

431 Там же. Д. 235. Л. 90.

разработки около 20 вариантов памятника была создана рабочая модель, которая была представлена в Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР. 5 февраля 1953 года она была утверждена председателем Комитета Н. Н. Беспаловым[432]. В Министерстве культуры памятник Крылову обсуждали несколько раз на протяжении 1954–1956 гг. Первый краткий обмен мнениями произошел на коллегии 3 ноября 1954 года. Высказывались мнения, что Крылов получился похожим не на писателя, а на чиновника. Н. П. Охлопков сказал по поводу представленного проекта, что «это скорее трагическое лицо Бетховена, чем Крылова»[433]. Мнения разделились, а начальник Главного управления изобразительных искусств А. Казиатко предложил посмотреть модель памятника, которая в тот момент стояла во дворе института имени Сурикова. Было принято решение продолжить обсуждение после ознакомления с этим проектом (кроме того, на коллегии 3 ноября отсутствовал министр). В представленном варианте памятника голова Крылова была опущена, а его лицу было придано мрачное выражение. Обсуждение было продолжено 17 ноября 1954 года. Один из авторов памятника, Д. Горлов говорил о том, что Крылов — «фигура, которая в своем роде у меня ассоциировалась с Кутузовым в истории развития военного дела в России»[434]. Многие придерживались той точки зрения, что Крылов получился похожим на чиновника. Кинорежиссер Г. В. Александров заявил, что Крылов больше похож на цензора, чем на писателя: «...я тоже не узнал, когда увидел памятник, именно потому, что я представлял Крылова с умом и мужицкой хитрецой. Но Крылов здесь совсем другой, и мне кажется, духовное сходство у Крылова не достигнуто. Правильно здесь говорили, что черты Бетховена сильнее, а все творчество Крылова, вся популяризация немножко другого характера»[435]. Режиссер

[432] Там же. Д. 223. Л. 137.
[433] Там же. Д. 235. Л. 48.
[434] Там же.
[435] Там же. Л. 96.

[Содержание]

предлагал отказаться от постамента — памятник «может стоять на траве». По его мнению, Крылов был против официальности, «у него много любви к народу». В качестве примера нетривиального решения Г. В. Александров приводил захоронение Э. Грига в скале. Среди критиков памятника были и заместители министра. Так, В. С. Кеменов заявил, что «не надо Крылову придавать черты Байрона»[436], а Н. Е. Твердохлебов заявил, что черты лица памятника даже внешне не похожи на изображения Крылова[437]. Министр Г. Ф. Александров заявил о том, что «с той фигурой, которая сейчас показана», он не согласен. И подчеркнул жизнеутверждающую силу в баснях Крылова: «...он сторонник того, что победит положительное начало, и эта сторона делает его жизнерадостным, веселым, а не таким мрачным человеком, который смотрит так, что вокруг только зло, несправедливость, и т.д., не видит лучшего будущего»[438]. В памятнике нужно, по мнению Александрова, выразить все детали, свойственные творчеству Крылова. Но какие исправления вносить в памятник, авторы должны решать сами: «как показать черты творчества Крылова — художник должен лучше нас продумать»[439]. Важно отметить и то, что модель памятника, принятая за основу руководством бывшего Комитета по делам искусств в феврале 1953 года, в ноябре 1954 года была подвергнута резкой критике.

Осенью следующего, 1955 года (после снятия Александрова с должности министра) вернулись к обсуждению проекта памятника. Министр Н. А. Михайлов на коллегии отсутствовал. Шапошников не внял мнению критиков. В. С. Кеменов заявил:

> «Тогда все члены коллегии говорили, что творчество Крылова проникнуто внутренним оптимизмом, что в нем силен

[436] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 235. Л. 88.
[437] Там же. Л. 95.
[438] Там же. Л. 98.
[439] Там же.

гнев, но есть и юмор, и сатира, и улыбка, и смех. Нельзя превращать Крылова в озлобленного бюрократа, мрачного мизантропа. И у Белинского сказано это. Автор встал на позицию непринятия замечаний, но все время говорил, что дорабатывает. Характерна стенограмма экспертного совета, который происходил, когда автор доработал. Все говорили автору, что памятник остался таким, как был, что ничего не изменилось, все высказывались единодушно — кроме одного Шапошникова, который сказал, что все хорошо. И он стоит на этой позиции до сих пор. Мне непонятна позиция Главного управления в этом случае. Главное управление понесло расходы, примерно 200 тыс. руб., — что же у Главка нет мужества сказать, что не выходит? Надо же принципиально подходить к этим вопросам. Что же, надо к этим 200 тыс. добавить еще 800 тыс. и поставить плохой памятник, чтобы нам в течение столетий говорили: что же вы сделали? Находит какой-то компромисс — немножко больше улыбки... Этот памятник похож на персонажа из Гоголя, или даже из Щедрина. Он похож скорее на Собакевича. Но это не обличитель. Надо твердо и ясно сказать, что автор не выполнил пожелания коллегии, что коренное решение образа Крылова не удалось. Больше мы тянуть этот вопрос не можем. Надо сказать, что не вышло, и предложить Главному управлению дать новые предложения»[440].

И если посмотреть на оформление памятника, то оно похоже, по мнению Кеменова, на витрины для газеты — «такие квадратные тумбочки ставятся во всех парках культуры и отдыха и там стоят вазочки для цветов или урны»[441]. Кеменов посчитал, что памятник не удался, предложил отклонить его «как неудовлетворительный, как неверно решающий образ Крылова. И находить новое решение»[442]. Кеменов даже предложил по-

440 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 353. Л. 124.
441 Там же. Л. 125.
442 Там же.

ручить создание памятника другим авторам. Н. Е. Твердохлебов выступил еще с более жесткой критикой: «Мне кажется, в этом образе есть какая-то чванливость и некоторая даже тупость, ограниченность. Это не обличение, а некоторая брюзгливость. Я считаю, что это не удалось»[443]. Один из авторов, скульптор С. Д. Шапошников в ответ на упреки сообщил, что он работал в рамках порядка, который существовал. То есть эскиз памятника был в свое время утвержден Комитетом по делам искусств, по эскизу была сделана модель, от которой автор не может отступать в ту или иную сторону. Кроме того, авторы были направлены «по определенному пути»[444].

Но самое главное состояло в том, что происходило изменение отношения как во взглядах на существующие художественные произведения, так и во взглядах на создание новых. Об этом, применительно к ситуации с созданием памятника И. А. Крылову, Шапошников сказал так: «...если взять работу Н. Л. Степанова[445], которая вышла недавно, и взять его труды, которые вышли несколько лет тому назад, то это диаметрально противоположные вещи. Каким Крылов должен быть — вот что самое главное и весьма существенное»[446]. Первый заместитель министра культуры С. В. Кафтанов заявил, что в создании неудачного проекта надо винить не только авторов: «...я согласен, что в этом не только ваша вина, а дело и в том, что это утверждалось на протяжении 10 лет разными людьми. Но поймите и нас, что мы не можем поступить иначе. Памятник создается не на 10 лет, а на столетия, фигура очень сложная и интересная, и решать сейчас вопрос только под властью прошлых решений мы не можем»[447].

Обсуждения проекта памятника Крылову наглядно демонстрируют те изменения, которые происходили в сфере

443 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 353. Л. 129.
444 Там же. Л. 132.
445 Н. Л. Степанов — советский литературовед, автор работ о И. А. Крылове.
446 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 353. Л. 134.
447 Там же. Л. 132.

изобразительного искусства начиная с 1953 года. В ноябре 1955 года коллегия Министерства культуры приняла решение «выполненную С. Шапошниковым скульптуру для памятника И. А. Крылову признать неприемлемой»[448]. Авторам поручили продолжить работу по внесению изменений «в соответствии с требованиями, изложенными в решении коллегии от 17 сентября 1954 года»[449]. Вместе с тем решили привлечь и других авторов. Последний раз памятник И. А. Крылову обсуждали на коллегии в мае 1956 года. Изменения были внесены. Главным образом, они коснулись головы И. А. Крылова, которая была приподнята, а лицу автор придал улыбающееся выражение. Именно в таком варианте этот памятник установлен в 1959 году и поныне стоит в сквере Крылова, вблизи площади Победы в Твери.

Государство само стало поощрять поиск художниками и скульпторами новых форм и решений. Развернулась борьба с однообразием творческих решений при создании памятников. Вот как об этом говорил сентябре 1955 года при обсуждении памятника В. В. Вересаеву член коллегии Министерства культуры СССР М. И. Чулаки: «...меня смущает, что появляются один за другим памятники, до ужаса похожие друг на друга — по позе, по постаменту, отличишь один от другого только когда ближе подойдешь. Мы не ищем памятников разных, которые резко отличались бы друг от друга. Какое-то серийное производство»[450]. А заместитель министра культуры А. И. Назаров отмечал, что Главному управлению изобразительных искусств неоднократно указывали на необходимость отхода от штампов и шаблонов при создании памятников: «...по фигурам и политические, государственные деятели, и музыканты, и писатели — все одинаковы. Поэтому и получается, что памятник Вересаеву будет по своим размерам соперничать с памятником Ленину — потому что нет ин-

[448] Там же. Л. 97.
[449] Там же. Л. 98.
[450] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 351. Л. 46.

дивидуального решения. Даже памятник Репину умудрились дать как памятник какому-нибудь государственному деятелю, трибуну»[451].

В ноябре 1955 года обсуждался проект памятника Н. В. Гоголю для установки в Ленинграде (скульптора В. П. Бублева и архитектора А. И. Прибульского). Скульптор объяснил свой замысел:

> «...мне очень понравились слова Фадеева, которые он произнес на открытии памятника Гоголю в Москве, о том, что Гоголь живет с нами. Мне и хотелось сделать такого Гоголя, живущего с нами: живого, очень проницательного, как бы сидящего с нами Гоголя. И вместе с тем мне хотелось сделать Гоголя-сатирика, активно участвующего в жизни. Гоголь нам становится близким человеком с детских лет. Поэтому мне не хотелось ставить его в надуманную позу, ставить на высокий пьедестал и этим отрывать от зрителя; хотелось приблизить его к зрителю. И в то же время хотелось сделать Гоголя-сатирика, который активно относится к жизни... Хотелось сделать Гоголя, который бичевал, но не ради самого бичевания, а ради исправления человека. Все это я старался выразить в простом и жизненном движении»[452].

В этих словах Бублева — открытая полемика с вариантом творческого решения памятника Гоголю, установленному совсем недавно, в 1952 году, в Москве на Гоголевском бульваре. Представленный вариант был принят за основу при условии доработки. Памятник Гоголю был открыт в Санкт-Петербурге в 1997 году, но был создан другими авторами.

Член коллегии Министерства культуры СССР П. В. Лебедев сказал, что «сейчас несколько другой взгляд существует на памятник», по сравнению с тем, что создавали в конце 1940-х — начале 1950-х гг.: «...проекты того време-

[451] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 351. Л. 46.
[452] Там же. Д. 356. Л. 185.

[Содержание]

ни создают впечатление какого-то стандарта, выходящего даже за рамки того, что принято называть формами искусства. Мы хотим иметь памятник не только как память — столб, обелиск, фотография, — но произведение искусства. Мы хотим видеть каждый памятник оригинальным»[453].

Менялось и отношение к зарубежному изобразительному искусству. Так, заместитель министра С. В. Кеменов заявил при обсуждении тематического плана издательства «Изогиз» в декабре 1954 года: «...нас упрекают в том, что мы установили железный занавес и не хотим с последним периодом западного искусства иметь дело. У нас выставлены импрессионисты... Хотя бы что-нибудь включить в план, показать народу, что мы не запрещаем, что эти картины висят у нас в музее. На меня они производят меньшее впечатление, чем наш русский пейзаж, но хотя бы две картины — Ренуара, Монэ и т. д. — включить в план с точки зрения политической было бы очень важно»[454].

Отечественной публике возвращались произведения художников, ранее находившиеся в хранилищах. Так, 16 марта 1954 года был издан приказ по Министерству культуры «О временной выдаче из [фондов] Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 5 произведений[455] Пикассо» для экспонирования на выставке[456]. А 16 марта того же года приказ по Министерству предписывал директору государственного Эрмитажа выдать для экспонирования на выставке 28 произведений[457] Пикассо[458].

---

[453] Там же. 236. Л. 48.

[454] Там же. Л. 114.

[455] А именно картины: «Портрет поэта Савартеса», «Королева Изабо», «Свидание», «Домик в саду», «Странствующие гимнасты».

[456] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 186. Л. 126.

[457] Среди картин: «Поясная фигура нагой женщины», «Пьяница», «Купанье», «Гитара и скрипка», «Встреча Марии и Елизаветы», «После бала», «Нагая женщина», «Натюрморт», «Флейта и скрипка», «Фермерша» и др.

[458] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 186. Л. 194.

[Содержание]

Таким образом, в течение 1954–1955 гг. в сфере государственной политики в области изобразительного искусства происходили значительные изменения. Жесткой критике подвергнуто создание произведений в манере, которая господствовала в конце 1940-х — начале 1950-х гг. В этой критике в 1954 году неоднократно употреблялся термин культ личности. Органы руководства культурой стали выступать за разнообразие, за отход от шаблонов и штампов в создании произведений изобразительного искусства. При этом, надо отметить, что единственным правильным методом продолжал считаться социалистический реализм. Вместе с тем отечественный зритель получил доступ к некоторым произведениям, созданным в других жанрах, например в жанре импрессионизма. Прекратилось создание и установка памятников Сталину. Более того, создание этих памятников отсутствовало в планах на ближайшие пять лет. Появились элементы соревновательности при отборе авторов для создания памятников. Возобновилось проведение закрытых конкурсов, произведения ранее неизвестных и начинающих авторов получили доступ к широкой публике. На правительственном уровне был поставлен вопрос о тяжелом материальном положении большинства художников и скульпторов, об отсутствии у них помещений для творческих мастерских и нормальных условий для творчества.

Книгоиздание и распространение печатной продукции

К 1953 году книгоиздательская отрасль находилась в кризисе. В июле 1953 года отмечалось, что «непомерно велик процент издаваемых официальных изданий (инструкции, постановления, всяческие официальные издания)»[459]. Тираж этих изданий в 1952 году составил 10% от общего количества выпущенной литературы. А об-

[459] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 14. Д. 1. Л. 17.

щий тираж художественных произведений «только 15%». На складах скопилось «литературы, которая не находит сбыта, на 117 миллионов рублей». В книгоиздательском деле новые тенденции наметились еще в 1953 году. При рассмотрении планов издательств «Искусство» и «Изогиз» на 1954 год критике со стороны руководства Министерства культуры было подвергнуто то, что в некоторых брошюрах и монографиях содержалась «исключительная биографичность, часто носящая характер чрезмерного самовосхваления и восхваления, тогда как в этих книгах наиболее ценной частью должно быть изложение опыта творческой деятельности»[460]. Говорилось и о том, что в ряде учебников «концентрируется внимание только на одном каком-то ученом, говорится исключительно о нем, и очень мало о том, что сделано другими учеными. Вместе с тем имеем случаи, когда далеко не передовые ученые цитируются в учебниках по 10–15 раз по всякому незначительному случаю. Известны попытки догматизировать отдельные положения крупных ученых. Все это ведет к тому, что мы еще не изжили начетничества, догматического подхода в преподавании, о том, что догматически трактуются основные положения, которыми мы должны руководствоваться»[461].

Сталин до февраля 1956 года по-прежнему считался классиком марксизма. Его произведения продолжали издаваться и распространяться. Но и здесь были внесены определенные коррективы. Так, в списке книг, подлежащих изданию специально для библиотек (подготовленном в конце 1953 года) предусматривалось издание собраний сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина одинаковым тиражом — по 150 000 экземпляров каждого. Но краткий очерк жизни и деятельности Ленина был запланирован тиражом в 200 000, а краткая биография Сталина тиражом

[460] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.
[461] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 14. Д. 1. Л. 25.

на 50 000 меньше[462]. В плане «Изогиза» на 1955 год, представленном в декабре 1954 года, предусматривалась печать равного количества наименований портретов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но общий тираж портретов Ленина был больше остальных — 600 000 экземпляров, а Маркса, Энгельса и Сталина — по 500 000[463].

30 декабря 1953 года рассматривался тематический план переиздания художественной литературы на русском языке в 1954 году. Некоторые изменения были радикальными. Так, впервые спустя много лет на государственном уровне был поднят вопрос о литературном наследстве С. Есенина «имея в виду, что должно быть осуществлено наиболее полное издание произведений поэта, приемлемых для выпуска в печати»[464]. Отметим, что в предшествующие годы имя Есенина в СССР, как минимум, замалчивалось, а его произведения не издавались. В план издательства «Гослитиздат» на III квартал 1954 года было включено издание избранных произведений А. А. Блока объемом в 5 печатных листов[465].

Планировалось также включение «в план редакционно-подготовительных работ на 1954 год издания избранных сочинений А. Дюма (отца), увеличение тиража произведений И. С. Тургенева и В. Гюго («имея в виду многочисленные просьбы читателей»[466]). В то же время было предложено уменьшить тираж и объем издаваемых сочинений А. И. Герцена, потому что они могут «представлять интерес только для узкого круга читателей».

В разделе о кино отмечалось, что в 1955 году было принято решение об экранизации произведений Ф. М. Достоевского. Но еще в сентябре 1954 года в проекте плана Гослитиз-

[462] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 92. Л. 122.
[463] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 226. Л. 71.
[464] Там же. Д. 94. Л. 7.
[465] Там же. Д. 192. Л. 89.
[466] Там же. Д. 94. Л. 6.

дата значилось издание собрания сочинений Ф. М. Достоевского в десяти томах, а также издание его отдельных произведений. Таким образом, планировалось возвратить его произведения читательской аудитории[467]. Правда, план издания десятитомника Достоевского так и остался не осуществленным к началу 1956 года. В начале декабря 1955 года в плане подготовки к 75-летию со дня смерти писателя было подтверждено намерение издать это собрание сочинений. Кроме того, планировалось подготовить и издать биографию писателя, критические статьи о его произведениях. 14 декабря 1955 года был издан приказ по Министерству культуры о мероприятиях в связи с этой датой[468]. Приказом предусматривалось создание путеводителя по музею писателя, короткометражного документального фильма о жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, создание новых художественных фильмов по мотивам его произведений, создание театральных постановок во МХАТе, Малом театре и театре им. Е. Вахтангова в Москве, а также в трех ленинградских театрах, организация книжных выставок в Москве и Ленинграде, разработка лекционной программы о творчестве писателя, организация радиопередач, а также очерка на телевидении[469].

В тематическом плане этого издательства на 1956 год, представленном в августе 1955 года, указывалось: «Предполагается издать долгое время не издававшиеся произведения Л. Андреева, И. Бунина... Ф. Тютчева, А. К. Толстого, И. Вольнова, А. Неверова, Ю. Олеши, Ю. Тынянова, Шолом-Алейхема, Апулея, Э. По, С. Льюиса и др.». Обратим внимание, что предполагалась «возвращение» читателю произведений эмигрантов и противников советской власти И. А. Бунина и Л. Н. Андреева. Их произведения долгий период не издавались в СССР. С 1955 года издавались

[467] Там же. Д. 220. Л. 176.
[468] Там же. Д. 330. Л. 192.
[469] Там же. Л. 193–196.

собрания сочинений И. А. Бунина. Вдова писателя Вера Николаевна передала в Советский Союз часть его архива. А несколько позднее, весной 1956 года, ей, распоряжением Совета министров СССР, была установлена пожизненная пенсия в размере 800 рублей[470].

В марте 1955 года руководство МХАТа (А. К. Тарасова и М. Н. Кедров), а также ряд ведущих советских писателей: А. Фадеев, К. Федин, Вс. Иванов, Л. Леонов, С. Михалков, С. Маршак, Н. Асеев, К. Чуковский, В. Каверин — обратились к Первому заместителю Председателя Совета министров СССР В. М. Молотову, курировавшему в Правительству вопросы высшего образования и культуры, с просьбой о выплате авторского гонорара вдове писателя М. А. Булгакова — Елене Сергеевне — пожизненно, в связи с тем, что его произведения в послевоенный период не издавались. В письме писателей отмечалось, что в 1955 году «появилась возможность издать сборник» избранных пьес писателя[471]. Решение о выплате пожизненного гонорара вдове писателя Совет министров СССР не поддержал.

Намечалось приступить к изданию серии «Памятники мировой эстетической мысли». При обсуждении плана издательства «Иностранная литература» на 1954 год отмечали, что оно крайне мало выпускает и планирует выпускать произведения «прогрессивных писателей капиталистических стран» (Англии, Италии, стран Латинской Америки, Японии, Индии), особенно неблагополучно обстояло дело с изданием «прогрессивных писателей скандинавских стран — только одна книга датского писателя, совершенно не издавались произведения писателей из арабских стран»[472]. В 1955 году в одном из советских журналов был опубликован Хемингуэй. Министр культуры Н. А. Михайлов в сентябре того же года при обсуждения плана из-

[470] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 90. Д. 294. Л. 102.
[471] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 715. Л. 34.
[472] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.

дательства «Иностранная литература» на 1956 год предложил издать его отдельной книгой: «...недавно опубликовано в журнале замечательное произведение Хемингуэя — почему нам его не издать?»[473] И вообще, министр предложил «поработать над таким изданием, как антология современной английской поэзии, антология современной французской поэзии, если не антологии — то хотя бы сборники в 2–3 печатных листа»[474].

В соответствии с решением вышестоящих инстанций, в январе 1955 года были изданы приказы министра культуры СССР о выпуске журналов «Иностранная литература» и «Нева»[475]. В 1946 году, после принятия печально известного постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», журнал «Ленинград» был закрыт. С 1955 года в Ленинграде вновь стали издаваться два литературных журнала. В том же году начали выходить журналы «Юность» и «Дружба народов»[476].

В ноябре 1955 года отмечалось, что продажа книг и другой печатной продукции в 1954 году по сравнению с 1953 годом выросла на 13,8%, тенденция к увеличению продаж книг констатировалась и в 1955 году[477].

Неоднократно обсуждалось неблагополучное состояние в такой узкой сфере издательской отрасли, как печать открыток. В конце января 1954 года И. Г. Большаков рассказывал, что на совещании у члена Президиума ЦК КПСС и заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна говорили о том, «что нигде нельзя купить хорошую художественную открытку»[478]. Большаков сказал: «...ко мне приезжают иностранцы и они хотят купить художественные

[473] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 351. Л. 40.
[474] Там же1. Л. 41.
[475] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 302. Л. 174, 176.
[476] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 445.
[477] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 324. Л. 153.
[478] Там же. Д. 228. Л. 113.

открытки с видами Москвы, а этого у нас нет»[479]. И это говорилось о столице. В приказе министра культуры от 1 сентября 1954 года констатировалось: «спрос населения городов и особенно села на открытки не удовлетворяется. Основная масса открыток продается в Москве и в наиболее крупных городах; в сельскую местность они почти не попадают»[480].

Летом 1954 года отмечалось, что «анализ выпущенных за последние годы открыток показывает нетерпимое однообразие их. В общем тираже главную часть занимают открытки репродукции с картин. Совсем нет сатирической открытки и открыток с текстом народных пословиц, поговорок, наиболее популярных басен и песен»[481]. В условиях, когда спрос населения не был удовлетворен, эту нишу заняли мелкие издательства и даже частные фотографы (особенно важно подчеркнуть, что речь идет о сталинском времени): «пользуясь тем, что центральные издательства выпускают ограниченный ассортимент открыток, отдельные местные издательства, артели и даже частные предприимчивые фотографы наполняют рынок (особенно районы юга и курортные места) низкопробными, безвкусно раскрашенными фотографиями городов, курортов и цветов, фотомонтажами на лирические темы»[482].

Примерно такая же ситуация с ассортиментом была и в отношении печати репродукций картин. В декабре 1954 года констатировали узость тематики. Издания произведений современного западного искусства «совершенно не намечалось», «в то время как включение в план некоторых работ зарубежных художников (например, Ренуара, Моне) содействовало бы росту международных культурных связей»[483]. При издании и тиражировании репродукций не учитывался спрос населения.

[479] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 324. Л. 113.
[480] Там же. Д. 197. Л. 55.
[481] Там же. Д. 218. Л. 45.
[482] Там же. Л. 45.
[483] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 226. Л. 31.

П. К. Пономаренко на одной из коллегий Министерства культуры СССР в начале 1954 года заявил, что «вот письма всем поздравительные посылаются, а почему же открытку нельзя послать[484]?» Речь, таким образом, шла об изменениях устоявшихся к тому времени традиций.

Нельзя не отметить тенденцию предоставления большей самостоятельности издательствам. В апреле 1955 года министр культуры Н. А. Михайлов заявил: «...не все нам следует здесь регламентировать. Есть такие моменты в жизни издательства, которые не обязательно на коллегии утверждать»[485].

На уровне Министерства культуры говорили о крайне запущенном состоянии дела распространения книг. По свидетельству министра культуры РСФСР Т. М. Зуевой, «при всей запущенности материально-технической базы наших учреждений, нет, наверное, ни одной отрасли, которая была бы так запущена, как книжная торговля. Потому что мы никогда, нигде ничего не строили». А «если вы приезжаете в район, ищете самую страшную избушку — там обязательно написано «Книга». Я в Мурманске три дня не вылезала из подвалов. На книжных базах книги плавают в воде. Коллектор — в воде, книжный фонд библиотеки — в воде. Все учреждения культуры в подвалах, и в первую очередь книжные базы и книжные магазины. У нас огромные материальные и денежные потери из-за того, что теряются книжные фонды»[486]. Особо подчеркнем, что это говорит не упоминавшийся орган антисоветской пропаганды — радиостанция «Голос Америки» из США, а министр культуры самой крупной республики Советского Союза. Подобная ситуация была не только в России. Так, министр культуры Белоруссии говорил, что «нет книжных баз в Могилеве, в Витебске, в Бресте. Очень плохое положение. Это вопрос очень важный. Просто жалко, когда мы книги выпускаем в исключи-

[484] Там же. Д. 228. Л. 113.
[485] Там же. Д. 341. Л. 21.
[486] Там же. Д. 342. Л. 9.

тельно хорошем переплете, чудесные издания, и суем их в подвал, и они через неделю покрываются плесенью...»[487].

Зуева предлагала в следующей пятилетке полностью ликвидировать все избы-читальни: «...мы этот вопрос обсуждали внимательно на Всероссийском совещании и после продумывали, — мы пришли к заключению, что надо кончать с этими, по существу, архаичными учреждениями и переходить на колхозные клубы, на сельские клубы. Нам проектируются опять избы-читальни. Мы ставим себе задачей покончить с ними в 1957 г. И все избы-читальни, которые можно перестроить, переоборудовать, перевести на сельские клубы, а остальные — избушки на курьих ножках — ликвидировать, заменяя колхозными клубами, или превратить в сельские библиотеки, — но снять даже самый термин, который стал уже непонятным»[488]. В этом вопросе ее поддержал и министр культуры Белоруссии Г. Я. Киселев[489].

С 1953 года начинают издаваться произведения отечественных писателей и поэтов, которые не публиковались на протяжении более двадцати лет, читателю возвращаются имена Ф. М. Достоевского, А. А. Блока, С. А. Есенина, И. А. Бунина. В школьную программу вводится изучение стихов Блока и Есенина. Начинают печататься произведения популярных зарубежных современных писателей. В частности, Э. М. Ремарка и Э. Хемингуэя.

Музыка, радиовещание, телевидение и международное культурное сотрудничество

Новые веяния затронули и сферу музыкального искусства. В 1953 году в ЦК КПСС отмечали, что среди композиторов получила распространение мысль о том, что

[487] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 342. Л. 30.
[488] Там же. Л. 7–8.
[489] Там же. Л. 28.

[Содержание]

Постановление ЦК ВКП (б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели от 10 февраля 1948 года потеряло свою актуальность[490]. Этого мнения, в частности, придерживался и секретарь Союза композиторов Ю. А. Шапорин. В журнале «Советская музыка», № 11 за 1953 год вышла статья А. И. Хачатуряна «О творческой смелости и вдохновении», в которой он высказывался за свободу творчества и против руководящих указаний в области искусства.

21 января 1954 года, при обсуждении концерта в Большом театре, посвященного памяти В. И. Ленина, развернулась дискуссия о творчестве Д. Д. Шостаковича. Министр культуры П. К. Пономаренко сказал: «...у нас Шостакович — музыкант с мировым именем. А относятся к нему неправильно. Его 10-я симфония как будто не существует. У него есть «Леди Макбет Мценского уезда — ее осудили, но рассказывают, что в ней есть потрясающие вещи. Может быть, их взять оттуда отрывками»[491]. Это высказывание Пономаренко предполагало по сути ревизию печально известной статьи в «Правде» от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки». Более того, Пономаренко взял Шостаковича под защиту от критики руководства Союза композиторов: «Хренников додумался до того, что когда сказали, но ведь людям нравится, а он ответил, вот и страшно, что нравится. Надо музыку Шостаковича больше и смелее пускать»[492]. Тему подхватили другие руководители Министерства. А первый заместитель министра культуры С. В. Кафтанов предложил «шире пускать» не только Шостаковича, но и Прокофьева.

В том же году в Московском доме композиторов состоялась трехдневная дискуссия, посвященная 10 симфонии Д. Д. Шостаковича. Примечательно, что руководитель Союза композиторов Т. Н. Хренников не присутствовал на дискуссии, не были на ней и секретари Союза компози-

[490] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 198.
[491] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 228. Л. 121.
[492] Там же. Д. 235. Л. 90.

[Содержание]

торов Ю. Шапорин и М. Коваль. Симфония Шостаковича в основном получила одобрение у участников дискуссии. А композитор Кара Караев заявил, что «мы должны особенно ценить и беречь Шостаковича, так как он прошел через страдания, через мучения, через учение партии»[493]. При этом надо отметить, что творчество и имя Шостаковича не находилось под запретом в предыдущий период. Достаточно вспомнить, что именно Д. Д. Шостакович был автором музыки к суперпопулярному фильму 1948 года «Молодая гвардия», он же написал музыку к фильмам «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й».

Летом 1954 года Генеральный секретарь Союза композиторов Т. Н. Хренников направил в ЦК КПСС письмо с просьбой разрешить проведение второго съезда композиторов в декабре 1955 года[494]. Хренников мотивировал свою просьбу тем, что по уставу съезды должны были проводиться раз в три года, а первый состоялся в 1948 году. Постановление Совета министров о проведении второго съезда было принято почти год спустя после обращения Хренникова в ЦК КПСС. Съезд разрешили провести в апреле 1956 года[495].

21 июня 1955 года был подписан приказ министра культуры СССР «Об улучшении пропаганды советской музыки». Приказом предусматривалось увеличение в репертуаре филармоний произведений современных советских композиторов, составление программ симфонических произведений «по принципу сочетания лучших произведений советских композиторов с произведениями отечественной и зарубежной классики»[496], организация записей на грампластинки произведений советских композиторов за 1955–1956 гг. и радиопередач, популяризирующих творчество современных отечественных композиторов, проведение

[493] Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 213.
[494] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 496. Л. 98.
[495] ГАРФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 639. Л. 159.
[496] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 313. Л. 158.

фестиваля советской музыки в марте—апреле 1956 года. Помимо коллективов, исполняющих классический репертуар, в фестивале предполагалось участие эстрадного оркестра по управлением Л. Утесова и Эстрадного оркестра Всесоюзного радио.

По радио стали передаваться произведения выдающегося русского композитора С. В. Рахманинова. 10 ноября 1955 года приказом министра культуры в план новых постановок Большого театра была включена опера С. Рахманинова «Франческа да Римини». Оперу планировали выпустить на сцене филиала Большого театра в декабре 1956 года[497].

В декабре 1955 года Президиум ЦК КПСС принял решение о создании нового государственного гимна СССР.

В глубоком кризисе находилась сфера производства и распространения грампластинок. В то время (при отсутствии магнитофонов в широком пользовании) пластинка была единственным источником повторного воспроизведения аудиозаписей в домашних условиях. 2 октября 1953 года коллегия Министерства рассмотрела вопрос об увеличении выпуска и улучшении репертуара грампластинок. Инициатива постановки этого вопроса исходила от Правительства. Было высказано суждение, что «надо больше производить таких пластинок, которые пользуются большим спросом у населения[498]». Потому что, если во многих магазинах пластинки лежат и не продаются, это говорит о том, что на такой репертуар не имеется спроса. В записке Министерства культуры на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева указывалось, что в «1939 г. были распроданы все выпущенные пластинки, тогда как в 1952 г. оказалось непроданными 16 миллионов пластинок, и в то же время население предъявляло большой спрос на пластинки, которые не выпускались»[499]. При том, что в 1939 году было произведено 66 миллионов пластинок,

[497] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 325. Л. 30–31.
[498] Там же. Д. 228. Л. 188.
[499] Там же. Д. 85. Л. 175.

а в 1952 году — только 51,2 миллиона. Пластинки не продавались потому, что записывалась только серьезная симфоническая музыка, практически полностью игнорировались оперетта, эстрада и танцевальная музыка. Так, «в 1952 году было записано 857 новых наименований пластинок, из них только 8 наименований легкой музыки. В то время, как 70% заявок торговой сети составляли пластинки с современной эстрадной музыкой»[500]. В начале 1950-х гг. были сняты с производства почти все пластинки с записями популярных артистов Л. Утесова, К. Шульженко, Л. Черной, М. Бернеса и других. Министерство культуры предлагало увеличить выпуск грампластинок в 1954 году до 70 миллионов, а в 1955 году — до 100 миллионов, построить в течение двух лет новый завод грампластинок, мощностью не менее 50 миллионов штук в год, «возобновить производство грампластинок с записями песен и музыкальных произведений, полюбившихся народу, и по тем или иным причинам снятых с производства»[501].

Уже к концу 1953 года резко увеличились тиражи грампластинок с «западной танцевальной» музыкой. Так, в первом квартале 1953 года было выпущено 27 000 пластинок, в четвертом квартале того же года — уже 327 000, а в первом квартале 1954 года — 665 000 штук (то есть тираж за год увеличился более чем в 24 (!) раза). Выпуск западной танцевальной музыки в начале 1954 года составил более половины всего тиража т. н. «легкой» музыки[502]. Эти пластинки пользовались повышенным спросом в магазинах, и даже такое увеличение тиража не могло удовлетворить покупательского спроса[503]. Отдел науки и культуры ЦК отмечал, что кооперативные артели «полулегальным порядком» стали выпускать записи западной музыки, а также записи Лещенко и Вертинского.

500 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 85. Л. 176.
501 Там же. Л. 177.
502 Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957: Документы. М. 2001. С. 290.
503 Там же.

14 сентября 1954 года был издан приказ министра культуры СССР об улучшении репертуара выпускаемых грампластинок[504]. В приказе министра культуры СССР от 28 июля 1955 года отмечалось плохое состояние техники производства, низкое качество оформления и упаковки, отсутствие рекламы, малые тиражи каталогов. Констатировался и тот факт, что худсовет Министерства культуры не влиял на «репертуарно-тиражную» политику[505]. Приказом предписывалось составление плана выпуска грампластинок и обсуждение этого плана на худсовете, «организовать широкую рекламу грампластинок путем выпуска специальных проспектов и каталогов..., обратив особое внимание на популяризацию пластинок с записями симфонической, оперной и вокальной музыки»[506], техническое перевооружение заводов грампластинок.

9 февраля 1954 года было принято Постановление Совета министров СССР «Об организации производства магнитофонов для широкого потребления». Министерство культуры СССР во исполнение этого постановления 1 марта 1954 года издало приказ «Об организации производства магнитофильмов и ленты для магнитной звукозаписи и звуковоспроизведения»[507]. Таким образом, в начале 1954 года было положено начало производства магнитофонов для населения.

Пропаганде отечественной музыки был посвящен приказ министра культуры от 21 июля 1955 года. Отмечалось, что лучшие произведения советских композиторов исполняются крайне редко, а «наиболее популярные советские песни исполняются лишь ограниченным кругом певцов»[508]. Намечалось: составить список лучших симфонических

[504] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 196. Л. 224.
[505] Там же. Д. 317. Л. 180.
[506] Там же. Д. 317. Л. 184.
[507] Там же. Д. 184. Л. 203.
[508] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 313. Л. 157.

и камерных произведений, рекомендуемых к исполнению; организация встреч советских композиторов со слушателями в клубах; проведение в марте—апреле 1956 года фестиваля советской музыки; составление плана радиопередач по популяризации творчества советских композиторов и плана записи их произведений на грампластинки[509].

Одной из целей приказа Министерства культуры СССР от 15 июля 1955 года было привлечение на радио новых исполнителей: «К выступлениям на радио мало привлекаются новые молодые исполнители...»[510]. Приказом также предписывалось «не допускать частой повторяемости исполнения по радио одних и тех же произведений, а также выступлений одних и тех же артистов и музыкальных коллективов»[511], а также трансляцию произведений авторов из республик.

По состоянию на 1953 год в СССР были три радиопрограммы (канала). Первая программа вещала ежедневно в течение 20 часов в сутки. Она транслировалась главным образом через радиотрансляционную сеть и радиоточки, но покрывало вещанием далеко не всю территорию Советского Союза: «...ее лишен возможности качественно принимать целый ряд областей европейской части России. Особенно плохо обеспечено радиовещание в районах Дальнего Востока, Сибири, Урала и Средней Азии» — об этом сообщал первый заместитель министра культуры И. Большаков в июле 1953 года[512]. Вторая (вещание 10 часов в сутки) и третья (вещание — 4,5 часа в сутки) программы считались дополнительными к первой. Их могли принимать жители центральных регионов, имеющие собственные радиоприемники (третья программа — только на территории Московской области).

509 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 313. Л. 159–160.
510 Там же. Д. 315. Л. 1.
511 Там же. Л. 2.
512 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 14. Д. 1. Л. 15.

Состояние находившегося в 1953 году практически в зародышевом состоянии телевидения, было предметом неоднократных обсуждений в Правительстве и Министерстве культуры СССР. По состоянию на 1953 год в стране был только один телецентр в Москве. Существовала одна программа телевидения. Телевизионный сигнал могли принимать в Москве и Московской области, в радиусе до 100 км. Но, например, в Загорске сигнал принимали не все приемники[513]. При этом телевещание было не ежедневным. Телезрителей в официальных документах иногда называли *р диозрителями*. К середине 1954 года в зоне действия московского телецентра было зарегистрировано более 200 тысяч телевизоров[514].

В середине января 1955 года было принято решение о введении ежедневных телепередач[515]. После 1953 года происходит создание студий телевидения в регионах. Так, например, в марте 1955 года было принято решение об организации студий телевидения в Риге и Харькове[516], в начале мая того же года — в Омске[517], в конце июня — в Таллине[518], в начале июля — в Минске[519], в конце июля — в Свердловске[520], в начале декабря — во Владивостоке[521]. Постановлением Совета министров СССР от 15 июля 1955 года предусматривалась реконструкция Московского телевизионного центра. В числе прочих мер намечалось строительство опытного передатчика цветного телевидения, 6 радиопередатчиков УКВ-диапазона. Предполагалось организовать вещание двух каналов (программ) черно-белого

[513] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3465. Л. 215.
[514] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 193. Л. 118.
[515] Там же. Д. 303. Л. 120.
[516] Там же. Д. 307. Л. 79.
[517] Там же. Д. 309. Л. 191.
[518] Там же. Д. 314. Л. 68.
[519] Там же. Д. 312. Л. 104.
[520] Там же. Д. 316. Л. 102.
[521] Там же. Д. 330. Л. 120.

телевидения (к 1956 году) и одного цветного. Подчеркнем, что до 1955 года был только один канал телевидения, вещание осуществлялось не ежедневно. 15 сентября 1955 года было принято Постановление Совета министров СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию телевизионного вещания в СССР»[522], которым предусматривалось строительство телевизионных центров в 28 городах и ретрансляционных станций в 15 городах СССР.

С 1954 года значительно увеличивается международный культурный обмен. Источники, прежде всего, делопроизводственные документы Министерства культуры СССР — приказы министра и по Министерству культуры СССР, служебные записки руководящих сотрудников на имя министра и его заместителей — наглядно свидетельствуют об изменениях в области культурных связей с зарубежными странами.

В приказе по Министерству от 14 апреля 1954 года сообщается о приглашении в СССР в мае и октябре 1954 года (8 и 10 соответственно) артистов, музыкантов и деятелей балетного искусства из Великобритании[523]. В тот же день другим приказом сообщалось о приглашении в СССР из Швеции делегации деятелей искусства в количестве 10 человек и народного хора из г. Боргарнес, в составе 50 человек. Обе делегации должны были посетить СССР летом 1954 года[524]. В конце апреля — мае 1954 года в Советский Союз были приглашены артисты и деятели музыкальной культуры из Чехословакии[525], в июне того же года — Лейпцигский хор мальчиков в количестве 140 человек[526], затем группа греческих артистов и деятелей культуры в составе 12 человек «для концертных выступлений и ознакомления

[522] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 321. Л. 150.
[523] Там же. Д. 187. Л. 203.
[524] Там же. Л. 205.
[525] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 188. Л. 68.
[526] Там же. Л. 261.

с советским искусством и культурой»[527], группа индийских артистов в составе 30 человек сроком на шесть недель[528].

Летом 1954 года в двух книжных магазинах в Москве и Ленинграде были организованы специализированные отделы по продаже книг «стран народной демократии» — «социалистических стран». А 4 ноября 1955 года был издан приказ «о расширении торговли литературой, издаваемой в странах народной демократии». Эти указом предписывалась организация торговли книжной продукцией социалистических стран во всех столицах союзных республик, а также в городах: Харькове, Одессе, Львове, Ужгороде, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Свердловске, Томске, Хабаровске и Владивостоке[529]. Предусматривалось также обслуживание по системе «Книга — почтой» иногородних покупателей по письмам-заказам.

Так, например, 30 июля 1955 года было принято Постановление Совета министров СССР о расширении культурных связей между СССР и Францией[530]. Намечалось, в частности, проведение фестиваля французских фильмов в Москве в октябре—ноябре 1955 года. Иностранные кинофильмы на последнем этапе «малокартинья», в 1952 году, занимали значительное место в репертуаре советских кинотеатров. В частности, с огромным успехом шел фильм «Тарзан»[531]. Но, во-первых, «Тарзан» был трофейным, во-вторых, с момента его создания до выхода на советский экран прошло несколько лет, а значит, его нельзя назвать современным в момент выхода в отечественный прокат, а в-третьих, фестивали зарубежного кино в СССР конца 1940-х начала — 1950-х невозможно было даже представить. На неделе французского кино предполагалась демонстра-

527 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 194. Л. 83.
528 Там же. Л. 143.
529 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 324. Л. 244.
530 Там же. Д. 318. Л. 19.
531 С успехом в 1952–1953 гг. шел и французский фильм «Кардинал Ришелье» 1935 года.

ция французских фильмов: «Красное и черное», «Тереза Ракен», «Жюльетта», «Дети Райка», «Беглецы». Из них, как минимум, три фильма можно было отнести к современным. Кроме того, намечалась организация в первом квартале 1956 года выставки советской книги, прием французских студентов в московскую консерваторию, проведение выставки французских художников а Москве и другие мероприятия.

В ноябре—декабре 1955 года намечались двухнедельные гастроли английской драматической труппы театральной компании «Теннент»[532] под руководством Питера Брука[533]. А в конце декабря 1955 г. — начале января 1956 г. намечалось проведение гастролей в Москве Будапештского театра оперетты[534], а также американской оперной труппы «Порги и Бесс» в Москве и Ленинграде[535].

В августе 1955 года один из руководителей главного управления театров и музыкальных учреждений В. Голов в служебной записке просил увеличить лимит расхода бензина, «в связи со значительным ростом гастролей зарубежных коллективов и отдельных исполнителей»[536]. В 1955 году за рубеж было командировано 2 500 деятелей культуры в 44 страны, Советский Союз посетили 2 200 деятелей искусств из 30 стран.

***

Значительные изменения в культурной политике начались весной 1953 года, через месяц после смерти Сталина. В самом начале «оттепели» они затронули кино. Точкой отсчета можно считать радикальное изменение тематическо-

---

532 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 326. Л. 4.

533 Питер Брук — двоюродный брат известного театрального режиссера В. Н. Плучека.

534 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 330. Л. 197.

535 Там же. Л. 216.

536 РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 320. Л. 139.

го плана производства кинофильмов по решению Правительства в апреле 1953 года.

Изменения, происходившие в 1953 — начале 1956 г., были, в определенной степени, революционными. Этот период можно условно назвать «стихийной оттепелью». Для этой «стихийной оттепели» были характерны три основные черты. Инициатива изменений в культурной политике исходила от высшего политического руководства СССР, но четкие рамки изменений им не определялись. С просьбами об изменениях в сфере искусства с самого начала «оттепели» выступали представители творческой интеллигенции. Наконец, в условиях отсутствия подробных указаний от высшего политического руководства, а также его призывов к проявлению большей инициативы, руководство Министерства культуры СССР на определенном этапе само стало активным участником формирования деталей политики в области культуры.

Политика в области культуры, осуществлявшаяся в 1953–1955 гг., в значительной степени подготовила почву для решений, принятых на XX съезде. Скорость, с которой происходили изменения в области культуры и с какой появлялись новые произведения, свидетельствует также о том, что часть произведений, получивших известность в этот период, была создана ранее и «ждала своего часа». С другой стороны, советское искусство, избавленное от жесткого прессинга и чрезмерной мелочной опеки, вышло на новый уровень. В относительно короткое время появились новые значительные произведения.

Повседневное культурное пространство советского человека за три года — от весны 1953 года до февраля 1956 года — значительно изменилось. Особенно заметные изменения произошли в самом популярном и демократичном виде искусства — кино. Изменения происходили и в других сферах культуры — в театре, литературе, изобразительном искусстве. Культурное пространство менялось не только за счет появления новых произведений. Но и за счет публикации

ранее не издававшихся (или давно не переиздававшихся) литературных произведений, за счет возвращения широкому читателю таких имен, как А. Блок, С. Есенин (и, в частности, включения их в школьную программу), И. Бунина, М. Цветаевой и ряда других. В сфере кино, помимо создававшихся в этот период новых фильмов, начали демонстрироваться некоторые современные зарубежные фильмы, практически сошли с экрана одиозные фильмы, созданные в период «малокартинья».

Значительное число произведений, созданных и опубликованных в рассматриваемый период, вошло в золотой фонд отечественной культуры.

Алексей Цветков

Правый взгляд на коммунизм. Десять соображений по поводу книги Модеста Колерова «Социализм в одной стране»

0. Ситуация

В 1925-м, сразу после смерти Ленина, советским целеполаганием был объявлен «социализм в отдельно взятой стране».

Германская революция 1918–1919 так и не переросла в социалистическую. Всего четыре месяца власть Советов продержалась в Венгрии. Революция так и не смогла перекинуться на соседнюю Австрию, а в Южной Словакии социализм длился три недели. Красная кавалерия Тухачевского и Буденного была отброшена из-под Варшавы, и советизация Польши не состоялась. И даже мечтательный чекист Глеб Бокий понимал, что его авантюрный замысел вторжения в Индию встретит сопротивление на высшем партийном уровне, потому что страна не выдержит сейчас прямого столкновения с Британией. В общем, запланированный большевиками переход мировой войны в мировую революцию явно задерживался.

[Содержание]

Когда-то Маркс отвечал харизматичной русской террористке Вере Засулич и другим народникам, что России не обязательно проходить через те же формы и стадии капитализма, которые уже прошла Европа. Революция вполне может случиться здесь гораздо раньше. Возможен особый путь к общей цели, но только при условии, если эта «особая» революция будет поддержана пролетарскими восстаниями в соседних странах и вызовет цепную реакцию по всей карте мира.

Ленин с его теорией России как «слабого звена» в рабской цепи империализма фактически перенес на мировую карту восточный сценарий революции, при котором восставшие «окраины» парализуют «центр», что и приводит к его крушению. Так будут выглядеть «внутренние» революции в Китае, Вьетнаме, Камбодже и далее много где, вплоть до Никарагуа. Тогда как в революциях западного образца всегда наоборот — новая жизнь распространяется из столиц в регионы (Франция прежде всего), и Маркс скорее представлял себе победу социализма на мировой карте именно по такому, западному сценарию, ожидая, что «перманентная революция», о которой он писал начиная с 1850, стартует в Англии или в США.

Ленин и Троцкий были за то, чтобы временно строить социализм в одной стране, но склонялись к тому, что построить его таким образом невозможно, и поэтому стратегической целью оставалась провокация международной революции по всему континенту, от западных метрополий до восточных колоний. «Советский Союз» изначально понимался не как долговременное государство с устойчивыми границами — у него даже и гимна собственного не было, вполне хватало «Интернационала», — но как освобожденная передовыми трудящимися от капитализма новая территория, которая будет и дальше расширяться, пока не превратится в мировую республику рабочих, устремленную к изживанию за ненадобностью государственного аппарата как такового.

1. Цена революции и условия автаркии

> Фабрики рекрутируют своих рабочих, как и королевский флот своих матросов, посредством насилия.
>
> *К рл М ркс. «К пит л»*

Историк, умеющий работать с архивами, Модест Колеров написал полезное исследование о теоретических корнях и экономических условиях автаркийного социализма в его сталинистской версии — новой модели, сменившей «мировую пролетарскую революцию».

Вот пунктирный нарратив этой подробной генеалогии «социализма в одной стране». У него немецкие (Фихте, Лист, Лассаль), но не марксистские источники, ближайший его национальный аналог — реформы Витте. Весь XIX век российские элиты находились в ментальном плену английской модели единого мирового рынка, и только при Витте они стали осознавать важность немецкой модели экономической самостоятельности, достигшей своего пика во времена Бисмарка. Немецкий протекционизм против британского глобализма колониального типа — вот базовый конфликт экономических моделей. После русской революции и гражданской войны в условиях провала авантюрных коминтерновских планов возврат на автаркийные рельсы был неизбежным и безвариантным способом национального самосохранения, но теперь этот возврат мог быть только очень драматичным. Расплатилось за автаркию и форсированную индустриализацию крестьянство (или даже «расплатились крестьянством»), по отношению к которому со стороны партийного руководства потребовалась политика внутренней колонизации. Второй жертвой и условием автаркийного проекта стала многомиллионная армия заключенных в лагерях. Главным агентом этой жертвенной неизбежности был Сталин, а главным его оппонентом (и антигероем книги) оказался Троцкий.

[Содержание]

Отсюда догадливый читатель может легко предположить следующую мораль: лучше бы, конечно, никакой революции не было вовсе и Витте продолжил свои мудрые протекционистские реформы, но раз уж революция случилась, Сталину пришлось вернуться к аналогичным экономическим целям, но в новых условиях и за счет жесткого подавления крестьянства и создания экономики ГУЛАГа. Таким образом, колхозные крестьяне и заключенные лагерей расплатились своей судьбой за саму авантюру большевистской революции.

По Колерову, капиталистический протекционизм (недостаточный в романовской империи) был заменен успешным социалистическим протекционизмом при Сталине. Его исследование — отличный повод поразмышлять над тем, что такое правая оптика и чем она принципиально отличается от левой?

Государство для правого сознания — это доспехи уязвимого национального тела, а история — это прежде всего «война протекционизмов», или глубже — конкуренция национальных «организмов», а вовсе не борьба классов или других групп с оригинальной ролью в обмене и производстве, как это записано в левой азбуке. Для правых гораздо важнее обращать внимание прежде всего на отношения между государствами, нежели на их внутреннее устройство и классовую архитектуру.

На прямых и актуальных выводах Колеров не настаивает, но его книга удобно рифмуется с нынешней эпохой санкций, предполагающей демонстративное бульдозерное раздавление сыров, гусей и яблок на границах отечества во имя национальной безопасности.

Чисто теоретически санкции действительно могли бы привести к реиндустриализациии, восстановлению некоторых сложных производств, прежде всего военных, как это было, например, в Израиле и ЮАР, где похожая ситуация оживила ВПК.

В условиях войны государство и монополия срастаются намертво. Окончательным аргументом в пользу протек-

ционистской модели всегда является готовность к войне, поэтому автаркийный пафос можно воспринимать как идеологическую артикуляцию аппетитов ВПК.

2. Дуалистическая модель

> Протекционистам остается еще одна, последняя лазейка: они говорят, что их система вовсе не претендует на то, чтобы служить средством для социальной реформы, но начинать все же необходимо с социальных реформ внутри страны, прежде чем приступать к экономическим реформам в области отношений с другими странами...
>
> *К рл М ркс. «Протекционисты, фритрейдеры и р бочий кл сс»*

Логика Колерова отсылает нас к возможному разделению всех левых на левых космополитов (ЛК) и левых патриотов (ЛП), между которыми в любом социалистическом проекте всегда есть конкурентное напряжение.

Для ЛК марксистский социализм — это в принципе международный проект, не рассчитанный на одно государство, они делают акцент на видовой задаче человечества, а ЛП сосредотачиваются на борьбе против внешнего империализма.

Для ЛК видовое единство человечества сначала проявляется при капитализме как единый мировой рынок, а потом, при социализме — как единое предприятие, которое будет принадлежать всем его работникам. Но для ЛП социализм — это прежде всего лучшая из политических форм для раскрытия национального потенциала.

Они по-разному видят перспективы самой государственности. У ЛК аппарат власти поэтапно растворяется за ненадобностью в самоуправляемом бесклассовом обществе, а у ЛП нам обещана победа и торжество более органичных (мудрых и справедливых) государств над менее органичными.

С точки зрения ЛК производительные силы в двадцатом веке переросли национальные границы и в капиталистической, и в социалистической половинах мира. Одной из причин Первой мировой войны ЛК виделся именно этот выход производительных сил за пределы прежних национальных государств.

Сейчас большинство людей, называющих себя «левыми» в России, это скорее ЛП («сталинисты» и «брежневцы»), тогда как большинство западных левых (евросоциалисты, зеленые, «новые левые», троцкисты, антифа) и их идеологов (Негри, Горц, Каллиникос, Жижек, Бадью, Вирно) гораздо ближе к ЛК.

В этом смысле показательно развитие «миросистемной» аналитической школы левого социолога Валлерстайна. Он начинал скорее в логике ЛК и развивал марксистскую теорию империализма: да, страны неравномерно развиты, и это причина протекционизма, но в миросистемном анализе субъекты этой неравномерности — это большие региональные пояса, целые поля на карте с общей экономической судьбой, а вовсе не отдельные национальные «организмы». У любой теории есть история применения и понимания. Ни одна идея не лежит вне времени как некий чистый эйдос из мира абстрактных уравнений, не смешанных с конкретными датами. В двадцать первом веке ученики Валлерстайна дрейфуют всё дальше от идеи мирового перехода к посткапитализму (Валлерстайн, впрочем, не отказался от этого прогноза до сих пор) и всё ближе к идее альтернативных центров, сохранения укладов, торможения вестернизации и глобализации. Этим объясняется очевидный энтузиазм миросистемщиков (Самир Амин прежде всего) по поводу Китая как главного противовеса американской гегемонии.

Крайней формой реализации программы ЛП называют КНДР с ее идеями чучхе, т. е. опорой на собственные силы, военной моделью элиты и подчеркнуто национальным стилем культурной политики.

ЛК обычно подозреваются оппонентами в вероятном слиянии с либерализмом, вечном откладывании даты перехода в посткапитализм, в наивном ожидании распро-

странения западных гражданских и культурных стандартов на весь мир, в уклонении в политику идентичностей и в прочем политическом «постмодернизме».

ЛП же подозреваются в бонапартизме, культе государственных суверенитетов как самоценных субъектов истории, в неизбежном возвращении цивилизационной «нормы», дореволюционной экономической и культурной судьбы, у которой «не оказалось вариантов».

В капиталистических обществах ЛК можно рассматривать как союз левых с транснациональной, а ЛП — с национальной буржуазией. Такой взгляд ставит перед левыми вопрос: кто из элит прогрессивнее — национальная буржуазия ближе к конкретным рабочим и у них есть общие интересы, или же транснациональная буржуазия мыслит масштабнее и системнее и может позволить себе ставить по настоящему проектные задачи, выходящие далеко за пределы сохранения нормы прибыли, которая им и так гарантирована в обозримом историческом будущем?

В такой дуалистической оптике конкуренция между ЛК и ЛП отражается даже в опрокинутых назад объяснениях большевиками дореволюционной истории у академика Покровского, где торговый (космополитичный) капитал вечно борется против промышленного (национального) капитала.

В компромиссно-примирительных сценариях ЛП нередко отводится место «конкретных тактиков», а ЛК объявляются «общими стратегами». Но это может звучать и обидно для последних, если ЛП предлагается взять в руки «реал политик», а ЛК остается «политическая футурология».

3. Истолкование советского

Есть сильный соблазн всю советскую историю истолковать как конкуренцию двух этих уклонов в марксизме — левые космополиты против левых патриотов.

[Содержание]

Альтернативный, а не повторяющий проект модернизации страны был после революции и у тех, и у других. Ленин диалектично лавировал между двумя полюсами, чаще склоняясь к ЛК. Впрочем, для Ленина был чрезвычайно важен опыт немецкого госкапитализма военного времени, который он мог рассматривать как переходную модель к настоящему социализму. К тому же Ленин — один из создателей марксистской теории империализма, позволившей советским идеологам в будущем предложить третьему миру типовую модель революции из двух фаз — сначала национально-освободительная (против империалистического центра) и только потом социалистическая (против класса капиталистов внутри страны). Первая фаза — мобилизующее событие для ЛП, вторая — для ЛК.

В такой оптике Троцкий держался за догму о единой мировой экономической системе, в которой страны берут себе роль в разделении мирового труда (по образцу британской колониальной империи), и не нужно, да и невозможно стремиться к созданию полностью экономически самодостаточных стран.

Сталин совершил выбор и последовательно двигался вправо, вплоть до антисемитских чисток под видом борьбы с космополитизмом в конце своего правления. Хрущев пытался вернуться влево (к Ленину, а может быть, и к Троцкому), но быстро утратил поддержку ближайшего окружения, посчитавшего «коммунизм через 20 лет» авантюрной доктриной. Микоян и Хрущев в 1960-х вернулись к идее «международного разделения труда» и критиковали автаркию как сталинистское заблуждение. Партийцы остановили этот процесс и вновь немного сдвинули страну вправо — «развитой социализм» и частичная реабилитация Сталина как победителя в войне. Горбачев с его антисталинской риторикой и проектом торговой открытости по отношению к Западу похоронил советское государство.

То есть ключевым конфликтом окажется вовсе не разница между социализмом и капитализмом, но разница между протекционистской (условно «немецкой») моделью и либеральной (условно «британской») утопией «свободной тор-

говли». Россия колебалась между ними и в XIX, и в XX веке. Она вынуждена выбирать и сейчас.

Колеров берется обнаружить в большевистской революции и дальнейшем советском проекте национальное начало, которое будет усиливаться тем больше, чем дальше система будет стилистически сдвигаться от «конструктивизма» к «ампиру».

Такая трактовка дает ЛК возможность рассуждать о фиктивности и злокачественной деформации социализма в сталинскую эпоху или даже о государственном капитализме, выдавшем себя за социализм под красным флагом. Для ЛП же такой исторический сюжет позволяет найти в советской истории сквозной геополитический и национал-государственный смысл.

Для Колерова в определении «социализм в отдельной стране» гораздо важнее слово «страна», чем слово «социализм», т. к. сам социализм начинает восприниматься без мессианского пафоса, не как острие человеческой истории и портал мирового преображения, но как лучшее (на некий конкретный момент) средство сохранения особого цивилизационного кода и национального уклада, как стратегия самосохранения нации.

4. Правая оптика

> Система протекционизма вооружает капитал одной страны для борьбы с капиталом других стран, она усиливает его для борьбы с иностранным капиталом, и в то же время сторонники этой системы воображают, что якобы этими же средствами можно сделать капитал слабым и уступчивым по отношению к рабочему классу. В конце концов это значит уповать на человеколюбие капитала, как будто бы капитал как таковой может быть человеколюбивым. В общем же, социальные реформы никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых.
>
> *К рл М ркс. «Протекционисты, фритрейдеры и р бочий кл сс»*

[Содержание]

По сути речь идет о том, насколько реальна и желательна экономическая глобализация на условиях правящих миром корпоративных элит или же необходим рост взаимного протекционизма? Выражаясь языком Валлерстайна, одна «миросистема» нам нужна или несколько? И даже если одна, то насколько проницаемы для «свободной» торговли должны быть разные ее зоны?

Колеров смотрит на коммунизм справа и предлагает собственный рецепт: экономический протекционизм и культурный национализм. Не столь важно при этом, в руках какой именно группы находятся средства производства и источники прибыли, между условно «капиталистическим» и условно «социалистическим» методом создания экономически независимой промышленности для него нет принципиальной разницы.

Это внеисторическая, почти что «вечная» оптика, в которой вне зависимости от классовой архитектуры любого общества, за власть борются «национальные» и «антинациональные» силы, подобно тому как во фрейдистском понимании психики вечно конкурируют страсть к жизни (либидо) и страсть к самоуничтожению (мортидо) и последняя, чтобы победить, должна использовать мегаломанские и мессианские утопии, заставляющие принести себя в жертву.

Колеров немножко германофил и чуть-чуть англофоб. В его понимании описываемого мира космополитизм представлен скорее британским проектом, а национализм — немецким.

Тут стоит вспомнить, что концепция «закрытого государства» Фихте прежде всего была реакцией на французскую революцию и проектом приостановки распространения ее идей. Дальнейший прусский консервативный стиль сочетал элементы «социализма сверху» с укреплением власти прежних элит, прежде всего военных. Именно после шокирующего опыта Парижской коммуны (1871) и демонстративных актов пролетарского террора в самой Германии, Бисмарк окончательно перешел к реформам, нацеленным

на создание более автаркийного государства, внутри которого сглаживаются самые вопиющие классовые контрасты (так называемый «прусский социализм»). В следующем веке этот идеологический курс достигнет максимальной отчетливости в текстах Пленге, Ратенау и других германских публицистов, создавших к началу 1920-х годов правый проект индустриализации и «стирания классов» в тотальном государстве как особый путь немецкого духа, противопоставленный англо-французской «civilization» и идущий еще от критики французского Просвещения правым романтиком Гердером и от общенемецкого «отрицания идей 1789 года».

Для правой оптики зазор между государственным аппаратом и обществом (сословным организмом) не столь велик и важен, как для левой оптики, где разные классы (и даже группы внутри классов) состоят в принципиально разных отношениях с государством, а само государство — это прежде всего инструмент подавления большинства в интересах меньшинства и только потом уже что-то еще. Правая оптика воспроизводит компромисс, а левая — распознает конфликт.

Для правого может и не оказаться принципиальной разницы между британским (или американским) глобализмом и коммунистической мечтой о мировой революции — и там и там глобальная претензия на господство универсальной парадигмы единого мирового сценария.

Социализм же для правых сводится в конечном счете к степени государственного «дирижизма» экономикой, а вовсе не к проекту изживания классов в обществе, где непрерывно растет доступ для всех и ко всему, созданному всеми.

Емкость внутреннего рынка и степень автаркийности задают возможности для развития, самым наглядным показателем которого является уровень ВПК. Главное — быть против колониальной капитуляции, а социализм там у вас внутри или капитализм — что удобнее, то и нужно. Собственно, экономическая модель и классовая архитектура и должны быть подчинены этой первейшей задаче.

[Содержание]

В этом смысле можно считать Маркса и Энгельса «немецкими патриотами», ведь они поддержали объединение немецкой нации в едином государстве как дальнейший шаг на пути прогресса (т.е. движения к международной революции), но придется забыть, с каким удовольствием Маркс называл немцев «сворой бешеных собак», которых так легко натравить на любое проявление политического прогресса в Европе.

Такой ход мыслей позволяет понять дружный хор правых (евразийцев, сменовеховцев и национал-большевиков), поддержавших Сталина с его «национализацией социализма». Савицкий приветствовал сталинскую экономическую политику как возврат к имперской традиции. Даже Керенский в 1936 одобрительно писал, что «Советский Союз снова стал Россией», «рабочий класс более в СССР не господствует», «Конституция СССР во многом тоже фашистская». Он сравнивал сталинистскую модель с тогдашней Италией и Германией и находил всё больше общего — «партия является не партией, а средством управления», «цезаризм», «национальное единство, воплощенное в вожде».

По Керенскому, правда, «фашистский этап» в истории России хорош не сам по себе, но как окончательный разрыв с идеями пролетарской революции и период возникновения условий для перехода к демократии в неопределенном будущем.

Так или иначе, для правых сталинистская модель могла стать в один ряд с Германией, Италией, Испанией и Португалией, выбравших путь альтернативной (т.е. не либеральной) модернизации и предельной автаркийности.

5. Марксистский глобализм большевиков

Вселенная Колерова настолько закончена и гладко собрана, что возражать ей означало бы отрицать ее всю целиком, на уровне категориального аппарата и аксиологии, а это бессмысленно. Можно просто высказать несколько

марксистских соображений и исторически уточнить некоторые вещи.

Маркс не просто первый философ глобализации, которую он называл «универсализацией» и «всеобщей зависимостью народов», отмечая, что капитализм — это первая в нашей истории мировая система, где кризисы и подъемы будут иметь всё более глобальный характер.

Внимательно наблюдая за викторианской «глобализацией», он предсказал, что история отдельных наций превращается во всеобщую историю сначала через мировой рынок, а потом через международную революцию. Так открывается наша видовая общность.

Коммунизм рождается из мирового рынка. Новое состояние есть истина прежнего состояния, которая пряталась в превращенных формах вплоть до революции.

Большевики считали, что при капитализме построение единого мирового хозяйства происходит в невыгодных для большинства людей формах, но при социализме та же тенденция приобретет гуманистический характер.

Всеобщий монетарный обмен создает возможность мирового коммунизма. Коммунизм есть способ политически зафиксировать видовую общность всех людей, при котором закон впервые будет выражать общий интерес, а не привилегии отдельных доминирующих групп. Раскрытие видового потенциала, общей миссии человечества, может произойти только в постклассовом и безгосударственном обществе.

Предлагалось устроить именно мировую экономику как единую фабрику, между цехами которой не будет, конечно же, никаких рыночных и товарных отношений. Капитализм создал для этого экономическое пространство, а коммунизм соберет международную армию трудящихся.

Большевики исходили не из того, что Россия готова или не готова к социализму, а из того, что к нему готова мировая экономическая система в целом, Россия же — это «слабое звено», которое рвется первым и откуда начинается международный революционный процесс.

Возможность «социализма в отдельной стране» (если главным в этом сочетании слов всё же считать «социализм», а не «страну») зависит от более общего вопроса о построении социализма вообще, главные проблемы которого: как всё посчитать и спланировать без рыночной стихии? как избежать подавления инициативности уравниловкой? как остановить рост бюрократии при явном снижении ее управленческой полезности? как застраховаться от падения общего качества выполняемой всеми работы?

6. Троцкий и производительность

> Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и средства к жизни, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному.
>
> *К рл М ркс. «К пит л»*

Людвиг фон Мизес, сформулировавший все основные экономические претензии к социализму, признавал, что социализм довольно долго может держаться на моральном преимуществе, предлагая большую справедливость и равенство при меньшей эффективности производств и более стесненной личной свободе.

Троцкий вряд ли согласился бы с этим утверждением. Он был уверен, что в мировой конкуренции довольно быстро побеждает тот, у кого темпы производительности выше.

Если строить экономику автаркийно, обгона по темпам роста не произойдет, а значит, недостроенный социализм исчезнет, а капитализм в итоге возьмет реванш.

Немногочисленность пролетариата в полуфеодальной стране делала сценарий такого реванша весьма вероятным. Крестьянство на стартовом этапе не поддержит больше-

визм, а западные соседи, управляемые тамошним крупным капиталом, неизбежно его раздавят, поэтому в одной стране ничего не получится.

Большевики видели себя прежде всего властью рабочих. Внешняя экономическая поддержка должна компенсировать недостаточную численность рабочего класса внутри страны.

Между угрозой замедления темпов роста и необходимостью ввозить машины Троцкий решительно выбирал второе. Национальным производительным силам нужна интернациональная техника. Это решающий аргумент в пользу импорта зарубежного оборудования.

Конечно, он предпочел бы иметь дело с передовыми странами, в которых победил социализм, а не просто с передовыми странами в их капиталистическом состоянии, но выбора не было.

Троцкий оправдывал частичный возврат к рыночным правилам при НЭПе именно запаздыванием международной революции.

Возникала диалектическая рифма: внешний парадокс — СССР как незаменимая часть мировой экономической системы, которую он при этом отрицает и планирует вскоре низвергнуть, и внутренний парадокс — НЭП внутри СССР как «контролируемые фрагменты рынка», работающие на пострыночную, социалистическую перспективу.

В чем Троцкий видел гарантию обгона западных стран по экономическим темпам? В том, что при социализме не будет паразитических классов и как экономических нахлебников, и как политического тормоза самореализации народа, а также появится возможность управлять всей экономикой в целом по научно просчитанному плану. Производственный уровень западной экономики будет падать (от кризиса к кризису), а производственный уровень советской — повышаться.

Он предлагал ввести «сравнительный коэффициент» цены/качества для всех товаров и увязать уровень протекцио-

[Содержание]

низма с такими коэффициентами, рассчитанными для всего, что производится по обе стороны границы.

Троцкий ждал, что европейские страны не смогут восстановить свою экономику после мировой войны и дело там кончится скорой революцией, но, когда этот прогноз не сбылся, Лев Давидович стал окончательным сторонником интеграции в мировой рынок.

В отсутствии политической поддержки ещё не возникшего «социалистического Запада» нужна экономическая поддержка «капиталистического Запада». За неимением выбора придется включить советскую индустриализацию в мировую экономику, пусть и капиталистическую, обеспечив тем самым субсидирование государственной промышленности.

Обгоняющее развитие, необходимое для строительства и грядущей международной победы социализма, неизбежно требует внешних ресурсов и несовместимо с автаркийностью.

Рецепт Троцкого — вывозить сырье и зерно и ввозить высокие технологии и новейшие машины при сохранении монополии внешней торговли. А после начала международной революции тем более никакой автаркийности не понадобится, ведь региональная специализация приобретет плановый характер на пути к единому планетарному союзу советов.

В такой оптике международная экономическая взаимозависимость стран должна расти по мере их общего развития. Рост советской экономики будет так же подталкивать развитие Запада, а это объективно приближает там социальную революцию.

Троцкий сравнивал капиталистическую систему с Римской империей, а социалистов с благородными варварами.

Про капиталистический мир и советскую систему он писал: «лев сильнее собаки, но старая собака может быть сильнее львиного детеныша». Только слепой не увидит тут игры с именем собственным.

7. Троцкий и линия партии

Перед большевиками стояла общая задача — стабилизировать отношения между городской промышленностью, сельским хозяйством и финансовой сферой так, чтобы это максимально ускорило движение к коммунизму т. е. к бесклассовому обществу с посттоварной экономикой.

В 1924 Сталин тоже утверждал, что социализм в одной стране не построишь. В 1925 первым Рыков заговорил о такой возможности, и его поддержал Бухарин.

В условиях военного коммунизма Троцкий был изоляционистом и предлагал заменить недоступный внешний капитал почти бесплатным трудом через систему всеобщей трудовой повинности, за что его критиковали другие марксисты (Рязанов, Шляпников), видевшие в милитаризации труда прямое ущемление прав и нужд рабочего класса.

Интересно, что впервые любимый троцкистский тезис о «рабочем государстве, искаженном бюрократией», по иронии судьбы был озвучен Лениным в полемике именно с Троцким (о необходимости милитаризации труда и степени независимости профсоюзов).

В 1921 Красин видит Россию как рынок сбыта товаров в условиях европейского кризиса перепроизводства. Но Троцкий решительно против. В период «военного коммунизма» он склоняется к необходимости временной экономической изоляции страны. Спорит с наркомом финансов Сокольниковым, предлагавшим экспортировать зерно и импортировать повседневные товары. По мнению Троцкого, вместо этого стоит примириться с товарным дефицитом до тех пор, пока его не восполнит советская промышленность. В 1922 он критикует Сокольникова, выступая за сохранение жесткой монополии на внешнюю торговлю и против неконтролируемого ввоза некоторых групп товаров. Ленин тогда поддержал Троцкого, а Сталин, Зиновьев, Каменев и Бухарин встали на сторону Сокольникова, т.е. выступили против «излишнего»

[Содержание]

протекционизма. По Троцкому, следовало избежать экономической «смычки интересов» между российским крестьянином и европейским капиталистом. В «Преданной революции» он напишет, что интервенция дешевых западных товаров была бы опаснее, чем военная интервенция. До 1924 он настаивает на «социалистическом протекционизме» и «покровительственных пошлинах». Но после начинает делать некоторые оговорки и в итоге окончательно пересматривает свой план, в период НЭПа твердо встав на позиции интеграции и необратимого включения СССР в мировую экономическую систему. Теперь его рецепт — вывозим как можно больше зерна, ввозим как можно больше машин и технологий.

Идеологически они окончательно поменялись со Сталиным местами по этому вопросу, когда Бухарин сделал вывод о том, что изоляция страны советов капиталистическим миром — это всерьез и надолго и постановка вопроса об экономической автаркийности неизбежна.

На следующем этапе, после политического поражения Троцкого, обсуждались разные модели автаркийности. Сталин предлагал ее строить на основе приоритетного развития тяжелой промышленности, а Бухарин рассчитывал на легкую промышленность и крестьянские кооперативы (а не колхозы).

8. Троцкий и концессии

Сталин приравнивал концессии к рабству и колонизации, сильно преувеличивая их влияние в своей риторике против Троцкого. Концессии дали 48 миллионов рублей по подсчетам 1926 года, это не принципиальная для советской экономики сумма.

В логике Троцкого классовая драма превращается тут в геоэкономическую. Ранее буржуазия, стремясь к прибыли, увеличивала силу и массовость своего могильщика — пролетариата, а теперь западные страны, вкладываясь

в советскую экономику, усиливая ее, приближают собственную гибель.

Поэтому Троцкий выступал за привлечение в страну концессий (иностранного капитала) для освоения Сибири и добычи природных ресурсов.

9. Альтернатива Троцкого

Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма.

Фридрих Энгельс. «Антидюринг»

Вместо программы Троцкого был принят сталинский план, опиравшийся на ГУЛАГ и коллективизацию, но, может быть, в финале сталинского правления, на пике ампира, и случилось подобие мировой революции, ведь социализм простирался от Пекина и до Берлина, и, может быть, там складывалась единая социалистическая экономика, призванная обогнать капиталистическую? Но нет, каждая из стран соцблока стремилась к автаркийности по сталинскому рецепту, т. е. основанной на возможностях собственной тяжелой промышленности, высасывающей ресурсы из других, не столь принципиальных для автаркии сфер.

Индустриализация по Троцкому обещала быть не столь травматичной для крестьянского большинства, как индустриализация по Сталину, но ставила бы темпы промышленного роста в зависимость от внешней торговли.

Троцкий надеялся победить экономику дефицита, а вместе с ней и рост влияния бюрократии, он прямо увязывал эти две вещи.

По Троцкому, зависимое (от заграничных машин и технологий), но хорошее производство лучше независимого,

но плохого (дорогого, некачественного). Только пользуясь ресурсами мирового хозяйства, можно сравняться с ним и превысить его. По ходу такого развития должен расти объем продаж и покупок через границу.

Его заботило внутреннее устройство (классовый расклад) и направление исторического движения (бесклассовый горизонт), а вовсе не самоценное существование государства как такового, которое само по себе не может иметь исторической ценности.

10. Термидор и социализм

Строить можно и нужно, но построить в одной стране нельзя — этот тезис напоминает другой известный парадокс Троцкого: войны не вести, но мира не подписывать.

Троцкий отказывал автаркийному сталинистскому режиму в праве называться социалистическим, и для марксиста это было тягчайшим обвинением. В последних своих работах он заговорил о новом типе эксплуататорского общества, где роль эксплуататоров играет бюрократия. Вынужденная изоляция (в отсутствии мировой революции) — одна из причин этого вырождения красной революции.

Сталинская автаркия рисовалась изгнанному вождю термидором с его зловещим обещанием реставрации капитализма.

Триумф сталинской бюрократии Троцкий по-марксистски объяснял так и не преодоленной пропастью между низким уровнем развития производительных сил и высокими социалистическими требованиями, превратившими страну в одну тотальную инсталляцию, мучительно изображавшую счастливо сбывшееся марксистское предсказание.

Троцкисты не признавали советский результат социализмом хотя бы потому, что советская экономика так и не показала более высоких темпов развития и стандартов качества, чем западная.

У этой системы, по Троцкому, оставалось два выхода: реставрация капитализма, либо новая революция трудящихся, которая всё же приведет страну к социализму, отвечающему требованиям, сформулированным Марксом и Лениным.

Главный вопрос, который волнует Троцкого, когда он пишет об экономике: какие элементы в новой системе одержат верх — социалистические или капиталистические? А вовсе не: насколько зависима страна от иностранного капитала и импорта?

Основной вопрос — это степень обобществления и связь этого обобществления с производственным ростом, включая и обобществление внешней торговли. От решения этого принципиального вопроса и будет зависеть наше отношение и к «социализму», и к «отдельности» страны, в которой этот «социализм» так долго и дорого строился.

Андрей Тесля

Цена Модерна: М. А. Колеров. «Социализм в одной стране».

М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. 272 с.[1]

Новая работа Модеста Колерова, выдающегося специалиста в области истории русской философии и общественной мысли конца XIX — начала XX века, является одновременно и одной из лучших работ по интеллектуальной истории из появившихся в нашей стране за последнее десятилетие, и одновременно весьма актуальным высказыванием. Отчетливее всего свой взгляд Колеров формулирует в предисловии к книге очерков «Сталин»:

> «**Ст лин — родн я и естественн я ч сть з п дного Модерн , его продолжение** [выделено автором. — *А. Т.*]. Нет ни одного инструмента сталинской власти, который не был выработан еще до Сталина колониальным, империалистическим, технократическим и социалистическим Западом. Маркс дал революции метод, глубоко интегрированный в Модерн. Ленин превратил его в язык немедленной революции. Пра-

[1] Первоначально опубликовано: Интернет-журнал «Гефтер»: http://gefter.ru/archive/23002.

> вящий Сталин вернул этот язык в ландшафт большой истории России»[2].

Тем самым задача исследования — продемонстрировать, что «социализм в одной стране» генеалогически восходит не к каким-либо мессианским чаяниям «Третьего Рима» или чему-то подобному — тот путь интеллектуальной самоориентализации, который предлагает Бердяев, или ориентализации внешней, предлагаемой целым рядом исследователей, фактически не только неверен, но и влечет за собой идеологические последствия, скрывая, с одной стороны, реальную проблематику, а с другой — позволяя отнести советский опыт к числу «эксцессов», чего-то, не укладывающегося в логику «нормального развития» (то есть когда «норма» определяется не в результате исследования, а постулируется извне).

Прежде всего Колеров демонстрирует, что идея «социализма в одной стране» глубоко вписана в европейскую интеллектуальную историю, восходя к «Замкнутому торговому государству» Фихте. Однако интеллектуальная история не превращается в исследовании Колерова в самодовлеющий предмет — разыскания в области генеалогии идей и понятий постоянно сопряжены с социально-экономической и политической историей, только в свете которых становится вполне понятен и разумен тот или иной конкретный интеллектуальный выбор (тогда как интеллектуальная ситуация задает рамку выбора, ограничивая набор «мыслимых» вариантов). Важно то, что

> «большевики продолжали искать и находили прецеденты положения СССР в большой исторической глубине немецкой национальной мысли и актуальной политической практике — и в общем без особых препятствий их находи-

2 *М. А. Колеров*. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. С. 7.

ли. И изображать противостояние троцкистов с их *мировой революцией любой ценой* — и сталинистов с их *изолиров нным госуд рством* — как борьбу нового издания интернационального западничества против нового издания русского национализма нет никаких оснований» (с. 156).

В самом марксизме XIX столетия с интересующей в данном случае точки зрения можно, несколько схематично, выделить два разновременных пласта: во-первых, раннюю концепцию Маркса и Энгельса, ориентированную на «мировое хозяйство» и свободу торговли и, во-вторых, позднейший пересмотр, связанный с видимым подъемом новых национальных экономик — в первую очередь Германии и США, построенных на принципах протекционизма. Исходное видение мирового экономического развития предполагало трансляцию в сущности либерального британского видения — и самой Британии мирового гегемона, однако к последним десятилетиям XIX века картина очевидным образом скорректировалась. Как писал в 1898 г. П. Б. Струве:

«Нигде вы не встретите пресловутого «естественного» или самопроизвольного развития капитализма, везде он был «искусственным». Да иначе и быть не может. Современное государство и капитализм — это исторические близнецы» (с. 130).

Промышленный опыт развития и самой Российской империи учил тому же — в условиях открытых рынков преимущество получает тот, кто уже обладает развитой промышленностью, в результате обретая господство над менее развитым: утверждать «открытость рынков», «свободу экономики» означает одновременно утверждать сохранение существующей гегемонии.

В свою очередь политическая независимость и независимость экономическая оказываются очевидным образом

связаны: первая невозможна без последней, а обрести последнюю возможно при обладании первой, поскольку для развития собственной промышленности требуется протекционистская политика, идущая в ущерб тем экономикам, которые уже обладают превосходством.

В логике большевиков в начале революции 1917 г. России суждена была роль «слабого звена» мирового капитализма — тем самым здесь работала первоначальная марксистская схема, исходящая из единого «мирового хозяйства». В этой оптике за Россией в любом случае сохранялся периферийный статус — в случае мыслимого, желаемого развития ситуации — периферии по отношению к социалистической Западной и Центральной Европе. Фактическая неудача ставки на мировую революцию, сделавшаяся очевидной уже в 1919 г., но некоторое время еще не признававшаяся, переопределяла ситуацию — актуализируя в том числе и современные дебаты о путях преодоления периферийного статуса, экономической и политической суверенизации. Выбор между «Троцким» и «Сталиным», «мировой революцией» и «социализмом в одной стране», как отмечает Колеров, на практике был предопределен:

> « [...] Сталин был вместе с тем партийным большинством, кто искал [...] [идеологической] санкции и *нез висимо от ее н личия уже сдел л свой выбор* [выделено нами. — *А. Т.*]. За этим выбором «социализма в одной стране», то есть на деле — не более чем выбором в пользу «власти большевиков в одной стране», стояли не только общественные инстинкты, но и длительная европейская образцовая традиция «изолированного государства» и протекционизма, приоритетная для любой национальной власти» (с. 210).

На XV партконференции (1926) Троцкий заявлял:

> «Еще до революции, а также и после нее, мы думали: сейчас же, или очень быстро наступит революция в остальных

> странах, в капиталистически более развитых, или, в противоположном случае, мы должны погибнуть. [...] Полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем».

Подобное сотрудничество, как отмечает Колеров, «вполне могло быть понято как принципиальное сотрудничество СССР с «капиталистическим окружением» в рамках продвигавшихся Троцким концессий, если не кредитов» (с. 210):

> «Ясно, что все эти ленинские экскурсы Троцкого хорошо подходили для обеспечения вождям классических театральных ролей романтических героев, гибнущих в борьбе со враждебной стихией, но вряд ли их трагедийная судьба могла устроить абсолютное большинство тех, кто связал свою судьбу и судьбу своей страны с коммунизмом в СССР» (с. 208–209).

Логика «социализма в одной стране», отсылающая к Листу и фон Тюнену (перевод которого на русский появился как раз в эти годы), ставила вопрос об источниках промышленного развития — эта проблематика была артикулирована уже в самом начале 1920-х гг. в неприкрытой формулировке «первоначального социалистического накопления». Необходимые ресурсы могли были либо получены извне, либо найдены внутри. Первый вариант оказывался неприемлем не только из-за политической и экономической изолированности СССР, но и постольку, поскольку сохранял периферийное его положение (а любой доступ к капиталам в обозримой перспективе оказывался «политически отягощенным»). «Внутри» же таковым источником оказывалось крестьянство — по той элементарной причине, что другого альтернативного источника

не существовало. Особенный интерес представляет проделанный Колеровым анализ работ Чаянова и Кондратьева (см., в частности, с. 232–235), в которых, вопреки расхожим представлениям, исследователь демонстрирует ту же логику и понимание общих процессов — возможность получения необходимых ресурсов за счет пролетаризации деревни и эксплуатации ее за гранью физического выживания (что одновременно дает и финансовые, и трудовые ресурсы, через отток в города).

Политически сделанный выбор означал переход от революционной к государственной логике:

> «Можно характеризовать эту перспективу как изоляционистскую, суверенную, протекционистскую, народнохозяйственную, но главным в ней был очевидный отказ от догмы мировой революции (*в которой ре льный СССР неизбежно превр щ лся в подчиненную периферию* [выделено нами. — *А. Т.*]) и практическое превращение доктрины мировой революции (которой следовал созданный большевиками Коммунистический интернационал) в инструмент мировой политики собственно СССР, обслуживающей его суверенные интересы (которым и был подчинен Коминтерн)» (с. 185).

Принципиально важным было то обстоятельство, являющееся лишь другим аспектом государственной (или государственнической логики), чтобы на практике перестать быть «периферией», став самостоятельным центром. Именно в этом ключевое содержание идей Фихте и Листа — когда первый рассуждает о «замкнутом торговом государстве», а второй настаивает на политике протекционизма, то речь идет не о «замкнутости» как таковой, буквально понятом изоляционизме, а о способности быть самостоятельным центром, об экономической и политической автономии — совершенно необходимом требовании с точки зрения сохранения политической самостоятельности в эпоху миро-

вых войн и, в свою очередь, способном выступить центром для других, образуя собственную периферию.

Колеров подчеркивает, что цена подобного решения представлялась достаточно ясным образом в дискуссиях 1920-х годов — для того, чтобы осуществить «первоначальное социалистическое накопление», надлежало создать устрашающую государственную власть, а осуществлено это накопление могло было только путем помещения крестьянства в положение за гранью необходимого для физического выживания минимума: «ценой этому была *соци льно предопределенн я гек томб* » (с. 264). Но это одновременно — и цена модерна.

А. К з нков, О. Лейбович

Билингва. Рассуждения о языке эпохи — и не только... О новой книге Модеста Колерова[1]

В отечественную гуманитаристику возвращается полемический жанр, за два поколения успевший изрядно забыться. Историки и философы, впрочем, как филологи и социологи поздней советской эпохи, избегали публичных дискуссий. В памяти поколений запечатлелись политические и организационные выводы из сугубо научных — даже схоластических — споров о вопросах языкознания или о проблемах политической экономии социализма. В академических кругах было принято дистанцироваться от профессиональных бойцов с ревизионизмом, буржуазными фальсификациями истории и прочими дипломированными лакеями монополистического капитала. Дебаты в университетском сообществе велись по особым правилам: имя оппонента скорее подразумевалось; критика его взглядов производилась в предельно корректной деперсонализированной форме. В новую эпоху между собой на клавиатурах, как правило, сражаются дилетанты, не умеющие и не же-

[1] *М. Колеров*. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. 640 с.

лающие слышать аргументы друг друга. Спорят об Иване Грозном, Николае II, наконец, об Иосифе Сталине.

Вот почему появление публикации книги Модеста Колерова «Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма» заслуживает особого внимания. Ее написал профессионал, действующий, тем не менее, по законам жанра. Напомним его основные черты.

Прежде всего речь идет о принципиальной односторонности. Автор обозначает красными флажками собственную позицию, которую намеревается защищать от любых посягательств. При этом профессионала от дилетанта отличает то, что отстаиваемая им позиция не является его личным открытием, а, скорее, укоренена в научной традиции.

Следующая особенность полемического жанра — эмоциональность, обращение к широкому кругу читателей, экспрессивность выражений и даже апелляции ad hominem, т. е. переход на личности. Полемика не знает пощады — позиции оппонентов обстреливаются из любых видов оружия (вплоть до полного уничтожения). Но профессионал, в отличие от дилетанта, по крайней мере может эти позиции ясно и отчетливо сформулировать.

Далее, полемический текст — это всегда своего рода брошенная перчатка, ожидающая того, кто примет вызов. Полемист приглашает к публичной дискуссии.

Начнем. Вынесенное в заглавие книги имя «Сталин» — не более чем метафора. Автора интересует отнюдь не личность руководителя страны, но природа советского режима. М. Колеров ставит перед собой следующие вопросы: «...каков контекст и практический смысл экономической мобилизации СССР периода сталинизма? как присутствует европейский Модерн в практике русского и советского коммунизма? чему научились у него большевики?» (с. 8). И ответ помещен на первых же страницах книги: «Сталин — родная и естественная часть западного Модерна, его продолжение. Нет ни одного инструмента сталинской вла-

сти, который не был выработан ещё до Сталина колониальным, империалистическим, технократическим и социалистическим Западом. Маркс дал революционерам метод, глубоко интегрированный в Модерн. Ленин превратил этот метод в язык немедленной революции. Правящий Сталин вернул этот язык в ландшафт большой истории России» (с. 7). Это ядро авторской позиции. Для иллюстрации этого положения М. Колеров обращается к семантике архитектурных форм: Вавилонская башня, замок, дворец, фабрика. «А Фабрика помогает понять: откуда, с чем появились и частью чего были сталинизм и его Большой стиль, в котором Сталин, конечно, был не творцом, а лишь правящим исполнителем модерного консенсуса и строителем его утопии, — до тех пор, пока крупнейшая война в истории человечества не похоронила этот Gesamtkunstwerk» (с. 105).

Вторая мировая война, по мысли автора, есть порождение западного Модерна: «... на практике исторический Запад — это инквизиция, капиталистический геноцид, колониализм, расовая сегрегация и рабство, Гитлер и Хиросима. Нет зла, которое не вошло бы в эту практику. Сталин растёт из неё» (с. 20). Идея эта не нова. Подобная точка высказывалась и прежде. Можно выделить несколько основных версий: первая указывает на неразрывную связь эпохи Модерна и террористических практик (Х. Арендт, М. Феретти, А. Колдушко). Вторая прямо связывает сталинизм с европейской левой (марксистской) традицией. Читаем у В. Страда: «Интерпретация сталинизма как чисто русского явления, как промежутка, вызванного российской «отсталостью», не только исторически ложна и противоречива, но и служит тому, чтобы приуменьшить масштабы явления и ограничить ответственность за него. Достаточно, однако, напомнить о таком эмпирическом факте, как триумф сталинизма на Западе и рискованность сопротивления ему. В самом деле, сталинизм — дитя марксистской революции, дитя, не совсем похожее на отца, как бывает по закону исторической филиации, носящему название «гетерогенез

[Содержание]

целей» и заключающемуся в том, что человеческие деяния порождают результаты, не совпадающие с поставленными целями»[2].

Заметим, что примат европейского опыта над национальным, так называемым «особым путем», разделяется и исследователем нацизма И. Шапуто — автором соответствующего раздела в коллективной монографии «Европа. Наша история». Он обращает внимание на общие для всего континента корни германского фашизма: социальный дарвинизм, расизм, жестокость в колониальных завоеваниях Запада, то есть все то, что содержит в себе «нацистские характеристики». «Нацизм — это европейская история»[3].

К германскому опыту неоднократно обращается и М. Колеров: «...язык сталинских 1920-х и 1930-х гг. был немецким — объединяющейся Германии и людоедского «первоначального накопления», протекционизма и колониализма в Англии и Голландии XVI–XIX вв., образцово описанных Карлом Марксом в первом томе «Капитала» (с.19). Не случайно даже в самом названии Берия появляется в компании Фихте.

Впрочем, мы можем найти в книге и другую интерпретацию западного модерна: «В прямое развитие Просвещения и Французской революции 1789 года следует не только политическая либерализация старой Европы и её периферии, вовлекающая в активное историческое действо растущие человеческие массы, но и масштабная индустриализация, которая учится заново подчинять массы интересам производства, и научно-технический прогресс...» (с. 77).

Принципиальной новизной текста М. Колерова является его двуязычие (билингвальность). Анализируя семантику и стилистику языка сталинизма в пределах традиционного

---

2 *В. Стр д* . Сталинизм как европейское явление // Континент. № 60. 1989. С. 268–269.

3 См.: Europa. Notre histoire. L'Héritage européen depuis Homère / Par E. François et T. Serrier. Paris, 2017.

дискурс-анализа, автор внезапно переходит к «расположению мысли на карте», используя концептуальный аппарат геополитики: «Но для меня здесь важнее обнаружение исторического ландшафта политического действия, идеологии, творчества, «положенного на карту» суждения, символической власти или претензии на власть над территорией. Всё это вместе выражает себя через описание ландшафта, и такое описание является способом его контроля» (с. 15). Пространство языка перетекает в географическое пространство. Для описания последнего привлекается сталинский оборот — «высшая география», сославшись на решение политбюро ЦК ВКП(б) от 25 апреля 1938 года (с. 14 (сноска)).

В тексте появляются характерные для геополитического мышления оппозиции — запад и восток, Россия и Европа, индустриальные метрополии и колониальный мир: «Сталинский коммунизм на пространстве Исторической России в главном всегда был языком европейского и модерного радикального индустриализма и традиционной массовой социальной нищеты. Он был обречён преодолевать свой исторический ландшафт, в котором страну, государственность и народ — без экстраординарных усилий — ждали смерть и растворение» (с. 19). Иначе говоря, «высшая география» Сталина — другое наименование геополитики. Возникает вопрос — нужно ли это понятие вообще, стоит ли «умножать сущности»? Не принимает ли автор обмолвку за принципиальную позицию? Хотелось бы напомнить, что сам Сталин предостерегал от подобных приемов полемики: «То, что у тов. Ленина является оборотом речи в его известной статье, т. Бухарин превратил в целый лозунг»[4].

Возможно, совмещение приемов дискурс-анализа с геополитическими выкладками придает тексту двуязыч-

[4] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 650

ность независимо от воли автора. И тут читатель оказывается в некотором интеллектуальном затруднении. Модест Колеров критикует историков идей за то, что они игнорируют географию и ландшафт России, сочувственно цитируя Н. Н. Барановского: «...географически мыслит тот, кто в достаточной мере привык обращать внимание на различия от места к месту не только по природным условиям, но и по историческим судьбам, и по общественным условиям, и по положению, и по хозяйству, кто привык свои суждения “класть на карту” (...) Географическое мышление — это мышление, во-первых, привязанное к территории, кладущее свои суждения на карту, и, во-вторых, связное, комплексное, не замыкающееся в рамках одного “элемента” или “отрасли”, иначе говоря, “играющее аккордами, а не одним пальчиком”» (с. 14).

Одновременно он разоблачает западных историков, учитывающих в своих построениях «исторические судьбы» России. Здесь он не жалеет крепких слов: «... американец А. Гетти в странном полном ослеплении...» (с. 21) сочиняет что-то вроде «бредового винегрета из Чингисхана, Кёстлера, Грозного и Путина» (с. 22). Ж. Ле Гофф обвиняется в «академическом высокомерии» (с. 30) и т. д. Не надо думать, что М. Колеров так беспощаден только к европейским и американским исследователям. Российским коллегам по ремеслу достается не меньше: NN «здесь комично видит себя первооткрывателем...» (с. 43). Заметим в скобках, что пребывающий «в странном полном ослеплении» А. Гетти скорее является единомышленником автора, доказывая далеко идущее сходство сталинизма с европейским модерном.

Между тем, если быть последовательным, то историку, работающему в парадигме геополитики, необходимо обращать особое внимание именно на национальные традиции, особенности исторического пути, цивилизационные отличия России. Т. е. обнаруживать не только европейские корни сталинизма, но и российскую культурную поч-

ву. У исторического ландшафта России есть собственная «плотность» и сопротивляемость. М. Колеров снимает эту проблему тезисом, согласно которому сталинская стратегия и язык не были связаны с исторической традицией России: «Потому и кажется, что уверенный в себе сталинский политический язык — при всех колебаниях «линии партии» — десятилетиями живёт по своей независимой логике, а не внутри исторического ландшафта, где решения во многом предопределены» (с. 8–9).

Это положение представляется нам спорным. Сталинский язык не был бы принят советскими людьми, если бы был им принципиально чуждым. Сила Сталина, на наш взгляд, как раз состояла в том, что он смог перевести язык марксистской доктрины — европейской по происхождению, содержанию и форме, на язык отечественной традиции. Согласимся с мнением М. Вайскопфа, «что именно стиль, язык явился непосредственным инструментом его (Сталина) восхождения к власти, а следовательно, обладал колоссальным эффектом... Нам остается лишь подтвердить тот банальнейший факт, что в конфликте с левой оппозицией русско-патриотическое направление представлял именно генсек»[5].

В книге даются два ответа на вопрос о том, что является детерминантой исторического пути российской государственности — ландшафт языковой или природный. Читаем первый ответ: «Государство — непрерывная материализация этого языка, результат его бесконечных усилий описать, то есть подчинить себе, окружающий хаос. По ландшафту этих описаний и следующих им перспектив и движется история обществ» (с. 12). На следующей странице читаем другой: «Даже безопасность и выживание обществ прямо диктуются географией и ландшафтом исторических угроз вне их конкретных идеологических толкований» (с. 13).

---

[5] *М. В йскопф.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 7, 252.

[Содержание]

И поневоле спрашиваешь себя — по какому ландшафту двигалась русская история в 20–50-е годы XX века — по природному или по языковому? Или ее творили на пересечении этих двух плоскостей?

При всех своих достоинствах текст М. Колерова не свободен от некоторых неточностей, вызванных полемической увлеченностью автора. Так, он считает, что именно Сталин в феврале 1921 г. выступил инициатором поворота советской внешней политики на восток: «Армия-государство за спиной и мировой ландшафт перед глазами, описанный в начале 1921 года Сталиным, открывали Советской России только одну реалистичную перспективу — стать, в случае успеха, одним из игроков в этом хаосе, выбирая себе место либо среди империалистических великих держав и эфемерно независимых новых национальных государств — либо среди колоний, борющихся за освобождение» (с. 112). Лидирующая позиция в национально-освободительном движении, по мнению автора, была единственно возможным и, стало быть, правильным геополитическим выбором, то есть главной заслугой Сталина перед российской историей: «И Советская Россия, став окраиной провалившейся мировой революции, решила стать локомотивом антиколониального восстания “Красного Востока”» (с. 36). В реальности, приоритет в этой области не принадлежит Сталину. Достаточно вспомнить письмо Л. Д. Троцкого в ЦК РКП (б) в августе 1919 года, в котором он предлагал сменить вектор внешней политики и военных операций РККА:

> «Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Вен-

> грию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию у угнетенных масс и обеспечить победы такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения»[6].

К 1921 г. большевистское руководство становилось прагматичным не только во внутренней, но и во внешней политике. Не Сталин был здесь первооткрывателем. К слову, и Г. И. Сафаров не руководил восточной политикой Коминтерна, как полагает автор (с. 128), он исполнял строго административные функции. И личным секретарем Ленина в годы эмиграции он не служил. Не того калибра был этот человек. Впрочем, эти неточности не меняют авторской логики. Собственно, персоналии автора мало интересуют. Вспомним, что и Сталин был только «правящим исполнителем модерного консенсуса». Книга о другом. О приключениях проекта просвещения в Советской России, о том, что принес западный модерн русским людям. Ответ автора нельзя свести к единой формуле. Благодаря западному модерну, коллективный Сталин спас Россию от колониального рабства: «Он был обречён преодолевать свой исторический ландшафт, в котором страну, государственность и народ — без экстраординарных усилий — ждали смерть и растворение» (с. 19). В то же время «Сталин — это зло, равное злу капитализма, колониализма и империализма» (с. 17). Лечить подобное подобным — вот квинтэссенция сталинизма, по мнению М. Колерова.

Книгу ждет нелегкая судьба. Поклонники Сталина не примут концепцию зла. Антисталинисты увидят попытку его оправдания. «Западники» возмутятся односторонностью в изображении европейского модерна. «Почвенники» обнаружат национальный нигилизм в описании истории

6 Л. Д. Троцкий — ЦК РКП (б). 5.08.1919 // The Trotsky's Papers / Edited and annotated by Jan M. Meijer. The Hague, 1964. Vol. 1. P. 620.

[Содержание]

страны в XX веке. Молодых читателей отпугнет объем книги. Людей, воспитанных в высокой советской культуре, смутит сочетание И. Г. Фихте и Л. П. Берия.

Но полемический трактат (как и его автор) не обязан нравиться всем. Он должен провоцировать вопросы и дискуссии. Именно с этой задачей М. Колеров блестяще справился.

Андрей Тесля

Н. В. Черникова. Портрет на фоне эпохи: Владимир Петрович Мещерский.

М., 2017[1]

> «Если я негодяй — не со вчерашнего же дня я им стал».
>
> *кн. В. П. Мещерский — Алекс ндру III, 1887*

Фигура князя Владимира Петровича Мещерского (1839–1914) на протяжении последних полутора десятилетий вызывает стабильный интерес со стороны отечественных историков — как специализирующихся в области истории политической мысли, так и таких смежных областей, как собственно политическая история, история журналистики и т. п.

Само по себе данное обстоятельство весьма любопытно, поскольку авторы большинства исследований, посвященных деятельности и воззрениям князя, весьма единодушно признают, что у Мещерского невозможно обнаружить какой-либо целостной политической философии, он не являлся ни оригинальным мыслителем, ни публицистом, чьи работы смогли «пережить свое время», — ныне, если пытаться их перечитать, то приходится чаще всего испы-

[1] Первая публикация: «Русская Ідея» https://politconservatism.ru.

тывать не столько разочарование, сколько откровенную скуку. Так, новейший биограф князя, Н. В. Черникова, говорит об ограниченности его языка, однотипности и небольшой линейке образов, используемых князем. Лучшим произведением князя, справедливо остающимся в круге современного чтения, являются его «Воспоминания» — но и по ним вполне можно составить впечатления и о слабостях стиля, и о специфике воззрений князя. Он многоречив, сентиментален, противоречит сам себе, причем не в духе сложных парадоксов, а от недостаточного внимания к своей собственной мысли — любит громкие фразы, порывист. В его языке — как публицистическом (не исключая из него и романного, поскольку его художественные тексты оставались по существу своему публицистическими высказываниями, «картинами нравов» и воззрений), так и эпистолярном — мало оттенков, он неизменно переходит из крайности в крайность, и аналогично поступал в отношении людей — то очаровываясь ими до того, что не видел или, по крайней мере, отказывался признавать какие-либо недостатки, то, напротив, представляя едва ли не носителями всех мыслимых грехов. Склонность говорить и писать быстрее, чем думать, предпочтение непосредственности излияний перед их оформленностью подадут А. С. Суворину (на тот момент известному фельетонисту «Санкт-Петербургских ведомостей» Евгения Корша, пишущего под псевдонимом «Незнакомец») дать князю прозвище «князя-точки», за его программную статью из 2-го номера «Гражданина», в которой тот призовет поставить «точку» реформам (примечательно и характерно, что программная статья появилась только во 2-м номере газеты. Впрочем, передовую статью в 1-м номере князь закончил не менее эффектно, провозгласив: «Довольно слов, мы хотим дела», что в устах профессионального литератора, славящегося своей производительностью, граничащей с графоманством, звучало более чем комично. Несколько лет спустя Лесков писал Аксакову, считая сравнение Ме-

щерского с Валуевым, также пробовавшим себя в качестве романиста, неверным:

«Я не согласен: у Валуева все-таки более сознания: тоже думает, что он аристократ и может давать концерты на своем красноречии, так что их всем приятно слушать; а этот... Это просто какой-то литературный Агасфер: тому сказано: «иди», а этому: «пиши», и он пишет, пишет, и за что ни возьмется, все опошлит. Удивительнейшее дело, что при его заступничестве за власть хочется чувствовать себя бунтовщиком, при его воспевании любви помышляешь о другом, даже при его заступничестве за веру и церковь я теряю терпение и говорю чуть не безумные речи во вкусе атеизма и безверия... Я согласен с Вами, что ему не худо бы «запретить» писать; но еще лучше — нельзя ли его склонить к этому по чести: нельзя ли ему поднести об этом адрес».

И все-таки интерес к персоне князя Мещерского вполне закономерен и справедлив: ведь на протяжении почти половины века он был одной из заметных фигур как в русской публицистике, так и русской политической жизни. Его роль изначально связана с особым положением, достигнутым в молодости, — наличием личных, близких связей с молодыми великими князьями, сначала цесаревичем Николаем Александровичем, а затем и с его братьями, в первую очередь с Александром Александровичем, который после кончины Николая в 1865 г. стал наследником престола.

Отношения Мещерского с Николаем и, в особенности, с Александром Александровичем никогда не были простыми — более того, выступление Мещерского в качестве издателя собственной газеты, «Гражданина», происходит именно в тот момент, когда прежняя близость с наследником прервалась и наступил разрыв (причиной которого во многом и стали действия князя, связанные с изданием газеты: Мещерский пытался получить для этого средства от наследника). Сам Александр Александрович так характеризовал отношение к себе князя: «чувство несчастной любви к женщине, которая отвечает на нее равнодушием»

(с. 61) — впрочем, подобная характеристика появится позже, а на первых порах Мещерский оказывает существенное влияние на молодого наследника престола, побуждая того с вниманием относиться к собственным мыслям и чувствам, вводя его в романтическую по истокам культуру самонаблюдения и самоотчета, побуждая вести дневник — и посылая ему читать свой собственный. Как нередко бывало и в других случаях с князем, в отношениях с наследником он переходил границу: если в забавах с Николаем Александровичем и другими великими князьями он не берег собственного достоинства, становясь для них объектом временами грубых развлечений, по оценке самих мучителей, то практически одновременно он претендовал на роль ментора, поучающего и наставляющего, — право на что видел в высочайшем назначении своего знакомого.

В сближении с Александром Александровичем проявилась характерная черта стратегии выстраивания личных отношений Мещерским — первоначально второму сыну императора князь не понравился и никакой близости между ними не возникло. Мещерский в эти годы сблизился с цесаревичем Николаем Александровичем, к которому был и ближе по возрасту, и представлял интерес как человек весьма необычного опыта — в качестве чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел он много ездил по России, охотно делясь своими наблюдениями и соображениями с наследником, а до того успел побывать полицейским чином («стряпчим полицейских дел») — должность весьма редкая для его круга, дававшая ему весьма нестандартный опыт. По кончине цесаревича Мещерский переносит свои отношения на преемника, во многом связывая его памятью о брате, часто апеллируя к нему. Аналогичным образом он будет три десятилетия спустя действовать в отношении нового государя, Николая Александровича, теперь уже отсылая к памяти отца.

Особенность положения Мещерского в том, что по своему придворному или бюрократическому статусу он не имел ни-

какого права на подобную близость к цесаревичу и государю — для последнего это был личный выбор, что, с одной стороны, создавало Мещерскому негарантированность его положения, целиком основанного на доброй воле цесаревича, а с другой — увеличивало его масштаб в глазах окружающих, поскольку данное положение и доступное Мещерскому влияние никак не формализировалось. В биографии князя, написанной Н. В. Черниковой, довольно много места посвящено анализу действительного влияния князя — не пересказывая положений работы, достаточно напомнить общеизвестное, что со времени бракосочетания Александра Александровича с Марией Федоровной оно идет на спад (отчасти из-за того, что цесаревна глубоко не симпатизировала князю, отчасти по причине нежелания Мещерского примириться с ее влиянием на цесаревича, стремлением «монополизировать» последнего, что встретит единодушный отпор как со стороны самого Александра Александровича, так и всех других близких к нему лиц, вполне предсказуемо отнюдь не симпатизировавших подобному стремлению князя), а с начала 1870-х произойдет полный разрыв отношений, который Мещерскому удастся, и то лишь отчасти, преодолеть к 1880-м годам.

Публицистическую позицию князя на протяжении всего времени существования «Гражданина» можно свести к положению о безоговорочной поддержке позиции императора — любой, в тот момент, когда сформулирована. Это порождало специфические колебания князя — так, например, в 1881 г. он напишет статью в поддержку идеи Земского Собора, поскольку будет уверен Игнатьевым, что это мнение самого Государя, — и будет затем сетовать на обман со стороны министра, в 1905 г., после манифеста 17 октября, будет приветствовать конституцию — пока не убедится в изменении позиции двора.

В этой позиции, надобно отметить, есть своя логика — далекая от чистого оппортунизма: согласно Мещерскому, можно и нужно пытаться переубедить Государя, но публич-

ное высказывание не допускает несогласия. Несогласным и критически настроенным можно быть только по отношению к министрам и прочим правительственным чинам — в той мере, в какой они определяют, влияют или исполняют волю Государя. Впрочем, князь был свободен от последовательности в своих рассуждениях — так, ему присуще понимание самодержавного правителя как правящего, опираясь лишь на свое мнение — им руководит сам Бог (и оттого Мещерский будет торопить Александра III с коронацией, ожидая сошествия на него благодати), — и он пытается наставлять Государя не слушаться внушений.

Основным врагом в рассуждениях Мещерского неизменно выступает «бюрократия» — в ней он готов видеть источник всякой смуты, даже террористы конца 1870-х или революционеры начала века предстают ее порождением. В этом плане логика Мещерского вполне неоригинальна: обличениями бюрократии, «средостения», наполнены не только газеты и журналы той эпохи, но и многочисленные приватные бумаги, составленные самыми высокопоставленными сановниками Империи. Интересна же эволюция Мещерского: если в 1860-е — начале 1870-х он вместе со временем готов видеть спасение в развитии «местных сил», самоуправления и т. д., то «к концу жизни неспособность общества к самостоятельной позитивной деятельности вне властного контроля стала для Мещерского аксиомой» (с. 357). Теперь пути преодоления «средостения» он видит в назначении на высшие посты людей, прошедших службу в провинции, а не выходцев из петербургских канцелярий, в расширении полномочий губернаторов, чтобы они не были связаны мелочной опекой Петербурга и т. п., — как справедливо упрекали его даже другие консервативные публицисты, не говоря о сторонниках противоположных политических взглядов, в его понимании «самодержавие» не получается отличить от произвола — а преодоление «бюрократических» оков в практическом плане выража-

ется в распространении местных своевольцев, связанных лишь столь же неформализованной волей вышестоящих.

Ценнейший аспект нового исследования, посвященного Мещерскому — рассмотрение технической стороны его издательской деятельности. Так, начиная «Гражданин», Мещерский активно советуется со славянофилами, в первую очередь с Ф. И. Чижовым, пытаясь через него получить доступ к капиталам московского купечества (ранее профинансировавшего издание аксаковской «Москвы»). На более раннюю аксаковскую газету Мещерский не только ориентируется сам, но и ориентирует публику, выбирая «за образец» оформления взять газету «День» (с. 147) — подобие зайдет столь далеко, в плане домашнего, личного издания, что, подобно Аксакову, Мещерский приостановит издание газеты — с мая по август 1872 г. «Гражданин» не будет выходить по причине отпуска князя, как о том он уведомит своих читателей (с. 150). В целом подробный анализ первых лет издания «Гражданина» свидетельствует не только о том, что издатель был довольно далек от позднейших своих консервативных или, скорее, охранительных взглядов, но и что само издание первоначально ориентировалось на круг представлений, близких славянофильству, — так, первоначальным принципом подбора сотрудников для издания почиталось знакомство с провинциальной жизнью (напомним, что в аксаковском «Дне» десятилетием ранее в качестве принципиального заявлялся областной отдел), а само понятие «гражданина» расшифровывалось в передовой статье «в смысле труженика для внутренней жизни своего народа, но труженика самостоятельного, в силу свободы уважающего порядок». В письме цесаревичу от 9 октября 1872 г. Мещерский, например, писал, торопясь выразить ожидания от будущего царствования (отметим, что временами подчеркнутое обособление наследника от царствующего государя и формирование самостоятельного публичного образа цесаревича — с одновременной демонстрацией своей близости к нему — стало одним из важных конфликт-

ных моментов, в конце концов вылившихся в разрыв отношений между Александром Александровичем и кн. Мещерским):

> «Боже Вас сохранить начинать царствование Ваше каким-нибудь конституционным актом, вроде конституции. Тогда Вы и все пропадет! Начало Вашего царствования, дай Бог, чтобы оно было только приготовлением к реформе конституционной, то есть водворением внутреннего порядка и твердости во всех реформах предыдущих. Вам предстоит все споры русского с нерусским решить навеки на окраинах нашего отечества! Это более всякой конституции привлечет Вам любовь и помощь России и Россию укрепит и разовьет вместе с Вашим престолом. Дело это нетрудное: стоит только ввести единообразие законов повсеместно, а на это люди найдутся, и только тогда, когда все славные реформы прежнего времени утвердятся, когда восстановятся земство и суды, когда земство получит действительную хозяйственную силу, когда все национальные вопросы решатся твердо и неуклонно в пользу России, только тогда Вам будет возможно приступить к созыву представителей всего государства для обсуждения вопроса о государственной реформе. Без нее Вы можете начать и долго царствовать, но с нею начать значит погубить все царствование!»

Мещерский как издатель, автор и журналист вызывал более чем серьезные трудности для цензуры — поскольку его значение и влияние были неформальными и, следовательно, трудноопределимыми, то для ведомства, отвечавшего за печать, отношения с ним и к нему оставались неопределенными. Так, в 1896 г., когда «Гражданин» получил третье предупреждение и, в силу закона, должен был отныне подвергаться предварительной цензуре, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин не пожелал брать на себя цензурирование издания князя — и в итоге, после трехнедельной приостановки, газета продолжила выходить бесцензурно. Еще

за девятнадцать лет до этого в подобной ситуации оказался предшественник Горемыкина, А. Е. Тимашев, которому начальник Главного управления по делам печати В. В. Григорьев доносил, что по рассмотрении последнего номера «Гражданина» Совет по делам печати пришел к выводу, что «кн. Мещерский есть особого рода юродивый, для которого не писаны законы, назначенные для здравомыслящих», а потому Совет пребывает «в полном недоумении» (с. 260–261). Такое положение вещей весьма предсказуемо порождало отношение к Мещерскому высшей бюрократии — воспринимая в большинстве случаев весьма негативно сам факт существования подобного лица, с неопределенным кругом влияния, и возмущаясь его «безответственными высказываниями», высокопоставленные лица зачастую старались иметь с князем хорошие отношения или, по крайней мере, терпимые — не только в расчете использовать его влияние, но и стараясь не нажить в нем врага. Возвращаясь к ранее поднятому вопросу о «влиянии» князя, следует отметить, что, вопреки весьма ограниченной трактовке, даваемой Н. В. Черниковой, ключевым был сам неофициальный, неформальный доступ к монарху — если император далеко не всегда прислушивался к словам Мещерского, то для влияния в глазах сановной публики было вполне достаточно того, что голос Мещерского был одним из тех, которому государь позволял звучать рядом с собой и к которому время от времени склонял свой слух.

Особое внимание обращает стремление Мещерского выйти на рынок изданий «для народа», обеспечивая политическое воспитание массового читателя — так, в 1888 г. он предпримет издание газеты «Русский», а с 1894 по январь 1896 г. будет издавать газету «Русь», назначив невиданно низкую подписную цену — в 3 рубля и в 4 с почтовой пересылкой. Примечательно, что именно эти проекты будут закрыты в первую очередь после того, как Николай II откажет Мещерскому в продолжении субсидии на издательскую деятельность. Последнего момента следует коснуться

подробнее: Н. В. Черникова последовательно демонстрирует, что объем субсидий, получаемых Мещерским, был весьма ограничен, да и сами они были далеко не регулярны. В данном случае мы имеем дело с характерной чертой общественного пространства Российской империи — центральное правительство действовало в его рамках, опираясь в основном на традиционные средства, слабо и неохотно задействуя новый инструментарий. Так, когда в министерстве Д. А. Толстого зайдет речь о выделении средств для поощрения прессы (очередное возрождение идеи создания «рептильного фонда», по аналогии с практикой II Империи, в это время в качестве образца замененной бисмарковской Германией), то, к удивлению начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, озвученная шефом сумма будет равняться лишь 20 тысячам рублей — впрочем, сам Феоктистов, по крайней мере в мемуарах, будет полагать, что подобная практика и вовсе неверна: целесообразная при конституционном правлении, она может действовать лишь развращающе в самодержавной монархии. Субсидии играли значительную роль в изданиях Мещерского — так, только благодаря им он сумел в 1887 г. преобразовать «Гражданина» в ежедневное издание, однако сам он неизменно стремился встроить их в систему личных отношений. Показательно, что в 1896 г., когда субсидия была отменена, он был в первую очередь обижен указанием, что последний год она выплачивалась МВД, а не была личным пожертвованием Государя — именно в последнем ракурсе он желал рассматривать все подобные выплаты как государев дар, а не как административное распоряжение по ведомству.

В итоге перед нами замечательно и, как ни удивительно, с сочувствием и симпатией написанная на богатом материале биография князя — человека, умевшего прощать всякую обиду себе со стороны своего властителя, не считавшего нужным отстаивать свое достоинство перед ним, понимавшего честь лишь по нисходящей, но ничего не зна-

чащей перед Государем, нынешним или будущим, не устававшим славословить его, — и способного опорочить любого из слуг его. Государи весьма различно относились к Мещерскому, но ни Александр III, ни Николай II, при всех колебаниях, никогда окончательно не лишали его своей милости, а сам он имел один неизменный принцип — поклонение власти как таковой. Как писал он еще довольно молодым человеком: «Кто уничтожает принципы и основы семейного быта, тот подрывает основы общества; кто подрывает основы общества, тот разрушает основание государства; кто разрушает принципы, тот уничтожает почву, родящую и воспитывающую людей для государства» — редкий случай, когда государство столь открыто заявляется в качестве высшего — не оно необходимо для общества, а общество для него — мораль необходима, потому что без нее государства не будет. Но и в этом поклонении «государству» не остается ничего незыблемого, кроме самого монарха — в конце концов хоть и не отвечающего взаимностью на эту влюбленность, как писал Александр Александрович, но не могущего не ценить это обожание и по-своему привязываться к возлюбленному, чтобы, по словам императрицы Александры Федоровны, ценить такого «помощника и советчика, как был старик Мещерский».

Алекс ндр Люсый

Изысканный застенок. Смерть как метод[1]

Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сборник статей и материалов / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. М., 2013. 968 с., ил.

Его смерть (а не только жизнь и творчество) сразу же стала не только медицинским фактом, но и квинтэссенцией заданного им же самим мифа о «гибели от солнечных стрел», который, однако, несколько противоречил устанавливаемым фактам. Многие соратники Андрея Белого по обе стороны начавшегося становиться «железным» занавеса отметили в своих некрологах и посмертных мемуарах, что накануне самого перехода в небытие он пожелал услышать свои собственные «пророческие» строки из стихотворения «Друзьям» (1907):

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

[1] Работа велась при поддержке грантов РГНФ : № 15-03-00581 «Освоение репрезентаций пространства в культурных практиках: история и современность» и № 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

[Содержание]

И вот солнечный удар в Коктебеле летом 1933 года спровоцировал безвременную смерть полного творческих планов поэта. Заманчиво было в связи с этим представить полюса Крыма инфернального (есть и такой) следующим образом: символистский вождь старшего поколения «урбанист» Валерий Брюсов ухитрился, попав под ливень на Карадаге летом 1924 года, простудиться до воспаления легких, от которого он не сумел оправиться и по возвращении в Москву (и случилось это в лето примирения с Андреем Белым после длительной ссоры), а для друга всех земных стихий Андрея Белого к фатальным последствиям привел полученный здесь же через девять лет солнечный удар, последствия которого он так и не смог перенести[2]. Приведенные в сборнике данные, обобщенные во вступительной статье Моники Спивак, представляют более достоверную историю болезни и смерти поэта, согласно которой «солнечный удар» 15 июля 1933 г. оказался одним из череды инсультов, сопровождавших развитие артериосклероза, что вкупе и свело его в могилу. Это, так сказать, формальная сторона проблемы, а содержательная — социально-политический контекст — как причина если не возникновения, то обострения этой болезни, куда относится изъятие архива, арест последней жены К. Н. Бугаевой (в ходе которого был изъят дневник Белого, из которого сотрудники ОГПУ сделали выписки), убийственное предисловие Л. Каменева к тому мемуаров «Начало века» (М. ; Л. : ГИХЛ, 1933).

Первый раздел книги — **«Хроник умир ния».** Здесь помещены выдержки из предсмертного дневника Андрея Белого, начиная с коктебельского августа 1933 года, «переломного месяца», по определению самого автора, в который после июльского «солнечного отравления» «рухнули нервы; и выявилось то [нервное — зачеркнуто] истощение организма, которое подготовлялось в годах; я стал ощущать наси-

2 Данному мифу и мы отдали в свое время дань. См.: *А. П. Люсый*. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М., 2007. С. 176.

лие во внешней жизни: как будто некая злая рука раздавливает все мои начинания» (с. 87). Поэт не смог отвлечься и в Коктебеле от атмосферы острой идейной борьбы, к которой он невольно приобщился в своих попытках вписаться в прямом и переносном смысле в новый, социалистический контекст и которая обострилась в связи с подготовкой Первого съезда советских писателей. До самого съезда дожить не удалось, но окружающая публика уже здесь создавала атмосферу — «точно в кулуарах ответственного съезда». Организм А. Белого, за исключением состояния головного мозга, до конца оставался в безупречном состоянии. Как поставил он сам себе диагноз, «вся суть — в нервном истощении (почва — изнасилованность создания)» (с. 91).

Поэт пытался прийти в себя после погромного предисловия Л. Каменева, в котором творчество А. Белого относилось целиком к явлению негативно историческому, не имеющему никаких шансов на будущее, и выпадов М. Горького, суть которых сводилась к обвинению в засорении сознания нового советского читателя «словесным хламом»[3]. Он надеется если не написать, то надиктовать программную статью «Социалистический реализм» со своей, альтернативной горьковской, версией нового канона, но исконная и перманентная революционность А. Белого — это прежде всего перманентное философски-пластическое самоопределение, зафиксированное таким образом:

> «...Самому писать утомительно; процесс письма убивает всякую мысль (доказательство: убогость этих записей); стоит заходить и ходя высказываться, мысль вспыхивает; присядешь к столу; и на бумагу падают вялости, точно убитые в воздухе птицы; для вдохновения мне нужно двигать ногами; а без вдохновения, — мысли вянут; я — философ-перипатетик по су-

[3] Как отмечает Е. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев позже расценивал ситуацию так: «Он (Андрей Белый) претендовал на роль Горького... Но это ему предоставить не могли» (с. 466).

> ществу; и не только сидеть, а даже стоять не могу в процессе мысли; нет, — я не «*стоик*»: ... я гераклитианец... Рассудочные истины — продукт разложения; они не ходят, а — «стоят». Но то, что стоит, то — остановилось; а всякая остановка — падение «*вверх пят ми*» в далекое прошлое» (с. 93).

Дальнейшие «метаморфозы болей» и воображаемых странствий А. Белого фиксируются в выдержках из дневника последней жены А. Белого К. Н. Бугаевой:

> «...”Путешествие” уже началось....Говорил, что мы уезжаем на Багдадскую железную дорогу. Это “путешествие” длилось до начала января, когда сменилось темами успокоения, потом рождения и, наконец, темой света. Каждый раз, просыпаясь, особенно утром, он находил себя в новом месте. То это была Швеция, то литовская граница, то Египет, Швейцария, Баку, Ассирия, Египет. Сознание, что мы не в Москве, очень беспокоило. “Когда уже мы приедем в Москву”... постоянный вопрос. Только потом уже я поняла, что под Москвой он разумел Долгий (“дом”... “домой”), куда так стремился» (с. 140).

Меня давно интересуют возможные взаимоотношения Андрея Белого и кинематографа, пока, получается, еще не созревшего ни эстетически, ни технологически для взаимодействия с потенциальной кинематографичностью его прозы[4].

---

[4] «От Белого ожидаешь узнать кое-что о существе умственной жизни, о борьбе идей, об их филиации хотя бы только в узкой прослойке русской дореволюционной интеллигенции. А вместо этого в книге находишь паноптикум, музей восковых фигур, не динамику идей, а физиологию их носителей. Следуя своему своеобразному «творческому методу», Белый не просто рассказывает о людях и их мыслях, а «лепит» идеи через носы, брови, зубы, слюну, жесты, междометия», — «критикует» А. Белого Л. Каменев в отмеченном выше «вычеркивающем» предисловии к «Началу века». И это напоминает «недоуменную» длящуюся остановку кинематографа перед Белым-«сфинксом». И, далее, приводится из Белого поистине «сверхкадр» портрета В. Розанова: ««Можно ли на-

Поразительна в этом контексте озабоченность уже не поднимающегося с постели больного точками обозрения сжимающегося мира («Ракурсы не те...»). А во время поездок в клинику просил словами постоянно локализовывать маршрут.

Второй раздел книги **«Поминовение по-советски»** отражает события, начавшиеся сразу после сравнительно «легкой» собственно смерти Белого 8 января 1934 («умер-уснул»), — официальные сообщения о случившемся, воспоминания.

По отзывам большинства мемуаристов, на траурной церемонии, состоявшейся в ЦДЛ на следующий же день, лучше всех говорил Борис Пастернак — об «ударниках духа», о том, что Белый работал на «зажиточность человеческого воображения». Очевидна некоторая аналогия с бухаринскими, в развитие нэпа, идеями мирного врастания «кулачества» в социализм. Возникли бы у последнего более долгосрочные перспективы, окажись на месте Сталина Бухарин, Горького — А. Белый с Б. Пастернаком, Суслова — Г. Лукач, а Горбачева — какой-либо неведомый «Ефраншиш» типа Дэн Сяо-пина? Трудно с А. Белым не включиться в ответную «мозговую игру», но здесь, конечно, такой вопрос не разрешить.

И не случайно сразу же развернулась настоящая идеологическая война некрологов. Лучшие литературные друзья в лице Б. Пильняка, Б. Пастернака и Г. Санникова первы-

---

звать разговором варенье желудочком мозга о всем, что ни есть: Мережковских, себе, Петербурге? Он эти возникшие где-то вдали отправления выбрызгивал с сюканьем без конца и без начала; какая-то праздная и шепелявая каша с взлетанием бровей, но не на собеседника, а над губами своими; в вареньи предметов мыслительности было наглое что-то; в невиннейшем виде — таимая злость» (с. 185, 188). О. Мандельштам, как известно, отреагировал на это по-своему: «Мировая манила тебя молодящая злость». Любопытно в этом контексте использование А. Белым современного словечка в отзыве на пейзажи Е. Н. Кезельман: «...У нас серия Ваших видиков, — осени до весны; целый дневник закатов... Вы не можете себе представить, как много дает и познавательно серия Ваших картинок. Это — настой из звуков: нежных, тихих; таких звуков в Москве нет» (с. 445).

ми опубликовали в газете «Известия» то, что скорее можно назвать некрологом-манифестом, с заявкой о статусе небожителя покойного:

> «Творчество Андрея Белого — не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу, оно — создатель громадной литературной школы. Перекликаясь с Марселем Прустом в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полнее и совершеннее» (с. 175).

Джеймс Джойс как вершина современной европейской литературы объявляется учеником А. Белого. Отмечалось, что Белый перерос школу символизма, с которым его привычно связывают, и оказал решающее влияние на все русские литературные течения, включая и самих авторов некролога. Если А. Блок призывал «слушать революцию», то А. Белый, утверждают авторы этого некролога, «всегда умел слушать историю», и «по самому существу своего творчества должен быть отнесен к разряду явлений революционных». Конечно, не лишним оказывается тут и проделанный составителями текстологический комментарий. Большая часть текста некролога-манифеста написана рукой Пильняка (литературно наиболее связанного с Белым), Пастернак (о чем ранее писал и Л. Флейшман) пытался, в духе «самоцензуры», подчеркнуть близость к «социализму», стилистическую правку пытался вносить бережно сохранивший ряд автографов Г. А. Санников (верным хранителем архива которого оказался его сын Д. Г. Санников).

Вероятно, этот некролог оказался самым скандальным за всю советскую историю. Объявление Белого «гением» никак не вязалось с вызревавшими партийными установками. Формально Белый успел занять определенные позиции в советской писательской номенклатуре, но скорее как явление декоративное, временный «многоуважаемый шкаф» на выброс. На следующий же день в «Известиях» вышел некролог-опровержение Л. Каменева, повторивший

в сжатом виде предисловие — посмертный «диагноз» и уже окончательный приговор на будущее. С аналогичными установками подтянулась «Литературная газета», пояснившая, что «реакционным утверждением было бы зачислять Белого в классики мировой литературы», и другие трибуны.

Третий раздел книги, **«Взгляд из России»,** — дневники, письма, мемуары, посвящения, реплики и даже описания сновидений, в которых близкие и знакомые поэта возвращаются в мыслях к событию его ухода, порой через много лет после этого. «...Могилка его на таком хорошем солнечном месте. Много света и воздуха. Хотели же его похоронить около Гоголя. Но там все занято. Да там и сыро. И темно. Под самой стеной. А здесь он весь на солнышке, которое так любил», — приводится письмо К. Н. Бугаевой к подруге и соратнице по антропософии Е. В. Невейновой от 2 февраля 1934 (с. 249). Да, выбор места могилы Белого (если вернуться, в виде комментария, к вступительной статье М. Спивак) имел свои коллизии. Сразу же, вероятно, по ходатайству Оргкомитета Союза советских писателей или другой высокой инстанции, местом упокоения было определено ставшее с 1927 г. номенклатурным Новодевичье кладбище. Первоначально вдова и друзья хотели похоронить автора, помимо прочего, посмертно изданного «Мастерства Гоголя» именно возле Гоголя, чьи останки перенесли на Новодевичье с кладбища Данилова монастыря в 1931 г. Однако места для Белого рядом с Гоголем не нашлось. Пытались затем «пристроиться» к участку, выделенному МХАТу, однако В. И. Немирович-Данченко почему-то ответил отказом проводившему переговоры Б. Пильняку. В итоге администрация кладбища внесла свой вклад в попытки вписать Белого в социалистическую если не жизнь, то смерть, отведя ему место у могилы летчика-полярника В. Косухина у монастырской стены. С этим быстро смирились, неподалеку уже «отогревался» В. Брюсов...

Те или иные моменты ухода А. Белого возникают в письмах К. Бугаевой к вдове М. Волошина М. С. Волошиной, супругам Томашевским, врачам. Фрагменты записей К. Бугаевой

возвращают к обозначенной выше проблеме визуальной уловимости Белого — предсмертной и посмертной:

> «Мысли, чувства, жесты и голос — все сливалось в нерасторжимую цельность. Нельзя было сказать, где движение руки переходит в звук голоса и звук голоса переходит в ожившую мысль. Двигалось тело, двигался голос, слова, двигалась и [неслось — зачеркнуто] закипевшая мысль. Казалось, что [перед тобою — зачеркнуто] видишь, как движение само беспрепятственно и свободно выявляет себя, не встречая сопротивления в теле, в голосе, в мысли. И когда он говорил, то поражало не только содержание, не только — то, *что* он говорил, но самое качество, то, как он говорил. [Поражало — зачеркнуто] полное соответствие между словом и жестом, мыслью и мимикой. Поражал ритм, соотношение всех отдельных моментов. Словом, то, о чем только и можно сказать: жизнь» (с. 260).

По мнению К. Бугаевой, все художественные портреты А. Белого неудачны, поскольку ни живопись, ни скульптура не способны отразить главного в нем, останавливаясь на стилизации. Бакст создал «какой-то монумент в сюртуке». Создаваемый ею самой по ходу критики пластический портрет А. Белого, кстати сказать, очень важен для дальнейшего постижения его образа будущими видами искусств. Трудно не удержаться, чтобы не привести его здесь:

> «Инерции в нем совсем не было. Даже позы его были [полны — зачеркнуто] только покоем движения. Он никогда не сидел развалясь, вытянув ноги или откинувшись на спинку дивана, на стуле. Даже задумавшись, он не опирался локтями на стол, на ручку кресла, не склонял голову на руки. И головы, и лица он касался рукой лишь для того, чтобы быстрым и крепким движением стереть платком капельки ... обильной испарины, которая выступала, когда он говорил или читал. Никогда он не стоял, прислонившись

к чему-нибудь. Его прикосновение к вещам было легко и летуче, часто порывисто» (с. 261).

Более удачным, чем другие, оценен незаконченный портрет К. Петрова-Водкина. Его ценность виделась в попытке создать образ человека (Бориса Николаевича), а не — Андрея Белого. Он доделывался уже по памяти. («Дела практиков, осуществлявших великие цели, требуют великих мастеров ритма в сообщники» (с. 403) — писал потом художник в одном из фрагментов ненаписанной книги «Воспоминания», фактически рекомендуя Белого в таковые действующим политикам, тогда как Сталин, по его данным, заряжал свой отпуск» «всего лишь» Шекспиром). В это время художник также работал над портретом Ленина. Но лучше всего, в представлении вдовы, запечатлеть образ писателя удалось фотографии, вдохновлявшей других зрителей (О. Форш) на «синтетический портрет».

По-своему резонируют в рамках жанра книги с такими наблюдениями сведения об анатомическом вскрытии покойного, с констатацией запоздалости лечения, и о поступлении мозга в Институт мозга в письме поэта П. В. Зайцева к антропософке Л. В. Каликиной. «Чудесные, совершенные формы тела. Девушки-студентки, стоявшие в качестве ассистенток при вскрытии тела и головы, поражались совершенством форм этого тела...» (с. 289). Воспоминания-стенограммы поэта С. Д. Спасского («А все-таки ушиб меня Каменев») соседствуют с выдержками из протоколов допроса 1951(!) года с признанием «вины», каковой обернулась для него дружба с А. Белым: «Его антиматериалистические взгляды были мне всегда чрезвычайно близки...» (с. 322).

До конца бескомпромиссный Р. В. Иванова-Разумник отмечает в письмах, что А. Белый сам виноват в убийственном предисловии Л. Каменева своим заигрыванием с марксистской идеологией и просоветской направленностью позднего творчества. М. Пришвин после посещения крематория пишет в дневнике:

[Содержание]

> «Красные не приняли, не почтили даже Белого, и он был похоронен как белый. Он смотрел на всё через себя как на материал свой: во всё входил и выходил из всего, оставляя книгу как след своего переживания. На большевиках он споткнулся: они его пережили» (с. 368).

Характер внутренней литературоведческой эпопеи представляет собой проделанные М. Спивак текстологические сопоставления разных вариантов стихотворений О. Мандельштама памяти А. Белого. Особо выделена содержащаяся в стихах скрытая и явная полемика всё с тем же в рамках этой книги Геростратом напоследок, а не «оппозиционером» Л. Каменевым, продемонстрировавшим трагикомичность фигуры Белого в отмеченном выше предисловии: ***«На тебя надевали тиару — юрода колпак».*** Ранее эта строка трактовалась исключительно через аллюзию на стихотворение самого Белого «Вечный зов» (1903): «Полный радостных мук / Утихает дурак. / Тихо падает на пол из рук / Сумасшедший колпак». Однако публикатор полагает уместным вспомнить и записанную С. Д. Спасским реакцию Белого на появление в печати книги «Начало века»: «Предисловие к “Н. Века” поразило. — Я никогда не был шутом. А он меня сделал шутом». Аналогично и привлеченное свидетельство Г. А. Санникова: «Выход “Начала века”. Предисловие. Слезы К<лавдии> Н<иколаевны>. Встреча и разговор. “Какой-то шут гороховый”». В самом предисловии Каменева тема шутовства, применительно к ближайшему окружению Белого, тоже обыграна: «Наиболее “деловые” и “сериозные” (...) стали бы архиереями светской церкви штампованной буржуазной идеологии, а другие, менее устойчивые и менее “солидные”, — шутами при ней» (с. 394).

Так же опознается и источник мандельштамовского образа Белого, гонимого ***«веком (…) взашей»***. Каменев заявлял об этом открыто: «Октябрьская революция спасла кое-кого из этого поколения буржуазной интеллигенции, — напр., автора “Начала века” — быть может, еще спасет кое-кого. Но чтобы спас-

ти их, она должна была взять их за шиворот — и сорвать с того пути, по которому они двигались, ибо по самому своему характеру это была обреченная на гибель группа».

И в строке ***«Часто пишется казнь»*** Мандельштам, по наблюдению М. Спивак, также оценивает, помимо прочего, последствия каменевской статьи, обрекавшей Белого на изгнание из советской, а заодно и мировой, литературы и самой жизни: «От этого приговора истории не спасает среду Белого тот факт, что — по собственному их мнению — они стояли на вершинах человеческой культуры, что они посвящали свое время и размышления “вечным проблемам”. (...) не имеет никаких шансов войти в культурную сокровищницу человечества тот, кто обошел боковыми тропинками столбовую дорогу своей эпохи» (с. 394).

В другом предисловии Каменева — к уже посмертной книге «Мастерство Гоголя» — тема «казни» Белого с единомышленниками прозвучала еще более откровенно: «Попытка художника осознать свою “мелодию” и свои образы может быть вредоносной для общества и гибельной для него лишь в том случае, если его устами говорит реакционный, обреченный на смерть класс (...)». Отсюда же намечается связь и мандельштамовской строки из стихотворения ***«Голубые глаза и горячая лобная кость...»***. Каменев заявил: «А книга Белого свидетельствует непреложно, что при всех этих фокусах исторический кругозор господ фокусников был — в вершок, связь с жизнью равнялась — нулю» (с. 395). Мандельштам опроверг столь убийственный для писателя приговор: ***«Меж тобой и страной ледяная рождается связь»*** (с. 394).

Мандельштам использовал малейший повод, чтобы прочитать эти свои стихи знакомым литераторам, предполагая выступить с ними на вечере памяти А. Белого, в процессе подготовки к которому он и был арестован в ночь с 13 на 14 мая 1934 года. Этот постоянно откладывающийся вечер в итоге так и не состоялся.

В «Попутных записях» драматурга, сценариста, театроведа, сотрудника В. Мейерхольда А. К. Гладкова опять вос-

крешается Белый во всей подвижности своего мышления, «как бы втанцовывая в слушателя мысль». «В первые минуты я даже не слушал, а только смотрел на него. Иногда он низко приседал и, выпрямляясь по мере развертывания аргументации, как-то очень убедительно физически вырастал выше своего роста. Он кружился, отступал, наступал, приподнимался, вспархивал, опускался, припадал, наклонялся; иногда чудилось, что он сейчас отделится от пола. Сказав что-то в правой части круга, — вот зачем нужен был этот круг, — Мейерхольд создал ему идеально подходящую обстановку: округлость движений Белого требовала этого пространственного обрамления, — Белый вдруг отбегал на левую сторону и, словно обретя там новые доказательства, собрав их к груди, нес направо и, раскрыв прижатые руки, выпускал их широким жестом» (с. 408).

Воспоминания П. Флоренского, в 1934 году уже находившегося в заключении, имеют чисто мемориальный характер. В его памяти священника после увлечения антропософией А. Белый «покрылся в жизни пеплом» (с. 397). «Может, начать книгу с описания “утра”? Ощущение “утренности”. А если начать со смерти Андрея Белого?», — пытается нащупать точку отсчета в так и не написанной книге советская поэтесса и писательница В. Инбер, заплутав в «трех смертях» (ещё — Ленина и Есенина).

Есть и более критичные отклики. Для Б. Лившица, на которого ни одна другая смерть не произвела столь сильное впечатление, гекзаметрическая проза покойного осталась сродни «пятистопному ямбу Васисуалия Лоханкина» (с. 450). Кажется, И. Ильф и Е. Петров и имели в виду именно Белого, если не добавлять сюда и недавнюю экстравагантную интернет-версию Д. Галковского, что за спиной соавторов единолично стоял... М. Булгаков. Вдова последнего, впрочем, выразилась в дневнике тех дней весьма жестко: «Всю жизнь, прости господи, писал дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно...» (с. 451).

Может, и правда, вдохновила не только на Маргариту? Для старого друга М. Булгакова писателя Ю. Слёзкина Белый тоже остается далек «от гениальной ясности и целеустремленности, он «в *слов х* искал ответа на свою сумятицу» (с. 451). А имевший разные беловедческие мнения С. Дурылин в интерпретации А. Резниченко никак не мог даже подписать некролог, поскольку сам находился в нервной клинике после пожара, унесшего архив и библиотеку. Но, придя в себя, он оценил присущий Белому «абсолютный слух на ритм в поэзии» (с. 471).

Четвертый раздел **«Взгляд из-з гр ницы: русск я эмигр ция и з рубежн я печ ть»** своим идейно и эстетически насыщенным драматизмом тянет на отдельную книгу. Для кого-то из эмигрантов Белый «умер» еще во время «измены» идеалам символизма и обращения к антропософии[5], для других — после возвращения в 1923 году из Берлина в Советскую Россию, а многие особо зафиксировали его пресловутые берлинские *фокстроты- гонии* («чистейшее хлыстовство», по определению М. Цветаевой). М. Осоргин вспомнил в связи с известиями о смерти Белого его берлинский период 1921–1923, когда еще не было разделения писателей, и как наметившее раздел «предательство» расценил его предотъездную статью «О России в России и о России в Берлине» (Беседа. 1923. №1, кажется, не переиздавалась): «Не слишком ли дешево это для Андрея Белого — стрелять из тяжелого орудия по бледной тени, уже расстрелянной бесчисленными плевками литературных мальчиков и молодчиков» (с. 495). В. Ходасевич, написавший один из самых проникновенных очерков памяти А. Белого, уверен, что, оставшись в Берлине, он бы погиб еще раньше. Получилась поистине поэтическая эпитафия — закону несовпадения метра и ритма в поэтике Ходасевич присваивает имя Андрея Белого. Что же касается позд-

[5] «О кончине Андрея Белого ничего не могу сказать, т. к. он кончился для меня в 1916 г.», — приводит А. Шишкин фрагмент письма Э. Метнера («Русского Мефистофеля») Вяч. Иванову (с. 717).

нейших мемуаров, скорее «автобиографических романов», это восстанавливается в книге первоначальная редакция развернутого некролога, «серия небывших событий».

Очерк М. Цветаевой «Пленный дух» достаточно хорошо известен читателю, но в этой книге, конечно, и он уместен со своим диагнозом: «Он не собой был занят, а своей бедой, не только данной, а отрожденной: бедой своего рождения в мир. Не эгоист, а эгоцентрик боли, неизлечимой болезни — жизни, от которой вот только 8-го января излечился» (с. 590). Цветаева делится своим порывом подойти для прощания последней во время панихиды по Белому в Сергиевском Подворье Парижа и ощущением забывчивости, что гроба здесь нет.

Для философа Ф. Степуна все болезни «бестелесного» Белого — не столько физические недуги, сколько, на его собственном антропософском языке, «помрачения его ауры», мешающие создать нечто «не только почти гениальное, но и вполне совершенное». Степуну всё казалось, что Белый сумеет осилить свои болезни и недуги, «врастет в форму своего совершенства». Поэтому «смерть Белого — подлинно безвременная кончина». «Нет сомнения — смерть Белого это новый этап развоплощения прежней России и старой Москвы. Это углубление нашей эмигрантской сиросты и нашего одиночества» (с. 625). Философ создает очень емкий посмертный образ, ландшафт этого образа, вызывающий ощущение тютчевского шевелящегося хаоса:

> «Наиболее характерною чертою внутреннего мира Андрея Белого представляется мне его абсолютная безбрежность. Белый всю жизнь носился по океанским далям своего собственного я, не находя берега, к которому можно было бы причалить. Время от времени, захлебываясь в безбрежности своих переживаний и постижений, он оповещал: — “берег”, но каждый очередной берег Белого при приближении к нему снова оказывался занавешенною туманами и за туманами на миг отвердевшею “конфигурацией” волн.

> В на редкость богатом и всеохватывающем творчестве Белого есть все, кроме одного: в творчестве Белого нету тверди, причем ни небесной, ни земной. Сознание Белого — сознание абсолютно имманентное, формою и качеством своего осуществления резко враждебное всякой трансцендентной реальности. Анализом образов Андрея Белого и его словаря, его слов-фаворитов можно было бы с легкостью вскрыть правильность этого положения... Отсутствующую в себе устойчивость Белый однако успешно заменял исключительно в нем развитым даром балансирования. В творчестве Белого, и прежде всего в его языке, есть нечто явно жонглирующее. Мышление Белого — упражнение на летящих трапециях, под куполом его одинокого “я”. И все же эта акробатика ... не пустая “мозговая игра”. В ней, как во всякой акробатике, очень много труда и мастерства. Кроме того, в ней много предчувствий и страданий» (с. 627–628).

Ф. Степун констатировал в своём ландшафтно-философском некрологе такое продуктивное противоречие А. Белого — с одной стороны, замкнутость монады, сосредоточенность на «панорамах сознания» в себе самом, с другой — *ктивизм* постоянного «выхода из себя»:

> «За эту верность своей эпохе не в ее явных благополучных формах, а в ее тайных, угрожающих бесформенностях, за верность эпохе, как великому кануну назревающих в ней катастроф, как готовящемуся в ней взрыву всех привычных смыслов, [как скату в небытие всех ее бытийственных и бытовых форм,] Белый и заплатил трагедией своего небытия и одиночества, ставшей, правда, благодаря магии его дарования, нашею крепчайшею связью с ним. Творчество Белого это единственное по силе и своеобразию воплощение небытия “рубежа двух столетий”, [как вступления к предчувствуемому нами бытию двадцатого века,] это художественная конструкция всех тех деструкций, что совершались в нем и вокруг него; раньше, чем в какой бы то ни было

> другой душе, рушилось в душе Белого здание 19-го века и протуманились очертания двадцатого» (с. 635).

По Степуну, интеллигентски-профессорская либеральная закваска Белого проявилась «в полном отсутствии в его сознании всех первично-консервативных пластов духа и опыта». Этот «социологический» аспект соответствовал «психологическому», метафорические представленному так: был существом крылатым, но без корней. В то же время диагностируется ослабление «физически-бытовой памяти», сопровождающееся разрывом «кровной связи с отцами и дедами», что со времен Сократа совпадает с развитием рационально-критической стихии и обострением «логической совести». «Культура и взрыв» («будет взрыв: все сметется») — так, задолго до Ю. Лотмана, была зафиксирована Ф. Степуном основная проблематика творчества А. Белого. «Нет сомнения, в истории русского сознания все созданное им войдет как глубокомысленнейшая философия революции и метафизика небытия» (с. 651).

Один из культурных вождей русской эмиграции критик Г. Адамович написал, кажется, самый парадоксальный (с парадоксальностью едва ли не в каждой строке) некролог «Памяти Андрея Белого», в котором подведены итоги символизма как такового — посредством сопоставления Блока и Белого. «Были сны, но был и бред, — и чем уродливее искажалось видение, тем настойчивее хотелось его хоть как-нибудь запечатлеть: так возник и погиб Блок» (с. 668). Он «сгорел» в борьбе с бредом, «ненавидя, кляня и любя», с немецкой методичностью очищая *тему эпохи* от шелухи, «стал изменником в пылу чрезмерной преданности». А. Белый эту «тему», наоборот, расширял, «уснащал всем, что случайно приходило ему в голову», и свойственен ему был «душок добровольного предательства, ничего общего не имеющий с отступничеством Блока, слепым и невинным».

То, что другим «танец», для Адамовича — «хихиканье», ворвавшееся в русский символизм вместе с Владимиром

Соловьевым, а в лице А. Белого достигшее уже совершенно нестерпимого расцвета. Так что ценнейшим в А. Белом для Г. Адамовича оказывается его неудача. Поэтому «позор» диалектико-материалистических «перестроек» ничего не меняет в его «двоящемся, неверном, обманчивом облике», поскольку это лишь скользнуло по его сознанию, как и всё прочее. В итоге, однако, карикатура заменила лицо, сменив «маску». Перед его замыслом меркнет даже Блок, но замысел обвалился. «...Творчество Белого было отрицательным: он только оттенял, отступал и безудержной болтовней пытался обморочить самого себя... Он “мучился в родах” все тридцать лет своей писательской деятельности, и так и умер бесплодным» (с. 669).

По аналогичной схеме для парижской газеты «Россия и Славянство» написан и некролог критика Л. Львова, с итоговой заменой объявленной устаревшей «солнечной» автоэпитафии А. Белого на политически актуализированные «Скифы» Блока. «Поистине, бездна с страшной “азиатской рожей” Ленина приманила к себе несчастного поэта и поглотила его, обуянного безумием!» (с. 673).

Наиболее «живым», если так можно выразиться, и самым «писательским» получился в этой части книги некролог уже покинувшего СССР, но сохранявшего советский паспорт Е. Замятина, по самооценке, «подлинного скифа» и «духовного революционера» (при всей сложности и неисследованности отношений двух писателей в целом). Портрет создан в духе «стилистического кубизма», напоминая графические портреты Ю. Анненкова: «Математика, поэзия, антропософия, фокстрот — это несколько наиболее острых углов, из которых складывается причудливый облик Андрея Белого, одного из оригинальнейших русских писателей, только что закончившего свой земной путь...». Дается описание одного петербургского вечера (1924 или 1926), в который Белый «ненадолго» зашел по пути на лекцию к Замятину и, присев на пол, проговорил до полуночи. Никаких особых идеологических претензий к Белому Замятин не высказывает (ведь он,

если чуть отвлечься, тоже был *мет пис телем*, воплотившим в своей знаменитой антиутопии «Мы» не только советский, но и британский опыт, к которому приноравливался в предшествующем сборнике «Островитяне»). «Сатирический ракурс» последних произведений Белого Замятин объяснил уступкой духу времени. «Но неутомимые формальные искания Белого, теперь больше всего в области лексической, продолжались и в этих последних романах: он до конца оставался “русским Джойсом”» (с. 677).

Текущую «несозвучность» Белого поэт и литературовед Ю. Иваск объясняет его «ультрамузыкальностью» и «антисловесностью». Его главная задача видится в полной переработке имеющихся речевых материалов — из себя, что сближало его с Гоголем. «Беловские персонажи — марионетки; такие же ходячие куклы и у Гоголя. Но страшный гоголевский гений (подметили Розанов и Мережковский) создавал почти ничем от жизни не отличимую пародию на жизнь — иллюзию, может быть, более “жизненную”, чем сама жизнь. У Белого этого дара “черной магии” — не было. Белый — именно “белый маг”, и хоть всю жизнь возился с чертями — черту душу не продал. Белый не сумел оживить свои бредовые призраки» (с. 801).

Ясно, что в рассматриваемый момент московско-тартуской школы еще не было, но эстонский поэт и литературовед из Тарту Йоханнес Семпер умело структурирует творческое наследие А. Белого, в чем-то предваряя метод В. Н. Топорова:

> «В раннем творчестве — это символика стихий и эстетика драгоценных камней. Солнце, эфир, лазурь, заря, небо, золото, серебро, вино, рубин, сапфир, изумруд, жемчуг, шелк, бархат, пламя — все это становится бута- и метафорикой. А затем врывается струя холода, зимы, метель возбуждает мысли и чувства, грезится снежная дева. Однако в символике Белого метель и пламя — не противопоставленные элементы. Также было бы бессмысленно подходить к его лирике с термометром. Но зато у пламени и метельного вихря один жест. Ведь первый признак и основная ценность поэтического искусства

> Белого — и есть жест. Сознание в стихотворных строках перекручивается, ткань смыслов рвется в клочья и рассеивается в воздухе. Небывалую ранее смелость и размах приобретает словесное искусство. Белому совершенно чужд неподвижный “лес символов” Бодлера: его собственный лес образов и соответствий горит, ветви выворачиваются под порывами ветра, вихри свистят в вершинах» (с. 808).

Семпер стремится постигнуть творчество А. Белого в комплексе разных природных и исторических уровней: «Временами в его творчество проникает проселочная удаль, простонародная речь, фраза движется в рубахе навыпуск и в шапке, разудало надвинутой набекрень (поэма «Деревня», «Камаринская» и т. д.). Эта русскость вместе с редкой пластичностью языка с годами растет, и чем дальше, тем более непереводимым становится Белый».

Семпер демонстрирует нечто вроде ноосферного подхода к литературе: «Если стихотворения его первых, упомянутых выше сборников в большинстве своем беспозвоночные и моллюскообразные, остаются в памяти неразличимой массой, некоей атмосферой мистических ожиданий, то его поэмы, как вполне бытописательные, так и автобиографические (“Христос воскрес”, по настроению близкая известным блоковским “Двенадцати”, но независимо возникшая в это же время; “Первое свидание” и др.), по своему внутреннему напряжению и выражению оказываются на очень высоком уровне. Даже если бы мы смогли признать, что по своему складу они “интеллектуальны”, то суть этого интеллекта — какая угодно, только не холодная и статичная. Ведь мысль Белого вьюжно-изменчивая, а не застояло-загустелая. В глубине своей души А. Белый динамичен и революционен, окончательно его не удовлетворяет ни одна устоявшаяся и освященная авторитетом форма или формула».

В этом *ноосферном некрологе* по памяти воссоздается динамичный портрет А. Белого во время выступления с докладом, опровергающий, в частности, диагноз Адамовича об итого-

вой бесплодности. «Едва начав, он, смотри-ка, уже точно парит. Уже сбрасывает, как балласт, понятия: сознание, творчество, мир, хаос. Уже находится на недосягаемой высоте. Из-за стола, на котором остался наполовину выпитый стакан с чаем, он уже давно вышел к слушателям. Зажигает сигарету, которой будет беспрерывно попыхивать. Затем вдруг бросает сквозь дым кому-то из сидящих поблизости вопрос прямо в лицо, а сам ждет: на лице улыбка до ушей, глаза прищурены. Пауза. И тут же вдруг становится серьезным, как бы испугавшись, и начинает сам себе отвечать. Однако и сам ответ — постановка новых проблем. Иногда случается, что нити мысли путаются, слова застревают, но промедление — не голая поправка, а открытие новых шлюзов. Все в его голове пылает: мысли и слова. Ассистируешь, как при родах. И то, что таким образом рождается на свет, иногда оказывается сюрпризом для самой роженицы» (с. 814–815).

В пятом разделе **«Post mortem»** собраны материалы о посмертной маске и рисунках, а также рассказывается о несбывшемся проекте оперативного издания «Собрания стихотворений» А. Белого.

Разные мнения насчет уместности или неуместности тех или иных попавших или не попавших в книгу материалов возникнуть при знакомстве с ней могут. Лично мне не хватает тут статьи П. В. Флоренского «Кончина Андрея Белого: Взгляд из концлагеря», опубликованная ранее, согласно интригующей ссылке на этот материал, в малодоступном белградском сборнике[6]. Вероятно, было бы интересно сопоставить смерть и вокруг Белого с его собственной разветвленной танатологией, в которой эта штука оборачивалась преимущественно — *методом*. Впрочем, это скорее тема для дальнейших исследований, поскольку книга и так чрезвычайно объемна, рождая жанр настоящего книжного университета по Андрею Белому.

6 Миры Андрея Белого / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак; сост. И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград; М., 2011. С. 304–322.

Ст нисл в Стремидловский

Казем-Бек — «серый кардинал» митрополита Никодима, учителя патриарха Кирилла

Актуальность некоторых книг проверяется только со временем. В 2010 году перед российским читателем предстало исследование французской славистки Мирей Массип, посвященное одному из загадочных персонажей русской эмиграции — Александру Львовичу Казем-Беку (2 (15) февраля 1902, Казань — 21 февраля 1977, Москва — лидер движения «младороссов», белоэмигрант, публицист, педагог, церковный журналист, богослов). Издательство «Языки славянской культуры» выпустило перевод биографии Казем-Бека[1]. Казем-Бек прожил свою долгую жизнь в двух империях, Российской и Советской, неоднократно пересекал континенты, встречался с необычными людьми, был под прицелом нескольких разведок, начинал как светский политик, но окончил свои дни чиновником Московской патриархии.

На его церковную деятельность мы и хотели бы обратить внимание, так как одна из глав исследования Массип но-

---

[1] *Мирей М ссип*. Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе [1999] / Пер. с фр. Н. М. Сперанской. М., 2010.

[Содержание]

сит название *«“Серый к рдин л” митрополит Никодим »*. Дело в том, что митрополит Никодим (Ротов), занимавший с 1960 по 1972 год пост председателя Отдела внешних церковных сношений Русской православной церкви, являлся наставником нынешнего патриарха Московского и всея Руси Кирилла. И с митрополитом Никодимом связывают курс РПЦ на развитие отношений РПЦ с Римско-католической церковью, ярким продолжением которого стала встреча между патриархом Кириллом и папой Римским Франциском на Кубе в феврале 2016 года, первая в истории встреча православного епископа Москвы и католического епископа Рима. Как замечает в предисловии Массип,

> «с 1956 года до своей смерти в 1977 году Александр Казем-Бек сотрудничал в Отделе внешних сношений Московской патриархии, посвятив себя экуменическому движению. Эта работа, оставшаяся в тени, составляет, на мой взгляд, самый позитивный и интересный вклад в возрождение России этого «возвращенца», который не был мыслителем, но прежде всего политиком и публицистом... Переговоры в Ватикане и Московской патриархии дали мне возможность лучше понять ход его мыслей и последний период его жизни».

Но прежде пару слов о происхождении нашего героя. Обращение к фигуре его предка, Мирзы Магомет Али Бека (будущего профессора Магомета Али Бека), позволяет уловить определенные совпадения в жизни и судьбах представителей рода Беков. Магомет Али Бек был внуком феодального владетеля (хана) одной из областей между Баку и Дербентом, в Дагестане, принадлежавшем тогда Персии, замечает Массип. После Петра I долины Дагестана и Азербайджана неоднократно переходили то к Персии, то к России. По Гюлистанскому миру 1813 года Персия окончательно отдала России Дагестан с Дербентом. На фоне этой геополитической драмы, которая заставляла многих сделать выбор

между Российской и Персидской империей, Магомет Али не только переходит на сторону россиян, но и меняет веру, что всегда, — если только речь не идет о корыстном расчете, — является результатом сильнейших потрясений и мистических переживаний. В Астрахани он принимает святое крещение. В записках, опубликованных в 1827 году американским Союзом воскресных школ, говорится об этом событии так:

> «Вскоре миссионеры встретились с Магометом Али. Он был их давний знакомец, ибо этого молодого человека они часто встречали в Дербенте, где также побывали с миссией. Они часто беседовали с ним и подарили ему Евангелие... После того как местные власти посетили Магомеда Али у миссионеров, архиепископ Астраханский предложил взять его под покровительство греческого (православного) священника, чтобы тот дал ему надлежащие наставления для вступления в эту веру через обряд крещения... но Магомед Али написал к Императору, прося позволить ему христианское крещение от тех, кто сделался орудием его обращения».

Однако в итоге Магомет Али принял православие. В православной традиции был воспитан и его правнук Александр, религиозность которого проявилась еще в Царскосельской гимназии. В молодости у него происходят встречи, которые дадут знать о себе спустя десятилетия. Как отмечает Массип, в 1924–1925 годах началось движение сближения между различными христианскими конфессиями, стало развиваться экуменическое движение, возникшее в Эдинбурге в 1910 году. Взаимное тяготение возросло после войны со всех сторон, особенно у протестантов — благодаря Джону Моту, затем А. А. Виссерт-Хуфту (с которым Казем-Бек будет неоднократно встречаться)... В случае с Католической церковью на тот момент возобладала концепция — в отношении русских эмигрантов — обратить каждого отдельного православного в католичество, для чего был создан Восточный ин-

ститут. Следует упомянуть имена двух католических священников, отцов Жана-Кристофа Дюмона и Поля Майе, которые сыграли виднейшую роль в этой организации, а позднее оба имели прямые контакты с Александром Казем-Беком. Взгляды этих двух священников развивались в сторону все большей открытости экуменизму.

Но это позже. А пока Александр Казем-Бек, отправившийся в эмиграцию, в Париже посещает занятия Религиозно-философской академии, которой руководил Николай Бердяев, с 1931 по 1932 годы его можно было увидеть в парижском Православном богословском институте. В начале 1930-х годов происходит раскол в православном сообществе в Западной Европе. В 1927 году митрополит Сергий (Страгородский), будущий патриарх, издает так называемую декларацию, в которой среди прочего заграничному духовенству предлагается сделать выбор и дать подписку о политической лояльности советскому правительству. В январе 1931 года митрополит Евлогий с большей частью паствы переходит в юрисдикцию Константинопольского патриархата. Верным Московской патриархии остается епископ Вениамин (Федченков), с которым остается и Казем-Бек.

Загадка: почему Казем-Бек предпочел «советскую церковь» так называемой «белой»? Покинув Европу и отправившись в 1941 году в США, Казем-Бек снова встречает здесь Федченкова, уже экзарха Московской патриархии в США. Экзарх принимает участие в работе «Комитета помощи России», куда Казем-Бек вступил сразу по приезде. Он принимает самое активное участие в жизни местной православной церкви, поддерживает контакт с митрополитом Вениамином. Характеризуя религиозную ситуацию в Советском Союзе, в записке в Военный департамент в Сан-Франциско Казем-Бек напишет:

> «Несмотря на преследования двадцатых и тридцатых годов, церковная жизнь не была полностью уничтожена, напротив, она стала интенсивнее, хотя и священнослужителей,

и прихожан стало меньше... С начала войны Православная церковь играет все более важную роль в обороне страны».

20 февраля 1947 года он выступает с лекцией «Религия в России». Обрисовав историю западной и восточной ветвей христианства, докладчик закончил мыслью о «необходимости скорейшего объединения Восточных, Западных и Протестантских церквей». В подтверждение того, что такая работа уже ведется, цитирует документы женевского Всемирного совета церквей.

Следует отметить, что Казем-Бек, в принципе, после окончания Второй мировой войны переориентировался на сугубо церковно-политические вопросы, отходя от светской политической деятельности. Причем наблюдаются интересные пересечения его интересов с линией, которую в это время ведет Кремль. Сталин, восстановивший Русскую церковь, готовит Всеправославное совещание, преследуя цель вынудить тем или иным способом глав Поместных церквей признать Московскую патриархию главной в православном мире. Однако эту операцию срывает Константинопольский патриархат. После чего с 1948 года Сталин резко охладевает к Русской церкви, начинается новый период ее гонений. Казем-Бек, будучи в США, тем не менее активен в церковной среде. Его биограф объясняет это тем, что в одном из парижских журналов Казем-Бека привлекла фраза в декабрьском номере 1947 года: «“Религии” стали в наше время крупными политическими силами, может быть единственно реальными». Не здесь ли находилось то новое поле битвы, где он, завершивший свою политическую активность в 1939 году, мог бы сыграть роль переговорщика, если не миротворца? Тем более что он поддерживал контакты и со Всемирным советом церквей, и с Московской патриархией? И нельзя ли было возобновить связи с Римом, где до войны он получил аудиенцию у папы Пия XI?

Казем-Бек представлял определенный интерес для Московской патриархии, а значит, для советской внешней по-

литики. Он был известен среди духовенства США и ряда западных стран, был знаком со многими иерархами западных церквей — и с их слабыми местами. Он мог бы стать ценным источником сведений для Отдела внешних сношений Московской патриархии, работавшей над сближением с зарубежными Церквями и желавшей вернуть в свое лоно — а заодно в сферу советского влияния — отколовшиеся или подчиняющиеся Константинопольскому патриархату общины. В это же время он приходит к мысли покинуть США. По версии Массип — и это одно из самых слабых мест ее аргументации — будто бы по причине психологических расстройств и депрессии. Хотя все выглядит так, что метания Казем-Бека, его публичные срывы были тщательно подготовленной и грамотной операцией отхода. В СССР он улетает 7 июня 1956 года. Как позже говорила его жена Светлана, «я знаю, что Александр встречался в Нью-Йорке с митрополитом Николаем, но он никогда не говорил мне, что собирается поехать в Россию... Он заказал немалое количество книг для своих лекций и пишущую машинку, которую мне пришлось потом оплатить. Я видела, как перед отъездом Александр уничтожал какие-то бумаги...».

По приезде в Москву Казем-Бек три месяца живет в гостинице, без работы, а потом ему предлагают работу в «Журнале Московской патриархии» с месячным жалованием в 300 рублей (значительная сумма по тем временам, подчеркивает Массип). Она считает, что Казем-Бек был «заложником». Но этот «заложник» попадает в привилегированные условия. В письме (1974 года) он пишет:

> «...в июне 1957 года, когда заканчивалось строительство комплекса домов на Фрунзенской набережной, я получил квартиру из двух жилых комнат и подсобных помещений в нынешнем здании № 38/1 (квартира 389) и был прописан в ней постоянно. После ряда переговоров с представителями нашей государственной власти было решено, что я буду

[Содержание]

> приносить самую значительную пользу, работая в Русской православной церкви (так как за последние годы во Франции и все 15 лет пребывания в Америке приобрел значительный опыт в экзархатах Московского патриархата)».

Возвращение Казем-Бека совпадает с изменением советской политики в отношении к Ватикану. Святой престол при Сталине был чуть ли не «исчадьем ада», который проклинали как в коммунистической печати, так и церковной. Приход же Хрущёва совпадает (или это было не просто совпадение?) с резким креном Ватикана в пользу открытости к христианам-некатоликам. 9 октября 1958 год умер папа Пий XII. Неожиданно для всех Московское радио одобрило послание, с которым выступил сменивший его Иоанн XXIII. А в декабре 1959 года небольшая делегация Всемирного совета во главе с Виссерт-Хуфтом была принята патриархом в Загорске... Делегацию повсюду сопровождали пять клириков во главе с молодым архимандритом Никодимом (Борисом Григорьевичем Ротовым), который «забрасывал» Виссерт-Хуфта вопросами о других церквях и об экуменическом движении. Так в биографию Казем-Бека автор вводит нового персонажа. Она дает характеристику Никодиму, который в июле 1960 года занимает место председателя ОВЦС. Американцы и европейцы, как священники, так и миряне, неизменно подпадали под его обаяние, но «как у всех советских» у него была «теневая сторона, какое-то неизвестное, интригующее», вспоминал Лабуле, советник французского посольства в Москве с 1962 по 1965 годы. Когда Никодим возглавил ОВЦС, Казем-Бек был назначен начальником пресс-службы патриархии, а через два месяца вызван в качестве переводчика в ОВЦС. Оба — Казем-Бек и Никодим — считали, что Русская церковь могла выжить только в союзе с другими христианскими конфессиями, пишет Массип. В высоких сферах «Секретариата Единства» считали, что Казем-Бек если не воспитал Никодима, то несо-

мненно помог ему сформироваться, открыв ему широкие горизонты знаний.

Оставшийся в Европе Всеволод Кривошеин — епископ Василий — полагал, что увлечение Никодима Католической церковью, «весьма иррациональное... но усилившееся с годами... было следствием влияния на него А. Л. Казем-Бека». 25 ноября 1961 года Никита Хрущев поздравил папу Иоанна XXIII с восьмидесятилетием. Это был первый официальный контакт Кремля с Ватиканом после сорокалетнего молчания. Ватикан обладал властью, которую нельзя было игнорировать. В 1962 году кардинал Иоаганн Виллебранс отправляется в Москву с необъявленным визитом. Патриарх Алексий I находился в своей одесской резиденции, и его принимает Никодим, в отношении которого монсеньор замечает: «Идея Никодима, возможно, воспринятая им от Казем-Бека, заключалась в том, что «мы — великая Православная церковь, а Рим — наш партнер». Мне он говорил: «Единственная Православная церковь, которая свободна и имеет поддержку государства, это Греческая, но для нас она не имеет никакого значения. Что действительно важно для нас — это Римско-католическая церковь». И поддержку главе Отдела внешних церковных сношений оказывал Казем-Бек, которому позволялось многое. Работавший рядом с ним отец Виталий Боровой замечал, что Казем-Бек «получал информацию из женевского агентства «Аргус» (составлявшего дайджесты западной прессы) и от меня. Он получал эти бюллетени из Совета по делам церквей и внимательно их прочитывал, что не каждому позволялось».

Судя по всему, в этот период работы Казем-Бека с середины 1950-х по середину 1960-х Ватикан принимает для себя главное решение: как относиться к советскому режиму и как к Русской церкви. Массип приводит сообщение о поездке на празднование юбилея патриарха Алексия I католического епископа Шарьера. Сопровождал его отец Дюмон, уже знакомый с Казем-Беком. По возвращении в Москву отец Дюмон направил в Ватикан следующий отчет:

«Учитывая критическое положение, в котором находится Русская православная церковь, легко представить себе, в какой мере она стремится заручиться поддержкой, дающей ей хоть какие-то шансы на выживание... После веры и упования на близость Всевышнего единственная надежда Русской православной церкви состоит в том, что рано или поздно марксистская идеология износится и обветшает, и в ожидании, что рано или поздно интересы государства будут поняты лучше и возобладают над идеологическими догматами... Представляется, что именно на этих соображениях следует основывать отношение к Русской православной церкви, одновременно принимая известные предосторожности, чтобы не быть введенными в заблуждение манипуляциями властей».

Святой престол начинает осмысление своей восточной политики, которая сопровождается максимально допустимым для Ватикана принципом лояльности к просоветским режимам. А в 1962–1965 гг. проходит Второй Ватиканский собор, куда отправляется в статусе наблюдателя делегация Московской патриархии. Еще одно свидетельство, отца Рено Гиро:

«Я встречался с Казем-Беком только один раз во время моей второй поездки в СССР в 1965 году... Говорили о Втором Ватиканском соборе (тогда заканчивалась вторая сессия). Он заявил, что очень интересуется Схемой XIII (позднее получившей название *Конституция о Церкви в современном мире*). У Католической церкви, сказал он, серьезные проблемы с присутствием в разных странах мира, однако Православной церкви стоит задуматься об этом еще серьезнее».

Важность роли Ватикана в современном мире, с религиозной, политической и социальной точки зрения, вполне вероятно и стала тем аргументом, которым Казем-Бек смог убедить митрополита Никодима пойти на изменение поли-

тики Русской православной церкви в отношении Святого престола. Это во многом объясняет политику Московской патриархии уже после распада Советского Союза и установления религиозной свободы. Парадокс, но, несмотря на аномалию в лице «польского» папы Иоанна Павла II, чьими стараниями был раздут костер этнофилетизма и национализма в Польше и Восточной Европе, который приложил немалые усилия, чтобы украинские униаты испортили жизнь местным православным на Украине, Русская церковь не поставила «железный занавес» перед Святым престолом. Более того, имея все возможности пойти на альянс с родственным православным Константинопольским патриархатом, курс Московской патриархии был проложен в сторону Рима. А февраль 2016 года дал начало сретенскому процессу в диалоге между Русской церковью и Римско-католической, когда буквально за год обе Церкви продвинулись друг навстречу другу гораздо ближе, чем за последние сто лет. Немаловажную роль в этом, как можно судить, сыграл Казем-Бек.

Но что именно было предпринято и как, до сих пор остается тайной. После смерти Казем-Бека американская разведка, подозревавшая его во многих грехах, так и не смогла составить ясного мнения о «случае Казем-Бека». Вот вопросы, заключающие досье — и оставшиеся без ответа: был ли Александр Казем-Бек похищен или стал перебежчиком в Россию? Являлся ли Казем-Бек когда-либо объектом расследования как иностранный шпион? Остается дождаться открытия профильных архивов Политбюро ЦК КПСС и КГБ СССР, где вопросы ответственности Казем-Бека до сих пор остаются секретными, и нового исследователя, который бы смог продвинуться в деле раскрытия интригующих секретов церковной политики XX века.

Л. К цис

Почему «Египетская марка» О. Мандельштама «египетская» и почему «марка»? К проблеме построения не филателистического литературоведения на текстах о 1917–1918 гг.

I. Почему так и не удалось понять, что такое «египетская марка»

> Семантическое непонимание характерно, прежде всего, для поэзии (и поэтической прозы). Предметно-смысловое непонимание — связано с несоотнесением (понятной) семантики с (известными) реалиями.
>
> *Ю. Левин*

Что зн чит «понять» в случ е «Египетской м рки»?

В 2017–2018 гг. исполняется 90 лет со дня написания «Египетской марки» (далее: ЕМ), которое совпало с 10-летием ключевых исторических событий, в ней отраженных и 40 лет со дня написания знаменитой статьи Ю. И. Левина «О типологии непонимания текста» 1978 г., опубликованной в «Трудах по знаковым системам» в 1981 г. [Левин : 1998];

[Содержание]

приближается и 45-летие «статьи пяти авторов» «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» [Сегал 2007 (1974)], определившей на десятилетия способы и понимания, и непонимания Мандельштама. Эти три повода, с одной стороны, вполне самодостаточны, но, как оказалось, и взаимосвязаны — с другой.

В разделе 1.6 указанной статьи Ю. И. Левина — о «внешнем» НеПонимании текста, — предполагающем обращение к внешним для данного текста источникам, автор различает три вида таких источников: «энциклопедию» (кавычки Ю. И. Левина), культурно-исторический и биографический контекст. Именно для снятия таких «внешних» типов непонимания предназначен в эдиционной практике реальный комментарий [Левин : 584]. Продолжая это рассуждение, Ю. И. Левин писал:

> «К динамическому аспекту глобальной структуры мы относим в повествовательном тексте сюжет и связанную с ним систему «валентностей» персонажей... Типичный случай — НП сюжета, которое может обуславливаться его осложненностью ... или же ослабленностью сюжетных связей (Пильняк, ранняя проза Пастернака) и переносом центра тяжести на внесюжетные структуры «Египетская марка» Мандельштама)» [Левин : 586].

Еще одним видом непонимания текста Ю. И. Левин считал «неустановление внефабульных связей между единицами текста, например, параллелизма персонажей и сходных с ними макрообразов или аналогичных связей между понятиями и/или методами в научном тексте» [Левин : 586]. Наконец, к локальному смысловому непониманию автор относил непонимание смысла «относительно небольших сегментов текста от слова до, скажем, абзаца» [Левин : 582], что особенно важно для ЕМ.

Как ни странно, мы попытаемся показать, что имеющиеся работы о фабуле ЕМ, глобальный комментарий к ЕМ,

[Содержание]

которому уже тоже более 5 лет, и многочисленные работы об этом тексте оказались неспособны установить, прежде всего, смысл двух слов — заглавия ЕМ, внятно описать фабулу и ограничить время действия ЕМ (локально), соотнести его с внешним временем, в котором работает автор и с фабульным временем, которое аккумулируется в сюжете ЕМ. Наконец, самое главное — наши предшественники оказались неспособны детально проанализировать конкретный отрывок из черновиков ЕМ, где, собственно, и объясняется это название. Но ведь заголовок ЕМ и другие употребления этого словосочетания, будучи «фабульным», разъясняются в заведомо нефабульном черновике, не вошедшем в основной текст. И такое соотношение «фабульности» и «нефабульности» требует к себе очень осторожного и внимательного отношения.

Следовательно, нашей первой задачей является анализ причин непонимания нашими предшественниками столь важного для них текста.

А без понимания фабулы-сюжета невозможно оценить параллелизм между автором ЕМ Осипом Мандельштамом (далее: ОМ) и протагонистом Валентином Парнахом, ОМ (как автором ЕМ) и Парноком как героем разбираемой прозы, а это, в свою очередь, не дало возможности осмыслить параллелизм между фабульным В. Парнахом (если это он, и если да, то в какой мере?) и сюжетным Парноком.

А без этого говорить о «фабуле» ЕМ невозможно вообще.

О коммент рии и коммент тор х

Наши предшественники предложили свой подход к непростой литературно-филателистической проблеме, будучи уверены, что проблема лежит именно в области поиска конкретной марки государства Египет. При этом они не указали, какое место в общей символике ЕМ занимает именно филателистическая проблематика. Это приводило к неуверенности в поисках соответствующего артефакта,

который никак не давался и не дается в руки комментаторов и исследователей.

Разумеется, все эти сведения аккумулированы в комментарии тотального типа объемом около 500 страниц, претендующем на научную тщательность и существующем в двух вариантах. Здесь необходимо пояснить, с какого рода «тотальным комментарием» мы имеем дело в случае с т. н. «Пояснениями для читателя» (Далее: ПЧ), который мы имеем в виду и который не определяет как раз тип этого читателя.

Это коллективный проект комментирования ЕМ самостоятельно развивавшейся и расширявшейся группой участников «Живого журнала» под руководством проф. НИУ ВШЭ О. А. Лекманова. В печатном варианте у ПЧ есть целый ряд титульных соавторов, с некоторыми из которых на момент даже книжной публикации руководитель, по его словам, даже знаком не был. В настоящее время проект существует в двух зафиксированных вариантах: в том электронном, что остался на сайте Ruthenia. Ru на момент окончания работы группы составителей, и в книжном варианте, названном «Пояснения для читателя». Электронный текст вывешен на сайте ruthenia.ru (http://ruthenia.ru/archiv.html?topic=all&fromday=01&frommonth=01&fromyear=2004&tillday=05&tillmonth=12&tillyear=2011&start=91), по которому мы его и цитируем [*Египетск я м рк*]. Это нам удобно, т. к. весь комментарий пронумерован последовательно, что позволяет соотносить цитируемые нами куски с бумажным изданием. И, хотя нумерация их в обоих вариантах не всегда совпадает, а некоторые куски комментария либо исключены, либо перенесены в другие места, всегда совпадают комментируемые отрывки текста ЕМ. Однако даже авторы многосотстраничного коллективного комментария, который должен был бы иметь хоть какие-то методологические рамки и общие подходы, в себе не уверены настолько, что уже в первой фразе выводят ЕМ из области исследования, науке подвластной, в область уникальных

феноменов, которыми наука, вообще-то, не занимается. Комментаторы определяют свой объект комментирования как:

> «Не вписывающ<ую>ся ни в какие привычные рамки повесть Осипа Эмилиевича Мандельштама ЕМ...» (ПЧ : с. 39).

Так текст ЕМ и его комментарий оказались с самого начала выведены за пределы позитивной (не обязательно позитивистской) науки. На той же странице комментаторы назвали ЕМ «вещью в себе». «Фабулу» авторы комментария, сочтя за нее просто перечисление легко выделяемых эпизодов, назвали «почти примитивной» (ПЧ : с. 42) и отягченной многими отступлениями от основного текста, установив время действия как май — первые числа июня 1917 г. (ПЧ : с. 41). Невозможно согласиться ни с одним из приведенных положений, относящихся — по Левину — к разным видам «непонимания», поэтому мы и предлагаем фундаментально другой подход к этой прозе поэта. Обратимся сначала к результатам наших предшественников. В книжном варианте начало комментария чуть другое, чем в электронном, но важное для нас:

> «Заглавием-эмблемой повести О. М. стал эфемерный, случайно занесенный в революционный Петроград 1917 г. и никому не нужный клочок бумаги» (ПЧ : с. 46).

Далее с небольшими текстологическими расхождениями идет несколько сокращенный за счет переноса в соответствующие места комментария некоторых деталей текст электронного варианта.

Учитывая громадное количество предположений и расшифровок ЕМ, сразу последуем за электронным комментарием № 1 к названию ЕМ, где эти мотивы сгущены и не рассеяны по тексту, как в книге, где все они, впрочем, находятся без труда; при этом мы будем останавливать-

ся на принципиально важных местах комментария. Здесь, в отличие от книжного варианта, несколько другая структура: есть т. н. «обязательная часть» комментария и разного рода дополнительные сведения, приводимые после нее. В книжном варианте часть «необязательных» дополнений снята. А часть помещена в качестве мелких замечаний в другие места комментария. Итак:

> «№ 1 Заглавие — «Египетская марка»

с обязывающей пометой:

> «Обязательное:
> Комментарий к заглавию повести О. М. содержится в ней самой: «Товарищи в школе дразнили» главного героя, Парнока, «“овцой”, “лакированным копытом”, “египетской маркой” и другими обидными прозвищами» (2 : 477[1]; отметим, что прозвище О. М. в Тенишевском училище было «Гордая лама». См.: *Руб кин А.* Над рекою времени. М., 1966. с. 13)».

Прежде всего, из слов А. Рубакина ясно, что «гордая лама» прозвище вовсе не обидное. Впоследствии О. М. вовсе не обижали прозвища типа «верблюдик», кстати, значительно более связанные с Египтом, чем степная лама. Видимо, поэтому в книжном варианте этой ссылки нет, а имя А. Рубакина появляется лишь на страницах 368–370 вне связи с «гордой ламой». Так что в книжном варианте ПЧ автометаописание и автокомментарий просто исчезли, как и «египетская марка» в повести ОМ. Таким образом, имея электронный и книжный вариант ПЧ, мы получаем возможность заглянуть даже в «мастерскую» комментаторов, увидеть их сомнения, правку, снятие противоречащих реальности и содержанию повести сведений, первоначально казавшихся им релевантыми. Это позволяет проследить

---

[1] Ссылки в цитатах из ПЧ даются по [Мандельштам 1994].

и за процессом понимания-непонимания комментаторами комментируемого ими текста, их представлениями о понимании и принципах комментирования вообще. К сожалению, в данном случае их приходится эксплицировать аналитическим путем. Следующий же пункт комментария позволяет увидеть и основные принципы комментаторской работы, точность выбора объекта комментирования, надежность представленных сведений:

> «Также в ЕМ встречаются многочисленные «египетские» мотивы, растворенные в петербургской действительности: здесь упоминаются «фиванские сфинксы напротив здания Университета» (2 : 470), «Египетский мост», который «и не нюхал Египта» (2 : 477), «разъезжающая ночью» метафорическая «пирамида для починки трамвайных столбов» (2 : 476)» (ПЧ : с. 207).

В связи с тем, что нас интересуют именно контексты названия сочинения О. Мандельштама, мы будем по ходу изложения сразу отмечать наши расхождения с комментаторами и в фактической части, и в понимании «египетскости» конкретных мест ЕМ. Так, в данном случае, конную этажерку для ремонта трамвайных столбов мы ни при каких условиях не можем счесть «метафорической» пирамидой и тем более — «египетской». Это бревенчатое сооружение на маленьких колесах, запряженное двумя лошадьми с выдающейся вбок площадкой для рабочих. Метафорической была бы колесница тех же египтян[2]. Более того, в незаконченном стихотворении героя ЕМ о. Николая Бруни, написанном в Оптиной пустыни и названном «Памяти Николая Гумилева», явная отсылка к «Заблудившемуся трамваю» выглядит так:

[2] Фотографию этого объекта из питерского музея электротранспорта см.: http://getmuseum.ru/istoriya_tramvaya (раздел «Появление трамвая»). И эта позиция касается не только комментария к названию.

Здесь возможно ли нам ошибиться,
Не туда по ошибке свернуть —
Электрическая колесница
Ей железом начертан путь[3].

В специальном комментарии № 86 к строкам:

> «Не Анатоля Франса хороним в страусовом катафалке, высоком, как тополь, как разъезжающая ночью пирамида для починки трамвайных столбов, а ведем топить на Фонтанку, с живорыбного садка, одного человечка, за американские часы, за часы белого кондукторского серебра, за лотерейные часы»

— здесь особо указано:

> «Слово «пирамида» привносит в комментируемый фрагмент «египетский» колорит».

Интересно, что А. Г. Мец в своем Полном собрании сочинений писем, в томе прозы, вышедшем почти одновременно с ПЧ, это место никак не комментирует вообще[4]. А ПЧ продолжает:

> «Далее в нашем фрагменте идет речь о трудоемком процессе смены трамвайных проводов — ночью (чтобы не нарушать движения) и с помощью специальных громоздких платформ».

---

[3] См.: *Р. Тименчик*. История культа Гумилева. М., 2018 (реально: начало декабря 2017). С. 97.

[4] Ссылки на Полное собрание сочинений писем О. Мандельштама п. р. А. Г. Меца даются в дальнейшем как (ПСС. Т. 2. С. 662–663. Комм.). Не повторяем в очередной раз уже целую библиографию нашей критики этой работы. Здесь придется ее продолжить, тем более, что в июне—июле 2017 в издательстве «Гиперион» (СПб.) вышло в свет второе, исправленное и дополненное издание этого труда А. Г. Меца [Мандельштам 2017]. Однако в интересующей нас части ничего нового оно не принесло.

Сведения об этой пирамиде добываются буквально в несколько кликов мышкой компьютера, однако, работая над электронным комментарием, коллектив или ответственный за трамвайные реалии в ЕМ не сделали именно этого. Мы же воспользовались сайтом питерского Музея электротранспорта, запросив «ремонт трамвайных проводов в СПб. в 1910-е гг.». В результате у нас на экране появилась фотография, которую мы сейчас опишем. А читатели смогут ее найти сами по ссылке.

Процесс ремонта, как видно на фотографии, и проходил не только ночью, если вообще происходил, а и в абсолютно светлое время суток, и был не так уж громоздок, и даже не мешал движению трамвая. А вот смена проводов, действительно, проходила тогда, когда электрический трамвай по понятным причинам не ходил. Но на нашей картинке ремонт вообще-то происходит днем, а трамвай в это время работает на конной тяге, по типу конки, как и конная «пирамида». Поэтому комментарий в ПЧ не совсем тот, который требуется именно для «Египетской марки». «Пирамида» в нашем случае вполне могла ехать на место стоянки и после рабочего дня. Вряд ли и катафалк Анатоля Франса двигался ночью, чтобы не мешать движению...

Таким образом, ни на «египетскость», ни на «похоронность» ремонтная этажерка не работает. На нее работает только слово «пирамида», в Египте, как известно, похоронная; колесики же этажерки позволяют соотнести ее с траурной колесницей, приводящей, естественно, к «похоронам», кстати, никак не связанным с ночью. Да и топить поведут на Фонтанку вора в ЕМ опять же днем. Так комментарий вообще начинает противоречить прямому содержанию текста и не слишком в данном случае сложным художественным его особенностям. А ведь речь идет о важнейшем определении «египетская»! Цитируем ПЧ далее:

> «...обстановка комнаты характеризуется как «милый Египет вещей» (2 : 465); в мечтах героя возникает «билет в Сицилию

> к живым розам, и полотеры пляшут с египетскими телодвижениями» (2 : 479)»[5].

Здесь все комментаторы, обращающие внимание на этот образ, от Д. Сегала [Сегал 2007 (1981) : 91], с похоронной египетской ладьей в царство мертвых, до М. Л. Гаспарова отмечают связь отрывка с целым миром вещей, которыми хоронят в пирамиде египетских фараонов [Гаспаров М., 2001. 687 и теперь по-русски — Ханзен-Леве 2016 (1999) : 240]. И если цитируемую работу М. Гаспарова ПЧ не знает, то на работу Д. Сегала составители ссылаются. Эта деталь очень важна как раз для «египетскости» прозы ОМ. Однако тотальный, а не, например, пословный комментарий, как в «Энциклопедии» «Евгения Онегина», позволяет достаточно произвольно выбирать пункты комментирования. Так, авторы ПЧ пишут:

> «...рассказывая о другом персонаже, автор демонстрирует технику превращения петербургских реалий в египетские: «Пески, где он жил, были Сахарой <...> Я боялся, что на песках поднимется смерч <...> Ночью, засыпая, <...> я не знал, что делать с Шапиро: подарить ли ему верблюда и коробку фиников, чтобы он не погиб на песках...» (2 : 472; см. также метафору, объединяющую верблюда с мостом в черновике к повести: «Они взбираются на горб [пустынного] Троицкого моста» (горб + пустыня) (2 : 566)); в речи петроградской каменной бабы в «“ботиках Петра Великого”» возникает перечисление: «...Самум... Арабы» (2 : 486)».

[5] Здесь тоже не надо далеко ходить. Именно такого рода движения, статичные, естественно, на египетских изображениях и сильно уплощенные, совершали тогдашние полотеры. См. хотя бы позднейшую картину 1946 г. Петра Кончаловского «Полотер». Мы приводим эти примеры для того, чтобы показать, насколько разнородными они являются, будучи при этом конкретными реалиями, которые наблюдательный автор так или иначе соотносит с египетской образностью. К тому же такого рода позы, отсылающие к Египту, есть и в творчестве танцора В. Парнаха.

Здесь авторы ПЧ, трудно сказать, по какой причине, обошли очевидное указание М. Л. Гаспарова: «Бредовые «Самум», «Арабы» (гл. 6) — названия произведений В. Парнаха» [Гаспаров М. 2001. С. 686]. По-видимому, чтобы не ссылаться на книгу М. Л. Гаспарова 2001 г., в которой полностью отрицается прижизненное существование «Воронежских тетрадей». Поэтому в печатном ПЧ (с. 320) сведения о выходе книги Парнаха «Самум» в Париже в 1919 г. и публикация его стихотворения «Араб» в «Любви к трем апельсинам» в 1914 г. даются как «отмечено Тименчиком», хотя было это еще в 1970-е гг. в его «Заметках об акмеизме», положивших, похоже, начало тотальному «Парнаковедению» ЕМ. Тем не менее, кем бы и когда бы ни было отмечено очевидное присутствие В. Парнаха в ЕМ, это должно было стать важным диагностическим признаком (по В. Топорову) для максимально широкого исследования следов автора названных стихов в ЕМ. Но ничего подобного не последовало. Хотя объем этого присутствия еще требует оценки и анализа.

Скажем сразу, это не случайность. Составители ПЧ тотально избавили себя от сопоставления ЕМ с мемуарами В. Парнаха «Пансион Мобэр», с судьбой и творчеством предполагаемого и постулируемого протагониста ЕМ, что тотально обесценило их работу. Наш подход, естественно, будет этому прямо противоположным, а за статьями о ЕМ последует и анализ ПМ, которого до сего дня не существует в природе. Хотя нельзя не отметить, что сложнейший текст Парнаха сам по себе требует столь же тотальных «Пояснений для читателя» [см. ранее: Кацис 2002. С. 191–206], [ср. теперь: Кацис, Брусиловская 2018, Кацис 2018б]. Иначе использовать эти два текста для какого-нибудь сравнения параллельно творчества и биографий двух поэтов-современников в такой предельно асимметричной ситуации их исследовательского постижения принципиально невозможно. Более того, соавторы ПЧ даже готовы процитировать не очень значимые, но похожие в известной и не-

очевидной степени на ЕМ случайной заметки В. Парнаха из архива [ПЧ: 137], но не ПМ. Читаем дальше:

> «...комарик, двойник главного героя, причитает: «— Глядите, что сталось со мной: я последний египтянин — я плакальщик <...> — я нищий Рамзес-кровопийца[6] — я на севере стал ничем[7] — от меня так мало осталось — извиняюсь!.. <...> Вот попрошу у холерных гранитов на копейку — египетской кашки»[8] [Мандельштам 1994: 492].

Здесь отметим наше несогласие со всеми комментаторами не только ЕМ, но и стихотворения «Я по лесенке приставной...», где речь идет, на наш взгляд, вовсе не о державинском комаре (Ср. плач комара в гл. 8; комар как «египетский князь» — образ из «Похвалы комару» Державина. [Гаспаров М. 2001. С. 684]). Комментаторы продолжают:

> «Ср. [ПЧ с. 402] со ссылкой на К. Тарановского, где Комар “по усам — ордынский князь”».

Судя по всему, «египетский князь» М. Л. Гаспарова просто наложение образности стихов и названия прозы ОМ.

---

6 Проблему этого «Рамзеса» в контексте «Рамзеса» Александра Блока мы рассматриваем в отдельной работе, но из описываемого здесь контекста она не выпадает, особенно с учетом речей очевидно еврейского Пророка со сложнейшими сдвигами во времени. Сама пьеса в ПЧ указана [403].

7 Отметим замечательную скрытую ссылку из «Интернационала» «Кто был ничем, тот станет всем...» и последующее слово «Извиняюсь...», которое имеет прямое отношение к спорам о т. н. «Языке революционной эпохи» А. Селищева с их привкусом южно-русских окраин, т. е., проще говоря, еврейским [Гаспаров Б.]; [Одесский]; [Кацис 2002 : 389–405].

8 Проблема основы «Петербургского текста» как текста о жертве, в которую принесен русский народ из-за подмены в Стекольном Городе Петра I на жида в петербургской мифологии и в высокой литературе, например в «Петре и Алексее» Д. Мережковского, специально рассматривается в работах В. Н. Топорова [Топоров 2007] и наших [Кацис 2006].

Между тем прямое соответствие и египетским, и еврейским мотивам, и мотиву крови есть у Державина именно в указанном тексте. Только эти образы противоречат традиционной трактовке и стихотворения «Я по лесенке приставной...»[9], и, естественно, прозы ЕМ. Нам представляется, что правильная сборная цитата, не противоречащая ни стихам, ни прозе ОМ в «Похвале комару», такова:

> Мгла упала тлена с глаз: / Мне предстал Микромегас, / Головой небес касаясь, / Через море нагибаясь, / Как чрез чашу молока, / И ужасною рукою / Ловит, горстию одною, / Корабли сквозь облака...
> На египетски границы / Гнев небесной лег десницы, / И Комар — ее Перун! / Столп из пламени был дан / Весть юдеев в Ханаан, / Пред грядущею весною / В вечер, тихою зарею, / Столп влечется комаров...

Обращаем внимание на слова «Ханаан» и на «столб из пламени», связанные с библейским Исходом. Не забудем, что Октябрьская революция совпала с принятием Декларации Бальфура, обещавшей евреям от имени Британской империи национальный очаг в Палестине. О влиянии этого события на ОМ специально писал Д. М. Сегал [Сегал 2007 (1987) : 514–517], сам известный комментатор ЕМ, сделавший в этом деле первые верные шаги [Сегал 2007 (1976)]. Все это в сочетании с ироническими словами, могущими касаться и Парнока, и даже самого А. Керенского:

[9] В настоящее время эти работы существуют только в виде видеолекций на youtube: *Л. К цис*. «Я по лесенке приставной ...» и «Мидраш Раба» // Конференция «Осип Мандельштам: Жизнь и бессмертие» секция 4 30.5.2014. Еврейский музей и Центр толерантности. Москва: youtube.com/watch?v=qsllINgVXtE.
Л. Ф. К цис. «Степь» Пастернака и «Я по лесенке приставной» Мандельштама на фоне «Мидраш Раба»: https://www.youtube.com/watch?v=m__AY0znms0 от 04.05.2016 (РГГУ) Спецкурс «О. Мандельштам, Б. Пастернак и русское еврейство».

Насекома мелка тварь, / Хоть ничтожный прах Комар; / Но во подвигах толиких, / Не равняется ли чванством, / Своим бранным шарлатанством / С первым вождем сей герой? / Так не храбрых воев свойством / И не личным он геройством / Но лишь издали пужаньем, / Вводит в скуку, в страх жужжаньем / И врасплох всех кровь пиет...

Таким этот специалист по источению «руды» предстает, если не вчитывать нужные отрывки из «Похвалы комару» в ЕМ, а, наоборот, соотнести конкретное историческое содержание ЕМ с образностью «Похвалы комару», вполне адекватным своему прототипу. Не говоря уже о том, что в стихах Державина можно увидеть на фоне 1917 года и Мировую войну, и, естественно, Египет, но не древний, а современный ЕМ. Уже отсюда очевидна ошибочность вывода комментаторов даже во вступительной статье о том, будто трудность восприятия ЕМ связана с тем, что:

«... она отягощена множеством отступлений от основной фабульной линии (сюжетной? — *Л. К.*). При анализе текста эти отступления естественным образом распадаются на две большие группы: первую по остаточному принципу образуют единичные, прямо не связанные между собой фрагменты (приведем здесь только один пример — пассаж о «комарике»)» [ПЧ 42].

Создатели ПЧ продолжают:

«Вероятно, мотив одной из египетских казней в свернутом виде содержится в метафоре “человечья саранча”, которая в повести “вычернила берега Фонтанки” [Мандельштам 1994: 478], творя самосуд над мелким воришкой. К египетской мифологии, возможно, отсылает описание “подлого превращения”, “когда на плечах у человека вырастает собачья голова” [Мандельштам 1994 : 483] — ср. с изображением Анубиса.»

У нас создается впечатление, что настойчивое желание «египтизировать» все подряд в непонятном (по Левину) тексте приводит к комичным последствиям. Не всякая «саранча», особенно человеческая, отсылает к Казням египетским, там саранча жрала урожай. А в нашем — «Пшеницу человеческую», о чем писал сам Мандельштам. Что же касается Анубиса с собачьей головой, то, как и всегда с Египтом у ОМ, мы имеем вполне русский подтекст «Людей с песьими головами» из «Грозы» Островского, о которых рассказывает *стр нниц* Феклуша, вполне соотносимая с *«путешественником в Египет»* В. Парнахом, если и здесь все время видеть его. К тому же самосуды были настолько привычны весь 1917 год, что воспринимались безо всякого египетского флера. Вот, например, мнение об этом Н. О. Лернера, пушкиниста и публициста:

> «Стоит толпа у каких-то дверей. Любопытный обыватель, расталкивая соседей локтями, осведомляется, в чем дело.
> — Налет был. Женщину убили. Сейчас убийцу на Обводной канал повели, топить будут.
> — А... — рассеянно и разочаровано отвечает любопытный, — а я думал...
> Что он думал, естественно, неизвестно, но ни убийством, ни самосудом, очевидно, не вызовешь сколь-нибудь заметного движения в этой закаленной, до полной неуязвимости душе.
> Все дешевле становится жизнь, все дороже товары, уже скалит зубы Царь-Голод, с каждым часом наглее делаются захватчики народной власти и захватчики чужих сапог, а общественное равнодушие растет и растет.
> Хорошо, если удастся собраться Учредительному собранию, а не удастся — проживем и так».

Это фельетон «Привычка» из «Вечернего часа» за 9 декабря 1917 года. И начинается он разговором в Аду безо всякого Египта... Здесь необходимо остановиться и оценить

достижения наших предшественников, а вернее, единственного реального предшественника Д. Сегала, чьи работы очевидным и обильным образом использованы нами [Кацис 2002], чтобы не создавалось ощущения, что мы ничьи работы, кроме своих, воспринимать не способны. Это, очевидно, не так. Так вот, Д. М. Сегал в действительно замечательной работе [Сегал 2007 (1987)] указал на наличие этой статьи, но описал ее так:

> «В статье «Привычка» («Вечерний час». 9 декабря 1917 года) Лернер продолжает бичевать упадок общественных нравов: теперь никого ничто не ужасает; повсюду рабская привычка к ужасам: убийствам, грабежам, голоду, каннибализму» [Сегал 2007 (1987) : 495–496].

Нетрудно видеть, что причина отказа от цитирования этой статьи и такое изложение с пропуском собственно «самосуда» связано с местом происходящих событий: Обводной канал вместо названной в ЕМ Фонтанки. Д. Сегал приводит целый ряд газетных статей конца 1917 г., связанных с самосудами на Фонтанке. А вот статью, в которой говорится о давней привычке к подобным событиям, происходившим задолго до ноября—декабря 1917 г., допускает лишь в самом общем пересказе. Для составителей ПЧ именно это проблема. И если в целом глубокие и историософски содержательные статьи Д. Сегала составители ПЧ цитируют, как и нашу книгу, лишь для технической ссылки и сообщения общеизвестных сведений, то здесь они вступают с автором в негласную полемику. Проблема здесь в том, что для Д. Сегала, как и для нас, хронология ЕМ выходит далеко за рамки мая—июля 1917 г., а описание февральской революции, как считает этот автор, прозрачно намекают на события после октябрьской революции:

> «Я утверждаю, что в ЕМ описание *лет* 1917 года довольно прозрачно намекает на события *после* ноябрьского переворота» [Сегал 2007 (1987): 461].

[Содержание]

Мы, естественно, с Д. Сегалом полностью согласны. В ответ на это составители ПЧ указывают целый ряд сообщений о более ранних самосудах еще весны 1917, стараясь удержаться в рамках своей внутренней хронологии вещи ОМ, а для подтверждения собственной точки зрения приводят газетные сообщения о самосудах, которые после февраля, начиная с мая, породили даже газетную рубрику «Самосуды». А по сообщению Р. Тименчика, сообщившего им о ней, приводят и газетную заметку существенно после дат, приведенных Д. Сегалом [ПЧ: 191–193]. Таким образом, если не зацикливаться специально на Фонтанке или ноябре—декабре 1917 года, не искать специально параллели «мягкой» февральско-мартовской и кровавой «ноябрьской» революции, то именно статья «Привычка» прекрасно показывает всю символичность сцены самосуда из ЕМ. Поразительно, но для описания ситуации 1917 г. Д. Сегал приводит статью А. Амфитеатрова, отчасти, памяти Шолом-Алейхема, о чем, как ни странно, не упоминает (писатель умер 13.5.1916) автор статьи, да еще и с упоминанием неназванного романа «Кровавая шутка», вышедшего по-русски в 1914 году, а на идиш завершенный печатанием в газете «Гайнт» (Варшава) в 1912. Амфитеатров пишет:

> «Шолом-Алейхем, бывший с автором этих строк в очень дружественных отношениях и частой переписке, затеял однажды *ром н, в котором студенты — русский и еврей — меняются п спорт ми и з тем русский проводит год жизни еврейской, еврей год жизни русской* <...> Чрезвычайно талантливый, но слишком первобытный, мало образованный Шолом-Алейхем с нею не справился. *Русск я мысль. 30 дек бря 1916 г.*» [Цит. по: Сегал 2007 (1987) : 513.]

Д. Сегал отнес эту статью в особый раздел описания событий февраля—октября 1917 года, связанный с еврейским вопросом, проблемой равноправия, погромов Первой мировой и начала Гражданской войн. Нам же остается

лишь сослаться на главку разбора ЕМ в книге [Кацис 2002 : 300–301], которая называется «Самосуды в ЕМ и в «Кровавой шутке»» (естественно, киевские и связанные с возникновением дела Бейлиса в 1911 г.) из общего раздела «Еврейские аспекты ЕМ» [Кацис 2002 : 287–309], посвященной ЕМ и «Кровавой шутке». В этой ситуации проще предположить, что шлейф самосудов, который тянулся еще из 1910-х гг. и актуализованный «напоминанием» и в «Кровавой шутке», и в статьях памяти Шолом-Алейхема, 11 годовщина смерти которого точно совпала с началом массовых самосудов в интересующем нас Петрограде 1917 г., и, наконец, в статье А. Амфитеатрова, вполне могла породить сцену ЕМ, пронизанную цитатами и персонажами из «Кровавой шутки»[10]. Так выглядит ситуация, если не разрывать искусственно русское и еврейское в русских революциях, к чему мы стремимся вслед за А. Амфитеатровым и ОМ. После сказанного следующий отрывок комментария уже собственно к понятию ЕМ звучит откровенно неубедительно, но мы следуем своему плану полностью изложить позицию предшественников и продолжаем цитату:

> «Чем «обидно» прозвище «египетская марка»? По-видимому, тем, что к «египетской марке» (как и к герою повести*, к к и к имперскому Петербургу* (<Sic!>) (курсив наш. — *Л. К.*)), согласно О. М., могут быть отнесены эпитеты: эфемерная,

[10] С проблемой «Кровавая шутка» — ЕМ все не так однозначно. Если весь комментарий в ПСС ОМ под ред. П. Меца направлен на исключение каких-либо подозрений в наличии «следов» упомянутого романа, то некие Н. Вайман и Рубин и Вайман-Фридман [Вайман-Фридман 2005; Вайман/Рубин 2014] просто переписали наши доводы и результаты [Кацис 2002], на что нам пришлось им указать [Кацис 2014]. Интересно, что краткий вариант романа вышел в свет одновременно с книгой ЕМ и чуть позже журнального издания. Теперь см. [Эстрайх 2016], [Кацис 2016]. Поэтому ОМ работал с единственным русским изданием 1914 г.

ненужная, лишняя, исчезающая. Яснее, чем из самой повести это вычитывается из ее черновых фрагментов, что дает основания, воспользовавшись терминологией М. Л. Гаспарова, назвать ЕМ — произведением «с отброшенным ключом».

Когда степень непонимания текста (по Левину) достигла нужной кондиции, понадобился и М. Л. Гаспаров. А вот откуда взялась идея, что Петербург стал призрачен и бесполезен как «египетская марка» (кстати, исчезающая, только если принять гипотезу О. Ронена, о неких египетских марках с исчезающим рисунком при отпаривании, с которой по непонятной нам причине соглашаются все комментаторы, кроме Д. Сегала[11]), нам представить себе не просто трудно, а невозможно. Вот, например, текст Homo Novus'а (А. Кугеля, попавшего как персонаж и «опущенное звено» даже в «Четвертую прозу», а м. б., и в ЕМ — см. ниже) из того же «Вечернего часа» «Прощальное слово», связанное с отъездом Советского правительства из Петрограда в Москву и расчисткой Петрограда, которой, кстати, занимался в соответствующей большевистской комиссии и ОМ:

> «Петербург кончился с петербургским периодом истории или, если хотите, наоборот: петербургский период русской истории кончился вместе с Петербургом. Если принять во внимание, что вся наша образованность и цивилизация есть, в сущности, продукт Петербурга, то нетрудно себе представить, что должен сейчас испытывать всякий русский человек, какова бы ни была его политическая платформа. Закрываешь глаза и как будто слышишь стук топора: рубят “вишневый сад”!»

[11] Заметим, что статья Ю. Левина является параллельной и, похоже, синхронной статье Д. Сегала как раз о «понимании» литературного текста, опубликованной в 1979 г. в Иерусалиме [Сегал 2007 (1979): 30–37].

И в заключение:

> «Самодержавие без границ, — вот чем был Петербург, и даже то, что он примостился где-то у моря, куда от Хвалынска три года скачи, не доскачешь, — и это было в духе и характере деспотии. Деспотия предпочитает не открывать лица или открывать его редко. Есть какая-то мистическая тайна в далекости, в дали воображения. Католическая месса держится латинского языка между прочим потому, что непонятное звучит торжественнее. Так и далекое, плохо видимое и различаемое внушает больше беспокойства и страха.
> И вот ликвидация. Потянулись автомобили с ворохом канцелярщины. Это вывозят Россию[12]. <...> Свистят и пыхтят грузовики и паровозы. И, кажется, будто еще ниже склонилось низкое петербургское небо... Тоска. Тоска!.. И странно, там ведь лучше, чем здесь, и солнце жарче, и горячее воздух, и глубже горят звезды. Что в этом ингерманландском болоте? Но сильнее и сильнее тоска... Падают холодные старческие капли — и замерзают в каменную печаль...» *13.3 (28.2).1918.*

Вот в этот город, «знакомый до слез», пусть и не старческих, до которых он не дожил, возвращался ОМ, сохраняя номера телефонов и адреса имперской столицы. А «ненужным привеском», который «болтался возле своих тюрем своих», ставший Ленинградом Петербург назвала А. Ахматова в стихах, обращенных к ОМ, «Не столицею европейской...» уже в 1930-е гг. Поэтому подобное приведенному и авторами ПЧ сопоставление неверно и по сути, и фактически, и хронологически, и применительно к ОМ, прежде всего. Кстати, ОМ имел отношение к комиссии по т. н. «разгрузке» Петрограда и к переезду советского правительства в Москву, и к секретарю Ленина Горбунову, как раз и занимавшемуся этим переездом. Теперь у составителей ПЧ

[12] Это и есть комиссия, в которой служил О. Мандельштам.

приходит время обращения к конкретным черновым фрагментам, которые, собственно говоря, и формируют образ и понятие «Египетской марки». Приведем здесь текст этих черновых фрагментов:

> «Как с зачумленного моста, бежал он с Дворцовой Площади. Все мерещился ему Артур Яковлевич Гофман, который, стоя посреди конференц-зала, показывает на него собравшимся чиновникам и говорит:
> — Вот, полюбуйтесь, египетская марка!
> Ну хорошо, пусть егип<етская> марка. Но ведь должен же он где-нибудь успокоиться?
> — Если я марка — то наклейте меня, проштемпелюйте, отправьте...
> — Нет, — скажут ему на почтамте. — Отсюда нельзя. [Сначала вас нужно направить в Каир.] Только из Каира [Это при теперешних-то внешних сообщениях!]» [Мандельштам 1994 : 563–564];
> «Ар<тур> Як<овлевич> Гофм<ан> [был] скромен, вежлив и чужд фамильярности. Тем обиднее показалось Парноку, когда вставая ему навстречу, он отклеил от свеже-полученного письма с оттиснутым наполовину каирским штемпелем марку хедива и, протянув ее, не здороваясь, произнес:
> — Вот, полюбуйтесь, египетская марка!
> Пирамида на зеленом фоне и отдыхающий на коленях верблюд» [Мандельштам 1994 : 571]».

Вообще говоря, полного комплекта черновиков ЕМ мы до сих не только не имеем, но и его объема мы не знаем. Есть еще, по крайней мере, два архива, где они могут оказаться. Это собрания недавно ушедших — польского исследователя Рышарда Пшибыльского и Александра Морозова. Кроме того, всегда возможны неожиданности в архиве Н. И. Харджиева.

Отделим текст ОМ от комментария, в котором он просто тонет, и увидим, что в тексте ОМ никаких проблем с рисун-

ком на марке из Каира нет, раз нет самой марки. Поэтому и гипотеза О. Ронена, даже дополненная известными исследователями, повисает в воздухе. А искать надо именно природу символического использования этого не филателистического именования героя ОМ. Теперь вновь комментарий из ПЧ. Обращаем внимание на то, что он никак не поясняет именно события 1917 г., но это не беспокоит комментаторов:

> «...хедив — титул египетских правителей в 1867–1914 гг.; «Соленый ветер стратегической игры, ветер Иены и Аустерлица взвил его, как отклеившуюся от письма египетскую марку» [Мандельштам 1994: 571]. Также в черновиках намечалось не развитое в самой повести сюжетное ответвление: главному герою вручают письмо. «Парнок осмотрел пакет: конверт был того же формата и той самой плотной бумаги с водяными отеками, которую он хорошо знал. Французский адрес: Госп<одину> Артуру Гофману — Министерству иностранных дел. Каирский штемпель [, оттиснутый не целиком, но явно] оттиснут был лишь наполовину. Египетской марки не было» [Мандельштам 1994 : 572].

Еще раз обращаем внимание на то, что в тексте ОМ речь идет не просто о конверте без марки, кто бы ее ни отклеивал и каким бы способом это ни было сделано, но о судьбе рисунка на марке мы вообще ничего не знаем. Да и как выглядели конверты из Каира в Петроград в 1917 г., еще надо подумать[13]. Это важно помнить теперь, когда мы перехо-

[13] Об этом подробно и специально на примере реально полученных и отправленных В. Я. Парнахом конвертов с марками и штемпелями см: [Кацис, Брусиловская 2018], здесь же мы не используем эти артефакты, т. к. строим «нефилателистическую филологию», а даем реальный филолого-филателистический комментарий, который необходим безусловно, но в данном случае он не имеет отношения к работам наших предшественников, изучавших случайные египетские и суданские марки, а не, как это ни странно, Русскую почту.

дим к ключевому моменту истории исследования понятия ЕМ, в работе О. Ронена, которую составители ПЧ приводят более чем подробно. Важные смысловые оттенки заглавия «Египетская марка» рассмотрены О. Роненом:

> «Я стал изучать специальные каталоги марок Египта из Гарвардской библиотеки <...> Оказалось, что в Египте когда-то существовал целый промысел жуликов, сводивших почтовые печати с гашеных марок, чтобы их можно было снова использовать. Поэтому некоторые стандартные выпуски начала века, с изображением сфинкса на фоне пирамид, печатались на бумаге, покрытой особым растворимым составом, так что при попытке смыть штемпель сходил и весь рисунок».

Обратим внимание на важную «филателистическую» оговорку: «некоторые стандартные выпуски», и оговорку хронологическую: промысел существовал «когда-то». Таким образом, мы должны быть уверены, что ОМ все это знал. Более того, надо доказать, что именно эти, с особым покрытием стандарты, да еще совпадающие с неопределенной хронологией существования «промысла», использовались для дипломатической переписки интересующего нас очень краткого периода. Заметим, что эти разноцветные «стандарты» разного графического и полиграфического качества просуществовали лет 25. Обратим внимание и на то, как оценивает свою догадку сам О. Ронен:

> «Этот *курьезный* (курсив наш. — *Л. К.*) филателистический сюжет увязывался и со второй школьной кличкой Парнока, “пятновыводчик”, и с важной для “Египетской марки” темой “таяния” “государственного льда”, непрочности человека, цивилизации и быта — “милого Египта вещей” <...>»

Итак, сомнительный и курьезный сюжет, неизвестно, имеющий ли отношение к ЕМ и ОМ, к Парноку и А. Гоф-

ману и т. д., связывается с не имеющей отношения к делу кличкой «пятновыводчик» при помощи слова «увязывается», хотя выведение пятен и исчезновение рисунка на марке для защиты от вторичного ее использования увязать очень трудно... Более того, оказывается, что:

Не было и нет т кой египетской м рки, где отдых л бы н коленях верблюд (в выборе предмета сказалось, может быть, то сходство с верблюжьей посадкой головы, которое отмечала у Мандельштама, например, Цветаева). Существуют марки с изображением двух крошечных всадников верхом на верблюдах в пустыне, с пирамидами на заднем плане, и уже упомянутые, наиболее распространенные в начале века серии со сфинксом, возлежащим у пирамид. По-видимому, из этих двух сюжетов Мандельштам составил свой филателистический портрет[14] Парнока — отдыхающий верблюд.

Таким образом, сначала малоизвестный и сомнительный применительно к ОМ и ЕМ промысел, связанный с марками, обосновывается путем «увязывания» не имеющих друг к другу «пятновыведения» и «отпаривания». А затем замечательный сам по себе факт наличия отсутствия самого артефакта, оказавшегося теперь, как сказали бы философы, «чистой кажимостью» — т. е. заведомым несуществованием египетской стандартной марки с нужным рисунком в нужное время и в нужном месте, вновь объясняется при помощи уже даже не текста ОМ, а впечатления М. И. Цветаевой от «верблюжьей посадки головы» ОМ?!

Все это требует хоть какого-то литературоведческого и при этом филателистического подтверждения, и оно существует. В полном соответствии с той исследовательской традицией, с которой мы имеем дело, искомый предмет или факт находится не во внефабульной реальной истории, а в, по большей части, редком поэтическом тексте, который

[14] Именно к этой терминологии покойного классика мандельштамоведения относится подзаголовок нашей работы.

ОМ должен был по каким-то неназванным причинам, типа знакомства с автором, либо пересечения кругов знакомств знать, помнить и, главное, счесть ключевым, но «отброшенным ключом» своей прозы:

> «Р. Д. Тименчик, впрочем, считает, что описание египетской марки в черновиках вторит стихотворению М. Моравской “Марка”: “И купила марку Судана / С верблюдом, бегущим по пустыне” (см. его заметку [Тименчик: 67]. Почтальон, скачущий на верблюде, — в самом деле стандартная картинка на старых марках англо-египетского Судана» [Ронен 2008] [Ронен 2002 : 30].

См. также приводимые нами упоминания о верблюдах в тексте повести. Зеленую марку с пирамидой и сфинксов на переднем плане см.: https://yaskov.com/product/812. Но теперь марка, хоть и не очень подходящая, оказывается суданской, и О. Ронен, а за ним и ПЧ легко с этим соглашаются. М. Гаспаров же говорит только о египетском примере О. Ронена [Гаспаров 2001 : 684].

Теперь мы можем сказать, что «энциклопедический» (в смысле Ю. Левина) текст о понятии или образе ЕМ мы проанализировали полностью. И это было необходимо, т. к. перед нами был абсолютно кумулятивный текст, построенный по правилам одноименной логики, годный только в готовящуюся т. н. «Мандельштамовскую энциклопедию» под редакцией и инициатора ПЧ, однако он, как видим, оказался не о «Египетской марке» Осипа Мандельштама, а о том, что о ней написано и наговорено за десятилетия вне всякой связи с реальностью текстовой и исторической.

В сущности, каких-то существенных продвижений в изучении «Египетской марки» (за исключением одной замечательно профессиональной работы о музыкальных образах прозы Мандельштама [Кац 2015]) нет ни в работах о ее фабуле и сюжете, ни в комментариях любых типов, за исключением работ Д. Сегала, собранных в указанной книге. Даже, как мы виде-

ли, доступная фактология суммируется и учитывается далеко не всегда, будучи зависимой от априорных выводов.

Из новейших работ, претендующих на обобщение и предложение новых подходов к анализу ЕМ, отметим статью покойного к моменту сдачи статьи в печать Вяч. Вс. Иванова [Иванов 2012] (с большой, но очень разнородной, случайной и, мягко говоря, неисчерпывающей литературой, в немалой степени взятой из интернета, где порой абсолютно доступные тексты цитируются, как, например, известнейший мемуарист А. Бахрах, по газетному отрывку), вышедшей одновременно с ПЧ и, что для нас важно, естественным образом его не учитывающей, в то время как сам ПЧ создавался как реализация предложения Вяч. Вс. Иванова о создании такого комментария [Иванов 2006] (ПЧ. С. 39)[15].

Статья Вяч. Вс. Иванова имеет характерное название «Как построена «Египетская марка» Мандельштама? 1. Фабула. Парнок и Кржижановский». Следовательно, перед нами опять только первый шаг рассуждения, связанный опять же с героями, взаимодействующими в ЕМ, а общепризнанный протагонист В. Я. Парнах и его проза в расчет не принимаются. Точка зрения М. Л. Гаспарова, что «фабулы в ЕМ почти нет» [Гаспаров 2001 : 684], не обсуждается, равно как и мнение Д. Сегала в специальной статье о ЕМ, что

> «ЕМ — произведение, нарочито лишенное «округленности», законченности на уровне фабулы <...> Неопределенность, незаконченность фабулы ЕМ, компенсируемая рамочной смысловой связью текста, коррелирует с неопределенным модусом многих высказываний этого текста и отсутствием нарративного перехода от одного пассажа к другому, при том, что такой переход обычно осуществляется посредством установления контекстуальной смысловой связи мелких единиц». [Сегал 2007 (1975) : 440–441],

[15] И это единственная цитируемая в ПЧ работа этого автора, относящаяся к предыдущему десятилетию.

[Содержание]

хотя сама статья в библиографии и указана. Это четко соответствует «типологии непонимания» Ю. И. Левина, резонно отмечавшего «типичный случай — НП сюжета», связанный с «переносом центра тяжести на внесюжетные структуры (ЕМ Мандельштама) [Левин: 586] вместе с «неустновление<м> внефабульных связей между единицами текста, например, параллелизма персонажей и сходных с ними макрообразов». Следовательно, работа Вяч. Вс. Иванова не учитывает как раз внефабульные структуры и, разумеется, соотношение между Парноком и В. Парнахом. Даже мельком упомянутое имя В. Парнаха в списке литературы, в отличие от указанных выше работ, отсутствует. При этом Вяч. Вс. Иванов учитывает все сочинения О. Ронена на интересующую нас тему, но их оценку мы уже дали ранее. Даже для самого Вяч. Вс. Иванова до конца сохранялась проблема соотношения *ф булы и сюжет* «Египетской марки», которая решалась лишь на уровне сопоставления *сюжетных функций* двух литературных персонажей, и, что опять же поразительно, попадала в список задач, поставленных в ранний период развития семиотического анализа художественного текста и не выходящих за его пределы. Понятно, что и название работы Вяч. Вс. Иванова, и ее основная литература, и сборник, в котором она напечатана, напрямую связаны с русским формализмом и проблемой «как сделана» в нашем случае ЕМ. Результат этих усилий, очевидно, отрицательный. Оказывается, что все исследователи заняты реконструкцией структурных уровней с точки зрения суммирования мозаики цитат из русской литературы вообще и, специально, литературы т. н. «Петербургского текста», впрочем понимаемого очень плоско и упрощенно [Кацис 2012], либо не всегда обоснованными параллелями со стихами ОМ, кажущимися уже хорошо прокомментированными и понятными. Мы предлагаем принципиально иной подход, изложенный в ряде работ, обычно формально включавшихся в ежегодные библиографии ОМ, но никак не задействованных (а то и вовсе не упоминаемых, как у Вяч. Вс. Иванова, либо лишь технически упоминаемых, но исключающих

именно наш давний анализ соотношения ЕМ и «Пансиона Мобэр» В. Парнаха[16] и «Кровавой шутки», как в ПЧ). Ситуация, впрочем, весьма обычная в мандельштамоведении, где за исходную точку рассуждений принимается сумма авторитетных мнений наиболее амбициозных представителей этого сообщества, часто пересекающаяся с синдиками «московско-тартуского» «Цеха филологов».

Впрочем, существование мандельштамоведения, основанного на культе Н. Я. Мандельштам, и просто литературоведения и смежных дисциплин, где исследуется «Осип Мандельштам и его время»[17], а не культ тени его вдовы, ни для кого не секрет; об этом только надо сразу говорить

---

16 Через 5 лет после выхода ПЧ даже в не стремящейся отражать наши результаты т. н. «Мандельштамовской энциклопедии» можно прочесть в подборке ее материалов: «подробное сопоставление прозы ОМ и П<арнаха> см.: Кацис Л. ОМ: мускус иудейства» М., 2002. По ук.» [Нерлер 2016 : 291]. Кстати, точнее было сказать «стихов и прозы В. Парнаха и стихов С. Парнок»! Это свидетельствует только о том, что наша работа, пусть и плохо понятая, была и остается единственной в своем роде. Хотя автор данной «энциклопедической» заметки никак не отразил наши результаты 2002 г. при публикации ПМ в 2005 г. Мы же поставили перед собой задачу вывести анализ «Пансиона Мобэр» на современный уровень еще тогда, но приблизиться к ее решению в целом, как мы считаем, удалось совсем недавно. См. *Л. К цис, Л. Брусиловск я*. «К французской речи», или если Парнок — не В. Парнах? (К проблеме «Пансион Мобэр» и О. Мандельштам) [Кацис 2018].

17 Необходимо отметить, что наш доклад на тему «Почему ЕМ “египетская”», входящий в эту статью, был демонстративно отклонен оргкомитетом конференции под руководством редакторов т. н. «Мандельштамовской энциклопедии», в материалах которой и напечатана статья о Парнахе, указанная выше. Доклад этот прозвучал в декабре того же 2016 г. в РГГУ на III ежегодной конференции «Осип Мандельштам и его время», организованной Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ. Обобщенный доклад о публикациях в «Исследованиях по истории русской мысли» ([14]. М., 2018) прозвучал в декабре 2017 г. на IV ежегодной конференции «Осип Мандельштам и его время», которые столь же демонстративно не отражаются в материалах т. н. «Мандельштамовского центра» НИУ ВШЭ. Впрочем, «может это и не нужно...».

в начале соответствующих статей, не претендуя на академизм, и все сразу станет на свое место.

В отношении ЕМ эта традиция исходит из принципа, что проза ОМ «непонятней, чем Пушкин» и «видится только во сне». В нее наши работы действительно не встраиваются. Поэтому просто укажем на исследования, выполненные нами в рамках традиционного литературоведения и театроведения [Кацис 2002; 2004; 2012; 2012а; 2013; 2016; 2016а], не считающего ЕМ, «не вписывающейся ни в какие привычные рамки» (ПЧ. С. 39), а напротив, вписывающие ЕМ в адекватный ей, хотя и противоречащий взглядам Н. Я. Мандельштам и ее последователей контекст. Отметим, что революционные годы Н. Я. Хазина провела в Киеве, очерки ОМ о котором сами по себе стали предметом откровенных манипуляций [Кацис 2017], делающих невозможными сопоставления с ЕМ [Кацис 2002]. А ведь «Киев» принципиально важен для понимания ЕМ [см. еще: Кацис 2002 и т. д. вплоть до Сегал [2007 (1974)].

Именно на наших предшествующих работах мы и будем основываться в своем продолжении предлагаемого исследования, каковым и является предлежащая работа. А уверенность наших предшественников в том, что они не являются «жертвой заранее созданных концепций о том, как должен протекать роман», приведшую к многолетним блужданиям в тексте ЕМ, мы можем сравнить только с осмысленностью путешествий и текстов В. Парнаха. Напомним, что автор ЕМ ни при каких условиях не хотел быть Парноком, а относится ли это к В. Я. Парнаху, еще вопрос...

Если эт м рк «египетск я», то что это з м рк ?

Итак, какая-то конкретная, по мнению комментаторов, египетская марка названа, все возможные варианты египетских и суданских стандартов (это разновидности достаточно простых полиграфически и графически марок, которые печатались большими листами для сугубо прак-

тических целей) приведены. При этом странное упоминание Каира в связи с Петербургом оставлено без комментария, а поколениям комментаторов не показалось важным, что отправить «египетскую марку» можно только из Каира в Петербург, если не в Петроград, но никак не обратно. А уж традиционное сопоставление Невы с Нилом и Литейного проспекта с Летой, развитое еще В. В. Розановым или Андреем Белым, в комментарии никак не используется[18].

Также очевидно, что и «русскую марку» можно отправить только из Петрограда в Каир, а не наоборот. Следовательно, комментария требует именно маршрут «египетской марки» Парнока из Каира или Египта в Россию и назад — из России, и/или надо найти такую, по-видимому специфическую, «египетскую» марку, которую можно отправлять из Петрограда в Каир, а не, например, в Александрию.

Для того, чтобы соотнести литературного героя Парнока с Валентином Парнахом, наиболее признанным ее протагонистом, необходимо понять, как его реальная судьба связана с возможным путешествием из Египта (Каира) через Александрию на итальянском пароходе в Константинополь, а оттуда на русском пароходе в Петроград (Россию) и из России, в случае В. Парнаха, во Францию и, наконец, опять в Россию. Вот сведения о прототипе из «тотального комментария» с важным для нас упоминанием Египта:

> «С вечера Парнок повесил визитку на спинку венского стула (ПЧ. С. 68–69):
> Обязательное:
> Главный герой ЕМ, Парно́к, открывает галерею персонажей повести, которым О. М. дал имена и фамилии реально существовавших людей. Фамилия «Парнок» привлекла «в текст намеки на стихи и биографию его соименника,

[18] См. в нашей книге: [Кацис 2004 : 717–718] в широком египетском контексте русского модернизма и авангарда (с литературой).

впрочем, в конвое аллюзий на другие стихи и биографии 1910-х» (*Тименчик Р. Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М.—Иерусалим, 2008. С. 433)».

Разумеется, одной биографией или автобиографией В. Парнаха «упоминательная клавиатура» ЕМ не ограничивается. Однако именно они являются основным, как мы убеждены, становым хребтом вещи ОМ, чье художественное время выходит далеко за сюжетные рамки ЕМ, становясь ее истинной фабулой (на сей раз, по Шкловскому). И уж тем более невозможно тотальное исключение «Пансиона Мобэр», по крайней мере, его сюжета (по Шкловскому) из тотального ПЧ, коли он сохранился и опубликован. Теперь переходим к биографии В. Я. Парнаха:

«Валентин Яковлевич Парнах (писавший также под псевдонимом «Парнок», а № 15 «настоящая его фамилия была «Парнох») (1891–1951) запомнился современникам как личность щедро и многосторонне одаренная. Поэт, переводчик, эссеист, меломан, хореограф, он организовал первый в Советской России джазовый ансамбль. Для нас сейчас важно, что некоторые факты ранней биографии этого ровесника О. М., имевшего, как и автор «Камня», привычку «резко, почти вызывающе откидывать голову назад» (*Б х-р х А. В.* По памяти, по записям. Париж, 1980. С. 167)[19], напрашивались на сопоставление с биографией автора ЕМ».

Здесь возникает возможность увидеть причины отсутствия комментария к словам «Арабы» и «Самум» в ПЧ. Дело в том, что составители «тотального» комментария не оговорили свой принцип: все сведения, которые выходят за 1917 год от примерно мая—июня до августа—сентября, в комментарий не включаются. А «Араб» и «Самум», о кото-

[19] В работе Вяч. Вс. Иванова ссылка именно на этот источник дается по фрагментарной интернет-публикации.

рых уже шла речь выше, оказывались как бы до и сразу после внутренней хронологии ЕМ. И здесь мы отметим важный методологический момент.

В анализе текста, действительно, существует т. н. закрытый анализ текста, когда все, кроме предельно очевидных, сведения берутся из самого текста и не выходят за его пределы. Есть т. н. открытый анализ текста, в котором границы поиска источников не ограничены. Между тем т. н. тотальный комментарий, в рамках которого выполнен ПЧ, ни при каких условиях не может быть «закрытым» от основного мемуарного текста протагониста, связанного с автором ЕМ биографически и творчески, или, по крайней мере, постоянно упоминается в этой связи. А здесь мы встречаемся со странным видом комментария, который основан на априорном мнении о внутренней хронологии комментируемого текста, и эта хронология (которая еще сама заслуживает исследования и вовсе не очевидна) оказывается базой закрытости комментария. В этом случае мы имеем не пояснение для читателя и, тем более, не тотальный комментарий, а довольно вольный и неполный закрытый анализ текста ЕМ и части ее доступных черновиков, записанный в виде комментария.

Теперь, когда мы пришли к подобному выводу, мы и в дальнейшем не будем удивляться неполноте и несообразностям 500-страничной книги о малюсенькой повести ОМ. О В. Парнахе в ПЧ читаем:

> «Так, Парнах, как и О. М., в юности пережил сильное увлечение поэзией Ш. Бодлера и П. Верлена; как и О. М. он обучался на историко-филологическом факультете петербургского университета, который (как и О. М.) не окончил. Но О. М., чтобы поступить в университет, пришлось креститься, а Парнах предпочел старательно учиться в гимназии и окончить ее с золотой медалью (это был единственный способ для еврея поступить в университет, не отказываясь от своего еврейства). В 1915–1917 гг. Парнах учился в Сорбонне (О. М. по-

[Содержание]

> сещал лекции Сорбонны в 1907–1908 гг.). В 1913 году был принят в «Цех поэтов» и напечатал одно ст-ние в акмеистическом «Гиперборее» (еще одно ст-ние Парнаха «Рестораны» (1914) О. М. безуспешно пытался пристроить в «Аполлон», поэтому позже автор сопроводил его посвящением «О. Мандельштаму»). Наиболее интенсивный период общения Парнаха и О. М. приходится на 1914 год. Летом этого года прототип главного героя ЕМ путешествовал по Египту. После прочтения ЕМ Парнах прервал отношения с О. М., поскольку воспринял повесть бывшего товарища как пасквиль на себя».

Как видим, авторы ПЧ, приводя сведения о В. Парнахе, стараются аккуратно привязать их к биографии ОМ, следуя почти текстуально за статьей в словаре «Русские писатели» 1999 г., но без указания тамошних архивных источников. В этом случае, действительно, 1914 год оказывается границей прямого общения двух поэтов-прозаиков. Но повод ли это обходить произведение В. Парнаха, где как раз описывается это «путешествие» и объясняются его мотивы? И здесь помогает ссылка на главный (?) к 2012 г. источник года 1999, о котором в книжном ПЧ (с. 70) написано и вовсе: «в первую очередь»! А в электронном пока скромнее:

> «Подробнее о Парнахе см.: *Акимов М. В.* Парнах Валентин Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 531–533».

Действительно, публикация «Пансиона Мобэр» состоялась только в 2005 г., но связи между двумя сочинениями были наиболее на тот момент подробно проанализированы в нашей книге 2002 г., которая, в других случаях, «технически» упоминается в ПЧ. Однако в «Русских писателях» сразу после процитированных слов можно прочесть на с. 531:

> «Побывал в Италии в 1913, летом 1914 путешествовал по Египту, Сирии, Палестине. Возвращение в Петербург было затруд-

нено из-за начавшейся 1-й мировой войны и заняло месяц. Доминантой душевных настроений П. тех лет было мучительное чувство раздвоенности, вызванной любовью к рус. поэзии и ненавистью к антисемитизму, к пассивному отношению у нему мн. евреев-интеллигентов. Ретроспективный анализ этих переживаний составил сюжетную основу автобиогр. повести ПМ [1930-е гг. (?); текст — РГАЛИ. Ф. 2251. Оп. 1. № 44]. Не позднее 2 июля 1916 П. выехал через Стокгольм и Лондон во Францию с намерением покинуть навсегда родину и больше не писать на рус. яз.»

Таким образом, перед нами осознанный выбор комментаторов: отказ и от ПМ, и даже от части статьи в «Русских писателях». Теперь мы сами обратимся «во вторую очередь», вслед за составителями ПЧ, к статье М. В. Акимовой, не такой уж и образцовой...[20] Главное здесь именно выражение «путешествовал по Египту» и упоминание о времени плотного общения двух современников с 1913 по 1914 гг.[21] Ни М. В. Акимову, ни авторов ПЧ это никак не заинтересовало. И здесь — наше принципиальное расхождение с сообществом комментаторов. Комментаторы четко основываются на мнении Н. Я. Берковского, печатно выраженном еще в 1927 году, когда он явно ПМ не читал, если даже что-то из него и было написано, в чем мы вообще не уверены:

«О литературной генеалогии образа Парнока в ЕМ одним из первых задумался Н. Я. Берковский в статье «О прозе Мандельштама» (1927): «Парнок, собственно, нисколько не создан Мандельштамом, это такой же критико-импрессионистический отвар из героев классической литературы — в Парнока откровенно введен Евгений из “Медного Всадника”, Поприщин Гоголя, Голядкин Достоевского;

20 Подробнее в указанной статье [Кацис, Брусиловская 2018].

21 [Кацис 2002: 287–388]. (Часть III. Еврейские аспекты ЕМ.); [Кацис 2012] [Кацис 2016]; [Кацис 2016 а].

[Содержание]

> Парнок суммирует классического разночинца девятнадцатого столетия» (ПЧ. С. 70).

За этим следуют реальные комментарии к «визитке», «проймам», «теме омоложения» вплоть до «Собачьего сердца» М. Булгакова. И это все. Ни в электронном, ни в книжном варианте комментария нет указания на то, а что, собственно говоря, делал В. Я. Парнах в Египте? Что это было за «путешествие» — особенно в сочетании с возможностью использовать «марку» только в Каире? И еще одна деталь не заинтересовала и, следовательно, не удивила авторов ПЧ в статье М. Акимовой уже о парижском периоде жизни В. Я. Парноха, который:

> «В это же время <...> он изменяет свою фамилию на Парнах в соответствии с сефардской произносительной нормой иврита (из мемуарных записей Гнесина — РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. № 177. Л. 19)» [Акимова 1999 : 332].

Жаль, что М. Акимова не упомянула даже самым кратким образом М. Ф. Гнесина как еврейского деятеля, в чьем фонде есть и 21 письмо В. Я. Парнаха (1914–1932). Это было бы принципиально для анализа всей жизни нашего героя за весь интересующий нас период от отъезда в Палестину до окончательного возвращения в СССР. Указания на это в статье Акимовой нет, лишь дана ссылка на наличие писем. А ведь и сам М. Ф. Гнесин — крупный еврейский деятель, совершивший «путешествие» в Палестину до Парнаха, а сам Парнах ему туда как раз письма с русскими марками из России и посылал, и речь обо всем этом пойдет в специальной работе. А вот переход на сефардское произношение своей фамилии Парнахом уже после отъезда из Палестины выдает его откровенно сионистскую ориентацию, которая и выражалась в смене ашкеназского, близкого к идишу произношения древнееврейского языка на восточный (сефардский) вариант. Это была принципиальная позиция именно сионистов. М. Ф. Гнесин

и тут ошибиться не мог. Общался он и с сестрами Парнаха, что легко узнать из описей РГАЛИ. Однако все это не заинтересовало авторов ПЧ, а М. В. Акимова вряд ли была способна оценить все эти еврейские обертона очень живой и очень еврейской переписки. Впрочем, авторам ПЧ даже сказанное ею было лишним.

А сионистским интересам ОМ именно в 1914–1918 мы посвятили [Кацис 2002 ср. теперь: Кацис 2017, Кацис, Брусиловская 2018] немало страниц. Поэтому покинем на время ПЧ и обратимся к источнику ПМ. В мемуарах самого Парнаха ПМ мы находим две прямо противоречащих друг другу сентенции именно о ситуации в «путешествии» Россия — Египет — Россия, но они не укладываются в описание Н. Я. Берковского. Парнах пишет:

> «О, как я жалел, что вернулся в царскую Россию, что не поселился в Египте! *Только теперь я узн л, что т м люди всех н ций говорят и чит ют по-фр нцузски, в России, отделенной от ром нского мир Герм нией, об этом д же не зн ли.* Я уже с тоской вспоминал пальмы»[22] (ПМ. С. 40) [Парнах].

Кстати, конверт, полученный мандельштамовским А. Гофманом и показанный мандельштамовскому же Парноку, был надписан по-французски. Возникает не поставленный комментаторами вопрос: сколько времени с кем и как надо было «путешествовать» Парнаху по Египту, чтобы не узнать ничего о французском лингва-франка этой страны? Как ни странно, ответ находится в самом ПМ, где Парнах рассказывает:

> «Я был и здесь чужд еврейскому народу, а может быть, и недостоин его. Как всегда, чудовищно себялюбивый, погруженный в хаос своих мыслей и чувств, я тщетно боролся с самим собой. Я еще не признавался себе, что у меня

[22] Далее — ПМ.

меньше любви к евреям, чем отвращения к царской России. Слушая древнееврейский язык, воскресший в Палестине, я все-таки чувствовал его недостаточно родным и сознавал, что не смогу писать на нем, по крайней мере, в ближайшие годы. (А на каком же языке писать сейчас?) Но это путешествие получило для меня неожиданное значение. Я убедился, что на всем Ближнем Востоке местные жители и, в частности, потомки испанских евреев — сефарды, говорят и учатся на французском языке. В этом распространении французской культуры поистине было величие. Мне открылся спасительный выход: возможность, хоть в будущем, писать стихи по-французски, на языке, который я знал и любил с детства. «Так я смогу быть полезен и левантинским евреям, которые не обезображены преследованиями», — решил я» (ПМ. С. 34).

Но и в самом первом эпизоде столкновения с левантийцами герой ПМ уже мог без труда узнать все необходимое о своем любимом языке:

«В этой компании я чувствовал себя окруженным трагическими нелепостями. Я говорил только с молодым сирийцем-мусульманином, который возвращался на родину, в Бейрут, из Парижа, где он учился, с ним у меня было общее — французская культура. Мы беседовали по-французски. Узнав, как он любит Париж и даже свою школу, я был поражен: ведь я так привык ненавидеть и Петербург, и университет, что даже не представлял себе, как можно любить город, где учишься. Заметив, что я дружески беседую с мусульманином, какой-то русский чиновник намеренно громко сказал священнику: — А Храм Соломона, небось, теперь мечеть Омара!.. Сирийцу нравилась жена капитана; поэтому он старался болтать с ее племянником-гимназистом» (ПМ. С. 31).

На наш взгляд, это свидетельствует о явных следах поздней правки или некоей редакции текста, когда автор еще

не решил, какую судьбу своему герою он приготовил. Понято, что таких вариантов два: 1) русский еврей попадает в Палестину как неофит и очень ненадолго, ничего о ней не зная, поэтому и не едет в арабоязычный Египет, где все интересующие его люди соответствующего культурного уровня говорят по-французски, покидает Восток и отправляется через Францию в Россию и 2) русский еврей, увлеченный Средиземноморьем и Францией, с радостью узнает, что весь Ближний Восток говорит и пишет по-французски, что позволяет ему самовыразиться на этом языке. Для нас очевидно, что второй вариант для реального Парнаха единственно возможен. Однако в этом случае необходимо понять, что помешало ему в совершенно определенной и предельно конкретной политической ситуации остаться в Палестине, писать по-французски и т.д.? Ответ на эти недоумения ждет нас в многажды упомянутой статье о ПМ. Вот что стоит за проходной фразой о «*путешествии* в Египет». Понятно, что после гонений на сионистов в 1920-е гг. в СССР Н.Я. Берковскому было невозможно обсуждать эти материи ЕМ. Первая же попытка этого превратилась бы в донос. Но это не повод сегодня избегать уже напечатанного и сделанного. Теперь, приближаясь к цели нашего поиска, обратимся к комментарию, который дается для единственного открытого упоминания того политического события, которое позволит определить политический контекст «Египетской марки»:

> «№ 59 Ему хотелось поступить драгоманом в министерство иностранных дел, уговорить Грецию на какой-нибудь рискованный шаг и написать меморандум.
>
> Обязательное:
>
> 5 марта 1913 г. королем Греции стал известный своими прогерманскими настроениями Константин I. Поэтому в Первой мировой войне страна долго соблюдала выгодный немцам нейтралитет. Ранней весной 1917 г. Греция признала Временное правительство в России, о чем напоми-

> нается в черновиках к ЕМ: «Греция держалась нейтрально, но с революцией поздравила» [Мандельштам 1994 : 571]. Поздней весной страна вступила в полосу жесточайшего кризиса. См., например, заметку «Голод в Греции», опубликованную в московской газете «Утро России» 11 мая 1917 г. (с. 4). 12 июня 1917 г. Константин I был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Александра, и вскоре после этого, 29 июня, Греция таки сделала «рискованный шаг», официально объявив Германии войну. Окончательные итоги этой войны оказались для страны крайне неутешительными».

Таким образом, черновики ЕМ достаточно далеко выходят за границы окончательного и канонического текста. Ведь «окончательные итоги войны» для Греции и для всех остальных стран-участниц стали явными в 1918 году. А сообщение о реакции Греции на февральскую революцию расширяет хронологию летних месяцев ЕМ до ранней весны 1917 г. Таким образом, хронология поиска смысла названия расширяется от 1914 — собственно «путешествия в Египет» до «неутешительных итогов» 1918 г. Другое дело, что теперь перед нами встает вопрос о том, почему ОМ аккумулировал весь этот четырехлетний период в март—июль 1917 г.? Но ответ на этот вопрос существует. И ради него предпринята вся эта работа. Теперь вновь комментарий:

> «Драгоман, *р бск.,* переводчики при Европ<ейских> миссиях и консульствах на Востоке» (Словарь Брокгауза и Ефрона). Желание сделаться драгоманом именно в Греции, слабой стране, стране-неудачнице, очень выразительно характеризует героя повести О. М. Ср. в ЕМ далее: «Ведь обещал же Артур Яковлевич Гофман устроить его драгоманом *хотя бы* в Грецию». С А. Я. Гофманом (см. о нем ниже в нашем комментарии) связаны многие «греческие» мотивы ЕМ. Приведем пока некоторые фрагменты из черновиков к повести: « [Парноку покровительствовал и обещал в буду-

щем сделать его...] Хорошо бы стать драгоманом. Уговорить Грецию на какой-нибудь тонкий шаг. [Хлопот с ней было немного.] Написать меморандум. Мойка [— греческая (?) речушка, исходящая речка-чиновница. Вытекает из ломбарда]» [Мандельштам 1994 : 571].

Если до этого со странной избыточностью комментировалось очевидное слово «меморандум», то концовка этого комментария сама требует комментария, как и ранее «путешествие в Египет». Итак:

«В черновиках и тоже в ироническом контексте (в иронических кавычках) О. М. употребляет слово “меморандум”, рассказывая о Парноке: “За ним [стояли] следили (?) дядья, пишущие торговые “меморандумы”» [Мандельштам 1994 : 564].

Нет никаких сомнений, что «торговые меморандумы», а не дипломатические, для которых до февральской революции требовалось крещение, писали еврейские дядья-торговцы, да и делали они это после возвращения Парнока «к ковчегу Герцена и к воробьям Тверского бульвара», как говорит черновик. Поэтому-то и возникает ирония и кавычки: дипломатического родового опыта у Парнока нет, как не было до 1 Сионистского конгресса профессиональной еврейской дипломатии. Поэтому завершающее пояснение для читателя звучит еще и неверно, а в лучшем случае, неполно: «Меморандум, лат., дипломатический документ, памятная записка, излагающая взгляд правительства на какой-л<ибо> политический вопрос» (Словарь Брокгауза и Ефрона).

Завершая свой комментарий, авторы ПЧ почему-то очевидную параллель между греческой и русской революцией считают, видимо, «иронически» «ненавязчивой»:

«Кажется весьма вероятным, что, сообщая о желании Парнока поступить драгоманом в Грецию, О. М. проводит *нен* -

[Содержание]

> *вязчивую* (курсив наш. — *Л. К.*) параллель между Февральской революцией 1917 г. и греческой революцией 1821 г. (вариант ПЧ. С. 133–134)».

Между тем, скажем без иронии, эта революция очень значима, она напрямую связана и с Байроном, и с Пушкиным. Именно они, как и Мандельштам с добавлением в его случае Барбье и Шенье, поэты свободы, а кто-то и революции. Обращаем внимание на важные хронологические указания в комментарии, связанные с Грецией. Мы имеем в виду подразумевавшуюся Мандельштамом, но раскрытую комментаторами дату объявления Грецией войны Германии: 29 июня 1917 года, очень близкая к важным июньским событиям русской революции и началу «эпохи керенщины». Именно к этому месту имеется черновик с упоминанием марки египетского хедива с верблюдами на фоне пирамид. Однако неуверенность всех наших предшественников в определении конкретной марки можно понять и объяснить: никакого хедива к началу революции 1917 года уже не было. Был король Египта, однако он-то никаких марок и не выпускал. А вот «поздравить» Россию с революцией (понятно, февральской) грекам можно было с некоторым запозданием только в марте 1917 г. Тогда не ясно, при чем здесь марка хедива, которую можно использовать только в Каире да еще до 1914 г.? На все эти вопросы необходимо отвечать, только гарвардские каталоги египетской почтовой эмиссии здесь не помогут. Кстати, комментаторы не замечают, что в слове «эмиссия» знаков почтовой оплаты скрыта и дипломатическая «миссия», с которой связан А. Я. Гофман, посылающий совсем не еврейские и не торговые меморандумы. Какое все это имеет отношение к реальному Парнаху, который был в Палестине в самое неподходящее для этого время и который писал:

> «Между тем весь мир уже созрел для войны. Не только в газетах, но и в оркестрах уже слышалась война. Тем не менее,

в июле я отправился в Палестину. В Константинополе мне пришлось сесть на русский пароход» (ПМ С. 30).

И чуть ниже:

«Не успел я вернуться в Бейрут, как однажды на набережной я увидел: во все стороны бегут арабские мальчики и, что-то выкрикивая, продают печатные листки. — Белград в огне! — сообщил мне хозяин гостиницы. Война была объявлена. Но Турция, которой тогда принадлежала Сирия и Палестина, еще не выступила. Я решил не отказываться от цели моей поездки и отправился на пароходе в палестинский порт Яффу. Палуба была полна европейцев. Я услышал странный дуэт: француз пел «Марсельезу», швейцарец — гимн своей страны. Полулежа в шезлонгах, муж и жена приподнимались и бросались друг другу в объятья. Эти европейцы возвращались на родину, чтобы вступить в армию. Мне казалось, они счастливы. Ведь у них есть родина» (ПМ. С. 32–33).

Итак, перед нами 1914 год. Самое начало Первой мировой войны, а наш герой Валентин Парнах находится в порту Яффо или в Тель-Авиве. Поэтому упоминание хедива, применительно к 1914 году, здесь совершенно на месте, если учесть время «путешествия в Египет». Между тем у нас есть точное описание событий, которые имели место в этой точке земного шара в эти самые дни, и событий напрямую связанных с проблемой службы евреев в русской армии и даже с Египтом. Вот этот текст совершенно другого автора, Владимира Жаботинского:

«В начале декабря 1914-го года на пароходе, шедшем, кажется, из Чивитавеккьи, приехал я в Александрию. Английский чиновник, вертя в руках мой русский паспорт и пытаясь выудить среди тридцати с чем-то нагроможденных виз разрешение на высадку в Египте, в то же время беседовал с офицерами из наших пассажиров и вдруг сказал:

[Содержание]

— А на днях сюда привезли на пароходе из Яффы чуть ли не тысячу сионистов — турки их выгнали из Палестины.

(...) Среди нашей молодежи в беженских лагерях оказалось несколько сот русско-подданных. В то время в Египте еще действовали добрые старые “капитуляции”, по которым консул имел экстерриториальные права над “своими” подданными. А поэтому консул Петров внезапно предъявил британским властям требование — отправить молодых людей на военную службу в Россию.

Положение получилось неудобное. Отношение наше и нашей молодежи к этому ходу консула Петрова понятно без объяснений. Но британское начальство, согласно капитуляциям, не имело права ему отказать: напротив, обязано было предоставить к его услугам для этой цели все свои полицейские силы.

(...) Требований консула Петрова англичане, конечно, не выполнят; но и вечно оставаться в бараках на чужом иждивении тоже не годится. С другой стороны — рано или поздно — британская армия двинется из Египта на Палестину. Из Яффы ежедневно приходят новые грустные вести: турки запретили еврейские вывески на улицах, выслали доктора Руппина, представителя сионистской организации, — несмотря на то, что он немец, — арестовали руководящих деятелей еврейского населения и заявляют, что после войны уж и совсем никакой еврейской иммиграции не допустят. Итак?..» [Жаботинский 2004 : 303–304].

Таким образом, мы увидели основной мотив, который «увел» реального Парнаха из Палестины. Служить в русской армии, ему, единственному сыну, не предстояло, а воевать за сионистов он уж точно (по крайней мере, по тексту ПМ) не хотел. Этой мотивировки нет в ПМ, но Жаботинский невольно ее раскрывает. Однако какое отношение все это имеет к Парноку, остающемуся в Петрограде?

Причина, по которой, прибыв в начале августа в Яффо или Тель-Авив, автор «Пансиона Мобэр» покинул Палестину,

становится все яснее. Но становится понятной и причина, по которой «египетскую марку» нельзя использовать в России, а можно только в Каире. Беда лишь в том, что причина тут уже далеко не филателистическая и не почтовая, если русские евреи не хотят служить в русской армии, хотят же они воевать за Еврейское государство, а не за Россию, которую покинули по понятным причинам. И понять это нам помогает теперь уже сам Валентин Парнах:

> «Дикое море бросалось на прибрежные камни. Открывался арабский городишко Яффа. За ним белел еврейский город Тель-Авив — Холм Возрождения. Я очутился в трагической среде беглецов из царской России — евреев, проклинающих так называемую родину. Здесь жили жаждавшие просвещения безграмотные юноши, которым царская Россия отказала в праве на образование, старики, изувеченные в погромах, целые семьи, изгнанные из родных городов. Здесь жила девушка, одержимая мыслью родить мессию — избавителя евреев. Здесь, в еврейских колониях, юные земледельцы и виноградари самоотверженно работали во имя возрождения древней страны. Но даже здесь, в стране своих предков, эти беглецы были окружены врагами — арабами. И те, и другие были несчастны» (ПМ. С. 33).

Вот кого хотел русский консул Петров отправить в Россию воевать. Вот кого английские власти вполне символично и демонстративно отправили снова в страну рабства — Египет. И вот, наконец, ощутив, что ненавидит Россию меньше, чем чуждается евреев, Валентин Парнах, если это он сам, а не его лирический герой, пишет:

> «Между тем уже в самом начале войны в Палестину дошли известия о новых еврейских погромах в России: на этот раз громила царская армия. Сначала я не хотел этому верить. Дело Бейлиса казалось мне пределом еврейских бедствий. Но известия и слухи распространялись, повторялись, под-

тверждались. «Ну, теперь казаки перережут всех жидов!» — с восхищением сказал на чистейшем русском языке православный араб, сторож при русском монастыре. (Это было у гроба Девы Марии в Вифлееме.) Получился и еврейский журнал, выходивший на русском языке в Петербурге. И на полях, рядом с вынужденной горькой фразой о готовности русских евреев выполнить свой долг перед родиной, какой-то палестинец написал по-древнееврейски: «Стыд и позор!» * * * Я был оглушен. Что делать? Куда ехать? Я был чудовищно одинок. Во всяком случае, я больше не мог оставаться в Палестине. Наконец я получил возможность выехать на итальянском пароходе, который шел в Константинополь...» (ПМ. С. 34–35).

Описанный нами эпизод из Жаботинского отсутствует, естественно, у Парнаха, т. к. в 1920–1930-е в СССР проблемы сионизма хотя и обсуждались, но в несколько ином, как мы очень скоро увидим, тоне. Однако очень неопределенный рассказ о корабле, на котором он «наконец» получил возможность выехать в Константинополь (не совсем ясно, то ли правда из Яффы, то ли, как у Жаботинского, из Египта), и на каком корабле поплыл Парнах в Россию, заставляет усомниться в фактической верности этого текста. Между тем соотношение повествователя ПМ и В. Я. Парнаха определить не так трудно. Только надо внимательно прочесть его переписку и сопоставить ее с ПМ и историческим контекстом. Вот отрывки из ключевого письма Парнаха М. Гнесину точно об этом событии и даже с датами. Полностью мы его приведем в статье о ПМ. Речь идет примерно об 11 ноября 1914 г., т. е. о времени перед самым вступлением Турции в войну, о чем и писал Жаботинский. Читаем:

«Напишите мне, пожалуйста, поскорее о себе. Мне же, главным образом, придется рассказывать о своих мытарствах. Выехал я ровно месяц назад, 11 октября, итальянским пароходом, еще до объявления турецкой войны. До-

ехав до окрестностей Смирны, мы получили предписание не заезжать в минированную бухту Смирны, остановиться в Урле, приморской деревне (...)
Из Урлы мы поехали в Дедеагач, отвоеванный у турок болгарский порт, откуда жел дор., откуда лошадь шла 3 дня — 12 перевалов через Балканы, иногда — в облаках, иногда ночуя на полу, у огня, в избах, дрожа от холода, недосыпая, недоедая. От Хасково до румынской гр. через милый город Филлипополь, потом через Румынию (Бухарест — Яссы) в Россию...» (РГАЛИ. Ф. 2954 (М. Гнесин). Оп. 1. Ед. хр. 613. Л. 19–20).

Уже сейчас и из ПМ, и из цитируемого письма ясно, что маршрут Парнаха прямо противостоял маршруту сиониста Жаботинского. И на данный момент этого достаточно. И вновь остается вопрос: и что тут связано с марками, в контексте очередного упоминания о желании «евреев выполнить свой долг перед родиной» да еще и с припиской «палестинца», т.е. сиониста (тогда термин «палестинец» не относился к арабам)? Все это заставляет в очередной раз задуматься о сопоставлении рассказа Парнаха с текстом Жаботинского. Между тем и в прозе Парнаха описывается вступление Турции в войну почти в тех же словах, что и в цитированном письме:

> «Мы уже приближались к Смирне. Я уже мечтал увидеть экзотические места. Как вдруг, едва мы подошли к порту, загремели залпы, раздался взрыв, и на наших глазах турки потопили свое торговое судно, чтобы не отдавать его английскому миноносцу. В этот день Турция вступила в войну. Кто-то крикнул по-итальянски в рупор: «Ura subita!». И, не останавливаясь в Смирне, наш пароход переменил курс и стремительно направился в болгарский порт Дедегач» (ПМ. С. 35).

Именно в этот день, если не момент, и Жаботинский решил ехать, в противоположном направлении, в Палестину:

«Еще в 1909-м году, когда я в Константинополе обер-редактировал (это бывает только в молодости) сразу четыре сионистских газеты[23], а в Высокой Порте пановали младотурки, сложилось у меня незыблемое убеждение: где правит турок, там ни солнцу не светить, ни траве не расти, и вне распада Оттоманской империи нет надежды на восстановление Палестины. (...) Дело казалось мне ясно, как дважды два: что будет с евреями России, Польши, Галиции — все это очень важно, но в размахе исторической перспективы все это — вещь временная по сравнению с тем переворотом еврейского бытия, какой принесет нам расчленение Турции» [Жаботинский 2004 : 304].

Рассказ Парнаха о том, как он разочаровался в русской университетской профессуре, как он страдал от антисемитских преследований и т. д., закончился опять же очень неопределенным эпилогом:

«И вот, впервые за мою жизнь, несколько моих русских стихотворений заслужили одобрение поэтов, которых я ценил. Так, именно в этот инквизиционный год, я на мгновение почувствовал под ногами твердую почву и, казалось, мог утвердиться в этой стране гонений. — Ведь все-таки здесь половина моей жизни! — отчаянно восклицал я. Вырвать из родной почвы растение? А ведь мне надо было вырвать себя из почвы России, из почвы поэзии!.. Но наконец мне удалось оторваться от всего, что меня здесь удерживало, и выехать за границу» (ПМ. С. 42).

Это, «все что удерживало», заслуживает такого же изучения, как и место отплытия в Константинополь. Тем более,

23 Среди них, кстати, и французскую «Aurora». См. Библиографию Жаботинского 1909–1910 гг., когда он жил в Константинополе [Graur. 109–114]. Подозреваем, что не обошлась без Жаботинского и русская газета «Стамбульские новости» 1909–1910 гг., но говорить об этом будет можно после публикации соответствующих атрибуций [Кацис 2017б].

на фоне того, что и Блок, и Маяковский, и Шкловский, и Гумилев и т. д. служили в русской армии, куда по ошибке призывали даже Мандельштама и где служил его брат, рассказ об очередной чудесной удаче с отъездом из России заставляет предположить, что сказал нам автор «Пансиона Мобэр», даже упоминавший в одном из писем Гнесину возможность призыва, далеко не все. Но ни один из интересующих нас вопросов даже не поставлен публикаторами и комментаторами, особенно в условиях упорного избегания самого ПМ. Собственно говоря, только отсюда, с приезда во Францию из России, и начинается сюжет про французский «Пансион Мобэр». Но нас интересует только Египет, историческая и реальная родины Парнаха. Ближе к концу повести мы узнаем, сколько времени Парнах провел в России:

> «Казалось, я излечился от душевной болезни. *Но я еще не з был того полугодия, что я провел в ц рской России, по возвр щении из П лестины, перед отъездом во Фр нцию*[24] (курсив наш. — *Л. К.*). Ведь с тех пор меня мучили кошмары: возвращение в Россию (как в тюрьму) и невозможность оттуда выехать. И все-таки меня неудержимо тянуло туда, в РСФСР. Да, вопреки всему, я тосковал по этой стране» (ПМ. С. 80).

---

[24] Т. е. в ПМ речь идет о сентябре—марте 1914–1915 гг., от начала Первой мировой войны до начала поражений русской армии после успехов в Галиции на рубеже первого года войны. Это и период официального обвинения евреев России в шпионаже в пользу Германии в январе 1915 г. Это и побег ОМ в Варшаву и бесславное возвращение оттуда [Кацис 2002. С. 55–70]. Но из России Парнах (герой или «Я» ПМ) уехал в июле 1914 г. В [Акимова 1999] указано, что вторично В. Я. Парнах покинул Россию, после возвращения из Палестины, не позже 2 июля 1916 г. Таким образом, становится ясна разница внутренней хронологии ПМ и реальной жизни В. Я. Парнаха. Это может быть и художественный прием, и след работы над разными редакциями мемуаров. Поэтому просто соотносить Парнока и Парнаха вообще невозможно.

Судя по всему, это декабрь 1914 — январь 1915 гг. до отъезда летом 1915 во Францию. А дальше уже РСФСР. Следовательно, как мы и говорили, реальный Парнах мог стать прототипом или протагонистом Парнока ЕМ только в сочетании с биографиями и образами других людей, как и считали наши предшественники. Быть главным протагонистом ЕМ он не мог ни при каких условиях. Однако только изучение ПМ дает нам возможность сформировать представления о смысловой ауре 1914–1918 гг., в которой существовал ОМ и в рамках которой он воспринимал рассказы или прозу Парнаха и в 1914–1916 и в 1921–1925.

Понятно, что Жаботинский и Парнах — в определенном смысле антиподы. Но историческая реальность и ощущения двух русских евреев, ехавших навстречу друг другу из и в Палестину (если ПМ, действительно, в этой части мемуары, а не художественное произведение, к тому же незаконченное и многажды переделывавшееся), четко дает понять нам, что контекст военной службы, возвращаться в Россию или нет, в Палестине 1914 года стоял перед каждым. Здесь, разумеется, становится ясно, что реальный Валентин Парнах вообще не был прототипом Парнока в «Египетской марке». Если верить тексту ПМ, он также не имел никакого отношения к написанному Жаботинским о высылке сионистов из Яффо, т. к., по его словам и действительно, уехал оттуда чуть раньше всех событий, что и подтверждают цитированные письма Гнесину. А вот авторское «Я» ПМ имеет к ЕМ, где, кстати, ОМ тоже не прототип героя, прямое отношение.

Однако реальная судьба и история не раз столкнули ОМ и В. Парнаха в реальной жизни, которая своеобразным образом отразилась в литературе, и именно литературное отражение этих встреч навсегда развело двух поэтов, а не что-либо иное. Об этом и надо помнить, работая с ЕМ. Поэтому пары протагонистов Осип Мандельштам — Валентин Парнах и «Я» ЕМ — повествователь ПМ должны быть сопоставлены с авторским голосом и «Я» повествова-

теля ЕМ («Господи! Не сделай МЕНЯ похожим на Парнока! Дай МНЕ силы отличить СЕБЯ от него» и т. д.).

II. «Пансион Мобэр» и «Египетская марка»

ОМ и В. П рн х vs П рнок ЕМ и «Я» ее повествов теля

Теперь, когда соотношение между судьбой и творчеством ОМ и В. Парнаха, а также комментаторский фон из биографии и связанных с ними сочинений, нам ясен и критически описан выше, пришло время для реализации позитивной программы.

Для понимания соотношения печатной ЕМ и рукописным-машинописным ПМ необходимо коснуться издательской судьбы ЕМ. Она не очень сложна. Журнальная публикация имела место в ленинградской «Звезде» в № 5 за 1928 г., а книга «Египетская марка» вышла в свет в издательстве «Прибой» в 1928 г. В анонсе «Звезды» в № 1 за 1928 г. повесть называлась «Парнок», что для нас должно свидетельствовать не только о синонимичности названий, но и о том, что «Парнок» действительно ЕМ. Ведь называлась повесть в анонсах и «Бозио».

Следовательно, если Парнах читал в Париже советские журналы, он мог увидеть свою фамилию вне контекста марок и Египта. Вряд ли можно предположить, что он увидел здесь повесть про себя лично.

Поэтому, зная, что глава о Бозио в ЕМ есть, а герой ее действительно Парнок, можно с уверенностью говорить о том, что перед нами не реклама нынешних и будущих прозаических вещей ОМ, а вариации названий одного текста.

Если ЕМ является законченным и опубликованным произведением, то «Пансион Мобэр» в том виде, как он до нас дошел, а это текст, судя по содержанию, знаком нам в варианте не ранее 1932 года, написан уже после совместной жизни с Мандельштамами в Доме Герцена 1924, после вы-

хода в свет «Египетской марки» в журнале и книге, и добавим сюда еще одну дату — после выхода в свет «Слова о полку» В. Жаботинского в том же 1928 году по-русски.

Кроме того, было уже достаточно сочинений вполне советских авторов и на тему палестинского эпизода «Пансиона Мобэр». В 1926 г. вышел в свет «Рассказ о ключах и глине» Б. Пильняка. (М. ; Л. : ГИЗ, 1926), где рассказывается о советском корабле, который уплывал в Палестину. А идея возвращения в СССР из Палестины была отражена и в очень своеобразном автобиографическом романе Марка Эгарта «Опаленная земля» (Кн. 1–2. 1933–1934), который вышел еще ближе к интересующей нас дате 1931 г.

Необходимо упомянуть и еще один текст с характерным названием «Пароход плывет в Яффо и обратно» Семена Гехта, который вышел уже после предполагаемой даты продолжения работы над «Пансионом Мобэр» (1931) в 1936 г., однако, возможно, до окончания работы над неоконченной прозой В. Парнаха. Назовем и второе издание «Опаленной земли» в 1937 году, сильно сокращенное и лишенное особо значимых сионистских мотивов и эпиграфов из Т. Герцля, которые соседствовали с оставшимися во втором издании эпиграфами из К. Маркса.

Все это важно особенно для последней правки или редакции прозы Парнаха, т. к. точных датировок работы над ней мы не знаем. К тому же публикаторы не привели никаких сведений сравнительного характера о публикуемой русской и хранящейся у сына автора французской рукописной версии ПМ. Нам она, понятно, недоступна. Кроме того, ни публикаторы ПМ в «Диаспорах», ни комментаторы в ПЧ не учли наши давние комментарии именно русско-еврейским контекстам этой прозы, как мы понимаем нужные им еще меньше, чем даже аналогичные комментарии к ЕМ.

У повести Валентина Парнаха был довольно плотный, значимый и очень динамичный контекст, имеющий свои хронологические рамки для любой датировки времени работы над текстом, разумеется, просто не известный тем,

кто боролся с проникновением в научную печать комментариев, связанных именно с еврейской, не говоря уже о сионистской или антисионистской, тематикой творчества ОМ и его окружения. Д. Сегал справедливо отмечал:

> «На протяжении XIX и XX вв. евреев, творивших в других культурах, упрекали — то антисемиты, а то и слишком узкие еврейские националисты, — что они обречены на второсортность творчества и существования, что они презрели свой несчастный и преследуемый народ. Последнее обвинение иногда было совершенно несправедливым, как в случае Осипа Мандельштама, который не только не думал отрываться от своего народа, но в обстановке широко раздутого антисемитизма, особенно в среде ассимилированной интеллигенции, написал и умудрился опубликовать свои две прозаические вещи — «Шум времени» и ЕМ, проникнутые духом еврейства» [Сегал 2006 (1999) : 872].

Эти скрыто поминающие Жаботинского слова в полной мере относится и к Валентину Парнаху. Ощущения Парнаха вполне могут быть близки ощущениям ОМ 1915 г., когда Парнах возвратился в Россию. Это интересно со стороны собственно исторического контекста событий в России, Палестине и Египте, который явно претерпевал изменения в 1910–1930-е гг.; это 1924–1925, когда могли контактировать ОМ и Парнах, что важно, если считать ранние варианты (не известно, существующие ли) имеющегося у нас текст ПМ или устные рассказы его автора претекстом ЕМ. А ведь это годы начала жесткой борьбы с сионизмом в СССР; и, что главное, для контекста после 1931 г., когда возникли обстоятельства, которые могли привести к появлению чрезмерно советских вставок о Ленине, русской революции и к созданию сознательной неопределенности с датами, событиями и личным участием реального Валентина Парнаха в исторических событиях, не говоря уже о становящихся все более неудобными для открытого обсуждения особенностей

его реальной, а не литературно обработанной судьбы да и, как мы увидим, далеко не тривиальной деятельности в Париже. Последнее вообще потребует документальной проверки в архивах. Мы не предпринимаем ее сейчас из чисто методологических соображений — желания остаться в рамках анализа художественного текста, отразившего неузнанную или трудно опознаваемую историческую реальность.

Однако, в любом случае, не могла не влиять на процесс до и после переработок ПМ и трагическая судьба самого Мандельштама, о которой трудно было не знать в московском литературном кругу. Вряд ли Парнаха увлекала мысль публиковать повесть с полемикой с ЕМ и даже самой свежей к 1932 поэзией ссыльного поэта [Кацис, Брусиловская 2018]. Впрочем, текстологический анализ ПМ тоже никто всерьез не проводил.

Мы все больше склоняемся у мысли, что дошедший до нас текст ПМ и заведомо не оконченный в деталях, и содержащий противоречивые сведения об одних и тех же событиях, и, похоже, не отвечающий в позднейшей, опять же неокончательной редакции, на ЕМ. Особенно это относится именно к еврейским, а тем более не к пансионным главам текста. Однако, учитывая крайнюю резкость именно этих пассажей, необходимо проанализировать ЕМ именно с русско-еврейской точки зрения. Тем более, что сам термин ЕМ, по мнению большинства, относится напрямую к автору ПМ, пусть даже и в качестве далекого прототипа героя прозы ОМ. А реальный Парнах, кстати, в 1919 г. сменивший фамилию, вообще отсутствовал в местах действия ЕМ. Теперь, зная общую ситуацию, проанализируем весь отрывок, приведший нас к «египетской марке» и находящийся в отброшенных черновиках, давая к ним наш собственный комментарий:

> «Артур Яковлевич Гофман любил свой департамент за [высокие потол‹ки›] вышину потолков и янтарный паркет и столбики.

[Содержание]

[У него было два любимых словечка:] Он злоупотреблял словечками «муссировать» и «вентилировать».
Коридоры [этого] здания — с [монастырским эдаким] доминиканским холодком — закруглялись из уваженья к земному телу.
Греки [ходили редко и губок с собой не приносили] ходят редко и напрасно.
В служебное время [сбивал] чиновники сбивают гоголь-моголь.
[Парноку покровительствовал и обещал в будущем сделать его...]
Хорошо бы стать драгоманом.
[Греция держалась нейтрально, но с революцией поздравила.]
Уговорить Грецию на какой-нибудь тонкий шаг.
[Хлопот с ней было немного.]»

Очевидно, как мы и говорили, что поздравить Греция могла с революцией новую Россию только после Февральской революции. Понятно, что и драгоманом Русского МИДа можно было Парноку стать только до победы Октябрьской революции, после 25 октября 1917 года это было уже не актуально. Таким образом, предельная конечная внутренняя дата событий прозы Мандельштама именно с учетом черновиков: 1917 год с марта до 25 октября установлена, однако это именно предел, понятие, о котором, как известно в математике, принято говорить, что функция к нему «стремится». Поэтому нам еще потребуется несколько итераций для уточнения собственно времени действия ЕМ, с одной стороны, и, с другой — дат важнейших исторических событий, которые составили фабулу ЕМ, оказавшись одновременно и в черновиках, и в пропущенных звеньях сюжета, которые связаны с 1914–1917 гг. Начальная же без учета черновиков, которые не могли быть известны синхронным читателям ЕМ (да и нам на сегодня они известны далеко не полностью), протяженность открыто описанного времени дей-

[Содержание]

ствия ЕМ, как и указано в ПЧ, по-видимому, май — первые числа июня 1917 г.

Составители коллективного комментария на этом настаивают, сопоставляя реальные биографии ОМ и В. Парнаха:

> «См. также в черновиках к ЕМ о Парноке: «лет ему было немало — двадцать шесть с хвостиком, но он еще не развязался с универ<ситетом>» (2 : 563) «Двадцать шесть с хвостиком» в мае—июне 1917 г. было самому ОМ, а Парнаху двадцать шесть исполнялось только в июле» [ПЧ : 82]

Все это очень верно, только реального Парнаха не было тогда в СПб., как не было в природе и «египетской марки». Здесь и выявляется желание авторов ПЧ напрямую с точностью до дня связать Парнока с ОМ и развязать его с реальным В. Я. Парнахом, почему-то обидевшегося на «не имеющую к нему отношения» прозу. И сколько бы лет ни было реальному Парнаху, с университетом он «развязывался» все-таки в Париже. Пусть черновики не могли быть известны читателям ЕМ, а вот важнейшие исторические даты и, главное, их образные и терминологические дериваты, наоборот, обязаны были быть опознаны опытными читателями-современниками событий и их героями, не говоря уже о протагонисте сюжета В. Парнахе. Правда, следов этого он нам не оставил.

Что известно о том, почему «Египетск я м рк » — именно «м рк »?

Однако в резерве у нас остается еще один, все же, как это ни странно, «филателистический» резерв комментирования, который выходит далеко за познания в филателии филологов, в советском детстве лишь отпаривавших иностранные марки от случайных заграничных конвертов. Напомним, что Парнах неким образом покинул Каир на, по его словам,

итальянском пароходе. А вот о том, на каком или на чьем судне он прибыл в Россию, не говорится ничего. С очень большой долей вероятности, особенно в военное время, раз речь идет в ПМ о «русском пароходе», это должен был быть пароход общества РОПиТ. Причем это пароходное общество выпускало свои памятные марки. В 1909 году к 50-летию РОПиТа была выпущена юбилейная серия из девяти памятных марок, на которых на месте императорского двуглавого орла (!! — *Л. К.*) был изображен логотип РОПиТа — пароход и юбилейные даты (1887–1907). Номинал на марках был указан в русской валюте с надпечаткой номинала в османской валюте. В 1909–1910 годах эти марки вышли с надпечатками на французском языке названий городов, где находились русские почтовые отделения.

Надпечатки были следующими: «Constantinople» — Константинополь, «Dardanelles» — Дарданеллы, «Smyrne» — Смирна, «Rizeh» — Ризе, «Trebizonde» — Трапезунд, «Kerassunde» — Керассунд и т.д. Таким образом, рассказ В. Парнаха о незнании им, фактически, второго официального языка Османской империи, владевшей и Египтом, и Палестиной, может быть уверенно отнесен к художественным приемам. Это первый «филателистический» след («пропущенное звено»), который «скрывает» мемуарная проза Парнаха, но еще важнее другое: десятилетия, вплоть до интересующих нас лет, существовала русская почта Османской империи, закончившая свое существование как раз с Первой мировой войной. Следовательно, Парнок ЕМ в 1917 г. ее конвертов и штампов в руках еврея-драгомана не видел. Считаем необходимым указать на особые надпечатки на русских марках для русской почты Османской империи. В 1913 году была изготовлена еще одна коммеморативная серия путем нанесения надпечаток номинала в турецкой валюте на Романовские юбилейные марки Российской империи. Помимо почтовых марок, были также выпущены цельные вещи (почтовые карточки и секретки). Исследователи отмечают, что при коллекционировании

марок русской почты в Османской империи филателистам следует проявлять осторожность, поскольку существуют новоделы и большое число фальсификатов, и в этом смысле они ничем не отличаются от египетских марок и их подделок. Но в указанной статье приводится и очень значимый для нашей темы, равно как и для корабельных маршрутов Парнока, и для исторического контекста, список специальных русских штемпельных надпечаток в форме номерных ромбов: № 778 Трапезунд (Трабзон), № 780 Смирна (Измир), № 782 Александретта (Искендерон), № 783 Бейрут, № 784 Яффа, № 785 Александрия, № 787 Салоники[25].

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что, даже уехав из России в Палестину, Парнах не вышел за границы русской почты Османской империи, ее марок, штемпелей и надпечаток, а возвращался в Россию на кораблях компании, которая заменяла силуэтами своих кораблей портреты русских императоров. Более того, на конвертах его писем из Палестины 1914 г. штемпели города Яффо оттиснуты по-русски. А с началом Первой мировой войны штемпели стали арабо-французскими, оттиснутыми наполовину потому, что они штемпелевали бумажные ленты после перлюстрации, которые необходимо было сорвать для прочтения письма, а вовсе не несуществующие «египетские» и «русские марки».

Так что «проштемпелевать» и «отправить» в Каир такую «египетскую марку» из Петрограда было, при большом желании, возможно, если это были просто русские марки. Но сделать это можно было только до 1914 г. И это еще одна ирония судьбы героя ЕМ.

Поразительно точно выстроенный филателистический контекст ЕМ в нашем изложении, а здесь мы сказа-

[25] https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_почта_в_Османской_империи. Данная статья из Википедии полностью основана на материалах очень содержательного и профессионального «Филателистического словаря», поэтому она вполне достаточна для наших целей.

ли о нем еще далеко не все, может вызывать сомнения, как ни странно, именно у тех, кто придерживается филателистической позиции в литературоведении, не будучи реально филателистом. Это поразительно, т.к. именно в этом кругу история литературы и биография автора десятилетия заменяется на массу вспомогательных исторических и историко-литературных дисциплин: библиографию, архивоведение, графологию и т.д., а вот литературная филателия пока не так развита. Для таких читателей будет полезно сопоставить наши изыскания с замечательным и очень глубоким анализом музыкальной образности ЕМ в пионерской в этой области профессиональной статье музыковеда и литературоведа Б. А. Каца [Кац]. Вывод автора о серьезной музыковедческой и теоретико-музыкальной подготовке О. Мандельштама до сих пор не находит себе подтверждений в доступных мемуарах. Однако и филателия, и нумизматика, и бонистика, и сфрагистика, и даже структуралистское учение о подтекстах и контекстах, являются все же вспомогательными дисциплинами. А образный и символический потенциал достигнутых там познаний и результатов реализуется лишь историко-литературными методами. К этому этапу нашего исследования мы и переходим.

Цель этого перехода — выявление семантических пределов «филателистического» комментария даже с учетом их максимального расширения, с одной стороны, и сведения этих пределов к конкретной проблематике ЕМ — с другой. В черновике ЕМ читаем:

> «Написать меморандум.
> Мойка [— греческая (?) речушка, исходящая речка-чиновница.
> Вытекает из ломбарда — впадает в Министерство иностранных дел] вытекает из ломбарда.
> Ар‹тур› Як‹овлевич› Гофм‹ан› [был] скромен, вежлив и чужд фамильярности.

> Тем обиднее показалось Парноку, когда, вставая ему навстречу, он отклеил от свежеполученного письма с оттиснутым наполовину каирским штемпелем марку хедива и, протянув ее, не здороваясь произнес:
> — Вот, полюбуйтесь, египетская марка!
> Пирамида на зеленом фоне и отдыхающий на коленях верблюд».

К проблеме «обиды» мы еще вернемся, а пока обещанный прямой «филателистический» контекст. Итак, разговор идет в 1917 году, когда, как известно, после захвата англичанами Египта, никаких хедивов больше не было. А кто же был? Был в 1917 г. король Египта, а до этого султан. Как сообщает об этом даже Википедия, «Хусейн Камиль (21.10.1853, Каир — 9.10.1917, Каир) — султан Египта с 19 декабря 1914 по 9 октября 1917 года, во время британского протектората над Египтом. Хусейн Камиль был сыном хедива Исмаила-паши, который правил Египтом с 1863 по 1879 год. Хусейн Камиль был объявлен султаном Египта 19 декабря 1914 года, после того, как 5 ноября 1914 года оккупационные британские войска свергли его племянника, хедива Аббаса Хильми II. Вновь созданный Султанат Египет был объявлен британским протекторатом. Это положило конец де-юре османского суверенитета над Египтом, который после захвата власти в 1805 году Мухаммедом Али был в значительной степени номинальным». А вот его последователь Ахмед Фуад I (26 марта 1868 — 28 апреля 1936) — 2-й султан (1917–1922), а затем 1-й король Египта и Судана (1922–1936) пришел к власти как раз перед Октябрьской революцией, чуть более чем за две недели до нее. Стоит помнить, что с января 1899 года под протекторатом Великобритании находился единый султанат Египта и Судана, поэтому удивляться именно суданским маркам в нашем контексте не стоит.

Нам известно от О. Ронена, что существует египетская марка 1914 г. с двумя верблюдами на оранжевом фоне,

но и верблюдов два, и не отдыхает ни один из них. А зеленой является суданская марка, найденная в стихах М. Моравской Р. Тименчиком, но не совсем с этим рисунком. Возникает идея наложения двух этих артефактов друг на друга. Что же это за конгломерат получится?

Все проще, чем можно подумать. Египетская марка, которую, естественно, обнаружил покойный американо-израильский исследователь, первая английская марка, выпущенная после свержения хедива Аббаса Хильми II. Это и есть оранжевая египетская марка. А вот зеленая марка Судана с отдыхающим верблюдом, предложенная Р. Тименчиком, выпущена, действительно при хедиве еще Египта и Судана. Т. е. до 5 ноября 1914 г.

Однако в контексте русско-еврейских и англо-сионистских отношений Судан никакой особой роли не играл. А уж в еврейской истории что Исход из Египта, что христианское Бегство в Египет, что отправка сионистов в новый египетский плен из Земли Обетованной — события знаковые. Поэтому филателистический синтез, предложенный О. Мандельштамом, имеет очень существенный и вовсе не почтово-штемпельный смысл именно для реальной судьбы прототипа Парнока, если мы в это верим, которого называли и «Мандель-штампом».

Более того, становится ясно, что литературный Парнок покинул Российскую империю в июле 1914 года, т. е. при хедиве, чья марка была и суданская, и зеленая. Покинул он Палестину на грани власти хедива и прибыл в Париж, а затем снова в Россию, уже после революции 1917 г., понятно, февральской, но до октябрьской. Иначе было бы не о чем говорить с драгоманом Российского МИДа, а не сотрудником Наркоминдела РСФСР. Теперь же марка была уже и султанской, и египетской, и оранжевой, и даже английской египетской. Но герой ПМ, в отличие от героя ЕМ, никуда не ездившего, и не говорил по приезде ни с кем и ни о чем. Ведь приехал он уже в РСФСР, т.е. заведомо тогда, когда ни старой, ни старо-новой России уже не было.

[Содержание]

А вот Мандельштам в ЕМ был более чем точен. Если Парнах хоть в какой-то степени Парнок ЕМ, то только после февральской революции он мог бы без крещения стать русским драгоманом. Однако Парнах, в отличие от Парнока, сам лишил себя этой возможности, не пробыв в России напряженное, но счастливое для евреев его типа время: от февраля к октябрю!

Как мы помним, Парнах ехал в Палестину в самом начале Мировой войны, т. е. тогда, когда Турция вступила в войну в самом конце 1914 года. В этом смысле важно упоминание о том, что у драгомана Гофмана не было проблем с Грецией. Имелось в виду, что Греция все-таки и с февральской революцией поздравила, и в войну вступила 2 июля 1917 года (в годовщину отъезда Парнаха из России). Однако, как резонно указывает ПЧ, 12 июня 1917 г. Константин I был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Александра, и вскоре после этого, 29 июня, Греция таки сделала «рискованный шаг», официально объявив Германии войну.

Таким образом, 1917 год разделился на самый конец февраля — начало марта, т. е. февральско-мартовскую революцию, признание Грецией Временного правительства (следовательно, разговор с драгоманом Гофманом идет между мартом и концом июня, меморандумом Греции об объявлении войны Германии), т. е. сразу после 29 июня 1917 года, но ничего этого нельзя сказать в связи с Валентином Парнахом. Который, как сообщает словарь «Русские писатели», покинул Россию не позже 2 июля 1916 г. Если он покинул Палестину до высылки сионистов в Египет, то игра великих держав, которая напомнила Мандельштаму Аустерлиц и т. д., тоже прошла мимо него. Недаром: «Соленый ветер стратегической игры, ветер Иены и Аустерлица взвил его, как отклеившуюся от письма египетскую марку». Хотя мы в этом совсем не убеждены. Не забудем, что битва при Аустерлице имеет прямое отношение к победам Наполеона над русскими войсками в 1805 г. и последовала она после наполеоновской экспедиции 1799 г. в Египет и посещения Яффо.

Однако всего этого реальный Парнах в Палестине 1914 г. не увидел, а автор «Египетской марки» отразил и в прозе, и в стихах, как «Вьется чумный Египта песок...».

Теперь можно понять и историю со штемпелем на конверте с «египетской маркой хедива», которая завела исследователей, на наш взгляд, совершенно в неверную сторону:

> «Ар<тур> Як<овлевич> Гофм<ан> [был] скромен, вежлив и чужд фамильярности.
> Тем обиднее показалось Парноку, когда, вставая ему навстречу, он отклеил от свеже-полученного письма с оттиснутым наполовину каирским штемпелем марку хедива и, протянув ее, не здороваясь, произнес:
> — Вот, полюбуйтесь, египетская марка!»

И еще один фрагмент:

> «Парнок осмотрел пакет: конверт был того же формата и той самой плотной бумаги с водяными отеками, которую он хорошо знал. Французский адрес: Госп<одину> Артуру Гофману — Министерству иностранных дел. Каирский штемпель [, оттиснутый не целиком, но явно] оттиснут был лишь наполовину. Египетской марки не было».

О. Ронен, как мы говорили, обсуждал здесь некий промысел по подделке надпечаток и штемпелей, для борьбы с которым марки делались с исчезающей картинкой. Поэтому, считает исследователь, и не было «египетской марки». Но была, как мы видели, целая система русских почтовых отделений, связанных с интересующим нас регионом. Сравним два приведенных отрывка, работа над которыми была явно не закончена. Нам представляется, что смысл их проще, чем показалось нашему предшественнику и согласившимся с ним коллегам. Обратимся к «использованным» и гашеным цельным вещам с марками и штемпелями, описанным в ЕМ.

[Содержание]

Представим себе, что штемпель, действительно, оттиснут не полностью, но нигде не сказано, что был он только на марке (это возможно как раз с ромбическими надпечатками русской Османской почты) или на конверте. И это позволяет прочесть отрывок так или иначе: 1) половина штемпеля осталась на конверте после того, как была отклеена «египетская марка», т.е. марка русской почты Османской империи; 2) половина штемпеля осталась на «египетской марке», которой не было на конверте той же почты; 3) половина штемпеля или даже штемпелей франко-арабских осталась после срыва полоски на месте вскрытия конверта для перлюстрации после начала Первой мировой войны, когда ни «египетские», ни «русские» марки уже не клеились, а перлюстрация проводилась. И такие конверты всех типов находятся в архиве Гнесина. Это и есть двойственность—тройственность разделения всего, что только могло разделить Мандельштама или автора ЕМ от Парнока, на которого он (в черновике опять же!) не хотел быть похож абсолютно ни в чем. Ведь ни одним из видов этих «марок» и гашений со штемпелями, бумажными наклейками и т.д. автор ЕМ не пользовался.

Если мы правы относительно судьбы реального Валентина Парнаха, основываясь только на его рассказах, то он действительно умудрился не попасть в описанные Жаботинским стратегические игры великих держав, действительно не мог вести разговоров с Артуром Гофманом, т.е. Парнаха не было в нужное время в России, он не нашел себя ни в России, ни в Палестине, ни в Париже, ни РСФСР, ни в СССР, не служил ни в русской, ни в какой другой армии... Поэтому и «конверт» получал не он, и марки для него и вправду, вроде бы, не было в природе. И навсегда остался в пределах «русской почты» даже в Османской империи...

Достаточно очевидна и связь между разговором о Греции и ее позиции в Мировой войне в разговоре с А. Я. Гофманом и греческими образами в рассказе Парнаха о своем детстве вне черты оседлости, о которой идет речь в ПМ.

Не менее интересна и еще одна двойственность или парность из тех, что постоянно возникают на страницах «Египетской марки» между ее автором и Парноком.

Однако увидеть ее можно только если, в отличие от, например, А. Г. Меца, которому принадлежит это наблюдение, видеть в текстах и комментировать не столько отдельные имена и фамилии, сколько понимать их связь с основным сюжетом и фабулой ЕМ, который вовсе не сводится к сумме петербургских текстов и не является таким уж простым, как кажется нашим предшественникам. Эта традиционная комментаторская методология может далеко завести в глубь текста, а может и отвести от верного ответа.

Так, в споре с нашим анализом ономастикона «Египетской марки» (естественно, без ссылок) [Кацис 2002 : 287–310], который, по нашему убеждению, совпадал со списком героев уже упоминавшегося двухтомного киевского романа Шолом-Алейхема «Кровавая шутка» (кстати, Киев здесь назван еще до Булгакова Городом, в отличие от традиционного для Шолом-Алейхема «Егупца» — Египта), А. Г. Мец [Мец. ПСС. 2] старательно выписал из «Всего Петербурга» подобные фамилии и, традиционно не ссылаясь на объект и субъекта полемики, заявил, что ЕМ «сделана» из «Всего Петербурга» соответствующего времени. Таков подход к полемике с нами Меца, который, кстати, не учитывал или избегал нахождение и упоминание нами не только имен-фамилий, но и целых сцен романа Шолом-Алейхема, оставшихся в черновиках прозы Мандельштама. Действительно, трудно себе представить, что 10–12 стандартных еврейских фамилий с асемантической легкостью не найдутся именно во «Всем Петербурге» в целом, а не в том его сегменте, который семантически связан именно с ЕМ и мотивирован не примитивным совпадением случайных имен, а литературным претекстом и основного текста, и черновика Е. М., значимо уводящим ЕМ из Петрограда в Киев и не только. К тому же принципиальное неразличение русских и еврейских фамилий для заведомо еврейских эпизодов — еще

один «методологический» принцип наших предшественников[26].

И вот новый пример.

Речь в данном случае идет о том, что написал А. Г. Мец в комментарии к слову «драгоман» в своем Полном собрании сочинений и писем О. Мандельштама. Не совсем понятно, для чего исследователю понадобилась констатация того, что какой-то А. Н. Мандельштам был в Турции российским драгоманом[27]. Между тем сомнения А. Г. Меца, не давшего никакого комментария к введенному им имени, и составителей ПЧ, добавивших это имя в свой книжный комментарий, не посетили. А вопросы здесь тоже возника-

[26] Особенно важен здесь эпизод из черновиков ЕМ с неким Лидиным из Риги, кстати, еще одной «египетской маркой», прямо названной Мандельштамом. Этот герой знает секрет чернил Лапидусзона. Фамилии «египетской марки» — рижанина и явно еврея Лидина, к счастью, нет во «Всем Петербурге», в отличие от Лидиных питерских и при этом русских или м. б. крещеных! (ПЧ. С. 111), которые к этой «марке» отношения заведомо не имеют. А вот фамилия реального производителя чернил Лапидусзон, которого указывает А. Г. Мец [Мец], имеет прямое отношение к фамилии выкреста Лапидуса из «Кровавой шутки», где как раз и обсуждается проблема приготовления красных чернил, которыми штемпелевали паспорта евреев, нарушивших правила проживания вне Черты еврейской оседлости или незаконно сменивших имя на русское. Понятно, что и писателю Шолом-Алейхему, а не только А. Г. Мецу, этот производитель чернил был известен. Датировка черновиков представляет особую проблему творческой истории ЕМ, однако реальный (как и Бабель, помянутый в той же арабеске) Владимир Гомберг (Лидин), герой несостоявшейся арабески, как известно из Википедии, во время Гражданской войны воевал в Красной Армии, был на разных фронтах, в том числе в Сибири. В первые послереволюционные годы совершил несколько поездок по Западной Европе и, что важно, Ближнему Востоку, а в 1928 г. выпустил в Риге сразу несколько книг. В этом случае он действительно мог попасть на страницы ЕМ еще и как автор рассказа «Еврейское счастье» из книги «Мышиные будни» (1923). Но у Бабеля тут явное преимущество, и писательское, и воинское.

[27] Этот эпизод добавлен в книжный вариант (ПЧ. С. 133) уже после выхода тома ПССиП Мандельштама под ред. А. Г. Меца.

ют не самые простые и связанные не с Грецией, а с Турцией и армянами.

Дело в том, что к 1913 году названный однофамилец-дипломат не был на указанной должности и уже плотно занимался проблемой турецких армян, посвятив этой своей деятельности очень немало времени. Так, в интересующий нас период им написаны книги «Младотурецкая держава» (1915) и «Le Sort de L'Empire Ottoman» (Lausanne; Paris: Payot, 1917. 631 p. «Судьба Оттоманской империи»), к тому же именно А. Н. Мандельштам был автором проекта реформы армянского самоуправления, представленного международной комиссией, где он был представителем от России[28]. А в 1925 году опубликовал не менее обширную работу: *A. Mandelstam*. La Société des Nations et les Puissance devant le Probleme Armenien. Paris. 1925.

Если принять наблюдение А. Г. Меца, то трактат реального драгомана Мандельштама вышел в Париже на французском как раз тогда, когда оттуда в очередной раз отбыл уже в советскую Россию Валентин Парнах, до этого покинувший Палестину, отнятую у Турции англичанами, однако до высылки оттуда сионистов. То есть это тот самый Парнах, который никак не мог быть никаким драгоманом, который не стал сионистом, который не стал, как настоящий драгоман Мандельштам, дипломатом, не стал, как и реальный драгоман, эмигрантом во Франции, а стал небольшим советским поэтом-переводчиком еврейских поэтов-жертв инквизиции и, одновременно, легендарной тенью героя ЕМ Осипа Мандельштама, но почти со своей фамилией.

Между тем если хотеть искать здесь дипломатические следы, то их можно найти, как ни странно, в переписке Парнаха с Мейерхольдом из Берлина, где, что интересно, нет упоминаний Палестины в соответствующем месте,

[28] http://cyberleninka.ru/article/n/sudba-i-pravovoe-nasledie-uchenogo-i-diplomata-andreya-nikolaevicha-mandelshtama-1869-1949-k-140-letiyu-so-dnya-rozhdeniya.

но есть другое важное предложение автора «Пансиона Мобэр» уже Советам и именно по переводу:

«Выехав из Парижа в январе 1922 г., Парнах почти на полгода застревает в Берлине, не получая необходимых документов для въезда в Советскую Россию. Оттуда пишет в Москву Вс. Мейерхольду в надежде на его помощь и поддержку:

«Многоуважаемый и дорогой Всеволод Эмилиевич,

27-го марта я напомнил Вам о моем существовании, послав Вам заказным, через берлинский книжный магазин "Слово" мою четвертую книгу стихов "Карабкается акробат", вышедшую в Париже. Хотел бы надеяться, что Вы вспомните, кто я: поэт Парнох, с рыжими волосами, друг М. Ф. Гнесина, бывал как друг Вашей студии почти на всех занятиях Студии в 1913–1914 г. и первой половине 1915; Вы мне предлагали играть в "Балаганчике" А. Блока. В № 3 Вашего журнала "Любовь к трем апельсинам" были напечатаны мои стихи. Летом 1915 г. я выехал из Петербурга, северным путем, в Париж, смертельно ненавидя царский режим. До января 1922 года прожил в Париже, в 1921 году был председателем "Палаты поэтов" в Париже, выпустил 4 книги стихов, выдумал ряд новых танцев, немало страдал от парижско-российской эмигрантщины, как человек, сочувствующий Революции, и модернист.

В январе с. г. выехал в Берлин с тем, чтобы отсюда наконец выехать в Россию (Москву). 28-го января с. г. консульство Р.С.Ф.С.Р. послало в Москву заполненные мною опросные листы для получения визы на право въезда в Россию. Жду здесь добрых 4 месяца разрешения на въезд, и ответа, даже на телеграфные запросы консульства, до сих пор не получено. Помня, дорогой Всеволод Эмилиевич, Ваше отеческое отношение ко мне, очень прошу Вас распорядиться, чтобы в отделе виз и паспортов Наркоминдела немедленно напомнили о моем деле и способствовали немедленному получению для меня визы — телеграфному уведомлению в кон-

сульство в Берлине о разрешении мне въезда. Нужно ли говорить, что я всегда смертельно ненавидел старый режим и всегда был сторонником сов<етской> власти. Я свободно владею французским, немецким, испанским, итальянским языками, могу быть полезен на службе в Наркоминделе»[29].

Есть здесь, однако, и еще один важный момент: Парнах в своей прозе отмечает, как мы говорили, важное место греков в своем городе (отсюда и драгоманом он «стал бы» в Греции), а у Мандельштама несколько неожиданно мелькают в черновиках некие беженцы-армяне, которых названный А. Г. Мец, в данном случае уверенно, соотносит с жертвами армянской резни в Турции 1915 года, однако никак не соотносит он их с тем «двойником» Осипа Мандельштама, которого сам же и называет в комментарии. Здесь вполне можно усмотреть, если верить Н. Я. Мандельштам, и автобиографический момент уже О. Э. Мандельштама, о котором говорится во «Второй книге»:

«В двадцать первом году мы ехали с Мандельштамом в Тифлис в вагоне Центроэвака. Кроме вагона, предоставленного «начальству», к Тифлису полз целый теплушечный поезд, забитый работниками, которым предстояло расселить и трудоустроить армянских беженцев из Турции. В теплушках ехали обыкновенные работяги. Им, надеюсь, удалось что-то сделать для трагических армянских толп, а наш вагон внушал сомнения» [Мандельштам Н. : 56].

Понятно, что Парнах ко всему этому отношения не имел. Теперь, если мы правы относительно А. Н. Мандельшта-

---

29 *О. Купцов* . Валентин Парнах в театре Мейерхольда: к истории театральных контактов Советской России и Запада 1920-х гг. // Новые российские гуманитарные исследования. 2012. № 7: Отношение к иностранной культуре в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 гг.: www.nrgumis.ru/articles/303.

ма, становится ясна и роль следующего отрывка черновика Мандельштама:

> «Мойка [— греческая (?) речушка, исходящая речка-чиновница.
> Вытекает из ломбарда — впадает в Министерство иностранных дел] вытекает из ломбарда».

«Исходящая» греческая речка-чиновница становится «входящей» письмом в русский МИД из Греции к А. Гофману и «исходящей» из русского МИДа от А. Н. Мандельштама в сторону Армении и армянского вопроса.

Итак, с какой стороны ни смотри, использовать «египетскую марку» можно было только из Каира, а русскую, естественно, из Петербурга-Петрограда. Лишь к Валентину Парнаху это не имело никакого отношения — никакой «марки» для него «не было». Ему не могли прийти и не приходили никакие «входящие» ни из Греции, ни из Египта, от него не посылались «исходящие» ни в Париж, ни в Лондон или Стамбул из Петербурга-Петрограда. Это могли быть только письма из «путешествия» со штампами Каира, Яффо, Сиракуз, сирийских городов, Константинополя, Парижа, Питера, Берлина и т. д., например, к М. Ф. Гнесину. Судя по всему, именно эта переписка, с учетом мемуарной записи М. Ф. Гнесина, и есть самый «реальный» комментарий к ПМ, к которому мы хотели бы приблизиться и который упоминали в примечании в самом начале этой работы. Парнаха-«египетскую марку» можно было использовать только на конверте именно с французским адресом (кстати, на официальном языке Всемирного почтового союза) в столицу России, но только из Каира, где его, как известно, уже давно не было.

Так обстоит дело с почтовыми марками. Но ведь бывают и памятные, т. н. коммеморативные, которые совсем не обязательно наклеивать на конверты и открытки. Такие, в связи с РОПиТом, мы уже упоминали. Да ведь «память» и «время», вообще-то говоря, в ЕМ, как мы помним, определены так:

[Содержание]

> «1) Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика, — лучше бы ты не глядела! 2) Память — это больная девушка-еврейка, убегающая ночью тайком от родителей на Николаевский вокзал: не увезет ли кто? (разбор: ПЧ. С. 204)».

А это уже не совсем та беспамятная «филателия», о которой мы говорили в предыдущей главке, а «филателия как коммеморация», «филателия как прием», вспоминая Шкловского.

Почему же П рнок — «египетск я м рк »?

Не филателистический, а исторический и историко-литературный ключ к ответу на этот вопрос находится все в том же черновике О. Мандельштама, с которого и началась «обязательная» часть тотального комментария к совсем не обязательной, черновой, рукописи ЕМ, не вошедшей в основной текст, в его электронном варианте. Приведем нужный нам отрывок из черновика еще раз, выделив совершенно другие места для комментария:

> «Как с зачумленного моста, бежал он с Дворцовой Площади. Все мерещился ему Артур Яковлевич Гофман, который, стоя посреди конференц-зала, показывает на него собравшимся чиновникам и говорит:
> — Вот, полюбуйтесь, египетская марка!
> Ну хорошо, пусть егип<етская> марка. Но ведь должен же он где-нибудь успокоиться?
> — Если я марка — то наклейте меня, проштемпелюйте, отправьте...
> — Нет, — скажут ему на почтамте. — Отсюда нельзя. [Сначала вас нужно направить в Каир.] Только из Каира [Это при теперешних-то внешних сообщениях!]» (2: 563–564);

> «Ар<тур> Як<овлевич> Гофм<ан> [был] скромен, вежлив и чужд фамильярности.
>
> Тем обиднее показалось Парноку, когда, вставая ему навстречу, он отклеил от свеже-полученного письма с оттиснутым наполовину каирским штемпелем марку хедива и, протянув ее, не здороваясь, произнес:
>
> — Вот, полюбуйтесь, египетская марка!»

Заметим, что марка эта, отправленная из Каира, честно прибыла в Петербург минимум через три года после своей отправки! Собственно говоря, как и Парнах, чье пребывание в Петербурге в 1914–1916 гг. никак не могло быть связано с «египетской маркой». А собственно русская филателистическая продукция в ЕМ не упоминается. Итак, что-то связанное с обидой, большим залом, побегом, как из зачумленного города и с питерского моста, и должно стать ключом («отброшенным» по М. Л. Гаспарову) в «Египетской марке». (ПЧ. С. 46–47). И такое событие именно в конференц-зале, но не в Петрограде, а «порфироносной вдове», событие скандальное и с использованием слова «марка» с важнейшими для нас определениями имело место в самое нужное для нас время 15 августа 1917 года на т. н. Государственном совещании в Москве с участием А. Керенского. Естественно, Парнок ЕМ с этим событием связан. А вот реальный Парнах, еврей с фамилией восточных евреев, уже более года как — нет. Но чтобы увидеть это, надо несколько иначе понимать приемы создания Мандельштамом образов своего времени и структуру его поэтической памяти.

Мы могли бы привести здесь целый ряд воспоминаний о названном происшествии с участием А. Керенского, однако этого мало. Разного рода политические обвинения и оскорбления, связанные с «маркой», породили целый класс высказываний такого рода.

Приведем здесь фельетон Д. Заславского из «Киевской мысли» этих дней, где они концентрированно и ударно приводятся.

Мы понимаем, что традиционное мандельштамоведение ни при каких условиях не согласится включить текст Д. Заславского (который вместе с А. Горнфельдом сыграл свою роль в истории с «Уленшпигелем» О. Мандельштама, попавшим в «Четвертую прозу») в творческую историю ЕМ. Однако и история эта была уже после выхода в свет «Египетской марки», и свое решение перейти с позиций «еврейского белочеха»[30], как он именовал себя в «Чукоккале», на позиции правдинского цепного пса Заславский принял около как раз 1928 года, да и его поведение даже в истории с «Уленшпигелем», отраженное в реальных документах, мало похоже на мандельштамоведческую легенду, равно, впрочем, как и поведение реального Мандельштама, а не «я» «Четвертой прозы».

Однако нас волнует не столько употребление этого имени около Мандельштама, сколько тот факт, что его текст очень удобен для демонстрации той ситуации, когда слова «марка» с разного рода политическими определениями громко звучали именно там, где и когда происходили события «Египетской марки». Более того, мы даже уверены, что нет острой необходимости искать один конкретный источник, который отразил эти события. Ведь говорим мы о происшествии, которое нашло отражение во всей русской печати, но осталось неведомо для мандельштамоведения «филателистического» направления. Хотя, как мы убедимся чуть позже, и здесь могут быть свои проблемы, которые, как мы не раз видели, не так уж просты. Итак, цитируем статью Давида Заславского «Первые молнии» с первой страницы газеты «Киевская мысль» за 30 августа 1917, № 211:

---

30 Об этом см. в главе «Давид Заславский как русско-еврейский деятель» и др. в: [Кацис 2002: 406–445]. А вот Д. Сегал [Сегал 2007 (1987): 463] другую его статью 1917 г. к контексту ЕМ относит, характерно отмечая: «будущий главный фельетонист сталинских газет!» Вообще говоря, материалы Заславского, используемые в «официальном» мандельштамоведении, существенно обрезаны и искажены. В 1929 году это был совсем не Заславский даже 1936 года.

«Наша революция, чтобы о ней ни говорили, до сих пор незлобива и доверчива. Обратили ли вы внимание на такое явление, конечно, мелкое, незначительное, но характерное? До сих пор в обращении находятся деньги — марки[31] старого образца с портретом бывшего царя. Ежедневно эти марки переходят из рук в руки, и никому в голову не приходит замечать такую мелочь и требовать замены этих марок другими, с новыми эмблемами. Мелочь, пустяки, не стоит об этом говорить! Кстати, уже стоит вспомнить, какой шум подняли по поводу этих марок наши черносотенцы. Они считали за оскорбление, что почтовые чиновники шлепают штемпелем по царскому лику, и ведь добились своего, — печатание новых марок с царскими изображениями было прекращено. Революция равнодушно пускает в ход эти маленькие царские портреты. Также равнодушно она оставляет на месте и другие эмблемы прежней власти» [Заславский][32].

Этот текст вполне мог бы и не привлечь нашего внимания. Если бы не повод, по которому он написан. Статья посвящена скандалу, который имел место уже не на петроградском, а на московском Государственном совещании. Именно поэтому в фельетоне, который вышел в свет через две недели после интересующих нас событий, Заславский излагал свое впечатление от того, как там прозвучали слова «немецкая марка».

Нетрудно видеть, что даты середины августа 1917 года совпадают с периодом сразу после подавления большевист-

[31] Эта странная двойственность, когда Д. Заславский как бы не отличает деньги от знаков почтовой оплаты, не случайна. Дело в том, что в 1913 году в честь 300-летия Дома Романовых были выпущены деньги-марки с надписью «Имеет хождение наравне с разменной серебряной монетой» (марки-деньги): http://nkmuseum.ru/index.php/kollektsii/tematicheskie-kollektsii/kollektsiya-bumazhnykh-denezhnykh-znakov.

[32] Здесь и напоминаем о константинопольских надпечатках на ликах императоров, о которых речь шла выше.

ского июльского выступления и в преддверии попытки корниловского мятежа 25–31 августа того же года.

Таким образом, статья Заславского была более чем актуальна и остра. Поэтому-то его настойчивые образы разного рода «марок», применительно к интересующей нас ситуации, да еще и в большой концентрации на полосах очень среднего размера газетного текста, все же позволяют с известной долей осторожности отнести его статью к источникам «Египетской марки». Не забудем, что «Киевскую мысль» О. Мандельштам мог читать и очень скоро, в 1919 году, когда с середины апреля уже был в Киеве, освобожденном красными в конце 1918 г. Поэтому мы не будем сейчас определять ни время (а есть ведь еще и 1924, и 1926 годы с длительными приездами ОМ в Киев) возможного знакомства поэта с этим текстом, не говоря уже о том, что в 1926 году поэт писал книгу о Киеве. Не забудем и то, что «Киевская мысль», как и «Одесские новости», и еще ряд провинциальных газет, были газетами общероссийского распространения и чтения, равно как и ленинградские с киевскими газеты 1920-х гг. в период создания ЕМ. Вот что это было за время:

> «Совещание открылось в Большом театре 11 августа в 16.00 речью Керенского и длилось до 23 часов. 14 августа в 11 часов казаки поехали к Брестскому вокзалу встречать Корнилова. В почетном карауле стояли казаки двух оренбургских сотен. Речь Каледина, выступившего в тот же день, должна была, по его замыслу, быть правее речи Корнилова, чтобы власти согласились с корниловской программой. По свидетельству очевидцев, речь Каледина была наиболее ярким моментом совещания (...) Речь Каледина, по мнению Ленина (Ульянова), — «это самое существенное политическое заявление, сделанное на Московском совещании». Что может быть убедительнее такого признания, сделанного прямым врагом[33]!

33 *А. Г нин*. Атаман Дутов: https://history.wikireading.ru/209320. Глава «Дутов и выступление Корнилова». Печатный вариант: [Ганин].

Продолжаем изложение по статье Давида Заславского:

«Выступление генерала Каледина и Скаржинского было демонстрацией нашей контр-революции. Это было совершенно ясно и без деклараций, и без речей. Слуги прежнего царского режима, не упраздненные «царские марки», разместились в левых крайних ложах бель-этажа. Тут был монархизм, уже не считающий нужным прятаться под маской. Тут была прямая, непримиримая, исступленная ненависть к мартовским дням, ненависть к перевороту, желание реставрации всех старых порядков. И тут была сила, — не надо отрицать: большая сила. Грош цена была бы этим «царским маркам», оставшимся в обращении, если бы не стояла за ними объединенная реакция».

Итак, даже к этому моменту мы имеем уже очень важные русские параллели к разного рода хедивам и их маркам. Мы видим, что центр политических событий переместился (ср.: «Как с зачумленного моста, бежал он с Дворцовой Площади») из новой столицы в старую. И, напомним, место событий и происшествий с Парноком:

«...стоя посреди конференц-зала, показывает на него собравшимся чиновникам и говорит:

— Вот, полюбуйтесь, египетская марка!»

И вот описание ключевых событий тем же Заславским:

«Эсаул Ногаев — простой, демократического вида казак. С искренним, подкупающим негодованием говорил он о том, что не имеет права генерал Каледин говорить от имени всего казачьего войска, что трудовое казачество не пойдет против народа, что оно беззаветно сражается на фронте и готово жизнь отдать и внутри страны за свободу, но в заговорах против правительства оно участия не принимает.

> Что было дальше, вы уже знаете. Внятно и раздельно послышались слова из ложи:
>
> — Германская марка!
>
> Эсаул Ногаев замолчал и повернулся в сторону ложи. Зал застыл на мгновение, а потом промчался по нему шквал негодования и возмущения. И снова все стихло, когда раздался спокойный, но властный, непобедимо властный голос Кренского:
>
> — Пусть назовет себя тот человек, который бросил оскорбление фронтовому офицеру действующей армии».

И чуть ниже:

> «Голос Керенского прозвучал беспощадным, я сказал бы, смертным приговором:
>
> Все собрание и эсаул Ногаев вполне удовлетворены тем, что трус не решился назвать себя».

Не будем продолжать подробно разбирать этот эпизод. Это давно сделали историки, однако противопоставление «царских марок», оскорбляющих словами «немецкая марка» революционного казака (в его судьбе и реальных мотивах мы здесь тоже разбираться не будем), мы, как кажется, больше нигде не встретили[34]. Теперь почти апокалиптический эпилог статьи в «Киевской мысли»:

---

[34] А вот несколько иной вариант рассказа известен: «Второй вариант рассказа об интересующем нас событии предусматривал фразу, обращенную к Ногаеву, «А сколько сейчас **стоит немецк я м рк** ?». Вот этот вариант: «Тогда же произошел скандальный эпизод с Генерального штаба полковником К. В. Сахаровым, который во время выступления Нагаева выкрикнул **«Герм нские м рки!»**, а по другой, более привлекательной версии, спросил, **сколько стоит герм нск я м рк в переводе н рубли»** (Цит. по упомянутой книге о Дутове). В этом контексте В. И. Ленина и его коллег, как «**немецкие м рки**», можно было «отправить», **з пломбиров в** (т. е. проштемпелевав свинцовыми печатями) вагон, в Россию только из Берлина.

[Содержание]

«В этом кратком эпизоде открылась случайно страница из грядущих глав истории революции. Так, перелистывая книгу (так и хочется сказать, суд***е***б. — *Л. К.*), видишь вдруг жуткую сцену без начала и без конца и, сгорая от любопытства, все же заставляешь себя вернуться к тому месту, на котором прервалось чтение. Мы еще дойдем и до Скаржинского, и до Сахарова (участник инцидента. — *Л. К.*), до этих «царских марок», беспечно оставленных революцией в обращении, а пока на очереди вопросы об «интернационалистах», о съезде социал-демократической партии, о выборах в петроградскую думу...»

Здесь нельзя пройти мимо черновиков «Египетской марки», где читаем:

« [эпоха Керенского. Появилось множество людей с розами и кокардами] Стояло лето Керенского [. Нами правило] и заседало лимонадное правительство. Глава его Александр Федорович секрет брат [...]»

И далее:

«Он лимонная косточка, брошенная в расщелину петербургского гранита, и выпьет его с черным кофием налетающая [историческая] ночь.
Встречу с дамой у Александровской колонны Парнок задумал в большом масштабе. Соленый ветер стратегической игры, ветер Иены и Аустерлица взвил его, как отклеившуюся от письма египетскую марку, и закружил по лампам, — и вот упал он на тяжелый круглый стол красного дерева, убранный к началу исторического заседания, с белыми листами бумаги, оточенными карандашами и с графином кипяченой воды».

Нетрудно видеть, что здесь мы обнаруживаем следы некоего несостоявшегося явно летнего питерского совещания, однако историческое совещание с участием «марок», да еще в военной форме, было в Москве. Следовательно, опять Парнок оказался вне истории, «египетскую марку» опять носил ветер, теперь по Дворцовой площади. В следующем отрывке мы видим армян-беженцев, о которых уже говорили, и важный для нас «филателистический» мотив:

> «Каирский штемпель оттиснут лишь наполовину. Египетской марки не было» [ПСС. Т. 2. С. 383].

Итак, штемпель оказался разделенным пополам между маркой и конвертом, как мы и предполагали. Однако стоит помнить и о двойственности собственно «марки» и Парнока. В Каире в этот момент ни Парнока, не выезжавшего из России, ни Парнаха, уехавшего из России, уже точно не было. Наконец, отойдя от «филателистического» мандельштамоведения, коснемся и бонистической его разновидности. Сразу после разобранного куска в черновике про оттиснутый полуштемпель мы встречаем:

> «Пустяшные деньги с изображением двуглавой курицы» (Мандельштам 2010. С. 383).

К этому дается примечание:

> «Подразумеваются керенки с гербом Временного правительства — двуглавым орлом (из герба императорской России), но без корон (наблюдение Г. А. Левинтона)» [Мандельштам 2010. С. 706. Комм.].

Согласиться с этим совершенно невозможно, т. к. решение о вводе денег Временного правительства было принято только 22 августа 1917 года, а опубликовано в Собрании установлений еще позже — СУ-1917, отдел 1, № 221 от 15 сен-

[Содержание]

тября, ст. 1505. То есть чуть более чем за месяц до революции 25 октября 1917 года. Вообще говоря, керенки — первые советские деньги, печатавшиеся еще ряд лет после революции большевиков.

Нетрудно видеть, что цитируемый нами фельетон Давида Заславского отзывается как раз на это событие, на появление наряду с царскими деньгами и денег революции — керенок. Поэтому никаких керенок никто никуда в мае—июне 1917 года не кидал. Да и вечер назван «горячим петербургским», т. е. летним. В основном тексте сказано даже «в мае месяце». Поэтому никаких оснований считать курицу, лишенную царской короны, керенками нет. Это дешевеют царские деньги[35] или т. н. «думки», но никак не керенки.

[35] «С первых дней своего существования Временное правительство приступило к активной эмиссии денег. С 4 марта по 6 октября 1917 года объем эмиссии был доведен до 16,5 млрд. руб. За 8 месяцев пребывания у власти Временное правительство выпустило бумажных денежных знаков больше, чем правительство Николая II за 32 месяца мировой войны. Параллельно с дензнаками дореволюционного образца указом от 26 апреля 1917 года в обращение были выпущены государственные кредитные билеты достоинством 250 и 1000 рублей. Поскольку на 1000-рублевой купюре был изображен Таврический дворец с надписью «Государственная Дума», эти деньги получили в народе название думские или думки. Царские же ассигнации назывались романовскими» (*Виктор Мясников*. Керенки против адмирала Колчака: http://nvo.ng.ru/history/2011-07-15/14_kolchak.html). Вот описание в том же источнике интересующих нас деталей: «Их лицевые стороны содержат наименование знака, обозначение номинала (цифрами и буквами), текст о размене на золотую монету, подписи управляющего госбанком и кассира, год выпуска, номера. Здесь же приведен необычный для российских денежных знаков символ — крест с загнутыми под прямым углом концами (свастика, который в древности во многих странах обозначал благополучие, процветание). (...) На билете нарицательной стоимостью 1000 рублей изображен Таврический дворец в Петрограде, где с 1905 года заседала Государственная дума — первый российский парламент. Благодаря такому рисунку кредитные билеты неофициально именовались «думскими деньгами» или попросту «думками» (http://nkmuseum.ru/index.php/kollektsii/tematicheskie-kollektsii/kollektsiya-bumazhnykh-denezhnykh-znakov).

Если речь идет о мае, то такие купюры можно было бы назвать «львовками», ведь Керенский встал во главе правительства только 7 (20) июля, 19 июля назначив Корнилова Верховным главнокомандующим.

Однако ошибка Левинтона-Меца носит системный характер. Описанное заседание с «заточенными карандашами и круглым столом для исторического заседания», разумеется, предсказывает будущую Октябрьскую революцию или переворот, однако текст ЕМ сложнее и историчнее. Под заседанием подразумевается как раз будущее назначение А. Ф. Керенского, а уж вслед за ним просматривается Октябрь. Между тем назначение Керенского последовало за большевистской демонстрацией 3–4 июля 1917 г., после чего В. Ленин и Г. Зиновьев бежали в Разлив и т. д. И вот это событие стало преддверием будущих потрясений. Об этом как раз и можно размышлять с мая по август 1917 года, но вот керенки здесь точно ни при чем. Да и само возвращение Ленина в немецком пломбированном вагоне имело место в апреле. Забавно, что первые советские марки из трех вариантов — в двух были с портретами В. Ленина и Г. Зиновьева.

Теперь встроим сюда то, что мы узнали о «Египетской марке» — Парнахе: это человек, уехавший в Палестину, не прижившийся там, уехавший во Францию, приехавший в Россию и покинувший ее сразу перед интересующими нас событиями, вернувшийся в СССР, еще раз совершивший подобный кульбит. И все. Ни тебе службы в русской армии, ни боев с англичанами и турками с арабами в Палестине, ни участия в паре русских революций 1917 г. Ничего исторически важного, а главное, мужского и мужественного. Вот здесь стоит вспомнить и биографию промелькнувшего Лидина из Риги, тоже «египетской марки», но все же воевавшего в Мировую войну.

А ведь, как мы видели, слова о «марках» крутились и вокруг «немецких марок», связанных с известным ленинским вагоном для возврата в Россию из эмиграции, и со службой «немецкой марки» Ногаева в русской армии, воюющей

с немцами. Кстати, и «царские марки» тоже были не штатскими. Если бы в этом контексте оказался тот же Жаботинский, то его бы слова «Египетская марка» или ее Палестинский да и английский аналог, в контексте деятельности по созданию Еврейского легиона и службы в английской армии, тоже бы не обидели. А между тем обстановка была очень даже острая именно в этом вопросе и даже с «египетским» привкусом. Вот, например, «Киевская мысль» за 11 мая 1917 г.[36]:

> «На эстраде появляется только что приехавший с фронта солдат Чубинский, которому предоставляется слово вне очереди.
> — Товарищи по позиции, — обращается г. Чубинский к собранию, — просили меня передать сердечный привет единоверцам и поздравить их с освобождением от “фараонова” рабства. Мы, солдаты, уверены, что настоящее собрание является преддверием к всероссийскому съезду евреев, и мы просим, чтобы вы и нас пригласили на этот съезд, как это сделали украинцы и др. по отношению к солдатам своей национальности.
> Далее Чубинский обращается к собранию с призывом к единению, говорит:
> — При первой же мобилизации я пошел добровольцем на войну, — я пошел, чтобы смыть те позорные обвинения, которые бросали в евреев справа. И я не дрогнул, когда ходил в атаку, когда был дважды ранен. Но я дрогнул, когда был только что здесь при этом шуме.

[36] Областной еврейский съезд // Киевская мысль. 11 мая 1917. С. 2. Здесь же отметим, что в эти дни евреи сравнивали ситуацию сразу после Февральской революции с 1911–1913 гг. и делом Бейлиса. Об этом писала та же «Киевская мысль» 2 апреля в заметке «Митинг памяти И. Л. Переца» (С. 3). Эти две даты как раз и описывают судьбу В. Парнаха к этому моменту, с одной стороны, и связаны с парой *дело Бейлис — «Кров - в я шутк » — годовщин смерти Шолом-Алейхем* — с другой.

[Содержание]

> Раздаются оглушительные рукоплескания, которые переходят в овацию. Солдата качают. У многих слезы на глазах.
> Бледный взволнованный г. Чубинский просит не качать его, а лучше проникнуться теми словами, которые произносит каждый солдат-еврей перед смертью на поле брани: “слушай, Израиль, Предвечный Бог наш, предвечный, единый”.
> — Господь наш — Господь единения. Идеал наш — наша честь да будет спасена. (Гром аплодисментов)».

Речь шла о протестах коммунистов и «Бундовцев» против предыдущего оратора, который призывал не отрывать еврейский народ от религии. Если русско-еврейской марки вроде бы не было, то еврейские марки, как ни странно, были — это были марки с изображением Теодора Герцля, обращающегося к евреям Палестины (естественно, монтаж)[37]. Но эти благотворительные, а не почтовые, марки имели отношение к сионистам, которым Чубинский не был. Это были пожертвования на Палестину.

Поэтому семантика «марочной» парадигмы такова: «египетские марки» в этом контексте связаны с еврейским изгнанием и пленом, если не с трусостью, поэтому ее и носит по ветру; «еврейская марка» связана с сионизмом; «немецкая марка» — с большевиками и предательством России; «царская марка» — с людьми старого отжившего режима. Для русских же евреев, с воодушевлением служивших в русской армии, вполне годилась обычная «русская марка» февральской революции, отменившей Черту оседлости, процентные нормы и всякие другие ограничения. Это была уже «марка свободы». Или вот еще сообщение из Петрограда «Евреи-добровольцы» от 26 марта:

> «Прибывшие из-за границы эмигранты сообщают, что ввиду воцарения свободного режима в России евреи уроженцы

[37] www.stspb.ru/forum/viewtopic.php?t=199&start=30.

России желают принять активное участие в борьбе против Германии и ее союзников; евреи организуют сильные отряды добровольцев, которые придут на помощь англо-французам в Салониках; другая часть добровольцев кружным путем присоединяется к армии англичан в Месопотамии. Таким образом, американские евреи активно вступают в борьбу, имея конечной целью освобождение Палестины от германо-турецкого ига. Сбор на организацию этой экспедиции уже начался и дал весьма значительные результаты. Энтузиазм еврейской печати в Нью-Йорке и Бостоне неописуем» («Киевская мысль». 28 марта 1917).

Речь идет о сионистских легионах. В них В. Парнах (с его сефардской с некоторых пор фамилией, но не ранее 1919 г.) тогда тоже не вступает. Но та же газета за 25 марта сообщает о статье в «Утре России» от 24 марта применительно к русской армии:

«По сведениям “Утра России”, во многих южных городах организуются отряды евреев-добровольцев, будущие кадры специальных еврейских легионов. Вопрос об образовании национальных легионов также усиленно обсуждается на Кавказе из отдельных народностей. В состав еврейского легиона выразили желание вступить 20 000 эмигрантов, живущих в Лондоне. По мысли инициаторов этого движения, офицерский состав должен комплектоваться из христиан, в руках которых должна находиться распорядительная часть».

На этом фоне огромный интерес представляет «арабеска» (здесь семантика, похоже, не гоголевская, и не беловская) ЕМ следующего содержания:

«Перо рисует усатую греческую красавицу и чей-то лисий подбородок.

[Содержание]

Так на полях черновиков возникают арабески и живут своей самостоятельной, прелестной и коварной жизнью.
Скрипичные человечки пьют молоко бумаги.
Вот Бабель: лисий подбородок и лапки очков.
Парнок — египетская марка».

Даже Мандельштам, избегнувший призыва, как старший сын в семье, и тот совершил, как мы знаем, безумный побег в Варшаву на санитарном поезде[38]. А Бабель к 1928 г. — синоним еврея в красной «Конной армии», интеллигент в очках в казачьей среде, уже полный парадигматический антипод «египетской марки» Парнока-Парнаха и частичный антипод «египетской марки» Лидина, если считать его прототипом В. Лидина (Гомберга), тоже бывшего в тех же Палестинах. К тому же Бабель имел и еще одно преимущество перед Парнахом и Лидиным; он ходил по совету Горького по Руси, а не бежал или путешествовал в Палестину как раз в интересующее нас время.

А вот у Парнаха ничего этого нет. Поэтому для него слова о ЕМ должны были звучать, при парно-традиционном подходе к прототипу, однозначно оскорбительно рядом с вариацией его старой фамилии, чья сионистско-сефардская трансформация имела место в Париже перед первым возвращением в РСФСР, но в год важной Парижской конференции по Палестине [подробнее: Кацис, Брусиловская 2018]. Если, конечно, Парнаха, надеявшегося избежать и избежавшего службы в русской армии и не собиравшегося вступать в армию еврейскую, вообще волновали эти вопросы. Судя по тексту ПМ, мы такого вывода сделать не можем.

[38] См. подробно: «Осип Мандельштам и еврейская Варшава 1914 года («От вторника и до субботы...») в книге [Кацис 2002: 55–70]. Здесь интересно упомянуть, что Бабель ЕМ сделан из черновиков о провизоре (ПССиП 2. Т. 2. С. 321): И этот «провизор», как и Лидин из Риги, имеет отношение к Лапидусзону: «Чтобы сделать провизора, понадобилась целая банка густых лиловых чернил Лапидусзона. У провизора лисий подбородок и лапки очков».

Более того, Д. Сегал анализирует самый «гоголевский» эпизод ЕМ с пропажей визитки, определяющий «человеческую комедию» Парнока в терминах «мужского поведения» и, естественно, в еврейском контексте:

> «Что же, — подумал Парнок, — может, так и нужно, может, той визитки уже нет, может, он в самом деле ее продал, как говорит, чтобы заплатить за шевиот».

К тому же, если вспомнить, Мервис не чувствует кроя визитки — он сбивается на сюртук, очевидно более ему знакомый:

> «У Люсьена де Рюбампре было грубое холщовое белье и неуклюжая пара, пошитая деревенским портным...»

и отмечает:

> «Здесь литературные образы *врыв ются* в сознание героя. Врываются «горячечно», мелькают. Подобным же образом ненароком, «на полях черновиков» возникают перед автором «арабески», среди которых обращает на себя внимание упоминание о Бабеле. Кажется, что подобно тому, как Парнок невольно видит в Люсьене некоторый образец «мужского поведения», исходящего из ситуации, сходной с ситуацией самого Парнока, так автор «проговаривается» Бабелем, в котором многие видели наиболее искусного матера русской прозы. И, кажется, что, подобно тому, как в конечном счете энергичный и пробивной Люсьен уступает в подлинной мужественности слабому и тщедушному Парноку, так и хитроумный и искусный «настоящий мужчина» Бабель, чье имя и лицо *случ йно* возникает на полях черновиков, в чем-то должен уступить прозаическому искусству автора ЕМ» [Сегал 2006 (1981) : 95].

Понятно, что мотивировка, связанная с откровенным мандельштамо-центризмом такого подхода, нас не устраи-

вает, но само ощущение Д. Сегала верно. Мы же мотивируем нашу «вненаходимую» позицию источниками ЕМ, напрямую связанными с мужественностью и реальной военной службой евреев в еврейских легионах и русской армии, а не качеством прозы и соперничеством художников. И все это еще и еврейская судьба. Р. Д. Тименчик, о котором шла уже речь на этих страницах, в своей книге об Анненском и Гумилеве напомнил один яркий отзыв о «Египетской марке» и прокомментировал его. Вот этот небольшой текст: 20 января 1929 г. режиссер Валентин Смышляев записывает в дневник:

> «Начал читать Мандельштама «Египетская марка». Написано с талантом, но очень своеобразно и чуждо моей душе: Петербург в еврейском освещении... И зачем он в начале 4-й главы злоупотребляет «перхотным воротником»? Что это — в pandant к «бобровому воротнику» Пушкина («Евгений Онегин») или что?» (*Смышляев В.* Из дневника / Публ. и предисл. А. Никитина // Лепта. 1991. № 4. С. 114)» [Тименчик 2017 : 22].

Эта цитата приведена к рассуждению:

> «Национальность — например, мне уже доводилось несколько раз писать о категории русско-еврейских читателей, которые читают произведения с еврейской тематикой несколько иначе, чем, так сказать, русско-русские читатели» и приводит пример В. Смышляева «из другого полухория» [Тименчик 2017 : 22].

Но это читатели. Нас же сейчас интересует то, как еврейско-русский, русско-сионистский и даже франко-еврейский писатель и переводчик читает русско-еврейского и, одновременно, еврейско-русского Мандельштама о себе в «Египетской марке». Эта проблема может быть поставлена и еще шире. Как русско-еврейского и т. д. Парнаха прочитал в сце-

нарии своей «Мечты» оркестрант парнаховского джаза русско-еврейский читатель и советский сценарист Леонид Габрилович, а героиню-мать сыграла землячка Парнаха Фаина Раевская, естественно, тоже из Таганрога, и играла она, естественно, еврейку. Все это позволит понять, почему состоит из обрывков проза ПМ, которую, как ЕМ, объединяет и цементирует точное и не всегда тривиальное знание именно еврейского фона, политического. Личного и литературного. Однако и в случае Мандельштама и его поэтики наш анализ дает, как представляется, очень много. Прежде всего, обратим внимание на то, какой огромный по меркам ЕМ кусок выброшен автором. И этот кусок как раз про «египетскую марку» как артефакт. А вот точка-заголовок осталась. Именно отсюда смыслы и могут расти во все вполне определенные стороны, а не из пустого места куда угодно. Ведь мы имеем дело с русской *сем нтической* поэтикой ОМ.

Нам представляется, что здесь мы видим и технику написания прозы с названием, восходящим к заведомо не существующему предмету, однако к заведомо реализовавшейся реальной судьбе и даже, в арабесках и черновиках, в предельно кратких или отброшенных, но сохранившихся вариантах подобных судеб. По-видимому, стоит проделать, при возможности, подобные нашей операции с остальными сюжетами из арабесок и черновиков ЕМ, которые отдельными точками попали в эту прозу. А в продолжение, коснемся того самого воротника, который так покоробил В. Смышляева. Ведь именно в этой главе мелькнул «Артур Яковлевич Гофман — чиновник Министерства иностранных дел по греческой части» и, естественно, «Парнок — египетская марка».

Если мы посмотрим на маршрут «перхотного воротника» от Сенной к Фонтанке и вспомним, что автор «Египетской марки» хотел во всем быть не похожим на Парнока, то сочетание «перхотный воротник» и «бобровый воротник» из «Евгения Онегина» окажутся на перекрестье. Ведь еврейский район Петербурга, район этих самых «воротни-

ков», расположенный вокруг Каменностровского проспекта, чьим человеком и был Мандельштам не меньше, чем Парнок, упирается при продолжении его линии в Каменный остров с церковью Конюшенного приказа, где отпевали Пушкина. Сдвиги никого не должны удивлять, Нева и каналы тут не препятствие. М. Гаспаров отмечал это специально для ЕМ: «Местами топография нарочито спутана: фиванские сфинксы стоят не перед университетом, а перед Академией художеств, а костел Гваренги сконтаминирован из костела св. Екатерины на Невском и Мальтийской капеллы зодчего Гваренги на Садовой» [Гаспаров 2001 : 685].

Быть может, именно это не дало Мандельштаму возможности совершить тот поступок, на который решился Парнах, — уехать из России в Палестину. Это и позволило ему увидеть, пережить и описать все то, чего не узнал, не увидел, не описал протагонист его героя, вполне обоснованно обидевшийся (если, конечно, это так и если Парнах воспринимал Мандельштама и ЕМ в нашем ключе) на автора «еврейского взгляда на Петербург», совсем не чуждого Парнаху, но чуждого его отношению Мандельштама к тому варианту еврейской судьбы в XX веке, который реализовал Валентин Парнах. Ведь тот же Парнах отмечал в 1926 г., что Мандельштам, обладатель «талмудического ума», сочленял в самых причудливых сочетаниях культуры и литературы, но как истинный петербуржец, чуждый реальной Европе, делал это по книгам, а сам автор ЕМ вообще не имел отношения к политическим баталиям в эти годы. Теперь, если предположить, что уже Мандельштам знал о тексте Парнаха, напечатанном в еврейском журнале «The Menorah Journal» за год до начала работы над ЕМ, то именно следы этой обиды бывшего эсера, который даже попадал в облавы и сам писал, что «Слава была в БО», и отразились в некоторых мельчайших намеках ЕМ. И все это уместилось в два слова «Египетская марка», причины соположения которых мы и попытались здесь показать. И это, будем надеяться, поможет приблизиться к пониманию Мандельштамом истории и своего места в ней.

[Содержание]

Известно, что в 1930 году журнал “Звезда» анонсировал повесть О. Мандельштама «Смерть Бозио». Исследователи не раз пытались связать ее с эпизодами смерти певицы Бозио в ЕМ, считая, что «Смерть Бозио» даже предшествовала ЕМ (ПЧ. С. 89). Однако в «Звезде» 1928 г. этот же (?) текст анонсировался и как «Смерть Борджио». Нам представляется, что этот подход нерационален. Еже писах — писах. И повторений с развитием мелкого эпизода в большую прозу мы у Мандельштама не знаем. Единственно, что здесь можно предположить, исходя из полученных здесь материалов, что «Смерть Бозио» могла стать русским аналогом ЕМ, чем-то вроде ЕМ наоборот, где из петербургского морока поэт смотрел бы на евреев Петербурга русским взглядом. А такой взгляд существует и в «Христе и антихристе» Д. Мережковского, и «Петербургском тексте» В. Топорова [Топоров 2003: 59, 111]. Причем именно интересующая нас еврейская подоплека позволяет объединить Петербург, Киев и Москву [Кацис 2006]. Тогда станет понятным, почему в ушах Бозио, никогда не бывшей в Киеве, зазвучало слово «Крещатик». Ведь Мандельштам ясно писал в «Шубе» 1922 г.:

> «...тянет меня в дорогу, в Москву да в Киев, — жалко зиму пропустить, пропадет обновка. Хочется мне на Крещатик, на Арбат, на Пречистенку. Хочется и в Харьков, на Сумскую, и в Петербург на Большой проспект, на какую-нибудь Подрезову улицу. Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город, с вечно санным путем, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект. Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, люблю его, словно в нем родился, никогда из него не выезжал».

Поэтому «Бозио» все услышала правильно. Недаром основной текст с этим словом «Защекочут ей маленькие уши: “Крещатик”, “щастие” и “щавель”» в черновике читался:

«Услышав впервые русскую речь, она заткнула свои маленькие уши [и рассмеялась»].

Составители (ПЧ. С. 101) считают, что «не совсем понятно, откуда в комментируемом тексте взялось название главной киевской улицы». Они даже цитируют очерк «Шуба», но не выделенные нами курсивом слова. И не так уж важно, хотя это и смысловая рифма, что киевский «Крещатик» и питерский «Крестовский» суть одно и то же. Важнее другое. Название «Смерть Борджио», «Смерть Борджиа» и «Смерть Бозио» — абсолютно одно и то же. Искать здесь прототипы в их биографических схождениях либо считать какое-то из названий ошибкой — одинаково неправильно. Напомним, что в ЕМ говорится: «Однако он звонил из аптеки, звонил в милицию, звонил правительству — исчезнувшему, уснувшему как окунь государству» (комм. в ПЧ. С. 230).

А в «Шуме времени» читаем: «Мрачные толпы народа на улицах были моим первым сознательным и ярким восприятием. Мне было ровно три года. Год был девяносто четвертый, меня взяли из Павловска в Петербург, собравшись поглядеть на похороны Александра III. На Невском, где-то против Николаевской, сняли комнату в меблированном доме, в четвертом этаже. Еще накануне вечером я взобрался на подоконник, вижу: улица черна народом, спрашиваю: “когда же они поедут?” — говорят: “Завтра”». Как мы понимаем, «назавтра» после похорон «почившего в бозе» (в отличие от расстрелянного в июле 1918 г. Николая II) началась эпоха окончания существования Российской Империи. И именно тогда автор ЕМ впервые увидел свой «Город, знакомый до слез...».

Поэтому название «Смерть Бозио», раз уж этот персонаж связан с однотипно построенными ЕМ и «Четвертой прозой», является аналогом построения заглавия «Доктора Живаго», где это название появилось после «Записок Патрика», и «Записок Патрикия Живульта» еще 1936 г. (от лат. patricius — «благородный, патриций»). И это построение прямо противоположно построению ЕМ.

ЕМ — это тот случай, когда поэт в точном соответствии со своим стихотворением «Я по лесенке приставной...» ввязался в «вечную склоку» и «стал ловить эолийский чудесный строй», «Не своей чешуею шурша», «обрастая космачатым руном», где «сеновала древний хаос», как и в случае бедной Бозио, «защекочет, запорошит», на сей раз не слух итальянской певицы, а слух и душу русского поэта-еврея.

Поэтому-то вся русско-еврейская фабула ЕМ и обернута в эолийский строй русской литературы, а не наоборот. Даже принципиально «тотальная комментаторская сумма» всех цитат из русской литературы и реалий питерской жизни здесь не поможет. Равно как не помогут здесь ни филателия, ни бонистика, ни библиография, и т.д., не объединенные стремлением к «типологии понимания текста», как мы скажем в пандан старой работе Ю. И. Левина. Право, типология понимания текста открывает не менее захватывающие перспективы, чем принципиальное и предельно дисперсное тотальное непонимание, как бы призванное навести «провиденциального собеседника» О. Мандельштама на путь истинный.

Поэтому мы уверены (помня, цитату из В. Смышляева), что именно предлагаемая нами фабула ЕМ, не основанная на сюжетах русской и питерской литературы (или шире — чисто русском и заведомо не на русско-еврейском и даже еврейском чужом слове), и есть основная проблема различения типологий понимания/непонимания этого не такого уж непостижимо загадочного текста Мандельштама.

Поразительно, но первые шаги классиков мандельштамоведения, отразившиеся в знаменитой статье пяти авторов «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» были абсолютно верными.

Стоит их вспомнить:

> «Именно в прозе Мандельштам открывается как “рядовой седок”, здесь получает художественное оформление его конкретная личностная ипостась сына Петербурга и “хаоса иудейского”, здесь он — в процессе работы над прозой —

> обретает твердое сознание непоколебимой правоты своего пути и ее строчками стремится сам предсказать свое будущее: “Мы еще поглядим — почитаем” (ЕМ).
> В прозе он полностью выходит из образа авторского “я”, связанного с соположенными с ним вечными темами Рима, Православия, античности и смело строит мир керосиновых ламп и форточек, пикейных одеял и визиток. Тяга к материальному особенно усиливается в эпоху, когда материя таяла (Эта балка больна — чахоточная... Разве так пахнет здоровое дерево? “Киев”)» [Сегал 2007 (1974): 208].

За этим вновь следует цитата из «Киева», который является неотъемлемой частью атмосферы ЕМ, о чем мы писали много раз. Включение в семиотический анализ прямых морализаторских сентенций относится к другому, нежели филология, жанру. А вот все, пусть и зашифрованное здесь в слове «иудейский», — верно. Получилось так, что история повела изучение Мандельштама и особенно его прозы совершенно в другую сторону, ту самую, которую мы и видим в ПЧ и других текстах. Д. Сегал менее всего понадобился авторам ПЧ именно в этой ипостаси. Поразительно, что Ю. И. Левин и Д. Сегал были соавторами этой знаменитой статьи. А им яснее, чем кому-либо, было ощущение непонимания текста ЕМ, которое лишь нарастало с годами. А ведь и статье пяти авторов тоже, как и работе о непонимании текста, исполняется уже 40 лет. Хочется надеяться, что теперь что-то изменится и мы сумеем вернуться к тем правильным интуициям, которые по понятным историческим причинам увели изучение ЕМ в сторону от них.

Не всегда верно, что проза настолько отличалась от стихов. Но тогда так, вслед за Н. Я. Мандельштам, принято было думать. Да и сама она была еще жива. Отсюда и понятное для *«сорок< >лет» с г ком*, прошедших со дня публикации этих слов, желание свести структуру и семантику текста к этике поведения поэта, напрямую связать ее с пониманием поэтики ОМ у Н. Я. Мандельштам:

[Содержание]

> «Подобное открытие материи своего «я» явилось тем необходимым шагом на пути к полному овладению искусством судьбоносного стиха, когда именно «я» в его данной ипостаси, обусловленной этим временем и местом, стало единственным, в сущности, носителем поэтической правды. Отсюда центральное и поистине пророческое место, которое занимает в человеческой и гражданской судьбе Мандельштама сюжетный узел «Египетской марки», — стремление Парнока, этого «пародийного» двойника автора, спасти людей от самосуда в центре Петрограда. — *И здесь конч ется искусство / И дыш т почв и судьб* » [Сегал 2007 (1974) : 208].

К слову «Петрограда», последнего авторского в статье, дается примечание, еще более «усиливающее» сказанное в основном тексте:

> «Стоит указать, что поэт несколько раз *до н пис ния* ЕМ заступался за преследуемых и спасал их (1918 [история с разорванными в руках Я. Блюмкина бланками смертных приговоров. — *Л. К.*], 1923), замечательно и то, что и после написания этого произведения (весной 1928 года) он тоже вступился за 'приговоренных'... Таким образом, в этом сюжетном моменте и в самом герое с его «малостью», привязанностью к миру вещей и т. п., оказывающемся одновременно единственным заступником за невинных, вырисовывается основа нравственного и смыслового воздействия и прозы и стихов» [Сегал 2007 (1974) : 212].

В год выхода в свет «Архипелага ГУЛАГ» и высылки А. И. Солженицына все это читалось и понималось абсолютно однозначно и воспринималось без критики. Но сегодня настала новая эпоха: эпоха научного анализа в т. ч. и текстов, и позиций Н. Я. Мандельштам. В 2002 году в книге «Осип Мандельштам: мускус иудейства» мы предприняли первую попытку рассмотреть стихи и прозу ОМ в их единстве и тематическом, и хронологическом, да еще

и в еврейско-иудейском контексте. Прямым продолжением той работы является и эта статья. Но сегодня и Д. Сегал готов несколько если не сменить, то сместить вехи, когда в статье к четвертьвековому юбилею «Русской семантической поэтики», т. е. уже более 20 лет тому назад, писал:

> «Мне кажется, что сам феномен *русской* семантической поэтики, его вычленение, функционирование и историческое бытие, может быть постигнут лишь в свете исторической судьбы *еврейского* народа в двух аспектах — как суверена своей истории и как ее объекта. Лишь еврейский народ выработал то специфическое отношение к тексту, которое позволило ему оказаться сильнее всех самых немыслимых обстоятельств его долгой истории, и именно такое (или типологически ему подобное отношение) отношение к тексту (и к поэтическому тексту в особенности) помогло русской семантической поэтике выработать механизм культурной парадигмы. Речь идет о том, что в традиционной еврейской религиозной культуре, во-первых, вершиной религиозного опыта считалось (и считается. — *Л. К.*) умение комментировать письменные тексты, во-вторых, о том, что в терминах этого комментирования фрагмент, отрывок, словосочетание всегда приобретали абсолютную семантическую и «сюжетную» автономию, и, в-третьих, что процесс комментирования такого автономного «фрагмента», «отрывка», «осколка» мог приводить к порождению сколь угодно пространных смысловых последовательностей. Русская семантическая поэтика пыталась овладеть какими-то моделями «текстового поведения», близкими к подобной ситуации» [Сегал 2007 (1996) : 248].

Именно образцом такого «текстового поведения» и является ЕМ, да и стихи ОМ, где уже и прямые талмудические цитаты «и последовательности» не выпадают из общего принципа. То есть ОМ и ЕМ являются субъектом и объектом этой традиции. В такой постановке и коррекции идея «русской семантической поэтики» вновь становится рабо-

тающей и релевантной ЕМ и творчеству ОМ культурной парадигмой. А то, к чему приводит исключение серьезного еврейско-иудейского слоя и его исследователей из комментария, мы уже видели, при этом той этической задачи, ради которой шли на «филологические» жертвы авторы статьи пяти авторов, мы у комментаторов ПЧ в совершенно другую историческую эпоху не усматриваем. Между тем еще один соавтор этой статьи Р. Тименчик уже дал в 2017 году нормы и правила комментаторской работы:

> «Там комментарии будут занимать столько места, сколько нужно для развертывания комментарийного мотива, доходящего до своего (разумного) завершения. Они будут учитывать, как и полагается комментарию, круг сведений, которые были доступны автору, и сведения, лежащие за пределами этого круга, а также находившиеся в поле зрения и слуха, но не увиденные и не услышанные» [Тименчик 2017 : 564].

Таким мотивом может быть и новая последовательность *Исход — Похв л Ком ру — А. Керенский — «м рк » — «Киевск я мысль»*, и многие другие. А многие «случайности» в своем единстве сами станут законченными комментарийными мотивами, если все в целом не фабулой ЕМ и реальным «шумом» в реальном «времени». Мы, как могли, пытались оценить достижения и упущения наших предшественников, вспомнить забытое и вернуть сознательно исключенное и исключаемое. Привели мы и свои «предложения исследователям». Теперь осталось прочитать и прокомментировать всю повесть Осипа Мандельштама с самого начала — с заглавия и до конца, учтя все сохранившиеся черновики, но не фетишизируя их, а помня заведомую недоработанность сохранившихся обрывков текста, порой двойственность, и, естественно, отброшенность, но не «ключа» к ЕМ, а сюжетного хода или эпизода, именно обосновывающего заглавное понятие. Ведь, похоже, наши предшественники перепутали две очень важных вещи: сюжет и фабулу «Египетской марки», где фабула — это человек

в революции, а сюжет — судьба этого человека — Парнока — на фоне Петербурга и его русской и русско-еврейской реальности с отголосками Киева, Москвы, Риги и т. д. Исход реального В. Парнаха привел его в Россию. ОМ никогда ее в «минуты роковые» не покидал, как и Парнок ЕМ. И в этом не столько пародийность Парнока-Парнаха по отношению к ОМ, сколько их обратно-симметричность, причем в очевидно русско-еврейском сегменте истории XX века. А пародийны, если следовать этой терминологии, Парнок и Парнах, справедливо обидевшийся на свое изображение в ЕМ, если права семейная легенда. Но это «опущенное звено» исследователи всех поколений когда-то не знали, а сегодня видеть не хотят. Впрочем, повторяем, ни В. Я. Парнах, ни Е. Я. Тараховская, ни С. Я. Парнок сведений об этих обидах нам не оставили.

Следовательно, если у каждого читателя или «наследников Н. Я. Мандельштам» [ПЧ : оборот титула] есть выбор: помнить об этом, включая сюда и ПМ, или настойчиво избавляться от того, что кажется извне «хаосом иудейским», а на деле является вполне структурированной еврейской судьбой автора ЕМ, то у профессионального филолога этот выбор отсутствует. И только от этого «выбора» без выбора, как мы видим, зависят и аналитические стратегии, и конечный результат, если хотеть, чтобы когда-нибудь О. Мандельштам перестал быть «чужим-своим» в русской культуре XX да и XXI в. [Кацис 2013].

И все-таки, откуда могла прийти в 1927 году в прозу Мандельштама, называвшуюся «Парнок», идея именно заведомо не существующей, «не филателистической» «египетской марки», которую надо посылать из Каира, пусть и в Петроград между февралем и октябрем, и которая связывала бы Петербург 1913–1914 — Петроград 1914–1917 и — Ленинград 1927 г.? Напомним, что только в 1913 г. были выпущены марки с портретом Николая II и других представителей династии Романовых. В 1917 году с мая по октябрь марки с портретом царя еще использовались, но это был уже не царь, а гражданин Николай Александрович Романов, синоним такого же несуществующе-

го египетского хедива. Поэтому и просил Парнок «Египетской марки» «проштемпелевать» его самого и отправить в Египет. Но этого было сделать невозможно, ведь людей типа Парнока, т. е. российских граждан, из Египта тогда как раз высылали. Поэтому-то невозможная «египетская марка», выпущенная невозможным «хедивом», и описана Мандельштамом в «почтовой» сцене. Никто, правда, не обратил внимание, что Парнок вовсе не называл себя «египетской маркой». Он говорил в сослагательном наклонении: «— Если я марка — то наклейте меня, проштемпелюйте, отправьте…».

Теперь остается ответить на вопрос: а если Парнок — марка, то почему после названных нами «царской» и «немецкой», как мы помним, вовсе не марок, наш герой — «марка египетская»? Это должно иметь свои политические основания. Правда, для них уже должен существовать реальный Египет и выпускаться реальные египетские марки. Только, к сожалению, никаких реальных египетских марок с подходящим нам сюжетом, кроме зеленой с двумя идущими верблюдами на фоне двух пирамид 1921–1922 гг., к 1927 г. не существует вообще. А вот те, кто от февраля к октябрю 1917 года могли ругать друг друга «немецкими марками» или «марками царскими», т. е. бывшие русские офицеры, оказавшиеся в эмиграции в Египте, неожиданно обрели актуальность именно в 1927 году, когда писалась «Египетская марка».

Здесь не место анализировать весь сложный контекст 1927 года, связанный и с приездом в СССР В. В. Шульгина, успешно обманутого рухнувшим к 1927 году чекистским «Трестом». И обстоятельства публикации сначала на идиш, а потом и по-русски мемуаров В. Жаботинского о Еврейском легионе. Том самом, кстати, куда пошли служить евреи, не желавшие служить в русской армии, о которых и писал покинувший их Парнах в ПМ. Не будем мы здесь приводить и актуальную полемику сразу вокруг сионизма, Жаботинского, отношений с Польшей, поражения Троцкого и т. д., чем были полны тогдашние газеты. Мы лишь приведем важную для нас заметку из начавшей выходить знаково с 1 марта 1927 года (в год 10-ле-

тия февральской революции) газеты «Вечерний Киев», которую возглавил соратник Мандельштама по борьбе за театр Грановского в Киеве предыдущего 1926 года Х. Токарь. Так этот город в очередной раз встретился нам пути.

Эта заметка касалась в первую очередь героя мемуаров Жаботинского — русского консула в Александрии, а теперь — представителя совсем не советской дипломатии и не в Каире, а в Александрии, «консула Петрова». Вот этот текст: «Русские белогвардейцы в Египте»:

> «В Египте, формально являющемся независимым государством, весь военно-полицейский аппарат фактически подчинен агентам британского империализма. В Каире во главе столичной полиции стоит англичанин Рассель-«паша», точно так же заняты англичанами и другие высшие посты в наружной и тайной полиции (охранки), министерстве внутренних дел и других ведомствах.
>
> То же имеет место в Александрии, где во главе тайной полиции также стоит агент английского правительства. Лишь недавно тамошней полиции отпущено 10 000 фунтов стерлингов (100 000 руб.) исключительно на борьбу с большевизмом, т. е. на ведение анти-советской пропаганды и шпионаж.
>
> Руководимая англичанами полиция всячески старается натравить египтян на СССР, дабы нарушить советско-египетские торговые сношения и таким путем усилить зависимость Египта от Англии.
>
> Особенный интерес приобретает вопрос о русских белогвардейцах. В Египте находятся тысячи русских белых эмигрантов, разбросанных по разным городам. Более того: египетское правительство по-прежнему признает царскую миссию в Египте, как подлинное представительство «России».
>
> Как же и чем живет белая эмиграция в Египте? Тут следует различать две категории: белогвардейцев и их жен.
>
> Последние живут припеваючи. Они уже давно превратились в проституток, продающих свое тело бесчисленным туристам и английским офицерам.

Что же касается мужей сих «благородных» дам — доблестных офицеров и прочих белогвардейцев, то они находят себе применение, главным образом, в охранке в качестве шпиков и провокаторов.

Любопытно, что при каирской полиции организовано так называемое «русское бюро», во главе с бывшим царским генеральным консулом в Египте Петровым.

При Петрове состоит некто Хаенко, ранее служивший в качестве шпика при российской миссии в Каире. Другим помощником Петрова является белогвардеец Марков, двоюродный брат пресловутого сподвижника Пуришкевича Валяй-Маркова[39].

О методах работы этих господ достаточно ярко свидетельствует следующий факт: вышеупомянутое «русское бюро» платит по 5 фунт. стерлингов всякому, доставляющему сведения о рабочих выходцах из России, подозреваемых в ведении политической пропаганды.

Для большей успешности своей деятельности «русское бюро» организовало клуб с читальней. Последней заведует Хаенко, усиленно снабжающий посетителей коммунистической прессой, конечно, с провокационной целью: читатели коммунистических газет подвергаются аресту и суду.

В последнее время было арестовано таким путем свыше 150 рабочих. На этом деле хорошо подработали белогвардейцы, получившие по 5 руб. (!?? — *Л. К.*) с арестованного...

Кор.

Каир»

(Вечерний Киев. 7 марта 1927. № 6. С. 2)[40].

---

39 Не исключено, что именно это имя может связать Каир с Петербургом. Достаточно прочесть «Жизнь Клима Самгина» Горького: «...депутат Думы Валяй-Марков, прозванный Медным всадником за сходство с царем Петром».

40 Справедливость требует отметить, что, с одной стороны, эти сведения явная ложь, а с другой — кое-что в них верно. «В 1926 г. ...[А. М. Петров] стал директором александрийского Русского бюро, организованного англо-египетскими властями при департаменте общественной безопас-

Такое описание судьбы бывших «царских марок», ставших с 1917 г. «марками египетскими», поразительно напоминает Зубатовские чайные, тоже ведущие нас в царскую Россию. На страницах первых мартовских номеров «Вечернего Киева», посвященных как раз 10-летию февральской революции, активно печатается автор фельетона из «Киевской мысли» о «немецких» и «царских марках» Д. Заславский, но уже из Москвы. А газета номер за номером издевается над В. В. Шульгиным, В. Е. Жаботинским и т. д. Возглавляет же «Вечерний Киев» редактор той самой киевской городской афишки «Театр. Музыка. Кино» Х. Токарь, из статьи которого о проводах театра «Березиль» в Харьков и выступлении на них Михоэлса остался черновик очерков о театре Курбаса. Нам представляется, что эта газета и даже эта статья имели отношение к трансформации «Парнока» января 1928 г. в ЕМ, которая вышла в «Звезде» № 5 за этот год. Следовательно, должна она была быть сдана в печать не позже января 1928 г.

ности Министерства внутренних дел. Находясь, таким образом, на египетской службе, он имел возможность официально оказывать помощь своим соотечественникам. Основная задача бюро состояла в выдаче видов на жительство в Египте, справок из консульских архивов, а также в выполнении некоторых нотариальных обязанностей. Бюро не имело права касаться вопросов «личного статуса» и юридической защиты русских» [Горячкин, 176]. Еще в 1913 г. Петров писал в русский МИД о невозможности наблюдения за революционерами в условиях, обращаем внимание, не Каира, а Александрии. А вот А. Л. Марков действительно был племянником Маркова II, портовым офицером в Александрии же, впоследствии членом Русской Фашистской партии, распространял соответствующую литературу, был, как и дядя, сторонником Гитлера. А Петров собирал деньги на голодающих Поволжья, а во время Второй мировой войны проводил балы и аукционы для помощи детям Сталинграда [Горячкин 122, 179]. Указанный в «Вечернем Киеве» Моисей Наумович Хаенко впоследствии был секретарем александрийской масонской ложи «Астрея», а в 1930 уехал в Южную Америку. О проблемах советских эмиссаров в Египте, различных трудностях в торговле, признании властями Египта несоветских паспортов и т. д. см.: [Горячкин, 142–150].

Однако еще интереснее документ, подписанный в непосредственной близости к дате нашей статьи в «Вечернем Киеве» 1927:

> «Апреля 21. Заключил договор с издательством «Прибой» на издание своей книги «Похождения Валентина Гаркова». Объем 8 п.л. Гонорар 200 р. Срок предоставления частями по 1½ п. л. Примечание: “подписан, но не взят автором”». [Мец, 316].

Автор «Летописи» уверенно добавляет прямо в текст: <«Египетская марка»>, что исторически верно, однако никто нам не дал права считать, что этот заглавный образ уже существовал в момент заключения договора, не говоря уже о написании самого проблемного куска черновиков об этом «знаке почтовой оплаты». Более того, похоже, что самые ранние черновики еще вообще были с безымянным главным героем, да еще и москвичом.

Кроме того, не смутил никого из исследователей и ономастикон — имя «Валентин» уж точно должно было вести желающих к Валентину Парнаху. Только вот слово «Похождения» к нему не очень применимо. Фамилия же «Гаркова» в родительном падеже в конце апреля 1927 г. не очень соответствует фамилии «Парнок» в именительном падеже в январе 1928 г., данной в рекламу на обложку где-то за месяц—два до выхода номера в свет, за «исключением третьего» «к» в обоих словах.

В июле 1927 около 15 числа «Летопись» дает сообщение о писании повести в стиле гоголевского «Портрета», а не «Шинели». А ноябрьско-декабрьский номер «На литературном посту» дает очень ясный и соответствующий правде анонс:

> «О. Мандельштам выпускает новый роман «Египетская марка». Роман из эпохи керенщины».

Как мы уже говорили, такой «роман» задеть «Парнока» № 1 «Звезды» не мог в принципе. Так автор «Араба», напе-

чатанного в «Любовь к трем апельсинам» в № 3, 1914, т. е. до Первой мировой войны, и сборника «Самум» 1919 г. со стихотворением «Рестораны», где он «напророчил» мировую бойню, опять же Мировой войны, самим фактом своего упоминания в повести о Парноке хронологически исключает Валентина Яковлевича Парнаха из числа прототипов, но не из числа тех, о ком помнил и думал Мандельштам.

«Египетские», они же «немецкие»[41] и «царские», «марки» как раз оказались «посланы» в Каир (а не в реальную Александрию, где служили Петров и Марков), но вот вернуться оттуда в Ленинград они уже никогда не смогут, ведь это уже не город св. Петра. Да и Парнока в такой «Каир» или Египет никто не пошлет, потому что не «проштемпелюет» штемпелем диппочты «эпохи керенщины», а реальный Парнах находится в это время уже два года как в Париже.

Похоже, что политическое, не филателистическое, значение слова «марка» именно в 1917 г. сильно недооценено. Так, в редкой парижской книге 1917 г. «Великая русская революция» [Тасин Н. С. 6] дополнительно находим:

> «Государственная Дума волновалась. Кроме продажных депутатов вроде Маркова II или Замысловского, которых прикармливал департамент полиции, как это показали найденные в охранке документы, все понимали, что так дальше продолжаться не может. Даже многие из октябристов, т. е. тех, которые до сих пор были на стороне правительства, не вынесли распутинской марки. Все краснели от стыда за то, что творится в России — и Гос. Дума стала чуть ли не сплошь красной, т. е. революционной».

[41] Обращаем внимание на то, к чему привела утрата Парноком визитки в одном из черновиков ЕМ: «Теперь все рушилось. Без визитки нельзя было сунуться ни *к герм нофил м*, ни к теософам». [Мандельштам 2017. С. 319]. В нашем контексте это очень важно, ведь тогда будущая «египетская марка» оказывается маркой «немецкой»!

А это, судя по тексту, примерно, апрель 1917 г. И само выражение «распутинская марка» — синоним марки «царской». Выражение же означает что-то типа «держать марку». А эпоха все та же, Временного правительства, но до «керенщины».

Между тем, ссылаясь на сообщение вдовы и сына В. Парнаха относительно его обиды на Мандельштама (хотя в «Еврейской газете» 1995 г. он об этом не говорит), исследователи с очень большой опаской цитируют важный черновик ЕМ, где Парнах назван прямо:

> «Вообразите лошадиную голову на тонкой подвижной шее, необычайно грустную, кроткую и пугливую, — и вам улыбнется Мервис — продавец книжно-канцелярского магазина рядом с похоронным бюро[42]. Он торгует стальными перьями, комсомольской и профсоюзной литературой. Обыкновенных книг в его распоряжении не имеется. Немудрено, что, торгуя столь неходким товаром, он одичал и отвык от людей. Люди, ездившие в Москву, уверяют, что наружностью Мервис несколько похож на Павла Семеновича Когана — президента Академии Худ<ожественных > Наук. На Парнаха Мервис действовал успокоительно, а бодрящая обстановка Красного Уголка, с глянцевитыми портретами вождей, особенно Сталина и Буденного <...>, в которой продавец непринужденно вращался, озонировало его душу. Отчего не подышать озоном Красного Уголка» [Мандельштам 2017. С. 316. Ср.: Мандельштам 2012. С. 108].

Употребление названия ГАХН относит данный эпизод к «не ранее 1925 г.», т. е. к моменту отъезда Парнаха из СССР. Кстати, уезжал он из Москвы. Именно там, в районе Дома

[42] Герой самых ранних черновиков ходит с постным лицом и «переживает» еврейские похороны. И еще неизвестно, насколько это все не касается автора «Эта ночь непоправима...» и отличался ли он тогда от неназванного еще даже «Парнахом» «Парнока»

Герцена и воробьев Тверского бульвара, крутится география самых первых черновиков, где имени Парнаха еще нет, а есть Москва, ее бульвары, и именно там читаем:

> «Это путешествие было самой патетической минутой его жизни; исполнив его, как траурную формальность, он вернулся к ковчегу Герцена и к воробьям Тверского бульвара. [За ним сидели дядья, пишущие торговые «меморандумы»]» [Мандельштам 2017. С. 316].

Напомним, что это слово находится в черновике о собственно «египетской марке», который мы подробно разбирали. Но ведь мы показали, что собственно «путешествие» реального Парнаха, приведшее его в итоге к «ковчегу Герцена» в 1922, никак не привело к тому, чтобы он вырвался из Египетского плена Российской империи при помощи побега в Палестину. Мандельштаму же этот бессмысленный маршрут бега по Бульварному кольцу близким так и не стал. А теперь Парнах именно в 1925 году вновь убывает за границу. И здесь слово «ковчег» вновь обретает свои библейские коннотации. Похоже, что именно глубокое переживание и явное неодобрение этого поступка и привело Мандельштама к идее написания прозы с героем «Парнахом» второй советской половины 1920-х. Более того, это проза бывшего питерца, теперь москвича — Мандельштама, приютившего Парнаха в Доме Герцена, когда их любимого Петербурга уже не было.

Здесь мы приведем специальный отрывок посвященных этому черновиков ЕМ, напомнив о приводившемся нами выше фельетоне А. Кугеля[43] на тему умирания столицы Империи 1918 г., когда столицей РСФСР вновь становилась Москва.

---

[43] Обсуждение проблемы «лаковых туфель» этого знаменитого театрального критика вкупе с проблемой похищения пальто в революционном Петрограде см.: Кацис 2017б.

Теперь Мандельштам: «У Гостиного Двора баптистский проповедник — рыжий мужчина в непомерно узком пальто и высоких сапогах, гневно тряся головой, расклеивал воззвание. У него было нерусское лицо с орлинкой в профиле, как у капитана Гранта из книжки. Никто не обращал на него внимания. Только два мужика вежливо смотрели. Он бормотал: “Хуже зверя, хуже зверя...”.

Все лавочки наружной галереи уже десять лет были закрыты и припечатаны щеколдами, а в пролетах, где гулял сквозняк запустения, истлевали клочья наивных афиш первой революции» [Мандельштам 2017. С. 317].

Понятно, что речь идет не о революции 1905 г., а о революции 1917 г. Тогда, действительно, «десять лет» датируют этот отрывок 1927 г. Однако «клочья наивных афиш», в отличие от «египетской марки» и других бумажек «керенщины», никуда не летели, а истлевали в бывшем Петербурге-Петрограде, ныне — Ленинграде.

Читаем дальше: «Нет-нет — пробежит девочка с бруском черного хлеба на семью в восемь человек и с бутылками янтарно-желтого постного масла... Пройдет милиционер (из старшин) в длинной шинели, с вдумчивым лицом идеалиста-семидесятника...[44]

Нет, город, избравший неблагодарное соседство великой столицы, не был мертв. Его дома, аккуратно сложенные из карточек соцстраха, стояли на твердой советской земле» [Мандельштам 2017. С. 317].

Таким образом, отрывок о Парнахе (Так!), которого успокаивал в Ленинградском Красном Уголке будущий портной Мервис печатной ЕМ, да еще в сравнении с Президентом ГАХН П. С. Коганом, явно представляет собой перевертыш и оксюморон. Не так уж трудно представить себе, какой именно книжный магазин в Москве, куда мог ходить

[44] Здесь стоит вспомнить приведенную выше цитату из Н. Я. Берковского, который увидел в ЕМ то, что Мандельштам написал в ее самом первом варианте.

и П. С. Коган, мог успокоить реального В. Парнаха, тем более, если «обыкновенных книг в его распоряжении не имеется». Это Книжный отдел Дома Ученых ЦЕКУБУ в Москве, где и получались книги из-за границы, и другие редкости «не для белого человека». Там Парнах, и вправду, мог успокоиться. А вот в советском Ленинграде среди профсоюзно-комсомольской литературы — нет. В общежитии ЦЕКУБУ Мандельштаму тоже пришлось живать. Поэтому и появление имени П. С. Когана здесь не очень случайно.

Таким образом, ясно, что первоначальным импульсом для О. Мандельштама был Парнах 1925 г., только что не выпустивший, наконец, свою советскую книгу, а теперь сразу же покидавший СССР[45].

---

[45] Не можем обойти здесь самый экстравагантный способ доказательства присутствия в ЕМ реального Парнаха. Это статья [Наумов 2016], где автор, найдя, кажется верно, вариации фотопортретов О. М. и Н. Я. Мандельштамов 1925–1927 (?) гг. работы Напельбаума, выполненные рукой последней, решил, что ей принадлежит и еще один рисунок — собственно «портрет» Парнока: «Н. Я. как автор маргиналий (Sic! — *Л. К.*), обычно не отклоняется от текста и сохраняет с ним достаточно ясную связь. Так, рядом с записью сцены посещения Парноком прачечной, на полях — кроме фигуры главного героя, предположительно лицо Мервиса; по верхнему краю листа — часть лица с бородой — возможно, изображение третьего участника эпизода, отца Бруни».

К этому месту примечание: «...отметим, что последнее изображение расходится с образом отца Бруни в окончательном тексте НМ, где Мандельштам описывает «безбородого священника-костромича, видимо, еще не привыкшего к рясе». Здесь существует какая-то специфическая логика.

Если принять ее, то именно Н. Я. Мандельштам была автором первоначального образа о. Н. Бруни. Но наш анализ работы автора над текстом ЕМ это исключает. Более того, и контурные портреты-реплики фотографий Напельбаума, о которых пишет А. Наумов, и изображение, как ему кажется, Мервиса, и другие рисунки выполнены, пусть и не высококачественно, но рукой учившегося рисовать человека. А вот «портрет Парнока» и особенно его фигура (брючки-прямоугольнички, ножки-огурчики) принадлежит, как нам представляется, руке человека, которому рисование дается с трудом. Наумов пишет: «Так же Н. Я. строит и лица: при достаточно сложной форма головы — органоморфной

(у Мервиса) или же геометризированной (у Парнока) — общие очертания сразу же схватываются глазом. Далее расставляются черты лица — как в детских рисунках: *точк , точк , з пят я*; индивидуальность достигается их декорированием. Н. Я. идет по тому же пути геометризации: прямолинейные элементы в линии носа (у Мервиса); рисунок глаз и бровей, рифмовка носогубных складок (у Парнока) орнаментализуют изображение» [Наумов. С. 241]. С описанием т. н. Парнока как детского рисунка, или, скажем, рисунка примитивного, не согласиться невозможно. А вот с т. н. «портретом Мервиса» — нельзя. Это разные руки. Не вдаваясь сейчас в подробное рассмотрение разных вариаций гоголевских рисунков Боклевского, либо передвижнических изображений согбенных старух (как у В. Васнецова в «Бедных людях»), ставших моделями рисунков Н. Я. Мандельштам на полях рукописи мужа наряду с фотографиями Напельбаума, обратимся к «точке, точке, запятой». Дело в том, что здесь, похоже, тоже есть источник: портрет Парнаха на единственном советском и одновременно предотъездном в Париж сборнике «Вступление к танцам», М., 1925 работы Пикассо, того самого, который был и в парижском «Карабкается акробат» в предотъездном из Парижа в Москву 1922 г. Здесь и геометризация, и все остальное. Однако изобразить губы или уши непрофессиональный рисовальщик никогда не сможет. Отсюда квадратики на месте ушей, разметка черепа и расположения глаз, прямые плечи с сомнительно изображенными руками, не говоря уже о пропорциях фигуры. Но на месте рта мы видим, в отличие ото всех остальных изображений, некую схему, чуть ли не движения. Еще больше удивляет борт «визитки» с пуговицами, перемежающимися изображениями в виде латинской L, давая LoLoLo. Стоит вспомнить, что в парижской книге рядом с портретом работы Пикассо был и рисунок танца работы Ладо Гудиашвили, подписанный Di-Lado, где изображен танцующий Парнах в авангардном графическом этюде замечательного грузинского мастера. Поэтому есть смысл подумать, не с рисунком ли рукой автора ЕМ, как неумелой репликой работ больших художников, по образцу упражнений Н. Я. с русской классикой, имеем мы тут дело? Не вписывается ли этот рисунок в неисследованную «графику» Мандельштама? Не впечатление ли это Мандельштама от самых известных изображений и только что в 1922 г. приехавшего, и только что в 1925 г. уехавшего В. Я. Парнаха. Разумеется, семантический анализ графики на полях чужих рукописей либо графических экзерсисов помощников, пишущих под диктовку авторов, развит хуже, чем структурный анализ текста, но ценность примитивного в прямом смысле рисунка на полях для понимания Мандельштама и его «Парнаха» ранних черновиков ЕМ существенно превысит

Первоначально, судя по эпизодам с «Парнахом» и Коганом или с «милицейским старшиной», напоминающего идеалиста-семидесятника, мы имели дело с сатирой типа «Собачьего сердца» или «Дьяволиады». При этом советская Москва была «надстроена» над советским же Петербургом-Петроградом (и это не наша описка).

Все это осталось в мельчайших арабесках.

Впоследствии замысел ЕМ был в прямом смысле вывернут, обращен в историю маленького человека Каменноостровского проспекта, каким реальный Парнок, в отличие от Мандельштама, никогда не был. Поэтому-то фраза «Господи, не сделай меня похожим на Парнока. Дай мне силы отличить себя от него» и осталась в черновиках. А все обстоятельства этой вполне еврейской судьбы того и другого, если не отличать Мандельштама от Парнаха с из «розовой крови связью», обернулись в подтексты и намеки «эолийских созвучий» великой русской литературы, чей гармоничный строй, равно как и предреволюционная русско-еврейская жизнь, был навсегда разрушен великой русской смутой.

Так закончилась для нас на сегодня история «Египетской марки» во всех ее «не филателистических» ипостасях. И, похоже, что это далеко не все.

значение относительно умелой графической версии его фотопортрета, выполненной рукой киевской ученицы Бойчука и, возможно, Экстер.

Литература

Г нин А. Дутов. М., Центрполиграф. 2006. 622 с.

Г сп ров Б. «Извиняюсь» // Культура русского модернизма. Статьи. Эссе. Публикации. В приношение В. Ф. Маркову. М., 1993. С. 109–120.

Горячкин Г. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. 2-е издание. М., 2012.

Ж ботинский В. Слово о полку. История Еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора // Жаботинский В (З). О железной стене. Речи. Статьи. Воспоминания. Минск. 2004. С. 303–453.

З сл вский Д., К нторович П. Штрудель // Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Предисловие и пояснения К. Чуковского. Первое полное издание. М.. 1999. С. 42–43.

Ив нов Вяч. Вс. Заключительное слово // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2006. С. 68–70.

Ив нов Вяч. Вс. Как построена «Египетская марка» Мандельштама? 1. Фабула. Парнок и Кржижановский // История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., «Новое издательство». 2012. С. 130–146.

Ив нов Вяч. Вс. Заключительное слово // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2006. С. 68–70.

К ц Б. Музыкальные ключи к ЕМ // Русско-французский разговорник, или / oulescauseriesdu 7 septembre. Сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М.: НЛО. 2015.

К цис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М. 2002. 600 с.

К цис Л. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., РГГУ. 2004. 774 с.

К цис Л. «Московский», «Петербургский» и «Киевский» тексты русской литературы и «Еврейский текст» // The Jewish Text in European Culture. Almanac of The Institute of Comparative Stusies. Vol. 4. Latvian—Jews—Russian Culture Dialoges. Issue 1. Daugavpils University. 2006. С. 98–108.

К цис Л. Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской культуры, искусства и науки XX века. М., РГГУ. 2012. [а]

К цис Л. Мандельштам. Михоэлс. Киев (к проблеме атрибуции одного псевдонимного текста о Михоэлсе) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, инфор-

мация: Седьмые международные Михоэлсовские чтения. М., Три квадрата. 2012. С. 21–42[б].

К цис Л. «Еврейский» Осип Мандельштам «чужой-свой» в русской культуре второй половины XX века // Eastern European Jewish Literature of 20th and 21st Centuries: Identity and Poetics. Ed. By Klavdia Smola./ Die Welt der Slaven. Sammelbande-Сборники. Bd. 52. Verlag Otto Sagner. Munchen—Berlin—Washington/DC. 2013. С. 210–224.

К цис Л. Танец Михоэлса в «Михоэльсе» Осипа Мандельштама. К проблеме Грановский — Таиров — «Габима» // Национальный театр в контексте многонациональной культуры. Архивы. Библиотеки. Информация. М. 2016. Два квадрата. С. 28–46.

К цис Л. Соболь. Осип Мандельштам. «Габима». К проблеме «Михоэльса», «Киева», «Египетской марки» // ЛЕХАИМ. 2016. №6. http://old.lechaim.ru/8863.

К цис Л. Как Осман-бей стал Остапом И. Бендер-беем? // Литература в системе культуры. Сб. статей к 70-летию проф. И. В. Кондакова. М., 2017. С. 168–176.

К цис Л. (б.) Заметки об источниках и составных частях романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературный факт. №5. 2017. С. 261–282.

Л. К цис. Заметки читателя историко-философской литературы. V. Митрополит Евлогий и «Пансион Мобэр» В. Парнаха // Русский Сборник. Т. XXIV. М., 2018.

К цис Л., Брусиловск я Л. «К французской речи», или Если Парнок — не В. Парнах? (К проблеме «Пансион Мобэр» и О. Мандельштам) // Русский Сборник. Т. XXIV. М., 2018.

Левин Ю. Тименчик Р., Топоров В., Сег л Д., Цивьян Т. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., Водолей. 2006. (Впервые: Russian Literature. 1974. #7–8. P. 47–82.)

Левин Ю. О типологии непонимания текста // Левин Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., Школа «Языки русской культуры». 1998. С. 594–605.

М ндельшт м Н. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Екатеринбург. 2015.

М ндельшт м О. Египетская марка: пояснения для читателя. Сост. О. Лекманов и др. М., ОГИ, 2012. 479 с.

М ндельшт м О. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., Арт-Бизнес-Центр. 1994.

[Содержание]

М ндельшт м О. Полное собрание сочинений и писем в 3-х т. Т. 2. П. р. А. Г. Меца. М., Прогресс-Плеяда. 2010.

М ндельшт м О. Полное собрание сочинений и писем в 3-х т. Т. 2. П. р. А. Г. Меца. СПб., Издательский дом «Гиперион». 2017.

Н умов А. Рисунки Н. Я. Мандельштам на черновиках «Египетской марки»: новонайденный портрет О. Мандельштама // Осип Мандельштам и XXI век. Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. М., ООО «Армполиграф». 2016. С. 239–244.

Нерлер П. Парнах В. Я. // Осип Мандельштам и XXI век. Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. М., ООО «Армполиграф». 2016. С. 291–292.

Одесский М. Национальный вопрос и вопросы языкознания // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., ИРЯ. 1999.

П рн х В. Пансион Мобэр // Диаспора. VII. Новые материалы. М., 2005. С. 7–91.

Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.

Ронен О. Марки // Звезда. 2008. № 3 // http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/3/ro18.html.

Сег л Д. Литература как охранная грамота. М., Водолей. 2006.

Сег л Д. (2006, 1979) Литература как вторичная моделирующая система // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., Водолей. 2006. С. 11–49. (Впервые: Slavica Hierosolymitana. Vol. IV. Jerusalem. 1979. P. 1–35).

Сег л Д. (2006, 1981) Литература как охранная грамота // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., Водолей. 2006. С. 50–155. (Впервые: Slavica Hierosolymitana. Vol. V–VI. Jerusalem. 1981. P. 151–244.)

Сег л Д. (2006, 1983) Вопросы поэтической организации семантики в прозе Мандельштама // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М.. Водолей. 2006. С. 432–457. (Впервые: Russian Poetics. Proceedings of the International Colloquium on Russian Poetics at UCLA, 1975. Slavica Publishers, Ohio, 1983. P. 325–352.)

Сег л Д. (2006, 1987) «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М. Водолей. 2006. С. 458–517. (Впервые: Минувшее. № 3. Atheneum. Paris. P. 131–196.)

Сег л Д. «Пропавшие европейцы»: ассимилированная еврейская интеллигенция в XX веке // Сегал Д. Литература как охранная грамота.

М., Водолей. 2006. С.852–885. (Впервые: Вестник Еврейского университета. 1999. № 1 (19). М. ; Иерусалим. С. 120–158.)

Сег л Д. (2006, 1996) Русская семантическая поэтика двадцать пять лет спустя // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., Водолей. 2006. С. 213–252. (Впервые: Зеркало. Тель-Авив. 1996. № 3–4. С. 179–217.)

Т син Н. (Ког н Н. Я.) Великая русская революция. Париж. РСДРП. 1917.

Тименчик Р. Артур Яковлевич Гофман // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. М., 1991. С. 66–68.

Тименчик Р. Подземные классики. Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.-Иерусалим, Мосты культуры. 2017.

Тименчик Р. (а) Выписки к записям // М. Л. Гаспаров. О нем. Для него. М., НЛО. 2017. С. 564–580.

Топоров В. Петербургский текст. М. Наука. 2007.

The Writings of Zeev Jabitinsky. A Bibliography (1897–1940). Ed. By Mina Graur. Jabotinsky Institute in Israel. Tel-Aviv. 1997.

Правка к антологии В. Г. Белоуса «Вольфила»

В томе:

Вл димир Белоус. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация] : 1919–1924. В двух книгах. Кн. 1 : Предыстория. Заседания. М., 2005 (Серия «Исследования по истории русской мысли». Том 11. Книга 1) на С. 53 (прим. 68) в списке возможных лекторов о М. А. Врубеле **А. Ив нов** гипотетически расшифрован как деятель Пролеткульта А. М. Иванов (см. идентификацию также в именном указателе: Ibid. Кн. 2. М., 2005. С. 778).

Вместо этого, по мнению Д. М. Магомедовой, следует читать: художественный критик Александр Павлович Иванов (1876–1933), брат Евгения Иванова, близкого друга А. А. Блока, автор работы: Михаил Александрович Врубель. Опыт биографии // Искусство и печатное дело. Киев, 1910. № 4, 6/7.

Благодарим Д. М. Магомедову за это важное указание.

[Содержание]

Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16
www.ridr.ru

Подписано в печать 06.04.2018. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 47. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97